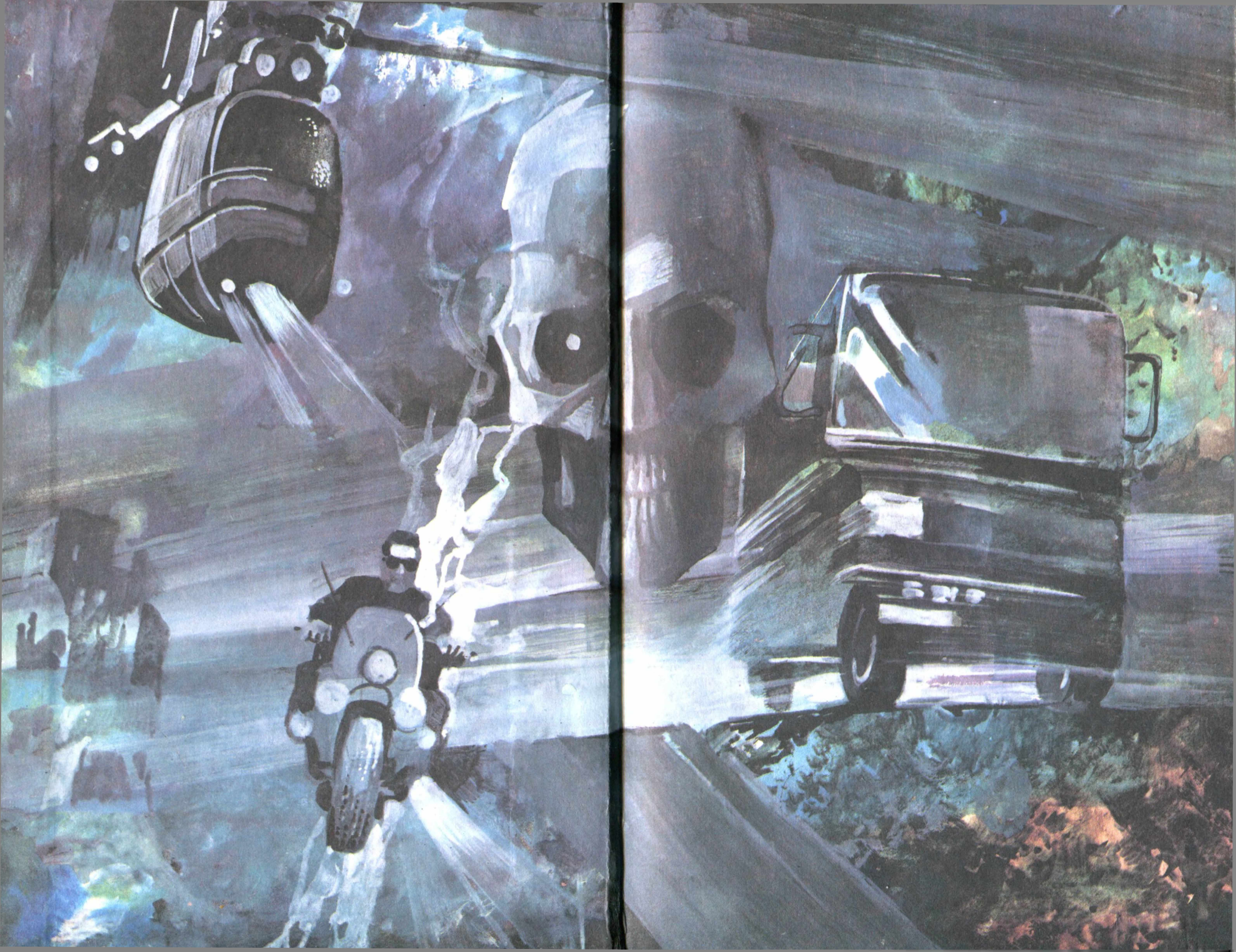

БИБЛИОТЕКА ЗАРУБЕЖНОГО КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО И ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО РОМАНА
БИБЛИОТЕКА ЗАРУБЕЖНОГО КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО И ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО РОМАНА
14
РЭНДЭЛ ФРЭЙКС
ТЕРМИ·НАТОР
ЗАРУБЕЖНАЯ ОСТРОСЮЖЕТНАЯ ФАНТАСТИКА

БИБЛИОТЕКА
ЗАРУБЕЖНОГО
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО
И ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО
РОМАНА

Зарубежная остросюжетная фантастика

РЭНДЕЛ ФРЭЙКС
В.ВИШЕР, Ф.САБЕРХАГЕН

ТЕРМИНАТОР

ТАЛЛИНН БИБЛИОТЕКА "ЛООМИНГ" 1993

И /США/

Составитель А. САЯПИН
Худож. оформлен. М. ШВЕДОВ
Иллюстрации Ю. ШУТОВ

Р. Фрэйкс

"Терминатор". Перевод с англ. Составитель А. Саяпин.- Таллинн: "Библиотека "Лооминг". 1993, 352 стр. ил. /"Библиотека зарубежн. кримин. и прикл. романа"/. Выпуск 14.

ISBN 5-7979-0412-8
ISBN 5-7979-0477-2

В четырнадцатом томе серии издательство предлагает Вам два фантастических супербоевика "Терминатор - 1" и "Терминатор - 2", выдержанных в духе нашего сериала "Звездные войны".

В рекламе "Терминатор" не нуждается, но напоминаем, что в этих романах речь идет о киборге-убийце, направленном из далекого будущего на Землю с целью уничтожения матери вождя повстанцев, возглавившего жестокую, бескомпромиссную борьбу людей с роботами-убийцами.

Как бы продолжением данных романов, повествующих о схватках человечества с машинами в просторах далеких Галактик, является повесть "Киборги-убийцы" и рассказ "Гладиаторы", принадлежащие перу знаменитого Ф. Саберхагена. Публикуются на русском языке впервые.

Ф $\frac{470310100-3}{904/15/93}$ /БЕЗ ОБЪЯВЛ./

ISBN 5-7979-0412-8
ISBN 5-7979-0477-2

© Библиотека «Лооминг», 1993г.

В. Х. ВИШЕР
ТЕРМИНАТОР–I

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Лос-Анджелес, Калифорния, обсерватория Гриффит-парк. 9 марта 1984 года. Пятница 3.48 утра

На оштукатуренной стене, тянувшейся вдоль посеребренного луной здания обсерватории, виднелась кое-как наляпанная краской надпись «История мертва». Авторство надписи принадлежало, вполне возможно, заучившемуся студенту, у которого плохо с юмором. Или один из банды местных чиканос, совершая обход территории, решил украсить стену каламбуром. Правда, не исключено, что человек, написавший эти слова, знал, что они соответствуют истине.

Строение, увенчанное тремя куполами, освещал единственный матовый фонарь над входом. Ничто не нарушало тишины. Участок парка, прилегавший к обсерватории, содержался в образцовом порядке, а на стоянке машин мартовский ветерок, разметав гору бумажного мусора, прибил остатки пожелтевших газет к обезображенной надписью стене.

В свое время обсерватория служила ученым подлинным окном в космос. Однако научный центр, открывавший специалистам уникальную возможность наблюдать с высоты горных вершин за ходом космических часов, просуществовал здесь недолго. Работу телескопов затрудняла густая паутина огней над раскинувшимся в долине городом, а ставшее непроницаемым с годами тяжелое облако смога и выхлопных газов сделало наблюдение за небесными светилами невозможным.

Обсерватория бездействовала, пока ее не превратили в обычный планетарий. Для развлечения посетителей под сводами куполов изобразили картину звездного неба, за точность которой давно уже никто не ручался. С появлением лазерных сеансов — ужасающая смесь рок-музыки, световых эффектов и всевозможных оптических трюков на космические темы — бывший храм науки стал приманкой для туристов, своего рода Диснейлендом. В поисках новых развлечений взамен поднадоевших кино и поп-концертов стекались сюда и школьники. И еще одна, совершенно особая, достопримечательность привлекала публику в Гриффит-парк — неповторимый вид Лос-Анджелеса, который открывался с высокогорного плато, где была устроена стоянка для автомобилей. Всего на тридцать, самое большее сорок дней в году небо над городом очищалось от смога, и парочки, задержавшиеся в машинах после ночного сеанса лазерного шоу, могли завершить программу развлечений созерцанием великолепного зрелища блистающего огнями города. Четкие, словно прочерченные резцом, контуры небоскребов вырисовывались на фоне

бархатно-черного неба. Картина, может быть, и не столь динамичная, как цветомузыкальные оргии в обсерватории, но не менее захватывающая. Преимущество этого аттракциона состояло в том, что вы могли досмотреть его до конца, покуда ветровое стекло машины не запотевало от предрассветного тумана, либо завершить в любой момент — это, если зрительные ощущения отступали перед ощущениями совсем иного рода.

Впрочем, даже если вы приезжали сюда не с девушкой, а в гордом одиночестве, подъем в гору стоил того, чтоб его осуществить. Но, разумеется, в хорошую погоду и по сухой дороге. Буксовать на скользкой, ухабистой тропе, когда машину поливает дождем, а над панорамой города нависают грозовые тучи, сплошным фронтом идущие с гор Санта-Моника, удовольствие ниже среднего. А потом не было ничего удивительного в том, что единственной машиной, поднимавшейся в эту ненастную, штормовую ночь по крутой дороге Вермонт Каньон, оказался неуклюжий оранжевый мусоровоз муниципальной хозяйственной службы.

Дел Рей Гойнес запустил руку в правый карман комбинезона, увеличивая до максимума громкость плохонького портативного кассетника. Би Би Кинг как раз выдал на своей гитаре виртуозный блюзовый аккорд, который особенно нравился Делу. Грузовик медленно тащился вверх. Дел прибавил газу, и последние аккорды Б. Б. Кинга заглушил гул двигателя. Проклятые наушники! Ну, легкие, можно сказать, невесомые, зато пропускают все посторонние звуки. Нужно будет купить такие, как раньше делали. Пусть они закрывают все ухо, зато уж, будьте уверены, никаких посторонних шумов. Шоферам городского транспорта запрещалось пользоваться на работе наушниками. Ну и что из этого, мать вашу? Для нормального парня что важнее: музыка или мусор, который таскаешь целыми днями? Если заметят, что он берет с собой на работу магнитофон,— опять останешься без работы. Хотя такую работу он, понятное дело, в гробу видал. А куда денешься? Есть-то надо. Алименты Лиэнне выплачивать тоже. Потом еще этот чертов домовладелец. К тому же еще и собака.

Зарабатывает он сейчас неплохо. Ну так ведь и у дога хороший аппетит. Да и сам Дел не какой-нибудь там доходяга — и в худшие-то времена меньше сотни килограммов не весил. Но, что ни говори, а перетаскивать мусор из одного конца города в другой — это отнюдь не та работа, о которой он мечтал. С настоящей работой он покончил ровно двадцать два года назад. Был он тогда защитником в команде Хьюстон Ойлерс и отыграл два очень удачных сезона. Оказалось, что на этом Хьюстон Ойлерс и выдохлась. Сам же он вступил в черную полосу. Сначала травма колена. Потом развод. Из команды, конечно, тут же выставили. Те немногие сбережения, что оставались у него, осели в карманах более везучих партнеров по картам. А после этого судьба помотала его как следует. Бывало даже ему везло, почаще его тыкали носом, ясное дело во что. И кто он теперь? Мусорщик. Пардон, инженер-эксплуатационник городского отдела очистки к вашим услугам. Даже на этот вонючий грузовик он устроился по протекции. Старый дружок по команде замолвил словечко.

Подъем в два часа ночи. От одного этого охренеть можно. Тащишься в своей колымаге подбирать объедки после чужого пикника и весь день потом не можешь отделаться от вони, которая преследует тебя точно какое-то заживо гниющее животное.

Он резко включил низшую передачу. Предстоял последний крутой подъем, и нужно сбавить скорость. Двигатель затрясся отвратительной мелкой дрожью, от которой завибрировала кабина, ходуном заходил руль. Дел направил свой мусоровоз на стоянку обсерватории и от неожиданности остолбенел, едва не наскочив на серый «шеви-малибу-68», перекрывший ему путь. Потом изумление, которое он испытал при виде препятствия, переросло в обиду. Еще бы: нашелся человек, решивший испохабить его и без того малоприятное занятие. Рядом с автомобилем нахально стоял мальчишка, и не какой-нибудь там цветной, а белый парень, и спокойно мочился прямо на капот машины. На парне была черная кожаная куртка, увешанная цепями. Волосы, выкрашенные в алый цвет, стояли торчком, как у Баквита из группы Литтл Раскалз; серые штаны комбинезона заправлены в высокие военные ботинки. Ясное дело, панк-рокер или как там их называют. Дел с силой нажал на педаль тормоза и крутанул руль. Этот сопляк и глазом не моргнул, хотя грузовик Дела подъехал вплотную и едва не задел его бортом. Дел бросил взгляд в зеркало бокового обзора. Он-то ожидал, что мальчишка хотя бы отскочит в сторону. Как бы не так. Тот продолжал заниматься своим делом, не обратив ни малейшего внимания на огромный мусоровоз, едва не задевший его. К тому же ему удалось обрызгать заднюю шину Дела.

Дел опешил от такой наглости. В бешенстве ударил по центру руля. Вой сирены, огласивший округу, поднял бы и мертвых с того света. «Сопляк наверняка уже в штаны наложил»,— подумал Дел и снова взглянул в зеркальце. Но мальчишка даже в сторону не отскочил. Не обращая ни малейшего внимания на огромный мусоровоз, он продолжал заниматься своим делом. Мало того, умудрился полить еще и колеса грузовика.

Дел в ярости повернул назад, а парень и не подумал сойти с места. Придурок чертов. Пусть только попадется ему на обратном пути — Дел научит его культурному поведению.

На бампере у него красовалась табличка: «Эта собственность застрахована компанией Смит и Вессон»*. И это был не пустой треп. И пусть Дел таскал с собой всего-навсего купленный у свояка за семьдесят долларов пистолет двадцать второго калибра, пусть до сих пор стрелять ему приходилось только по банке из-под пива — взять на мушку и нажать на спусковой крючок премудрость не велика. Он пересек асфальтовую дорожку, направляясь к мусорным контейнерам. В ушах вновь зазвучала мелодия в исполнении Би Би Кинга..

Дел уже начал было успокаиваться, но тут вдруг вспомнил, как получилось, что он стал таскать с собой оружие. Дело не только в том, что поножовщина и выяснение отношений между бандами стали в парке обычным делом. Он сам однажды попал в скверную историю. Случилось это недели через две-три после того, как его приняли на работу. Ночью, примерно в это же время, и даже в этой самой части парка. Он поднимал бак, чтобы вытряхнуть его содержимое в контейнер, как вдруг что-то с глухим ударом обрушилось на капот машины. В полиции ему сказали, что убийство совершено наркоманами. Может быть. Ему было достаточно того, что он видел своими глазами: исполосованное

Смит и Вессон — одна из систем револьвера (прим. перев.)

ножом тело восемнадцатилетнего парня, распоротый живот и внутренности, вывалившиеся на ветровое стекло. После этого Дел не выезжал на работу без оружия. В Лос-Анджелесе полно бандитов. И, между прочим, белые от цветных не отстают. Он еще раз бросил взгляд в зеркало, но парня уже не было видно. Дел поехал вдоль стены, которая привела его в тупик, где стояли мусорные контейнеры. Он развернулся, чтобы подцепить краном первый ящик. Только теперь он начал понемногу отходить. «Слабак ты стал, Дел»,— пронеслось в мозгу. В эту ночь он провозился с мусором дольше обычного, часто отвлекался, поглядывая в зеркало — мало ли что.

Когда неуклюжий мусоровоз подъезжал к стоянке Марк Уорфилд как раз был занят своим непристойным дело. Внутри у него все похолодело, сердце заплясало: ни дать, ни взять, кенгуру под прицелом охотничьего ружья. И тут он сообразил: это не просто грязная колымага, это сама судьба устраивает ему проверочку на вшивость. Как, мол, не сдрейфишь, когда на тебя прет на полном ходу эдакая каракатица, набитая дерьмом? Да плевал он на нее. Еще и полить ее может. Вот так.

Что он и проделал.

Он засовывал свое хозяйство в штаны, когда дико взвыла сирена. Он даже виду не подал, что перепугался, но здорово ободрал палец о молнию на брюках.

Все это походило на заговор, направленный против него. «Заговор судьбы»,— пульсировало в воспаленном мозгу. Сначала подсунуть ему эту гнусную вонючку с мусором. Потом оглушить его нестерпимым воем, а теперь еще кто-то невидимый норовит укусить его за палец. А вот вам! Видели? Не на такого напали. Все словно договорились доконать его сегодня. Вон и земля уходит из-под ног, плывет себе, покачиваясь. Но не тут-то было! Он чувствовал себя классным парнем, оседлавшим серфинг. Доску, точно легкую щепку, мотает по волнам, а он, настоящий профессионал, уверенно прокладывает себе путь в штормовом море. Но, как он ни пыжился, земля одержала над ним верх. Она вдруг оказалась у самого его лица и больно саданула по щеке. Искры посыпались из глаз, и он точно со стороны услышал собственный стон. На лбу расплывался здоровенный синяк. Марк заставил себя ухмыльнуться. Дружки-то покатывались со смеху. Над ним, конечно. Дружки называется. Коротышка Джонни, подонок, каких поискать, хотя в драке ему и нет равных. Кличка у него тоже была подходящая — Котекс*. И костлявый Рик в драном плаще, который болтается на нем, точно на скелете. Корешки, в общем. Свои ребята, понятно. Но до чего же они ему осточертели. Сегодня он кого-нибудь из них проучит.

Рик и Джонни отплясывали дикарский танец вокруг непочатых бутылок с пивом, расставленных возле телескопа на краю смотровой площадки. Марк знал, что ребят отделяют от него миллионы и миллионы миль, но он слышал их идиотские крики, будто они от него всего в десяти ярдах. Из магнитофона неслось «Давай повоюем» в исполнении группы Фиэр.

Начали они все втроем в ночном клубе. Марк помнил, как они дергались возле самой сцены, махали руками, набирая обороты, потом их понесло на улицу. У стоянки машин их здорово завели эти чертовы рок-фэны.

---

*Вид презерватива (прим. перев.)

Одного из них Котекс зафутболил головой в окно собственной машины, остальные быстренько слиняли. А их, возбужденных алкоголем и легкой победой, потянуло на новые подвиги. Все трое втиснулись в машину Рика и принялись колесить по городу — куда глаза глядят. Акулы, высматривающие добычу... Так они мотались, пока неожиданно для себя не оказались в горах.

У Марка вырвался стон. Или смешок. Иной раз сам не поймешь, стонешь ты или смеешься. Котекс и Рик затеяли драку. То есть они двинулись друг на друга, примеряясь к первому удару. Сейчас бутылки разобьют. Какое свинство, ведь ему так хочется пить. Он пополз к ним.

Свинцовые тучи сгущались над обсерваторией. Сверкнула молния. Делу вовсе не улыбалось вымокнуть до нитки, а потому он поспешил закруглиться с уборкой. Не донеся содержимое последнего контейнера до машины, он вывалил его прямо на дорогу. Следующая вспышка молнии блеснула над головой Он представил газетные заголовки: «Работник городского отдела очистки убит молнией». Ну уж нет. Дел нажал на акселератор, мотор беспомощно фыркнул и заглох. Мало того, мигнули и потухли фары, оборвалась мелодия Би Би Кинга.

Не хватало застрять в этой чертовой глуши, в нескольких милях от телефонной будки, до которой еще ехать и ехать по плохой дороге.

Он повернул ключ в замке зажигания. Без толку.

Зараза!

Хоть бы стартер шевельнулся.

И тут что-то словно толкнуло его. Мурашки побежали по спине. Он сообразил, что кассетник работает на батарейках и выключаться ему, даже когда отказывает мотор, нет ни малейшего резона. В воздухе ощущалось странное напряжение. Дел с силой грохнул кулаком по щитку. Куча дерьма, а не машина!

Дел распалялся все больше и больше, кляня злосчастный мусоровоз на чем свет стоит, но то, что случилось в следующую секунду, никак нельзя было объяснить поломкой мотора. Над кабиной вспыхнул искрящийся огненный шар, и в лицо Делу будто сверкнули одновременно тысячи камер. Он шее раз попытался повернуть ключ в замке зажигания. Бесполезно. Бензин, видно, кончился. Огромный раскаленный сгусток прорвал пелену облаков и завихрился вокруг мусорного контейнера. Кто его знает, что это за явление такое, но смотреть было жутко. Повинуясь неосознанному инстинкту, Дел отдернул руку с металлического подлокотника, отшвырнул ключ, сорвал с головы наушники. Ботинки на нем были резиновые. Кажется, резина — хороший изолятор. Неплохо бы выяснить, изолятор блокирует проводимость или, наоборот, способствует ей. Мама, как не хочется поджариться на этой сковородке!

Воздух наполнился потрескиванием и свистом, напоминавшими помехи в эфире, когда настраиваешь приемник. С каждой секундой шум усиливался, переходя в басовитое гудение, похожее на мощный гул трансформатора.

Больше всего на свете Делу хотелось сейчас выскочить из кабины и бежать без оглядки, но что-то подсказывало: не шевелись, это верная смерть. Молния, разгулявшаяся вокруг машины, была необычная — языки холодного пламени лизали кабину, белые и кроваво-красные вспышки полыхали совсем рядом.

Сияние огней, мелькание разрядов слились в один нестерпимо яркий вихрь энергии. Дел почувствовал, как зашевелились волосы у него на голове, словно поднятые ветром, хотя окна в кабине были закрыты. Через мгновение волосы у него встали торчком, как у того панка, что попался ему у въезда на стоянку. И все эти штуки с волосами происходили вовсе не потому, что он так уж перетрусил, хотя, конечно, в первую минуту и это случилось, но потом-то он взял себя в руки. Дело в том, что воздух внутри кабины внезапно наэлектризовался, как случается после грозы, и наполнился запахом озона.

У Дела заложило уши. Видимо, подскочило давление. Ослепительный шар взорвался тысячами алых костров, что-то возникло в его центре под грохот и гул таинственных сил.

Очередной скачок давления, и стекло кабины, не выдержав, разлетелось вдребезги. Дел едва успел пригнуться, чтобы дождь осколков не попал ему в лицо. Воздух из машины со свистом устремился наружу. И все начало понемногу успокаиваться.

Дел медленно распрямился и стал ощупывать порезы. Кажется, ничего серьезного. Только в ушах по-прежнему пробки. Так бывает при контузии. Он несколько раз придавил уши ладонями. Не помогло. В горле пересохло — не сглотнуть. Но все это пустяки. Он не мог оторвать взгляда от клочковатого, туманного облака, сгустившегося на месте взрыва. В самом центре облака, где только что не было ничего, темнели очертания фигуры. И тут ему стало страшно.

Он понял, что это смерть пришла за ним. Дел не сомневался: он стал очевидцем явления сверхъестественных сил. Не было у него оснований надеяться на милосердие того, кто явился с того света — Дел Гойнес за свою жизнь погрешил достаточно. Что ж, смерть нужно встретить достойно.

Дел заставил себя смотреть туда, где двигалось нечто, пришедшее из потустороннего мира.

Он видел, как дышало это существо. Неясные вначале контуры медленно приобретали резкость, позволяя угадать фигуру обнаженного мужчины. Подстриженные по-военному волосы еще дымились. Тело покрывал белый, похожий на муку порошок, который, осыпаясь, обнажал младенчески розовую кожу. Только младенец был футов шести с лишним ростом.

Дел встречал парней и покрепче, когда играл в команде Хьюстон Ойлерс, но столь идеального сложения видеть ему не приходилось. Ритмичные сокращения мускулатуры хорошо обрисовывали скульптурное совершенство торса. Форма руки была вылеплена так, что по ней можно было изучать законы симметрии. Мощная округлость бицепсов сужалась, переходя к локтю, и снова расширялась ниже локтевого сгиба. Завершалась линия руки почти изящным запястьем и длинными, сильными пальцами, которые то сжимались в кулак, то выпрямлялись.

На футбольном поле такому бы цены не было. Делу с ним не сладить, куда там. И он уже знал почему. Был бы тот просто сильнее, тогда еще... Но Дел увидел его лицо. Невероятно! Казалось, живое человеческое лицо несло на себе печать мертвящего холода. И самое страшное — глаза. Взгляд зоркий и одновременно ничего не выражающий. В этих глазах отражалась смерть. Неумолимая, беспощадная смерть, которую люди представляют себе в разных

обличьях, но такой — немыслимо реальной, лишенной всякого чувства — никогда. Взгляд человека был направлен на Дела. Пришелец стоял так близко, что мог дотянуться до него, а это значит — конец.

Вся его надежда теперь на ноги, хотя именно они подвели его на футбольном поле. Сердце бешено забилось в груди.

Дел толкнул плечом дверцу машины, едва не вывалившись на холодный асфальт. Больное колено задело по асфальту, и знакомая острая боль пронзила ногу. Только бы не застрять!

И Дел рванул прочь от грузовика, ощущая на себе неподвижный взгляд, державший его на прицеле.

Боль жгучей волной перекинулась с поврежденного колена на всю ногу, но Дел не чувствовал ее — летел, развивая спринтерскую скорость, и думал лишь об одном: смерть идет за ним по пятам. Внутри у него все сжалось. Он чувствовал собственный желудок, который покалывало при каждом шаге. Тошнота подкатила к горлу. Не хватает еще, чтобы его подвел живот.

Он выбежал на середину автостоянки. Там возились давешние панки. Нужно предупредить их! Мысль о сопляке, обмочившем машину, охладила его порыв. Пусть спасаются, как могут. Оно и к лучшему: подвыпившие парни, глядишь, хоть ненадолго задержат этого дьявола, что пришел по душу Дела Гойнеса, норовя вытряхнуть ее из бренного тела и завернуть в деллофан на вечное хранение.

Он улепетывал, точно последний придурок, только пятки сверкали.

Еще не так понесешься, если тебе дорога жизнь.

Проскочил мимо серого «шеви-малибу». Мимо панков, обалдевших от неожиданности. По петляющей дорожке скатился на обрывистый спуск дороги Вермонт Каньон.

Теперь он не смог бы остановиться, даже если бы очень захотел. Инерция разбега толкала его вниз по крутому склону, точно какую-нибудь щепку, затянутую в водоворот разбушевавшегося вихря. Колено все-таки не выдержало. Он грохнулся на землю и заскользил в бездну, не пытаясь противостоять неумолимо влекущей силе.

Его протащило по мокрым колючим зарослям, притормозившим его скольжение. Он остановился в двух футах от металлического заграждения вдоль проложенной над пропастью автострады. Он лежал на спине, обливаясь холодным потом. Мир, все это время окружавший его враждебным молчанием, внезапно ожил, затопив его многоголосием звуков, точно невидимая рука повернула до отказа переключатель громкости. Он услышал собственное дыхание, с хрипом вырывавшееся из груди, и зарыдал.

Дел медленно сел. Все плыло перед глазами. Бросил взгляд наверх. Дорога пуста. Шагов преследователя не слышно. Неужели повезло? Он лихорадочно вспоминал обрывки молитв, которые в него вдалбливали в детстве. В бок тыкалось что-то твердое. Он пошарил по земле рукой и нащупал согретый его телом собственный пистолет.

Никогда еще так истово и смиренно не благодарил он Всевышнего, как сейчас. За то, что Всевышний не позволил ему воспользоваться оружием. За то, что он просто-напросто забыл о существовании своего пистолета. Дел нутром чувствовал: нет такого оружия, которое способно остановить этого

оборотня. Самое страшное, слава Богу, осталось позади. Шатаясь, он поднялся на ноги и потрусил вниз по мокрой земле, прочь от планетария. С работы его теперь уж точно выгонят, но это пустяки по сравнению с тем, чего он только что избежал.

Дел Гойнес был одним из немногих, оставшихся в живых после встречи с Терминатором. На долю секунды сознание Терминатора отключилось. Властная космическая сила подавила работу всех его систем, но длилось это одно мгновение. Сразу же зрительные образы вновь приобрели четкость, активизировался мыслительный процесс. Вокруг него клубился туман, но мглистая дымка не мешала ему ориентироваться. Он видел сквозь нее. Хронопортация завершилась. Ничего особенного он не заметил. Он сделал глубокий вдох. Мгновенно проанализировал состав воздуха. Никакого отличия. Разве что Там чуть выше содержание поллютантов и азотистых соединений, чем Здесь. В момент хронопортации, переходя из одного временного слоя в другой, пришлось скорчиться в позе эмбриона, чтобы облегчить проводимость. Теперь он распрямился, держась устойчиво, уверенно, с удовлетворением ощущая идеальную слаженность всех систем своего организма. Углеродистая мазь, покрывавшая его тело, образовала надежный защитный слой, предохраняющий от ожогов. Остатки белого порошкообразного вещества увеличивали его сходство с классической мраморной скульптурой, самой гармонией и совершенством, не уступавшей творениям Родена и Бернини.

Терминатор прощупывал взглядом окружающую его местность. Метрах в четырех от него замер на асфальте неуклюжий металлический объект. Датчики считывали визуальную информацию: форма, цвет, материал. Память выдала исчерпывающую характеристику: грузовой автомобиль с дизельным двигателем производства приблизительно 1975 года, использовался для перевозки отходов муниципальными службами. Спустя еще полсекунды он идентифицировал здание, находившееся позади, как Обсерваторию Гриффит-парка. Органы чувств заработали в полную силу, собирая и обрабатывая новую информацию. Состав почвы, атмосферные условия, географические особенности территории сверялись с соответствующими данными в запоминающем устройстве. Результат положителен. Хронопортация достигла цели.

Его внимание привлекло живое существо, притаившееся в кабине грузовика. Негроидная раса, возраст около пятидесяти, вес более ста пятидесяти фунтов. По-видимому, обслуживает машину, в которой находится. Лицо человека выражало нескрываемый ужас. Взрыв, сопровождавший хронопортацию, сжег двигатель грузовика, выбил стекла в кабине. Терминатор настроился на человека. Анализ телодвижений, даже самых мимолетных, почти незаметных со стороны, позволял Терминатору прогнозировать уровень опасности, исходящей от объекта. Уровень потенциальной угрозы данного лица был оценен Терминатором как предельно низкий. Человек еще не успел выскочить из машины, а сигналы мускульных сокращений уже подсказали Терминатору наиболее вероятное направление его бегства.

Мозг и тело Терминатора полностью перешли в активный рабочий режим. Человек в панике бежал на стоянку. Терминатору ничего не стоило нейтрализовать его. Если бы он счел это необходимым. В настоящий момент человек не представлял для него интереса. Терминатор сделал несколько

пробных шагов, проверяя координацию движений. Моторные функции организма были в полном порядке.

Он подошел к самому краю площадки и бросил взгляд на город, сияющий огнями в долине. Автоматически наложил хранившуюся в памяти карту на открывшуюся перед ним панораму Лос-Анджелеса. Он уже видел перед собой улицы и магистрали, вспоминал их названия. И стал обдумывать план действий. Перед его мысленным взглядом прошли несколько минут, истекшие с момента прибытия. Вырисовывался существенный недочет. Теперь придется использовать другие варианты. Лос-Анджелес многолюден даже ночью. Нетрудно будет отыскать человека с похожей фигурой и подобрать себе одежду по размеру. Он застыл, всматриваясь в мирно спящий город. Великолепно сложенный, напрягшийся, словно готовясь к решающему прыжку, нагой атлет на пронизывающем ветру. Банк данных, связанных с предстоящей операцией, продолжал расширяться, занимая все новые блоки его памяти. Интеллект Терминатора позволял ему в кратчайший срок выработать и просмотреть десятки стратегических планов, чтобы остановиться на оптимальном.

Марк все-таки поднялся на ноги. Гремучая смесь алкоголя и наркотиков подстегивала его, точно заводную куклу, толкала на дружков. Ну, врежет он им сейчас так, что никому не поздоровится! Начнет с Котекса. Марк рванул его что было силы за цепи, свисавшие с плеч, точно эполеты, и швырнул на металлическую ограду площадки. Удар был настолько сильным, что Марк сам едва устоял на ногах, но надо было держаться — поверженный противник поднялся и ринулся на своего обидчика.

Они схватились в яростном, потном объятии и покатились по земле, мутузя друг друг почем зря, пока не налетели на подставку телескопа, возле которого торчал, присматриваясь к чему-то, Рик. Не долго думая, Рик хватил Марка по голове початой бутылкой пива, и тот свалился, политый пеной и обсыпанный осколками. Затем метким ударом тяжелого ботинка отправил в нокдаун Котекса. Грохнувшись, тот сшиб кассетник. Магнитофон треснул и замолчал. Последние судорожные всхлипывания группы Фиэр разнесло далекое эхо.

Разделавшись с Марком и Котексом, Рик вернулся к телескопу и продолжил изучение автостоянки с помощью оптической техники. Изумленное выражение на его лице сменилось понимающей ухмылкой человека, всегда готового оценить хорошую шутку.

— Эй, вы,— крикнул он, подзывая приятелей как ни в чем не бывало, словно это не он только что огрел одного из них бутылкой.— Эй, вы, посмотрите! Вот кино так кино!

Он поднял перед собой вытянутые руки и сомкнул их, что должно было изображать не то телеэкран, не то объектив кинокамеры. Марк с любопытством заглянул в этот самый экран.

И вытаращил глаза.

Котекс долго присматривался, словно не веря тому, что видит. Потом пьяно захихикал. Прямо на них двигался офигенный культурист из тех, что слоняются по пляжу Масл-бич, демонстрируя ненатурально роскошные тела, едва прикрытые узкой полоской плавок. На этом отсутствовал необходимый минимум гардероба, и гулял он не по берегу моря, а по городскому парку. Среди ночи. Под дождем.

— Смотри, подруливает к нам.

Позабыв об имевших место разногласиях, Котекс шагнул к ребятам и встал рядом. Рик шаркнул по земле тяжелой подошвой солдатского ботинка. Это свидетельство о том, что настрой у него самый серьезный.

— Сейчас мы этому ублюдку организуем неслабый кайф,— прошипел он через плечо.

Рик злобно оскалился, и Марк понял, что сейчас начнутся настоящие неприятности.

Голый красавчик, не дрогнув, приближался к ним, устремив на приятелей холодный, немигающий взгляд. Нехорошие предчувствия охватили Марка. Что-то подобное, по-видимому, происходило и с Котексом, потому что он вдруг сказал:

— Послушай, Рик, охлади мотор, а?

Рик презрительно отрезал:

— Видал я таких в гробу. Думаешь, драться умеет? Такие только и могут, что кривляться перед зеркалом, а как до дела доходит, так у них все опадает. Не дрейфь, ты меня знаешь.

Котекс расслабился. Поверил. Марк же понимал, что тут концы с концами не сходятся. Уверенная поступь незнакомца и его тяжелый, бестрепетный взгляд подсказывали Марку, что тот не блефует.

Правая рука Рика скользнула в карман куртки, разукрашенной цепями и заклепками. Это был сигнал, по которому Марк и Котекс тут же схватились за свои ножи. Ладонь Марка вспотела. Страх отступил перед азартным ожиданием хорошей драчки. Чего бояться? Он вместе со своими. Им только дай заметить, что он трусит. Живо отошьют.

А он не хотел, чтобы его отшили.

Он сделал шаг вперед.

Голый фраер тяжело шлепал босыми ногами по мокрому асфальту. Тело его было покрыто белесыми разводами какого-то порошка, придавая этой невероятной фигуре сходство со статуей эпохи Ренессанса, тронутой пылью веков.

Подойдя чуть ли не вплотную к тронце, он остановился. Руки все так же небрежно опущены. Как по команде «вольно».

Они расступились, окружая его.

Физиономию Рика обезобразил хищный оскал.

— Отличный вечерок для прогулки,— угрожающе процедил он.

Чужак перевел ничего не выражающий взгляд с одного панка на другого, и, уставившись своими зенками в лицо Рику, произнес:

— Отличный вечерок для прогулки.

Марк даже ахнул. До того похоже на Рика это прозвучало. Но говорил-то не Рик.

Трава, конечно, стоящая, если только лишку не хватишь. А то, бывает, так накуришься, что потом всякая чертовщина мерещится.

Уже и сам не поймешь, то ли кемаришь, то ли правда это.

Рик, покачиваясь, переступал с одной ноги на другую.

— Ага,— продолжал взощряться он,— я понял. Завтра банный день, а он с вечера постирал все свои шмотки. Точно? — Придурок повторил, в точности воспроизводя интонацию и тембр Рика.

— Он с вечера постирал все свои шмотки. Точно?

«Мозги нам полощет»,— подумал Марк, но тут же опешил от собственной догадки. « А что, если это каратист-дзюдоист сраный? Может, у него такая манера развлекаться, снять штаны и к мужикам прифакиваться?» И Марк сжал рукоятку ножа. Сейчас харакири делать будем.

Котекс, забавляясь, выбросил вперед руку и несколько раз щелкнул пальцами перед носом типа. Тот и глазом не моргнул, продолжая сверлить их своим странным взглядом.

А Котекс уже входил в штопор.

— У парня, видать, крыша поехала,— потешался он.

— Твою одежду,— размеренно произнес незнакомец.— Давай сюда.

Это прозвучало, как гром среди ясного неба. Даже беспабашный Рик обалдел от такой наглости и перестал улыбаться, но быстро пришел в себя и принялся лыбиться еще тошнотворнее.

— Быстро! — скомандовал человек.

Вот тут-то улыбочку Рика словно корова языком слизала.

— Ну держись, подонок, мать твою!

«Вляпались-таки в дерьмо»,— пронеслось в голове у Марка.

Марк и пошевелиться не успел, как нож Рика, молнией блеснувший в темноте, оказался у самого горла культуриста. Они с Котексом тоже не заставили себя дожидаться. По-военному четко, стремительно — не зря они вон сколько тусуются вместе, всякое бывало — приставили свои ножи к глотке голого верзилы.

Чисто. Аккуратно. Гарантийно сработано.

Одно настораживало: пора бы плейбою и струхнуть, а он все смотрел на них своим бессмысленным, отрешенным взглядом.

До Марка стало доходить, что вышел крутой облом. Но тут все мысли вышибло, стоянка бешено завертелась перед глазами — на лицо ему с размаху опустилась бейсбольная бита. Он сразу и не понял, что не бита это вовсе, а кулак противника, мелькнувший с непостижимой скоростью.

Марк отлетел к заграждению, успев увидеть, как следующим ударом детина катапультировал Котекса, и тот без единого звука шмякнулся оземь. Мертвый.

Рик ухитрился сделать обманный выпад и бросился с ножом на голого качка, вложив в удар всю силу. Нож по рукоять вошел тому в живот и... скользнул по твердой поверхности. Может, ребро? Какое еще ребро пониже пупка?

Рик выдернул окровавленный нож и размахнулся для последнего удара, но в этот момент его настиг мощный удар громилы. Натурально въехал. Марк, похолодев от ужаса, смотрел, как рука человека по локоть погрузилась в грудь Рика. В глазах парня, выкатившихся из орбит, застыли изумление и боль.

Терминатор с размеренностью механического пресса вновь поднял кулак. На секунду, одну бесконечно долгую секунду, ботинки Рика зависли над землей. Перед Марком предстали вздернувшиеся ноги повешенного, из-под которого выбит стул. Чудовищный хруст переломанных костей, и рука Терминатора вернулась в прежнее положение.

Когда Рик обмякшим кулем рухнул на асфальт, он был уже мертв. «Пробил ему грудную клетку и вышиб позвоночник»,— пульсировало в мозгу содрогнувшегося Марка.

Терминатор повернулся к последнему из подростков, еще оставшемуся в

живых. Марк не выдержал взгляда его свинцово-серых глаз, в которых, точно из наведенного дула, смотрела сама смерть.

Терминатор шагнул к нему, и Марк в ужасе попятился. Руки Терминатора были по локоть в крови. Крови Рика. «Он пробил ему грудную клетку!»

Марк, спотыкаясь, отступал, пока не почувствовал спиной леденящий металл заграждения. Метнулся было в сторону, еще надеясь на что-то, и снова уперся в ограду. Загнан в угол! Страшный человек медленно и неотвратимо приближался к Марку.

Он сообразил, что нужно делать, и начал снимать одежду. Протянул убийце куртку, словно защищаясь ею, моля о пощаде, и оттягивая страшный конец... Только бы выиграть время... Убежать из этого проклятого места... Домой, в постель... Забиться под одеяло... Отогнать кошмар...

В одном он был прав. Покорность, с которой он отдал свою одежду, помогла ему выиграть время. Он жил еще четырнадцать секунд.

Лос-Анджелес. Центр. 4.12 утра

Ровно двадцать четыре минуты спустя после событий, описанных в свойственной нашему измерению линейной прогрессии времени, и в восьми километрах от обсерватории Гриффит-Парк в воздухе вновь повисло странное напряжение.

На этот раз воздух сгустился над переулочком позади Бродвея. Приблизительно в том месте, где Бродвей пересекается с Седьмой улицей. Первыми из окрестных обитателей, почувствовавшими неладное, были крысы. По этому случаю временно прекратив опустошительные набеги на помойки, крысы принялись недоуменно принюхиваться. Неясное, едва уловимое обещание угрозы почуяли они в воздухе. Когда же переулок осветился слабым сиянием, непохожим на обычную предгрозовую вспышку, а больше напоминающим призрачное сверкание молнии над бескрайней поверхностью океана, полчища крыс, побросав драгоценную добычу, со всех ног понеслись в убежище.

Отвратительное шуршание крыс по листу мокрого картона разбудило Бенджамина Шанца, пребывавшего в состоянии длительного пьяного забытья. Картонный лист служил ему и крышей, и защитой от непогоды. Шанц продрал глаза и грязно выругался, пригрозив кулаком неизвестно кому. Потом опять скрючился, приноравливаясь к своему жесткому ложу и, невразумительно бормоча, заснул.

В просвет между зданиями виднелись блестящие стеклом и металлом круглые башни отеля «Бонавентура». Всего четыре больших дома отделяли жалкое пристанище Шанца от роскошного отеля, который представлялся опустившемуся забулдыге видением, пришедшим из мира иного, бесконечно удаленного во времени и пространстве от его собственного одинокого и никчемного существования. В редкие минуты просветления Бен занимался тем, что размышлял о превратностях подлой судьбы, которая и без того покинала его в жизни, забросив в конце концов на эту мусорную свалку. А ведь один из его дружков по колледжу, подумать только, сейчас подвизается на большой киностудии. Главным администратором. Вот она, судьба!

Состояние, в котором он находился в эту минуту, было весьма далеко от просветления. Ветер, налетевший неизвестно откуда, давно уже низко и

натужно гудел над его картонной хибарой, а он все еще не замечал ни зловещего потрескивания в воздухе, ни ураганных порывов, взметнувших вверх кучи тряпья и обрывки газет, ни удивительного алого свечения, заливавшего переулок. Легкое потрескивание, раздававшееся отовсюду, превратилось в завывающий шум помех гигантского радиоприемника. Мусор, поднятый ветром, закружило в сумасшедшем водовороте.

Шанц опомнился лишь когда снесло его картонную крышу. Он скорчился, зажмурил глаза и заткнул уши, чтобы не видеть, как багряные языки молний лижут политую дождем каменную стену, жадно извиваясь в поисках любого металлического предмета. Молния, точно живая, перекидывалась на заржавевшие пожарные лестницы, и, обезумев, металась вверх и вниз по водосточным трубам. Над домами переулка расцветали огни святого Эльма*. Гудение помех переросло в невыносимый рев, который едва выдерживали барабанные перепонки. Оконные стекла разлетались вдребезги, низвергаясь внутрь помещений каскадом осколков. Адский вой сигнальной сирены довершал свистопляску.

Бен был не робкого десятка. Всякого, слава Богу, повидал на своем веку. Но в такую переделку попал впервые. Предрассветное небо осветилось пожаром искр, спустя долю секунды громыхнул чудовищный взрыв.

Когда хронопортация завершилась, и Кайл Риз, пройдя во встречном направлении временной континуум, материализовался в нужной точке пространства и времени, траектория его движений сместилась. Тело Кайла Риза обрело свои очертания на высоте двух метров от земли. Несколько секунд он висел в воздухе, покуда сила тяжести не потянула его вниз, и он не упал на мокрый асфальт.

Обнаженный, дрожавший от холода, он лежал, подобрав под себя колени и закрыв глаза. Судорога, которой свело мышцы, не давала ему распрямиться.

Как только произошел взрыв, сплошная стена неумолкаемого гула, окружавшая зону хронопортации, исчезла. Гудение стихло, и только шуршание бумаги, неспешно, плавно оседавшей на землю, напоминало о только что бушевавшем здесь огненном вихре.

Первым ощущением Риза был отвратительный запах сгоревших волос. От этого запаха он задыхался. Боль пронизывала каждую клеточку его тела. Его не предупредили, что это будет вот так. А, может быть, они сами не знают? Какая адская боль!

Он сделал неглубокий вздох. Собирался с силами, потихонечку, малыми порциями впуская в себя перенасыщенный озоном воздух. И лишь освоившись, вдохнул по-настоящему. Самым неприятным при переброске — чувство переполненности воздухом. Казалось, все твои внутренности надуло и подвело вверх, к самому горлу. Наконец-то и это прошло. Он открыл глаза, но призрачное мелькание космических сполохов все еще заслоняло от него картину ночного города.

---

*Огни святого Эльма — электрический разряд в атмосфере в форме святящихся пучков, возникающих на концах высоких предметов при большой напряженности электрического поля (прим. перев.)

Мало-помалу острота пережитого начала стираться. Срабатывали механизмы самозащиты организма. Память не в состоянии длительное время сохранять образы такой яркости, которая превышает порог человеческого восприятия. С чем сравнить то, что он испытал? С падением в шахту бездонного лифта. Ноги у тебя перетянуты проводом, по которому пропущен ток высокого напряжения, и в одну секунду ты весь вспыхиваешь, точно лампа в тысячу свечей. Горящий напалм обжигает тебе легкие.

Прохладные струи дождя смывали болезненные воспоминания, заставляя встряхнуться. Сосредоточиться на том, ради чего он здесь. Он встал на колени, упершись в асфальт руками, и оставался так, распростертый, словно в смиренной мольбе, до тех пор, пока земля не перестала ходить ходуном. Мелкие, острые камешки царапали ладони. Пусть! По крайней мере, все это земное, настоящее. Не как в том полете на грани между бытием и небытием.

Риз поднял взгляд и увидел... глаза, изумленно уставившиеся на него поверх кучи хлама. Если бы не эти блестящие глаза, Шанц в своем тряпье, немытый и нечесаный, мог бы вполне сойти за ворох рухляди.

Риз понял, что этот опустившийся пьяница не опасен. На него можно не обращать внимания.

«Шевелись, Риз,— мысленно подгонял он себя. Вставай, солдат. Хватит валяться! В путь». Чтобы выпрямиться во весь рост, ему пришлось напрячься. Ноги еще не слушались его, когда он, пошатываясь, отошел с открытого места в густую, спасительную тень. И хоть с момента его появления здесь прошло всего несколько минут, он не переставал ругать себя за дурацкую медлительность, за то, что слишком долго провалялся, собираясь с силами. Он внимательно осмотрелся. Дома, дома. Бетон, кирпич. Стекла целы. Улицы освещены. В дальнем конце переулка мелькание желтоватых и красных огоньков. Неужели это автомобили? Довоенная Америка. Прекрасно!

Он задумчиво потер ссадину на плече. Кожа содрана. Этим местом он проехался по асфальту. Материализация началась слишком высоко над землей. Техники что-то не рассчитали. Времени у них было в обрез, и они не успели досконально изучить приборы темпорального перемещения, а уж тем более, настроить их как следует. Могло быть и хуже. Скажем, материализуешься и видишь, что тебя по колено вдавило в асфальт.

Тело его покрывали остатки белого порошка, который применялся для улучшения проводимости. Он принялся стирать разводы мокрой ладонью.

Его дело солдатское. Вопросов он не задавал. Сказали — снимай одежду. Ладно. Сказали — пойдешь один. Раз надо, значит надо. Не разрешили взять с собой оружие. Еще чего! Ну уж нет. И тут пришлось подчиниться. Металл, говорят, не поддается хронопортации. Черт с ним! Он простой боец, техникам виднее. А жаль, что у него нет оружия. Пальцы непроизвольно сжались, будто он держал в руках свой плазменный излучатель «вестингауз М-25».

Он поднял глаза. Небо над многоэтажными строениями чистое. О летающих «охотниках-убийцах» еще никто не слыхал. Откуда им тут взяться? И все-таки он продолжал настороженно изучать небо — привычка, не раз спасавшая ему жизнь. Неужто у них нет хотя бы летательных аппаратов типа «7»? Вертолетов? Есть, наверное. Впрочем, кто его знает. История для него темный лес. Разве можно запомнить, кто что изобрел? Довоенный период представлялся ему рассыпавшейся головоломкой. Всю свою недолгую жизнь он прожил среди

разрозненных осколков того, что когда-то было целым. Осколков, оплавленных в горниле войны.

Видно, больше всего при материализации у него пострадала голова. Риз заставил себя привести мысли в порядок. Обдумать положение. Принять первоочередные решения. Итак, первое. Необходима одежда. Второе. Оружие. Третье...

— Слушай, дружище,— прохрипел испитой голос.

Риз уже успел забыть о пьянчуге.

— Вот, значит, гроза, твою мать,— решил завести разговор Шанц.

«Говорит по-английски,— отметил Риз,— с американским акцентом.»

Он подскочил к Шанцу, разлепившемуся на пороге своей хижины, вернее, того, что от нее осталось.

— Раздевайся! — приказал он и потянул Шанца за рукав куртки.

— Что-о-о ?

— Поторапливайся!

Чтобы бродяга лучше соображал, Риз погрозил ему кулаком. Тот и сам понял, что дело нешуточное, и не заставил себя просить дважды.

— Не бей меня,— взмолился бедолага.

Затуманенное алкогольными парами сознание Шанца так и не прояснилось. Он вел долгую и безуспешную борьбу с молнией на брюках, но решение этой технической задачи в настоящий момент оказалось ему не по силам.

Риз, не мешкая, сам стянул с него вонючие брюки. Несло от них — будь здоров, но Ризу не до таких мелочей.

Шанц, пребывающий в мире своих бредней, смутно различал какую-то фигуру. Фигура вела себя странно, то появлялась в фокусе, то вдруг исчезала. Кажется, молодой парень. Лет двадцать-двадцать пять. А если по глазам судить, так и все пятьдесят. Странные такие глаза, точно у старика, много повидавшего на своем веку.

Было в лице парня что-то эдакое, нездешнее, от чего у Шанца спина покрылась мурашками, и он счел за лучшее заткнуться. Быть может, молчание и покорность сохранят ему жизнь.

Риз уже стоял в брюках и застегивал куртку, как вдруг шестое чувство подсказало ему, что рядом опасность. Долгие годы, проведенные в укрытиях, развили в нем способность чуять угрозу в самых, казалось бы, естественных шумах и шорохах. Привычка наблюдать, всматриваться, вслушиваться стала его второй натурой, потому что там, откуда он пришел, смерть подстерегала человека на каждом шагу.

Риз обернулся, чтобы увидеть улицу в дальнем конце переулка, и поспешил пригнуться. Яркий луч шарил по каменным стенам, подбираясь к Ризу. Секунда — и он заметался в круге света, точно огромное насекомое. Отчаянно моргая, он прощупывал взглядом территорию, пытаясь установить, откуда исходит этот слепящий луч. Черно-белая машина, и в ней два человека в форме. Полиция. Враги! Дождался. Если бы он столько провозился там, у себя, от него давно бы одно мокрое место осталось.

Мгновенно оценил ситуацию. Ему необходимо все то, чем располагает полицейский патруль: машина, оружие, радиосвязь. Но пока он безоружен, о стычке не может быть и речи. Только отступление! Он скользнул в черный провал между стенами соседних домов.

Отступление. Как часто слышал он это слово там, на войне, когда уходил с переднего края, неся на плече раненого товарища. Отступление — звучало в грохоте далекого боя. Сейчас он уловил это слово в шуме мотора патрульной машины.

Сержант Майкл Найдефер безуспешно высвечивал прожектором темные недра переулка. Надо же, сию минуту парень был у него на крючке, и вот тебе, пожалуйста.

— Дал деру,— признал сержант свою осечку.— Выезжай с другой стороны, а я тут пошурую.

Новичок Льюис, его напарник, послушно кивнул, и Найдефер выскочил из машины, на ходу вынимая пистолет. Завывая сиреной и вращая красно-синей мигалкой, машина выехала из переулка.

Голова Риза мелькнула в блеске фонарей на приличном расстоянии от полицейского, там, где переулок пересекала узкая аллея. Сержант набрал в легкие воздуху и припустил к перекрестку.

Риз слышал, как отъехала машина. Топот преследователя позади свидетельствовал о том, что обстановка складывается благополучнее, нежели могло быть. За ним гнался всего один. С ним он справится без труда и решит тем самым главную проблему. Оружие. Риз наступил босыми ногами на битое стекло. Многочисленные порезы саднили, кровоточили. Он усмирял боль усилием воли. Не время расслабляться.

Путь ему преградил завал мусора. Одним прыжком преодолев препятствие, он понесся в глубь перекрестка. Нырнул за поворот, и тут полицейский окончательно потерял его из виду.

Найдефер, пыхтя и отдуваясь, сбавлял темп. Пятнадцать лет злоупотребления дешевым кофе и табаком сделали свое дело. Но притормозил сержант не столько потому, что окончательно выдохся. Просто не нравилась ему эта история. Он выругался. Упустил засранца, а теперь лазай тут, как крыса по помойкам, да и пришить в этом каменном мешке могут запросто. Все нутро у него горело, точно обожженное. Устраивать такой кросс по пересеченной местности за его-то нищенскую зарплату... Да кому это надо? Если бы ему платили за такие подвиги. Он взвел курок своего пистолета и потащился к повороту.

Метнулся за угол, держа пистолет в вытянутой руке, другой рукой прикрывая живот. Никого. Опасливо шагнул в неуютное темное чрево аллеи и с замиранием сердца помедлил возле больших мусорных контейнеров. Внутри не спрячешься — с верхом набиты отбросами, а вот между ними вполне может поместиться человек.

Найдефер сжал пистолет обеими руками, напряженно ощупывая взглядом пространство между ящиками. Ничего особенного. Только какие-то деревяшки выглядывают.

Именно там, куда всматривался сержант, и притаился, вдавшись в стенку бака, Кайл Риз, не отрывавший глаз от наведенного на него пистолета. Модель старенькая, но пушка в отличном состоянии, наверняка недавно с конвейера. Оружие было хорошо знакомо Ризу. «Смит-и-Вессон» тридцать восьмого калибра, супердизайн, предназначен специально для полиции. Ему доводилось стрелять из такого. Конечно, до сорок четвертого калибра ему далеко, но это не худший вариант.

Владелец столь Необходимого сейчас Ризу пистолета был не первой молодости, грузный, запыхавшийся и, к тому же, порядком струхнувший. То, что надо.

Дождавшись, когда сержант повернется к нему спиной, Риз молниеносно выскочил из темноты и мощным ударом сбил полицейского с ног, одновременно схватив за руку, державшую пистолет. Найдефер начал сползать на землю, грохнул шальной выстрел. В следующее мгновение Риз одним рывком завладел оружием. Дело было сделано.

Он поднял поверженного блюстителя порядка на ноги и, встряхнув, прислонил к стене. Взвел курок «Смит-и-Вессона», приставил оружие к лицу еще не очухавшегося полицейского.

Сознание медленно возвращалось к Найдеферу. Прямо перед ним зияла отвратительная черная дыра — дуло его собственного табельного оружия. За ним следили внимательные глаза. Глаза старика на лице совсем еще зеленого юнца. Дичь какая-то.

Риз пока не получил ответов на множество мучивших его вопросов. Точное местонахождение участка выброски. Координаты цели. Интенсивность транспортного потока в районе операции. И так без конца. Бляха с надписью «Полиция Лос-Анджелеса», украшавшая сержантскую форму, подсказала ему ответ на главный вопрос. Он попал к месту назначения. Но оставался еще один невыясненный вопрос, ответ на который определит его дальнейшие планы.

Риз понимал, что проволочки неуместны. Вот-вот вернется второй патрульный.

— Который час? — сурово приступил он к допросу.

— Четыре тридцать.

— День?

— Пятница.

Найдефер с готовностью давал ответы, рассчитывая, что это успокоит психа. Если бы!

— Число какое? — рявкнул ненормальный.

Найдефер замешкался с ответом.

— Гм... Девятое. Девятое марта.

Риз блеснул нетерпеливым взглядом и задал всем вопросам вопрос:

— Какого года?

Слепой, животный страх парализовал волю сержанта. «Ну, дела. Год ему подавай. Псих, точно. Конец мне пришел.» Он зажмурился, ожидая пули.

Визг тормозов заставил Кайла обернуться. У входа в переулок остановилась полицейская мигалка. Из машины выскочил Льюис и, держа наготове пистолет, побежал между домами. Риз метнулся в противоположном направлении и ...замер. Путь ему преградила еще одна машина.

Окружен! Он лихорадочно озирался по сторонам.

На расстоянии вытянутой руки от него металлическая дверь с висячим замком. Он кинулся туда и, напрягши мускулы, ударил плечом чуть повыше замка. С такой силой, что дыхание перехватило. Но дверь поддалась, пропуская его в сумрачную неизвестность. Босые ноги ощутили холод кафельного пола. Извилистый, темный коридор, петляя, точно лабиринт, уводил его в глубину помещения. Он спотыкался о какие-то ящики, налетал на стены, пока впереди не замаячила полоса света из-под двери. Он разогнался

и рывком распахнул дверь.

Просторный зал освещали призрачные блики уличных фонарей. Все пространство комнаты заполняли столики и прилавки, между которыми оставались лишь узкие проходы. Он напрягал зрение, пытаясь рассмотреть помещение.

Пахло чем-то знакомым. Да, это тот самый отвратительный запах стерильности. Он напомнил ему оставленные киборгами бункеры. Когда его команда подрывников спускалась в подземные логова машин, в нос ударяла такая же вонь химических препаратов. Где-то монотонно гудели кондиционеры, но сквозь их обманчиво успокаивающее жужжание его тренированный слух уловил эхо осторожных шагов. Он здесь не один!

Риз поспешил дальше, не разбирая дороги. Главное — оторваться от преследования. Беглого взгляда вокруг было достаточно, чтобы понять: он находится средя россыпи сказочных сокровищ. Блестящие поверхности предметов, разноцветье красок.

Его занесло в универсальный магазин.

Тесный коридорчик привел его к стойкам с одеждой. Здесь, под прикрытием длинополых пальто и плащей, он, затаив дыхание, прислушался. Кровь молотом стучала в висках. Он чувствваоал присутствие враждебной силы где-то рядом. Вот оно! Трое, считая себя незамеченными, бесшумно окружали его.

Он обвел комнату цепким взглядом, не упуская ни единой мелочи. Мозг интенсивно работал в поисках выхода. Северную стену помещения занимала громадная витрина с видом на улицу. Сплошная. Как ее открыть? Мимо витрины проползла полицейская машина и скрылась вдалеке.

Маскировка! Риз потянулся и снял с кронштейна, висевшего у него над головой, первый попавшийся плащ. Набросил его на себя, и только теперь до него дошло, как он продрог. Крадущиеся шаги становились все ближе. Луч карманного фонарика упал на соседний ряд кронштейнов. Бежать!

Легче бесплотной тени, стараясь не выдать себя ни шорохом, ни скрипом, Риз выскользнул из-за вешалок и по-пластунски пополз к витрине, в которой бессмысленно улыбались манекены в элегантных нарядах. Прижался к стеклу, ощупывая каждый дюйм поверхности. Как-то ведь она должна открываться! Наверху экспозицию украшала яркая бумажная лента с надписью «Мода 1984». Он у цели!

Полицейская машина возвращалась, луч прожектора вновь задержался на витрине. «Здесь оставаться нельзя»,— решил Риз и начал отступать в глубину торгового зала. Отовсюду ему слышался сдавленный шепот, приглушенные шаги окружали его. Возле обувного прилавка он заставил себя остановиться. Где же преследователи? Кажется, все стихло. «Повезло»,— подумал Риз. Он взял пару ботинок, приложил к своим подошвам. Малы. Попробуем еще одну пару. Слишком тесны. А эти в самый раз.

В ту минуту, когда Риз, оторвавшись от погони, примерял обувь, впереди опять замелькали огни фонарей. Где спрятаться? Чуть поодаль он заметил кабинку с раздвинутыми шторками и надписью «Фото на паспорт». Риз прыгнул в нее, плотно задернул занавески и, усевшись на стул, зашнуровал ботинки.

С незапамятных времен любой пехотинец знает азбучную истину: удобная обувь для солдата так же важна, как и хорошее оружие. Риз пошевелил

пальцами в зашнурованных ботинках, приноравливаясь к обновке. Ботинки легкие, ничего не весят. Подошва тонкая. Для проселочной дороги или в лесу не годятся, а в городе — лучше не придумаешь. Сидели хорошо. Сбоку надпись «Нике». Что бы это значило? Единственным известным ему предметом с подобным названием была старинная модель баллистической ракеты.

Тонкий, прыгающий лучик пробился в щель между занавеской и полом. Дрогнул и пропал. До слуха Риза донесся слабый шорох. Фонарем посветили где-то рядом. Неразборчивое перешептывание смолкло, шаги удалялись. Риз выглянул из кабинки. Путь свободен.

Перед ним поднималась металлическая лента отключенного эскалатора. Перескакивая через ступени, Риз взлетел на второй этаж. Хозяйственные товары. Женское белье.

У юго-восточной стены он нашел то, что искал. Аварийный выход! Дверь закрыта, раму опоясывает проволока — примитивная система сигнализации. Табличка на двери предупреждала, что пользоваться выходом можно только в чрезвычайной ситуации. Может, пронесет? Риз отодвинул засов, и дверь распахнулась, не издав ни звука. Сигнализация либо отключена, либо выведена из строя перегрузкой всей местной сети во время хронопортации.

Пристроившись на площадке запасного выхода, он окинул взглядом улицу. Оказывается, он стоял прямо над пустой полицейской машиной с выключенными огнями.

По-кошачьи бесшумно, Риз спрыгнул на асфальт и согнулся, прячась за машиной. Привычка к самодисциплине заставила его еще раз произвести разведку на местности. Улица пуста. За углом кто-то есть. На всякий случай он потянул на себя дверцу машины. Невероятно, но она даже не была заперта. «Раззявы! Все на свете позабыли — так торопились меня сцапать». Он сел за руль. Ключей в замке зажигания не было. А машина ему сейчас очень нужна.

Посмотрим, чем тут можно разжиться. Главное, это, конечно, «ремингтон-850». Глаза Риза возбужденно заблестели. В его время этот вид оружия уже представлял интерес лишь как памятник отдаленной эпохи. А здесь у них весь антиквариат как новенький.

Он снял оружие с подставки и спрятал под плащом. Незаметно со стороны и всегда под рукой. Оно будет ему другом.

Риз торопливым шагом отошел от машины и повернул за угол. Теперь можно расслабиться. Три с половиной минуты назад он был беззащитнее новорожденного младенца. Сейчас одет, вооружен и нисколько не отличается от любого другого прохожего. Нужно подумать еще о деньгах, продуктах и машине. Время у него пока есть.

Черт побери! Он все-таки прорвался сюда. Сердце радостно забилось от пьянящего сознания, что он, несмотря ни на что, жив. И готов к решающей схватке. Риз прищурился, смахнув с лица капли дождя и рассмотрел изумительный довоенный пейзаж, открывшийся его взгляду. Он стоял на пересечении Шестой улицы и улицы Олив. Площадь через дорогу называлась Першинг-сквер. Неужели он родился в какой-нибудь миле отсюда? В детстве он здесь играл. Но и его детские воспоминания не сохранили ничего похожего на эту нарядную улицу, застроенную пяти- и шестиэтажными домами, обрамленную зеленой каймой парка, залитую светом.

Он пребирал в памяти недавние события. Не то что недавние, а

промелькнувшие всего десять-пятнадцать минут назад. В его измерении. Пятнадцать минут назад он шагал по глубокому подземному бункеру, возглавляя отряд взрывников.

Позади еще рвались мощные снаряды. Его ребята каленым железом выжигали это гиблое место. Камня на камне не оставляли. Хмельная радость победы кружила им головы. Люди, одолевшие роботов, ощутили свое монолитное единство и готовы были идти до конца.

Там на него все это и свалилось.

Джон, казалось, был совершенно спокоен. По нему никогда ничего не скажешь. Иначе не был бы он Джоном Коннором. Он шел рядом с Кайлом Ризом, положив сильную руку на плечо юноши и, стараясь перекричать грохот залпов, кратко излагал суть задания. Джон сам решил отправить на задание Риза.

Риз не успел опомниться, как его подвели к группе техников, колдовавших над приборами. Риз проворно сбросил форму, оружие передал товарищу. Специалисты облепили его, точно муравьи. Одни записывали его биоритмы, другие брали пробы и делали экспресс-анализы, третьи накачивали медикаментами. Джон отошел в сторону, но глаз с Риза не спускал.

Дальше события понеслись с головокружительной быстротой. Тело Риза покрыли толстым слоем сероватого желе, увеличивающего проводимость. От тошнотворного запаха препарата Риз едва не задохнулся. Его провели в тесную камеру, где он должен был остаться один. Техники вышли. Джон последний раз встретился взглядом с Ризом. Выражение, появившееся на лице генерала, поразило юношу. Так генерал смотрел на него лишь однажды, когда зачитывал приказ о переводе Риза из 132-й части в особое разведывательное подразделение, находившееся под личным командованием его, Джона Коннора.

Риз оглянулся на своих ребят. И все. Его залил слепящий свет, раздирающая боль пронзила тело. Он очнулся на холодном тротуаре Лос-Анджелеса.

И вот он стоит под дождем, отыскивая в предрассветном тумане Перишинг-сквер, и испытывает одиночество, какого не испытал за всю свою недолгую жизнь.

Неясное волнение охватило его. На этих улицах он бывал прежде. Мальчишкой. Но никогда не видел их такими. Отправляясь в прошлое, Риз был готов к встрече с родным городом, но не знал, какой она будет, эта встреча.

«Не распускаться! — приказал он себе.— Никаких эмоций.»

Он отсек все, что не касалось его задания. Воспоминания, тревоги, посторонние мысли — под замок. Он вернется к ним позже. В данную минуту его должно интересовать лишь выполнение задания. В поисках телефона-автомата Риз прошел вдоль длинного многоквартирного дома. Увидел в будке телефонный справочник, открыл его на букве «К» и принялся листать страницы. Палец, резво пробегавший одну строчку за другой, замер возле имени «Сара Дж. Коннор».

Пальмовый квартал. Жасминовая улица, дом 656, 8.28 утра

Сара Дженет Коннор вышла из своей квартиры на втором этаже. Вечером она забыла посмотреть почту, а на подругу, вместе с которой снимала комнату,

в этом деле полагаться нельзя. В чем другом — да, а на почту ей наплевать. Сара привыкла каждый день заглядывать в ящик, хотя письма ей приходили не часто. А что тут удивительного — ведь она сама никому не писала. Вот счета приходят регулярно. К ним она относилась ревностно и более чем серьезно. В начале каждого месяца снимала небольшие суммы со своего скромного банковского счета и расплачивалась по квитанциям. В оставшиеся до конца месяца недели ей приходилось поддерживать режим жесткой экономии, но она предпочитала жить с сознанием выполненного долга.

Ее подруга и соседка по квартире относилась к другому типу. По счастью, Джинджер и Сару объединяло гораздо больше, чем разделяло: бьющая через край энергия, любовь к простому, без затей, досугу. Временами Сара проявляла в своих вкусах и привычках гораздо больше строгости, чем Джинджер. Иной раз трудно было угадать, кто из них старше, хотя Джинджер было двадцать четыре, а Саре всего девятнадцать.

Сара задержалась у запасного входа в подъезд. Кто-то открыл дверь и подпер ее камнем. «Что за люди,— недовольно подумала Сара,— ключ лишний раз повернуть лень».

Она вышла к почтовым ящикам. Встреченная утренним солнцем, она вдыхала запах влажной травы. Ночью бушевала гроза. Как здорово будет сегодня прокатиться на мотоцикле! Ослепительная голубизна неба напомнила Саре о колечке с бирюзой, которое она получила в подарок от своего первого мальчика. В школе. Как его звали? Чарли. Как бы там ни было, кольцо она сохранила. Оно лежало вместе с другими мелочами, напоминавшими ей о тех немногих людях, отношениями с которыми она дорожила.

В тихом Пальмовом квартале издавна жили бок о бок белые и черные, евреи и протестанты. Возраст жителей тоже был самый разный. Район прилегал к центральной части Лос-Анджелеса, неподалеку от него находились и такие небезызвестные места, как Беверли-Хилз, Санта-Моника, Калвер-Сити. Этот конгломерат национальностей, рас и вероисповеданий являл собой такую оригинальную демографическую картину, что у чиновников во время избирательной кампании голова шла кругом. Район был плотно застроен многоэтажками, и припаркованные у тротуаров машины вечно теснились бампер к бамперу. Одной из причин, по которой Сара снимала комнату в этом доме, было наличие подземного гаража.

Она открыла своей ящик. Из него выпали два счета, письмо от матери и какая-то корреспонденция для Джинджер.

Пока что ее что-то не забрасывают настойчивыми признаниями отвергнутые состоятельные поклонники. Переживем! Особенно сегодня. Тем более вечером у нее свидание, которого она ждала всю неделю. Она еще не знала, что запомнит этот вечер до конца своих дней. «Никаких воздушных замков,— одернула она себя.— Он, конечно, не прекрасный принц. Ничего в нем особенного нет. Зато у него билеты на концерт Джулиана Леннона в спорткомплексе Баул».

Сара погрузилась в мечтания. История, в которой она была главной героиней, начиналась с романтичечкой встречи и переходила в страстный роман.

По дорожке к дому трусцой бежала Джинджер Вентура. Она ворвалась в

мир фантазий Сары и безжалостно разрушила его. Реальность была для Джинджер куда привлекательнее, чем всякие там бредни.

Высокая спортивная брюнетка, она чуть запыхалась, но энергии у нее не убавилось. Болтая с Сарой, Джинджер продолжала свой бег на месте. Она подпрыгивала, длинные черные волосы метались по плечам. В наушниках, с которыми она никогда не расставалась, гремела мелодия Брюса Спрингстеена. Лента на голове взмокла от пота. Сара была уверена: если бы сейчас потребовалась исполнительница главной роли для программы «Чудо-женщина», при условии, что у Джинджер обнаружится капелька артистических способностей, лучшей кандидатуры не сыскать. Еще бы: сильная, гибкая, спортивного склада, пяти футов и семи дюймов ростом, настоящая амазонка Джинджер и минуты не была без движения. В руках у нее все горело, вокруг все вертелось и ходило ходуном. На улице на Джинджер все обращали внимание. От нее словно исходили жаркие токи энергии и неиссякаемого оптимизма.

— Для меня есть что-нибудь? — выдохнула она.

Сара протянула ей конверты. Брови Джинджер изумленно взлетели, когда она прочитала надпись на одном.

— Господи! Сегодня все решится.

И, подхватив Сару под руку, Джинджер потащила ее в квартиру, на ходу выбив ногой камень, державший дверь запасного входа.

— Что случилось? — тревожно спросила Сара.

— Мои анализы!

— Какие анализы?

— На беременность, глупышка. Разве я не говорила тебе?

Сара остановилась на пороге.

— Да ты что, Джинджер? Конечно, нет.

— Забыла, значит,— легкомысленно отозвалась Джинджер, входя в гостиную.

Тихо ахая, Сара нашаривала за спиной дверную ручку.

— Но ты же предохраняешься. Как это могло случиться?

Джинджер надорвала конверт.

— Ты же меня знаешь. Таблетки я органически не переваривaю. Все остальное эффективно на восемьдесят процентов, двадцать — риска. У меня была задержка в прошлом месяце, ну вот...

Сара не сводила с конверта потрясенного взгляда.

— Какой результат?

Джинджер постаралась разрядить напряжение легкомысленной шуткой.

— Ставлю пять долларов, что все в порядке.

— Не тяни, Джинджер, читай скорее.

— Ладно уж,— проговорила Джинджер с самым небрежным и независимым видом, за которым, однако, не могла скрыть испуганного ожидания.

Джинджер вынула из конверта листок бумаги, пробежала его глазами. Лицо ее приняло выражение покорной обреченности.

— Какое имя выберем? Может быть, просто Мэтт-младший?

У Сары все оборвалось внутри.

— Нет, Джинджер... О, Господи! Ну как же ты?.. Что же теперь делать?

— Чего-нибудь выпить.— Джинджер скорчила гримаску и бросила смятое письмо на стол.

Джинджер поднялась и направилась в кухню с видом каторжника, которому предстоит осилить последнюю милю.

Сара проводила ее потрясенным взглядом. Ерунда какая-то. Чтобы Джинджер, разумная, практичная Джинджер, вляпалась в такую историю? Джинджер, у которой продуман каждый шаг. Быть этого не может! Она же...

Неясное подозрение толкнуло Сару к столу. Она расправила скомканный листок и впилась в него взглядом. Вот уж с кем не соскучишься!

Сара покачала головой, злясь на себя за то, что подруге так легко удалось ее провести.

Она влетела на кухню, кипя праведным гневом.

— Очень остроумно, Джинджер.

Джинджер выскочила из-за холодильника, окатив Сару холодными брызгами минералки, бутылку которой она только что открыла. Сара взвизгнула от неожиданности и замахала руками.

— Какое свинство! — негодующе начала Сара и не удержалась от смеха,— Не знаю, как только эти фокусы сходят тебе с рук.

Джинджер подмигнула ей.

— Могу объяснить. Тебе самой это нравится, малышка.

— Зараза!

Сара, согнала с лица улыбку, нахмурилась.

— Ты же с самого начала знала, что ничего нет.

— Еще бы. У меня с тринадцати лет все по расписанию.

— Так. И зачем нужно было проделывать это со мной?

— Ты все воспринимаешь чересчур серьезно.

— Ох, смотри, как бы я сама тебя не удивила. И очень скоро.

— Это будет просто потрясающе.

Сару начинал выводить из себя покровительственный тон Джинджер, в котором звучало: «Я подпучиваю над тобой и не собираюсь этого скрывать. С наивными дурочками иначе нельзя.» Сара безнадежно покачала головой. Джинджер искренне полагала, что учить Сару жизни — ее крест и святая обязанность. Приблизительно такого же мнения придерживалась и мать Сары. Но ни та, ни другая не отдавали себе отчета в том, что малышке Саре уже не нужны поучения. Она уверенно стояла на ногах: работала, училась, да еще ухитрялась каждый месяц откладывать по нескольку долларов. Она была довольна своим существованием.

У нее были свои проблемы. Обыкновенные житейские и вполне решаемые проблемы. Как у всех остальных. Кроме Джинджер, пожалуй. Если правда, что в судьбе человека чередуются темные и светлые полосы, то Джинджер на всех парах пролетала свои черные полосы и застревала на светлых. Иногда Сара задумывалась: а приходилось ли ей когда-нибудь страдать?

— Послушай, Джин,— не очень уверенно начала она, не зная, как лучше спросить об этом.— Если бы результат подтвердился, как бы ты поступила?

— Сообщила Мэтту и словила бы не слабый кайф, глядя на его рожу.

В те редкие мгновения, что Сара по-настоящему задумывалась о материнстве, эта перспектива ее не радовала. Она вспоминала собственное детство. После смерти отца мать старалась заменить девочке обоих родителей. Однако

сочетать отцовскую суровость с материнской лаской, строгость с мелким попустительством, опеку с требовательностью оказалось столь же невозможным, как осуществление кругосветного плавания на плоту с бамбуковым шестом. Ничего хорошего из этого определенно не вышло. Свои личные возможности Сара оценивала не столь высоко, чтобы лепить другого человека по своему образу и подобию.

А Джинджер она сказала:

— Нам хватило бы одного ребенка на двоих. Я бы ходила к вам в гости.

Джинджер похлопала ее по колену.

— Не говори глупостей. Из тебя получится хорошая мать.

— Я могу и подождать с этим.

«Я способна любить по-настоящему,— думала Сара.— Только бы встретить верного человека, который сам умеет любить».

Но мужчины, на которых можно положиться, попадаются в жизни столь же часто, как киоски с прохладительными напитками в центре Аравийской пустыни. Небольшой круг друзей, вместе с которыми она росла, с годами распался. Кто уехал учиться, кто обзавелся семьей. Нужно было обрастать новыми связями. Но все как-то не складывалось. Случайные встречи в колледже. Знакомства по телефону. Те, кто нравился ей, были уже заняты или просто не обращали на нее внимания.

Джинджер с довольной улыбкой наблюдала за подружкой, которая опять ушла в себя. Сара славная девчонка. Может быть, даже чересчур. Джинджер казалось порой, что невероятная наивность Сары своего рода щит, которым та ограждает себя от реальности. Джинджер считала необходимым время от времени встряхивать Сару своими шуточками, вытаскивать ее из мира иллюзий, в котором свойственно замыкаться подобному типу людей, больше размышляющих о том, какова должна быть действительность, нежели о том, какова она на самом деле. Слов нет, ей тоже иногда хотелось обнять подругу, поговорить с ней по душам, но вместо этого Джинджер прибегала к своим приемчикам «шоковой терапии» наподобие этого, с письмом из клиники, что так удачно сработал сейчас.

— Боюсь, я наступила на Пагсли,— тревожно произнесла Джинджер, изучая подметки своих кроссовок.

Сара, вздрогнув, бросила быстрый взгляд в дальний угол комнаты, где в пластиковом террариуме, точно доисторический ящер за стеклом музейной витрины, замерла зеленая игуана. В немигающих глазах ящерицы читалось холодное превосходство. Красавица Пагсли длиною в три фута перешла в наследство Саре от ее последнего друга, и, надо сказать, взаимная привязанность и доверие, установившиеся между Пагсли и Сарой, были гораздо сильнее тех чувств, что связывали девушку с прежним хозяином ящерицы.

Сара, упершись руками в бока, повернулась к подруге, всем своим видом давая понять, что ту ждет возмездие. Джинджер азартно подмигнула ей:

— Как я тебя раскочегарила?

— Умри, Вентура!

Сара с отчаянным воплем кинулась на Джинджер.

Настойчивое пищание домофона прервало их возню. Джинджер высвободилась и нажала кнопку микрофона.

— Нам денежный перевод или хорошие новости? — с интересом осведомилась она.

Из переговорного устройства донесся едва слышный ответ.

— А как насчет секса?

Джинджер лукаво сощурилась и выдала:

— Просто мечтаю. Заждалась. Раздеться можешь за дверью, если хочешь.

За дверью Мэтт Бьюкенен раздеваться не собирался, тем более, что одежды на нем был самый минимум — майка и шорты, выставлявшие на обозрение великолепную, мускулистую фигуру тяжеловеса. При этом Мэтт вовсе не корчил из себя супермена, как другие качки. Не пыжился и не кичился своими бицепсами. Ничего такого. Трудно поверить, но парень, которому под силу отжать грузовик, отличался самым тихим покладистым нравом из всех знакомых Саре мужчин.

Сара собирала учебники в своей комнате, когда в гостиной жалобно заскрипела кушетка, на которую что-то обрушилось. Сара подхватила сумку и вышла к ним.

В гостиной стоял полный содом. Джинджер, брошенная на спину и прижатая могучими ручищами Мэтта, верещала:

— Ха! Счет три-два! — торжествующе провозгласила она, вырываясь.

Ей удалось расцепить его мертвую хватку, заведя назад указательный палец Мэтта, и даже положить его на лопатки.

— Сара, иди же сюда! Помоги мне справиться с этим чудовищем!

— Извините, но с меня сегодня достаточно,— ответила Сара, присаживаясь на край кушетки, чтобы собрать длинные каштановые волосы в конский хвост и перетянуть его резинкой.

А Джинджер и Мэтт уже обнимались. Смотрели они друг на друга с такой нежностью, какая бывает во взглядах влюбленных, когда их никто не видит. В глазах Мэтта, устремленных на Джинджер, светилась такая беззаветная, щенячья преданность, что Сара на мгновение позавидовала подруге. Сама она была не избалована поклонниками. Конечно, были ребята, которым она нравилась. И даже очень. Но никто еще не смотрел на нее так. Она знала, что однажды ее полюбят. Страстно и безоглядно. Может быть, это случится сегодня?

Они все вместе спустились в гараж. Мэтт обнял обеих девушек, шутливо прижимая их к себе.

Сара подошла к своему мотоциклу.

— Заехать за тобой после работы?

Джинджер кивнула.

— Сходим вечером вместе в пиццерию?

Сара попыталась ответить как можно небрежнее:

— Очень жаль, сегодня не могу. Я занята.

Но голос выдал ее волнение.

Мэтт легонько ущипнул ее.

— Ну ты даешь, Сара.

— Не выдумывай, Мэтт. Ничего особенного. Парень как парень. На работе познакомились.

— Это тот, который на черном «порше»? — допытывалась Джинджер. Ей все надо было знать сразу.

Мэтт обнял Сару за плечи и отвел в сторону.

— Тебе что-то нужно? — спросил он.

Она смутилась.

— Ты о чем?

— Ну, деньги там. На всякий случай. Чтобы ты чувствовала себя свободнее. Может, ты сама захочешь его отшить. Мы же о нем понятия не имеем. Что он за тип? Куда он тебя собирается тащить?

Сара вымученно улыбнулась и сняла руку Мэтта со своего плеча.

— Большое спасибо, папочка. Не первый раз иду на свидание.

Смутный внутренний голос, который она легкомысленно называла «наша маленькая Сара», напомнил ей, что Мэтт суется в ее дела не из любопытства, а потому, что он и Джинджер тревожатся за нее. Вообще-то «маленькая Сара» часто оказывалась права. Иногда Сара слушалась своего внутреннего голоса, чаще же ей хотелось отделаться от него.

— Я уже сама могу постоять за себя,— с улыбкой добавила она.

Мэтт наклонился и легонько щелкнул ее по носу.

— Допустим. А если он все-таки позволит себе лишнее?

Сара сделала выпад и с силой пихнула Мэтта в его твердокаменный живот. Для Мэтта это было ощущение, сравнимое с комариным укусом. Театрально шатаясь, он схватился за живот и принялся изображать страдания. Джинджер, для которой в основном и был предназначен этот спектакль, не обращая на него внимания, чмокнула Сару в щеку.

— До вечера.

Сара вскочила на свою «Хонду» и включила зажигание. Двигатель в сто двадцать пять кубических сантиметров недовольно зарычал. Сара оглянулась, чтобы помахать им на прощанье.

— Пока, Сара! — крикнул Мэтт, вытягиваясь на цыпочках в балетном па.

«Шут гороховый»,— с нежностью подумала она. Еще раз помахав рукой Мэтту и Джинджер, Сара прибавила газу и погнала мотоцикл по бетонной дорожке навстречу весеннему солнцу, согревавшему город.

Она не заметила ничего необычного. Предчувствие не подсказывало ей, что в этот день навсегда оборвется ее прежняя беззаботная жизнь.

Квартал Миракл Майл. 8.31 утра

Пробиваясь в предрассветные часы сквозь лабиринты пустынных переулков и заброшенных улочек городской окраины, Риз на время забывал, что находится в довоенной жизни. Они сохранились почти такими же и в его мире, эти загаженные, необитаемые трущобы. Теряя чувство реальности, он кидался к повороту, готовый стрелять в притаившегося за углом врага, а там... шумел, ослепляя огнями, нарядный довоенный проспект, невероятный, точно сон.

И так было все утро.

Ему не удавалось стряхнуть с себя гнетущее, тревожное ощущение. Казалось, он находится одновременно и Здесь, и Там. Он сумел бы преодолеть раздвоение, если бы мог помедлить на улице, свыкнуться с новым обликом таких знакомых с детства мест. Но именно в этом заключалась бы грубейшая тактическая ошибка. Трудно не привлечь к себе внимание, слоняясь по городу, когда большинство людей еще нежится в своих постелях.

«Не нарушила ли хронопортация мозговые процессы?» - размышлял он.

Или допинги, которыми его накачали перед отправкой, дают неожиданный побочный эффект, затягивая его в эту вязкую паутину сна наяву? Никакая случайность не должна помешать ему выполнить задание. Провал его миссии будет равносилен концу человечества. Он не может допустить даже мысли о провале. Усилием воли Риз заставил себя успокоиться. Самообладание и выдержка должны стать его оружием.

«Для беспокойства нет оснований»,— убеждал себя Риз. До начала операции уйма времени. Он успеет подготовиться и продумать план действий. Джон сказал ему, что обнаружение цели и переход на режим автоматического сопровождения будут произведены в 20 часов 19 минут у дома 656 по Жасминовой улице при выезде объекта с места проживания. Откуда это могло быть известно Джону Коннору,— один Бог знает, но раз генерал сказал, значит, все так и будет.

Пока он решил продолжать движение пешком, чтобы изучить местность, отработать основной и запасные маршруты. Он прикинул список самых необходимых покупок. Боеприпасы — вот что ему нужно в первую очередь. Для этой операции, а он выполнит ее во что бы то ни стало, ему потребуется гигантская огневая мощь. Прежде, перед началом решающего сражения, ему доводилось испытывать предательскую слабинку, заползающий в душу страх. Теперь страха за свою жизнь не было и в помине. Все вытеснила боязнь не справиться с заданием. Его гибель ничего не значит в сравнении с жизнью Сары Дж. Коннор. Ибо в жизни этой девушки — спасение человечества.

Он шел, держась поближе к стенам домов, по тесному, захламленному переулку позади автомастерской по ремонту иномарок, гарантировавшей, что «Ваша колымага еще побегает, как новенькая». Шум двигателя заставил его обернуться. В укрытие! Рефлекс, приобретенный за годы войны, сработал быстрее, чем включилось сознание. Он отскочил за кучу ржавых жестянок, наваленных у разрушенной стены, и притаился, согнувшись в три погибели. В узкое, каменное горло переулка на предельной скорости ворвался грузовик. Заспанный водитель, опомнившись, притормозил в нескольких футах от стены. Взвизгнули покрышки. Риз, нервы которого напряглись, точно натянутые струны, дослал патрон в патронник и прицелился. Машина рванулась с места и пронеслась мимо. Он снял палец со спускового крючка, опустил ружье. Разиня-шофер так никогда и не узнал, что его жена едва не стала вдовой.

Сердце Риза учащенно билось. Полоска неба, видневшаяся между строениями, быстро светлела. Торчать на безлюдных окраинных улицах становилось опасно. Слишком заметно. «Пора смешаться с толпой»,— сказал он себе. Длинное ружье, которое он прижимал рукой к бедру, выпирало из-под плаща. Так не пойдет. Нужно приспособить его для уличного боя. Он порылся в груде металлолома и среди кусков труб, искореженных автодеталей нашел то, что искал — вполне пригодную для использования ножовку. Вот уж поистине странные люди: выбрасывают на свалку такие ценности. Если тут хорошенько покопаться, можно бронемашину собрать.

Риз отпилил часть приклада. Оставалось соорудить ремень. Ему повезло далеко не сразу. Обследовав еще три контейнера для отходов, он выудил в четвертом кусок обтрепанной веревки. Одним концом веревки обвязал приклад и укрепил перевязь на плече. При необходимости он сможет

мгновенно выхватить оружие и приготовиться к бою. Камуфляж вполне приличный. Без личного досмотра не заметишь, что он при оружии. А если у полиции возникнут подозрения, он без личного досмотра сумеет объяснить им, из чего стреляет и как.

На светлом утреннем небе не появилось ни облачка. Необычное тепло для начала марта, но Риз застегнул свой плащ на все пуговицы.

Такого одиночества, которое охватило его здесь, он раньше не знал. Разведчик еще не созданной армии, он, соблюдая осторожность, добежал до конца переулка, окинул цепким взглядом проспект Уилшир, выросший перед ним, и как ни в чем не бывало пересек улицу, на которой уже появились первые прохожие. Обитателей городских окраин среди них почти не было. Чаще всего ему попадались рабочие. Одни ожидали автобуса на стоянке, другие выходили из него, торопясь в свои цеха и мастерские.

Риз никак не мог привыкнуть к этому спокойному, расслабленному ритму довоенной жизни. Он жил в мире других скоростей, другого темпа. Мог ли он представить себя Там, прогуливающимся по улице, пригреваемой солнцем? Через пять шагов его бы не стало. Потому что днем хозяйничали они. Людям, в лучшем случае, оставалась ночь. Разум твердил ему, что сейчас он в полной безопасности, но ему пришлось взять себя в руки, безжалостно подавить вошедший в плоть и кровь инстинкт самосохранения, чтобы сделать первый, такой трудный шаг из сумрака переулка в шумную суету проспекта.

Нельзя сказать, чтобы Риз в своем наглухо застегнутом плаще, скрывавшем шрамы от лазерных излучателей, заметно отличался от множества других прохожих, спешащих по улице в этот ранний час. Но, присмотревшись, можно было сказать со всей определенностью: он не вписывался в городскую толпу. Необычно серьезный вид, лихорадочный блеск неулыбчивых глаз выделяли его даже в тех кварталах, где привыкли к крутым парням. Дикая, неприрученная пантера, затравленно озирающаяся среди пестрого, роскошного и обреченного на гибель зоопарка.

Он осторожно ступал по тротуару, присматриваясь к пестрой мозаике проплывавших мимо лиц. Неуловимая общность этих лиц бросилась ему в глаза. Их объединяла трогательная, щемящая душу наивность, наивность людей, не предполагающих о своем скором конце. В глазах стариков было трагическое неведение, и от этого они казались моложе. Мальчишка в вылинявших джинсах, пристроившись на скейт-борде, выписывал фигуры слалома. Он виртуозно объезжал прохожих, умудряясь при этом вихляться под мелодию, гремевшую из кассетника у него на плече.

С каждой минутой на улицах Лос-Анджелеса усиливалось вавилонское столпотворение, оживали магазины, ослеплявшие Риза своими несметными сокровищами. Ряды, множество рядов — радиоприемники, лампы, стереопроигрыватели, телевизоры. Он видел витрину, сплошь заставленную телевизорами, и все они были настроены на одну и ту же программу, так что на сорока экранах Брайан Гамбл и Джейн Поли одновременно вели оживленную беседу. Кричащая безвкусица бьющей в глаза роскоши потрясла Кайла.

Взгляд, привыкший к суровому однообразию впечатлений военной поры, повсюду натыкался на избыток цвета и звука. На розовом с белым шатре, в котором размещался цирк Пуссикэт Тиэтр, гримасничала безобразная клоунская физиономия. Красотки-великанши на рекламных щитах с улыбкой заманивали

во «Дворец Цезаря»*, а мужественный ковбой футов эдак в пять ростом сообщал, что подлинный вкус жизни можно почувствовать лишь в краю Мальборо. Что это за место такое — Мальборо — Риз понятия не имел. Зато реклама напомнила ему о еде. У него засосало под ложечкой.

Первым подходящим заведением было обшарпанное кафе под открытым небом. Поблекшая вывеска горделиво уведомляла, что именно здесь на протяжении двадцати четырех часов в сутки вы можете получить свой кусок пиццы. Слово «пицца» отсутствовало в лексиконе Риз, он просто не знал, что это за штука такая, но по запаху понял — вещь стоящая. Он крутился поблизости и, стараясь не выдать своего невежества, наблюдал, как посетители заказывают и получают еду. Толстяк в яркой ковбойке подошел к окошку со словами:

— Мне один кусок. Анчоусы не нужно.

Человек в окошке протянул ему дымящийся ароматным паром треугольник. Толстяк положил на прилавок несколько зеленых бумажек и отошел со своей тарелкой. Риз старательно запоминал последовательность обмена.

Он знал, что здесь в ходу деньги, но денег у него не было. Пошарил в карманах брюк, доставшихся ему от Шанца. Ничего. В желудке громко урчало. «Ну и хрен с ним!» — решил Риз и подошел к прилавку. Владелец кафетерия недовольно оторвался от газеты. Риз повторил заученную им магическую фразу:

— Мне один кусок. Анчоусы не нужно.

Владелец поставил на прилавок тарелку с дымящейся пиццой и встал за кассу.

— Один доллар шестьдесят центов,— бросил он через плечо.

Когда он поднял взгляд на клиента, того и след простыл. Взбешенный, он едва не вывалился в окно, свесившись до пояса через прилавок с криком «Ах ты сукин сын!»

Риз припустился по проспекту, свернул за первый же угол и примостился за грудой каких-то коробок.

Еще раз осмотрелся, прежде чем достать из-под плаща вожделенный кусок. Незнакомое, приятное благоуханье манило его, как манит хищника запах свежей крови. Окончательно уверившись, что за ним не следят, он поднес пиццу ко рту и проглотил ее, почти не жуя, не заметив, что расплывшийся сыр обжег ему горло.

Грозное рычание донеслось до него сзади. Тощая, ободранная дворняга замерла на безопасном расстоянии, не сводя голодных глаз с корочки, зажатой у него в руке, и рука застыла в воздухе. Он чертыхнулся, но прогнать отощавшего пса, товарища по несчастью, не смог. Они оба должны выжить. Риз медленно протянул животному последний кусок пиццы. Пес боязливо затрусил к человеку и воровато выхватил еду.

Риз ласково гладил собаку, трепал за ушами — пусть она принесет ему удачу. А та свернулась у его ног, виляя хвостом от удовольствия.

Он оставил собаку в одиночестве доедать неожиданно перепавший ей завтрак и зашагал прочь. Голодные спазмы в желудке утихли. Солнце высоко

*Популярное казино в Лас-Вегасе *(прим. перев.)*

стояло в утреннем небе. Он помедлил у перекрестка, вглядываясь в поток машин. Ему тоже скоро понадобится машина. И еще множество других вещей.

«Пора начинать действовать»,— приказал он себе.

Квартал Силвер Лейк, Отель «Панама»

10.20 утра

Четырхэтажное здание гостиницы провоняло дезинфекцией и грязными туалетами. Зимой оно промерзало, летом нагревалось, а в случае пожара грозило превратиться в мышеловку для постояльцев. Зато цены здесь не кусались. Удаленность от центра тоже его устраивала. По аварийной лестнице он мог незамеченным выбираться из номера и таким же манером возвращаться в гостиницу.

По этим причинам он выбрал именно эту гостиницу.

Он швырнул на стойку дежурного несколько крупных купюр и отказался записать свое имя в журнале регистрации. Глаза цвета стали оценивали лопоухого, тщедушного клерка — он почувствовал себя так же уютно, как жук, приколотый булавкой к листу картона. Бормоча какую-то чепуху насчет того, что занесет его в книгу под фамилией Смит, клерк поскорее протянул ему ключи от номера.

Поднимаясь по лестнице, Терминатор осматривался, запоминая мельчайшие детали обстановки и расположения помещений. Обшарпанные деревянные полы. Неаккуратно выкрашенные, бугристые стены.

Звуки приглушенных голосов в клетках-номерах. Едва сдерживаемый крик раздражения. Любовное воркование. Чей-то плачь. Много пустых комнат. Хорошо.

Он вошел к себе. На пороге остановился. Ничто не ускользнуло от внимательного взгляда, которым он обвел помещение. Окно. И рядом пожарная лестница. Письменный стол. Тумбочка. Скрипучая кровать. Ниша для умывальника и туалета. Розетка.

Он принялся раскладывать свои инструменты.

Он спускался по дороге Вентура Каньон в предрассветной мгле. Ему не попадались ни машины, ни случайные пешеходы. Ему пришлось пройти этот путь, поскольку хронопортация вызвала короткое замыкание всех электроприборов и устройств в радиусе нескольких сот метров.

Он сошел с гор, точно грозное, беспощадное божество, покинувшее Олимп. Ботинки, снятые с убитого рокера, при каждом шаге позванивали цепями. Он приступил к поиску объекта.

Терминатор не ограничивал себя во времени, отведенном на разведку и ликвидацию цели, и мог, не торопясь, подобрать необходимое оборудование и вооружение. Одежда, как выяснилось потом, тесновата, но он всегда может найти себе другую.

Первое. Ориентация.

Горизонт постепенно набухал рассветом. Первой ему встретилась женщина лет сорока. Она вышла из дома и, бренча ключами, направилась по гравиевой дорожке к своему седану «БМВ». На плече у нее болталась большая кожаная сумка. Он отступил к обочине и, укрывшись в густой тени, наблюдал за домом, который казался пустым. Он не уловил ни звука, не заметил огней. Хорошо. Проанализировав свои возможности, принял решение ждать. И вести наблюдение.

Женщина открыла дверцу машины и села за руль. Вставила ключ в замок зажигания, повернула его. Стартер взревел, заработал двигатель, получив первую порцию газа. Женщина взялась за рычаг переключения передач, включила задний ход. Отпустила педаль тормоза и выехала с дорожки на автостраду.

Элементарно.

Терминатор шел в город, уточняя детали своего плана.

Еще через десять минут он заметил подходящую машину. Многоместный легковой автомобиль с задним откидным бортом. «Форд Кингсвуд Истейт». Приблизительно 1978 года выпуска. Вокруг не было ни души. Густая жемчужная дымка еще не рассеялась на тихой улочке пригорода. Не колеблясь, он направился к желтой машине. Ударил кулаком в боковое стекло. Просунул руку внутрь и открыл дверцу. Сев на место водителя, Терминатор рассмотрел приборы. Секунда — и в соответствующих ячейках массива появились подробные технические данные этой модели.

Ребром ладони он саданул по рулевой колонке, резким движением рассек пластмассовое покрытие, раздвинул его, точно половинки кожуры спелого банана, добрался до замка зажигания. Железной крепости пальцы действовали надежнее отвертки и плоскогубцев. Они в конце концов провернули вал. Двигатель дернулся и заработал. Он мысленно воспроизвел движения владелицы седана, выводившей машину на дорогу, и повторил их, давая задний ход. Несколько секунд он потратил на осмотр коробки передач, затем включил скорость, и автомобиль поехал. На все у него ушло одиннадцать секунд.

Он сличал территорию, по которой пролегал его путь, с картой Лос-Анджелеса, запечатленной в его памяти. Памяти, не имевшей пределов. Каждое название улицы и каждый дорожный знак, увиденные им, регистрировались, вносились в нужную ячейку и оставались там навсегда.

Он миновал проспект Лос-Фелис, пересек Сансет-проспект и повернул на юго-восток. В одном из кварталов этой части города хозяин магазина «Станки и инструменты» начинал свою утреннюю торговлю. Терминатор оказался первым покупателем. И последним. Пополнив свой арсенал, Терминатор встал перед необходимостью обеспечить себе базу для хранения оружия и подготовки операции. Тогда он снял номер в отеле «Панама».

Он изучал разложенную на постели добычу. Нож с набором лезвий. Плоскогубцы. Щипцы. Отвертки. Дискеты. Прочие необходимые мелочи. Он прихватил кое-какую рабочую одежду и добавил к имеющемуся гардеробу черную кожаную куртку, снятую с хозяина магазина. Денег в кассе оказалось не так много. Но ему хватит. По его расчетам, операция не затянется.

Терминатор спустился на улицу, воспользовавшись пожарной лестницей. Заодно проверил надежность запасного выхода. Никто не заметил, как он покидал номер.

Оружейный магазин Гаррета. 10.23 утра

В магазине Роба Гаррета появился новый покупатель.

Тяжелый взгляд отливающих сталью глаз. По фигуре — каратист. По одежде — хипарь. Может, сдвинутый? Каких только чудиков в Лос-Анджелесе не увидишь.

Начинал-то Роб с аптекарского магазина в Бангоре, штат Мэн, но, имея

авантюрную жилку и движимый охотой к переменам мест, в один прекрасный день закрыл свою лавочку, собрал пожитки и укатил на Запад. Он был смолоду неравнодушен к оружию, и ничего удивительного в том, что при первой же возможности выкупил у прежнего владельца этот магазин на Сансет. Поначалу с опаской присматривался к темным личностям, которые пользовались его услугами, но с годами научился распознавать среди множества крутых ребят тех, с кем действительно шутки плохи. С ними он и не шутил.

Этот парень вроде не из таких. Заторможенный какой-то. По лицу ничего не поймешь.

Но вот покупатель подошел к стойке с образцами оружия и с видом знатока принялся их изучать. Глаза его приобрели напряженное, сосредоточенное выражение. Можно подумать, он разбирается в каждой модели, которую крутит в руках.

Любопытство одолело Роба. Любитель-коллекционер? Возможность завязать контакт с человеком, понимающем толк в оружии, заинтересовала Гаррета. В конце концов, какое значение имеет его дурацкий наряд, если перед тобой специалист?

— Что бы вы хотели посмотреть, сэр? — осведомился он.

Его услужливое внимание объяснялось просто: настоящий коллекционер за ценой не постоит.

Человек, наконец, соизволил обратить на Роба свой немигающий взгляд, как будто только теперь вспомнил о его существовании. Покупатель искал крупнокалиберное полуавтоматическое оружие, то есть армейские образцы, с которыми Роб предпочитал не иметь дела, но торговать ими приходилось, поскольку спрос на боевую технику возрастал с каждым годом.

«Знает свое дело»,— подумал Роб.

Небрежным тоном, как если бы он выбирал бритвенный прибор, парень сказал:

— Я хочу посмотреть самозарядный автомат «СПАС-12».

— Ну да, на автоматическом режиме,— поддакнул Роб, но посетитель, увлеченный осмотром, как будто не слышал его.

— Полуавтоматическая штурмовая винтовка «АР-180»,— бросил Терминатор, не глядя на продавца.

Гаррет достал требуемое, а тот продолжал все так же бесстрастно перечислять:

— Крупнокалиберный полуавтоматический пистолет «Дезерт Игл» на пороховом газе, калибр 357, десять патронов в магазине. Карабин «АР-15», калибра 5,56 с откидным прикладом.*

Роб уже притомился, едва поспевая приносить заказанные модели. Покупатель не сбавлял темпа.

— Фазовый лазерный плазмоизлучатель, диапазон сорок ватт.

Роб в замешательстве остановился, пытаясь соотнести оригинальную заявку с наличными возможностями своего магазина. «Во, загнул:

---

*Калибры стрелкового оружия в американской армии приняты в долях дюйма. Калибр 357 соответствует калибру 9 мм *(прим. перев.)*

плазмоизлучатель...» — повторил он про себя, хмуро глядя на требовательного клиента.

— Извини, друг. Тут все, что есть.

Теперь он понял, в чем дело: парень отслужил в армии. Скорее всего, морская пехота. Хотя, кто его знает? Может головорез из спецназа.

Покупатель отложил автоматический кольт сорок пятого калибра* с вмонтированным лазерным прицелом. Небольшой лазерный генератор, работающий от собственной батарейки, придавал пистолету сходство с телескопом. Незнакомец нажал пальцем на спусковой крючок, и в ту же секунду лазерное устройство выбросило тончайший кроваво-красный лучик света.

— Классный пистолет,— заметил Роб.— Недавно получил. Лазером отмечаете точку прицела. Попадание стопроцентное.

Парень прицелился лазерным лучиком в стену, затем навел его на витрину за спиной Роба. Наблюдать за четкими, выверенными движениями настоящего специалиста было одно удовольствие. Он отводил и отпускал затвор, проверяя работу механизма.

Но и этого необычному покупателю показалось мало. Он еще раз обвел внимательным взглядом полки с оружием, при этом не переставая опробовать одно за другим оружие растущей перед ним горы образцов.

— Девятимиллиметровый автомат «УЗИ».

Отправляясь в подсобку, Гаррет сделал попытку пошутить:

— Вот что значит понимающий человек. Лучшего оружия для охраны дома не найти. Ваша квартира в безопасности.

Ни один мускул не дрогнул на лице парня.

«Полегче на поворотах. Серьезный мужик»,— сказал себе Роб.

— Что вы возьмете? — деловым тоном спросил он.

— Все,— последовал немногословный и категоричный ответ.

Такого Роб не ожидал.

— Сегодня мы закрываемся рано. Винтовки можете взять сейчас. Остальные заказы получите через пятнадцать дней.

Роб отвернулся, упаковывая оружие. Звон гильз, высыпаемых на стекло, заставил его вскинуться.

Покупатель вскрыл коробку с патронами и как ни в чем не бывало, заряжал пистолет.

— Послушай, так не пойдет...

Человек приблизил пистолет к самому лицу Гаррета и сказал только одно слово:

— Ошибаешься.

Еще секунду Гаррет продолжал надеяться, что это всего лишь дурацкий розыгрыш, и лишь перед тем, как грохнул выстрел, его пронзила страшная догадка. «Лучше бы я остался в Бангоре»,— успел подумать он.

Терминатор унес оружие и боеприпасы в машину и сложил в багажник. Техника примитивная, но, с учетом всех его запасов, огневая мощь, находившаяся

*Сорок пятый калибр в долях дюйма соответствует калибру пули 11.43 мм *(прим. перев.)*.

в его распоряжении, значительно превышала порог потребности для данной операции.

Для того чтобы полностью приноровиться к правилам движения транспорта, ему понадобилось всего шестнадцать минут. Дважды оттеснял он встречные машины на тротуар и один раз пролетел на красный свет, задев бортом городской автобус. Он отметил ритмичность в чередовании периодов замедления и увеличения скорости и с помощью экспресс-анализа вывел законы дорожного движения.

Он постигал правила этого мира.

Отель «Панама». 11.19 утра

Терминатор уселся на тумбочку и стал аккуратно снимать впаянную пластину, которая препятствовала эксплуатации автомата УЗИ в полностью автоматическом режиме. Полчаса работы в ровном, интенсивном ритме, и все его оружие отлажено, переведено на автоматику. Одна за другой со звоном падали на пол блокирующие детали. Теперь нажатие спускового крючка высвободит гигантскую огневую мощь. Вот он, секрет знаменитого УЗИ, способного вести огонь длинными очередями со скоростью более восьмисот выстрелов в минуту.

Он вставил магазин в автоматический пистолет, положил его на постель рядом с остальным снаряжением.

Все это он доставил в номер через окно. Здесь оборудована его временная оперативная база. Что главное в устройстве базы? Ее надежность. Поэтому соседство с Терминатором пока не угрожало ни постояльцам гостиницы, ни ее служащим. Он не рискнул бы рассекретить свою базу, привлекая внимание убийством или нападением. По этой же причине он щедро заплатил клерку за свой номер. Но, удаляясь на значительное расстояние от зоны, гарантировавшей ему безопасность, он убивал, не колеблясь, не заботясь о последствиях. Недосягаемый для полиции, без устали колесивший по огромному городу, Терминатор неуклонно двигался вперед к намеченной цели. Когда объект будет уничтожен, ничто больше не будет иметь для него значения.

Терминатор поднялся, засунул в карманы еще несколько магазинов и отобрал из разложенного перед ним оружия УЗИ, 45-миллиметровый кольт с лазерным прицелом и пистолет тридцать восьмого калибра. На первую ликвидацию он пойдет легко вооруженным. Остальное потребуется позже, если возникнет необходимость второй попытки.

Он выскользнул из окна, легко спустился по лестнице и сел в машину. Приближалось время «Ч».

Район Силвер Лейк, на пересечении проспектов Сансет и Фаунтэн. 11.42 утра

Этот здоровяк-канадец так и не сообразил, как все случилось. Детина он был мощный, до завтрака весил под двести пятьдесят фунтов. Широкое лицо с крупными чертами обрамляла борода. Хороший специалист, слесарь-инструментальщик, Карлайл Лейдл работал в Лос-Анджелесе по контракту и готовился к экзаменам, которые ему предстояло сдать для того, чтобы получить американское гражданство. Двадцать минут назад он оседлал свой мотоцикл «Харли-900» и отправился выполнять поручение хозяина. Через две минуты после того, как он выехал на магистраль, прямо перед его носом

промелькнул глушитель грузовика. Заляпанная грязью ржавая машина — «Додж» шестьдесят восьмого года выпуска. Карлайл бросил мотоцикл резко в сторону, но не успел притормозить ногами и опомнился уже на асфальте. Царапины у него были пустяковые: неглубокий порез на руке да ушибленное колено. С мотоциклом дело обстояло куда хуже. Он прислонил искореженный мотоцикл к стене и поплелся искать телефон-автомат, кусая локти от досады на себя.

Он проклял все на свете, выслушав двенадцать гудков в телефонной трубке. Его старуха поспать не слаба. Видите ли, старая калоша уверена, что хорошеет во сне.

Наконец она подошла к телефону и долго возмущалась, что ей не дали поспать. Внезапно чья-то сильная ручища схватила Карлайла за шиворот, приподняла и швырнула на стоявшую рядом машину. Он сильно ударился боком, вскочил на ноги и в бешенстве кинулся на обидчика. Его остановил взгляд этого человека. Страшный, пустой, не выражающий ни мысли, ни чувства взгляд зомби. Или наркомана. В серовато-стальных глазах незнакомца не было ни гнева, ни издевки — в них не было ничего. Он быстро листал телефонный справочник, лежавший на полочке возле аппарата. Ничего не скажешь — атлет, но и Карлайл не слабак какой-нибудь. Карлайл толкнул его в спину.

— Алло, парень, ты что на людей бросаешься?

Его слова не произвели никакого эффекта. Тип и не думал пошевелиться, а тем более ответить. Брошенная телефонная трубка покачивалась на шнуре. Ну, это уж слишком. Карлайл решительно шагнул к парню и заметил, как сразу напряглась его мощная спина. Палец, пробегавший по колонкам имен, замер, на миг задержавшись на одной строчке, помедлил на второй, отметил третью. Незнакомец повернулся и отошел от телефона. Карлайл еще подумывал, не проучить ли ему наглеца. И тут взгляды их вновь пересеклись. Карлайла мороз пробрал. Человек смотрел на него, но как будто его не видел. Глаза были устремлены куда-то очень далеко. Он прошел мимо Карлайла, сел за руль большой машины и укатил. Карлайл вынужден был признаться себе, что парень здорово напугал его. Никто еще не смотрел на него с таким холодным превосходством. Не хотел бы он снова почувствовать на себе этот леденящий взгляд. Глубоко вздохнув, Карлайл решил снова позвонить жене. Телефонная книга осталась лежать открытой на той странице, которую просматривал Терминатор. В трех местах бумага чуть промялась от нажима пальцев. Три имени: Сара Энн Коннор, Сара Хелен Коннор и Сара Дженет Коннор. Карлайл повторял эти имена, пока набирал домашний номер и ждал ответа. А не позвонить ли этим женщинам? Предупредить, что над ними собираются тучи. Эта мысль, пришла ему в голову, жена взяла трубку, и он быстро забыл обо всем, кроме собственных злоключений.

Спустя одиннадцать с половиной часов сидящий у телевизора Карлайл Лейдел страшно переменится в лице, когда диктор начнет рассказывать о событиях минувшего дня. Он напугает жену и долго еще не сможет вымолвить ни слова. Первым, что она услышит от него, будет сдавленное «Почему я не позвонил?.. Почему я не позвонил?..»

Колледж Уэст Лос-Анджелес. 11.58 утра

Шина проколота! Это уже самая последняя капля. Сара подошла к своей «Хонде» и с обреченным видом покачала головой, глядя на спустившее заднее колесо. Как все в жизни несправедливо! Ну почему это случилось именно с ней? И почему сегодня? Не завтра? Не вчера? И вчерашний, и завтрашний день были у нее свободными. Она могла бы, не торопясь, заняться своим мотоциклом. Наверняка в покрышке есть дырка от гвоздя... Но почему именно сегодня?

День начался как будто бы неплохо. Выйдя из дому, она поехала в колледж. Ехала спокойно, без происшествий, и по дороге, конечно, замечталась. Уйти в свои размышления, мчась на мотоцикле в потоке городского транспорта, равносильно самоубийству. Она понимала это, но движение было на редкость спокойным, а водители непривычно внимательны и корректны.

Она думала о Стэне Морски и о предстоящем свидании с ним. Она не хотела возлагать на это свидание каких-то особых надежд, но это получалось само собой. Воображаемые сцены теснились перед ней, заслоняя действительность и, уж конечно, дорогу, по которой она ехала. Ей вспоминались его голубые глаза, улыбка. Нет, не та, полная нежности, с которой Мэтт смотрел на Джинджер, но тоже очень приятная. И улыбался он ей. И еще: Стэн напомнил ей парня, с которым она встречалась два года назад. В выпускном классе. В тот день они с Ричем Уэлкером задержались в холле после занятий. Его открытую, добродушную улыбку чуть портил передний зуб с отколотым краешком. Он не уставал напоминать всем и каждому, что заработал этот боевой трофей в сногсшибательном победном матче с командой чемпионов футбольной лиги. Рич Уэлкер был спортивной знаменитостью, президентом класса и примером для подражания в моде. Из состоятельной семьи, конечно. На какие только ухищрения не пускалась Сара, лишь бы находиться с ним рядом. Она добилась, чтобы ее включили «в команду поддержки» — так называли девушек, приветствующих спортсменов на футбольном поле. А он ее словно не замечал. Был внимателен и приветлив со всеми, кроме нее. Шли месяцы, и однажды он посмотрел на нее по-новому, как будто увидел впервые. Это случилось в тот день, после занятий. Рядом никого не было, и он ее поцеловал. И посмотрел на нее с улыбкой, предназначавшейся только для нее.

У них было еще три свидания. Потом он сообщил ей, что женится на «Мисс Колледж», их королеве красоты того сезона.

Сара поспешила отделаться от грустных воспоминаний. Мысли вновь обратились к Стэну, чем-то похожему на Рика. Такой же высокий, симпатичный. Ездит на «порше». Мечтательный взгляд и потрясающая улыбка. Забавный и такой вежливый. Она ужасно удивилась, когда он пригласил ее на свидание. Она и не мечтала об этом — просто обслуживала его столик, и когда подходила к нему спросить, не нужно ли еще чего-нибудь, он говорил что-нибудь смешное. Потом к ней начал придираться клиент за соседним столиком, и Стэн шуткой разрядил обстановку. Она поблагодарила его за участие, а он пригласил ее на концерт. Теперь главная проблема у нее - что надеть, чтобы не ударить в грязь лицом рядом с таким парнем. Надо посоветоваться с Джинджер.

На этом этапе ее размышлений «Хонда» начала фыркать, чихать и умолкла. Мотоцикл нашел место остановиться — на середине улицы. Со всех сторон гудели сирены, кричали раздосадованные водители. Им только дай повод —

напускную вежливость как рукой снимет. Происшествие с мотоциклом для нее не было неожиданностью. Подталкивая заглохший мотоцикл к бордюру, она поняла, в чем дело. Вчера вечером, возвращаясь из библиотеки, она забыла наполнить бак бензином. Молодец, ничего не скажешь.

Ладно уж, опоздает на несколько минут, ничего страшного. Сара докатила мотоцикл до заправочной станции. С этого и началась цепь ее опозданий в тот день.

Первый урок в пятницу у нее без приключений не обходился. Профессор лингвистики Миллер часто задерживал ее после занятий за то, что она опаздывала к звонку.

Следующая неприятность поджидала ее на уроке психологии. Род Смит был одним из немногих в колледже, кто сразу понял, что занятия по психологии посещают самые красивые девушки колледжа. Он клеился ко всем девушкам в группе. Кроме Сары. Сегодня ей крупно повезло.

Он сидел чуть позади, демонстративно разглядывая ее голые ноги. Сара выругала себя за то, что не надела джинсы. Но день был такой теплый... Так приятно чувствовать на коже легкое дыхание весеннего ветерка, когда несешься на мотоцикле.

Род напомнил ей, сам того не зная, конечно, о неписаном законе цивилизованных джунглей. Если надеваешь мини-юбку, платье с глубоким вырезом или шорты, мужчины имеют полное моральное право пялить глаза на то, что сама им показываешь. Она решила проигнорировать Роба. Полностью забыть о нем она не могла, но, по крайней мере, он превратился всего лишь в маленькую, неприятную занозу, засевшую в дальнем уголке сознания. До конца лекции.

После занятия он потащился за ней. Вместе с ней вышел во двор, навязываясь своей болтовней. Сара не вслушивалась в то, что он ей говорил. Его тон, самоуверенный, настойчивый, сказал ей больше. Он и сам, скорее всего, не придавал большого значения тому, что он нес. Закончил он сакраментальной фразой:

— У нас было так мало времени. Мы должны узнать друг друга поближе.

Сара остановилась и посмотрела ему в лицо. По его глазам она поняла, что дело не в ней, Саре Дженет Коннор. Будь на ее месте любая другая студентка, его азарт охотника, подманивающего дичь, нисколько бы не уменьшился. Она для него всего-навсего одна из многих. «Самое умное с его стороны — оставить меня в покое,— подумала Сара,— но сам он не догадается это сделать».

— Род, я очень хочу узнать, как ты смотришься сзади, двигаясь в обратном направлении.

Она не ожидала, что ее слова произведут эффект разорвавшейся бомбы. Он покраснел, смешался, растерял свой дурацкий апломб и с побитым видом затрусил прочь. С ее стороны это был Поступок, никаких сомнений. О, Господи! Она не предполагала, что это на него так подействует. Может быть, у него все-таки есть к ней чувства?

Она подошла к мотоциклу и заметила эту спущенную шину.

Она окликнула Рода. Она еще вспомнит об этом порыве. Постаралась мило улыбнуться ему, и он просиял. Через минуту он возился с колесом.

Придется расплачиваться за его великодушие. Он понимал это не хуже ее. Закончив, обтер ладони о джинсы и обнял ее за талию.

— Я знал, что ты дозреешь,— пробормотал он, притягивая ее к себе.

Все испортил. Гнусная ухмылка — классический образец неприкрытой мужской похоти — очень не понравилась Саре. Она не выдержала и расхохоталась ему в лицо.

Провожая глазами его удаляющуюся спину, она отдавала себе отчет в том, что нажила врага. «Ну и пускай,— подумала она, вскакивая на мотоцикл,— сегодняшний день еще только начался.»

Она ехала на работу и тешила себя слабой надеждой, что опоздает всего на несколько минут. Всех неудач этого утра, которое мрачной страницей войдет в историю человечества, с лихвой бы хватило, чтобы умилосердить богов.

Но есть времена, когда боги требуют больших жертв.

Район Студио-сити, улица Гаттерас, дом 12856. 12.02 дня

Майк и Линда оказались у самого края тротуара. Спор у них вышел насчет игрушечного грузовика. Майк обиженно повторял, что грузовик его. Линда не тратила слов. Она выхватила игрушку из рук брата. Ей было девять, Майку семь. При помощи этой машинки с откидным кузовом, в точности похожей на настоящую, Майк производил раскопки в саду миссис Коннор. Линда подкралась к нему и вырвала машину.

— Мама тебе не разрешает здесь играть.

Майк упорно тянул предмет спора к себе.

— Ты же не мама.

Линда ответила:

— Мама сказала, ты должен слушаться меня, когда она уходит в магазин.

Майк бросился на нее и ударил по игрушке. Грузовичок выкатился на проезжую часть.

— Ну, Майк, ты...

Не слушая сестру, он побежал за отвоеванным добром.

В начале улицы показалась машина. Она двигалась медленно, водитель всматривался в номера домов. Линда кинулась к Майку, потащила его назад.

— Подожди, дурачок! Машина!

Майк вырывался что было силы. Автомобиль все так же неспешно приближался.

— Проезжай, проезжай,— нетерпеливо скомандовал он водителю.

Майк и Линда с удивлением заметили, что водитель притормозил и направил машину по узкой дорожке, ведущей к двум домам — их собственному и соседнему. Бедная игрушка, по которой проехались колеса, превратилась в плоский пластмассовый блин.

Испуганные дети притихли. Линда отступила назад. Майк онемел от возмущения. Из машины вылез и протопал мимо них страшный великан из сказки про бобовый стручок. Линда крепко прижала к себе братика.

Великан, не взглянув на них, направился к двери Коннеров. Громко постучал. Маленький шпиц для порядка тявкнул на него и счел лучше

ретироваться. Пришелец не обратил на собаку никакого внимания. Ему нужна была Сара Коннор.

Женщина приоткрыла дверь на цепочке, с опаской посмотрела на странного визитера.

— Сара Коннор? — без обиняков спросил Терминатор.

— Да,— ответила она.

Он с размаху толкнул дверь, которая обрушилась внутрь и сбила с ног хозяйку. Терминатор вынул кольт и установил лазерный прицел. Красный лучик заплясал на лбу миссис Коннор, скорчившейся на полу. Мгновенная вспышка ослепила ее. Больше она ничего не увидела. Пуля вошла точно на два сантимера выше ее правой брови.

Терминатор перевел светящийся пунктир ниже и выстрелил ей в грудь. Еще. И еще. Пока не разрядил магазин. Стрекот выстрелов смешался с жалобным визгом пинча на крыльце.

Терминатор наклонился над телом и острым, как бритва, длинным ножом рассек ногу женщины от лодыжки до колена.

Майк подбежал к двери соседского дома и замер на пороге. Его сознание не способно было воспринять весь ужас кровавого кошмара, разыгравшегося у него на глазах. Мультики он любил. Особенно «Том и Джерри». Он покатывался со смеху, когда Том забрасывал Джерри целой тонной всякой всячины и кот распластывался на полу, совсем как грузовичок Майка, раздавленный великанской машиной. Правда, в мультике все быстро становилось на свои места, и расплющенный Джерри опять превращался в пушистого кота. А миссис Коннор не хотела вставать. Она не шевелилась, и ковер под ней пропитывался алой влагой. Такого Майк ни разу не видел. Линда подошла к нему в тот момент, когда Терминатор кромсал убитую женщину так же неторопливо, как нарезают ростбиф.

Линда схватила брата за руку и со всех ног бросилась домой.

Терминатор постоял над изуродованным трупом. Он не нашел того, на что рассчитывал. Идентификация объекта дала отрицательный результат. Он обдумал план дальнейших действий, спрятал оружие и вышел из дома.

Дети, затаив дыхание, следили за ним из окна своей запертой на все замки квартиры. Когда машина отъехала, девочка истерически зарыдала.

Майк еще ничего не понял, кроме того, что его игрушка окончательно испорчена и жалобно повторял:

— Дядя сломал мой грузовик.

Все происшедшее заняло две, самое большее, три минуты и уже теряло реальные очертания. В этой смерти, внезапной, жестокой и бессмысленной, еще никто не разгадал бы тайного, до поры недоступного человечеству значения.

Что касается Майка и Линды, их родителям еще предстоит в течение нескольких лет выплачивать кругленькую сумму врачам-психиатрам.

Но и это не поможет детям.

Семейный ресторан «Биг Джефф». 12.17 дня

Сара во весь опор гнал свою «Хонду» сквозь густеющую дымку полуденного зноя. Раскаленный смог превратил автостраду в зыбкий мираж, из которого выпрыгивали ненатурально яркие щитки рекламы и дорожные указатели.

На стоянке возле ресторана «Биг Джефф» она цепью прикрепила мотоцикл к столбику по соседству с аляповато раскрашенной фигурой самого Биг Джеффа в поварском колпаке. Веснушчатый гипсовый здоровяк с плотоядной улыбкой подносил ко рту огромный гамбургер на радость всем толстым детям. Капля горчицы навеки застыла на синтетической булке.

Обычная суматоха обеденного перерыва сегодня грозила «Биг Джеффу» настоящим бедламом. Через секунду после того, как очередной клиент поднимался из-за стола, оставляя живописный натюрморт из недоеденных кусков и грязной посуды, к столу подлетал шустрый мальчишка-уборщик и принимался усердно наводить порядок. Официантки с озабоченными лицами носились между столиками, и даже посетители вполне солидного вида спешили в туалет трусцой.

Видеокамера, укрепленная над дверью с табличкой «Администрация», обозревала обеденный зал. Пробегая мимо, Сара состроила гримаску и тут же столкнулась с Нэнси Дайзен, полной, темнокожей официанткой наполовину филиппинского, наполовину ирландского происхождения.

— Извини,— выдохнула Сара.

— Да что ты, это я виновата,— скороговоркой выпалила Нэнси.— Уф! Еле успела.

— Я сама опоздала,— с некоторым облегчением сказала Сара вслед удаляющейся по коридору девушке.

Перед входом в помещение для обслуживающего персонала Сара замешкалась, отыскивая в сумке контрольный талон прихода на работу. Из сумки попадали учебники. Она опустилась на колени, чтобы собрать книги, и услышала неприятный металлический голос, который произнес ее имя.

Она непроизвольно взглянула вверх, на видеоэкран, под которым белела табличка на двери «Чак Брин. Управляющий.»

Закусив губу, Сара опустила свой талон в автомат и поморщилась, когда машина громко и укоризненно щелкнула, зафиксировав ее опоздание.

— Сара, зайди, пожалуйста, в мой кабинет,—проговорил тот же голос.

Зажав подмышкой кипу книг, она решительно толкнула дверь.

Чак Брин склонился над столом, на котором светилось множество мониторов. Ему не хватало формы, чтобы довершить сходство с дежурным полицейского управления. Но и при отсутствии полицейской бляхи он успешно реализовал свое настоящее призвание охранника.

Сара изобразила самую ослепительную улыбку, на которую только была способна.

— Привет-Чак-я-кажется-немного-опоздала,— отбарабанила она на одном дыхании, не теряя времени на паузы между словами.

Чак расшифровал и переварил ее фразу. Показал на экран компьютера, и его изрытое прыщавыми гнойниками лицо — лунный пейзаж, а не лицо — приобрело строгий, начальственный вид. Неподражаемо!

— Ты видишь, Коннор, систему «Эпл-Макинтош 128К» с комбинированной электронной таблицей. Здесь у меня все о каждом служащем: оклад, премиальные, график работы. И самое главное, Коннор, время прихода на работу. Сегодня ты опоздала ровно на восемнадцать минут. Причина?

— У мотоцикла шина спустила.

— Отчего это происходит, Коннор? У некоторых людей колеса не держатся и неделю. Со мной же ничего подобного не случается годами.

— Потому что последние десять лет ты ездишь на автобусе,— парировала Сара.

— Как и следует поступать всякому, кто не располагает абсолютно надежным транспортом.

— Мой транспорт в полном порядке. Я уже не помню, когда...

— Извини, Коннор, но меня не интересует твой велосипед.

— Это мотоцикл, Чак.

«Боже! Что ты делаешь? — надрывался внутренний голос.— Без работы хочешь остаться?» Отделаться от «маленькой Сары» не удалось. Она была, как всегда, права.

— Знаешь, Чак... я виновата. Извини. Больше этого не повторится,— заговорила она.

Понуро, жалобно, покорно. Девяносто девять человек из ста удовлетворились бы этим. Но не Чак Брин.

— Послушай, Коннор, тебе пора браться за ум. Пойми, ты уже достаточно взрослый человек, чтобы отвечать за свои поступки. Ты должна уважать свои обязательства по отношению к другим людям. В частности, по отношению к твоему работодателю. Смотри мне, чтобы больше никаких опозданий.

«Господи! — взмолилась Сара.— Откуда только берутся такие зануды!» Ее терзало желание популярно объяснить Чаку, до какой степени ей интересен моральный аспект проблемы опозданий. Но внутренний голос настоятельно убеждал, что сохранить работу для нее сейчас важнее, чем оставить последнее слово за собой. Ужасно грустно, что человек не может себе позволить один раз в жизни высказать все, что он думает. Решение обуздать себя далось ей тяжело, но портить себе жизнь собственными руками она не собиралась.

— Я помечу, чтоб вычли из твоей зарплаты.

Он подозвал ее поближе и показал, как засветилось на экране ее имя, окруженное мертвящим электронным поблескиванием.

— Вот так. Этот прискорбный случай занесен в банк данных.

И Чак вновь углубился в созерцание своих драгоценных приборов. Взгляд его водянистых рыбьих глаз напомнил Саре ее игуану, блаженно застывшую возле салатного листа.

«И все-таки жизнь прекрасна»,— сказала она себе, выходя из кабинета.

За дверью она не смогла-таки сдержать все, что накопилось у нее на душе. Свернув за угол в раздевалку для персонала, обернулась в сторону кабинета управляющего и с удовольствием адресовала ему фигуру из трех пальцев.

— Плохо, Коннор. Не умеешь вести себя на работе. Пока еще ты работаешь у нас.

Она совсем забыла, что в противоположном конце коридора тоже установлена видеокамера.

К ней подошла Нэнси.

— Не забудь сегодня почаще предлагать фирменный салат Джеффа. Пошли отсюда. Большой Джефф не дремлет.

Войдя, наконец, в раздевалку, Сара устало бросила книги в свой шкафчик.

— Наверняка, у него и здесь камера припрятана.

— Да-а-а? — пропела Нэнси.

Эта мысль показалась ей интересной. Она задрала форменную юбку и, выставив напоказ трусики, прошлась по комнате.

— Суперсеанс для тебя, прыщавая морда.

Сара засмеялась. Неприятность была забыта. Она принялась переодеваться.

— Ты все-таки поосторожнее,— пробормотала Нэнси, отправляя в рот свою обычную порцию жвачки — пять ароматных пластинок.

Сара высказалась по поводу мании преследования, развившейся у сотрудников «Биг Джеффа», но все-таки отвернулась к стене и сняла свою одежду под прикрытием дверцы шкафа.

Нэнси ждала ее, оттягивая начало своей смены. Высвободившийся минимум времени она использовала для своего любимого занятия. Нэнси обожала посплетничать о других девушках. Сегодня на язычок ей попалась Сью Эллен. Новенькая, у нее была несносная привычка чихать, брызгая слюной на блюдо, которое она собиралась подать клиенту.

Сара облачилась в форменную одежду: малиновую юбку и розовую блузку. Остается положить на лицо немного косметики. Подвести глаза, наложить на щеки румяна. Ну и вид у нее! Краше в гроб кладут. А как еще она может выглядеть в этот безумный день?

В детстве мать пророчила ей, что ее глаза будут неотразимы для мужчин. Она посмотрела в зеркало. Где он, этот соблазнительный взгляд, которому, как уверяла мать, станут завидовать другие женщины? Чуть припухшие веки, будто она устала или не выспалась. Цвет глаз тоже казался матери необычным. Орех с красным деревом. Сара улыбнулась своему отражению, откинула голову, изучая произведенный косметикой эффект. Ничего особенного. Карие глаза, светло-каштановые волосы. Ничего, мамочка, все еще будет хорошо!

Она стянула длинные волосы в пучок, заколола его на затылке. Такую прическу носили все официантки «Биг Джеффа».

— Привет,— с заученной улыбкой обратилась она к девушке, стоявшей перед ней в большом зеркале.— Меня зовут Сара. Я обслуживаю ваш столик.

Она ущипнула себя за щеки, потерла их, разгоняя кровь.

— Редкостная красота.

Нэнси разогнуться не могла от смеха.

Семейный ресторан «Биг Джефф». 4.34 дня

Сара привычно и легко двигалась по залу, гудящему, точно потревоженный улей. Лавируя между столиками, изгибаясь по балетному, она несла на вытянутых руках сразу три подноса с заказами. Упитанный верзила грубо дернул ее за передник. На лице его была написана крайняя степень негодования. Во избежание неприятностей Сара отвела в сторону тяжелый груз и глянула на клиента с суровым видом, который часто выручал ее в сложных ситуациях.

— А кетчупа здесь не полагается?

Мужчина разъяренно тыкал жирным пальцем в тарелку с картофелем «фри».

Подчеркнуто невозмутимым тоном Сара произнесла:

— Вдобавок к тому, что уже стоит у вас на столе?

И она указала посрамленному скандалисту на бутылочку с кетчупом, прикрытую буклетом меню. Она понесла заказ к следующему столику, где несколько мужчин всячески выказывали свое нетерпение. Сара начала

расставлять заказы, как вдруг нервный старик, сидевший вдалеке, немедленно потребовал свой кофе. Она бросила через плечо: «Одну минуточку. Сейчас подойду» — и продолжала улаживать первоочередную проблему.

— У кого бифштекс «бэрли биф»?

— Не знаю, но лично я заказывал мясо на вертеле,— послышался раздраженный голос.

Ему вторил другой:

— Скорее всего у меня, но я не заказывал жареный картофель.

Откуда-то неслось:

— У меня сыр по-чилийски.

Сара внезапно почувствовала, как почва уходит у нее из-под ног. На нее сразу нахлынула неимоверная усталость, накопившаяся за день. Обычно она без труда справлялась с ничтожными конфликтами, умела поладить с трудным клиентом. Но не сегодня. Сегодня все шло наперекосяк. Все тридцать три несчастья этого дня, пустяковые сами по себе, навалились на нее скопом. Она никак не могла сосредоточиться на работе. Сейчас все на свете заслонял от нее один простой вопрос, ответ на который она мучительно искала и не могла найти.

Так кто же все-таки заказывал бифштекс «бэрли биф»?

Пухлая блондинка с двумя такими же белобрысыми дочерьми требовательно напомнила:

— Мисс, мы уже давно вас ждем.

— Да, мадам, сию минуту,— автоматически ответила она и сняла с подноса последнюю тарелку.

Повернувшись, чтобы уйти, она локтем задела стакан с водой. И обреченно закрыла глаза. Мужчина, сидевший у прохода, что-то злобно прошипел и негодующе воздел руки, словно призывая всех присутствующих в свидетели. На пиджаке у него расплывалось влажное пятно.

Сара схватилась за салфетку, принялась лихорадочно промокать пятно, бормоча извинения. Лицо человека недвусмысленным образом выражало все, что он думает об этой растяпе.

Тем временем маленькая девочка за соседним столиком наскребла в ложечку мороженого и потихоньку опустила холодный скользкий шарик в карман Сариного передника, предназначавшийся для денег. Сара вскрикнула от неожиданности. Девочка торжествующе захихикала. Готовая то ли взорваться, то ли зарыдать, Сара, едва сдерживаясь, метнула на ребенка затравленный взгляд. Облитый ею посетитель исподтишка одобрительно подначивал безобразницу:

— Отличное начало, малышка. Придется чаевые отдать тебе.

Сара застыла на месте, огорошенная шквалом сыплющихся на нее ударов, будто насылаемых таинственной недоброй силой.

Нэнси, проходя мимо, похлопала ее по плечу.

— Брось! Посмотри на эту ерунду с точки зрения вечности. Через сотню-другую лет о твоих страданиях никто не вспомнит.

Район «Сенчери сити». 5.41 вечера

Риз почувствовал себя очень неуютно. Он даже вспотел от напряжения, когда рядом с ним на перекрестке Пико и Доутени в ожидании зеленого сигнала светофора собралась нарядная, благоухающая толпа. Мужчины в отглаженных костюмах, женщины в нарядных платьях с идеально уложенными — волосок к волоску — и покрытыми лаком прическами.

Они казались ему людьми другой расы. Он и предположить не мог, что его соотечественники так разительно отличались от него самого, от его друзей. Эти люди вызывали у него смутный страх. Проведя здесь шесть часов, он еще не привык к ним и продолжал настороженно прислушиваться и присматриваться, когда оказывался среди людей. Внешне он сохранял непоколебимое спокойствие каменного Будды. В одной руке держал большую пластиковую сумку для продуктов, другая уверенно сжимала рукоятку кольта тридцать восьмого калибра в кармане плаща. Люди, стоявшие рядом, не сводили глаз со светофора.

Его раздражал исходивший от них аромат. Приторно-сладкий обман духов. Сплошная химия. За весь день он ни разу не почувствовал естественного запаха человеческого тела. Привычного и успокаивающего.

Загорелся зеленый огонек, и нескончаемый поток транспорта устремился в другом направлении. Пешеходы в одежде от Кэлвина Клейна* поспешили к полосатой дорожке. Риз отстал, пропустил их вперед, обеспечивая себе удобный сектор обзора.

Он продолжал путь в юго-западном направлении. Прохожие попадались все реже, и он мог без помех рассматривать машины, припаркованные у тротуаров. Ему нужна была машина, подходящая для выполнения задания. Внешний вид значения не имел. Автомобиль должен быть вместительным, с мощным, надежным двигателем, позволяющим развивать большую скорость. Главное, чтобы машина не привлекала внимания.

Риз ограничил свои поиски окраинными районами. Автомагазины его не интересовали, поскольку покупать машину он не собирался. Дважды он был почти у цели.

В первый раз его привлек забрызганный грязью «кадиллак» на тихой безлюдной улице. Он уже собрался действовать и подошел к нему поближе, но его спугнули дети владельца, возвращавшиеся из школы. Часом позже в недрах подземного бетонированного гаража, расположенного под стеклянной коробкой офиса, он открыл светло-голубой «крайслер» и потянулся к проводам под щитком приборов, как вдруг тишину прорезал надрывный, пронзительный вой. Он потратил еще пять секунд, отыскивая способ вырубить сигнализацию, но ситуация становилась опасной, и ему пришлось спастись бегством. Проклятая техника. И здесь она одержала над ним верх.

Солнце почти скрылось, когда Риз заканчивал осмотр квартала между Пико и Элкотом. Действие стимуляторов, которые ему впрыснули перед хронопортацией, ослабевало. Бодрящая напряженность спала, все сильнее наваливалась усталость.

«Вперед, солдат,— подстегнул он себя.— Действуй, не расслабляйся.

---

*Американский модельер

Продолжай разведку местности.» Он методично ощупывал взглядом территорию, которую мысленно поделил на секторы.

На востоке — асфальтированная дорожка, движущийся транспорт отсутствует. С юго-востока на юго-запад тянутся двухэтажные строения, скорее всего, жилые дома, много пустых квартир. На севере — продолжение улицы, транспорта не видно... Между северо-западным и северо-восточным секторами — строительная площадка, обнесенная металлической оградой. Приблизительно двадцать тысяч квадратных метров. В отдалении два трактора, подъемный кран и шесть человек рабочих.

Внезапно сердце у него сжалось, ладони покрылись потом. Он хотел двинуться дальше и не мог. Красный сигнал опасности тревожно пульсировал в мозгу, но что-то словно притягивало его к пустырю, не позволяя уйти прочь. Воспоминания? Прежде он был связан с этим местом, над которым застыл невидимый сгусток ужаса и боли. Наваждение, не иначе. В глазах у него потемнело, обрывки воспоминаний заслонили мирный городской ландшафт: искалеченные тела, горящие развалины. Ему казалось, он уже бывал тут. Риз глубоко вздохнул, отгоняя призрачные картины. «Занять мысли делом!» — приказал он себе. Что, если хронопортация оказала пагубное действие на его сознание, и это начало раздвоения личности?

Он вспомнил!

Помедлив еще секунду, Риз поправил под плащом ремень, переложил сумку в другую руку и пошел дальше. Он загнал страшные образы в самый дальний угол памяти, накрепко запер их там. И принудил себя думать только о машинах, попадавшихся на пути.

В конце улицы он заметил «ЛТД». Покружил возле автомобиля, присматриваясь к колесам. Покрышки в полном порядке. Повреждений нет, кроме небольших царапин по бортам. Окраска неяркая, потускневшая. Тем лучше.

Еще раз огляделся. Никого. Быстрым движением поддел капот и поднял его, впуская дневной свет в сумрачное нутро машины. Уйма сложных приспособлений, очищающих выхлоп. Их он бы сразу повыбрасывал. Так. Двигатель объемом в 351 кубический дюйм. Мощный. Отличная модель. Он приблизился к месту водителя и вытащил из кармана складную металлическую вешалку для одежды. Продолжая держать улицу в поле зрения, распрямил проволоку, подсунул один конец в дверной зазор повыше ручки, нащупывая собачку замка. Вокруг все было по-прежнему спокойно. Замок щелкнул и открылся. Он сел в машину, бросил сумку на сиденье и аккуратно прикрыл за собой дверцу.

Провода зажигания находились под рулевой колонкой. Он действовал по памяти. Точными, уверенными движениями пальцев зачистил провод зажигания, напрямую соединил медную и свинцовую проволочки. Двигатель заурчал и ожил. С того момента, как он увидел машину, прошло две минуты.

Он нажал на газ, прислушался к шуму двигателя. Звук четкий, равномерный, без перебоев.

Прогревая мотор, он развязал плечевой ремень, освободил ружье и положил его рядом с собой. Риз с восхищением рассматривал роскошное устройство машины. Ноги его утопали в пушистом ковре. Как только он включил мотор, заработало радио. Он покрутил ручку настройки. Из динамиков

полилась, заполняя кабину,тягучая мелодия Джима Моррисона. На другой волне обладатель зычного баритона призывал Божью кару на головы грешников, которые не поддерживают своими взносами его программу. Риз с жадностью ловил то одну, то другую станцию, точно голодный человек, угодивший на неожиданное пиршество. Отыскал и прослушал программу новостей. Ничего особенного. В городе три убийства и три локальных конфликта в мире. Сверил часы на приборном щитке с сигналом времени по радио. Точно идут.

Он с наслаждением вдохнул запах кожаной обивки. Вот, значит, как они жили. Увеличил громкость приемника, изумленно прислушиваясь к словам дурацкой песенки о разбитом девичьем сердце.

Откинувшись назад, Риз удобно устроился на сиденье. Его тело, постоянно сжатое в пружину, готовую к броску, испытало блаженную расслабленность покоя. Ласковая, теплая волна дремоты охватывала сознание, соблазняя кратким мгновением благодатного сна.

Ни в коем случае! Он заставил себя распрямиться. Выпрыхнул на сиденье содержимое карманов. Итак, три коробки патронов для пистолета тридцать восьмого калибра и еще четыре коробки картечи. На первое время хватит. В девять пятнадцать утра он совершил набег на маленький спортивный магазинчик, который покинул в девять шестнадцать с полными карманами боеприпасов, не обращая никакого внимания на заливавшегося в бессильном лае сторожевого пса.

Опорожнил пластиковую сумку, которую ему удалось набить в захудалой лавчонке на Кренпо. Владелица, старуха-кореянка, так и не оторвалась от экрана телевизора. Из сумки появились номер «Космополитена», две бутылки минеральной воды и четырнадцать плиток шоколада «Сникерс». Настоящий шоколад. Он пробовал его однажды мальчишкой. Помнится, надолго растягивал шоколадку, пока последняя драгоценная крошка не растаяла на языке. А тут есть — не хочу. Он сунул в рот плитку. Всю, целиком. Сжевал, упиваясь невероятным, сказочным вкусом и ароматом, и вспомнил, какой дрянью привык питаться Там. Посмотрел бы па него в эту минуту малыш Вилли, командир его огневого взвода, давно уже погибший. Он представил расширенные от изумления глаза товарища. «Ну ты даешь, сержант! Неужто слопал все четырнадцать?» Именно, подтвердил он, разворачивая новую плитку.

Пролистал журнал. Длинные статьи не заинтересовали его, да их и немного было. Перешел к рекламе. Вот это роскошь! Он не мог оторвать завороженного взгляда от ярких, глянцевых фотографий. Сегодня на улицах он видел красивых женщин, ухоженных, празднично одетых, благоухающих чистотой и свежестью. Так разительно несхожих с женщинами, знакомыми ему.

Но журнальные дивы потрясли его воображение куда сильнее. Неземные существа, соблазнительно гибкие, облаченные в одежды ярчайших, не виденных им цветов. На гладких, без единой морщинки, лицах кокетливые улыбки, нанесенные умелой рукой художника-гримера. Гибкие, изящно склоненные шеи, тонкие пальцы с длинными наманикюренными ногтями исключали саму мысль о физическом труде. В его время от этой изысканной элегантности за несколько минут не осталось бы и следа. Может быть, это и не очень здорово с его стороны, но мысль о том, как хрупка и недолговечна женская красота, которой ему так и не довелось узнать, принесла ему странное удовлетворение. Он скользил загрубевшими, исцарапанными пальцами по лицам фарфоровой

нежности, по точеным фигуркам. Их красота причиняла ему боль, ибо Риз, как никто другой, знал, что в мире, где каждый день ходишь по лезвию ножа, нет места красоте.

Он прислонился к дверце головой. Искусительница-подушка на плюшевом сиденье затягивала его в свои ласковые объятия, нашептывая предательскую мысль о минутном забвении. И он вновь подумал о том, что Там он не мог себе позволить множества, казавшихся такими естественными, вещей. Например, спокойно поспать.

Он бросил усталый взгляд на строительную площадку, на трактор, подминавший под себя перепаханную землю. Гудение становилось все громче — оно знакомым эхом отдавалось в мозгу Риза. Земля содрогалась под тяжестью многотонных гусениц. Взгляд Риза...

...Приковали к себе гигантские, поблескивающие металлом колеса метрах в сорока от него. Колеса неумолимо приближались, перемалывая куски железа и дерева, остатки одежды и кости.

Горы человеческих костей, которыми был усыпан пустырь, едва освещенный луной.

Почерневшие кости, обугленные в пожаре ядерной войны, отполыхавшем еще до рождения Риза, толстым слоем покрывали обширные пространства. Горы мертвой трухи стали такой привычной деталью здешнего пейзажа, что никто не задумывался над тем, из чего выросли эти холмы.

Останки черепов исчезали под колесами «охотника-убийцы». Риз отрешенно наблюдал. Ему ни о чем не говорили следы той войны, о которой он знал лишь понаслышке. Беззубый оскал черепа, который вот-вот рассыплется, придавленный железной махиной, зашелся в безмолвном крике: «Наступит и твоя очередь!» Крик был обращен к нему, Ризу. Он отвернулся.

Тогда его лицо еще не было покрыто шрамами. Они появятся позже. Ему только что исполнилось шестнадцать.

Машина подходила все ближе. Металлический скрежет вонзался в мозг человека, точно живое существо, от когтей которого нет спасения.

Ослепительный океан света затопил небо до горизонта. Доля секунды отделяла внезапную вспышку от грохота взрывов. Снаряды рвались все ближе, земля вокруг него вздыбилась. Лучи прожекторов обшаривали пустырь, нащупывая очаги людского сопротивления. В следующее мгновение все, что еще дышит, движется, борется, будет уничтожено машинами.

Притаившийся в развалинах Риз буквально вжался в землю. Тошнотворный запах горящего человеческого мяса наполнил воздух. Он подавил нестерпимое — самоубийственное — желание бежать, глубже зарываясь в зловонное месиво.

«Страх — это смерть»,— говорил себе Риз.— Не поддашься панике — будешь жить».

Видеосвязь с командным пунктом прервалась. Хорошо еще остались наушники и микрофон. Радио доносило до него лихорадочную многоголосицу боя: отрывистые команды, грохот стрельбы, крики раненых и отчаянные просьбы. Прислать снарядов! Прикрыть огнем! Вывести раненых!

Он обернулся. Из двенадцати бойцов его расчета в живых остался один. Капрал Ферро. Худая, изможденная девушка-сапер. Ей недавно исполнилось

пятнадцать лет. Она не отходила ни на шаг от командира расчета, словно в нем была вся ее надежда на спасение.

На темном фоне ночного неба скользнула хищная тень. Башня ОУ. Лучи прожекторов тщательно прочесывали руины домов. Риз сверился со счетчиком импульсов. В его боевом излучателе «вестингауз-М25» оставался еще один плазменный заряд. Он принял решение стрелять. Хотя бы выбить видеокамеры этой сволочи! Риз навел свой автомат на глаза чудовища, оптические устройства с инфракрасным излучением. Прицелился и выпустил разряд плазмы высокой энергии. Сверхчувствительная оптика ОУ рассыпалась цветным веером осколков.

Риз и Ферро успели выскочить из-под развалин за секунду до того, как ответный залп обратил в пыль их укрытие. Риз вывел из строя одну видеокамеру. «Ничего, я все равно добью тебя»,— прошептал он.

Риз отступал короткими стремительными перебежками. Бой настиг его внезапно, он уже и не помнил, как все это началось. События мелькали в бешеном темпе кинопленки, пущенной на огромной скорости. Он едва не споткнулся о мертвое тело. Мальчик лет десяти, не больше, сжимал старенький М-16. На груди ребенка дымилось круглое отверстие. Застывшие глаза смотрели в небо. Кладбище тел! Кто в форме, кто просто в лохмотьях. Женщины, старики, дети...

Сокрушительный огневой вал прокатился от Рексфорда до Шерборна, выжигая все на своем пути. Израненная земля содрогалась от взрывов.

Риз камнем свалился в блиндаж. Тесная нора забита обезумевшими от ужаса людьми. Руки судорожно сжимают оружие. Кто-то всхлипывает. Или стонет. Есть и дети.

Вот она, армия, которая противостоит ожившему кошмару.

Но какого дьявола они тут засели? Территория должна быть полностью очищена от людей, чтобы обеспечить взрывникам полную свободу. Риз еще не рассчитался с ОУ.

— Где ваш командир? — крикнул он.

Ответ был написан на лицах. Оставался наверху. Погиб в огне или под колесами танка.

— Уходите отсюда! Быстрее!

Никто не пошевелился. Страх подавил в них волю к сопротивлению. Он подталкивал их, заставляя подниматься, а сам продолжать кричать:

— Ну же, бегите! Часть перегруппировывается в двенадцатом бункере.

Люди покорно кивали. Смысл его слов, очевидно, не доходил до них, но они выпрыгивали из укрытия, куда-то бежали. Ночь поглотила удалявшиеся фигуры. У Риза не было уверенности, что они доберутся до указанного им пункта.

Высунувшись из блиндажа, он осмотрел местность. Куда подевалась чертова машина?

В следующую секунду блиндаж накрыло взрывом. Не замеченный Ризом ОУ произвел гигантский прицельный выброс плазмы. В воздух взлетели камни, доски, обрывки брезента. Риза швырнуло взрывной волной на бетонное перекрытие, и он потерял сознание.

Очнулся в глубокой воронке. Он лежал на спине. Голова раскалывалась от

нестерпимой боли. В бессильной ярости он заскрипел зубами.

Над ним склонилась Ферро. Она что-то кричала, указывая на его каску. Он ничего не слышал. В ушах стоял одуряющий звон.

Он приподнялся. Сорвал каску. Вот оно что! Пробита. Отшвырнул ее, пристроил на голове наушники. «Что же ты застрял там, точно кусок дерьма? Давай, вали сюда!» — мысленно подзывал он вражеский танк.

Они с Ферро отползли под защиту железобетонной глыбы, торчавшей из-под земли там, где когда-то стоял дом. Танк продолжал преследование. Вначале гора обломков осветилась мертвенными вспышками прожекторов, затем показалась сама стальная махина. Орудия на башнях равномерно вращались, поливая шквалом смертоносного огня все в радиусе нескольких миль.

Риз потянул ранец, висевший у Ферро за спиной, достал две цилиндрические противотанковые мины. Одну для себя, другую для девушки. ОУ подползал все ближе. Он был уже так близко, что если бы не грохот, не смолкавший ни на минуту, они услышали бы, как скрежещут орудия, поворачиваясь вокруг своей оси. Риз сделал глубокий вдох. Спокойно! Пальцы автоматически ощупали корпус мины. Рубеж дальности отменен. Снять мину с предохранителя! Танк находился в нескольких ярдах от них, гул двигателей перешел в оглушительное завывание. Риз видел перед собой только гусеницы танка. Все остальное перестало для него существовать. Подохни, гад!

Он метнулся из тени на освещенное пространство и подложил снаряд на пути наступавшего чудовища. Изрыгающая огонь глыба пронеслась над миной, не задев ее. Пролетев разрушенные дотла строения, в которых еще скрывались и, вопреки логике, продолжали сопротивляться люди, машина замедлила ход и начала неуклюже разворачиваться.

Отскочив за груду камней, Риз краем глаза увидел, что Ферро поскользнулась и едва не упала, но мину из рук не выпустила. Взрывное устройство было пущено, таймер отщелкивал секунды.

— Бросай немедленно! — во всю глотку заорал Риз.

Остов здания заслонял от нее бронемашину, которая маневрировала, избирая наиболее удачный угол поражения. Теперь для того, чтобы снаряд Ферро достиг цели, ей придется выбежать из укрытия и бросить мину под массированным огнем ОУ.

Все завалила! Ферро взглянула на своего командира. Она и сама поняла, что упустила время. Девушка взобралась на бетонную плиту, которая защищала их, и, выпрямившись во весь рост, метнула снаряд, целясь в ходовую часть. Пригнуться она не успела. Пламя, вылетевшее из танка, огненным лезвием полоснуло ее по груди. Даже не вскрикнув, она упала. Ее тело превратилось в сгусток алого тумана. Кроваво-красные кристаллы попали на рубашку Риза, обрызгали его лицо и руки. Он не притронулся к тому, что осталось от Ферро.

Его мысли вернутся к ней позже.

Мина, подложенная Ризом, взорвалась первой, поразив более уязвимую кормовую часть машины. Обломки гусениц мощным ударом вогнало в корпус. Одна из вращающихся башен была пробита, и тонны боеприпасов, находившиеся в ней, полыхнули гигантским костром. Новый взрыв сотряс баки с горючим, и пятнадцатиметровой высоты бронированный исполин, самое совершенное орудие убийства, содрогнулся, охваченный пылающей лавой. Мина, которую

бросила Ферро, взорвалась, не долетев до цели, но и ее вспышка мощным штрихом довершила зрелище адского карнавала.

ОУ, сотрясаясь, распадался на части, и его последние конвульсии вызывали огненный вал, затопивший небо от края до края, словно над мертвой, выжженной землей вдруг родилась сверхновая звезда. Риз, как зачарованный, смотрел на бушующее море очистительного пламени.

Теперь — добраться до сборного пункта в Доугени. Он начинал задыхаться от дыма, которым был пропитан воздух. Горело все: металл, арматура, люди.

Среди развалин застрял БТР, и в нем двое контуженных, чудом уцелевших людей. Он сел за штурвал и разогнал машину. Над ними делал виражи летающий ОУ. Но через некоторое время цель ускользнула от истребителя, затерявшись в дыму и грохоте взрывов. Риз гнал БТР мимо протянувшихся на десятки километров черных пепелищ. Когда-то здесь были улицы.

Летающий ОУ выследил их и перешел в пике под углом в сорок градусов. Турбины взревели на пределе нагрузки, прожекторы засекли движущийся БТР, и боевой самолет дал прицельный плазменный залп. Бронемашину смяло, точно пустую жестянку, а следующей очередью рассекло пополам и подбросило в воздух.

Обломком искореженного борта Риза приподняло к сиденью. Кровь заливала ему глаза. Он успел увидеть, что у бойца, привалившегося к нему, снесло верхнюю часть туловища. Тугой комок застрял в горле Риза, и он весь содрогнулся. Попробовал пошевелиться. Обжигающая боль пронзила левое плечо. Языки пламени лизали покоробившуюся обшивку, подступая все ближе к бессильно распростертому человеку. Он рванулся, напрягая последние силы, но не мог сдвинуться с места. Отвратительный запах горелого расползался вокруг — это горели его волосы. Он сжался от донесшегося издалека душераздирающего, нечеловеческого крика. Что-то знакомое послышалось ему в голосе того, кто так страшно кричал. Это был он сам...

Риз открыл глаза. Он не помнил, как схватил винтовку, лежавшую на сиденье, как дослал патрон в патронник. Он задыхался, по телу градом катился пот. В мозгу, еще не освободившемся от тягостных видений, всплывал настойчивый вопрос: «Где я?», этот вопрос он привык задавать себе, просыпаясь.

Взгляд его метнулся по мягкой обивке машины, удивленно помедлил на плитках шоколада и номере «Космополитена». Он в незнакомом городе. ЗАДАНИЕ. Он посмотрел на циферблат электронных часов. Спал он всего три минуты.

Риз медленно приходил в себя. Сон, заставивший его прожить три минуты в колоссальном напряжении душевных и физических сил, бледнел, забывался. Безобидный тягач все так же перепахивал строительную площадку, на которой не было ничего, кроме зеленеющей травы. Еще не было. Растерзанные тела, пожарища, машины, несущие смерть, пока существуют лишь в его сознании.

Он отогнал воспоминания.

Семейный ресторан «Биг Джефф». 5.58 вечера

Чак Брин засек Сару в коридоре. Она как раз собиралась, уходя, опустить в автомат свой контрольный талон.

— Ты куда собралась, Коннор? — остановил ее громовой голос из динамика.— Перерыв у тебя был всего час назад.

Сара совсем выбилась из сил. Она не замечала, что плечи у нее устало поникли, юбка помялась, а блузка забрызгана соусом. За день она так набегалась, что ноги казались чужими. Злобно посмотрев на экран видеокамеры, она ответила:

— Ты, как всегда, прав Чак.

— Как называется такое поведение?

— Я ухожу.

— У тебя рабочий день до семи.

— Именно. Кроме пятницы, когда меня на час раньше сменяет Дениз.

Сара окончательно потеряла терпение — он понял это, невзирая на микрофон далеко не идеального качества.

— Ладно, ладно, Коннор, не лезь в бутылку. Где твоя сменщица? Пока ее нет, ты должна быть на месте.

В коридоре показалась Дениз, крепкая, полногрудая блондинка. Она давно перешагнула за тридцать и нисколько не комплексовала по этому поводу. И по всяким другим тоже.

Дениз повернулась к экрану и проворковала с неподражаемой материнской заботой:

— Чак, дорогой, что ты нервничаешь? Опять запоры замучили?

Сара прыснула и выскочила из коридора — откуда только силы взялись? Здорово, когда у тебя есть такая подруга. Дениз всегда знает, как поступить, пока она мямлит и пререкается со своим внутренним голосом.

К ней подлетела взволнованная Нэнси и вцепилась в ее руку так, словно Сара только что была на волосок от смерти, и ей, Нэнси, принадлежит честь ее спасения.

— Пойдем скорее, там о тебе говорят,— тараторила она, одновременно докуривая сигарету и дожевывая порцию жвачки. Нэнси потащила ничего не понимающую Сару в комнату отдыха, где у экрана маленького, черно-белого телевизора уже сидела Клаудиа и, положив на низкий столик отекшие ноги, слушала программу новостей.

— Ты только послушай, Сара. Как странно!

Неподдельный ужас, мелькнувший в глазах Клаудии, согнал с лица Сары недоверчивую улыбку. Она прислушалась. Невероятно! Строгая дикторша в отлично сшитом деловом костюме как будто и впрямь говорила о ней.

— ...Еще раз о событиях дня. Сара Коннор, тридцати пяти лет, домохозяйка, мать двоих детей, сегодня зверски убита в своей квартире. Представитель полиции, прибывший на место происшествия, не высказал никаких предположений относительно мотива убийства.

Диктор перевернула страницу и подождала, пока на экране монитора перед ней появится текст-подсказка. Она продолжала говорить что-то о предстоящей забастовке водителей грузового транспорта, но Сара уже не слушала.

«Бедная, бедная женщина! Ее звали так же как меня. Боже мой, все мои неприятности не стоят выеденного яйца по сравнению с этой трагедией. Как подумаешь, что убийца-маньяк бродит по городу, и жизнь человеческая для него ничто... Надо же, Сара Коннор...»

— Ну вот, дорогая, можно считать, что тебя уже нет.

Нэнси хлопнула ее по плечу и рассмеялась так, будто лучшей шутки не

слышала за весь день.

Хэнкок-парк. 6.12 вечера

Терминатор нажал на защелку магазина, отшвырнул растрелянную обойму и перезарядил свой кольт с лазерным прицелом. Он постоял над окровавленным телом Сары Хелен Коннор, которое еще содрогалось в последних спазмах агонии, и снова поднял пистолет. Алая метка лазерного прицела замерла на лбу женщины. На тот случай, если потребуется еще одна пуля.

Больше стрелять не понадобилось.

Он вынул из кармана своей куртки нож и быстрым, точным движением сделал разрез на левой ноге женщины, чуть повыше лодыжки. Рассек мышечную ткань до колена и запустил пальцы в еще не остывшую плоть, обнажая блестящую белую кость.

Того, что искал, он не нашел. Вторая ликвидация, а результат опознания объекта отрицательный. Он спрятал нож, поднялся. Продумал дальнейшие действия. Из трех женщин по имени Сара Коннор, адреса которых указаны в телефонной книге, две перестали существовать. Остается одна. Сара Дженет Коннор. Скорее всего она и является искомым объектом.

Он определил стратегию поиска. Он возвращается на свою базу для перевооружения. Затем проводит заключительную операцию.

Терминатор решительно шагнул на улицу, в догорающий мартовский день.

Санта-Моника, спортивно-оздоровительный центр «Красота и здоровье». 6.18 вечера

Сара свернула на стоянку возле двухэтажного здания оздоровительного центра. Она соскочила с мотоцикла и направилась к длинному, приземистому зданию, которое, несмотря на деревянную обшивку и желтоватую окраску стен, походило скорее на тюрьму, чем на спортивное сооружение.

Она помахала девушке за стойкой, и та показала ей на дверь секции аэробики. Впрочем, Сара могла бы и сама с легкостью отыскать подругу: рев тяжелого рока, слышный в коридоре, безошибочно указывал, где занимается Джинжер. Сара толкнула тяжелую дверь, и ее сразу обдало душной волной нагретого воздуха, хотя в зале не прекращал жужжать кондиционер.

Мелодия Дениса Уильямса, от которой дрожали стены, вдохновляла стайку отдувавшихся девиц на телодвижения, изящество и непринужденность которых напоминали о лучших традициях муштры в прусской армии. Джинджер громко отсчитывала такты и гоняла своих подопечных не хуже сержанта в лагере начальной военной подготовки. Девушки в цветных колготках скакали, тряслись, молотили руками и ногами. И все это называлось красивым словом «танец».

Лишь несколько человек внимательно следили за тем, как чисто и элегантно выполняет упражнения неутомимая Джинджер и более или менее удачно подражали ей. Большинство же имели такой вид, словно только что разделались с порцией «Биг Джеффа» и теперь страдают от неизбежных последствий обжорства. А Саре никакие тренировки не требовались при ее тридцатичетырехчасовой рабочей неделе в ресторане.

— Раз-два-три-четыре! Растянулись! — командовала Джинджер, которая была полностью в своей стихии.

Но после трех минут этой вакханалии даже Денис Уильямс истощил свои возможности, и пленка подошла к концу. В наступившей внезапно тишине

раздавалось лишь посвистывание и шорохи микрофона да жалобные охи. Джинджер с победоносным выражением осмотрела свою гвардию и самодовольно спросила:

— Здорово было сегодня, да?

Свой энтузиазм девицы выразили краткими репликами мало пристойного содержания.

— Ну уж нет, или вы правильно понимаете свои задачи, или мы переходим на более интенсивную программу,— давясь от смеха, заявила Джинджер.

Пока Джинджер облачалась в свой обычный свитер и джинсы, Сара сидела в раздевалке.

— Неужели имя совпадает? — сочувственно спросила Джинджер.— Mondo bizarro*.

— В том-то и дело.

Сара смотрела отсутствующим взглядом на стенку шкафчиков и крутила в пальцах провода наушников. Джинджер изобразила привидение из фильма ужасов и, зловеще завывая, подступила к подруге.

— Маленькая Сара не знала, что ждет ее на пути домой после долгого, трудного дня... Темно! И навстречу ей...

Нет, Джинджер просто невозможная выдумщица. Сара прыснула.

— Хватит тебе.

— Я всегда знала, что ты прославишься, Коннор,— заметила Джинджер, отбирая у Сары наушники и распутывая провод.

— У меня такое странное чувство, как будто это я умерла,— продолжала Сара.

— Ну и как оно там? Не холодно для бикини?

— Мне кажется...

— Не занимайся ерундой!

— Прекрати же, Джинджер.

— Извини. Что ты хотела сказать?

— Мне вдруг пришло в голову, а что, если бы вместо той женщины убили меня? Что останется после меня? Я хочу сказать, изменится ли что-нибудь от того, есть я или меня нет?

Джинджер сощурилась.

— На полном серьезе?

Сара кивнула. Джинджер задумалась.

— Ты всегда вовремя вносила свою долю квартплаты,— поделилась результатами своих размышлений Джинджер.— А это уже немало.

— Зато тебя ничем не прошибешь,— вскинулась Сара.

Джинджер пришлось все-таки оставить свой легкомысленный тон. Она обняла Сару, за плечи и прошептала ей в ухо:

— Ты у меня самый замечательный друг.— Улыбнулась Саре и поспешила добавить:— Идем отсюда. Сердце разрывается, на тебя глядя.

Они зашли в зал, где на силовых снарядах тренировались мужчины. Сара хотела еще раз повидаться с Мэттом. Джинджер продефилировала к скамье, на которой лежал парень и качал пресс. Мэтт стоял над ним, проверяя

*странный мир (*исп.*)

правильность движений. Джинджер принялась демонстративно разглядывать парня.

— Дышишь неправильно,— наставлял его Мэтт.— За снаряд надо браться вот так. А, Джин, привет... Смотри, я покажу тебе, как надо качать.

Мэтт согнал со скамьи мускулистого малого, сам лег на его место и начал легко двигать тяжелую гирю. Вверх-вниз, вверх-вниз.

Разозлившись от «избытка» проявленного к ней внимания, Джинджер подобралась к Мэтту сзади. Он как раз опускал гирю. Улучив момент, Джинджер передвинула стрелку тяжести на отметку «60 фунтов». Мэтт продолжал качать. Он напрягся перед тем, как поднять вес, и... глаза его чуть не вылезли из орбит. Но он, совладал с собой и выжал вес.

— Спасибо, Джинджер,— только и сказал он.

Она не собиралась останавливаться на достигнутом. Положила руку юноше на талию, впилась в него долгим, откровенным взглядом.

— Ничему хорошему ты у этого слабака не наберешься. Развели тут обучение во сне. А ты посмотри на него, Мэтт. Тебе самому впору брать у него уроки.

Джинджер повернулась к Мэтту и ткнула его кулаком в живот, напоминающий каменную стену.

— Так я и думала,— разочарованно протянула она.— Не мышцы, а спагетти.

Она попыталась ущипнуть могучую руку.

— Позор. Бицепсы как тряпочки. Живот — кисель.

Она снова обратилась к парню, который уже не знал, куда ему деваться.

— А вот этот человек работает над своим телом. Если, конечно, присутствующие понимают, о чем идет речь.

Терпению Мэтта пришел конец. Он издал глухой рык и схватил не успевшую увернуться Джинджер. Как она ни сопротивлялась, он поднял ее над головой, точно легчайший из спортивных снарядов.

— Ну как, Джин? Не утомилась?

— Поцелуй меня,— вкрадчивым голоском попросила она.

Мэтт не нужно было просить дважды. Он осторожно поставил ее на пол и немедленно подчинился.

— Ты прелесть,— сообщила Джинджер и погладила его покрасневшие щеки.

К ним подошла Сара.

— Привет, Мэтт.

Мэтт кивнул ей. Джинджер наградила его звонким поцелуем, оставив на шее яркое пятно помады.

Пока Джинджер выясняла отношения с Мэттом, Сара отошла к питьевому фонтанчику в конце зала. Высокий атлет с темными волнистыми волосами оторвался от своих упражнений и окинул Сару взглядом истинного супермена.

— Привет. Я тебя уже видел тут. А ты классная девчонка. Я запомнил тебя. Меня зовут Марко.

Бдительность Джинджер обмануть было непросто. Она прекратила возню с Мэттом и наблюдала, как замешательство Сары сменяется некоторым интересом. Она критически покачала головой.

— Привет. Я — Сара.

Она протянула руку, которую Марко поцеловал. К такому повороту событий она не была готова. Стремительно отдернула руку и, сама не зная почему, обтерла ее сзади о шорты. Марко еще не исчерпал свой репертуар. Он склонился к ней и выразительно прошептал:

— Если ты не занята сегодня вечером, могу показать, как лучше провести время.

Сара не успела придумать, как бы ей его отшить, но тут к ним подошла Джинджер. С самым небрежным видом она оттянула резинку его спортивных трусов, презрительно скользнула взглядом в темнеющую перед ней глубину.

— Не стоит терять время. Пойдем, Сара,— процедила она.

И прежде чем Сара успела ответить, она схватила ее за руку и потащила к двери, оставив Марко в изумлении. Джинджер была очень довольна собой. В считанные минуты ей удалось с блеском применить два вида смертоносного оружия из арсенала настоящей женщины: заявить о своем полном господстве на подвластной ей территории и оставить за собой последнее слово.

— Ну спасибо тебе,— сказала ей Сара.— Еще десять секунд, и я бы сама с ним разобралась.

Джинджер от души расхохоталась, не замечая двусмысленности слов Сары.

— Не сомневаюсь. Но лучше побереги свой пыл для сегодняшнего свидания с мистером «порше».

Управление полиции Лос-Анджелеса. 6.31 вечера

Эдвард Теодор Трэкслер, негр, вышел из бара, тут же его захватил и понес напряженный людской поток, шумно растекавшийся по коридорам Отдела тяжких преступлений Лос-Анджелеса.

Здоровенный негр лет сорока с небольшим держал в руках чашку дымящегося кофе и спешил вместе со всеми, обходя встречные препятствия, тормозя на поворотах с грацией медведя, вставшего на роликовые коньки. Он обогнал двух полицейских конвоировавших заключенного в наручниках, и во избежание столкновений пошел дальше, уже держась правой стены. «Донес-таки. Ни капли не пролилось»,— мысленно поздравил он себя, подходя к двери кабинета и удачно завершая исполнение своего коронного номера: глоток кофе, затяжка сигареты, порцию жвачки. Все одновременно и на полном ходу.

Его окликнул сержант Хэл Вукович, который уже обыскался своего шефа. Тот подождал, пока запыхавшийся Вукович нагонит его. Сержант с сочувственным взглядом дотронулся до его руки, указывая на две папки с документами.

— Погодите. тут есть для нас кое-что новенькое. Правда, такое, что в обморок упадешь.

Трэкслер дернулся и пролил горячий кофе на руку.

Сержант протянул ему одну из папок и открыл дверь в кабинет.

Трэкслер со вздохом поставил на стол полупустую чашку. Значительная часть кофе была у него на костюме. Он водрузил на нос очки.

В папке находилась цветная фотография размером восемь на десять. Труп женщины на полу. Буквально залита кровью.

— Что тут — спросил Трэкслер, нетерпеливо пощелкивая ногтем по снимку.

Вукович присел на край стола, залитого кофе. Губы его нервно дернулись и скривились в некоем подобии улыбки, которая, помимо воли, появляется в самый неподходящий момент.

— Труп женщины.

— Сам вижу.

Трэкслер внимательно изучал фото. На своем веку он всего перевидал. Зрелище не для слабонервных, но и к этому привыкаешь.

Вукович поднес спичку к незажженной сигарете, торчавшей во рту.

— Сара Хелен Коннор, тридцати пяти лет. В нее всадили шесть пуль с расстояния в десять футов. Оружие крупного калибра.

Трэкслер поправил на носу очки.

— Сам вижу.

Сержант положил перед ним вторую пачку.

— А это что?

— Труп номер два,— как само собой разумеющееся доложил Вукович.— Фотографии прислали во второй половине дня из полицейского отделения Вэлли.

Трэкслер взглянул на второй снимок. Понятное дело, что труп, но от этого не легче. Тело изрешечено пулями. Плавает в собственной крови.

— Тут что-то не так,— заметил он, всем своим видом подчеркивая готовность выслушать подчиненного, не перебивая.

Вукович вытянул из-под фотографии отпечатанный на машинке листок и с видом факира, готовящегося сразить публику, поднес его к самым очкам Трэкслера.

— А теперь прочтите имя, Эд.

Инспектор мельком посмотрел на бумагу и замер. Медленно перечитал, словно не веря своим глазам.

— Сара Энн Коннор, правильно?

Вукович кивнул. Но Трэкслер как будто все еще не до конца уверился, что все происходящее не очередной розыгрыш коллеги, обладавшего весьма оригинальным чувством юмора. Он выжидательно воззрился на сержанта, который на этот раз был абсолютно серьезен.

— Что за ерунда? — раздраженно буркнул Трэкслер.

Вукович пожал плечами. Шутки кончились.

— Тут вот еще какое дело,— мрачно продолжал он и, порывшись в пачке, вынул новые снимки. На том и на другом крупным планом ноги каждой жертвы. Кожа снята чулком, точно чудовищная обертка, обнажающая страшное кровавое месиво. Неуловимое чувство тревоги не покидало Трэкслера, рассматривавшего идеально ровные, совершенно идентичные надрезы на обеих фотографиях. Такое впечатление, что надрезы сделаны машиной, а не рукой человека. Его переполнила ненависть к подонку, совершившему это зверство.

Полицейские склонились над зловещим снимком, обмениваясь негромкими замечаниями. Служители культа у могилы, в которой погребен здравый смысл.

— Левая нога каждой жертвы рассечена во всю длину разрезы идентичны. Один почерк,— добавил он, хотя это было ясно, как дважды два.— Со странностями клиент, мать его за ногу.

Проблеск нервной улыбки вновь тронул его губы.

Трэкслер еще раз посмотрел на снимки, убрал их в папку. Ему предстоял долгий вечер.

Мысли Вуковича приняли другой оборот.

— Представляете, какой хай поднимет пресса?

Трэкслер утвердительно покачал головой, отправляя в рот новую партию жвачки.

— Еще бы! Им только дай повод пройтись на наш счет. «Кровавая жатва одного дня».

Он открыл ящик стола, порылся в поисках аспирина, которого нет, когда нужно. Дьявольщина! Он чувствовал, что сегодня разболится голова.

Вукович потянулся, и достал с верней полки початую бутылку минеральной воды. Перебросил ее шефу.

— Не нравится мне все это,— сказал он больше самому себе.

Пальмовый квартал. Жасминовая улица, дом 656. 6.57 вечера

Подготовка к вечеру шла полным ходом. Они теснились в небольшом пространстве ванной комнаты. Джинджер, отвоевавшая себе львиную долю жизненного пространства у зеркала, была в коротенькой нейлоновой сорочке. Сара в штанишках и тишотке, размеров на семь больше ее самой, пристроилась рядом. Отражение в зеркале затуманивали облака пудры, испарения дезодоранта и лака для волос. На полочке выложено приготовленное к бою оружие: тушь, румяна, карандаши для глаз, щеточки для бровей и ресниц.

Джинджер аккуратно наклыдвала яркую, блестевшую перламутром помаду. Заметив, что Сара делает совершенно не то с карандашом для глаз, она отложила свое занятие и пришла ей на помощь. Результат их совместных усилий потряс обеих — Сара Коннор смотрелась на все сто.

Сделав добро ближнему, Джинджер вернулась к своим делам; главным из которых было удержать наушники, прижав их подбородком, пока расчесываешь волосы. Она увеличила громкость до необходимой величины в сто двадцать децибел. Просто удивительное у нее строение барабанных перепонок. Сара со своего места слышит каждую ноту хардрока в ее наушниках, а ей хоть бы хны.

— Оглохнешь, Джинджер!

— Что, что? — отозвалась та, разминаясь в такт музыке.

Провод от электроприборов Сары запутался среди аппаратуры Джинджер, и пока они расцепляли плейер, наушники и щипцы, Джинджер приставала к ней с вопросами насчет Стэна.

— Говорю тебе, я познакомилась с ним на работе. Он учится на режиссерском. Отец у него продюсер на телевидении. А то, что он разъезжает на новеньком черном «порше», тебе и так известно.

Насчет внешних данных нового поклонника Сары Джинджер выразила некоторое сомнение.

— Но «порше»-то хоть приличного вида? — допытывалась она со смехом.

— Да будет тебе известно, у Гитлера тоже был «порше».

— Ну да?

Снова зазвонил телефон, и Сара пошла ответить. Джинджер надела наушники и ушла в свой рок.

— Алло,— сказала Сара в трубку.

Низкий мужской голос произнес с придыханием и пришептыванием:

— Во-первых, я расстегну пуговки на твоей блузке сверху до низу и сорву ее с тебя. Пощекочу губами пушок на твоей шее...

Сара так и села с трубкой в руке. До сих пор она не нарывалась на хулиганские звонки. Этот хотя бы говорит красиво. Она решила послушать. Человек говорил все тише:

— Но это еще не все. Проведу языком по твоим соскам...

Ко всем разочарованиям сегодняшнего дня добавилось еще одно. Все эти соблазнительные непристойности адресовались вовсе не ей, а Джинджер. Она узнала голос звонившего.

Прижав микрофон ладонью, она крикнула:

— Это тебя! Мэтт.

А он еще не понял, что жестоко ошибся, и продолжал в том же духе:

— ...Я брошу тебя на пол, начну медленно стягивать с тебя джинсы и покрою поцелуями каждый дюйм твоего тела, опускаясь все ниже и ниже...

Саре ужасно хотелось рассмеяться, но она, крепясь, строго спросила,

— Кто говорит?

Мэтт горестно сник. Помолчав, сказал:

— Ты, что ли, Сара? Извини, я думал... Позови, Джинджер.

— Конечно,— больше не в силах сдерживаться, расхохоталась Сара.

Пока Джинджер с Мэтт обменивались друг с другом своими идеями насчет того, какие ужасные, невообразимые кары ожидают каждого из них вечером, Сара принесла несколько блузок, чтобы показать их Джинджер. Какая из них самая нарядная? «Все хороши»,— жестом изобразила Джинджер. «Много от тебя толку»,— обиделась Сара.

Джинджер прикрыла одной рукой трубку и, вполуха выслушивая откровения Мэтта, вплотную занялась Сариными проблемами.

— Бежевая,— наконец шепнула она.

— Терпеть ее не могу.

— Ну, не надевай.

Сара в состоянии близком к отчаянию собрала ворох блузок и разразилась гневной тирадой:

— И чего я выворачиваюсь наизнанку? Этот тип не стоит и десятой доли такого ажиотажа. Подумаешь, принц выискался. Наверняка у нас с ним и общего ничего нет. Такому точно нравится Бэрри Мэнилоу и «Твистед Систер». Чего от него ждать?

Джинджер покатывалась со смеху, когда Сара, вся красная от возбуждения, вылетела из комнаты.

Минуту спустя она просунула голову в дверь.

— Так ты думаешь, все-таки бежевая?

Через несколько минут девушки сидели в гостиной, каждая в ожидании звонка своего кавалера. Сара занималась поисками Пагсли, выскользнувшей из своего террариума и, по-видимому, отправившейся в несанкционированную экспедицию за жуками. Джинджер совмещала кайф от рок-концерта с подпиливанием ногтей. Она первой заметила световой сигнал автоответчика. Значит, пока они одевались, кто-то звонил.

— Наверное, твоя мама,— предположила Джинджер и потянулась к кнопке воспроизведения.

Она оказалась права.

Сара рассеянно выслушала, как мать сетует на ее забывчивость: обещала принести ей рецепт мясной пасты для сэндвичей и не принесла. Очевидно, мать еще не слышала сообщение об убийстве Сары Энн Коннор. Слава Богу, не надо перезванивать ей и объяснять, что это всего лишь невероятное совпадение. Времени в обрез, главное сейчас обнаружить Пагсли и отправить ее в террариум. Тогда можно спокойно уходить. Пагсли была застигнута на книжном шкафу. Сара схватила ее на руки и принялась гладить, как собаку или кошку. Джинджер наморщила нос.

— Какая гадость! Неестественная страсть к рептилиям, фу!

Автоответчик, который они не успели отключить, просигналил снова. На этот раз они услышали бодрый, хорошо поставленный голос: «Привет, Сара, это Стэн Морски. Слушай, у меня тут одно дело возникло. Чертовски жаль, но, боюсь, сегодня я уже не вырвусь. Исправлюсь на следующей неделе. Пока. Я позвоню тебе».

Сара продолжала машинально поглаживать ящерицу.

— Ах ты, дерьмо такое! Убить его мало! — рассвирепела Джинджер.— Подумаешь, если он разъезжает на «Порше», так можно позволять себе все, что угодно? Портить людям уик-энд!

Сара не очень-то удивилась. Сама того не сознавая, она ожидала чего-нибудь в этом духе. Целый день злые силы, сгущавшиеся над ней, доставляли ей то одну, то другую неприятность. Было бы странно, если бы вечер завершился благополучно. Она вспомнила, что свидание Стэн назначил ей как-то небрежно. А в последнюю минуту изобрел дурацкий предлог и позвонил ей.

Ей стало ужасно жалко себя. Пытаясь преодолеть это чувство, забыть о том, что ее отвергли, она повела себя так, как на ее месте поступила бы Джинджер.

— И плевать! — сказала она.— Не умру.

Горький вздох, вырвавшийся у нее, не соответствовал презрению, которое она пыталась придать своему голосу. Она прижала к груди Пагсли, не сводившую с нее водянистых, подернутых поволокой, глаз.

— Хоть ты-то меня любишь?

Она поцеловала ящерицу в морду. Та бесстрастно сносила людские чудачества.

Сара сбросила нарядную блузку и юбку и подошла к зеркалу, чтобы смыть косметику. Обида с новой силой захлестнула ее. Зря старалась, что ли? Она надела джинсы и тонкий свитер, взяла куртку. Проверила наличность в кошельке и объявила Джинджер, что собирается в кино. Давно мечтала посмотреть один фильм... ну, как его... Сара напрягла память, изобретая правдоподобное название. Вобщем, пока он не сошел с экранов, она хочет доставить себе удовольствие. По выражению лица Джинджер она поняла, что ее выдумка не возымела успеха. Но не торчать же ей весь вечер у телевизора, заглушая музыкой возню, которую эти двое устроят в спальне?

—Ладно, пока! Желаю хорошо провести время,— бросила она, устремляясь на улицу.

Сара задержалась у подъезда, проверяя, не забыла ли ключи. Она заметила упавшую на нее могучую тень. Кто-то вихрем налетел на нее и сжал в цепких объятиях. Страшный голос рыкнул ей в ухо: «Ну-ка, иди сюда, малышка!».

— Ой, Мэтт! Как ты меня напугал!

Она колотила и пинала его, безуспешно пытаясь высвободиться. Злодейская ухмылка так не вязалась с той нежностью старшего брата, с которой он смотрел на нее. Мэтт смачно поцеловал ее в щеку и лишь после этого отпустил восвояси. Сара улыбнулась, хотя ей было не весело.

Подземный гараж, освещенный несколькими мигающими лампочками, тонул во мраке. Там, где стояла ее «Хонда», было особенно темно. «Странно, если бы было наоборот»,— подумала она, прислушиваясь к гулкому, зловещему эху собственных шагов. В гараже ни души. Пятница. Все разъехались на отдых.

Она нагнулась к мотоциклу и принялась возиться с кодовым замком. И замерла. Какой-то шорох. Или послышалось? Она вгляделась во мрак. Ничего подозрительного. Шесть машин и мотоцикл. Темное пятно у выхода — еще одна машина.

В голову лезла всякая жуть. Не к месту вспомнились страшные истории. От этих мыслей холодок пробежал по спине. Она справилась с замком, вскочила на сиденье. Как глупо было бы погибнуть в гараже собственного дома. В такой день, как сегодня, всего можно ожидать... Она вздрогнула и застегнула куртку. Завела мотоцикл. Фырчание мотора подействовало на нее успокаивающе.

Сара крепко вцепилась в руль. Сегодняшние события заставили ее призадуматься о своей жизни, такой хрупкой, зависящей от стольких случайностей. Что изменится в мире, если вдруг ее не станет? «Сара Дженет Коннор, официантка, погибла в девятнадцать лет». Подумаешь, еще одно сообщение по телевизору, на которое никто и внимания не обратит. И об этом убийстве будет забыто еще до того, как начнется сводка спортивных новостей. Подспудная мысль о грозящей смерти не покидала ее весь вечер, возвращалась к ней в разных обличьях. Под влиянием этой мысли напряженность, которую она часто испытывала в пустынном подземном гараже переросла в необъяснимый ужас. Она ощущала совсем рядом чье-то незримое присутствие. Казалось, за ней наблюдают, следят за каждым ее шагом.

Она медленно направила мотоцикл к выходу. Мимо пыльного, серого седана, стоявшего с краю. Она внимательно взглянула на него. Разумеется, машина пуста. Сара выехала на дорожку. Притормозила. Если бы она оглянулась теперь, то заметила бы на переднем сиденье автомобиля человека. Он смотрел ей вслед, положив на руль исполосованные шрамами руки.

Это был Кайл Риз.

Сара вышла из подъезда ровно в восемь часов девятнадцать минут. Риз мгновенно понял, что это и есть она. Сара Дженет Коннор. В точности такая, как на фотографии. И не мог до конца поверить в свою удачу. Пригнулся в машине, чтобы не спугнуть ее. Его охватило сильное волнение, и он боялся, что она услышит, как стучит его сердце. Ее мотоцикл прошел совсем рядом.

Когда Риз поднял голову, Сара уже была на дорожке и готовилась повернуть направо. Он завел мотор и приказал себе думать только о деле.

Операция должна пройти успешно. Цель обнаружена. Теперь нужно идти на перехват. Она вела свой мотоцикл по вечернему городу, не подозревая, что Риз движется за ней по пятам.

Управление полиции Лос-Анджелеса. 7.44 вечера

Трэкслер открыл дверь конференц-зала, и к нему тут же устремилась группа репортеров, теснившихся на лестнице. Замелькали вспышки телекамер. Человек двадцать. Он узнавал местных журналистов. Вот еще не хватало! Съемочная группа передачи «Глазами свидетеля» напористо прокладывала путь сквозь толпу его коллег, явно намереваясь с места в карьер отснять «горячий» материал.

Трэкслер окинул сборище неприязненным взглядом. Прежде чем он окажется в безопасности своего кабинета, предстоит пройти сквозь строй газетчиков. Правда, его дверь всего в каких-нибудь восьми футах от конференц-зала.

Он ринулся в их жужжащий рой, предупреждая все вопросы категоричным «Нет комментариев». Общение с пищущей братией выводило его из себя. Мало того, что они ни бельмеса не смыслят в деле, которым он занимается всю жизнь,— еще так и норовят свинью подложить полиции. Боже, что за лица! Сплошное кривляние.

К нему подступил красавчик из «Глазами свидетеля». Микрофон включен, камера вовсю шарит. Ублюдок поганый.

— Лейтенант, известно ли вам, что убийства совершены в том порядке, в каком имена жертв записаны в телефонной книге? — сверкнув ослепительной улыбкой, спросил корреспондент, изо всех сил изображая из себя рискового парня на переднем крае борьбы с преступностью. Тон и сама постановка вопроса красноречиво подразумевали, что Трэкслер — последний болван, не подозревающий о роковом совпадении имен. «А ты как думал, пут гороховый». — мысленно огрызнулся Трэкслер.

— Нет комментариев,— с непроницаемым выражением лица бросил он, протискиваясь мимо.

Нестройный гул за его спиной усиливался. Каждый говорил что-то свое, пытаясь перекричать всех. На короткое время кому-нибудь одному это удавалось. Инспектора остановил возглас, несомненно выражавший настроение всех присутствующих.

— Ладно вам темнить, лейтенант! Давайте начистоту. Вы занимаетесь своим делом, но и нам тоже надо крутиться.

Такое он уже не спустит. Трэкслер остановился на пороге своего кабинета. Обвел долгим взглядом засуетившихся журналистов. Глубоко вздохнул, точно сраженный неумолимой логикой последнего замечания. Стало тихо. Еще бы! Почуяли, что раскололи его на информацию.

— Вы видите эту дверь? — язвительно сказал он.— Это мой кабинет. Я здесь постоянно. Будет время — заходите.

И прежде чем они успели опомниться, с ожесточением хлопнул за собой дверью. «Отличная звукоизоляция»,—подумал он, воздвигая могучую преграду между собой и сразу утихомирившимся морем голосов.

Вукович, погруженный в изучение документов, поднял на него понимающий взгляд. Они весь вечер на осадном положении. Даже в туалет приходилось

пробиваться с боями.

Трэкслер выплюнул потерявшую вкус жвачку, развернул новую. Вукович и он не обменялись ни словом. Коллеги в течение многих лет, они, точно супруги с долгим стажем совместной жизни, великолепно понимали друг друга и не испытывали потребности заполнять молчание словами без крайней на то необходимости.

Если не становилось скучно, о чем сейчас нет и речи.

Трэкслер зажег сигарету, выдвинул ящик стола и порылся в царившем там хаосе. Аспирин он все-таки нашел. Высыпал на ладонь несколько таблеток, сделал глубокую затяжку «Пэлл Мэлл» и поднес к губам чашку кофе. На поверхности остывшего кофе образовалась противная пленка. Сходить, что ли, за свежим. Он представил, что творится за дверью, и отказался от этой мысли. Пошли бы они все!.. Бросил в рот таблетку аспирина и залпом выпил холодный кофе.

Он думал о Саре Коннор номер три, на которую полиции до сих пор не удалось выйти. Весь вечер ее не могли найти. Как сквозь землю провалилась. Он уже начинал бояться, что и она лежит где-нибудь в луже крови, вся исполосованная ножом. Он вглядывался в ее маленькую фотографию с водительского удостоверения, которую прислали из дорожной полиции, словно пытаясь передать девушке нараставшее в нем беспокойство. Или прочитать что-то важное в ее лице. Какая она? Где проводит время? Где, черт побери, ее искать?..

— Вы дозвонились ей?

— Коннор?

— Да.

— Пока не смогли. Все время попадаем на автоответчик.

Трэкслер оставил чашку и вновь перебрал в памяти условия этой задачи со множеством неизвестных. Ничего ненавистнее чувства собственной беспомощности для него не существовало. И вот поди ж ты! Остается сидеть и ждать у моря погоды.

— Вышлите наряд,— скомандовал он.

Вукович, наконец, оторвался от своих документов. Он слишком хорошо знал своего шефа, чтобы понять, что последует за этим. Они и без того сделали все возможное. Успокоился бы он, а? Занялся медитацией, мастурбацией — чем угодно, лишь бы не давил угрюмым молчанием, которое каждую секунду чревато непредсказуемой вспышкой.

— Я выслал наряд,— миролюбиво сказал Вукович.— В квартире не отвечают на звонки, никого из домовой администрации нет на месте.

Трэкслер, как водится, не слушал его.

— Позвони ей.

— Только что звонил.

— Позвони еще раз.

Вукович с безнадежным видом набрал номер, который помнил наизусть. Трэкслер достал еще одну пластинку жевательной резинки и добавил ее к той, которую уже перемалывали его челюсти. Потянулся за сигаретой. Пачка пуста. Дьявольщина!

— Дай сигарету.

— Вы что, научились курить по две сразу?

Вукович показал на «Пэлл Мэлл», дымившуюся в руке шефа. Трэкслер с неподдельным изумлением взглянул на сигарету, точно впервые видел ее. Задумчиво пожал плечами и сделал глубокую затяжку.

— Та же ерунда,— бросил Вукович, в очередной раз пообщавшись с автоответчиком, который весело тараторил голосом Джинджер.

Вукович взглянул на Трэкслера — тот присел на край своего стола и в размышлении тер висок.

— Что такое?

— Знаю, как они назовут свою бодягу. Представляю себе очередной бред в газетах.

Трэкслер мысленно рисовал крикливые завтрашние заголовки.

— «Убийства по телефонной книге». Чего еще ждать от этих недоумков?

Он с ненавистью раздавил каблуком окурок и вновь погрузился в раздумья.

В отношении родной прессы Вукович с ним был полностью солидарен.

Такие гнусные дела, как это, подарок для газет. Вукович в энный раз перебирал документы, листал отчеты, вглядывался в фотографии, пытаясь нащупать ключ к разгадке и втайне надеясь, что пропустил какую-нибудь важную деталь и вот-вот поймает ее. Ничуть не бывало.

Трэкслер резко поднялся.

— Куда вы?

— Сделаю заявление для прессы. Пусть эти ослы хоть раз на нас поработают.

Лейтенант вновь оживился. Поправил галстук, стряхнул с костюма пепел. И всего невероятнее: приветливо улыбнулся.

— Если они передадут его в одиннадцатичасовых новостях, может быть, она еще позвонит.

Он снял массивные очки и сунул их в карман.

— Как я выгляжу?

Вукович смерил шефа оценивающим взглядом.

— Как последний фраер, босс.

— А не пошел бы ты,— добродушно выругался лейтенант, открывая дверь с видом человека, стоящего на пороге преисподней.

Пальмовый квартал. Жасминовая улица,
дом 656. 8.05 вечера.

В квартире на втором этаже Мэтт настраивал плейер и проявлял при этом незаурядную сноровку, учитывая пикантность момента. Тело Джинджер изгибалось под музыку, грохотавшую из наушников, с которыми она не расставалась даже в постели. Это любимое им тело затягивало его в мучительно-сладостный ритм колебаний, и от него требовалось лишь погрузиться в водоворот приливов и лежать, чуть приподнявшись на весу, чтобы не придавить Джинджер всеми своими килограммами. Музыка и Джинджер довершили остальное. Это было чудесно. В дверь настойчиво звонили. Ну и что? В ушах у него гремели ниагарские водопады и, низвергаясь с головокружительной высоты в их бездонную глубину, он уже слышал, как в соседней комнате сигналит автоответчик, к которому безуспешно взывает сержант Вукович.

В этом и состояла непоправимая ошибка Мэтта Бьюкенена.

Лос-Анджелес, Центр, пиццерия Стокера. 10.08 вечера

Сара следила профессиональным взглядом за работой маленькой невзрачной официантки, которая несла ей заказанную пиццу, осторожно лавируя между оживленно галдевшими посетителями. Она держала поднос так неловко, что было совершенно ясно: блюдо грохнется на пол, и заказанной пиццы Саре не видать. Во всяком случае Сара была к этому готова. Достойное будет завершение сегодняшнего дня! Как ни странно, замороченная официанточка нашла в себе силы шугануть с дороги крепких ребят-металлистов, отчего их блестящая упряжь издала недоуменный звон. Девушка покачнулась, но удержалась на ногах и подошла к Сариному столику, вымученно улыбаясь.

Ресторан заполнялся людьми. Сюда приходили компаниями посидеть и отметить что-нибудь в дружеском кругу, обсудить дела. Наблюдая за ними, Сара особенно чувствовала свое одиночество. Она пришла сюда, потому что часто бывали здесь Джинджер и Мэтт. Она еще надеялась, что они покажутся. Хотя их сейчас не выманишь из постели. Сара взглянула на официантку и ободряюще улыбнулась ей, будто хотела сказать: «Сама знаю каково тебе».

Пицца, которую ей принесли, была с анчоусами, а она просила с грибами. Сара вздохнула. В шумном зале ресторана она чувствовала себя спокойной.

Здесь-то ей все знакомо — Джинджер несколько раз водила ее сюда. А вот перед этим она забрела в неведомые места и попала в кинотеатр «Пиквуд». Попала на первый попавшийся фильм, это оказалась картина с Бертом Рейнольдсом. Комедия с погоней на машинах и несмешными трюками, а сам Берт Рейнольдс в каком-то дурацком парике. Не сравнить его с прежними, забавными, романтическими лентами, в которых он ничем не прикрывал полное отсутствие растительности на голове. Сара высидела до конца сеанса, хотя фильм ей не понравился.

В сумраке зала она не заметила человека в поношенной грязной одежде, с которым их разделяло два ряда. Он не сводил с нее горящих глаз. Последовал за ней на стоянку, подождал, пока она сядет на мотоцикл, завел свою машину и двинулся следом.

У Сары своих забот хватало, чтобы обратить на него внимание. Внезапно ей послышалось, что назвали ее имя. Она машинально обернулась, ожидая увидеть Мэтта. Но оказалось, что ее имя произнесли по телевизору, который находился над стойкой бара. Комментатор повторил ее имя, подчеркивая своим категоричным тоном важность сообщения.

«Нет,— подумала она,— я тут ни при чем. Наверняка говорят о той убитой женщине, которую тоже звали Сара Коннор». Внутренний голос, доносившийся из глубин ее существа, предупреждал ее, что все на первый взгляд необъяснимые совпадения сегодняшнего дня имеют к ней прямое отношение, так что стоит оторваться от стула и...

Оставив пиво и холодную, воняющую рыбой пиццу, она вскочила из-за стола и, расталкивая ничего не понимающих посетителей, бросилась к экрану. Два парня в свитерах с университетской символикой, оказавшиеся у телевизора по соседству с Сарой, окинули девушку заинтересованными взглядами. Они не заметили ужаса, мелькнувшего в ее глазах, когда диктор сообщил:

— Полиция отказывается прокомментировать несомненное сходство

почерка обоих преступлений: убийств жительницы Студио-сити сегодня утром и трагедию в Хэнкок-парке, разыгравшуюся около двух часов назад, жертвой которой стала Сара Хелен Коннор, двадцатичетырехлетняя секретарша. Имена обеих погибших практически совпадают...

Кто-то потребовал переключить программу, но едва бармен потянулся к телевизору, по залу пронесся истошный вопль: «Не смейте трогать!» Сара и не думала, что способна так взвизгнуть. Один из парней, стоявший рядом, от неожиданности едва не уронил стакан. Бармен испуганно отдернул руку от экрана и озадаченно уставился на странную посетительницу.

Подействовало! Пусть только попробуют тронуть переключатель, она еще не так заорет. Но диктор уже закруглился и перешел к следующему сообщению:

...связи между убийствами не обнаружено. А теперь о более веселом. Сегодня в зоопарке Лос-Анджелеса был повод для торжества...

Сара стала центром внимания. Казалось, все с любопытством смотрят на нее и перешептываются. Она покраснела, смешалась и неизвестно, как бы поступила, если бы внутренний голос прямо-таки не заходился от крика, предупреждая о нависшей опасности.

Она кинулась к телефону. Полистала справочник, в котором недоставало нескольких страниц, но та, на которой значилось ее имя, к счастью, была цела. Они шли в таком порядке: Сара Энн Коннор, Сара Хелен Коннор. Затем она прочла свое имя.

Больше никого по фамилии Коннор. Значит, дело обстоит именно так. Три женщины по имени Сара. Они умирают по очереди. Правильно, Коннор?

Пиво у нее в желудке взбунтовалось и забурлило. Она поспешила в туалетную комнату.

Кабинка, разумеется, была занята. Ее душил истерический смех. Она плеснула в лицо холодной водой. Взять себя в руки!

«Я следующая, — в отчаянии думала она,— Вот он, конец этого ужасного дня. По городу рыщет маньяк-убийца, и нужна ему именно я».

Только сейчас Сара поняла, что такое настоящий страх. Раньше она боялась всего. Пожара, например. Боялась споткнуться и упасть. Боялась, что окажется никому не нужна. Что парень, с которым встречается, бросит ее. Что она не сможет больше любить. Боже! Какие глупости! Паника овладевала ею при одной мысли о том, что за ней охотится преступник, которого пока не удалось остановить.

Щелчок, раздавшийся сзади, заставил ее тихо вскрикнуть. Она задыхалась, сердце выпрыгивало из груди. Неужели конец? Из кабинки, щелкнув замком, вышла пожилая дама и, изобразив на лице мину соболезнования (девица, видно, сильно перебрала), направилась к выходу.

Сара поняла что нужно делать. Она бросилась к телефону. Опустила две десятицентовые монетки. Гудка не было. Она заметила написанную от руки табличку «Автомат неисправен».

Когда она стала допытываться у бармена, где находится ближайший телефон, он смотрел на нее, как на ненормальную. Не могла же она объяснить ему, что ее выслеживает преступник, у которого есть личный повод убивать женщин по фамилии Коннор. Обратиться к нему с просьбой о помощи она тем более не могла — что может сделать один человек, когда здесь нужен целый

наряд полиции. Охрана, вооруженная до зубов, вот что может ее спасти.

— Телефон в клубе «Черная Технология». Неподалеку.

Сара прошла через весь зал и постояла у двери перед тем, как шагнуть на улицу. Убийца может поджидать ее в любом месте.

О, Боже, он знает ее адрес. Кружит возле ее дома или притаился.. вон там, на другой стороне улицы. Ждет, когда она выйдет.

Где же эта «Черная Технология»? Сара в нерешительности постояла у витрины пиццерии, не зная, в какую сторону пойти. Всматривалась в лица прохожих. Никто не показался ей подозрительным. Но разве узнаешь, как выглядит смерть?

Что, если это он? Плохо одетый человек у дома напротив старался держаться в тени деревьев. Длинный плащ и юное оснувшееся лицо. Он никуда не спешил, он ждал...

...ее.

Она почувствовала, как он напрягся. Какой тяжелый, мрачный взгляд!

Нет!

Она торопливо зашагала прочь. Пойдет ли он за ней?

Если она оглянется и увидит его, что это будет означать?

Совпадение? Смерть? Или только то, что она заболела манией преследования?

Она бросила взгляд через плечо. Его не было видно. Куда он делся?

Сара остановилась и огляделась по сторонам. Мимо прошли два черных подростка, оглашая улицу рок-музыкой из магнитофона, висевшего на плече одного из них. Музыка стихла вдали, и Сара только теперь сообразила, что попала в очень безлюдное место. Вокруг не было ни души. Тут с ней можно сделать все, что угодно.

Страшный человек в длинном, дурацком плаще вновь возник перед ней. Он пересек улицу и медленно направился к Саре, не сводя с нее напряженного взгляда.

Сара пошла быстрее, почти побежала. Дурацкие остатки приличий еще удерживали ее от того, чтобы ринуться от него стремглав.

Красноватый отсвет вывески упал на тротуар прямо перед ней. Она подняла глаза и увидела сверкающую надпись: «Черная Технология».

В уши ей ударила музыка, от которой дрожали стены, полумрак внутри освещали цветные молнии. Дискотека! Оформление было выдержано в жестком стиле «тяжелого металла». Здание ощетинилось многочисленными углами, точно закругленных линий в нем не предусматривалось. Поблескивало металлическими поверхностями. Геометрия Новой Волны. Черная Технология, одним словом. Вид этого заведения оправдывал его название.

Преследователь держался вблизи. Она оглянулась и увидела, что он всего в нескольких десятках ярдах от нее. Вглядывается в потухшую витрину, как будто собрался именно сейчас заняться покупками. «Погоди, Сара,— урезонивала она себя.— Успокойся, возьми себя в руки.» Может быть, это случайный прохожий, которому с ней по пути, и который, сам того не ведая, втянут в безумный круг ее кошмара.

Как хорошо было бы уговорить себя и расслабиться. Она поймала на себе его взгляд. Упорный, настойчивый. И содрогнулась. Теперь она была уверена, что это Он.

Шумная толпа выходила из дверей дискотеки. Сара метнулась к людям, словно ища защиты, влетела внутрь. Человек прошел мимо и скрылся за поворотом. Его опущенные плечи, замедлившаяся походка будто говорили о том, что он потерял цель, ради которой стоило спешить.

Этого Риз не ожидал. Она оказалась самой обычной девушкой. Легкомысленная красотка. В прошлом таких девчонок было полно. Вокруг нее сгущается угроза, все кричит об опасности, а она бредет себе, как во сне, погруженная в какие-то свои мысли и ничего вокруг не видит. Неужели это Сара Коннор? Идентификация абсолютная. Лицо на фотографии врезалось ему в память, ошибки быть не может. Но все в нем протестовало. Ладно, его послали сюда не рассуждать, а выполнять задание. Какая есть, такая есть. Приближалось назначенное время. Он торопил минуты. Скорей бы! Он обещал Джону, что справится с заданием. И ничто на свете не в силах ему помешать.

Он почувствовал, что девушка напугана. Ужас, который гнал ее вперед, передался ему, точно электрический разряд. Она заторопилась и перешла на бег. Она пытается скрыться, и это ограничивает возможность наблюдения. Придется сократить расстояние, чтобы не потерять ее.

Когда за Сарой захлопнулась дверь дискотеки, Риз помедлил в некотором замешательстве. Мысленно повторил инструкции. Все идет по плану. Первым его побуждением было тут же последовать за ней. Отставить, солдат! Никакой самодеятельности. Приказ был не рассекречивать себя до начала операции. Двигаться дальше, как ни в чем не бывало. До первого поворота. И повернуть назад. За ней.

Пальмовый квартал, Жасминовая улица, дом 656. 10.11 вечера.

Полицейские, дежурившие у входа в подъезд, оживленно обсуждали дела футбольные. Резкий голос диспетчера положил конец увлеченной беседе. Вызов на Венецианский бульвар. Там что-то стряслось, и наряд на Жасминовой улице оказался ближе других. Полицейские сели в черно-белую патрульную машину и укатили.

Улицы к этому времени опустели. Из густой тени эвкалиптового дерева напротив дома 656 бесшумно выступила здоровенная тень.

Терминатор оценил обстановку и принял решение атаковать полицейских. Но те неожиданно покинули район операции. Хорошо! Тем самым ликвидация объекта значительно облегчается.

Терминатор подошел к почтовым ящикам. Прочел табличку на одном из них «Дж. Вентура / С. Коннор».

В подъезд вела запасная дверь. Стальная, в полдюйма толщиной. Взломать ее ничего не стоит, но шум может спугнуть объект, возможно что-то заподозривший.

Он посмотрел на окна квартиры. Второй этаж. Обошел дом.

Дискотека «Черная Технология». 10.12 вечера

Сара боялась выходить на улицу. Мотоцикл ждал ее на людном месте в квартале отсюда, но за дверью караулил преследователь. Сквозь рев и грохот музыки она попыталась докричаться до кассирши, замурованной в кабинке из рифленых блоков.

— Мне очень нужно воспользоваться вашим телефоном,— срывающимся голосом молила ее Сара.

Девица вплотную приблизила ухо к решетке переговорного устройства. Выкрашенные в голубой цвет волосы торчали, как у заправского панка, и придавали ее правильным чертам хищный вид. Она показала на телефон-автомат, укрепленный на одной из колонн в глубине зала. Сара шагнула к турникету, но кассирша остановила ее строгим голосом:

— Четыре пятьдесят.

Сара лихорадочно пошарила в сумке и бросила на прилавок требуемую сумму.

Она вошла в просторное помещение. Ряды столиков, отделанных рифлеными и ячеистыми панелями, окружали танцевальную площадку. Оформление бара, узкая, длинная стойка которого отливала холодным металлом, и потолок с обнаженной сетью железобетонных конструкций продолжали все тот же мотив индустриального дизайна, отличавший это заведение.

Сара пробиралась к телефону сквозь дергавшуюся в эпилептических судорогах толпу. Низкие аккорды бас-гитары били по нервам. Из темноты вынырнул бритоголовый парень, схватил ее своей потной рукой и потянул на середину зала. В мелькании разноцветных вспышек его лицо превратилось во что-то ужасное. Саре казалось, что на нее смотрит голый череп с провалившимися глазницами и плотоядным оскалом. Череп высунул отвратительный длинный язык, напомнивший ей Пагели, и прикоснулся им к ее щеке. Сара вырвалась и отскочила к столику, едва не опрокинув зазвеневшие стаканы. Когда она оглянулась, на лицо парня упал сноп света, и оно приняло вполне безобидный вид. Закусив губу, Сара продолжала свой путь к телефону.

Пальмовый квартал, Жасминовая улица, дом 656. 10.14 вечера

Мэтт, погрузившийся в состояние полного блаженства, лежал без чувств и мыслей на смятых простынях, подставив влажное тело прохладному ветерку, влетавшему в спальню сквозь приоткрытую дверь балкона. Ветерок трепал шторы. Джинджер привстала и начала тормошить Мэтта. В такую минуту никакие ее ухищрения не смогли бы расшевелить его.

Джинджер соскочила на ковер, набросила халат, отыскала тапочки и, водрузив свои неизменные наушники, вставила в плейер новую кассету.

Она отправилась на кухню, где встав на цыпочки, прошлась балетным шагом перед холодильником и завершила свой номер великолепным антраша. Из сверкающего чрева холодильника были извлечены салат, помидоры, соленые огурчики, майонез и мясная паста для сэндвичей. Она открыла шкаф и потянулась за хлебом, но тут до ее слуха донесся странный металлический звук. Тихое царапанье или скрежет, будто исходившие одновременно отовсюду. Джинджер осмотрелась, но ничего подозрительного в полутемной кухне не заметила. Достала с верхней полки хлеб, молоко...

Затихший было звук повторился с новой силой. Ближе. Резче.

Джинджер отличалась железными нервами. Ничто не могло бы сейчас вывести ее из равновесия. Любопытно, конечно, что это за звук такой. Впрочем, что в нем особенного? В ушах у нее стоял какой-то свист, и она не сразу поняла, что пленка, поставленная на перемотку, давно уже закончилась,

и плейер крутится вхолостую. «Нервы, говорите? А где это находится? Так, куда я засунула горчицу? — приговаривала она.— Ага, вот она...»

Черная тень шарахнулась от нее во мраке, и Джинджер невольно вскрикрла. Пагели рванулась с холодильника, сметая баночки с приправами, больше, чем сама Джинджер, напуганная их неожиданной встречей. Ящерица плеснулась на кафельный пол и выскользнула в коридор, а оттуда — в неосвещенную гостиную, где снова можно было спрятаться в спасительной тени.

— Доиграешься, Пагели, пора из тебя ремень делать,— крикнула Дженджер.— Бестолочь земноводная.

Джинджер нащупала отчаянно пульсирующую вену на запястье. «Стареешь, видно,— сказала она себе.— А все же нет ничего лучше хорошей дозы адреналина перед ужином. Улучшает аппетит».

Прерывисто дыша, она снова занялась продуктами и сообразила, что не успела вынуть швейцарский сыр. Наклонилась и пошарила в холодильнике, где сыр был обнаружен между засохшим джемом и твердокаменным ореховым маслом. Джинджер вспомнила о плейере, который все еще молчал, чего с ним давно не случалось, и врубила музыку. «Принс и Революция» взревели на полную катушку, возвращая ее в привычный и устойчивый мир.

Мэтт лежал, закрыв глаза, и чувствовал, как на лице у него играют блики света. Внезапный порыв ветра всколыхнул шторы. Слабый металлический звон в дальнем конце комнаты насторожил Мэтта. Он открыл глаза и в первый момент ничего не заметил. Затем увидел, как от стены отделилась черная тень, и прямо над ним навис занесенный для удара мощный кулак, в котором что-то блеснуло. Глаза Мэтта расширились, он слетел с постели за мгновение до того, как на подушку, на которой только что лежала его голова, обрушился исполинский удар. Из разорванной наволочки дождем полетели перья, не давая Мэтту разглядеть, что зажато у бандита в руке. Громила был немногим плотнее и выше Мэтта и двигался плавно и совершенно бесшумно. Лишь позванивание металлических цепочек на ботинках выдавало его присутствие.

«Через балкон залез,— подумал Мэтт и отскочил в сторону. На туалетном столике Джинджер стояла массивная бронзовая лампа. Он схватил ее, отшвырнул абажур, вырвал из розетки провод хлыстом просвистевший в воздухе, и занес тяжелую лампу над головой, описывая ею круги, точно боевым топориком.

— Эй ты, не доводи меня до крайности, убью! — крикнул Мэтт, пряча охвативший его страх за бравадой, которая шла не столько от сознания своего физического превосходства,— при данных обстоятельствах оно было отнюдь не бесспорно,— сколько от нервного потрясения.

Мэтт перевел взгляд с блестящего лезвия на бесстрастные, лишенные всякого выражения глаза нападавшего, и едва тот сделал шаг в его сторону, Мэтт вложил в свой удар все двести тридцать фунтов собственного веса. Удар, от которого Мэтт сам чуть не потерял равновесие, пришелся противнику в висок. Взломщик лишь качнулся, словно от слабого толчка, и бросился в новую атаку.

Мэтт еще раз взмахнул своим оружием, но Терминатор легко выбросил вперед руку и сдавил запястье Мэтта железным капканом. Внезапно комната

заплясала у Мэтта перед глазами: Терминатор поднял его на одной руке и с силой грохнул им об пол. Мэтт перелетел через кровать и шмякнулся на деревянный шкафчик. Собрав все силы, он поднялся и с отчаянным криком кинулся на врага.

Джинджер отыскала сыр и, покусывая стебелек сельдерея, сооружала на подносе чудо-ужин из сплошных углеводов. Принс исполнял «Давай сойдем с ума», и Джинджер самозабвенно подпевала, держа сельдерей, как микрофон.

Лицо человека оставалось в тени. Он смотрел на Мэтта остановившимися, как у куклы, безжизненными глазами. Движения в этом лице было ровно столько же, сколько в линии осциллографа, снимающего кардиограмму только что умершего человека.

Терминатор метил ножом в яремную вену Мэтта, а тот, сжав руку, занесшую нож, силился отвести ее. Складной нож с заменяемым лезвием, которое сейчас раскрылось во всю длину, неумолимо приближался. Мускулы Мэтта окаменели в последней попытке отбросить руку убийцы, которая опускалась с силой гидравлического молота. С подобной физической мощью он никогда не сталкивался, с ужасом понял Мэтт.

Ему удалось оттеснить нападавшего в сторону. Острие ножа уперлось в стену, и тут же на горле Мэтта сомкнулись огромные ручищи.

«Я должен вырваться! Должен! Или я, или он..,— мелькали в сознании Мэтта обрывки мыслей.

Мэтт удачно заехал коленом в живот противнику. Колено вошло в мягкую ткань, но совершенно неожиданно уперлось в твердую преграду, взявшуюся неизвестно откуда. Громко хрустнула коленная чашечка. Терминатор подкинул Мэтта вверх, точно малого ребенка, и с размаху швырнул в стеклянную дверь балкона. Мэтт упал на спину, осколки посыпались ему в лицо.

И все же он еще раз сумел подняться на ноги. Он двигался автоматически, точно мотор, который еще крутит обороты, хотя бензин на исходе. Сломанное колено подкосилось, и он перенес вес на другую ногу. Избитое тело покрывали десятки кровоточащих порезов.

Терминатор спокойно ждал, наблюдая, как Мэтт поднимается на ноги и кое-как перелазит через разбитую дверь в комнату. Каждый шаг давался ему так медленно и с таким усилием, что Терминатор уже собрался уйти, чтобы продолжить преследование основного объекта. Но Мэтт не дал ему это сделать. Он собрал всю свою волю к жизни в единый кулак и, очертя голову, пошел на убийцу.

С учетом этого удара Терминатор подкорректировал свое положение в пространстве ровно на восемь сантиметров и без труда отбил нападение. Отброшенный им Мэтт разбил спиной большое зеркало, висевшее на двери ванной, и рухнул на пол, уже не чувствуя боли. Сердце, бившееся судорожными рывками, останавливалось. Страшная сила последнего удара неизмеримо превосходящего его по силе противника сделали свое дело.

Мир, со всеми его красками и полутенями, ускользал от угасающего взора Мэтта. Нечеловеческая тяжесть сдавила ему грудь. Он знал: если сумеет выдержать этот сгусток адской боли, все будет в порядке. Он не почувствовал, как железные пальцы сомкнулись у него на горле. И еще долго прислушивался к смеху Джинджер, который серебряным колокольчиком звучал в обступившей его тьме.

Перед тем, как выйти из кухни, Джинджер поставила на поднос стакан молока, блюдо с трехэтажным сэндвичем и поправила на голове наушники. В коридоре она услышала громкий хруст, как будто ломали что-то твердое, или это ей показалось? Опять негодница Пагсли. У ящерицы определенно нервы пошаливают. Проходя мимо гостиной, она заглянула в комнату. Все было в порядке. Пагсли, точно каменное изваяние, застыла в своем террариуме. Может быть, соседи снова выяняют отношения?

Ей послышался глухой удар, а затем... Джинджер недоверчиво тряхнула головой, наушники соскользнули ей на плечи. Звуки стихли. Или нет? Слабый стон... Джинджер взволнованно улыбнулась. Ну, Мэтт, такая лапуля. Чем он там занимается тайком от нее?

Держа поднос в одной руке, она другой попыталась открыть дверь спальни. Ей хотелось ворваться внезапно и застукать Мэтта за чем-нибудь неприличным. Но дверь распахнулась сама, на ноги Джинджер брызнула кровь и посыпалось битое стекло. Осевшее тело Мэтта бросили в дверь, точно орудие тарана. Поднос выпал из рук Джинджер. Холодное молоко пролилось ей на ноги. Она шарила руками в воздухе, точно слепая в поисках опоры. И пальцы уткнулись в истерзанное тело Мэтта. Мертв. Нет больше ее Мэтта.

Она задохнулась от горя, руки бессильно упали. К двери подошел высокий человек и взглянул на девушку поверх окровавленного трупа. Мгновенный анализ внешности показал ее соответствие приметам объекта. Он вынул из кармана куртки пистолет. Толкнул дверь, которую мешало открыть мертвое тело.

Джинджер крутанулась и бросилась прочь. Ей в ступни впивались осколки битого стекла. Она бежала по коридору, не замечая, что кровь фонтаном бьет из правой ноги.

Терминатор сорвал с петель дверную раму, отбросил то, что от нее осталось, и вышел в коридор.

Джинджер пронеслась по коридору со спринтерской скоростью, шумно хватая ртом воздух, и подбежала к двери гостиной в ту самую секунду, когда Терминатор целил пистолет в точку на ее левом плече.

Животный страх подавил все ее чувства. дверь! В ней сосредоточилось спасение Джинджер. Ни Бог, ни судьба — никто и ничто не поможет ей. Только эта дверь укроет ее от безумного кошмара. Она вцепилась в дверную ручку. «Смотри, подонок, я уже там, я ушла от тебя!» В спину ей что-то ударило, точно ракета, идущая на сверхзвуковой скорости, пронзила насквозь, разрывая левое легкое.

В нескончаемо долгий миг падения она услышала звук выстрела, поразившего ее. Вторая ракета задела печень. Пуля на долю секунды задержалась в ее вязкой массе, а затем, вырвавшись, пропла дальше и застряла внизу живота. Джинджер упала. Вот когда стало совсем плохо.

Терминатор нависал над ней ее собственным надгробным монументом.

Скрюченные пальцы Джинджер хватались за гладкий линолеум, который намок под ней. Щека прижималась к холодному полу, а она все не могла остановиться в своем падении в бездонную глубину. К ней приблизились тяжелые шаги.

Пошевелиться и повернуть голову она не могла, но мысленно видела эту темную фигуру, грозную и необъяснимую, как сама смерть. Страх ушел.

Остался один единственный вопрос: почему? Видно, ответ на него она получит уже не здесь. Там...

Единственное, о чем она молилась, это чтобы ее обнаружил кто угодно, только не Сара.

Терминатор нажал на спусковой крючок. Расстрелял обойму.

Еще одну. И еще. Пока не опустел весь магазин.

Дискотека «Черная Технология». 10.14 вечера

Сара набирала номер срочного вызова полиции. Ей так хотелось услышать спокойный, вселяющий уверенность, по-отцовски заботливый голос, который распорядится немедленно выслать за ней десяток полицейских машин. Или, по крайней мере, выслушает ее сбивчивый рассказ, возьмет на себя всю ответственность за ее судьбу и точно скажет, что ей делать. Вместо этого она услышала запись текста на автоответчике: «Вы набрали номер полицейского управления Лос-Анджелеса. Все наши линии заняты. Если вам необходимо прислать полицейскую машину, не вешайте трубку. Как только машина освободится...»

Сара не вешала трубку. Она испуганно всматривалась в переполненный зал. Здесь она хотя бы среди людей. Пусть только кто-нибудь попробует на нее напасть. Здесь ребят человек пятьдесят. Ее не дадут в обиду. Сара вытягивала шею, крутила головой, но человека в плаще не было видно. У него такой странный, безумный взгляд. «О, Господи! — мысленно повторяла она.— Пусть же в полиции возьмут трубку».

Но к телефону все не подходили, и линия автоматически отключилась. Сара, не веря своим ушам, повесила трубку. Попробовала набрать номер полиции еще раз. Последовал сигнал «занято». Этого не может быть!

И тут она вспомнила про Джинджер. Как она раньше не догадалась? Она позвонит Джинджер, и они с Мэттом приедут за ней. И отвезут ее в полицию.

Гудок — и в трубке щелкнуло. Автоответчик начитывал голосом Джинджер этот идиотский текст. Значит, они с Мэттом еще занимаются любовью. Остается подождать, пока Джинджер снимет наушники и услышит сигнал автоответчика о том, что появилась новая запись.

Пальмовый квартал, Жасминовая улица, дом 656. 10.15 вечера

Терминатор перезарядил пустой магазин. Цель полностью и окончательно нейтрализована. Он опустил пистолет и приступил к завершающей фазе операции. наклонился и сделал ножом ровный, как по линейке, надрез на левой ноге Джинджер. От лодыжки до колена. Того, что искал, он не нашел. Идентификация объекта дала отрицательный результат.

Он обдумывал дальнейшие варианты проведения операции. Зазвонил телефон. Он вскинул пистолет, лазерный прицел замер на телефонном аппарате, когда из автоответчика зазвучал голос Джинджер. Терминатор мгновенно проанализировал источник звука и, обнаружив его искусственное происхождение, отложил оружие.

— Привет,— весело сказала Джинджер,— ха-ха. Мне удалось тебя надуть. Ты разговариваешь всего лишь с машиной. Ну, ну, не тушуйся. С машиной тоже можно ласково поговорить. Так что, давай, говори после сигнала. Я или Сара свяжемся с тобой позже».

Он уже дошел до двери, когда в автоответчике раздался звенящий от напряжения голос Сары:

— Джинджер, это Сара. Возьми трубку, если ты дома.

Более удачного поворота событий нельзя было даже спланировать. Терминатор вернулся в гостиную.

— Я тут, в одном месте на проспекте Пико. «Черная Технология» называется,— продолжала Сара.— Мне страшно. За мной следят. Ой, Джинджер, пожалуйста, скорее послушай запись и приезжайте с Мэттом за мной.

Щелчок. Трубку повесили.

Терминатор изменил свой план. Он начал профессионально и методично обыскивать комнаты.

Спустя тридцать семь секунд он нашел нужный предмет. Студенческий билет Сары Коннор в ящике комода. Терминатор изучал фотографию, намертво запоминая каждую черточку этого лица. Теперь он не ошибется.

На улице завыли полицейские сирены. Терминатор отшвырнул студенческий билет. Под ним лежала записная книжка с адресами и телефонами. Сирены завыли все громче, приближаясь к дому. Просматривать записную книжку не было времени. Он сунул ее в карман и через балкон спустился на улицу. Операция продолжалась.

После визита Терминатора в квартире живыми остались Пагсли и цветок в горшке. Игуана забилась на книжный шкаф и оттуда наблюдала, как растворяется во тьме высокая фигура.

Дискотека «Черная Технология». 10.24 вечера

Наконец по телефону полиции ей ответил живой человеческий голос. Ей объяснили, что она должна связаться с лейтенантом Трэкслером и дали его номер. Слезы душили ее, но, во что бы то ни стало решив дозвониться, она опускала в щель монету за монетой. Наконец, впав в отчаяние, дозвонилась до очередного оператора, который снова долго держал ее на телефоне. Секунды превратились в бесконечную пытку ожидания.

Полицейское управление Лос-Анджелеса. 10.28 вечера

В восьми милях оттуда Эд Трэкслер переступил порог своего кабинета с двадцать седьмой чашкой кофе в руках. Вукович, не вставая с кресла, дотянулся до телефона.

— Отдел убийств,— бесстрастным голосом произнес тощий сержант и тут же подскочил и повернулся к шефу.— Это она, Эд.

Трэкслер выхватил у него телефонную трубку.

— Сара Коннор? Вас слушает лейтенант Трэкслер.

К этому моменту Сара уже перестала надеяться, что в полиции ее выслушают. Охваченная страхом, с которым уже не могла совладать, ощущая, как сжимается вокруг нее кольцо преследования, и в то же время сознавая, что люди, от которых зависит ее спасение, пытаются всячески отделаться от нее, Сара, как за соломинку, ухватилась за Трэкслера.

— Послушайте, лейтенант! Только не просите меня подождать и не отсылайте в другой отдел!

— Не волнуйтесь,— услышала она,— никуда я вас не отсылаю. Успокойтесь и скажите мне, где вы.

Впервые за этот вечер нашелся человек, проявивший к ней участие,

озабоченный ее судьбой. Успокаивающий, мягкий голос Трэкслера обволакивал ее, точно пушистое одеяло, под которым можно спрятаться от кровавого ужаса этого дня.

— Где вы? — повторил он.

— В дискотеке... «Черная Технология».

— Знаю. Проспект Пико.

— Но я отсюда никуда не пойду! — испуганно выпалила она.— За мной следят.

— Все в порядке, мисс Коннор,— сказал Трэкслер, придавая своему голосу всю убежденность, на которую лейтенант был способен.— Послушайте меня внимательно. Вы находитесь в людном месте, и с вами ничего не случится. Мы приедем через пять минут.

— Когда вы будете? Скажите точнее,— попросила она.

— Сейчас же. Мы выезжаем. Старайтесь держаться на виду. Ни в коем случае не выходите. Даже в туалет. Не оставайтесь одна. Машина придет за вами ровно через пять минут.

— Хорошо,— со вздохом ответила Сара и повесила трубку.

Дискотека «Черная Технология». 10.31 вечера

У входа в дискотеку затевалась скандальная история. Несколько человек, находившихся поблизости, повернули головы туда, где намечалась заварушка, но тут же потеряли к ней всякий интерес.

В клубе появился новый посетитель. Тренированный парень в кожаной куртке на размер меньше, чем ему нужно, и мотоциклетных бутсах. Он спокойно огляделся, невозмутимо рассматривая лица тех, кто попадались ему в холле, и, не найдя среди них нужного ему человека, направился прямо в зал. Мимо кассирши он прошел как ни в чем не бывало. Она с изумлением уставилась на мощную спину незнакомца, проталкивающегося сквозь толпу.

— Эй! — крикнула она дюжому вышибале.— Смотри в оба. Этот тип попел без билета.

— Привет, парень,— обратился к нарушителю мордоворот и опустил могучую руку ему на плечо.

Терминатор даже не обернулся. Его левая рука сделала стремительное движение туда, где он испытывал некоторую тяжесть. Он стиснул запястье вышибалы и выпустил его лишь после того, как раздался хруст сломанных костей, отстранил обмякшую глыбу и без помех продолжил свой путь. Спортивные ребята как будто не слышали хрипа вышибалы. Или удачно притворялись, что не слышат.

Терминатор шел по танцевальному залу, изучая каждое лицо и расталкивая людей с тем же безразличием, с каким охотник отводит ветки деревьев, заслоняющих от него добычу. Люди не существовали для него. Он вышел на завершающий этап поиска цели, и среди мельтешения лиц его интересовало только одно.

Сара повесила телефонную трубку и сразу почувствовала, как ей не хватает уверенного, спокойного голоса Трэкслера. Он сказал: «Через пять минут». Еще пять минут,— и она спасена. Наконец-то вмешались «власти». С этой утешительной мыслью она отошла от телефона и вернулась к своему столику, стоявшему в первом ряду, вплотную к танцевальной площадке.

Точно в страшном сне, ее повсюду окружал беснующийся людской

зверинец. Гримасы на лицах кривляющихся под рев музыки танцоров. Агонизирующие в конвульсиях тела. К столику рядом подошла, едва держась на ногах, подвыпившая блондинка в комбинезоне в обтяжку и стала громко выяснять отношения с товарками. Каждый веселился, как мог. Все они были тут в своей стихии, чужая — только она.

Человека в ободранном плаще среди них она не заметила.

«Наверное, испугался,— рассуждала она.— Не хочет, чтобы его заметили, и ждет меня снаружи. Может быть...»

Она гнала от себя тревожные мысли.

Все будет в порядке. Продержаться всего пять минут.

Она уже сама начинала в это верить.

В следующее мгновение Сара взглянула в зеркало, и ее надежда рассыпалась в прах. Он сидел в баре спиной к ней и наблюдал за ней в висевшее перед ним зеркало.

Он поспешил отвести взгляд, словно ничего не случилось, и лихорадочно соображал, как теперь поступить. Она снова заметила его. Он ее спугнул. Рассекретил свое наблюдение. Он видел, как расширились от ужаса ее глаза. Лучше всего было бы начать операцию теперь, но приказ есть приказ. Ждать, солдат. Что ж, подождет.

Когда Риз понял, что Сара скроется от него в дискотеке, он обогнал ее, продолжая свой путь. Убедившись, что она вошла вовнутрь, проверился на случай «хвоста» и быстро вернулся к двери со сверкающими огнями вывеской «Черная Технология». Стены здания сотрясали мощные вибрирующие аккорды музыки Новой Волны. Он слышал о таких заведениях. В прошлом они назывались ночными клубами. В памяти всплыло смутно связанное с этим имя: кажется, Синатра.

Он потянул на себя дверь, и шквал музыки обрушился на него с оглушительным ревом и грохотом. В калейдоскопических вспышках цветных молний вырисовывались фигуры дергавшихся в танце людей, по лицам которых мельтешили розовые, голубые, желтые огни. В клетке у дверей скучала девушка. Она высунулась и схватила за рукав проходившего мимо Риза. Он метнул в нее настороженный взгляд. Рука сжала в кармане пистолет.

— Четыре пятьдесят! — требовательно произнесла она.

Риз вопросительно уставился на девушку, не сразу поняв, в чем дело. Слова, значения которых ему неясно, голубые волосы — с этим он еще не сталкивался. Девица снизошла до очередного чудика и с расстановкой повторила:

— Четыре доллара пятьдесят центов.

Риз, не глядя, вытянул из кармана кучу смятых бумажек, бросил ей и прошел в зал, не дожидаясь сдачи.

Первым делом — блиц-разведка и оценка сложившейся ситуации. Дверь при входе в зал стеклянная, в противоположном конце металлическая дверь на выходе, слева два окна, справа одно.

Он оставался совершенно безразличным к изумленным взглядам посетителей, пораженных необычным сочетанием великолепной спортивной фигуры и засаленной, ветхой одежды, говорившей о том, что ее владелец принадлежит к обитателям городского дна. Впрочем, это недалеко от истины. Риз изучал мелькавшие перед ним лица, стараясь не пропустить ни одного. Сару он увидел

почти сразу. Она быстро и нервно говорила по телефону. Девушка взглянула назад, и он тут же пригнулся, прячась за головы соседей.

Длинный ряд высоких стульев у стойки бара с расположенными над ней зеркалами идеально соответствовал его задаче. Со своего места в центре он, в случае необходимости, будет держать под прицелом любую точку зала.

Сара вернулась за свой столик. Он не отрывал от нее взгляда, и она, словно, чувствуя это, озиралась по сторонам. Затравленный зверек, ощущающий опасность, которая висит в воздухе. Их взгляды скрестились в зеркале.

Сару сковала предательская слабость. Сигнал тревоги уже не зуммером, а аварийной сиреной завывал в воспаленном мозгу. Значит, он все-таки здесь. Выследил ее. Она посмотрела в эти глаза, тревожные, горящие лихорадочным возбуждением, и сказала себе, что от страшного человека ее не спасут и плюсотни парней в этом зале. Она снова одинока среди шумной, пестрой толпы. Она в ловушке.

Преследователь отвел взгляд, притворившись безразличным. нужно успокоиться. Лейтенант Трэкслер спешит к ней на помощь. Он же сказал — пять минут. Она дождется его. «Потерпи только пять минуточек,— уговаривала она себя.— Ну что может случиться за пять минут? Господи! Только бы он приехал поскорее!».

Танцующие заслоняли от нее человека в баре, окаменевшего, точно статуя. Сара через каждые несколько секунд смотрела на часы, а музыка чудовищной громкости продолжала бить по ее истерзанным нервам.

Терминатор протискивался сквозь толпу, осматривая каждый метр зала в одном и том же порядке: слева направо и сверху вниз. Его мозг работал в режиме проверки, память тщательно сличала каждое женское лицо с тем, на фотографии.

Сара непроизвольно протянула руку к стакану, стоявшему на ее столе. Стакан был полупустой, но она не поняла, что его оставил тот, кто сидел за этим столиком до нее. Она не думала об этом, машинально постукивая пальцами по стакану и тем самым подталкивая его к краю стола. Стакан она все-таки уронила на пол и наклонилась, чтобы поднять его, в ту самую минуту, когда исполинская фигура в тесной кожаной куртке приблизилась к ее столику. Терминатор отметил пустое место за столиком и занялся осмотром следующего участка.

Он уже отвернулся, когда Сара снова выпрямилась.

Пройдя весь зал до конца и не обнаружив объекта, Терминатор проверил исходные данные боевой обстановки. Он находился в нужном месте. Информация, полученная от объекта по телефону, характеризуется высоким уровнем достоверности. Если рассуждать логически она может находиться только здесь. Возможно, он пропустил ее. Он повернулся, чтобы с такой же тщательностью снова обследовать зал. И, конечно, сразу нашел ее.

У Риза внезапно пересохло во рту. Он протянул руку к стакану с пивом, смочил губы. Краем глаз он уже видел, как от сплошной стены танцующих отделилась впечатляющая своей мощью фигура. Высокий человек, расталкивая всех на своем пути, быстро шел по направлению к Саре Коннор. Правую руку он держал в кармане кожаной куртки. В следующую секунду Риз понял: это Он! Ошибки быть не может. Он отставил пиво и, как бы невзначай, расстегнул верхние пуговицы плаща. Пальцы скользнули по гладкой металлической

поверхности автомата. Он спустил предохранитель.

Доли секунды отделяли его от начала операции. В яркой вспышке внезапного озарения он уже видел перед собой следующий момент. Момент истины. Мышцы его напряглись и затвердели. Сердце билось взволнованно и четко. Левой рукой он уперся для устойчивости в стойку бара, правой сжал готовый к бою автомат. Оттолкнув стул, вдруг резко повернулся лицом к залу.

Сара отпила глоток кока-колы. Снова посмотрела на часы. С тех пор, как она поговорила с лейтенантом Трэкслером, истекло три с половиной минуты. К ней решительно направлялся высокий человек в куртке. Он сверлил ее холодным взглядом, одновременно держа руку в правом кармане, могучая скала, внезапно выросшая между нею и залом.

Трэкслер? Она представляла его себе не таким. Глаза! Такими глазами не может смотреть друг. Инстинктом, опередившим оцепеневший разум, она уже поняла, что сейчас с ней случится самое страшное.

Подойдя к ней, Терминатор вначале сопоставил ее приметы с фотографией, запечатленной в его памяти. Идентичность стопроцентная. Объект выявлен. Альтернативные варианты? Нет. И его кольт начертил на лбу девушки алую метку лазерного прицела. Из дула, наведенного на Сару пистолета, смотрела бездонная чернота смерти. Переполненный людьми зал словно провалился куда-то, и она осталась совсем одна.

Терминатор щелкнул затвором. В грохоте барабанов и завываний бас-гитар этот тихий металлический щелчок был единственным звуком, который слышала Сара. Десятки мыслей роились у нее в сознании. «Господи, неужели это не шутка? Не сон? Сейчас он убьет меня на глазах у всех. Значит, убийца вовсе не тот. Вот настоящий убийца... Но почему я, почему именно я?..».

Риз молниеносно повернулся лицом к залу и распахнул плащ. Его палец лежал на спусковом крючке, когда в руках Терминатора появился кольт. Терминатор действовал хладнокровно и быстро. Быстрее, чем предполагал Риз. «Какая серия? — спрашивал себя Риз.— Вся надежда, что «семисотка», а не «восьмисотка». Риз шагнул в зал. Парочка, первой попавшаяся ему на пути, шарахнулась в сторону. Как много людей! До последнего момента Риз все сомневался, что Терминатор пойдет на перехват цели в гуще толпы. Риз грубо оттолкнул человека, закрывавшего ему обзор и прицелился. Раздался испуганный визг. Стоявшие впереди еще не видели поднятый автомат, но, ощущая внезапно усилившийся напор толпы сзади, поспешили на всякий случай отскочить от греха подальше. Коридор на пути Риза образовался сам собой.

Он нажал на гашетку. Прогремел выстрел, и в зале воцарилась мертвая тишина. Все, что двигалось, извивалось и дергалось, внезапно остановилось.

Риз выстрелил на долю секунды раньше, чем Терминатор нажал на спуск своего кольта. Обычному человеку при этом разнесло бы руку. Терминатор только отклонился вправо на двадцать градусов. Пуля, вонедшая ему в локтевой сгиб, лишь сбила прицел его оружия.

Риз на ходу перезарядил автомат, несколько метров отделяли его от Терминатора, который вынужден был отвлечься от объекта и сосредоточиться на непосредственной угрозе — ее сейчас олицетворял для него высокий человек в темном плаще. Вторым выстрелом Риз пробил противнику грудь, и Терминатор, несмотря на свою очевидную несокрушимость, пошатнулся и

начал заваливаться назад.

Неописуемый гвалт наполнил помещение.

Новый щелчок затвора — и новая вспышка огня. Риз сосредоточил всю мощь своего тела, весь напор воли на одном: уничтожить противника.

Терминатор еще целился в Риза из своего кольта. Последней очередью Ризу удалось сбить его с ног. Дуло кольта, теперь уже неопасного, смотрело в потолок.

Риз подскочил к столику Сары. Она завизжала и отскочила в сторону. Ее сознание отказывалось поверить в реальность происходящего. В магазине у Риза оставался еще один патрон, и он всадил пулю в грудь уже начинавшего приходить в себя Терминатора. Тот рухнул, как подкошенный. Казалось, он навсегда выбыл из игры. Перед его куртки представлял собой кровавое месиво. При взгляде на истекающее кровью тело не оставалось сомнений, услуги врача этому человеку больше не понадобятся.

«Семисотая» серия»,— с облегчением подумал Риз. Кровь гулко ударяла ему в виски. Сердце возбужденно замирало, словно он несся по волнам на серфинге, то взлетая, то опускаясь в ожидании следующего вала. Он действовал в столь стремительном и напряженном ритме, что все вокруг, ему казалось, происходило в замедленном темпе. За пять минут и несколько секунд, пролетевших с момента первых выстрелов, люди в зале не успели придти в себя. Они, точно громом пораженные, наблюдали полную неясного, но страшного смысла сцену.

Сара отрешенно смотрела на мертвое тело, валявшееся в луже крови. И все это в каких-нибудь шести футах от нее, но уже за гранью реальности. Она растерянно взглянула на человека в плаще, уложившего убийцу. Увидела притягивавшие к себе глаза и грозно поблескивавший автомат. Он пришел за ней.

Но что-то отвлекло его. Люди, находившиеся поблизости, изумленно ахнули: Терминатор открыл глаза, шевельнул руками и ногами. Затем с легкостью вскочил и, пригнувшись, рванул автомат УЗИ, скрытый под курткой. Отвел затвор и взял Риза на мушку. Риз согнулся и неуловимым кошачьим прыжком кинулся в сторону. Тишину прорезала автоматная очередь.

В зале началась паника. Люди опомнились от шока и устремились к выходу. Бежали, спотыкаясь и падая, скользя на гладком полу, расталкивая других. Не всем удалось уйти от смерти. На пути Риза чуть замешкалась молодая женщина, он рванулся в сторону, и в ее грудь вонзились пули девятимиллиметрового калибра из УЗИ.

Поток бегущих подхватил Сару. Повинуясь слепому инстинкту, она спасалась вместе со всеми.

Терминатор стоял в центре опустевшей танцевальной площадки и целился в Сару, но его внимание отвлек Риз.

Риз двигался к стойке бара. Еще секунда — и он будет вне досягаемости. Терминатор дал по нему очередь из автомата, но Риз успел нырнуть за цельнометаллическую стойку. Автоматные очереди буравили стойку снизу вверх, снова вниз и обратно. На спину Риза, согнувшегося в три погибели, обрушился град осколков — все, что осталось от зеркала над стойкой.

Терминатор на короткое время исключил Риза из своего поля зрения и занялся Сарой, которая была уже на полпути к двери. Отыскал ее голову в

испуганной толпе. Поднял свой УЗИ и, держа ствол одной рукой, прицелился, как из пистолета. Подождал, пока ее головы выплывет снова и нажал на спуск. Девятимиллиметровые пули должны были поразить ее в затылок. Но в это мгновение девушка, нагонявшая Сару, задумала оттолкнуть ее и обойти. Она дорого поплатилась за свой эгоизм. Пули, предназначавшиеся Саре, попали в нее. Ее отшвырнуло вперед. Падая, она сбила Сару с ног и прикрыла своим обмякшим телом.

Риз перезарядил ремингтон под прикрытием стойки бара. Его пальцы стремительно и четко совершали последовательность операций. Быстрее! Еще быстрее!

Сара задыхалась под тяжестью мертвого тела. Она подняла глаза и обмерла. Рослый человек, олицетворявший ее смерть, твердой, уверенной поступью направлялся прямо к ней. Она отчаянно пыталась сбросить придавившее ее тело, но, увы, безуспешно.

Терминатор устремился на ликвидацию цели. Отбросив расстрелянный магазин, он перезарядил окровавленной рукой автомат. От него исходило леденящее спокойствие вечного покоя. Он остановился перед Сарой и в упор прицелился.

Ее загипнотизировали пустые оловянные глаза, в которых она прочла свой смертный приговор.

В плечо Терминатора ударила автоматная очередь — это снова застрочил ремингтон. Выстрелы пробили Терминатору руку, вынудив повернуться к Саре спиной. Риз стрелял короткими очередями, двигаясь перебежками от одной кабинки к другой. Стрелял яростно, неистово, остервенело, мгновенно перезаряжая расстрелянный магазин. Неукротимым напором теснил Терминатора к окну. И, наконец, добился своего: Терминатор потерял равновесие и, пробив стекло, отлетел к окну.

Сара повернула голову и увидела, как окровавленное тело Терминатора вылетело на улицу, осыпаемое брызгами осколков.

Приземление Терминатора на тротуар впечатляло не меньше, чем катастрофа самолета. Протащившись еще несколько метров, тело неподвижно застыло на асфальте. Ручьями хлынула кровь.

Риз поднял с пола автомат УЗИ, осмотрел. Больше он не годен. Пуля раздробила верхнюю часть ствола. Он отшвырнул автомат. Подошел к Саре. Не удивительно, если она сейчас окажется невменяема.

Он оттащил мертвое тело, схватил девушку за руку, но она испуганно вырывалась. На всякий случай взглянул в окно. Потом встал на колени возле девушки и снова, уже мягче, взял ее за руку.

— Если хочешь спастись, пошли со мной.

Сара отчаянно завертела головой. Она еще не увидела того, что увидел Риз,— за окном, пошатываясь, поднимался Терминатор, разбрасывая вокруг себя осколки битого стекла.

Сара смотрела на него охваченная суеверным ужасом. Ей еще не приходилось видеть мертвецов, но воскресение из мертвых противоречило всем законам природы.

Терминатор отыскал ее взглядом, и ее словно шарахнуло молнией. Сама смерть идет за ней по пятам.

— Господи,— прошептала она.

— Скорее!

Риз рывком поднял Сару на ноги, сжал ее руку в своей. Она уже не сопротивлялась. Пусть этот тип — сумасшедший маньяк, какая разница. Пять минут назад мысль о том, что он находится в одной комнате с ней, вызывала у нее дрожь. Теперь это не имеет значения, потому что он готов увести ее отсюда, спасти от этого чудовища за окном. И потому, когда Риз потянул ее за собой, Сара подчинилась.

Риз бежал впереди, она за ним. Споткнулась о распростертые тела двух танцоров, вовремя не сумевших проявить подобной прыти. Сзади раздавался тяжелый, мерный топот Терминатора.

Они мчались по служебному коридору к кухне. Риз на полной скорости распахнул дверь и втолкнул Сару внутрь. В противоположном конце заваленной всякой снедью кухни они увидели запасной выход. Первым этой дорогой ретировался повар-кореец, едва заслышал стрельбу в зале. Они кинулись туда и оказались в полутемном помещении, примыкавшем к черному ходу. Риз хлопнул дверью и закрыл ее на металлический засов. И снова потащил за собой девушку. В следующее мгновение дверь содрогнулась от удара и едва не слетела с петель, но засов удержал ее на месте. Терминатор разбежался и двинул дверь плечом. Стальная пластина засова в полдюйма толщиной согнулась, как обыкновенная шпилька, и дверь подалась.

Когда Терминатор появился в проеме, Риз и Сара уже добежали до черного хода. У Сары подвернулась нога, но Риз неумолимо тащил ее за собой. Черный ход вывел их в переулок. Сара начала задыхаться, но Риз, не церемонясь, подтолкнул ее в спину.

— Не останавливайся!

А позади уже слышался чугунный топот Терминатора, под каблуками которого трещало стеклянное крошево. Со скоростью рекордсменов на финише они преодолели последние метры, отделявшие их от перекрестка и, не сбавляя темпа, свернули за угол. Сара буквально висела на руке у Риза. Тот на ходу перезарядил свой ремингтон. Заметив, что Сара отстала, дослал патрон в патронник, схватил ее за руку и грубо прикрикнул:

— Да шевелись же ты, черт подери!

Из-за угла показался Терминатор. Расстояние между ним и беглецами неумолимо сокращалось. Топот его шагов подстегнул Сару, как удар хлыста. Ей казалось, ноги больше не слушаются ее, но, оказывается, обнаружились неведомые ей резервы сил, и она устремилась вперед. Пустые гильзы со стуком посыпались на асфальт. Риз приготовил оружие к бою. Сара поравнялась с серебристым «ЛТД», последним в ряду припаркованных у тротуара машин. Внезапно Риз с силой толкнул ее в спину, и она упала лицом на гравиевую дорожку. Он рванул на себя дверцу машины, прикрылся ею и согнулся, целясь в бензобак стоявшей поодаль «Импалы-67».

Пуля не задела бензобак и попала под задним колесами машины. «Хреново. Остался всего один патрон. Ну-ка, успокойся!». Терминатор приближался. «Угол прицеливания крайне неудачный»,— отметил Риз и переменил положение автомата, упершись прикладом в землю. Если и сейчас промажешь, в горло тебе упрется твой собственный незаряженный автомат. Он нажал на спуск.

Удача! Пуля пробила бензобак, и он взорвался огненным облаком. Узкую улицу перегородила пылающая стена, перед которой Терминатор остановился. Он понимал, что действовать нужно быстро, иначе объект, находящийся по ту сторону пожарища, ускользнет от него. Он проанализировал ситуацию и возможные варианты действий.

Риз, не теряя времени, втолкнул Сару в машину, перескочил через нее, занял водительское место и захлопнул дверцу. Нажал на газ и обернулся. Все пространство переулка от стены до стены превратилось в пылающее море. Вдруг из пламени вылетела огромная фигура в дымящейся одежде и с грохотом приземлилась на капоте серого «ЛТД». Риз дал задний ход и сильно надавил на педаль газа. Покрышки взвизгнули, и «ЛТД» задом выехал на проезжую часть. Потрясенная Сара увидела страшное лицо, прижатое к ветровому стеклу, и занесенный для удара исполинский кулак.

Риз лихорадочно крутил руль, машину мотало из стороны в сторону. Терминатор ударил кулаком по стеклу, осколки брызнули Саре в лицо. Она зажмурилась, а открыв глаза, едва не потеряла сознание от ужаса. Окровавленная ручища тянулась к ее горлу. Терминатор схватил ее за воротник блузки и потянул к себе. Она издала дикий вопль. Сейчас он вытащит ее через разбитое переднее стекло и...

Машина к этому моменту проскочила переулок и вынырнула на проспект Пико. Ее заносило то вправо, то влево, покрышки дымились, двигатель завывал на высоких оборотах.

Полицейский Ник Дилэни следовал от Кресент Хэйтс к востоку по проспекту Пико, когда из диспетчерской поступил сигнал о перестрелке в дискотеке «Черная Технология». Он собирался ответить в микрофон, когда из переулка на проспект на большой скорости выехал серый седан. Какой-то придурок балансировал на капоте машины, по-видимому, используя ее в качестве серфинга, что само по себе было невероятным. Но это еще не все — одежда на неизвестном камикадзе горела самым настоящим огнем. Полицейский изумленно наблюдал, как седан врезался в припаркованный автомобиль. Любителя экзотического серфинга перебросило через крышу и швырнуло на асфальт. «Летальный исход»,— констатировал полицейский. Он нажал на педаль тормоза и направил патрульную машину к первому свободному месту на стоянке. «ЛТД» стремительно развернулся и на бешеной скорости помчался в сторону океана.

Дилэни подбежал к телу. Беглого взгляда было достаточно, чтобы понять, что человек мертв.

— Я один-Л-девятнадцать,— крикнул он в микрофон.— Совершен наезд со смертельным исходом.

Перечисляя приметы быстро удалявшегося «ЛТД», Дилэни отвернулся от погибшего и поэтому не мог видеть, как по телу мертвеца пробежала судорога, затем труп медленно поднялся на ноги и огляделся. Полицейский передал описание седана и собрался приступить к осмотру жертвы. Того, что представилось его взору, было достаточно, чтобы на несколько лет сократить ему жизнь. Правда, полицейскому Дилэни были отпущены уже не годы, а секунды. Восставший из мертвых атлет шел прямо на него. Намерения гиганта не вызывали сомнений. Дилэни уронил микрофон и схватился за пистолет.

Вынуть оружие он не успел. Человек ударил по приоткрытой дверце машины, за которой стоял Дилэни, и полицейский услышал, как хрустнула кость его собственной правой руки. И тут он осознал весь ужас происходящего. В мозгу вертелось: «Летальный исход». Терминатор поднял полицейского и ткнул его головой в ветровое стекло. Безжизненное тело он швырнул на тротуар. Сам сел за руль и поехал.

Риз гнал машину на предельной скорости. Сара затихла рядом с ним. В лице ее не было ни кровинки. Ее колотила лихорадка. События последних нескольких минут казались ей дурным сном. Мир за окнами, летящей, словно полуночный демон, машины также утратил для нее реальные очертания. Риз выключил фары и жал на педаль акселератора, хотя они уже и так неслись со скоростью девяносто миль в час.

Глаза его перебегали с зеркала заднего обзора на дорогу и обратно. Иногда он оборачивался и окидывал взглядом участок пути, оставшийся позади. На углу проспекта Дубовая Роща он разогнал машину в крутой вираж, не обращая внимания на испуганно сжавшуюся Сару. Предупредил только:

— Держись!

Машина вырвалась к Уитворту и на левом повороте скользнула в зазор между плетущейся не спеша «Тойотой» и встречным грузовиком, свернула на Рексфорд и, не сбавляя скорости, повернула еще раз. Транспорт в этот поздний час тащился с черепашьей скоростью, и Риз, не долго думая, перескочил на тротуар, благо пешеходов уже не было. Никто не заметил, как на пересечении с автомагистралью Олимпийского бульвара серый седан отделился от тротуара и в красивом мощном прыжке перескочил на проезжую часть.

Кажется, «хвоста» не было. Воспроизвести маневры и головокружительные виражи Риза дано не всякому. Он взглянул на Сару и понял, что она не в себе.

— Тебя ранило? — спросил он по-военному кратко.— Ранена?

Никакого ответа. Отрешенный взгляд обращен в темноту. Риз наклонился к девушке, быстро провел рукой по ее телу. Движения его были точны, профессиональны, взгляд сосредоточен и бесстрастен, как у врача, осматривающего больную. Ибо так оно и было. Он проверил, нет ли у нее ран и повреждений. Все обстояло вполне благополучно.

Сара опомнилась и вздрогнула. Она ощутила чужие прикосновения и задохнулась от негодования — так омерзительна была ей эта гнусная мужская выходка. Она оттолкнула его руку и в панике схватилась за ручку. Дверь открылась. Навстречу Саре неслась, ослепляя огнями и оглушая ревом, ночная автострада огромного города.

Риз втащил ее назад, швырнул на сиденье и захлопнул дверцу. Не отрывая глаз от дороги, отвел руку и ударил ее по лицу тыльной стороной ладони. Чувствительно. Она застыла на месте. Эйфория, в которой она пребывала, начала рассеиваться. Только теперь он заговорил:

— Делай то, что я скажу. Не двигайся без моего приказа. Ты поняла меня?

Спидометр накручивал восемьдесят пять миль в час. Положив одну руку на руль, он другой запер дверь с ее стороны, набросил на нее ремень и как следует затянул его все теми же спокойными, уверенными движениями врача. Сара даже не пошевелилась.

Он повторил вопрос, срываясь на крик:

— Ты поняла меня?

— Да,— жалобно произнесла она.— Прошу вас, не причиняйте мне зла.

— Я здесь для того, чтобы помочь тебе,— пояснил он суровым деловым тоном, в котором она, однако, не уловила угрозы.— Меня зовут Риз. Сержант технической части ДН 38416.

Наступило неловкое молчание. Риз сделал то движение, которое казалось ему правильным в данных обстоятельствах. Сара недоуменно воззрилась на протянутую руку и без всякого энтузиазма пожала ее.

— У меня есть приказ охранять тебя. Тебя приговорили к ликвидации.

В десятке кварталов от них по спящему городу кружил патрульный автомобиль полицейского номер один-Л-девятнадцать. Терминатор обследовал улицу за улицей размеренно, методично. Прислушиваясь к голосам, звучавшим по радио, он отсекал все, что не представляло для него интереса, профильтровывал всю информацию в поисках той, которая была ему необходима. И он ее услышал.

— Подозреваемая в наезде машина, седан серого цвета, замечена на проспекте Пико. Движется в южном направлении,— передавал диспетчер.— Посты 1-А-20 и 1-А-7 на перехват. Пост 1-Л-19, ответьте.

Номер прежнего владельца машины, был известен Терминатору, поскольку полицейский при нем докладывал сводку происшествия. Он понимал, что должен отозваться и воспроизвел несколько фраз Дилэни, которые были записаны в его памяти, синтезировал подходящий ответ. Голосом, который обманул бы родную мать Ника Дилэни, произнес:

— На связи 1-Л-19. Двигаюсь в западном направлении к Олимпийскому проспекту, подхожу к Оверленду.

На самом деле он гнал машину на проспект Пико на перехват серого седана. И Сары Коннор.

— Но этого просто не может быть.— Говоря так, Сара прежде всего убеждала себя в фантасмагоричности событий, которые обрушились на нее за последний час. Это какая-то ошибка. Я же ничего не сделала.

— Нет, конечно. То есть пока еще нет. Но тебе предстоит одно дело, и очень важно, чтобы ты осталась жива.

Он посмотрел ей в глаза.

Сара отвела взгляд. Больше всего на свете она сейчас хотела проснуться и забыть все это, как страшный сон. Она зажмурилась, снова открыла глаза. Сон не уходил. Она по-прежнему сидела в «ЛТД».

— И все равно это неправда... Тот человек... он ненастоящий. Я сама видела, что он мертв. Не мог же мертвый гнаться за нами.

Риз прервал ее.

— Он не человек, а машина. Терминатор. Кибернетическая система. Серия «восемьсот», модель «один-ноль-один».

— Машина? — недоверчиво протянула Сара.— Робот?

— Нет, не робот. Киборг. Кибернетический организм.

Риз обернулся, всматриваясь в две крохотные светящиеся точки далеко позади них.

— Нет! — в ужасе закричала Сара.— Он истекал кровью!

— А сейчас немедленно пригнись! — скомандовал Риз.

Далекие огни вдруг оказались совсем рядом. С ними поравнялся полицейский патруль. Прожектор выхватил из темноты видавший виды седан, лица Риза и Сары.

Риз ткнулся бампером в борт машины. Полицейский попытался вильнуть в сторону, но, поди, совладай с такой техникой на скорости шестьдесят миль в час. Он круто взял в сторону, машину занесло на тротуар, своротив газетный киоск, она врезалась в паркованный автомобиль. И застыла.

Сара бросила взгляд на застрявшую полицейскую машину и подумала, что сейчас лучший выход для нее — провалиться сквозь землю.

Риз свернул на узкую улочку, но там за ним увязалась вторая патрульная машина и буквально села ему на хвост. Риз не смог оторваться, и оба, преследователь и преследуемый, в бешеной гонке неслись по переулку. Искры снопами летели из-под колес, когда машины бортами задевали о каменные стены или выписывали фигуры слалома, огибая мусорные контейнеры. Риз отпустил акселератор и резко нажал на тормоз. Полицейский тоже надавил на тормоз, но рука, лежавшая на руле, по-видимому, дрогнула, и руль крутанулся. На какую-то долю дюйма. Но этого оказалось достаточно, чтобы переднее крыло ударилось о стену. Машина дернулась в сторону и заблокировала узкое горло переулка.

Риз остановил машину и дал задний ход, направив седан прямо на застрявший полицейский автомобиль со скоростью сорок миль в час. В результате полицейская машина долго еще украшала собой архитектурный ансамбль улицы, а Риз вернулся на проспект Пико.

Сара выпрямилась, внимательно посмотрела на Риза, все еще не веря его словам. Киборг? Хм, ну да, их преследует машина... Теперь, когда у нее появилась возможность разглядеть своего спутника, она отметила грязное, небритое лицо, настороженный, тяжелый взгляд. Похоже, с ним опасно иметь дело. Скорее всего, псих.

Риз направил машину с магистрали на дорожку, проложенную к четырехэтажному комплексу автостоянки. Вход на автостоянку перекрывал крашеный деревянный щит. Седан пробил щит и въехал на первый этаж.

Здесь не было ни души. Сара старалась не смотреть на Риза. Ее пугала безлюдная тишина. Вот где он может без помех расправиться с ней. Перед ее глазами неотступно стояло одно и то же: огромный оживший мертвец, бросающийся за ними. И пусть с ней рядом находится сумасшедший, кто угодно, лишь бы не тот...

Медленно, осторожно, стараясь не производить ни малейшего шума, Риз объезжал проходы между машинами. На улице завывали полицейские сирены. Охота началась.

Сару нужно вывезти из города. Спрятать в безопасном месте. Лучше, если она будет помогать ему. Если она сама все поймет. Конечно, охранять ее он будет при любых обстоятельствах, даже помимо ее воли. Но лучше бы она подчинилась ему.

Риз украдкой взглянул на девушку. Как странно, что она совсем рядом, на расстоянии вытянутой руки. От ее близости у него замерло сердце. Она сидит с ним рядом. Она! Такая испуганная.

Он направил машину в следующий проход, продолжая всматриваться в

ряды машин на этом этаже. Опасность могла подстерегать повсюду. Но ничего подозрительного не обнаружил.

— Слушай дальше,— продолжал он, не прекращая изучать гараж.— Терминатор — это система, предназначенная для внедрения в человеческое общество. Получеловек — полумашина.

Искренность и страстность его тона убеждали в том, что он говорит правду. Как бы неправдоподобно горька она ни была.

— Под внешней оболочкой Терминатора монтируется сверхпрочная ходовая часть из суперсплавов. Высокоточная боевая машина с микропроцессорным управлением. Владеет совершенными способами вооружения и защиты. Поражающая сила не ограничена. И все это покрыто снаружи живой плотью. Мышцы, кожа, волосы, кровь создаются и выращиваются специально для киборгов.

Отдельные слова, которые доходили до нее, никак не складывались в единое целое. Лучше бы он молчал. Только запутывает ее.

— Понимаю, Риз. Ты хочешь помочь мне, но...

Она пыталась задобрить его убаюкивающими интонациями, обмануть его бдительность согласием. Тщетно.

— Ты слушай,— оборвал он ее.— У «шестисотой» серии кожа была резиновая. Мы легко их вычисляли. Самая новая серия — «восьмисотая». По внешнему виду от людей не отличишь. У них работают железы внутренней секреции, выделяют пот. От них исходит запах человека. Дотронешься до него — он теплый на ощупь. Но только от тебя уже ничего не останется. Вычислить их очень трудно...— Риз помялся, борясь с охваченными его сомнениями.— А все те люди, которые погибли... Дело в том, что я вынужден был дождаться, пока Терминатор обнаружит себя, иначе я не смог бы распознать его. Я не знал, как он выглядит.

Сара поняла, что он говорит о тех, кто погиб в дискотеке. Ее охватили сомнения.

— Они бы все равно погибли на войне.

Полная бессмыслица. «От всего этого у него окончательно крыша поехала. Начинается бред сумасшедшего,— пронеслось у Сары в голове.— Война? Роботы, которые пахнут потом? Бр-р-р!»

Сара покачала головой.

— Я все-таки не круглая идиотка. Такую технику невозможно создать.

— Сейчас — да, но через сорок лет она появится.

«Только бы не закричать»,— нашептывал голос из глубины ее потрясенного сознания.

— Мне нужно поставить машину.

Он замолк, припарковывая машину на пустующую площадку.

С Сарой творилось что-то ужасное. По всему городу рыщет маньяк, которому взбрело в голову убить ее. Риз... Пусть даже у него не все дома, но он спас ей жизнь. Она хотела верить ему. В глубине души она уже начинала верить ему, но слишком уж это невероятно.

— Ты хочешь сказать, он пришел из... будущего?

Ей трудно далось это слово.

— Именно. Того будущего, которое вас ожидает.

Он задумался, подбирая слова, чтобы донести до нее свою мысль, потом запальчиво добавил:

— Я не очень смыслю в технике и не могу объяснить тебе подробно.

— И ты тоже из будущего.

— Правильно.

— Все верно,— ответила она.

У него не то, что не все дома. Он полностью сдвинутый. Она щелкнула дверным замком, рванула на себя ручку и едва не выскочила из кабины. Риз успел схватить ее. Он сжал ее запястье с такой силой, что побелела кожа, и втянул отчаянно сопротивляющуюся Сару обратно в машину. Сара боролась не на жизнь, а на смерть. Охваченная паникой, она уже ничего не соображала, руководствуясь инстинктом выжить. Она вонзила зубы в руку Риза, но он не ослабил свою хватку. Лишь перегнулся через нее и захлопнул дверцу. Сара подняла к нему испуганные глаза. На его лице не отразилось ни боли, ни гнева. Никакой реакции. Она отодвинулась, ощущая на языке солоноватый вкус. Из оставленной ее зубами отметины на руке Риза сочилась кровь.

— В отличие от киборгов, я все-таки чувствую боль,— холодно бросил он.— Больше... не делай так.

— Ну, пожалуйста,— взмолилась Сара,— отпусти меня.

Риз молча покачал головой. Все пошло наперекосяк. Он попытался втолковать ей еще раз. Убедить, уговорить.

— Как ты не можешь взять в толк? Терминатор в городе. С ним нельзя договориться. Его бесполезно просить или умолять. Он не знает, что такое жалость, сострадание, страх.

Риз наклонился к самому лицу Сары. Она почувствовала его прерывистое горячее дыхание. Он пытался достучаться до ее сознания сквозь стену непонимания и ужаса.

— Его нельзя остановить. Он не успокоится, пока не убьет тебя.

Так, будем считать, что он несет махровый бред. Хорошо. Где найти объяснение для всего остального, чему она была свидетелем? Кровавый кошмар дискотеки, из которого он вызволил ее? А человек, который выскочил из пламени, и, балансируя на капоте несущейся машины, схватил ее своей окровавленной ручищей? Он действительно искал ее. Сару Коннор. Как объяснить зверское убийство двух женщин с тем же именем? В этом безумии должна быть хоть какая-то логика. Ни рассуждения, ни здравый смысл не помогали, ибо здравый смысл остался где-то там, в ее прежней жизни. А здесь его нет. Потому что...

...Я сама видела, как мертвец ожил...

Думай, думай, Сара. Ты должна найти разгадку.

...Он шел, истекая кровью, чтобы схватить тебя, Сара.

Потому что, если тебе не удастся раскрыть эту тайну, ты просто сойдешь с ума.

Но, может быть, Риз вовсе не столь безумен, как кажется?

Ее тело налилось свинцовой тяжестью.

— Ты можешь остановить его? — помолчав, тихо спросила она.

— Может быть,— ответил он.— Но для этого я недостаточно вооружен.

Вествуд. 11.03 вечера

Машина полицейского номер 1-Л-19 миновала Сепульведу, держа курс на Массачусетс. Терминатор двигался медленно, тщательно прочесывая темное безлюдное пространство двойными камерами инфракрасного излучения. Его

излучателя проникали в пустые салоны припаркованных машин. Он нащупывал цель.

Сквозь шум помех в радиопередатчике прорвался голос полицейского диспетчера.

— Всем постам! Всем постам! Подозреваемая машина замечена на автостоянке в Колби...

Терминатор молниеносно развернулся на середине улицы, полоснув бортом красный «фольксваген», в котором пятеро сильно подвыпивших тинэйджеров возвращались с концерта Ван Халена.

«Фольксваген», прижатый к пешеходной дорожке, не сбавляя скорости, вырулил на тротуар и врезался в старый дуб, отчего передняя часть машины смялась, точно тонкий лист фольги.

— Твою мать! — заорал в отчаянии подросток-водитель.— Мало этим легавым, что они без конца достают тебя, теперь еще и тачку твою достали.

Западный Лос-Анджелес. 11. 06 вечера

Риз с размаху ударил прикладом «ремингтона» по блоку зажигания внушительного «кадиллака-эльдорадо». С третьего удара рулевая колонка раскололась. Он вынул цилиндр, покрутил в руках. Ерунда ничего сложного. Он не раз проделывал подобное. Отшвырнув цилиндр, вставил что-то в замок зажигания. Полоборота по часовой стрелке — и мотор завелся. Риз дал ему согреться и выключил. Посмотрел на Сару, казавшуюся такой маленькой на слишком просторном переднем сиденье. «ЛТД» они бросили внизу и поднялись наверх, пробираясь между рядами машин, пока Риз не выбрал подходящую.

На первом этаже вокруг оставленного ими седана роились черно-белыми шмелями полосатые патрульные машины. Две поднялись этажом выше и начали последовательный обход здания, просвечивая прожекторами каждый квадратный метр стоянки и проверяя пространство между рядами транспорта.

В суматохе никто не обратил внимания на снующую по гаражу машину полицейского под номером 1-Л-19, за рулем которой находился человек, не имевший отношения к полиции.

Луч прожектора упал на ближний ряд машин. Риз знаком приказал Саре пригнуться. Свет хлынул в переднее стекло «Кадиллака», Риз и Сара прижались к полу. Вынужденная близость связала их невысказанными порывами. Она почувствовала на своей щеке его горячее дыхание, ее лицо кольнула щетина. Мерное гудение двигателя машины усиливалось, как будто она вплотную подошла к ним сзади. Они замерли, прильнув друг к другу, но светлая дорожка перекинулась на соседний ряд. Шум двигателя удалялся.

— Но почему именно я? — тихо спросила Сара.— Зачем ему убивать меня?

Он приблизил губы вплотную к ее уху и заговорил сдавленным, прерывающимся от напряжения шепотом. С чего начать? Как объяснить человеку из прошлого, что произойдет с людьми спустя сорок лет?

— Это долгая история,— наконец произнес он.

— Все равно, расскажи.

Риз чуть отстранился. Запах ее волос мешал ему думать.

— Через сорок лет у вас тут начнется война. Атомная война. И все это,— он обвел рукой машину, имея в виду города, страны, целый мир,— погибнет.

Сара посмотрела ему в глаза и поняла, что он говорит правду. Война была. Или будет? В его жесте, в словах, выражении, с которым они были сказаны, она прочла неотвратимое.

Сара не двигалась. Риз продолжал по-солдатски резко:

— Выжили немногие. В нескольких районах земного шара. Никто не знал, что спровоцировало ядерный удар.

Он пытливо вглядывался ей в лицо. Понимает ли? Верит ли?

Войну начали машины.

Не понимаю.

Оборонная компьютерная сеть. Новейшая система, которой военные полностью доверяли. Она контролировала все производство и разработку вооружений. Работала, говорят, отлично. Без единого сбоя. Принципиально иной уровень интеллекта. Система усмотрела в людях прямую угрозу своему существованию и в считанные секунды решила судьбу человечества. Полная ликвидация.

Он промолчал. Бросил быстрый взгляд на Сару, как бы оценивая впечатление, произведенное его словами. Когда он снова заговорил, голос его утратил присущую ему суровость — теперь он рассказывал ей о глубоко скоровенном.

— Войну я не помню. Родился уже после нее. Трудное было детство, голодное. Укрывались в рвалинах. Прятались от летающих «охотников-убийц».

— От чего прятались?

— Летающие «охотники-убийцы» — это поисковые машины серийного производства. Сами машины и предатели из людей, перешедшие на их сторону, сгоняли уцелевших на работы или заключали в концлагеря для дальнейшего использования.

Риз закатал до локтя рукав своей рубашки. Сара онемела от изумления, впившись взглядом в десятизначный номер, вытравленный на коже. Под цифрами была наколота сетка тонких вертикальных черточек. Сетка, похожая на кассовый код товара в больших супермаркетах. Она осторожно провела пальцем по его руке.

— Выжжено лазером,— спокойно пояснил он.

Человек, сидевший рядом с ней, оказывается, прошел ад, созданный машинами на земле для людей. Ад, в котором судьбу человека решали механизмы, метившие людей, словно товар для продажи.

— Для использования на работах оставляли немногих. Убирать трупы, например. Команды ликвидаторов день и ночь прочесывали развалины. Те, кто в них укрывались, жили на волосок от гибели. Риз вытянул указательный и большой пальцы и показал крошечный зазор между ними.

Он опустил рукав рубашки и принялся перезаряжать свой ремингтон.

— Однажды появился человек, великий человек,— благоговейно добавил он,— который помог всем нам выжить. Мы существовали впроголодь, ютились в развалинах, но не сдавались. Мы набирали силу. Он научил нас сопротивляться и по-настоящему воевать. Уничтожать заградительные электрические провода концлагерей, превращать убийц в груду металлического лома. Он повернул вспять историю человечества, стоявшего на краю пропасти.

Риз едва сдерживал волнение.

— Имя этого человека Джон Коннор. Твой сын, Сара. Не родившийся еще сын.

Эти слова бомбой взорвались в ее истерзанном сознании, цеплявшемся за остатки распадавшегося на части мира. Неправда!

Неправда!

Она не помнила, сколько времени прошло, как вдруг почувствовала на своих плечах его сильные руки, крепко обнимавшие ее. Открыв глаза, она встретила его взгляд, в котором было такое неподдельное страдание, что все сомнения исчезли. Она поверила всему, что он говорил ей, кроме этих, последних слов, не имевших для нее никакого смысла. Она, Сара, и вдруг мать несуществующего ребенка, которому суждено жить в другом времени? В сравнении с этим более реальными представлялись даже апокалиптические видения конца цивилизации, гибели народов, разрушенных в пыль ядерными взрывами. Она уже была не в состоянии воспринимать, думать, оценивать. Просто смотрела на него расширенными от изумления глазами.

— Нет,— решительно заявила она.— Это неправда.

Позади «эльдорадо» расцвела ослепительная вспышка. Риз мгновенно обернулся. Заднюю часть машины вновь осветило светом фар, но тот, кто сидел за рулем машины, полицейским быть не мог. Риз толкнул Сару, они вместе скатились под сиденье. Заднее стекло «кадиллака» разлетелось вдребезги от мощной очереди из автомата «СПАС-12».

Риз лихорадочно заводил мотор. Новая очередь. Пули свистели в салоне, пронизывая его насквозь, застревали в ветровом щитке. Сара вскрикнула, зажмурилась и обхватила голову руками. Риз нажал на газ, включил передачу и рывком тронулся с места.

Терминатор действовал стремительно, опережая решения Риза. Риз только дал газ, а Терминатор уже гнал свою машину вдоль параллельного прохода, чтобы выскочить наперерез. Черно-белый патрульный автомобиль и массивный «кадиллак» наперегонки мчались к выходу. Риз вел машину вслепую. Не рискуя показываться в окне, он сидел, пригнувшись, под щитком приборов. Он выжал сорок пять миль в час и продолжал неуклонно набирать скорость. Покатая дорожка выезда летела на него, приближаясь с каждой секундой. Эхо далеко разносило визг восьми покрышек и завывание двух мощных двигателей.

Риз приподнялся, выглянул в окно и увидел, что Терминатор обогнал его и теперь идет на перехват. Из окна патрульной машины торчало дуло автомата, направленное на водительское место «кадиллака». Риз пригнулся еще ниже, и стекло над его головой разлетелось,пробитое градом пуль. Не поднимаясь, Риз выхватил свой автомат и выставил его в боковое стекло над головой Сары. Выстрел громыхнул в трех дюймах от уха девушки. Пуля угодила в заднюю дверь полицейской машины. Риз приготовился к ответному залпу. Он вывернул руль и бросил огромный «кадиллак» навстречу полицейской машине. Обе машины теперь шли борт о борт, продолжая безумную гонку к выходу. Полицейская машина зацепила бортом заднее крыло соседнего «шевроле» и, отстав от «кадиллака», закрутилась на месте.

Находившие гараж полицейские слышали стрельбу. Кто-то даже видел, как по уклону спуска молниеносно пронесся «кадиллак», который выскочил на проспект Колби. Все с облегчением и гордостью отметили, что на хвосте

у преступника висит свой парень. Патрульный под номером 1-Л-19.

Все шестнадцать полицейских машин потянулись к выходу. Риз вылетел на проезжую часть со скоростью сорок миль в час. Он едва миновал большой многоквартирный дом, а цифра на спидометре уже перевалила за 80 и продолжала расти.

Сара выглянула из-за щитка приборов, под прикрытием которого она держалась все это время, и посмотрела на дорогу сквозь зияющее отверстие на месте заднего стекла. Она тоже видела, как машина Терминатора отделилась от стоянки и устремилась за ними. Настоящие полицейские со своими мигалками и воем сирен тащились сзади Терминатора.

Терминатор быстро сокращал расстояние между ними. Случайные водители торопились увернуться от двух, затеявших безумную гонку машин, занимавших все четыре дорожки.

Новая очередь Терминатора прошила корпус «эльдорадо». Риз старался, как мог, выжимая из машины все. Терминатор продолжал дырявить «кадиллак» очередями.

Настал момент, когда Ризу надоело обороняться и уходить.

Он схватил с пола брошенный рядом автомат.

-- Садись за руль,— крикнул он Саре.

Он высунулся в окно и перекинул ствол автомата на крышу «кадиллака». Долю секунды Сара в недоумении смотрела на руль. Машина неслась по автостраде на скорости восемьдесят миль в час. Делать нечего. Рычаг переключения передач она найти не смогла. Что ж, вперед на полной скорости! Быть может, все обойдется.

Риз по пояс высунулся в окно и целился в преследователя. Терминатор вильнул в сторону, но так и остался висеть на хвосте у бешено ревущего «кадиллака».

Ветер обдавал Ризу лицо, трепал волосы. Он прицелился и выстрелил. Первая пуля пробила переднее стекло полицейской машины. Вторая вошла в обшивку. Терминатор не сбавил скорость. Следующий заряд разнес водительское стекло, киборг пригнулся, защищая голову, и прижал автомобиль к ограждению шоссе. В воздух взметнулся столб искр. Проделав головокружительный вираж, он понесся дальше на скорости курьерского поезда.

Сара осмотрелась и вдруг поняла, что «кадиллак» вылетел с автомагистрали на проселочную дорогу, упиравшуюся в глухую стену. Она окликнула Риза, но в машине торчали только его ноги. Он висел в окне. Ветер отнес ее слова в сторону. Стена неумолимо неслась прямо на них.

Сара не понимала, как это вышло, но она схватилась за рычаг переключения передач и изо всей силы рванула его назад. Коробка передач затрещала, запахло жженой резиной.

Прицельным выстрелом Риз угодил Терминатору в плечо. Киборг дернулся. Он потерял несколько секунд, восстанавливая равновесие систем, и слишком поздно заметил надвигающуюся каменную преграду.

Сара втянула Риза в кабину и вывернула руль вправо. Колеса заскрежетали по гравию, и «эльдорадо» встал, как вкопанный, в футе от стены.

Терминатор врезался в стену на скорости восемьдесят две мили в час. Полосатая, черно-белая машина съежилась, точно гармошка. Первыми погасли

видеокамеры, затем от сильного удара вышли из строя остальные системы микропроцессора.

Сара бросила взгляд в боковое стекло. Штук двадцать патрульных машин стягивались вокруг них в плотное кольцо. Полицейские окружили «кадиллак-эльдорадо», прикрываясь распахнутыми дверцами автомобилей, словно щитами и держа их обоих под прицелом автоматов.

Первым побуждением Риза было схватиться за ремингтон, но Сара оттолкнула его.

— Нет, Риз, нет! — воскликнула она.— Они убьют тебя.

Он смотрел поверх ее головы в направленные на них дула. Безусловное превосходство в огневой силе на стороне полиции. Нечего и думать совладать с таким количеством стволов. Но он не может бездействовать. Он должен драться. Отдать Сару в руки полиции? Нет уж. Интересно, а Терминатор уничтожен или нет? Оттуда, где они стояли, разбитую машину Терминатора видно не было.

В глазах у Сары были тревога и страх. Риз с удивлением осознал, что тревожится она за него.

— Прошу тебя, не делай этого,— умоляла она.

Риз нехотя выпустил приклад ремингтона, и Сара поторопилась отшвырнуть автомат подальше.

— Эй вы там, в «кадиллаке»,— раздался грубый окрик офицера.— Руки! Быстро!

Сержант Кайл Риз подчинился и поднял руки. В следующую секунду их с Сарой вытащили из машины. Заключенных в наручниках отвели в сторону. Двое полицейских занялись осмотром искореженной машины патрульного под номером 1-Л-19.

— Невероятно, но там никого нет,— недоумевающе произнес один из них.

«Что это значит?»— подумала Сара. Она видела, как Риз стремительно обернулся назад: он должен был сам убедиться в том, что машина пуста.

Ответ, которого ждала Сара, был написан на его лице. Суровая складка губ сказала ей, что им еще предстоят испытания.

ДЕНЬ ВТОРОЙ

Полицейское управление Лос-Анджелеса. Отдел защиты граждан. 1.06 ночи.

Сара сидела в кабинете Трэкслера и напряженно разглядывала рисунок из ткани, что обтягивала кушетку. Словно из тумана до нее доносились чьи-то шаги и обрывки телефонных разговоров — полицейский участок жил своей жизнью. Предметы в комнате то и дело начинали расплываться — это на глаза ее снова набегали слезы.

Ей совсем не хотелось думать о том, что час назад сообщил ей лейтенант Трэкслер. Но она знала: отныне мысли об этом будут преследовать ее всю жизнь.

Вошел Трэкслер, осторожно неся два стаканчика с кофе. За ним следом — еще один мужчина. Лысеющий и розовощекий толстяк, в проницательных глазах поблескивает тревожный огонек. Трэкслер медленно приблизился к

Саре. Он сразу увидел круги у нее под глазами — она еще не пришла в себя от потрясения.

— Все в порядке, Сара?

Сара едва заметно кивнула, стараясь ни на кого не смотреть.

— Вот, выпейте,— предложил Трэкслер.

Она послушно взяла из его рук стаканчик, глотнула кофе, потом уставилась в какую-то точку в пространстве.

— Лейтенант,— спросила она безжизненным голосом,— вы уверены, что это они?

Трэкслер медленно кивнул. Сара заглянула в его глаза, ища в них хотя бы намек на сомнения.

— Мне стоит взглянуть... на тела. Может быть, это не...

— Их уже опознали.— Эта часть разговора была Трэкслеру неприятна. Скорее бы перейти непосредственно к делу.— Никаких сомнений нет,— как обычно, добавил он.

Перед мысленным взором Сары возникли изуродованные тела Джинджер и Мэтта, ее единственных друзей, ее «семьи» — они лежат в луже крови в гостиной. Их больше нет. Их вырвали из ее жизни с корнем, навсегда. Значение происшедшего только сейчас стало доходить до нее в полной мере, и она ощутила физическую боль.

— Боже мой... Джинджер... девочка моя.— Она едва слышала собственный голос.— Прости меня...

Рука ее дрогнула, и дымящийся кофе едва не вылился ей на колени, но Трэкслер успел выхватить у нее стаканчик.

— Сара,— он указал на тучного толстяка, стоявшего у двери.— Это доктор Силберман.

— Здравствуйте, Сара,— сказал Силберман с наигранным дружелюбием, за которым скрывалось полное равнодушие. Сара взглянула на него сквозь дымку, застилавшую ей глаза.

— Пожалуйста, расскажите ему все, что вы узнали от Риза,— продолжал Трэкслер.— Окажите мне такую услугу.

— Хорошо,— прошептала она почти беззвучно.— Вы доктор?

— Психолог-криминалист,— ответил он.

Похоже, малоприятный тип, решила Сара. Хотя свое дело, наверное, знает, а ей так нужны ответы на мучившие ее вопросы... Почему ее нормальную, спокойную жизнь вдруг в одночасье превратили в какой-то кошмар? Почему Джинджер и Мэтт лежат в луже крови? Почему кто-то хотел убить ее, Сару? Неужели Риз прав, и это не просто какая-то дикая случайность, а ее, Сары, вина?

— Риз сумасшедший? — спросила Сара, не отводя глаз от невозмутимой физиономии Силбермана.

— Как сказать,— произнес он нараспев.— Именно это мы и хотим выяснить, правда?

Руки Риза были плотно стянуты за спиной и прикованы наручниками к задним ножкам стула. Перед ним стоял простой деревянный стол с черной пластмассовой пепельницей; со стены напротив смотрело большое зеркало.

Боль между лопатками усиливалась. Но он не обращал на нее внимания.

Так даже лучше. Она была вполне терпима и помогала не вникать в смысл вопросов, которые задавал высокий худощавый человек, ходивший по комнате из угла в угол.

Вукович остановился прямо за спиной пленника и посмотрел на затылок Риза. Наверное, сильно болит, но мышцы шеи расслаблены, значит, боль переносит хорошо. Крепкий орешек. Вукович медленно обошел стол и взглянул угрюмому парню в глаза. Лицо пленника ничего не выражало. Абсолютно ничего. Точка. Да, странновато. Не по нутру мне эти странные, подумал Вукович.

— Ладно, приятель,— заговорил он.— Начнем по порядку. Ты давно знаешь Сару Дженет Коннор? — Риз продолжал смотреть на стену за спиной Вуковича и считать дырочки в одной из плит. Он насчитал 138.

— Кайл Риз,— повторил он бесстрастным резковатым голосом.— Сержант, связист, номер ДН38...

—...416,— закончил за него Вукович.— Твой дурацкий номер я уже знаю.— Он уселся напротив Риза и наклонился к нему через стол — лицо его оказалось в нескольких дюймах от лица молодого человека.— Может, хватит играть в героев? Мы знаем, что ты — человек не военный, ни в каком воинском подразделении не числишься. Вообще нигде не числишься... Насколько нам на сегодня известно.

Вукович закурил «Кэмел».

— Не нравится мне это. Совсем не нравится. Похоже, мы проведем в этой комнате много времени, а я в таких случаях частенько выхожу из себя.

Риз слушал Вуковича вполуха. Мысли его бродили далеко. Он думал о задании. О Саре. Эти парни будут делать все возможное, чтобы свести ее в могилу. Нет, допустить этого нельзя.

— Где Сара Коннор? — внезапно спросил Риз.

— О ней можешь не беспокоиться. Побеспокойся лучше о себе,— ответил Вукович тоном сильного. Но обоим было ясно, из этих двоих сильней тот, что прикован к стулу.

— Где... она? — прорычал Риз.

— В безопасном месте.

— Она умерла,— произнес Риз бесстрастным голосом и переключил внимание на плиту за головой Вуковича. Тот почувствовал, что потерял инициативу в разговоре, но не мог понять, как это произошло. Его охватил гнев.

— Слушай, ты, умник...— начал он, но оборвал себя на полуслове, потому что дверь в комнату открылась.

На пороге стоял Силберман. Психолог окинул мужчин быстрым взглядом, учуял в воздухе враждебность и натянуто улыбнулся.

— Мирно беседуем, джентльмены? — спросил он и взглянул на Вуковича.— Теперь мой черед, сержант.

— На здоровье,— с отвращением буркнул Вукович и неторопливо вышел из комнаты.

В холле его ждал Трэкслер.

— Ну? — спросил он.

— Об такого можно зубы сломать.

— Вот как? — произнес Трэкслер без всякого удивления. Он бросил в рот новую полоску жевательной резинки и закурил сигарету.— Ладно, подождем, что будет дальше.

Они вошли в соседнюю комнату, маленькую и темную, как чулан. В углу на тележке стоял старый видеомагнитофон, к нему была подсоединена видеокамера, направленная через стекло-зеркало на Риза и Силбермана. Тут записывались всевозможные признания и заявления. Правда, с этим Ризом они, скорее всего, провозятся впустую. Два детектива встали напротив стекла.

Со стороны казалось, что Риз не обращает на толстяка никакого внимания. Но на самом деле Риз решил, что Силберман начальник — важная фигура никогда не появится первой.

Силберман плюхнулся на свободный стул. Вытащил пачку «Мальборо» и трижды громко стукнул ею по столу — это был условный сигнал. Вукович включил видеомагнитофон.

— Кайл Риз,— задумчиво начал Силберман.— Я могу называть вас по имени?

Риз не ответил.

— Я доктор Питер Силберман.— Он сделал паузу, потом сочувственно улыбнулся.— У вас была нелегкая ночь. Вам что-нибудь нужно?

Он предложил Ризу сигарету, поднеся ее близко к его лицу. Никакой реакции. Даже глазом не моргнул. Интересно, подумал Силберман и глянул в запись допроса.

— Я вижу, вы человек военный. Сержант, связист. Серийный номер ДН38416...

— Катитесь вы с вашими штучками! — рявкнул Риз.

Силберман быстро вскинул голову. Глаза парня горели гневом. Что ж, попробуем по-другому.

— Ладно. Начнем сначала. Тут все считают, что вы свихнулись.

— Мне плевать, что они считают.

— Нет, глупыш. Так можно доплеваться.

Риз метнул в Силбермана ненавистный взгляд. Вот так-то лучше, похвалил себя Силберман.

— Поставьте себя на их место,— сказал он.— Что им остается подумать?

— Я пока не на их месте, а на своем,— ответил Риз спокойным голосом.

— Тогда убедите меня, что они ошибаются,— предложил Силберман.

Риз отвернулся и снова принялся считать дырочки на плите.

Силберман и не думал отступаться. Надо подбросить кое-что из рассказа этой Коннор, может, что-то удастся выудить таким путем.

— Хорошо,— сказал он.— Поговорим о вашем задании. Вы с ним не справились. Через несколько минут Сара Коннор отсюда выйдет. Она, но не вы. Вы останетесь здесь. Вы уже вне игры.— Он смолк и взглянул на угрюмое лицо, смотревшее куда-то в сторону.— Вот о чем следует подумать.

— Зачем? — холодно спросил Риз.

— Затем, друг мой, что вы не очень-то ей поможете, если останетесь прикованным к стулу.

Силберман почувствовал — дело стронулось с мертвой точки. Пусть парень думает, что он, Силберман, верит его выдумкам. Притворившись, будто

он озабочен судьбой Риза, Силберман наклонился к нему.

— Откройтесь мне. Возможно, я сумею убедить их принять нужные меры предосторожности. Помогите мне, и я помогу вам.

— Вы не сумеете ее защитить,— сказал Риз.

— А вы?

Вспыхнув, Риз перевел взгляд на толстяка-психолога. Гнев уступил место чувству вины. Ведь толстяк прав — он все испортил. Силберман продолжал кружить над своей жертвой, точно опытный ястреб.

— Стоит утаить какой-то важный факт — и Сара может оказаться в безвыходном положении. Помогите нам.

Риз медленно кивнул. Да, надо соглашаться; если он их убедит, они помогут ему остановить Терминатора.

— Я расскажу все, что знаю.

— Прекрасно. Вы — истинный солдат.— Силберман позволил себе победоносно улыбнуться.— В каком подразделении вы воевали?

— В сто тридцать втором, под командованием Перри. С двадцать первого по двадцать седьмой годы.

— Вы имеете в виду двадцать первый век? — перебил его Силберман.

Вот это да! Он на такое и не рассчитывал.

В соседней комнате, по ту сторону зеркала-стекла, Трэкслер погрузился в глубокое раздумье, стараясь из кусочков головоломки выстроить одно целое. Викович же просто ловил кайф — все равно, что подглядывать за девушками в душе. «Вы имеете в виду двадцать первый век?» — услышали они вопрос психолога.

Трэкслер перестал жевать резинку и подался к стеклу.

— Вот это клево! — фыркнул Вукович.

Риз глянул в зеркало — он знал, что за ним наблюдают,— потом снова на Силбермана.

— Да,— ответил он.— Пока не кончились военные действия в Орегоне и Нью-Мексико. Потом меня перевели в службу разведки и безопасности, под начало Джона Коннора.

— Кто был вашим противником? — спросил Силберман.

— Небесная Сеть. Это компьютерная система обороны. Ее разработала для системы ПВО группа «Кибердайн».

— Понятно,— Силберман с серьезной миной кивнул и что-то записал. Это не просто хорошо, это — то, что надо.

— Они послали сюда боевую единицу, Терминатора, чтобы помешать Джону Коннору,— объяснил Риз.

— В каком смысле помешать? — спросил Риз.

— Помешать родиться на свет.

Силберман задумчиво почесал щеку. Взглянул на лежавший перед ним отчет и пробежал глазами некоторые строки из рассказа Сары Коннор.

— Точнее, этот компьютерный центр... считает, что сможет победить, стоит лишь уничтожить мать противника, то есть предотвратить его зачатие. Воздействие на настоящее путем изменения прошлого?

— Да.

За зеркалом Вукович негромко рассмеялся.

— Ну, от этого Силбермана сдохнуть можно.— В изумлении покачав головой, он повернулся к своему погруженному в мысли боссу.

— А здорово он на прошлой неделе расколол этого малого — взял сжег его овчарку. Сначала поиздевался над ней, потом...

— Заткнись,— буркнул Трэкслер, разворачивая новую полоску жевательной резинки. В соседней комнате Риз продолжал свой рассказ.

— У них не было выбора,— говорил он.— Их защитная система рухнула. Мы уничтожили ее основную стурктуру. Мы победили. Взять в плен Коннора на том этапе не имело бы смысла. У Небесной Сети был единственный выход: сделать так, чтобы Джон Коннор вообще не появился на свет.

Риз замолчал. Силберман поднял голову от записей. «Продолжай», — мысленно молил он. Но сам лишь улыбнулся и спросил:

— А дальше?

— Мы захватили их лабораторию,— устальм голосом продолжал Риз, вспоминая радостные мгновения победы,— и нашли оборудование, которое позволяет совершить скачок во времени. Но Терминатора они уже через него пропустили. Меня послали на перехват, а весь лабораторный комплекс уничтожили.

— Как же вы вернетесь?

— Я не вернусь,— со спокойствием обреченного ответил Риз.— Вернуться назад невозможно. И попасть оттуда сюда — тоже. Нас только двое — он и я.

Гостиница «Панама». 1.09 ночи

Тень среди теней, Терминатор беззвучно и не спеша взбирался по пожарной лестнице к своему окну на втором этаже. Он старался не пользоваться поврежденной правой кистью — прежде надо определить, велик ли урон, понесенный в первом бою.

На то, чтобы вернуться с места катастрофы в гостиницу, киборгу потребовался почти час.

Первые две мили он прошел пешком, позволяя всем системам работать на полную мощность — следовало оценить их состояние. Помимо кисти, почти полностью зашьш левый глаз. Функции зрения, как будто, сохранились. Но вспухли прилегающие ткани, и глаз перестал видеть.

Терминатор толкнул створку окна и проскользнул в номер.

Он быстро обследовал черное нутро комнаты. Все на своих местах. Никто здесь не появлялся. В один шаг оказался у противоположной стены крохотного номера и зажег единственную лампочку над грязным умывальником. В ее тусклом свете он оглядел себя.

Бровей не было — огонь спалил их начисто. От волос осталась лишь обугливщаяся щетина. Левая глазница превратилась в болтающиеся лоскутья красноватой плоти. Там и сям в ней — осколки стекла. Семь пулевых и несколько рваных ран на плечах, груди и руках, рваные дырки в туловище, наполненные сгустками крови и дробью 12 калибра. Датчики внутреннего состояния показывали, что повреждения бронированного остова несущественны.

Единственная серьезная проблема — кисть. Пуля из ружья пробила верхний слой кожи и угодила в служебную систему управления.

Киборг тщательно разложил свои инструменты на складном столике около

раковины. Быстро сорвал обгоревшие остатки куртки и швырнул ее в угол. Затем сел и осторожно положил раненую руку на крышку стола.

С рукой плохо. Гораздо хуже, чем кажется на первый взгляд. Остатки кожи вокруг раны напоминали цветом швейцарский сыр и были залиты кровью.

Терминатор сохранял полное спокойствие. Понятие боли не считалось существенным. Важны лишь функции, влияющие на боевые качества. С выражением легкой сосредоточенности на лице киборг выбрал нож «Х-Акто» и, не теряя самообладания, сделал шестидюймовый надрез вдоль внутренней стороны руки, между кистью и локтем. Прихватив лоскуты кожи зажимами-гемостатами, он заглянул в обнажившуюся полость.

Покопавшись там пальцами, он вскоре выяснил, что произошло: был рассечен один из кабелей в жгуте гидравлической и механической подводки.

Киборг вытер кровь и, пользуясь здоровым глазом, начал терпеливо разбирать поврежденный участок с помощью крошечной отвертки. Если бы Терминатора запрограммировали на мурлыканье, он бы сейчас обязательно замурлыкал.

Вскоре поврежденный кабель был полностью отключен, его функция передана запасной гидравлической системе, разрез наглухо заштопан. Без этого кожа все время смещалась бы взад-вперед, что привело бы к преждевременному омертвлению тканей, гангрене и ненужному вниманию со стороны общества.

Стоя над засаленной раковиной, Терминатор обследовал заплывший глаз. Линзы не пострадали. Зрение ухудшилось только потому, что глаз закрыла вздувшаяся и вывернутая наизнанку плоть. На наведение порядка уйдет не много времени.

Терминатор ввел в окровавленную глазницу лезвие «Х-Авто», сделал несколько ювелирных надрезов и извлек поврежденные склеру и роговую оболочку. С легким хлюпаньем они упали в раковину и немедленно уплыли в сток, оставив едва заметный розовый след.

Терминатор приложил к глазнице платок, вытер кровь. Открылась сфера из хромовидного сплава — она висела в металлической глазнице на крохотных сервоприводах, за противоударными линзами поблескивала видеорубка с высокой разрешающей способностью. Линзы функционировали сносно. Но как объяснить их диковинный вид? Впрочем, Терминатор особой разговорчивостью не отличался.

Из сваленной в кучу одежды и оборудования он выудил солнечные очки и надел их. Они имели выпуклую форму и плотно прилегали к глазницам. Под ними скрылся не только поврежденный глаз, но и часть исковерканной плоти.

Далее Терминатор принялся за раны в области груди и брюшины, подтянул снабженную клапаном ткань и закрыл ею щиток торса-остова из суперсплава, заштопал суровой ниткой. Пришлось повозиться в местах стыковки плеча, между кожухом осевого привода и ключичным звеном. Там, по большей части, оказалась пуля, затруднявшая движение. Мышечная ткань была надорвана и кое-где отделилась, но, поскольку она играла только роль камуфляжа и двигательную функцию не выполняла, Терминатор просто запихнул ее в рану и зашил, не обращая большого внимания на эстетическую сторону операции.

В новой футболке, кожаных перчатках, с поднятым воротником черной кожаной куртки киборг выглядел почти нормально, разве что казался чуть бледным и изможденным.

Затем Терминатор энергично взялся обзванивать все полицейские участки Лос-Анджелеса по алфавиту и, наконец, дозвонился до отдела защиты граждан.

Что ж, пора действовать. Мишень готова и ждет. Терминатор сбросил перепачканный матрац на пол и собрал все инструменты, необходимые для выполнения задачи: автоматическую винтовку СПАС-12, штурмовое орудие АР-180 калибра 5,56 миллиметров, работающее и в автоматическом режиме, и пистолет 38-го калибра. Все самое необходимое.

Изящным и четким движением превосходного сервомотора Терминатор поднял оружие и исчез за окном в лос-анджелесской ночи.

Полицейское управление Лос-Анджелеса.

Отдел защиты граждан. 2.10 ночи

Сара, примостившись на краешке кресла и подавшись всем телом вперед, не сводила глаз с изображения на видеомониторе.

Рядом с ней стоял Трэкслер. Он наблюдал за ее реакцией. Пусть она станет свидетельницей этого разговора. Может быть, он натолкнет ее на какую-то, еще невысказанную, мысль.

Силберман протянул руку к черно-белому монитору и чуть увеличил мощность звучания.

— Нас только двое — он и я,— сказал Риз с видеоэкрана.

— Почему вы не взяли с собой оружия? — спросил записанный на видео Силберман.— Что-нибудь более современное? Разве у вас нет лучевых пистолетов?

— Лучевых пистолетов,— с легкой усмешкой повторил Вукович. Но у Риза этот вопрос не вызвал ироничной реакции. Он гневно сверкнул глазами. Силберман промолчал.

— Ну, ладно,— примирительно произнес он.— Покажите мне хотя бы один элемент технологии будущего, и ваша проблема будет решена.

— Чтобы попасть сюда оттуда, нужно быть абсолютно голым... Это связано с полем, которое генерирует живой организм. Всему неживому сюда не попасть.

— Почему?

— Да черт его знает! Эту штуковину не я строил! — вскипел Риз. Видно, разговор начинал его утомлять.

— Хорошо, хорошо. Но этот...— Силберман глянул в свои записи,— киборг... Ведь он же из металла, как же тогда ему...

— Вокруг остова — живые ткани.

— Разумеется,— Силберман на экране понимающе кивнул.

Настоящий Силберман вышел из-за стола Трэкслера и нажал на клавишу «стоп». Потом обратился к Саре и Трэкслеру.

— Потрясающий материал,— победоносно заявил он.— На этом парне можно сделать карьеру. И ведь как все легко и связно! И ничего не нужно доказывать.

Сара смотрела на него недоуменно, не совсем понимая, о чем идет речь.

— Фантазии параноиков всегда отличаются безудержностью и изобретательностью,— продолжал он.— Тут же все просто блестяще. «Как и с моей стороны», — добавил он про себя и снова включил запись.

— Почему убили двух других женщин? — спросил черно-белый Силберман.

— Во время войны почти все записи пропали или были уничтожены,— стал объяснять Риз.— Небесная Сеть не знала почти ничего о матери Коннора, в ее досье многого не хватало. Была известна лишь ее фамилия и город, где она жила, но без точного адреса. И Терминатор действовал по системе.

— А почему он сделал на их ногах надрезы?

— Записи давали единственную возможность опознать Сару: ей в ногу должны ввести хирургическим путем стержень из металла. Но пока он еще не введен, Небесная Сеть и Терминатор об этом не знают. Это произойдет позже.

— Откуда об этом знаете вы?

— Мне сказал Джон.

— Джон Коннор? — спросил Силберман.

— Да.

Силберман задумчиво постучал карандашом по блокноту, на его губах против воли появилась еле заметная улыбка.

— Вы понимаете, что доказательств этого тоже нет.

— Я вам рассказал предостаточно.— В голосе Риза зазвучал гнев.— Решайте. Прямо сейчас. Вы меня отпускаете?

— Боюсь, это не в моей власти,— ответил Силберман, стараясь, чтобы его голос звучал дружелюбно.

— Тогда зачем я вообще с вами разговариваю? — Риз начал подниматься, забыв, что прикован к стулу.— Кто здесь старший?

— Я могу вам помочь,— Силберман попытался направить беседу в нужное ему русло, но не очень успешно.

Риз уже стоял, глядя в камеру прямо на Сару, и кричал:

— Вы никак не поймете, да? Он же ее найдет! Он на это запрограммирован. Он всего лишь...

Глаза Сары округлились от ужаса. Трэкслер подал знак Силберману, стоявшему ближе к монитору, чтобы тот выключил запись. Но Силберман смотрел на экран, словно зачарованный.

— Вам его не остановить! Он пройдет сквозь все ваши кордоны, схватит ее за горло, вырвет из ее груди сердце и швырнет чертям собачьим!

Риз полез прямо на монитор, но тут Силберман опомнился и хлопнул по кнопке «пауза», заставив парня замереть на месте.

Застывшее на экране лицо выражало крайнюю решимость. Глядя на него, Сара на мгновение потеряла дар речи. По лицу ее разлилась бледность. Вопросов было слишком много, и она не могла выстроить их по порядку.

— У меня нет стержня в ноге,— наконец вымолвила она.

— Конечно, нет,— согласился Трэкслер.— У Риза очень неустойчивая психика.

Саре хотелось в это верить. Она повернулась к психологу, надеясь услышать мнение профессионала.

— Этот Риз — сумасшедший? — спросила она.

— Если пользоваться специальной терминологией,— с улыбкой ответил

Силберман,— он просто чокнутый.

— Но...— попробовала возразить Сара, однако Трэкслер ее прервал. Он передал ей что-то, похожее на защитный жилет, какие носят хоккейные судьи.

— Сара, это бронежилет. Такими пользуются наши парни из спецподразделения. Снаряд двенадцатого калибра их не пробиваст. Возможно, на втором типе был именно такой.

Ей хотелось поверить в такое объяснение, и все же его было недостаточно.

— А как ему удалось выбить лобовое стекло?

Вукович пожал плечами.

— Возможно, объелся наркотиками. Все кости в руке переломал и несколько часов ничего не чувствует. Был тут как-то один...

Трэкслер сунул жилет ему в руки, и Вукович умолк и удалился.

Наркотики? Саре доводилось читать о наркоманах, которые в состоянии ослепительной ярости совершали немыслимые вещи. Что ж, может, это как раз тот самый случай? Она не то что бы поверила в это, просто у нее не было другого выхода. Да и полицейские вроде бы не сомневаются. Она даже покраснела от смущения — надо же быть такой легковерной! Вот дурочка! Развесила уши, этот Риз наплел Бог знает что, а она и поверила. Хотя... он говорил так убедительно, описывал будущее так достоверно. Вплоть до татуировки на руке. Сам и вытатуировал, кто же еще? В жизни такие типы попадаются, что только держись, вот и мне Бог послал двоих. И все же сомнения оставались. Они то и дело шевелились в глубине души.

Трэкслер положил руку Саре на плечо.

— Все будет хорошо,— сказал он, и хотя его усталый голос звучал чуть грубовато, Сара почувствовала — ее судьба его искренне тревожит.

— Я позвонил вашей маме и рассказал ей о том, что произошло. В новостях пока ничего не было, и она все узнала от меня.

— Как она к этому отнеслась?

— Вполне спокойно. Просто сказала: «Сейчас приеду» и повесила трубку.

Узнаю мамочку, подумала Сара. Специалист по кризисным ситуациям. Медсестра с семнадцатилетним стажем — тут привыкнешь ко всему. А вот ей, Саре, не хватает ни практичности, ни уверенности в себе. Тебе говорят, что твою дочь похитил какой-то вооруженный псих, что твоя дочь вляпалась в погоню с перестрелкой, что ее лучшую подругу убили, приняв за нее. И что же мамочка? Да никаких проблем. Просто берет ключи от машины и едет.

— На дорогу из Сан-Бернардино у нее уйдет не меньше полутора часов. Вы можете поспать прямо здесь, в этом кабинете.

Через открытую дверь был виден небольшой смежный кабинет, у дальней стены стояла кушетка с изогнутой спинкой.

— Я не засну,— возразила Сара.

И физически, и эмоционально она была истощена до предела, но о сне не могло быть и речи. В мозгу вихрились разрозненные полуобразы разрушения и смерти — они будут преследовать ее долгие годы, как горестные воспоминания о Джинджер и Мэтте.

Она, точно сомнамбула, прошла в смежную комнату и села на кушетку. Трэкслер опустился рядом с ней на колени.

— Эта кушетка на самом деле очень удобная. Я сам на ней не одну ночь

провел. Вытяните ноги и ни о чем не беспокойтесь.

Сара послушно прилегла, но глаза остались открытыми — в ярко освещенном кабинете так безопасно...

— Вам ничто не угрожает,— заверил ее Трэкслер.— В здании тридцать полицейских. Самое безопасное место на свете.

Он улыбнулся, похлопал ее по руке, потом поднялся. Она услышала, как скрипнула кобура и увидела синюю сталь его служебного револьвера. Какие тонкие у него пальцы, а сами руки мощные, плечи широкие. Под мышкой боевой пистолет, к поясу прикреплен полицейский жетон, ботинки на толстой подошве. Они всегда казались ей такими старомодными и грубыми, но сейчас весь облик Трэкслера подействовал на нее успокаивающе.

Она медленно выдохнула воздух, и с ним из нее вышли все силы. Ее глаза закрылись.

Трэкслер, пятясь, вышел за дверь и бесшумно прикрыл ее за собой, оставив включенным свет.

За дверью он остановился и потер подбородок. Глаза за двухфокусными очками казались непомерно большими, а устремленный в пустоту взгляд — отсутствующим. Вуковичу этот взгляд был знаком.

— Что? — спросил он.

— Не нравится мне это.

— Ерунда,— возразил Вукович.— Психи голову морочат, вот и все.

— Да. Только морочат как-то одинаково. Часто такое бывает?

Вукович вздохнул.

— Ты совсем заработался. Вышей кофейку. Или соку. Этот малый — псих, и точка.

— Если бы,— буркнул Трэкслер, все еще глядя в пространство. Малый явно не промах, орешек крепкий, будто его где-то выковали и закалили — среди уличной шантрапы таких не встретишь. Такой взгляд бывает у парней, которые прошли Вьетнам, но этот для него слишком молод — ему от силы девятнадцать, ну, двадцать. Не в четырехлетнем же возрасте он там воевал? Что-то здесь не стыкуется, и его собственный радар это улавливал.

— Псих,— подытожил Вукович, протягивая шефу сигарету.

Трэкслер посмотрел ему прямо в глаза.

— Подумай об этом хотя бы секунду. Проиграй в голове эту партию и подумай,— сказал Трэкслер.

— Какую еще партию?

Трэкслер закурил.

— А если он не псих?

Отдел по расследованию убийства. 2.33 ночи

Сара благополучно плавала на волнах полузабытья. Ее то уносило в теплое море надежды, то отбрасывало назад, в страх — даже усталость не могла разлучить ее с суровым берегом реальности.

Столько смертей вокруг! Джинджер и Мэтт. Все ни в чем не повинные люди, которые еще утром ходили и дышали, теперь расстались с жизнью... Неужели все это из-за нее?

Почему вместо нее убили двух женщин, носящих одну с ней фамилию Почему какой-то безумец преследует ее по всему городу, а другой, попавший в тюрьму, пытается ее защитить? Но один вопрос мучил особенно сильно:

почему выбор пал на нее? На Сару Коннор? Почему не на Мертил Корнуэйт? Или Джона Смита?

Какую страшную историю рассказал этот Риз! Компьютеры начинают Третью Мировую войну. Человечеству угрожает опасность. Люди поднимают восстание, бегая между колоссальных машин. И к победе, победе любой ценой, их ведет ее сын.

Она содрогнулась, но потом ее душа наполнилась гордостью. Ее ребенок. Ребенок, которого она вырастит, возглавит битву за спасение человечества. Нет. Это даже смешно себе представить. Несколько часов назад она думала о том, что тоже смертна, что, если она умрет, ничего в этом мире не изменится. И вдруг какой-то безумец заявляет ей, что именно от ее жизни и смерти зависит жизнь и смерть всего человечества. Это уж чересчур... Но с какой стати безумец решил поставить в центр своей диковинной истории именно ее?

Перед ее глазами возникли обрывочные образы ребенка — кругленький, розовый комочек воркует у нее в руках. Кареглазый, на почти голой макушке вьются каштановые волосики. Ее охватило какое-то странное чувство, смутное томление, из глаз полились горячие слезы, но теперь она оплакивала не только убитых друзей. В ней всколыхнулось какое-то новое чувство, объяснить которое она пока не могла.

Наверное, лучше об этом не думать. Ни о Ризе с его немыслимыми видениями. Ни о Джинджер и Мэтте. Ни о том, что же это такое — быть матерью.

Перед полным погружением в сон она взмолилась — дай Бог, чтобы Риз был сумасшедшим.

Но к этой ее молитве Господь не прислушался.

Силберман постучал по плексигласовой перегородке рядом с пуленепробиваемой стеклянной будкой, в которой сидел дежурный сержант ночной смены. Сержан Эдди Ротман взглянул на психолога и нажал на небольшую красную кнопку под столом. Раздалось противное гуденье, и электрические болты на двери из нержавеющей стали выпали из сочленения. Силберман прошел в вестибюль, машинально махнул сержанту рукой. Из задумчивости его вывело резкое попискивание маленького электронного зуммера у него на поясе. На табло высветился номер его домашнего телефона. Наверное, это звонит Дуглас — узнать, когда он будет дома. Силберман сразу внутренне подобрался, сряхнул с себя сон — будем надеяться, что когда он вернется домой, Дуглас еще будет бодрствовать.

Сосредоточившись на зуммере, Силберман не заметил, что в дверь, которая еще не успела за ним закрыться, вошел какой-то здоровяк. Несмотря на глубокую ночь на нем были темные очки. Один глаз здорово поврежден. В зрачках мерцал красноватый отблеск, какой может быть у киборга, явившегося из будущего. Стоило выходившему из полицейского участка Силберману поднять глаза, и он спас бы жизнь многим.

Но этого не случилось. Он вышел, не подняв глаз.

Терминатор уверенной походкой подошел к столу дежурного сержанта и терпеливо подождал, пока тот поднимет голову от лежавшей перед ним кучи бумаг.

— Чем могу помочь? — спросил сержант Ротман голосом очень усталого человека. Он отметил какую-то отталкивающую бледность здоровяка. И глаза за этими очками наверняка вылезают из орбит. Еще один с иглы, цинично подумал он про себя.

— Я знакомый Сары Коннор,— сказал Терминатор выхолощенным голосом.— Мне сказали, что она здесь. Я могу ее видеть?

— Нет, сейчас она дает показания.

— Где она? — спросил Терминатор, четко выговаривая слова, чтобы человек за стеклом понял его просьбу.

Сержан Ротман отбросил карандаш и выразительно уставился на здоровяка. И почему они всегда приходят в мою смену? — думал он.

— Послушай, приятель,— заговорил Ротман тоном потерявшего терпение школьного учителя,— какое-то время она будет занята. Тебе придется немного подождать. Вот скамейка.

Он поправил очки с толстыми линзами и вернулся к своим бумагам.

Терминатор отошел на шаг, нисколько не смущенный отрицательным ответом сержаната. Ни в малейшей степени.

Он обследовал будку, отметил, что стекло толстое, видимо, пуленепробиваемое. Сбоку была тяжелая стальная дверь. За ней находились разные комнаты и кабинет. И в одной из них — Сара Коннор.

Терминатор снова подошел к будке и вежливо постучал по стеклу.

— Я скоро вернусь,— сказал он.

С этими словами он повернулся и не спеша вышел на улицу.

По другую строну вестибюля, где-то в лабиринте коридоров и кабинетов, Вукович и еще один детектив в штатском сопровождали Риза в комнату ожидания, откуда того должны были забрать для психического обследования.

Худшие опасения Риза оправдались. Он отдал все и не получил взамен ничего. Эта тактическая ошибка может дорого обойтись. Ценой может стать жизнь Сары и миллионов еще не родившихся на свет.

Джон был прав — никому нельзя доверять, ни на кого и ни на что нельзя полагаться. Надо спасать Сару.

Следующие несколько минут сержант Ротман целиком посвятил работе — тщательно раскладывал служебные бумаги. Будь он бдительнее, наверняка бы заметил, что к участку на большой скорости приближается машина с зажженными фарами. Как и Силберман, он позволил мелким заботам оттеснить дела жизненно насущные. В отличие от Силбермана, это стоило ему жизни.

Фары похищенного Терминатором «шевроле» сходу атаковали стеклянные двери участка, и от бьющего по глазам света Ротман сощурился. Его последним осмысленным действием стали слова «Твою мать!». Статистически именно они чаще всего сопровождают насильственную смерть.

Шестьсот фунтов стекла взорвались белой матовой бурей — это в вестибюль ворвалась колесница дьявола, круша все на своем пути и толкая перед сообой балки и прочие обломки.

Машина протаранила будку Ротмана на скорости пятьдесят миль в час. Останки будки и сержанта Ротмана перемешались в одну кашу и вылетели сквозь заднюю стену.

Шум и лязг где-то вдали разбудил Сару Коннор, лежавшую на кушетке в кабинете Трэкслера, в другом конце здания. Она заморгала воспаленными

глазами, пытаясь определить источник звука.

«Шевроле» Терминатора, таща за собой половину вестибюля, углубился в здание футов на двадцать, после чего остановился.

В мгновение ока киборг выбил ногой треснувшее лобовое стекло и выскочил на капот. В одной руке он держал АР-180, в другой — СПАС-12. Размахивая ими, словно пистолетами, Терминатор спрыгнул на пол коридора — и началась охота.

Первыми жертвами стали два ветерана, выбежавшие в коридор посмотреть, что там за светопреставление. В руке у одно из них был стаканчик с кофе.

Терминатор бесстрастно нажал на курок своей штурмовой винтовки АР и превратил их в месиво из штукатурки и крови.

До Сары донеслось слабое, но совершенно явное эхо выстрелов. Семена дурного предчувствия давали пышные ростки тревоги.

Терминатор перешагнул через тела мертвых — мертвее не бывает — полицейских и решительно направился дальше. Заглянул в комнату, из которой они выбежали. Никого.

Киборг потрогал ручку следующей двери. Заперто. Человек-машина сделал шаг назад и выбил замок ногой.

Дверь распахнулась. Сидевший за столом полицейский отчаянно пытался дотянуться до своего револьвера и при этом выпрыгнуть из кресла.

В трех футах от него была другая дверь. Открытая. Только бы успеть, мелькнуло в голове у полицейского. Ныряя в дверной пролет, он увидел, как Терминатор поднимает АР-180.

...Успел ...Полицейский перевел дух.

Компьютерное зрение Терминатора, однако, не потеряло из вида метнувшегося за стену полицейского. Микропроцессор за инфракрасными глазами Терминатора все еще видел контур мишени — он получал сигнал с учетом траектории и скорости движения полицейского.

Терминатор направил ствол АР-180 на стену в шести футах от двери и выстрелил. Снаряды калибра 5,56 мм пропили сухую стенку, а затем — грудь и легкие полицейского. Смерть застала этого молодого человека врасплох.

Еще звучало эхо выстрелов, когда Трэкслер распахнул настежь дверь своего кабинета, до смерти перепугав Сару. Она не сразу узнала лейтенанта и инстинктивно отскочила назад.

Секунду Трэкслер и Сара смотрели друг на друга. На его лице было написано: я знаю, что вы думаете, но вы ошибаетесь. Однако по выражению ее лица он понял: сейчас она едва ли ему поверит. Поэтому он всего лишь распорядился:

— Оставайтесь здесь.

Громко хлопнув дверью и как следует ее заперев, он оставил Сару одну.

По зданию забегали полицейские с револьверами наизготовку. Они тревожно переглядывались и что-то выкрикивали на ходу.

Их охватила паника. Звук автоматического огня в здании участка пробудил в каждом полицейском самые жуткие страхи. Это был какой-то зловещий сон, снившийся всем сразу.

Терминатор, этот сеятель смерти, добрался до конца коридора и повернул налево. Одну за другой он открывал настежь двери и истреблял полицейских

— безжалостно и планомерно.

Где-то в середине коридора киборгу попался главный распределительный электрощит участка, и он сорвал с петель крышку.

Быстро определив 440-вольтовый жгут проводки питания, Терминатор вырвал его с корнем. Раздался минивзрыв, во все стороны полетели искры, а вокруг киборга возникла электродуга.

Легким ударом расколотив коробку распределения, киборг подал 440 вольт в осветительную цепь. Все 134 лампы дневного света взорвались одновременно, погрузив во мрак уже и без того охваченный хаосом участок.

Сара стояла прямо перед одной из таких ламп в кабинете Трэкслера, и громоподобный треск поверг ее в ужас. Комната погрузилась во тьму, и Сара почувствовала, что дрожит. Звуки выстрелов становились все громче и чаще. Это значило, что бой приближается.

Когда раздались первые выстрелы, Риз сидел в комнате ожидания, закованный в наручники. Его солдатская смекалка позволила ему вмиг оценить ситуацию. Он не удивился — знал, что приход Терминатора неизбежен.

Вукович вскочил с места и кинулся к двери, выхватывая на ходу револьвер. Повернувшись к другому детективу, он коротко бросил:

— Не спускай с него глаз,— и исчез в коридоре.

Детектив кивнул и поднялся, чтобы запереть дверь. При этом он повернулся к Ризу спиной. Это была непростительная ошибка.

Он уловил колебания воздуха и уже собрался обернуться, когда в него всем телом врезался Риз. Детектив ударился головой о дверь, Риз двинул его коленкой в грудь. Один раз, другой. Детектив, хватая ртом воздух, стал оседать у стены, а Ризу удалось прочно встать на ноги. Он быстро отыскал ключ, снял с себя наручники и выхватил у детектива револьвер.

К комнате, где хранилось оружие, Трэкслер и Вукович подбежали одновременно. Они обменялись мрачными взглядами. Втайне оба думали одно и то же: Риз был прав. Но не хотелось признаваться в том, что такую панику посеял всего один человек... Пусть даже это и не человек.

Трэкслер молча схватил боевую винтовку М-16, другую бросил напарнику. Так и не сказав друг другу ни слова, они побежали по коридору на звуки выстрелов и криков.

Терминатор обыскивал комнаты другого помещения. Применив СПАС-12, он вышиб первую дверь. Человек-машина быстро обследовал комнату, цели не обнаружил и двинулся дальше.

Следующая дверь. Выстрел в замок. Поиск. Цель не обнаружена. Дальше. Схема оставалась неизменной, но достаточно гибкой, чтобы отреагировать на какое-то непредвиденное препятствие, какую-то опасность.

Несколько полицейских вывалились в коридор и взяли на мушку надвигавшуюся на них мишень. Шесть револьверов громыхнули одновременно и пробили отверстия в груди Терминатора, его руках и ногах. Он взглянул на них, спокойно поднял свою АР-180 и уничтожил их прицельным огнем.

Нетренированному уху Сары показалось, что выстрелы звучат прямо за дверью. Впрочем, она не очень ошибалась.

Сара окинула глазами крохотную комнату — куда спрятаться? Только не паниковать, приказала она себе. Нужно что-то сделать. Вдруг в памяти

всплыло воспоминание детства. Желая спрятаться от сердитого отцовского голоса, она убегала в свою комнату и залезала под маленький белый...

Стол! Нужно спрятаться под стол! Сара забежала за большой металлический стол и прижалась к выемке, предназначенной для стула.

Терминатор быстро перезарядил свое смертоносное оружие. Магазины с патронами киборг заранее скрепил клеящей лентой встык, как в джунглях, это позволяло заменять обойму мгновенно. Вдоль стен танцевало пламя; пальцы желтого света подрагивали на горле коридора.

До слуха Трэкслера донесся характерный звук из соседнего кабинета — так перезаряжали винтовку. Он замер, прислушиваясь к шагам. И вот мимо протопал грузный человек, его каблуки тяжело стучали по полу длинного коридора. Трэкслер распахнул дверь кабинета и прицелился из своей М-16 прямо в середину широкой спины, обтянутой кожаной курткой. Поднял прицел чуть выше, целясь между лопатками — и нажал на спуск.

М-16 рыкнула, и ствол выплюнул почти половину обоймы. Пули попали в цель и изодрали в клочья кожаную куртку... Но что это?

Трэкслер не мог поверить своим глазам — человек, даже не вздрогнув, просто повернулся и вскинул свою тяжелую АР-180, будто пластмассовую игрушку. Но это была отнюдь не игрушка.

Снаряды поразили Трэкслера в плечо, живот и грудь, отбросили на дверной косяк. На противоположной стороне он увидел брызги собственной крови.

Он медленно осел на пол. Боль в груди уже утихала. Только сильно гудело в ушах.

Выходит, Риз никакой не сумасшедший. Эта мысль была последней мыслью Трэкслера.

Потрясенный Вукович, чуть наклонившись, смотрел на изуродованные останки своего шефа. От ярости он совершил очередную глупость — выскочил в коридор и прицелился в удалявшуюся фигуру убийцы Трэкслера.

— Эй, ты! — гневно крикнул он.

Человек развернулся и принял огонь Вуковича, как принимают благодарность.

Потом поднял одной рукой тяжеленную винтовку и отправил ничего не успевшего понять Вуковича в мир иной.

Терминатор продолжал поиск.

Сара вздрогнула всем телом — на сей раз тишину нарушил слишком громкий лязг. Кто-то пытался войти в комнату.

Стуча зубами от страха, она чуть высунулась из-за крышки стола. Сквозь матовое стекло двери виднелся крупный силуэт. Это он! Конечно, это он!

Сара снова нырнула под стол. Ее охватил первобытный ужас. Ведь это последние минуты ее жизни!

Зазвенело разбитое стекло. Он вышиб стеклянную дверь и теперь открывал замок и изнутри.

Дверь распахнулась, и Сара услышала, как в комнату вбежал человек. Она закрыла глаза. Но ничего не произошло.

— Сара? — окликнул голос.

Это был Риз.

Не колеблясь ни секунды, Сара выкарабкалась из-под стола и подбежала

к нему.

Риз был рад еще больше, чем она. Сара жива! Значит, его задание еще можно выполнить. Он схватил ее за руку, и они побежали по коридору.

Пожар начался в комнате у входа в здание, но теперь он распространился и грозил охватить весь участок.

Риз и Сара бежали по коридору сквозь клубы дыма, под крики и стоны умирающих людей.

Схватив руку Сары железной хваткой, Риз тащил ее за собой через изрешеченные пулями комнаты. От коридоров он держался подальше — там лежали окровавленные трупы.

И там орудовал Терминатор.

Что касается боев в комнатах, в узких, кишащих крысами тоннелях — тут Риз чувствовал себя уверенно. Это была его территория.

Пламя уже бушевало, пожирая весь участок. Риз знал: еще совсем немного — и все внутри погибнут от нестерпимого жара.

Вскрыв висячий замок на чулане, Риз увидел за его окном автостоянку. Выбив окно, он схватил Сару, до полуобморока наглотавшуюся дыма, и выпихнул ее наружу.

Увеличение температуры ощутил и Терминатор. Скоро его кожа начнет пузыриться и отмирать.

Стрельба утихла. Убивать больше было некого, но обнаружить цель пока не удалось.

Киборг начал прокручивать возможные варианты ее бегства, как вдруг сквозь рев пламени до него донесся вой запускаемого двигателя.

Терминатор мгновенно понял, где находится цель. Бросив пустую винтовку, он побежал к заднему выходу.

Когда Терминатор добежал до автостоянки, Ризу уже удалось завести красную «пинто», и она теперь неслась к выездной дорожке. На фоне пламени Риз увидел в дверном проеме Терминатора. «Ложись!» — крикнул он Саре.

Терминатор поднял винтовку и тщательно прицелился, учитывая скорость машины и угол поворота. Он сделал три быстрых выстрела, и тут оказалось, что снарядов в магазине больше нет, а мишень тем временем скрылась из вида за углом здания.

Ризу и Саре повезло. Первая пуля попала в левое крыло машины, чуть позади фары. Вторая пробила капот, но двигатель не задела — дюйм ниже и «пинто» получила бы рану в самое сердце. Третий снаряд пробил левую переднюю дверцу, вошел в мягкую обивку и вывалился на коврик под ногами водителя.

Риз гнал машину в течение целого часа, сосредоточив все внимание на дороге и лишь изредка поглядывая на Сару.

Она едва не потеряла сознание от страха, когда они вылетели со стоянки, и машина пулей понеслась в направлении скоростной трассы.

Надо обязательно выбраться из города. Это позволит выиграть хоть немного времени. Тогда хозяином положения будет он.

Они ехали на восток по скоростной трассе номер 10, удаляясь от побережья. Подальше от дымящихся тел и кошмара на двух ногах, который все равно будет их преследовать — на этот счет сомнений у Риза не было.

Поначалу Риз ехал куда глаза глядят, лишь бы увеличить расстояние между

ними и мясорубкой в полицейском участке. Но через несколько минут он сбросил скорость, включил фары и начал повторять маневры других немногочисленных водителей на дороге. Бедная Сара сидела упершись костяшками пальцев в панель приборов. Она слегка успокоилась. Однако и она, и Риз молчали.

— Я рад, что вы живы,— сказал наконец Риз, не поворачивая головы. Голос его звучал искренне. Она лишь кивнула в ответ, постепенно успокаиваясь.

— Куда мы едем? — выдавила она.

Риз понял, что сам этого не знает, глянул в зеркальце заднего вида — нет позади чего подозрительного? Съехал на обочину и открыл бокс для перчаток. За комплектом запасных предохранителей, коробочкой с лекарствами, пакетиками кетчупа и горчицы лежала дорожная карта. Старая и выцветшая, скорее всего устаревшая — но это было лучше, чем ничего. Он поискал открытую местность. Нашел.

— Пожалуй, лучше всего ехать на юг. Может быть, в Мексику.

Они ехали молча, каждый погруженный в собственные мысли. Сара старалась отогнать воспоминания о Джинджер и Мэтте. Нет, их ужасную смерть она не скоро забудет.

Минут двадцать они катили на юго-восток по скоростной трассе Помона, потом свернули на дорогу номер 57 и направились строго на юг.

Бензина в машине было немного; в эти ночные часы все было закрыто, в том числе и попадавшиеся на пути бензоколонки.

Где-то в горах к северу от Бриа, где трасса серебристой лентой рассекала зеленые склоны, двигатель «пинто» начал чихать и фыркать.

Риз подрулил к первому съезду с трассы и повел машину вниз. У небольшого хребта на неосвещенном участке дороги нажал на тормоз и съехал на обочину.

Они устало выбрались из машины, хотя Сара не очень этого хотела. Зачем спать на воздухе, когда в их распоряжении удобная машина?

Но Риз настаивал — в машине оставаться опасно. И Сара согласилась — понимала, что Ризу виднее.

Из багажника он достал фонарь и аптечку первой помощи.

Вдвоем они откатили машину к небольшой рощице у основания пологого склона. Теперь с дороги их «пинто» никто не увидит.

Дорога на Бриа. 3.31 ночи

Сара внимательно наблюдала за Ризом. Опустившись на корточки, он прочесывал маленькую чашу — настоящий супербоец с повадками танцора. Глаза его охватывали территорию, словно камера для наблюдения, не мигая, они метались, выхватывая скорее не сами предметы, а их края, вшитывали весь ландшафт местности.

Это был зверь из породы кошачьих, изящный, но готовый к бою, тело жесткое, но в то же время гибкое, под кожей поигрывали посиневшие от ударов мышцы.

Да, это солдат. Теперь Сара в этом не сомневалась. Подобные повадки вошли в его кровь, стали второй натурой. Сделав это открытие, она восприняла его рассказ совсем в другом свете. До сих пор происшедшее — бойня в полицейском участке, бешеная гонка по улицам, нечто в высшей степени

немыслимое в Тех Нуар — казалось совершенно нереальным. В полицейском участке разум ее словно отделился от тела, а сейчас, спокойно наблюдая за Ризом, за его профессионализмом в неизвестной ей области, Сара сопоставила события и поняла: сказанное Ризом — правда.

Ее хочет убить робот, явившийся из будущего. Не робот, мысленно поправила себя Сара, а киборг. Смертоносная машина в человеческом обличье прошла сквозь кордон из тридцати полицейских, словно комбайн, что движется по полю пшеницы. В него врезалась не одна пуля — хоть бы хны. И защитить ее от этого чудища может лишь этот солдат, совсем еще мальчик... Да, все его жесты выверены, но, кажется, испуган он не меньше ее.

Они подошли к цементной дренажной трубе под трассой номер 57, она походила на темную пещеру с гладкими поверхностями и вполне годилась для пристанища на ночь.

Фонарем Риз осветил полость трубы. Дно было покрыто зеленоватой, вонючей слизью. Сара наморщила нос, однако усталость взяла свое — она опустилась у стены напротив Риза. Он сидел на корточках и высвечивал фонарем их импровизированную ночлежку, медленно приходя в себя после безумной почи. Наконец он взглянул на нее, в его глазах столько теплоты. Его хриплый шепот нарушил густую тишину ночи.

— Вы не ранены?

Неожиданно для себя Сара засмеялась, но тут же оборвала смех: ее вполне уже могло не быть в живых. Она оглядела себя. Крови нет. Нигде ничего не болит.

— Нет, я цела,— ответила она, потом решила добавить: — Риз... это все правда. Война... все, что вы сказали.

Она не спрашивала, а как бы соглашалась, поэтому Риз ничего ей не ответил. Он смотрел на нее напряженным взглядом, каким минутой раньше оглядывал окрестности. «Он ждет, когда у меня сдадут нервы? И я разревусь в истерике?» — думала Сара. Нет, этого она не допустит. Она сама себе удивлялась, но знала, что ни за что не впадет в истерику. Но почему ей совсем не хочется плакать? Ведь, кажется, есть все основания для слез: в самом ближайшем будущем мир сойдет с ума, миллионы людей умрут в муках под испепеляющей пятой какого-то жуткого отпрыска компьютерного «Эшил», однако слез не было — ведь ничего этого пока не случилось. Не случилось? Тогда откуда взялся этот человек, что сидит теперь напротив? И эта... штуковина, которая жаждет ее уничтожить — она уже отправила на тот свет десятки невинных людей? Спиной Сара ощущала холод цемента, внутри у нее тоже все похолодело. Если бы Ризу не удалось совершить скачок во времени, чтобы ее защитить, она тоже была бы мертва. И никто даже не догадался — почему. Она совершенно беззащитна, ведь даже полиция не в состоянии ее защитить. Сиди и дрожи в какой-то грязной трубе посреди ночи с одним из хозяев улицы, безумцем в лохмотьях, рано повзрослевшим мальчишкой, прошедшим огонь и воду, видевшим в глаза смерть. А ведь спас ее именно он.

Сара встретилась с парнем взглядом и выдавила из себя некое подобие улыбки.

— Риз... а как вас зовут?

— Кайл.

— Кайл,— повторила она дрожащим голосом.— Без вас меня бы уже не было в живых. Я... хочу поблагодарить вас.

Риз позволил себе посмотреть ей в глаза. Она — девушка, каких много, в очередной раз повторил он про себя. Моя задача — ее защищать. Я делаю свою работу, вот и все.

Сара кивнула. Риз снова прислушался. Где-то, может быть, в тысяче метров от них, проезжала машина. Опасность? Едва ли. Он ожидал спокойно, но не расслабляясь. Ветер шумел в вышине и казалось, что они слышат дыхание всего мира. Ветер приносил запахи животных, каких именно, он не знал.

Над головой, шелестя шинами, пронеслась машина. Рука Риза сжалась на рукоятке пистолета, висевшего на поясе, но машина проехала, не сбавляя скорости.

Как Сара ни старалась, но дрожь унять не могла -- шок прошел, и она ощутила холод. Риз решительно пересек тоннель и положил руку ей на плечо. Сара машинально отстранилась. От его одежды пахло застаревшим потом. Но тело пылало жаром — она ощутила его даже через плащ, и ей сразу стало теплее. Сара благодарно взглянула на Риза, который уже напряженно и сосредоточенно вглядывался в темноту. Он совсем бесчувственный, все делает только по обязанности. Ну и пусть, пусть этот резкий запах... Она обняла руками его торс, прижалась к нему. Услышала его прерывистое дыхание. Его мышцы напоминали нагретые слитки металла. Может, он тоже киборг?

Киборг из немыслимого будущего, где всем правят боль и ужас.

— Кайл, а как оно — перемещаться во времени?

Он даже перестал дышать — еще ни разу не задумывался над этим.

— Яркий свет. Боль. Будто проталкиваешься... через что-то. Не знаю. Словно роды.

Вдруг по ее руке потекло что-то густое и горячее, как кофе. Она в испуге отстранилась. Выхватила у него фонарь и посветила себе на руку. Кровь.

— Господи!

Риз взглянул на сочившуюся из его руки кровь, словно вспоминая какой-то неприятный сон.

— Это я схватил еще там.

Сара сразу не поняла.

— Схватил? В смысле, вас ранили?

Он кивнул.

— Пустяки. Не беспокойтесь.

Она осветила его руку. В плаще была крохотная дырка — будто прожгли сигаретой,— но все предплечье пропиталось кровью.

— Ужас какой! Вам нужен доктор!

— Ерунда.

Сара осторожно расстегнула на нем плащ и спустила его с плеч.

— Снимайте.

Риз снял плащ и со скрытым облегчением увидел свою рану. Он и сам считал, что ранен тяжело.

— Видите,— сказал он.— Пуля пропила сквозь мякоть.

Сара внимательно осмотрела аккуратную крохотную дырочку в его бицепсе, в нее забился кусочек темно-синей ткани от плаща, и оттуда еще

сочилась кровь. Риз чуть развернул руку, и в дрожащем луче фонаря Сара увидела выходное отверстие, покрупнее, с рваными краями. За последние несколько часов на ее глазах свершилось столько убийств, но только сейчас она увидела, что делает пуля с человеческой плотью. Она смотрела на рану, испуганная и зачарованная, больше все-таки испуганная.

Рану требовалось перевязать, и сделать это должна она — ведь не случайно Риз передал ей аптечку первой помощи. Тогда за дело, сказала она себе. Не думай, а делай. Сначала рану надо очистить. Значит, придется к ней прикоснуться. Господи, все это становится уж слишком реальным.

Сара открыла аптечку. Бинты. Мазь. Таблетки. Марля. Перекись водорода. Тампоны. Все это хорошо, чтобы привести в порядок ссадину на колене, а не пулевое отверстие. Взяв ватный тампон, она подвинулась к Ризу поближе. Он смотрел на нее с восхищенной улыбкой.

— Господи... Меня сейчас стошнит. Расскажите про что-нибудь. Про что угодно.

— А про что?

Сара чуть не рассмеялась. Вопросов у нее было хоть отбавляй. Например.. про ее сына. Ведь у нее родился сын — как сказал Риз. Вернее, родится. В будущем. Для Риза он уже родился, а для нее — еще нет. Интересно.

— Расскажите о моем сыне. Он высокий?

— Моего роста. А глаза — ваши.

Сара начала выжимать кровь из раны. Риз поморщился, он сделал ей знак продолжать. Закусив губу, она старалась сосредоточиться на его словах — иначе, того и гляди, ее вывернет.

— Даже и не объяснишь, какой он. Он... ты ему веришь. Есть в нем эта сила воли. Ты чувствуешь — если он принял решение, значит, выполнит, его уже ничто не остановит. Моего отца я не помню. Но всегда представлял его, как Джона. Он умеет вести людей. И они пойдут за ним куда угодно. Лично я за Джона Коннора готов умереть.— Последние слова Риз произнес приглушенно, в голосе звучала преданность, и Сара ему поверила и поняла — он все-таки способен чувствовать. Это был фанатизм молодости в чистом виде, способный на безоглядную любовь, какой она не испытывала никогда в жизни.— По крайней мере, теперь я знаю, кто он для меня.— Сара с трудом сдержала улыбку. Шутит? Но Риз не улыбался, и она поняла — нет, он говорит вполне серьезно — слишком сильная боль затаилась в его глазах.

На ум пришел еще один вопрос.

— А вы знаете, кто его отец? Чтобы я не дала ему от ворот поворот, когда мы встретимся?

Риз пожал плечами.

— Нет, о нем Джон никогда не рассказывал. Я знаю, что он умер еще до войны, и...

— Погодите,— прервала его Сара.— Я не хочу про это слышать.

Она снова сосредоточилась на его ране. Он спокоойно наблюдал за ней, пальцы ее действовали все увереннее. Сара спросила:

— Вас послал Джон?

— Я сам вызвался. По собственному желанию.

— По собственному желанию?

— Конечно. Такая возможность — повидать мать Джона Коннора. Ведь вы — легенда. Мать героя — сама героиня.

Он поморщился — она завязывала на повязке узел.

— Не бойтесь, пусть будет потуже,— попросил он, потом продолжал: — Ведь это вы научили его сражаться, скрываться, быть организатором... когда он был еще мальчишкой, когда перед войной вам приходилось прятаться.

— Вы говорите в прошедшем времени о том, чего в моей жизни еще не было. У меня голова идет кругом.— Концы повязки она затянула тугим узлом, и Риз едва не застонал. Она чуть ослабила повязку.— Извините, а вы уверены, что я — именно тот человек?

Он впился в нее глазами. Такой взгляд был Саре знаком. Долг тут ни при чем. Этот взгляд доходил до самого сердца.

— Уверен,— подтвердил он. И было ясно — так оно и есть. Если он и сомневался, то в чем-то другом.

Сара встала.

— Бросьте вы, неужели я похожа на мать будущего героя? Разве я — человек крепкий? Или хорошо организованный? Я даже со своими счетами разобраться не могу!

Риз воспринял не столько слова, сколько тон ее голоса. Эти нотки звучали в голосах некоторых его соплеменников, когда Джон призывал их презреть опасность ради общего дела. Этот тон он терпеть не мог — из-за такого отношения люди не смогли победить машины годами раньше. Слепая готовность принять «судьбу», смириться с ней. Дабы оправдать эту немощь, создавались целые религии и сложные философские доктрины. Но вот из груды пепла появился Джон с гранатой и разнес на куски ОУ. Рискуя жизнью, приблизился к пылающим облакам и слил топливо в бак своей бронированной машины.

После этого случая призыв Джона был подхвачен. К нему потянулись люди. И когда Риз подрос, он с удовольствием расстался с улицей и тоже пришел к Джону Коннору.

С первой минутой знакомства с Сарой Риз ловил себя на том, что общение с ней вызывает у него противоречивые чувства: то он восхищался ею, то просто ее презирал.

Он вспомнил, что ему говорили во время инструктажа. Саре Коннор всего двадцать лет, она еще учится, подрабатывает в ресторане официанткой и ничем себя в жизни не проявила. Одним словом рядовая самка из их племени, какие покорно роются в обломках, не подозревая о том, что в них таятся силы, способные изменить их судьбу. Такие встречались ему не раз — самцы тоже. Им нужно указать нужное направление и тогда из них получаются солдаты. Возможно, так обстоит дело и с Сарой. Но он — не вербовщик. Он спец в науке выживания. Когда Риз вызвался выполнить это задание, он был почти уверен, что ему предпочтут бойца поопытнее, постарше. Но вскоре его вызвал лично Джон, и Риз вдруг со всей очевидностью понял, какую колоссальную ответственность на себя берет. Это и льстило, и, в то же время, пугало. От того, как он справится с заданием, зависит весь дальнейший ход мировой истории. Именно это сказал ему Джон.

Вызываясь добровольцем, Риз думал только об одном: ему представляется возможность выполнить самый важный из приказов Джона и повидать во плоти

его прекрасную мать. Это великая честь. Но саму суть задания он тогда не оценил — все произошло так быстро. Едва люди Джона захватили лабораторию, где занимались перемещением во времени, ему стало известно о спецзадании, и он немедленно согласился. Еще через несколько минут его вызвали в командный бункер Джона и проинструктировали. Сейчас он вспомнил, Джон сделал особое ударение на том, что от успеха его миссии зависит все их будущее. При этом Джон ни секунды не сомневался — задание Риз выполнит. Именно эта уверенность, а не колдовство медиков, что-то вводивших ему в вены, привела Риза в состояние полной боевой готовности. А когда Риз на прощание взмахнул рукой, Джон его обнял. Этот жест застал Риза врасплох. Джон Коннор был известен как человек суровый, недоступный. После смерти матери он превратился в мрачного скрытного одиночку. Последователи его обожали — он никогда не ставил перед ними невыполнимых задач, потому что никогда не терял ощущения реальности. Но близкой дружбы не водил ни с кем. Миссию Риза он назвал «поворотным пунктом», а потом обнял его так, будто они старые друзья. И когда после прощания Джон занялся технической стороной дела, его лицо выражало глубокую печаль, видеть которую Ризу не полагалось. Возможно, Джон притворялся, что уверен в успехе — ему хотелось подбодрить Риза. Риз запомнил тот печальный взгляд. Теперь, думая о том, что предстоит пережить ему и Саре, Риз вспоминал выражение лица Джона. Инструктаж был очень кратким, а путешествие во времени показалось бесконечным мигом. Вполне возможно, что Риз — первый человек, совершивший такое путешествие. Небесная Сеть разработала это оборудование в рамках своей гигантской программы исследований компьютерной технологии, которая развивалась в геометрической прогрессии.

Постанцы-десантники захватили лабораторию, ничего в ней не повредив, и специалисты живо принялись разгружать компьютерную систему и анализировать данные. Поняв, что Небесная Сеть в критической ситуации пойдет на все что угодно, Джон решил обезопасить себя, взяв на вооружение технологию Небесной Сети. Но когда Риз входил в двуосевую камеру мощного генератора, никто не знал наверняка, способен ли человек перенестись во времени. Поэтому в 1984 год вполне мог попасть не Риз, а его хладный труп — его сердце могло не выдержать мощных перепадов энергии.

— Послушайте, Риз, я ведь вас об этом не просила,— сказала Сара. Я не хочу в подобном участвовать.— казалось, она вот-вот расплачется. Ее волосы были всклокочены, одежда вся в лохмотьях. Увы, такова реальность. Перед ним обыкновенная самка, которая вот-вот разревется, и ему придется заботится о том, чтобы сохранить ей не только жизнь, но и рассудок. А ведь ему самому нужно остаться в живых.

Тут Риз вспомнил последнее распоряжение Джона.

— Сара! — громко позвал он.

Она ходила из угла в угол, будтоо загнанное животное. Но вдруг остановилась и посмотрела на него.

— Ваш сын просил вам кое-что сказать. Он заставил меня выучить это на память.

Она застыла на месте. Голос Риза смягчился — видимо, в голосе человека, чьи слова он повторял, звучала любовь.

— У меня не было возможности как следует поблагодарить тебя за те любовь и мужество, какие ты проявила в годы смуты. Я бессилен изменить что-либо в твоей жизни, но скажу лишь одно: человечество поставить на колени не удалось. Оно не смирилось с поражением, и я имел честь оказаться во главе восстания. Ты должна помочь нам удержать победу. Тебе придется проявить силу воли, какой ты в себе пока не подозреваешь. Ты должна выжить, иначе я никогда не появлюсь на свет.

Риз видел, что его слова действуют на нее, словно бальзам. Ему не хотелось выглядеть сентиментальным, хотя, судя по ее реакции, ничего плохого в этом не было.

Риз опустил руку. Боль утихла. Во всяком случае терпеть можно, подвижность сохранилась процентов на семьдесят пять.

Может быть, они все-таки добьются своего? Может, их так никогда и не найдут? Чтобы подбодрить Сару, Риз сказал:

— Отличная перевязка.

Сара устало улыбнулась.

— Правда? Я это сделала впервые в жизни.

Забавно. Она все еще не осознала возложенной на нее ответственности. Но что-то в ней уже смирилось с тем, что чему быть, того не миновать. К тому же она понимала, что в не столь далеком будущем человеческую цивилизацию ждет гибель, вследствие чего Земля погрузится в сплошной кошмар.

Кровь, раны... Неисчислимые человеческие трагедии. Перед мысленным взором Сары распростерся мрачный пейзаж, она вздрогнула. На ум пришло одно-единственное слово — судьба.

Так бывает, когда участвуешь в спектакле. Ты можешь сыграть свою роль хорошо или плохо, но конец все равно останется неизменным. Она вспомнила спектакль, в котором играла в старшем классе. Ей нравился один персонаж, но из вечера в вечер он умирал в третьем акте. Сара помнила, как она всякий раз из-за этого расстраивалась. Ей так хотелось, чтобы его вылечили. После этого ей уже не так нравилось играть в спектаклях. Еще она очень не любила всякие напоминания о судьбе.

Над их головами прогромыхал еще один автомобиль. Это был мощный грузовик с дизельным двигателем. Риз обратил внимание, что Сара едва держится на ногах.

— Вам надо поспать. Скоро рассветет.

Она села рядом с ним, облокотившись о холодный бетон. Между ними еще было напряжение, и он положил руку ей на плечо.

На мгновение ему показалось, будто он все еще не оправился от шока после путешествия во времени — обнимать эту девушку оказалось столь приятно и естественно, словно она была с ним всю жизнь.

У Сары слипались глаза. Она уже почти заснула, как вдруг застрекотал сверчок. Риз напрягся. Она с удовлетворением отметила, что, как бы смертельно Кайл ни устал, он всегда начеку. Странный все-таки парень, есть в нем что-то такое, от чего мороз по коже. Ведь он, наверное, никогда раньше не слышал сверчка. Она расслабилась, несмотря на весь пережитый кошмар. Его спокойный голос действовал на нее умиротворяюще, придавал ей уверенность. Хотелось, чтобы он говорил и говорил...

— Расскажите еще что-нибудь о ваших краях. Все, что хотите. Это поможет мне уснуть.

— Хорошо. Днем надо прятаться, но по ночам передвигаться можно. ОУ пользуются инфракрасными лучами, поэтому и ночью следует быть осторожным. Особенно опасны летающие ОУ, Эриалы. Но большим умом они не отличаются. Джон научил нас, как от них ускользать. Когда появились инфильтраторы, стало труднее. Самые новые из них — это терминаторы. Они страшнее всех.

Слушая рассказ Риза, Сара словно сливалась с ним в одно целое. Он рассказывал о городе, который дрожал от грохота и был объят пламенем, о белом пепле и истерзанных огнем руинах, о патрульных экипажах, посылавших на его одетых в лохмотья соплеменников снопы смертоносных лучей и плазменные бомбы. Люди бродили по разрушенным городам, залитым мертвенным светом луны, в поисках консервных банок с пищей, чудом не расплавившихся, о почерневших костях и о машинах-убийцах, которые вгрызались в человеческое тело своими залапанными кровью, хромированными корпусами, словно ненасытные акулы.

Под этот жуткий рассказ Сара уснула, уронив ему на плечо голову. Он видел ее сверху и не мог понять, спит она или нет. Он продолжал говорить безо всякой последовательности и хронологии — просто делился личным опытом, описывал какие-то военные эпизоды, давал советы по выживанию, рассказывал анекдоты и делал зарисовки из жизни двадцать первого столетия. Перед тем, как окончательно погрузиться в сон, Сара подумала, что его рассказ очень поэтичен, он уличный поэт, который говорит образно, но его слог отнюдь не изыскан. Родись он в другое время, и он мог бы стать художником или бардом.

Мысль о том, что Риз — солдат с сердцем поэта, еще возникнет в ее мозгу, но будет окрашена в тона печали и отчаяния.

Слова Риза превратились в невнятный поток звуков — Сара заснула. По темным лабиринтам ее сна бродили диковинные потусторонние образы.

Свет. Яркий, слепящий как солнце, свет. Он размазал ночной пейзаж и слизнул тонюсенькие гравюры теней. Тут же подул сильный ветер, и раздался яростный звук гибнущего металла. Сара поняла, что это реактивный двигатель, и даже не один.

От сильного порыва ветра взметнулся пепел, обнажив груду напоминавших чучела костей. Пепел вылетел из глазниц черепов, тени от прожекторов забегали по пустым орбитам, создавая иллюзию жизни. Машина в небе напомнила огромную хромированную осу, только вместо крыльев из центра тела выпирали два турбореактивных кожуха, направленных строго вниз. Машина зависла, потом упала почти до земли, проводя визуальное и инфракрасное сканирование. Она накренилась носом вниз и вдруг взмыла вверх, точно вертолет в «воздушной кобре». Ее подвесная пушка произвела выстрел по выгоревшему зданию, после чего убралась в брюхо. Патрулирование продолжилось.

В километре оттуда другая машина садилась с помощью гидравлики на кузнечиковые ножки. Под прожекторами с инфракрасными отражателями было запарковано несколько таких, похожих на насекомых, ОУ. На конусообразных бетонных колоннах несли охрану двадцатиметровые

автоматические пушки, под ними вращались маленькие автоматы, призванные уничтожать все живое. Темноту сверлили поисковые прожекторы.

ОУ пролетел, опасность миновала, и воины выползли из укрытия. Их серо-черные в крапинку маскировочные робы позволяли им сливаться с местностью. Серое совмещалось с серым. Черное — с черным.

Командир лежал за изогнутым бетонным монолитом и смотрел в телескопический прицел своей винтовки. Изображение на экране было усилено, картинка была четкой и яркой, будто стоял день. На лицо командира падал зеленоватый отблеск. Со лба стекал пот, оставляя в слое пепельной пыли влажные бороздки. Это был Риз. Он давно не умывался и не брился, как и большинство других воинов. Все они носили наушники и негромко переговаривались с другими подразделениями.

— «Янки сто третий» вызывает базу «Эхо девять».

— «Янки сто третий», прием. Докладывайте.

— Произвел обход до 3000-метровой линии. Ничего особенного не заметил. В районе торгового центра наткнулся на гражданских. Они не зарегистрированы, но кое-чем торгуют.

— Чем именно?

— Консервами, какими-то инструментами, бензином. Им нужен кров и немного снарядов.

— «Сто третий», вас понял. Посылайте их сюда.

-- Мы возвращаемся. Наш сыскной пес поранил лапу, так что патрулирование прекращаем.

-- «Сто третий», отбой.

Этому бормотанию не было конца. Сообщения о патрулях во всех близлежащих секторах, о саперах, разыскивающих ОУ с тем, чтобы обезвредить их и разобрать на детали, о разведгруппе дальнего поиска, вынужденной спасаться от противника — в целом информация была неблагоприятной. Из предгорьев неподалеку от бункера номер двадцать три на старой дороге Мальхолленд запрашивали механиков — требовалось снять пушку с выведенного из строя ОУ. Взвод наткнулся на него на берегу, там же было два терминатора серии 600, одетые в солдатские маскировочные робы. В результате столкновения один воин погиб, троих надо отправить в госпиталь, два остова терминаторов обгорели дотла. Сыскной собаке тоже здорово досталось, и командир взвода очень горевал.

И так далее.

Риз подал знак, и через скрытый под обломками люк группа опустилась на лестницу и двинулась дальше вниз. Сара мысленно следовала вместе с ним: вот они устало удаляются в глубь земли, подсвечивая себе лучом фонаря. Добравшись до четвертого уровня, Риз прикладом винтовки постучал в наскоро сваренную стальную дверь. Один раз. Еще два. Еще один. Стальная плита со скрипом отодвинулась, и в крошечной прорези возникли глаза часового.

— Кайл Риз.

Не успел он договорить, как дверь лязгнула и распахнулась настежь. В ноздри Ризу ударил густой запах человеческого пота, дыма и теплых испарений. Внутри с оружием наизготовку стояли три часовых. Риз протянул руку, позволив двум сторожевым псам — овчарке и доберману — обнюхать ее.

Наверное, это были самые сытые существа на всей базе. Они завиляли хвостами, и Риз был пропущен. Значит, он еще человек.

Часовые отступили в сторону, руки на их «вестингаузах-25» чуть разжались. Следом за Ризом вошли его солдаты, расписались в журнале дежурств, лежавшем на старом карточном столике, потом разбрелись по лабиринту.

База Е-9. Когда-то это был уровень Д многоэтажной автостоянки под культурным центром Сенчури-сити. За последнее время ей изрядно досталось, она наполовину рухнула и превратилась в прибежище для солдат, детей, больных и умирающих, а еще для полчищ крыс.

Сара следовала за Ризом, будто он был ее поводырем. Они шли сквозь шеренгу изможденных и исхудавших лиц, почти совсем потерявших какой бы то ни было интерес к жизни. Люди были одеты в какое-то тряпье, слишком большое или слишком маленькое по размеру, балахоны из вытершихся ковров, брезента, черный полиэтилен был подвязан разноцветными кусками провода. Лица бледные, угрюмые, глаза впалые. Только в детях еще теплилась какая-то жизнь — они сновали меж теней, охотясь на крыс, из которых варили суп.

Повсюду в катакомбах мерцали костерки, на которых готовили бесхитростную пищу, из мрака выглядывали лица людей-призраков, мужчин и женщин, лишившихся душ. Эти люди жили в остовах машин, перевернутых набок стальных ковшах, а то и просто за изодранным одеялом, висевшим на проволоке. На лицах постарше были рубцы и шрамы от ожогов во время войны, их плоть истаяла и пошла пузырями, словно подплавившийся сыр. Из темноты доносились слабые стоны, а рядом, в нише, кто-то монотонно плакал на низкой ноте Сара словно шла по аду и разрывалась между двумя желаниями: убежать куда глаза глядят или хоть как-то помочь этим страдальцам. Проходя мимо, она тянулась к ним, как бы готовая прижать их к груди и облегчить их участь. Несчастные дети ядерного века! Но они смотрели сквозь нее, будто она была призраком. Ее среди них не было. Пока.

Риз и Сара подошли к группе людей, сгрудившихся около большого передатчика под яркой лампой дневного света. Риз быстро со всеми поздоровался. Тут было много высших чинов. Кого-то он знал, кого-то нет. Несколько капитанов, два майора. Один человек, окруженный охранниками, сидел к ним спиной. Его черный берет сбоку украшала генеральская звезда. Такой берет во всей повстанческой армии носил только он.

Джон прибыл на эту базу прошлой ночью — организовать налет на близлежащие заводы-автоматы. Было известно, что Небесная Сеть изготавливала плазменные пушки, которые применялись в снарядах Марк Семь и Марк Восемь. Этот большой налет решили совершить через три дня. Риз ждал этой минуты с нетерпением. Один лейтенант еще раньше дал понять, что Риза могут перевести в личное подразделение Коннора. Вскоре после прибытия с ним говорил об этом сам Джон. Встреча была довольно странной — Коннор пристально разглядывал Риза, и тому под этим взглядом было слегка не по себе. Казалось, Коннор пытается оценить его не как обычно оценивают офицера, а по каким-то другим критериям. Понять что-либо по глазам Коннора было нельзя. «Занимайтесь своими делами, сержант»,— распорядился в конце концов генерал и отвернулся.

Для Джона такое поведение было типичным — Риз несколько раз участвовал вместе с ним в бою. Но все равно Джон оставался для него загадкой.

Теперь, окруженный подчиненными, Джон сидел за мощным передатчиком и координировал несколько основных наступлений по всему миру.

Риз знал, что они пиратствуют на каналах спутников Небесной Сети — противник уничтожит все, что изобретут люди, но он не уничтожит собственную систему связи, опоясывающую весь земной шар. Риз понятия не имел, как Джону такое удалось, но ему и не требовалось это знать.

Сара увидела столпившихся под светом лампы людей. Когда охранники расступились, разглядела человека в черном берете. Он сидел к ней спиной. Его широкие плечи были опущены — чувствовалась усталость,— но руки энергично двигались по карте боевых действий. Она слышала его голос, правда, не разбирала слов, и очень хотела, чтобы он обернулся. Но охранники снова встали за его спиной и загородили его от нее. Она хотела подойти поближе, но это оказалось невозможно. Увидеть его ей было не суждено. Тем временем Риз уселся на обгоревшую кожаную кушетку — возможно, здесь придется провести несколько часов. Он расстегнул тканый ремень, отцепил и положил на колени винтовку, прикрыл ее руками. «Моя возлюбленная и лучшая подруга,— сказал он Саре, похлопывая М-25 по прикладу.— Мы всегда спим вместе».

Сара села рядом с ним на кушетку. Он откинулся на спинку, весь подобрался. Расстегнув молнию на сумке с патронами, извлек оттуда небольшой, плоский, пластиковый прямоугольник. Это была помятая фотография, сделанная «поляроидом». Риз внимательно смотрел на снимок, и взгляд его все теплел. Он долго не отводил глаз от фотографии.

Но вот открылась входная дверь, и Риз поднял голову. Пришел еще один патруль. В тусклом свете переносных ламп людей было видно издалека. Два разведчика. Собаки обнюхивали их руки. Все в порядке. Но не успели часовые закрыть за ними дверь, как внутрь протиснулся еще один человек. Он был на голову выше всех остальных и под оборванным серым балахоном прятал что-то объемистое.

Собаки принялись яростно лаять. Часовые схватились за оружие. Один из них закричал:

— Терминатор! Терминатор!

Риз на полсекунды замер, а Терминатор откинул балахон и поднял РБС-80. Оружие издало треск, бункер залило ослепительным светом.

Риз схватил драгоценную фотографию зубами, освобождая руки, вскочил и бросился к двери.

Терминатор уже поливал бункер смертоносным огнем. Сокрушительные световые удары сопровождались криками, истошно выла сирена. Сквозь дым и гомон Терминатор упрямо двигался к командному центру. Конн хрипло выкрикивал приказы. Раздался взрыв. К низкому потолку взметнулся огненный шар.

Риза швырнуло на пол, сверху посыпались горящие обломки. Оглушенный болью, он покатился по полу, стараясь нащупать свою винтовку. Фотография выпала и теперь горела вместе с обломками. Сара увидела, как он ошарашенно смотрит на снимок, который лизали языки пламени.

Все смешалось. Вопли. Топот бегущих ног. Мощные серии выстрелов фотовспышками прорезали дым. Громко кричала шестилетняя девочка. Рычали и выли псы. Одна овчарка пыталась дотянуться до своей спины — там загорелась шерсть.

И среди этого хаоса неотвратимо двигалась вперед фигура с горящими красными глазами, с оружием, сеющим смерть. Массивный ствол РСБ-80 был направлен вперед. Сару охватил первобытный ужас — она знала, что это конец. Парализованная, она смотрела прямо в ствол. Ей казалось, что она смотрит туда уже целое столетие. Красные глаза остановились прямо на ней. Белая слепящая вспышка вышибла из нее сознание, превратив его в туман. Сюжетная линия сна зашла в тупик, и он резко прервался, словно в кинопроекторе оборвалась пленка.

Сара застонала и вцепилась в Риза, извлучавшего целительное тепло. Потом снова погрузилась в сон. На сей раз без сновидений.

Услышав, как заворочалась Сара, Риз мгновенно проснулся. Он понял, что тоже задремал, и проделал несколько мыслительных упражнений, которыми пользовался, когда надо было бодрствовать в долгие часы вахты. Небо за дренажной трубой начинало светлеть. Сколько же времени он ей рассказывал? Наверное, за последний час наговорил больше слов, чем за последние два года. Он и сам не знал, зачем стал делится с нею подробностями нападения на бункер. Во всяком случае, с военной точки зрения ничего особенного в этом нападении не было. Видимо, он пытался как-то ввести ее в свой мир, а в 2029 году этот эпизод был всего лишь частью каждодневной жизни. А может, он вспомнил это именно из-за фотографии? Фотография, Терминатор, присутствие Джона — сочетание этих элементов вдохнуло в его рассказ жизнь.

Что касается фотографии, она досталась ему лично от Джона, за год до того случая, когда они вместе попали в серьезную переделку — тогда земля тряслась от плазменных бомб, заливавших все вокруг искусственным дневным светом. Джон вытащил из кармана робы старый кожаный бумажник довоенных времен и достал оттуда сделанный «поляроидом» снимок. Что он означал и почему Риз должен носить его с собой — так и осталось загадкой. Разумеется, Риз сразу узнал, кто изображен на снимке, потому что фотографий Сары Коннор было предостаточно и некоторые солдаты даже брали их с собой в бой как талисман. Но снимок, сделанный «поляроидом», означал нечто особенное.

С тех пор Риз всегда носил его с собой, даже на очень сложные задания, когда мог промокнуть до костей или попасть в серьезную переделку.

В результате фотоснимок точно запечатлелся в его памяти, хотя само изображение осталось для него загадочным. Сара сидела в какой-то машине, в какой именно — не ясно. Волосы у нее были не такие, как сейчас, хотя по возрасту можно было предположить, что снимок не старый; стрижка чуть покороче, волосы подхвачены повязкой. Черты слегка искажены, но овал лица говорит о внутренней силе, а глаза — о душевном покое. На губах едва заметная улыбка. Возможно, Сара в эту секунду вспоминала о чем-то приятном. В целом же картина была почти мрачной — небо затянуто тучами, а во втором плане виднелось что-то не в фокусе. Только потом Риз понял, что это были плечо и бок собаки. Судя по размеру и цвету, немецкой овчарки.

Рассказывая о появлении в бункере Терминатора, Риз намеренно умолчал

о том, что на снимке, который он разглядывал, была изображена она, Сара. Ему стало неловко, будто в таком признании было что-то неприличное.

Он вспомнил о взрыве, сбившем его с ног, о том, что, придя в себя, прежде всего увидел ее горящую карточку. Когда горит «полароид», он съеживается, сморщивается и скручивается, но изображение держится до последнего.

Он опустил взгляд — подлинная Сара, забывшись в тревожном сне, лежала у него на коленях. Он смотрел на нее, испытывая странное чувство, которое называется deja vu: совмещение прошлого с настоящим. Так бывает, когда изучишь перед заданием карту местности, а потом ползешь по изученному участку — подготовка к событию становится самим этим событием.

Он вдохнул холодный утренний воздух. Восходящее солнце высвечивало дренажную трубу жестким белесым светом.

Сара пошевелилась, что-то пробормотала. Лицо ее было повернуто к нему и открыто. Риз вглядывался в ее черты. Лицо немного опухло от сна, рот приоткрылся, щека прижалась к его предплечью. И вообще, вид у нее был отнюдь не королевский, но все равно она была прекрасна. Он провел пальцем по кончику ее носа, чуть коснулся ее губ. Губы были мягкие и податливые. За всю свою несчастную жизнь Ризу не приходилось прикасаться к чему-то столь мягкому и нежному. В груди его словно заработал миниатюрный пропеллер вертолета, дыхание участилось, рука задрожала.

Все тело Риза превратилось в одну сплошную боль, но ему было на это наплевать. Левая нога здорово затекла, онемела и рука, к которой прикоснулась Сара. Это совсем никуда не годится — девушка вся в его объятиях, а он едва ее ощущает.

Риз осторожно отодвинул с ее щеки прядь. Сара наморщила носик, вздохнула. Он чувствовал тепло ее выдоха, уловил приятный запах... Но-но, не надо расслабляться.

Сара открыла глаза.

— Мне снится сон... про собак... — сказала она озадаченно. Какое-то скопище жутких теней — вот что осталось в ее памяти от сна.

— Я вчера вам про них рассказывал,— объяснил Риз.— Они у нас выдрессированы, чтобы опознавать терминаторов.

Заслышав о терминаторах, Сара сразу все вспомнила, весь водоворот событий, в который ее вчера швырнуло.

— Господи,— только и сказала она. И не потому, что собиралась молиться.

Дорога на Бриа. 9.02 утра

Риз и Сара взобрались по насыпи к двухполосному шоссе. Над ними носились птицы, время от времени пикируя в находившуюся за их спинами балку.

Марлевый туман призрачно стлался над полем по ту сторону насыпи. В воздухе стоял тяжелый утренний запах влажных листьев и травы.

Взяв Сару за руку, Риз двинулся вперед по склону. Сразу возле дороги начинались поросшие редким кустарником холмы. В случае чего есть где укрыться. По другую сторону насыпь поднималась к скоростной трассе 57 и шла параллельно шоссе. До их ушей долетал шелест шин и рев моторов. Они сейчас находились в густых зарослях между Даймонд Бар и Бриа, никакого

жилья в этой зоне не было. Впереди виднелась еще одна гряда холмов, кое-где утыканных буровыми вышками и медленно вращающимися насосами, качающими нефть. У основания пандуса Риз остановился.

— Нам нужна машина, — сказал он. — Стоять на месте нельзя. — Он показал на скоростную трассу над ними. — Куда ведет эта дорога?

Сара достала дорожный атлас. Внимательно изучив его, ответила:

— Можно попасть на скоростную дорогу номер пять и ехать дальше на юг.

Риз не имел представления, где они находятся, но это его не волновало. Он просто хотел убраться подальше отсюда. Когда со скоростной трассы начала съезжать темно-синяя «тойота», он вытащил полицейский пистолет. Хотел выйти на дорогу, но Сара прошептала: «Убери!» Двумя руками она потянула его руку вниз, потом повернулась к дороге и подняла вверх большой палец.

Подъезжая к ним, машина чуть сбавила скорость, но водитель тут же прибавил газу. За рулем мужчина с обветренным лицом в ковбойской шляпе, он нажал на гудок, а его пассажиры, два подростка, разразились нецензурной бранью.

Риз взялся было за пистолет, но Сара убедила его, что ее способ вернее. Он не понял смысла церемонии с поднятым пальцем, но решил довериться Саре. Все-таки она мать Джона Коннора.

Через три минуты с трассы съехал серо-пепельный фургон «шевроле». У основания пандуса водитель остановился, но двигатель оставил включенным. Сара и Риз подошли к нему.

— Подвезете? — спросила Сара вежливым голоском. Из окна появились длинные, спутанные волосы, могучая борода, глаза и ухмыляющийся рот.

— Ясное дело, подвезу, только мне ведь в Ирвин.

— Годится, — с благодарностью в голосе произнесла Сара.

Риз помог ей забраться в кузов, и они разместились рядом с двумя лысыми шинами, мешком с грязным тряпьем и разбитой коробкой с инструментами. Риз был рад, что ее метод сработал, потому что уже решил: если будет третья попытка, он станет действовать по-своему.

Гостиница «Панама». 9.22 утра

С помощью внутреннего дисплея Терминатор проверял, в порядке ли система. Длинные колонки данных он сопоставлял с инфракрасным изображением, поступавшим через микролинзы в глазницах. Ущерб был в пределах нормы. Уплотнители шасси не повреждены, гидравлика работает на должном уровне. Только состояние внешнего слоя органической плоти ниже допустимого.

Оторвался кусок скальпа и обнажил хромированный металл, его покрывала тонкая корочка запекшейся крови. Со щеки свисал лоскут кожи, и в холодном свете комнаты поблескивали приводные кабели, позволявшие киборгу двигать челюстью.

Все его тело было покрыто синяками и ссадинами, некоторые из них испускали гнилостный запах — развивалась гангрена. Вышла из строя система кровообращения — снаряд двенадцатого калибра повредил крошечный пневматический насос. Самые серьезные рваные раны и зияющие отверстия от пуль Терминатор уже заштопал и заклеил моментальным клеем. Но плоть не хотела исцеляться. В комнате стоял отвратительный запах гниения. В аллее

под открытым окном было несколько открытых мусорных свалок, и по комнате с жужжанием носились мухи.

Их навязчивость мало беспокоила Терминатора. Он отгонял муху, если это назойливое существо заползало или залетало в глаз и мешало видеть. Остальные же вовсю пировали на ранах Терминатора, обмыть или перевязать которые он не удосужился.

Последней он получил информацию о состоянии источников энергии. Потребление достаточно низкое, меньше 0,013 — это лишь тысячная доля от имеющихся запасов.

Внутри торса из суперлегированной стали, в месте, где у человека находится сердце, помещался жесткий экранированный подблок — источник ядерной энергии. Именно отсюда подавалось питание на гидравлические приводы и сервомоторы, сделанные по последнему слову техники, этой энергии хватило бы на то, чтобы в течение целого дня освещать небольшой город. Терминатору этой энергии хватит на долго, особенно, если периоды интенсивной деятельности разбавлять промежутками относительного покоя.

Когда Терминатор переключался в режим экономии, компактные энергетические ячейки собирали и сохраняли избыточную энергию. Если пробить торс и повредить эти жизненно важные источники питания, Терминатора можно остановить. Но торс выполнен из трехслойной бронированной стали, плотность сплавов — максимально возможная.

Терминатор мог работать на полную мощность двадцать четыре часа в сутки в течение 1095 дней. За это время у него обязательно возникнут возможности для экономии, как сейчас, когда потребление энергии составляло лишь сорок процентов от номинала. Оптические системы работали только в инфракрасном режиме. Сбавили темп и насосы, соответственно гидравлическое давление снизилось на сорок процентов. Избыточная энергия накапливалась в специальные ячейки. Пока что, выполняя это задание, Терминатор работал именно в таком режиме — оптимальные нагрузки перемежались с состоянием покоя, — а это значит, что запасы его энергии бесконечны, и он сомнет противника и уничтожит цель, а дальше... Программа его себя исчерпает, но благодаря Небесной Сети кругом воцарится ядерный хаос, и Терминатор сумеет добраться до ремонтной бригады, где его перепрограммируют заново.

Так что Терминатору суждено быть здесь долго, еще очень долго.

Узнай об этом мухи, которые устроили кутеж на его разлагавшейся плоти, и они закружили бы еще быстрее.

Южное шоссе I5. 9.57 утра

Фургон свернул на 5-е шоссе и замедлил скорость. Рев и грохот машин заставили Риза насторожиться. Со всех сторон, куда ни кинь взгляд, их окружали легковые автомобили, фургоны и грузовики.

Они въезжали в Тастин, и восьмиполосное шоссе с обоих сторон обступили недавно построенные трех- и шестиэтажные здания из стекла и бетона, в большинстве своем банки, ссудные и сберегательные кассы.

Апельсиновый округ оказался процветающим и чрезвычайно консервативным районом. Хотя города и носили звучные названия, такие, как Вилла Парк, Апельсиновый, Йорба Линда — все они были похожи друг на друга. Риз уже не обращал внимания на окружающее. Очень много новых впечатлений... Слишком много.

Поток машин начал редеть, и фургон, увеличив скорость, выехал за пределы Тастина. Стали появляться еще сохранившиеся в Апельсиновом округе цитрусовые рощицы. Глянув в боковое окошко, Сара увидела эвкалиптовую рощу. Внезапно ей пришло в голову, что за этими деревьями располагается военная база морской пехоты Эль Торо. Быть может, батальон пехотинцев. Но она тут же вспомнила происшествие в полицейском участке.

Сара украдкой взглянула на Риза. Обычный парень, ничуть не старше ее самой, хотя глаза, как у старика. Он в одиночку вновь и вновь спасал ее от неизбежной смерти. Крепкий парень с невероятно развитым чувством долга.

Однако сейчас, сжавшись в комок на заднем сиденье пикапа, он казался совсем маленьким и бестелесным, словно испуганное и затравленное привидение.

Фургон замедлил скорость и съехал на крайнюю полосу. Сара вытянула шею и, оглянувшись вокруг, поняла, что они сворачивают с шоссе на дорогу, идущую в Песчаный Каньон.

Фургон въехал на заправочную станцию, расположенную у отходящего в сторону от шоссе пандуса.

— Приехали,— веселым голосом объявил водитель.

Отель «Панама». 10.05 утра

Родни выволок свою скрипучую тележку из ванной комнаты, расположенной в конце холла. Недовольно ворча, низко наклонился и поднял с пола свалившуюся с двери табличку «Идет уборка». При этом его необъятное брюхо собралось в складки, словно гармошка. Родни засунул табличку в тележку между бутылками с дезинфицирующей смесью и жидким мылом. Зажег окурок сигары и жадно затянулся. Табачный дым окутал его плешивую голову, перебивая едкий запах чистящих средств.

Небрежно постучав, Родни открыл дверь номера 102. Жасмин оторвал взгляд от ногтей, покрытых еще не просохшим красным лаком, и с ухмылкой посмотрел на входящего. Настоящее имя Жасмина было Боб Хертель, но Родни никак не мог привыкнуть к форме «его» ног, которые тот выставлял напоказ, прогуливаясь по тротуару напротив отеля. Жасмин имел привычку удлинять свои икры при помощи высоченных каблуков. Родни нимало не интересовался тем, каким именно образом его постояльцы добывали деньги — лишь бы счета были оплачены.

Одетый в длинную комбинацию, Жасмин восседал в комнатушке восемь на одиннадцать футов на куче своих пожитков и как всегда мурлыкал себе под нос, поддразнивая Родни.

Не обращая на него внимания, Родни молча убрал комнату и вышел.

В номере 103 его ожидали неприятности. Запах был слабый, но спутать его с чем-то другим было невозможно, и Родни подумал только: «О дьявол! Не хватало еще одного дохлого пропойцы! Это уже второй за месяц, а эти легавые всюду суют свой нос. Девки начнут визжать и швырять в меня щипцами для бровей!»

Соображая, как бы лучше поступить, Родни постучался в дверь. Послышался скрип половицы, но никто не ответил. Родни постучался вновь и спросил.

— Эй, парень! У тебя что — кошка сдохла?

Он надеялся, что у постояльца действительно сдохла кошка.

Терминатор раскладывал на кишащей клопами кровати вещи, взятые им в квартире Сары. Стук в дверь привел киборга в состояние боевой готовности. Через 1,7 секунды в его руках оказался автоматический «Магнум» 375 калибра. Курок был взведен, и пистолет нацелен на человека, стоявшего за дверью.

Слабый инфракрасный тепловой след очертил контуры мужской фигуры. Судя по звуку голоса человека, его физическому состоянию и пассивному поведению — он не пытается войти в комнату — это существо не представляло опасности, и Терминатор не стал стрелять через дверь. Подобное действие могло поставить под угрозу безопасность помещения, в котором киборг готовился к операции и, следовательно, поступить таким образом было нельзя. На внутреннем дисплее появился список возможных устных ответов:

ДА
НЕТ
НЕ ЗНАЮ
ПОЖАЛУЙСТА, ЗАЙДИТЕ ПОЗЖЕ
УХОДИТЕ
ПОШЕЛ К ЧЕРТУ
ПОШЕЛ К ЧЕРТУ, ЗАДНИЦА

Последняя надпись была выделена мерцанием, и Терминатор произнес громко, чтобы было слышно за дверью:

— Пошел к черту, задница!

— Сам иди! — проворчал Родни и толкнул тележку, удаляясь по загаженному коридору. Ничего, всякий пропойца рано или поздно сыграет в ящик.

Сидя в вонючей комнате, Терминатор очистил зияющую глазницу от мух, откладывающих туда яйца. Протерев линзу тряпкой, взял записную книжку Сары и принялся методично ее изучать, быстро перелистывая страницы.

Предварительный анализ показал, что здесь может содержаться ключ к поимке жертвы. Поиск мог занять некоторое время, но время ничего не значило для машины.

Дорога на Песчаный Каньон. 10.48 утра

Заправившись, потрепанный пикап с ревом двинулся вниз, направляясь в Песчаный Каньон. Он обдал Сару и Риза клубами выхлопного дыма. Сара осмотрелась. Автостанция. Через дорогу — стоянка для автоприцепов. По соседству — лужайка, на которой расположились две семьи. Дети затеяли шумную возню в бурой траве.

Сара увидела, что Риз внимательно разглядывает покрытое росой клубничное поле, примыкающее к лужайке. Как странно он выглядел, этот человек, вырванный из своего времени и не способный соответствовать нынешнему! Риз ощутил на себе взгляд Сары и посмотрел на нее усталыми, спокойными глазами. Лицо Риза было испачкано, а волосы выглядели так, словно в них сидели крысы.

Сара ободряюще улыбнулась и указала ему на туалет, расположенный на углу станции обслуживания.

— Стоит умыться, пока есть возможность.

Риз молча кивнул и пошел за ней следом. Когда они дошли до двери, он

попытался войти вслед за Сарой в женскую кабину.

Она остановила его движением руки и фыркнула от смеха, увидев в его глазах смущение. Указав на другую дверь, сказала:

— Ты должен пойти туда. Боюсь, что здесь нам придется расстаться.

Риз перевел взгляд с таблички «Ж» на «М», озадаченно пожал плечами и двинулся в нужном направлении.

Сара умылась, ощутив приятное облегчение, и принялась изучать в зеркале свое осунувшееся лицо. Раскисшее мыло, которое она достала из заржавленной коробочки, не смогло удалить с лица остатки косметики, но оно смыло грязь. Другое дело волосы. У Сары не было даже расчески. Поджав губы, она расчесала спутавшиеся пряди прямо пальцами и вновь хмуро посмотрела в зеркало. Ну и растрепа! Будем надеяться, что окружающие сочтут это новомодным стилем. Сара улыбнулась своему отражению. Неужели, черт возьми, сейчас так уж важно, что о ней подумают окружающие!

Выйдя из умывальной, Сара не увидела Риза. Постучалась в дверь мужской комнаты. Тишина.

В душе девушки зашевелился страх. Обогнув здание, она увидела группу детей, которые перебрасывали друг другу маленький зеленый мячик для нерфа. Мячик проносился над головой огромного, задыхающегося от возбуждения ирландского сеттера. Пес лаял и прыгал, лениво описывая круги, а зеленый снаряд перелетал от одного сорванца к другому. Возле одной из колонок заправлялся «линкольн-континенталь». Риз исчез.

Сара на мгновение закрыла глаза, ощущая все возрастающее отчаяние, и внезапно осознала, сколь сильно она нуждается в поддержке своего защитника. Он был единственной нитью, на которой держалась ее жизнь. Правда, оставалась еще мама. У Сары сжалось все внутри. Быть может, мама думает, что она погибла? Сара бросилась к телефону-автомату, установленному на углу автостоянки.

У нее не было денег, но она припомнила код своей телефонной карточки и набрала номер мамы, живущей в маленьком домике в Сан-Бернардино. Сразу после первого гудка в трубке послышался встревоженный голос мамы. Потребовалось не менее минуты, чтобы убедить ее в том, что дочь жива и здорова. Полиция уже искала ее в округе Рампарт, полагая, что там побывал разыскиваемый убийца. Сара хотела было рассказать о ситуации, в которую попала, и попросить мать приехать за ней, но тут ее взгляд упал на клубничное поле, и она увидела стоящего там Риза.

Внезапно нахлынувшее чувство облегчения потеснило все страхи. Схватившись рукой за аппарат, Сара закрыла глаза. У нее затряслась нижняя губа. Мама продолжала требовать, чтобы Сара сообщила свое местонахождение, намереваясь приехать и забрать ее оттуда. Сара сообразила, что в данный момент ей лучше остаться с Ризом. Кроме него никто не мог ей помочь. Только Риз знал, что нужно делать.

Сара скрылась за привинченной к стене кабинкой телефона, не выпуская трубку из рук. Риз совершенно недвусмысленно предупредил, что она не должна ни с кем связываться, и Сара со страхом представила его реакцию, стоит ему застать ее у телефона. Она прикрыла рот ладонью, приглушая голос. Сара говорила быстро, с властной настойчивостью, которая удивила бы ее

саму, если бы этот разговор был записан, а затем воспроизведен.

— Мам, слушай внимательно. У меня мало времени...

— Что случилось, дорогая? Что происходит?

— Не перебивай! Мне надо, чтобы ты собрала кое-какие вещи. Быстро упакуй их и сразу садись в машину. Не говори никому, куда едешь, даже друзьям. Даже Луизе. Сделай все немедленно. Сейчас я не могу ничего объяснить. Тебе придется верить мне на слово.

— Но я должна знать, что...

— Сделай то, что я говорю. Больше я не смогу связаться с тобой.

— Боже, Сара... Ну, хорошо... Хорошо...

Сара бросила взгляд на Риза, стоявшего к ней спиной в странной позе, точно его поразил столбняк. Если он сейчас обернется, ей придется бросить трубку и скрыться. Не лучше ли прекратить разговор?

— Так, мам, я позвоню тебе позже. Не бойся за меня. Все будет в порядке.

— Сара послушай меня. Ты должна каким-то образом дать знать полиции...

— Ты ничего не понимаешь. Они не в силах мне помочь. Никто не в силах мне помочь. Мне пора.

— Сара!

— Пока, мам!

Она нажала на рычаг, и тонкий голос в трубке прервался. Риз, повернувшись спиной к Саре, опустился на колени и сорвал ягоду. Смахнув с нее пыль, отправил ее в рот. На расстоянии Сара не могла увидеть выражения его лица. Однако жесткое, натренированное тело Риза явно обмякло.

Погруженный в глубокое раздумье, он медленно поднялся на ноги, облизывая пальцы. Зеленый мячик летел прямо ему в спину. За какое-то мгновение до удара Риз молниеносно присел, обернулся и резким ударом отбил мяч.

Дети замерли. Быстро что-то обсудив, послали за мячиком малышку лет шести.

Сару встревожила та напряженная поза, которую принял Риз, словно он решил, что дети хотели ударить его нарочно. Она поспешно перешла через дорогу и направилась к клубничному полю, но девочка уже стояла перед Ризом, глядя на него снизу вверх с тем невозмутимым глубокомысленным видом, который обычно напускают на себя дети, когда им удается поставить взрослого в неловкое положение.

Подойдя к Ризу сзади, Сара замедлила шаг. Девочка говорила:

— Мы не хотели вас испугать. Можно я заберу мячик?

Риз медленно выпрямился и медленно опустил глаза на мяч. Проглотил ком, застрявший в глотке и наклонился, чтобы поднять игрушку. И с кроткостью протянул мяч ребенку. Глядя в эти суровые глаза человека иного столетия, девочка заколебалась, должно быть заметив в них ужас и страдание. Однако тут же уловила в его взгляде доброжелательность и, беря из рук Риза мячик, едва заметно улыбнулась ему. Держа над головой добытую в этой вылазке игрушку, победно вскричала:

— Вот он! Мяч у меня!

Нацелившись на мяч, зажатый в детских руках, сеттер высоко подпрыгнул и, промахнувшись, сбил девочку, которая упала к ногам Риза. Он ринулся

догонять мяч и спустя секунду подбежал к сгрудившимся в кучку детям, вышлевывая обслюнявленный мячик.

Риз помог испуганной девочке подняться на ноги. На его лице появилось что-то вроде улыбки. Однако, если это была улыбка, то она вышла какая-то очень жалкая. Девочка одернула платьице и с явным неудовольствием проворчала:

— От тебя противно пахнет.

Она встала и с важным видом вернулась к своим друзьям.

— Кайл! С тобой все в порядке?

Его лоб прорезали морщины, глубокие, как борозды на пашне. Он хотел ответить, но какой-то внутренний голос заставил его промолчать. Наконец его губы шевельнулись, произнося почти беззвучные слова.

— Все это так неожиданно для меня, — сказал он.

Сару поразило выражение его глаз. Ей показалось, что он вот-вот расплачется.

— Меня снабдили инструкциями, показывали фотографии, карты. Рассказывали древние предания. Но я не ожидал...

Он был не в силах говорить. Сара подошла ближе.

— Находясь в вашем мире, я постоянно ошибаюсь. Не могу подавить в себе желание стать частью этого...

У него не было слов, чтобы описать этот мир.

Сара потянулась рукой к его плечу. Он продолжал смотреть в лицо девушки, не замечая ее движения. Она попыталась успокоить его словами:

— Кайл, ты уже сам часть этого мира. Теперь это твой мир.

Риз с такой яростью замотал головой, что Сара в страхе отшатнулась.

— Нет, нет, — прошептал он, — неужели ты ничего не понимаешь? Я не должен отвлекаться! Я — всего лишь солдат.

И вновь замолчал, на сей раз не от недостатка слов, а от избытка чувств.

— Кайл, я...

— Мой долг! — прервал он ее. Осознав бессмысленность своих слов, Риз схватил Сару за плечо. — Сара! Неужели ты не понимаешь? Для меня это все в прошлом. Я прибыл сюда из пустыни, усеянной костями людей, таких вот, как эти! — Он показал на отдыхающих, сидевших возле складных столиков.

Сара огляделась по сторонам, стараясь увидеть мир его глазами. Дети, собака, поле... Все так привычно! Она обращала на все это внимание не больше, чем рыба на окружавшую ее воду. Но Ризу эта картина представлялась, вероятно, каким-то сказочным сном, затерянным раем, который в его время существует лишь в виде полузабытых воспоминаний. Только вообразив себе его мир, она начала понимать, что за боль и растерянность он должен испытывать, очутившись здесь.

Риз замолчал, увидев, что дети смотрят на него со смешанным чувством любопытства и страха. Их родители тоже стали оборачиваться на Сару и Риза. Он привлек их внимание, а это ставит под угрозу успех его задания. Если он потеряет самоконтроль, Сара может погибнуть. Он взял себя в руки, подавляя вспыхнувшие в нем чувства, и схватил девушку за руку.

— Пора идти, — сказал он и повел ее к шоссе.

Отель «Панама». 11.52 дня

Терминатор сидел на кровати, обдумывая свои дальнейшие действия. На его спину упал луч жаркого солнца. Пока электронный мозг обсуждал сам с собой стратегию и тактику поведения, автоматические теплопоглотители рассеяли избыточную энергию.

Вероятность того, что Сара Коннор может быть обнаружена по адресу ее матери оказалась достаточно высока, и киборг решил перейти к активным действиям.

Он методично собрал все необходимое оружие. Его осталось не так уж и много. Если эта вылазка закончится неудачей, придется найти себе новое помещение.

На побережье. 13.23 дня

Поблагодарив толстяка-водителя, Сара и Риз вылезли из мусоровоза. Машина с грохотом умчалась, и Сара повела Риза через дорогу к мотелю «Тикки». Мотель выглядел так, будто его склеили из картона. С плоской крыши свисали разбитые неоновые трубки, а само строение перекосилось на одну сторону. Но там были кровати. И душ. Пока они шли к мотелю, Риз глядел на одетых в форму морских пехотинцев, группами шагавших по улице. Риз с завистью поглядывал на форму, которую носили его предки, и был поражен добродушным выражением лиц молодых людей. «Их солдаты были похожи на гражданских, — подумал он, — и могли прогуливаться в открытую при свете дня». Это казалось ему невероятным.

— Идем, Кайл, — окликнула его Сара.

Из соображения безопасности конторка мотеля была огорожена досками и напоминала кассу кинотеатра. Тихоокеанское побережье славилось своими живописными видами, жарким солнцем, а также высоким уровнем преступности. Перепачканные грязью, Сара и Риз приблизились к окошечку. Риз полез в карман и извлек оттуда перетянутую резинкой пачку засаленных купюр.

— Этого хватит? — спросил он.

— Еще бы! — воскликнула Сара. — Только я и знать не хочу, где ты их достал.

Она взяла из пачки сумму, достаточную для оплаты ночлега и, обернувшись к окошку, сказала:

— Нам нужна комната.

— С кухней, — добавил Риз.

Пока Сара объяснялась с хмурым управляющим, Риз обратил внимание на огромную немецкую овчарку, сидящую на цепи. Пес только что кончил лакать воду из своей миски. Риз заглянул ему в глаза. Пес был стар, но Риз уловил в его ясных коричневых глазах искру бойцовской отваги. Он медленно приблизился к собаке, протянул руку. Поколебавшись, пес встал и, подойдя к Ризу, ласково лизнул Ризу руку. Старая привычка сработала, и Риз расслабился, ощущая себя в большей безопасности в присутствии собаки.

Через некоторое время они с Сарой вошли в отведенную им скромную комнату. В ней были шкаф и кровать. За перегородкой помещалась крохотная кухня. Номер оказался с ванной. Заглянув в дверь, Сара увидела покрытые ржавой грязью кафельные плитки и душ. Конечно, это не «Уолдорф-Астория».

И, тем не менее, райское местечко.

Риз с привычной тщательностью осмотрел помещение. С его точки зрения комфорт был гораздо менее важен, чем толщина стен и расположение окон, определяющее границы обзора и линию ведения огня. Бетонный блок. Отлично. Задняя дверь, на которой красовались крепкий замок и металлический засов, тоже внушала ему доверие.

Табличка «Этой дверью пользоваться запрещено» ничего не значит для солдата. Во время последнего ремонта маляры залили порог краской, но для Риза открыть дверь не составит никакого труда.

Сара плюхнулась на кровать.

— Я, кажется, умру, если сейчас же не приму душ! — воскликнула она.

Риз посмотрел на нее с таким выражением, что стало ясно: для него этой проблемы просто не существует.

— Мне пора идти. Надо кое-что купить.

— Кайл, подожди... — Сара уселась на кровати. Ей не хотелось оставаться одной ни на минуту. — Тебе нужно сделать перевязку.

— Сделаем, когда я вернусь.

Глянув на нее, он понял причину ее беспокойства. Подошел и бросил на кровать пистолет 38-го калибра.

— Я скоро вернусь.

Он повернулся кругом и направился к двери. Чем быстрее он приступит к делу, тем быстрее вернется.

Сара проводила его взглядом и села, прислушиваясь к приглушенному урчанию проезжающих мимо машин. Сквозь опущенные жалюзи в комнату проникали полоски света. Она смотрела на пистолет. Он выглядел грозно и внушительно, хотя Сара знала, что пистолет не остановит киборга. Быть может, Риз оставил ей оружие для того, чтобы она могла убить себя, если во время его отсутствия киборг все же разыщет ее. Впрочем, нет. Риз этого не хочет. Само его существование подчинено одной-единственной цели — обеспечить выживание Сары. Тогда зачем он оставил ей пистолет? Оружие отнюдь не прибавило ей уверенности. Девушка осторожно потрогала пистолет и подняла его с кровати. Ощутив острый, грозный запах металла, покрытого смазкой, Сара почувствовала себя совсем маленькой и слабой.

Однако пистолет удобно лежал на ладони. Конечно же, оружие специально подгоняют под человеческую руку. Нет, тут дело не только в этом, подумала Сара. Ну да, Кайл хотел...

Чтобы Сара привыкла к оружию. Девушку охватила слабость. Ей открылась истина, выходящая за пределы нормального мышления. Быть может, ей придется пользоваться такими вот пистолетами до конца своей жизни!

Риз заметно ослабел. Резервы его организма были практически исчерпаны, но ему было необходимо еще какое-то время продержаться в состоянии полной боевой готовности. Он шел к супермаркету через автостоянку, запруженную людьми и новенькими сверкающими машинами. При взгляде на роскошную отделку их салонов и сложные щитки управления, он почувствовал зависть, но...

«Задание, солдат. Твое задание. Удержать равновесие. Укрепить оборону. Построить такую стену, чтобы ее не смог пробить даже восьмисотка».

Едва переступая сбитыми в кровь ногами, Риз вошел в супермаркет. Оглядывая этот гигантский склад продовольствия, устало покачал головой. «Да, — подумал он. — Еще одна проблема».

Приняв душ, Сара смыла с себя не только грязь и кровь, но и напряжение, в котором пребывала в течение последних десяти часов. Она ожесточенно намылила тело бруском простого белого мыла и окатила его потоком горячей воды. Затем завернулась в полотенце и уселась на кровать. С вымытых волос на спину стекали капельки влаги. Сара почувствовала себя почти чистой. Почти.

Она вытянулась на кровати. Замерла в неподвижности, чтобы хоть на мгновение избавиться от тяжести собственного тела, и немедленно провалилась во мрак глубокого сна.

Она оказалась в ловушке. Терминатор протиснул свое мощное тело в дверь, оскалив зубы в кровожадной, почти сладострастной в своем нетерпении, ухмылке, и навел на девушку оружие. Сара увидела, как маленькое оранжевое пятнышко лазерного прицела пробежало по ее телу и замерло на правой груди. В тот момент, когда она хотела спрыгнуть с кровати, раздался взрыв, от которого содрогнулась земля, и в сторону Сары полетела свинцовая пуля, рассекающая воздух подобно хирургическому ножу. Пуля вонзилась в ее тело, и Сара почувствовала тупой хруст ребер. Ее приподняло и отбросило вверх. Она ощутила, как из раны хлещет горячая кровь, и с удивлением отметила, что ей совсем не больно. Над ней стоял Терминатор и всаживал в ее некогда красивое тело пулю за пулей, которые, словно маленькие тараны, с хлюпаньем пробивали в ее плоти отверстия. Сара завизжала, ибо это было не убийство, а глупая и бесмысленная бойня. Она села на кровати, вобрала в себя воздух для нового крика и вдруг поняла, что в комнате тихо. Если она не кричала, то, значит...

Ей все приснилось.

Уже темно, а Риз все еще не вернулся. Покрытые пылью электрические часы, стоявшие на тумбочке у кровати, показывали минуты седьмого. Она вскочила и тут же пожалела об этом. Ее мышцы, которым досталось за последние двенадцать часов, напоминали своей податливостью кусок мороженого мяса. Она слишком мало спала, чтобы они успели отдохнуть.

Пистолет лежал на столике, направленный дулом в стену. Сара глядела на него, как на повестку из Верховного Суда. Казалось, пистолет, говорит ей: «Тебе не нравится, как я выгляжу? Фу, как невежливо! Мы теперь всегда будем вместе. Попробуй, усни без меня!» Сара содрогнулась и схватила трубку телефона. Через несколько секунд она уже разговаривала с мамой.

— Поверь мне, мам, — говорила она, — ты не можешь мне помочь. Лучше оставайся в безопасном месте. Я не могу сказать тебе, где я нахожусь. Это слишком опасно.

Однако мама на сей раз оказалась настойчивей. Она хотела хотя бы знать номер, по которому можно было бы позвонить, если придется уйти из дома — ведь в таком случае Сара не сможет с ней связаться. Что ж, в этом она права.

— Мама, я дам тебе номер, но ты должна обещать, что не сообщишь его

ни полиции, ни кому бы то ни было другому. Слышишь? Мы пробудем здесь недолго. Хорошо, хорошо. Записывай.

Сара продиктовала номер мотеля, написанный на телефонном аппарате, и сказала маме, что любит ее. После короткого молчания услышала ответное признание в любви, которого не ожидала. Повесив трубку, Сара посмотрела на аппарат. От всей этой истории мамино сердце, должно быть, разрывается на куски.

Ей нужна защита. Эта мысль промелькнула в голове Сары, словно камешек, брошенный в озеро. Упал и утонул. Сара не придала особого значения тому, что мамин голос звучит как-то странно...

Большой Медведь. 6.04 вечера

Дом был маленький, почти как пляжная кабина — всего три комнаты. На верхнем этаже спальня, откуда вниз вела лестница. Кухня отделена от гостиной тонкой перегородкой.

Выбитая дверь болталась на одной петле. На полу, под опрокинутым креслом, лежало тело Сариной мамы. За последние десять минут температура в доме опустилась почти до 34 градусов по Фаренгейту. На голове миссис Коннор запеклась кровь. Невидящие глаза бессмысленно таращились на убившее ее существо. Оно сидело в кресле у стола и держало возле уха телефонную трубку.

— Я люблю тебя, мам, — произнес голос в трубке.

Терминатор задержался с ответом на одно мгновение, обдумывая все возможные варианты. Из нескольких ответов киборг выбрал тот, который содержал в себе наименьший фактор риска.

— Я тоже тебя люблю, — произнес Терминатор и повесил трубку.

Без всякого выражения набрал другой номер. На свою недавнюю жертву он даже не посмотрел. Со спокойствием мертвеца дождался, пока на другом конце провода не подняли трубку.

— Мотель «Тикки», — ответили ему.

И Терминатор заговорил своим обычным голосом — четким, бесстрастным, лишенным человеческих эмоций:

— Дайте мне ваш адрес, — вежливо попросил он.

Мотель «Тикки». 8.12 вечера

К двери кто-то подошел, и сердце Сары замерло. Постучал. Еще раз. Сара облегченно вздохнула и отперла замок.

Ей хотелось обнять и поцеловать Риза, но прежде, чем она успела это сделать, он прошел мимо нее на кухню.

Чувствуя, как спадает напряжение, сковывающее ее тело, Сара заперла дверь и взглянула на Риза. Ей хотелось сказать, что она рада его возвращению. Очень рада. Он бросил на кухонную стойку два пакета и вскрыл их, небрежно разорвав. На грязный кафель выкатилось несколько банок. Сара разглядывала их, с удивлением читая надписи на этикетках.

— А что у нас здесь? Кукурузная патока, нашатырный спирт, нафталин... А что у нас на ужин?

Риз не поддержал ее шутки. Он распаковал второй мешок, набитый патронами 38-го калибра, осветительными ракетами, изолентой. Еще там были ножницы, маленькое сито и спички.

— Пластик, — смущенно проговорил он.

— Пластик? Какой пластик?

— На нитроглицериновой основе. Но более прочный. Я научился делать его еще ребенком.

Сара посмотрела на вонючие банки и вздохнула.

Сан-Бернардино. 8.12 вечера

Он мчался под гору на мотоцикле «Кавасаки-900-СС». Неумолимая смерть со своей косой.

Всю дорогу гнал так, что, казалось, колеса вот-вот оторвутся от гудрона. Несколько раз, поворачивая, едва не кувыркнулся под откос.

И все это ради того, чтобы прервать такой тонкий биологический процесс, как жизнь человека, молоденькой девушки. Эти нежные теплые влажные машины так легко разрушить, их системы так уязвимы! Удаленный тут или там кусочек ткани, одно недостающее сокращение сердца — и конец! Если бы что-нибудь чувствовал или хотя бы был способен отвлеченно рассуждать, ему, как убийце-профессионалу, уже стало бы стыдно, что до сих пор не остановил этот процесс. Но он, разумеется, не был способен рассуждать. И ничего не чувствовал. А поэтому всего лишь продолжал свою однообразную работу до тех пор, пока она не будет сделана или пока не иссякнет его источник атомной энергии. При его потребности в энергии запаса хватило бы не менее чем на двадцать лет.

Двигатель мотоцикла всю дорогу работал на предельной мощности. Терминатор мчался на юг, обгоняя редкие машины. К счастью, для дорожной полиции ни один из офицеров не заметил киборга, гнавшего со скоростью 98 миль в час.

Он мчался по улицам притихших городов, спеша туда, где сейчас находилась его последняя жертва. Он был создан специально для того, чтобы убить ее.

Мотель «Тикки». 8.42 вечера

На первый взгляд, если не обращать внимания на детали, Кайл и Сара вполне могли сойти за обычную чету, дружно готовящую ужин. Этакая трогательная идиллия. На самом же деле они занимались изготовлением трубчатых бомб по старинному партизанскому рецепту.

Они бок о бок сидели на кухне за фанерным столиком, заваленным инструментами и контейнерами.

Риз держал в руке один из восьми имевшихся в наличии отрезков десятидюймовой водопроводной трубы и пластиковой ложкой заталкивал внутрь последнюю порцию взрывчатой массы, которую они только что приготовили.

— Оставь немного свободного места... Вот так. Следи, чтобы на резьбе не прилипло ни кусочка.

Сара смотрела, как он осторожно счищал остатки и надевал на резьбу заглушку.

— А теперь завинчивай. Очень осторожно.

Он помог ей начать, а затем, убедившись, что она вполне способна завершить работу, принялся за заднюю дверь.

Через некоторое время, приведя дверь в порядок, Риз вернулся в кухню помочь Саре делать взрыватели.

На стенах мягко колыхались тени, отбрасываемые тонкой занавеской. Сара лежала в темной комнате и глядела на них, надеясь, что это поможет ей уснуть. Однако сон не шел, и девушка перевела взгляд на потолок.

У окна неподвижно сидел Риз — он наблюдал за улицей в щель между стеной и занавеской. С него вполне можно было бы изваять статую «Страж».

В холодном свете уличных огней обнаженное до пояса тело Риза казалось тощим и каким-то негнущимся. Его покрывали вздувшиеся шрамы — знаки боевой доблести.

Сара перевела взгляд на стол. На нем были аккуратно разложены готовые бомбы. Рядом стояла сумка с фонарем, пакетами с едой и другими мелочами, необходимыми в дороге. По ту сторону стола в кресле сидел Риз.

Сара встала с кровати и, обогнув стол, подошла к Кайлу. Он быстро посмотрел на девушку, усевшуюся рядом с ним на ручку кресла, и отвернулся, внимательно глядя в окно. На его коленях лежал пистолет 38-го калибра.

По настоятельному требованию Сары Риз принял ванну. Сбрил щетину, обнажив гладкую розовую кожу. Чисто промытые волосы влажно блестели. Риз одел новые заранее купленные джинсы и теннисные туфли. Его обнаженную спину рассекал рваный шрам, искривлявший гладкие, упругие мышцы. Глядя на это свидетельство перенесенных им страданий, Сара почувствовала неумолимость подстерегающей ее смерти. Разве под силу живому организму сражаться с машиной?

— Ты думаешь, он найдет нас? — спросила она.

— Может быть,— ответил Риз.

— Смотри-ка, я вся дрожу. Живая легенда, а? Наверно, я тебя здорово разочаровала.

Риз взглянул на Сару. Ее лицо было без косметики, волосы всклокочены, нижняя губа дрожала.

— Нет, я не разочарован,— произнес он самым безразличным голосом, на какой был способен.

Сара посмотрела ему в глаза и потупилась. Она понимала, что наверняка проигрывает тому образу Сары Коннор, который Риз принес с собой из своего мира. Она была уверена, что самая заурядная женщина в его время приспособлена к выживанию гораздо лучше нее.

— Кайл! А какие у вас женщины?

Риз пожал плечами.

— Хорошие бойцы.

— Кайл...— начала она и запнулась, глядя в его юное и красивое, несмотря на уродливый шрам, лицо. Он прибыл сюда защитить ее жизнь. Но Сара каким-то образом чувствовала, что сама нужна Ризу. То, о чем она хотела его спросить, не имело отношения ни к его заданию, ни к ее страху, ни ко всей этой кошмарной истории.— Скажи, был ли в твоем времени кто-нибудь?..

— Кто-нибудь?..— озадаченно спросил Риз.

— Какая-нибудь девушка. Особая и единственная. Ну, ты понимаешь...

— Нет,— сразу же ответил он, вспоминая всех женщин, которых знал. И подумал, что они уже все погибли, во всяком случае, те, кого он знал по именам.

— Никогда не было,— добавил он.

Удивленная Сара некоторое время молчала.

— Ты хочешь сказать, что ты никогда...

Риз отвернулся к окну. Его пальцы невольно сжали рукоять пистолета.

— Не было времени. Я воевал. Когда девушки подрастали достаточно, чтобы... то тоже сразу уходили в бой. Они были солдатами и больше ничего.

Оказывается, его жизнь прошла в мрачном, бесконечном одиночестве, подумала Сара.

— Мне так жаль,— произнесла она, невольно прикасаясь к вздувшемуся плохо зажившему рубцу над его лопаткой.— Тебе, наверное, очень больно.

По ее лицу текли, капая на грудь, горячие слезы сострадания. Риз сидел неподвижно, стараясь не обращать внимания на ее пальцы, ласкающие старую рану.

— Болью можно управлять,— сказал он ровным голосом.— Боль — чепуха. Если она начинает мешать, можно отключить все чувства.

— Но тогда ты ничего не...

Риз вспомнил слова Джона Коннора. В его мозгу вновь и вновь прокручивались данные ему инструкции. Риз пытался обуздать клокочущие эмоции. Пытался взять себя в руки, но чувства неудержимо рвались наружу, а прикосновения Сары были так нежны и доставляли столько удовольствия.

Девушка ощутила пальцами дрожь его тела и услыхала его прерывистое дыхание. Риз заговорил убаюкивающе вкрадчиво, словно священник на исповеди:

— Джон Коннор показывал мне твою фотографию. Я так и не понял — зачем. Карточка была старая и порванная. Ты выглядела на ней совсем юной, вот как сейчас. У тебя был отсутствующий взгляд, ты слегка и очень печально улыбалась. Мне всегда хотелось узнать, о чем ты думала тогда. Я запомнил каждую черточку твоего лица.

Он замолчал. Он не имел права говорить это, но оно вырвалось помимо его воли. Переполнявшим его чувствам было тесно внутри, и они рвались наружу. Губы сами произнесли окрепшим уверенным голосом:

— Сара, я прошел сквозь время ради тебя. Я люблю тебя. И любил всегда.

«Ну что ж. Все слова сказаны. Теперь можно укрыться в своей раковине»,— подумал он.

Глядя в сияющие глаза Сары, Риз понял, что не в силах этого сделать. Глаза девушки заблестели от волнения, и Риз больше не отвечал за себя — он начисто забыл о своей подготовке, о задании и уж, конечно, не догадывался о том, что чувствует к нему Сара. Он знал одно: он любит Сару, и никто и ничто не сможет ее убить. Ни человек, ни машина не причинят ей никакого вреда. Скорее он даст разрезать себя пополам. Ради ее спасения он готов разнести на части мир. Готов расстаться с жизнью, только бы жила она. Не ради человечества, а ради самой себя.

Сара прочла все это в его глазах. Они убедили ее больше, чем его слова.

Сара была поражена своим открытием: оказывается, она могла произвести столь глубокое и мучительное впечатление на другого человека. От взгляда Риза ее бросило в жар, но ей не хотелось отводить от него глаза. Пускай он всегда смотрит на нее вот так. Время замедлило свой ход, и в темной комнате повисла звенящая тишина.

Сара дотронулась до лица Кайла. Какая мягкая кожа у него на скулах...

Внезапно Риз очнулся, возвращаясь к холодной суровой реальности. Если он действительно любит Сару, то нужно во что бы то ни стало взять себя в руки. Он отстранился от девушки и вскочил на ноги.

— Я не должен был говорить этого,— прошептал он сквозь стиснутые зубы и, подойдя к столу, начал аккуратно складывать бомбы в нейлоновую сумку. Сара ощутила мгновенную слабость и растерянность. Он двигался как машина, как киборг. Он словно воздвигнул между ними какую-то механическую преграду.

Этого она не смогла выдержать и, бросившись к нему, обняла его, покрывая поцелуями его шею, щеки, губы. Ее ласки были так жарки, что лед его тела начал плавиться. Риз понял, что назад пути нет. Издал тихий стон, ощущая, как исчезает прежний Риз, новый же становится с каждой секундой сильнее. Он все крепче прижимал Сару к своей груди, жадно впиваясь в ее губы.

Они лежали на полу около стола, но он этого не замечал. Для него существовала только Сара, он так хотел ее.

Она целовала его шрамы. Риз чувствовал, как от прикосновений ее плоти исчезает боль и изменяется сама цель его жизни. Сара забирала его всего без остатка, и он с радостью отдавался ей.

Она словно парила над ним, и Риз тянулся к ней, все теснее прижимая ее к себе, словно пытаясь слиться воедино с ее телом.

Она чувствовала, что он ее страстно хочет и всем телом отзывалась на его желания.

Казалось, минула целая вечность. Они задыхались в объятиях друг друга, захваченные могучей волной любви.

Затем Сара начала приходить в себя и увидела, что Риз растерян и смущен. Она ласково подтолкнула его к кровати.

Когда его дыхание успокоилось, она взяла его руку и провела ею по самым сокровенным местам своего тела, которые казались спящими, ибо никому до сих пор не удавалось их разбудить. Но сейчас все ее тело отозвалось на его ласки и пылало от возбуждения.

... Сара и Риз лежали обнаженные, наслаждаясь той близостью, какой им не довелось ощутить прежде и не суждено испытать в будущем.

Они забыли о размеренной поступи времени. Их тела встретились, нежно пульсируя в самом центре жестокого и беспощадного космоса.

Мотель «Тикки». 11.28 вечера

Открыв глаза, Сара рассматривала движущиеся по стене тени.

Рядом спал Риз. Его грудь вздымалась и опадала, и в этом ритмичном движении ощущалось глубокое удовлетворение. Во сне лицо Кайла было таким юным и кротким, что Сара, вспомнив все случившееся с ними за последнее время, вдруг поняла, каким, в сущности, ребенком он был и как сильно изменило обоих выпавшее на их долю испытание.

До их встречи Сара была обычной официанткой, замкнутой, неуверенной в себе девушкой. Риз, этот юноша-солдат, всю свою жизнь провел на войне. Теперь, когда они обрели друг друга и слились в одно целое, каждый из них стал совершенно другим человеком.

Сару поразило это открытие. У нее замерло сердце. Она повернулась к Ризу и крепко обняла его. Он шевельнулся во сне. В ее объятьях ему ничто не грозило. Они оба были окружены прочной невидимой стеной, сквозь которую не смог бы пройти даже Терминатор.

Сара нежно поцеловала Кайла в лоб, и он застонал во сне. Он спас ее от смерти, а она подарила ему жизнь. Они учились друг у друга. Оба в одинаковой степени нуждались в мудрости, чтобы выжить. Любовь и война. Радость и боль. Жизнь и смерть. И терпение.

Однако они были не одни во вселенной. За окном простирался чуждый им мир. Шум машин на дороге. Приглушенные голоса из соседнего номера. Свист военного реактивного самолета над головой. Собачий лай... Нужно быть стойким, чтобы выжить, когда тебя преследует неумолимая машина, запрограммированная на твое уничтожение. Отныне им предстоит жить, постоянно прячась от киборга, который будет преследовать их до тех пор, пока они не погибнут. Слово «неумолимый» приобретало почти физические очертания. Очертания Терминатора.

Сара понимала, что им следует изменить стратегию. У Риза было задание помешать Терминатору убить Сару и спрятать девушку до начала войны, а затем вывести ее вместе с сыном из укрытия и помочь организовать движение сопротивления, изменив тем самым ход истории. Как им выжить, пока в этом мире действует Терминатор? Риз уже пытался уничтожить его в Тех-Ноа. Полицейские буквально изрешетили киборга пулями. А он все продолжает идти по следу.

Теперь у них есть бомбы. И еще у них на вооружении нечто более сильное, чем обычная житейская хитрость. Вспыхнувшее между ними чувство наверняка подстегнет их волю. Они теперь способны противостоять Терминатору. Подготовить ему достойную встречу и стереть этого ублюдка с лица земли. Способ найдется. Риз придумает что-нибудь.

Она села в кровати и принялась будить Кайла, но его глаза и без того уже были открыты. Он прислушивался к отдаленным звукам.

— Слышишь, как лают собаки? — спросил он голосом, от которого по ее коже пробежали мурашки. Сара повернулась к окну и прислушалась к отдаленному лаю. Лаяли две собаки. Потом к ним присоединилась еще одна. Завыла четвертая собака. Они находились в нескольких кварталах от мотеля, примерно в полумиле от него. К ним присоединились другие собаки, уже совсем близко. Собаки чувствуют что-то такое, чего не видят люди. Посмотрев в глаза, собака безошибочно узнает, кто или что перед ней.

Забеспокоилась немецкая овчарка, сидевшая на цепи у входа. Что-то приближалось к мотелю, и собаки чувствовали это приближение. Сара и Риз схватились за одежду. С этого момента начался неудержимый бег времени.

Терминатор миновал контору и двинулся к цели, не обращая внимание на собаку, которая пыталась сорваться с цепи. Микропроцессорная система переключилась в режим атаки, и Терминатор продвигался вперед со все

возрастающей энергией, обрабатывая с недоступной человеческому мозгу скоростью плотный поток информации об окружающем мире. Притяжение земли. Структура и температура асфальта. Относительное расстояние до предметов. Скорость ветра. Через особые сенсоры мозг Терминатора поглощал океан звуков. Величины и свойства всего того, что попадало в его поле зрения, измерялись и вводились в постоянно обновляемое уравнение движения и массы.

У его жертвы не было ни малейших шансов уйти.

Терминатор остановился у двери и поднял свой АР-180. Удар ногой — и дверь рухнула, расколовшись на три больших куска с неровными краями.

Киборг ворвался в комнату и открыл прицельный автоматический огонь. Пули разнесли в щепы пустой стол, прошили легкое кресло, выбивая из него клочки ваты. Затем Терминатор нацелил огонь на кровать. Он расстреливал ее до тех пор, пока от нее остались лишь дымящийся остов и металлическая рама.

Он перезарядил оружие и осмотрелся.

Произошел сбой. Терминатор отчетливо различал своим цифровым зрением каждую деталь обстановки. Цели здесь не было. Номер комнаты проверен дважды. Решение? Изменить направление. Результат отрицательный. Значит, продолжить поиск.

Киборг быстро осмотрел комнату. Увидел открытую заднюю дверь и одновременно услышал звук убегающих шагов.

Херб Россмор затормозил свой «бронко» и окинул слипающимися от усталости глазами огни мотеля «Тикки». Ему надо отдохнуть, иначе он заснет прямо за рулем и врежется в ограждение. Он по ошибке пропустил поворот на стоянку и въехал на площадку за мотелем, куда выходили задние двери номеров. Выругался шепотом и, включив заднюю скорость, уже был готов отпустить сцепление. Однако то, что он увидел, заставило его заглушить двигатель.

Дверь одного из номеров открылась, оттуда выскользнули двое и бесшумно, но быстро двинулись вдоль стены. Оба были босые. Парень на ходу натягивал на голое тело длинное пальто. На девице был надет вывернутый наизнанку жакет, а в руке она держала тяжелую на вид нейлоновую сумку.

Парень поднял глаза, увидел Херба и, шлепая босыми ногами, бросился бежать по площадке по направлению к «бронко». Херб сразу сообразил, что произойдет в следующий момент, и мгновенно отреагировал — захлопнул дверцу и схватился за ручку подъемника ветрового стекла, сделав безнадежную попытку обезопасить себя от этого психа. Однако Риз вскочил на подножку и, просунув руку в щель между стеклом и дверцей, сдавил горло Херба стальной хваткой. Тот сделал безуспешную попытку разжать его пальцы, но, увидев в другой руке Риза пистолет, сдался и отпер дверь.

С противоположной стороны здания раздался громкий треск, и вслед за ним прогрохотали выстрелы.

— Сара! — закричал Риз, выволакивая Херба на асфальт. Сара, с искаженным от страха лицом, уже садилась в машину с противоположной стороны, и в тот момент, когда на улицу выскочил Терминатор, Риз поворачивал ключ зажигания. Херб едва успел отпрянуть в сторону, когда сидящий в его

машине сумасшедший нажал на педаль газа, заставив двигатель взреветь, и отпустил сцепление.

Херб услышал скрежет металла. Его «бронко» врезался в какой-то предмет и раздавил его о стены мотеля.

Это был человек.

Херб сжался от страха, а его грузовик взвизгнул дымящимися шинами и, пятясь задом, выехал с площадки. Развернувшись, взревел и скрылся в темноте.

«Ну и дела»,— подумал Херб. Однако самое ужасное ждало его сейчас.

Здоровенный парень, которого раздавило грузовиком и который должен был стать трупом, вдруг быстро поднял оружие, определил направление, в котором скрылся грузовик, и вошел в здание через заднюю дверь.

Спустя мгновение Херб услышал взревевший на высоких оборотах двигатель мотоцикла и еще через пару секунд увидел, как тот развернулся на тротуаре и рванул вслед за украденным грузовиком.

Херб стоял на едва держащих его ногах. Среди хаоса мыслей, вихрем проносившихся в его голове, лишь одна звучала здраво и разумно: он никогда не получит назад своего «бронко». И он не ошибался.

Они были на волосок от гибели.

За окном мелькали светящиеся точки уличных фонарей. Вцепившись в приборную доску грузовика, Сара пыталась унять сердцебиение и выматывающее душу ощущение, что все это уже с ней когда-то происходило.

Они едва не погибли, лежа в объятиях друг друга. Их пыталась уничтожить машина, имея на это инструкции, данные другой машиной. И выполняла задание слепо и тупо. Сара знала, что киборг продолжает их преследовать. Глядя в зеркало дальнего обзора, она видела неумолимо приближающийся одинокий огонек, он увеличивался в размерах, словно опухоль, растущая в кабине грузовика. Сара смотрела на него с ненавистью.

Риз ритмично вдыхал и выдыхал воздух, стремясь обрести полный контроль над своим телом. Он резко повернул рулевое колесо, и Сару отбросило к двери. Грузовик скользнул по асфальту и, встав на дыбы, описал крутую дугу. Риз нажал на педаль акселератора, и Сару вдавило в спинку сиденья.

На сей раз погоня происходила по-иному. Сара следила за действиями Риза со смешанным чувством гордости и страха. Риз мгновенно выровнял грузовик и направил его по средней полосе.

В это время суток движение на дорогах побережья было не очень интенсивным.

На шоссе, ведущем на юг, к Сан-Диего, изредка встречались грохочущие трейлеры и, еще реже, легковые автомобили. Риз так ловко обгонял их, словно они стояли на месте.

Впрочем, их преследователь проделывал это столь же умело. Терминатор сокращал дистанцию, приближаясь размеренно и неумолимо, словно часовой механизм.

Сара посмотрела назад и содрогнулась. Терминатор был совсем рядом. Его смутно вырисовывающийся силуэт маячил гораздо ближе, чем могло показаться в искажающем перспективу зеркале. Пригнувшись к рулю и повернув до

отказа ручку газа, киборг доставал карабин. Не обращая внимания на сопротивление воздушного потока, поднял одной рукой оружие. Каменно-неподвижный ствол был нацелен прямо на Сару.

— Пригнись! — крикнул Риз. Но Сара уже и так нырнула вниз. Секунду спустя заднее стекло «бронко» разлетелось под ударами пуль. Одна из них рикошетом отлетела внутрь кабины и врезалась в щиток прямо над головой девушки.

Риз вильнул в сторону, пытаясь укрыться за идущим параллельно грузовиком.

Терминатор с трудом избежал столкновения, проскочив в нескольких миллиметрах от грузовика. Он продолжал все так же неумолимо сокращать расстояние между ними.

Кайл, словно призрак, метался между ползущими по шоссе автомобилями.

Водители едва успевали заметить проносящийся мимо грузовик. Какой-то безумец. Однако следом за ним мчался сумасшедший мотоциклист.

Визжали колеса, и перед испуганными водителями маячила его спина. Он удерживал равновесие под углом в тридцать градусов, порой даже касаясь асфальта своим железным коленом.

Риз вильнул вправо, затем влево, едва избежав столкновения с большим междугородным автобусом.

Терминатор вновь выстрелил. Пули угодили в ограждение прямо напротив места, где только что находился «бронко». Промах! Грузовик обогнал два идущих параллельно трейлера и проскочил между заграждениями дорожных рабочих, ремонтировавших в эту ночь шоссе.

Терминатор понял, что ему придется вернуться назад и продолжить преследование по другой полосе. Ему не хотелось менять темп погони, и он поступил иначе. Свернув в сторону, съехал по пандусу вниз, не замедляя движения, проскочил на красный свет перекресток и вновь поднялся на шоссе. Два автомобиля, пытавшиеся избежать столкновения с полоумным мотоциклистом, врезались друг в друга за его спиной.

Риз заметил мотоцикл киборга, с ревом выскочивший на шоссе.— Фара «Кавасаки» поворачивалась из стороны в сторону, словно глаз циклопа, и яркое пятно света описывало сложные кривые, нащупывая «бронко».

— Поменяемся местами! — прокричал Риз сквозь шум двигателя, и, пока он удерживал ногой педаль газа, Сара перебралась на место водителя, схватилась за руль и поставила ноги на педали.

— Жми на всю железку! — крикнул Риз.

— Не беспокойся,— ответила она. В ее голосе прозвучала несвойственная ей до сих пор уверенность.

Они посмотрели друг другу в глаза. И время на мгновение остановилось.

Однако, уже в следующую секунду «бронко» задел одатсун-240п, сорвав с него зеркало заднего обзора, и время рассыпалось на отдельные камешки мозаики.

Сара напрягла руки и крутанула руль, возвращая «бронко» на место. Риз полез в нейлоновую сумку за оружием. Теперь их жизни зависели только друг от друга.

Терминатор проскочил в промежуток между машинами и дал короткую прицельную очередь. Пули угодили в задний борт. Одна из них вырвала кусок

резины из задней левой шины, но стальной диск выдержал. Во все стороны посыпались искры.

Терминатор дал полный газ.

Риз достал первую бомбу и поднес к фитилю пламя зажигалки.

Сара направила грузовик к разделительной полосе и с застывшим от напряжения лицом, вырулила в нескольких дюймах от ограждения, с трудом удержав руль «бронко».

Впервые она держала в своих же руках собственную судьбу, причем на скорости 98 миль в час.

Риз поджег фитиль и высунулся из окна. Он следил за дымящим, разбрасывающим по ветру искры запалом, и когда огонь, наконец, добрался до заглушки, швырнул бомбу на дорогу. Бомба взорвалась прямо под колесами мотоцикла Терминатора.

Асфальт содрогнулся. Взметнулся столб дыма и пламени. Все, казалось, замерло. Однако, уже в следующую секунду волосы Риза обдало взрывной волной, а из облака дыма выскочил ревущий мотоцикл невредимого Терминатора. Бомба взорвалась слишком рано.

Риз достал вторую.

Раздалась очередь из АР-180, и в «бронко» впилась очередная серия пуль.

Сара бросала грузовик налево и направо, при каждом резком движении к ее горлу подступала тошнота.

Риз высунулся из окна и, дождавшись, пока от фитиля остался кусочек длиной в полдюйма, швырнул вторую бомбу.

Цилиндр со звоном упал на асфальт и прокатился мимо киборга, словно сбитая кегля. Второй взрыв взметнулся за спиной Терминатора, лишь испугав водителей идущих следом машин. Черный окорвети свернул в сторону, встав поперек полосы, и в него тут же врезался вихляющий, словно рыба хвостом, грузовик с прицепом, разнося фиберглассовый кузов окорветап на куски.

На шоссе оставалось все меньше машин. Это было очень плохо — меньше возможностей укрыться.

Терминатор перекинул свой АР-180 через плечо, доставая освободившейся рукой последний магазин. Одним резким движением вставил его в карабин и вновь изготовил оружие для стрельбы.

Тем временем Риз нащупал в сумке следующую бомбу. «Бронко» обогнал автоцистерну, окрашенную в желтый и молочный цвета и, набирая скорость, въехал в длинный тоннель, освещенный лампами дневного света. Риз швырнул бомбу. Она запрыгала по асфальту, быстро замедляя свое движение. В замкнутом пространстве тоннеля раздался взрыв. За бортом грузовика поднялась стена дыма. Риз и Сара услыхали, как взвизгнули шины и взревела, точно испуганный динозавр, сирена автоцистерны. Затем, образовав в дыму коридор, показался мотоцикл. Терминатор продолжал стрелять. Боковое зеркало разлетелось на куски. Пули со зловещим завыванием вспарывали борта «бронко». Две из них попали в Риза. Ощутив болезненные удары в спину и грудь, он удивленно вскрикнул. Из его пальцев выпала бомба с незажженным фитилем и, по иронии судьбы, угодила прямо в ногу Терминатора, вырвав из его икры кусок плоти. Риз оперся на дверцу, наполовину вывалившись из окна.

— Кайл! О, господи!..— Сара рванулась к Ризу, пытаясь втянуть его тело

в кабину. «Бронко» вильнул к противоположной стене тоннеля. Нога Сары инстинктивно нащупала педаль тормоза. Однако, вместо того чтобы остановить машину, Сара вцепилась в руль и развернула ее. Грузовик мчался, обдирая о стену краску и рассыпая вокруг снопы искр. Почувствовав прилив отваги, Сара вновь вдавила в пол педаль акселератора. Двигатель всосал порцию горючего, и девушка ощутила, как ее бросило к спинке кресла. «Бронко» рванулся вперед и мгновенно набрал 90 миль в час. Но было уже поздно.

Терминатор не мешкал. Он сократил дистанцию и ехал в 15 метрах сзади. Прицелившись Саре в шею, он спустил курок.

Если бы в магазине АР-180 не кончились патроны, то пули снесли бы девушке голову.

Терминатор немедленно отбросил карабин в сторону. Карабин еще не успел упасть на дорогу, а он уже вытащил из-под куртки никелированный пистолет 38-го калибра. Прицелился в затылок Сары и выстрелил.

Но именно в этот момент девушка крутанула руль влево. Пуля разбила зеркало, расположенное со стороны водительского кресла, осыпав Сару осколками. Она вздрогнула и выпустила руль. «Бронко» заметался из стороны в сторону. Однако Сара взяла себя в руки и успела выровнять грузовик. Но Терминатор был уже совсем рядом и целился в нее из пистолета. Его поврежденный глаз сверкал из-под линзы темных очков красным светом. Киборг вновь выстрелил. Пуля угодила в кабину и, просвистев над самым ухом Сары, разбила лобовое стекло.

Терминатор был ее врагом. Он ранил ее любимого и хотел уничтожить ее саму. Внезапно вспыхнувшая злость вытеснила гнездившийся в душе Сары страх. Лицо Сары исказила кровожадная гримаса. Она отпустила педаль газа, нажала на тормоз и резко повернула рулевое колесо.

«Бронко» прижал «Кавасаки» к ограждению. Мотоцикл накренился и, спустя мгновение, с грохотом завалился на асфальт, подпрыгнул, перевернулся и заскользил по шоссе. Киборга выбросило из седла.

«Бронко» вместе с мотоциклом вылетели из тоннеля на скорости 80 миль в час. Вслед за ними, гораздо медленнее, раскинув руки, катился Терминатор. Сара оглянулась на него и не справилась с управлением. Грузовик съехал к ограждению и опрокинулся.

Окружающий мир стал на дыбы, замелькав вокруг кабины. Сару и Риза прижало друг к другу и швырнуло на потолок кабины. Сара вновь ощутила страх, но грохот, с которым «бронко» обрушился на асфальт, перевернувшись вверх колесами, заглушил ее испуганный крик.

Терминатор врезался в столб и перелетел через разделительное ограждение. Он вылетел на полосу встречного движения и, прокатившись еще немного, остановился. Куртка киборга дымилась. Куски кожи висели лохмотьями, словно по нему прошлись теркой для сыра. Он шевельнулся и сел.

Раздался рев автомобильного гудка. Терминатор обернулся. В него тут же врезался тягач, шедший на скорости 70 миль в час. Заскрипели пневматические тормоза, и Терминатор взлетел вверх. Колеса тягача окутались дымом, а киборг упал и, стукнувшись о картер заднего моста, распластался на асфальте. Сидящего рядом сменщика швырнуло вперед, и он проснулся.

— Сукин сын! — едва ли не в один голос вскричали оба мужчины.

Цистерны автопоезда мотало из стороны в сторону, словно сошедший с рельсов поезд.

«О, черт! Плакал мой бензин!» — подумал водитель.

Мужчины слышали, как тело сбитого ими человека шлепнулось где-то поблизости.

Взвизгнули идущие юзом колеса. Автопоезд остановился.

Мужчины перевели дух, боясь поверить в то, что удалось остановить взбесившийся автомобиль. Их лица побледнели. Шутка ли — 6000 галлонов горючего!

— Оставайся в кабине,— велел водитель и, открыв дверцу, выпрыгнул на шоссе. Его напарник глядел прямо перед собой, вцепившись в приборный щиток.

Водителю вовсе не хотелось сомотреть на сбитого им человека.

«Но кто его знает — может быть, парень еще жив? Боже, какой кошмар!» — подумал водитель, представив себе истекающего кровью, бьющегося в конвульсиях несчастного с оторванными руками и ногами.

Дойдя до второй цистерны, шофер замедлил шаг. На дороге расплывалось кровавое пятно. А это что: лоскут одежды или клок мяса? Шофер миновал задний борт цистерны и угодил прямо в руки киборга.

После столкновения Терминатор перепрыгнул через кабину и ухватился рукой за низко подвешенную выхлопную трубу. Несколько мгновений его тащило вслед за тягачом, затем он разжал пальцы. Прыжок был тщательно рассчитан, его угол был вычислен очень точно. Ударившись о задний мост, Терминатор схватился за картер ведущего вала и, перебирая руками, пополз к дискам сцепления, расположенным позади кабины. Однако в этот момент тягач затормозил. Сила инерции внесла поправку в расчет следующего движения, и Терминатора оторвало от картера и отшвырнуло назад. Он ударился о днище первой цистерны и, прокатившись по асфальту, затормозил у задних колес автопоезда.

Он сразу же вышолз из-под цистерны и внимательно осмотрел автомобиль. Перебрав всевозможные варианты, решил воспользоваться машиной для продолжения погони.

Терминатор рванулся вперед, и в этот момент на его внутреннем дисплее высветились сообщения о повреждениях. Разбитые детали гидравлической системы уже заменялись резервными, но с поврежденной осью в левой лодыжке ничего нельзя было сделать. Сломалось кольцо подшипника. Если потребуется, киборг займется им позже. Из-за этой поломки он начал прихрамывать и уже не смог бы бежать со скоростью 22 мили в час. Но двигаться он еще мог. Обходя цистерну, киборг встретился с водителем и немедленно прикончил его. Вырвав своими мощными пальцами человеку горло, Терминатор направился к кабине. Обмякшее тело водителя расплылось на асфальте словно кусок желе.

Напарник водителя трясся от страха, сидя на пассажирском сиденье. Однако все случившееся было лишь прелюдией к ужасу, который бедняга испытал в тот момент, когда открылась шоферская дверца и за руль уселся какой-то кошмарный призрак. Человек в страхе отпрянул от этого чудовища: ободранное об асфальт лицо со свисающими лохмотьями кожи, зияющая

глазница, в глубине которой вспыхивал демонический огонь. Вдоль мускулистого предплечья — кровавая рваная рана.

Чудовище уставилось на приборы и, казалось, задумалось, затем посмотрело прямо в глаза Вэйна и произнесло:

— Вылезай.

Ему не пришлось повторять дважды. Вэйн сильным ударом распахнул дверцу, прыгнул на асфальт, сломав голень, и, хромая, изо всех сил рванул прочь от этого мертвеца, который только что глядел ему в лицо.

Терминатор осмотрел приборы, расположенные в просторной кабине. Отыскал в своей памяти данные о модели тягача, о переключении передач и характеристиках двигателя.

Когда окровавленные пальцы схватились за рычаг передач, киборг уже знал тягач так, словно тот был продолжением его самого.

Он повернул руль и дал полный газ. Взревев, автомобиль медленно описал широкую дугу.

Сара очнулась от полузабытья и перевела дух. К ней возвращалось зрение, окружающий мир представлялся в виде полос света и периодически сменявших друг друга изображений. Они с Кайлом лежали на потолке кабины перевернутого автомобиля. Сверху Сары лежало обмякшее и неподвижное тело Риза. Она попыталась вылезти из-под него, но их ноги переплелись. В конце концов Саре все же удалось это сделать и она вновь посмотрела на Риза. Его рука и грудь были в свежей крови. Лицо стало молочно-белого цвета, а глаза в темных кругах. Бледность юноши слегка тронул синюшный оттенок, и Сара с ужасом осознала, что он, должно быть, не дышит. Она схватила Риза за воротник и встряхнула.

— Риз!

При мысли о том, что он уходит из ее жизни, Сара почувствовала пустоту. Она хотела вытащить его из-за порога смерти, вернуть к жизни его умирающее тело. Она целовала его лицо, плакала, нянчила его, как младенца, ласково упрашивала и, наконец, сделала единственно необходимую вещь: вдохнула в его легкие воздух. Она заметила, что при этом из отверстия в его груди вырываются пузыри кровавой пены. Девушка инстинктивно закрыла отверстие ладонью и продолжала дуть ему в рот. Риз кашлянул и открыл глаза. Подняв окровавленную руку, слабо оттолкнул девушку и попытался встать. Он должен защищать Сару, должен выполнить задание. Все будет в порядке, если только он сможет... Если он сможет...

Он упал и захрипел.

Сара подняла глаза и увидела, как автопоезд сбил Терминатора и остановился, пройдя юзом около семидесяти пяти ярдов. Она заметила, что водитель вылез из кабины и направился в обход цистерн. В круге света появилась зловещая фигура Терминатора. Увидев, как он расправился с водителем, Сара судорожно вздохнула. Киборг спокойно посмотрел в ее сторону и сел за руль. Автопоезд тронулся с места. Описав медленную дугу, двинулся прямо к Саре. Девушка зажмурилась.

Автопоезд сложился втрое, разогнался, въехал на разделительную полосу, снес ограждение и выскочил на сторону встречного движения, где лежал опрокинутый грузовик Сары и Риза. Кошмар разросся до размера автоцистерны.

Он ревел двигателями и заливал кабину «бронко» светом, который с каждой секундой становился все ярче. Сара пришла в себя. Резким ударом распахнула помятую дверцу и постаралась вытащить Риза из кабины, пока ее не расплющил автопоезд. Риз был при смерти. Все силы его организма уходили на поддержание жизни. Он ничем не мог помочь Саре.

Она вылезла из кабины. Руки Риза выскользнули из ее пальцев. Сара застонала. Боже, какой он тяжелый!

Ей в глаза ударил свет фар тягача. В реве его двигателей слышалась смертельная угроза. Сара ослепла и оглохла. Она не видела Риза и не слышала своего крика. Выбиваясь из сил, она тащила Кайла.

Его нога за что-то зацепилась. Только этого не хватало! Сара перевернула его, и нога освободилась. Однако тягач был уже так близко, что от рева его двигателей содрогалось ее тело. Оглянувшись, она увидела два нестерпимо ярких солнца, освещавших асфальт за ее спиной. Силы покинули ее. Автоцистерна врезалась в «бронко». Сара повалилась на спину.

Металл врезался в металл, упругая сталь сплющилась и покорежилась. Взрыва не произошло, только лязг. Бампер тягача смял кабину «бронко». «Бронко» взлетел в воздух в тот момент, когда Сара упала на спину. Ноги Риза сами вылетели из кабины грузовика.

Терминатор нажал на педаль тормоза. Топливо в цистернах всей массой надавило на передние стенки, «бронко» описал в воздухе высокую дугу и, плашмя шлепнувшись на асфальт, четыре раза подпрыгнул и замер, перекатившись на бок. Всего несколько секунд — и средство передвижения превратилось в образчик модернистской скульптуры.

Оглянувшись, Сара заметила, что тягач замедляет задний ход и разворачивается. По асфальту ползли пятна света от его фар. Одним движением, отнявшим у нее остатки сил, Сара подняла Риза и поставила его на ноги. Он прошептал ей на ухо:

— Брось меня! Беги!

Сара с силой ударила его по щеке. Она сделала это инстинктивно — ее действия в эти мгновения были чисто рефлекторными. Все было подчинено одной мысли: спастись! Она вновь ударила Риза, и он открыл глаза. Тупо ноющую грудь пронзила острая боль. Тело налила свинцовая тяжесть, и он едва мог пошевелиться. Он с трудом сфокусировал взгляд на лице Сары и увидел в ее глазах отражение света фар и ужас. Он понял, что девушка скорее погибнет, чем бросит его. Риз собрал все силы и сделал шаг. Это была маленькая победа. Слишком маленькая. Один шаг — это всего лишь капля в море.

А им надо бежать.

Сара положила руку Риза на свое плечо, и они устремились вперед.

Тягач с ревом набирал скорость.

Риз представил себе мертвую, истекающую кровью Сару, и это придало ему силы.

Они побежали.

Медленно, неровными скачками. Но уж лучше так, чем идти шагом, и значительно лучше, чем ползти. Мотор тягача уже ревел на четвертой передаче. Тягач разогнался до 48 миль в час.

Сидящий в кабине Терминатор рассчитал время до столкновения — восемь секунд.

Сара потянула Риза к внешней ограде шоссе. Терминатор ввел в расчет поправку и, резко повернув руль, направил тягач по другой кривой. По его вычислениям до удара оставалось девять секунд.

Сара заметила, что вдоль шоссе насыпан земляной вал. Его обращенный к дороге скат был увит плющом. Она приподняла Риза и почти швырнула его в заросли по ту сторону ограждения.

Приближающийся тягач освещал им дорогу, словно насмехаясь и дразня беглецов. Но Сара уже перепрыгнула через ограждение и одним рывком подняла Риза на ноги.

Автопоезд пробил ограду в полутора метрах от Риза и Сары и заскользил по влажному плющу, теряя сцепление с землей.

Прорвав цепь ограды, он с треском продрался сквозь заросли и выехал на проселочную дорогу. Пока Терминатор переключался и разгонял машину, Сара и Риз ушли вперед на пятьдесят ярдов. Тягач выехал вслед за ними на автостоянку и теперь наращивал скорость, раскидывая во все стороны припаркованные на стоянке автомобили.

Риз и Сара, качаясь, двигались к единственному поблизости укрытию — похожему на завод зданию. Пробегая по подъездному пути, они слышали, как неподалеку за их спиной взревел мотор тягача.

Ноги Риза подкосились. Он умирал, но прежде, чем он умрет...

— Беги!— крикнул он Саре.

Она лишь быстро закачала головой, пока не увидела в его руке бомбу. Риз с силой оттолкнул от себя девушку.

Сара поняла его замысел и медленно побежала по середине площадки между автомобилями. Тягач загромыхал следом. Сара увидела как укрывшийся в тени Риз с трудом пополз вперед и успел вложить бомбу в выхлопную трубу проезжавшей мимо машины с цистерной.

Терминатор переключил передачу и протаранил ряд автомобилей в сорока ярдах от Сары, быстро сократив дистанцию между ними. Девушка укрылась за деревьями и пустилась бежать изо всех сил. Тягач рванулся следом, сломав дерево. Даже в реве мотора Сара, казалось, ощущала страх смерти.

Сара побежала быстрее.

Тридцать ярдов.

Еще быстрее.

Двадцать пять ярдов.

Ее мелькающие ноги слились в сплошное пятно. Она задыхалась.

Двадцать ярдов...

Сара добежала до угла здания. И в этот момент ее настигла вспышка света и волна обжигающе горячего воздуха.

Она упала ничком и покатилась по земле. Оглянувшись, увидела самую прекрасную картину разрушения, какую только могла себе представить: над кабиной тягача вырастал огненный шар, окруженный желтыми волнами горящего бензина. Энергия, запасенная в топливе, неудержимо рвалась на свободу, и автоцистерну затопил океан бушующего пламени. Машина взлетела на воздух и мгновенно распалась на части.

В лицо девушки, словно порыв урагана, ударила взрывная волна. Захлебнувшись воздухом, Сара спряталась за угол. До ее ушей донесся металлический звон. Покореженные обломки автоцистерны падали на землю и с грохотом катились по асфальту. Саре захотелось увидеть, как киборг изжарится в этом пекле. Она должна убедиться в том, что ему пришел конец — раз и навсегда!

Она высунулась из-за угла.

Машина утопала в пламени. Огонь вздымался багровыми языками, заслонив звезды облаками клубящегося дыма.

В покореженной кабине металась какая-то тень. Обгоревший с ног до головы Терминатор раскидал обломки и повалился на асфальт. Упав, перекатился на спину, пылая, словно факел. Мог ли он чувствовать боль? Сара прикрыла от нестерпимого жара лицо. Даже на таком расстоянии было ощущение, что смотришь в сталеплавильную печь. Вокруг пылающих обломков пузырился, плавился и горел асфальт. Терминатор продолжал ползти. Судя по всему, боли он не чувствовал. Он с трудом пробирался сквозь груды искореженного металла. Его волосы и одежда уже сгорели, и лишь остатки плоти шипели на раскаленном скелете, точно бекон на сковородке.

Объятое пламенем существо с явной неохотой замедлило движение. Его голова пришла в движение и поворачивалась до тех пор, пока взгляд не нащупал Сару. Киборг продолжал следить за ней даже находясь на грани гибели. Сару вдруг охватила уверенность в том, что она будет жить, что выдержит это испытание. Но она понимала, что это обезображенное огнем лицо будет всю оставшуюся жизнь преследовать ее в ночных кошмарах. Сара долго наблюдала за киборгом, пока того не завалило рухнувшей кучей обломков. В ее душе зародилось неясное чувство победы и тут же погасло, едва она вспомнила о Ризе.

Забыв о догорающем среди обломков Терминаторе, Сара вскочила на ноги. Нетвердым шагом обогнула останки автопоезда, стараясь разглядеть за языками пламени мусорный ящик на противоположной стороне дороги. Но сквозь огонь ничего не было видно. От жары кожа на ее лице натянулась и покрылась потом.

— Риз!

Внезапно она увидела тот самый мусорный контейнер. Ручеек горячего бензина лизнул его своим пламенем, и контейнер задымился. Смог ли Риз вылезти оттуда? Больше всего на свете Саре хотелось узнать, жив он или нет? Она шагнула в огонь, и в этот момент раздался его голос. Он сказал: оСарап.

Риз выскочил из просвета в огне и увлек девушку в сторону. Они обнялись. Одежда Риза дымилась, а на коже запеклась кровь. Он слабо застонал в объятиях Сары. Ее тело все еще пребывало в напряжении борьбы и действовало независимо от воли девушки. Она прижала Кайла к груди, целовала его, шептала ему слова любви.

Они опустились на колени, прижимаясь друг другу на самом пороге бушующего ада, в котором пылали киборг и бензовоз.

— Мы победили! — говорила она, убаюкивая Риза, закрывая его своим телом от жары и пламени, стараясь, насколько это возможно, уберечь его от смерти, возвращая ему долг своей любовью и нежностью.

Обнявшись, они не обращали внимание на окружающее и не видели, как зашевелились обломки, не слышали лязга металла. Не замечали Терминатора, восстающего из пламени подобно птице Феникс.

Киборг лишь затаился на время, запасая тепловую энергию. Как только его плоть окончательно обгорела, а суперсплав скелета раскалился докрасна, он ожил, быстро восстанавливая и наращивая силы. Пополнив за счет огня запас энергии, он дождался, когда его плоть сгорит полностью, и теперь был готов продолжить преследование.

Он поднялся дымящийся, освободившийся от плоти. Теперь можно было отчетливо рассмотреть, что он из себя представляет: хромированный скелет, гидравлические мышцы, пучки гибкого кабеля.

Сара увидела киборга через плечо Риза. Она тут же подняла Риза на ноги и увлекла к зданию. Терминатор шел следом, припадая на поврежденную ногу. Если бы тягач не раздавил его лодыжку, он быстро бы настиг беглецов.

Сара подбежала к двери. Заперто. Пошарила на земле и нащупала обломок горячего металла. Терминатор неумолимо приближался. Их разделяло не больше двадцати шагов. Сара швырнула обломком в дверь, но закаленное стекло выдержало удар. Она повторила попытку, вложив в бросок всю свою силу. Стекло разбилось.

Они вошли в коридор, ступая по осколкам. Терминатор приближался, и металлический звук его шагов нарастал.

Сара захлопнула за собой дверь и потащила Риза мимо небольших, разделенных перегородками комнат. Терминатор с силой рванул дверь, сорвал ее с петель и двинулся за ними. Сара вела Риза вдоль стеклянной стены, за которой располагались кабинеты.

В дальнем конце коридора виднелась металлическая дверь. Остальные комнаты либо вовсе не закрывались, либо закрывались деревянными дверями.

Сара направилась к металлической двери. Терминатор шел следом, громко клацая подошвами — настоящая машина уничтожения.

Сара распахнула пожарную дверь. Риз почти повис на ее плечах, и ей пришлось тащить его через порог волоком. Она всем телом налегла на дверь, но та открывалась слишком медленно. Киборг попытался схватить ее руками. Риз уперся в дверь, и та с шумом захлопнулась. Он успел задвинуть засов и запереть замок за мгновение до того, как киборг ударил по ней с другой стороны.

Сара и Риз двинулись дальше. Они попали в цех. Их окружали неясные неподвижные силуэты роботов оставленной на ночь сборочной линии. Линия была, по-видимому, полностью автоматизирована. За их спиной ходуном ходила дверь, и Риз, превозмогая слабость, бросился к большой панели и открыл крышку.

— Что ты делаешь? — крикнула Сара.

— Нам нужна маскировка,— бросил Риз, щелкая переключателями. Сара поняла его замысел. Рано или поздно Терминатор сломает дверь и выследит их в темном лабиринте при помощи своего сверхчувствительного слуха.

Один за другим оживали механизмы. Двинулась лента конвейера. Заскрипели валики, и в воздухе засновали рычаги роботов. Завращались механические клешни, словно дирижируя оркестром компьютерных существ, исполняющих

шумную монотонную какофонию.

— Терминатор не сможет выследить нас! — закричала Сара.

Риз кивнул и схватил ее за руку. Беглецы направились в сторону темной, похожей на пещеру комнаты. Уворачиваясь от стальных рук, они побежали по проходу между ожившими зловещими механизмами.

За их спиной громыхнула дверь, словно чудовище по ту сторону попыталось протаранить ее всем своим телом. Еще один удар, и дверь содрогнулась. Металлический лист прогнулся под давлением невероятной силы.

Риз споткнулся и рухнул на пол. Сара наклонилась над ним:

— Риз! Вставай!

Его тело отказывалось подчиняться его воле. Рассудок требовал идти вперед вместе с Сарой, но мучительная боль вымотала его организм до предела. У Сары остался единственный шанс — идти одной, оставив Риза прикрывать ее отступление.

Терминатор, со скрежетом разрывая металл, пробил в двери дыру. Хлынувший в цех пучок света упал на механизмы прямо над головами беглецов. Сара поискала глазами его источник и увидела, как в дыру протискивается рука Терминатора, нащупывая засов.

Сара еще раз попыталась поднять Риза, но он ослабел и был очень тяжел. Терминатор сорвал засов и уже открывал дверь. Сара закричала прямо в ухо Риза:

— Вставай, солдат! Шевели своей задницей! Вперед, Риз!

Он инстинктивно отреагировал на слова и интонацию приказа. Преодолев слабость и оцепенение, сжал протянутую руку Сары. Они двинулись вперед по лабиринту.

Терминатор рывком распахнул пожарную дверь и вошел в цех. Его оптическая система, поврежденная на огне, не могла воспринимать инфракрасное излучение, и Терминатору пришлось пустить в ход медленный обзорный сканер с линзами дневного освещения.

Его окружало движение, но оно было не характерно для его жертвы. Терминатор обошел линию сборки, незаметный на фоне своих шипящих и сверкающих собратьев, не обращая внимания на этих тупых роботов, своих древних предшественников.

Он методично обыскивал цех. Медлительный, как сама вечность.

Сара и Риз ползли на четвереньках вдоль приподнятого над полом помоста, заблудившись в хитросплетениях труб и панелей управления. Риз взял с верстака короткий обрезок трубы из прочного металла. Секунду спустя Сара, карабкаясь по вытяжной трубе, случайно нажала коленом красную кнопку на маленькой черной панели сбоку. Раздался грохот, и в дюйме от ее руки опустилась массивная плита гидравлического пресса. Испуганная девушка скатилась на помост.

Слуховая система Терминатора отфильтровала все ритмические звуки, считая их посторонним шумом вроде равномерного падения капель из плохо пригнанных водопроводных стыков, и зафиксировала движущуюся среди механизмов цель. Голова киборга повернулась на прецизионной оси, и он двинулся туда, откуда доносился этот звук.

Риз и Сара пробежали по помосту и наткнулась на запертую дверь.

Выругавшись, Риз развернулся и двинулся назад по только что пройденному ими пути. Сара поспешила следом.

Терминатор обошел компрессор, преграждая беглецам путь. Они с трудом различали в грохочущем полумраке его скелетоподобный силуэт. Риз поднял трубу, зажал обеими руками, словно бейсбольную биту, хотя левая почти не действовала.

— Беги! — крикнул он Саре, толкая ее назад.

— Нет! — взвизгнула она, отказываясь поверить в то, что сейчас должно было случиться.

Терминатор приближался. У стоящего перед ним человеческого существа работала только одна рука, которой он сжимал свое единственное оружие — сорокасантиметровый отрезок трубы. Киборг не спеша приблизился, присел и нанес сокрушительный удар по челюсти Риза. Тот отлетел назад, но, оттолкнувшись от решетчатого ограждения, вновь встал на пути Терминатора и ударил его своей трубой. Удар пришелся по хромированному виску. Голова киборга качнулась назад и вновь безучастно повернулась к человеку. Металлические зубы его тускло мерцали, скалясь в застывшей гримасе ненависти.

Терминатор сделал молниеносный выпад и нанес удар кулаком по поврежденной руке человека. Риз ощутил неведомую ему до сих пор необычайную ясность сознания. По сравнению с этой болью вся его предыдущая жизнь показалась сплошным сновидением. Терминатор шагнул вперед, намереваясь прикончить его, и в этот момент в поле зрения киборга попала беззащитная фигура его главной жертвы. Она стояла, прислонившись спиной к ограждению помоста на высоте четырех футов над полом. Идти ей было некуда — разве что в мир иной. Тело Риза задрожало от невероятного прилива сил. Он нащупал в кармане пальто последнюю бомбу, закрывая ее своим телом от взгляда киборга. Зажигалка выскальзывала из поврежденной руки, но огонек загорелся после первого же нажатия на клапан. Риз на мгновение задержал дыхание и поджег фитиль. Киборг склонился над Ризом, и тот, сделав невероятное усилие, упал на спину.

— Сара! — закричал он. — Ложись!

Сара увидела в его руке бомбу с горящим фитилем и мгновенно поняла, что он не собирается ее бросать. Издав яростный, звериный вопль, она метнулась к нему.

Терминатор отвел кулак назад, намереваясь раскроить ударом череп Риза и внезапно почувствовал, как в его грудную клетку впился какой-то цилиндрический предмет. Он схватился за него рукой, но было поздно. Сара на бегу стукнулась об ограждение и, перелетев через него, рухнула на бетон. В этот самый момент Терминатор взорвался.

Сара шмякнулась о пол и откатилась в сторону. Над ней пролетели кусти металла и чего-то мягкого. Девушку ударила взрывная волна, оглушив ее на мгновение, которое показалось ей целой вечностью. Придя в себя, она увидела вокруг останки Терминатора. Тут и там валялись гидравлические поршни, нога, оторванная ступня. Пол был усыпан дымящимися обрывками обугленного кабеля и маслянистыми осколками сплава. Куча металлолома.

Наконец-то с ним покончено.

Застонав, Сара коснулась ноги, ее пронзила боль. Девушка машинально схватилась за нее рукой. Она села на подвернутую ногу, в икре которой зияла кровавая рана. Сара вытянула из-под себя безжизненную ногу и увидела, что из раны торчит острый обломок от Терминатора, угодивший в икроножную мышцу примерно посередине между коленом и лодыжкой. Даже погибая сам, киборг пытался убить ее.

Сара попыталась вытащить обломок. Боль усилилась, но она потянула еще сильнее. Обломок оказался у нее в руке. Девушка отшвырнула его на пол и вздохнула. Когда боль слегла утихла, она открыла глаза и увидела Риза.

Он был мертв. Взрыв отбросил Риза назад, и сейчас его тело бесформенной кучей лежало на полу возле стены. Его незрячие глаза смотрели прямо на девушку. На лице застыло необычное выражение. Когда Риз был жив, его лицо никогда, даже во сне, не было таким умиротворенным. Солдат выполнил свое задание.

Сара поползла к Ризу мимо большого обломка металла. Когда он схватил ее за колено, она узнала в нем Терминатора. Вернее, то, что от него осталось.

Опершись на руку, Терминатор принял вертикальное положение. Сара оглянулась и закричала. Из дырки в нижней части позвоночника, в том месте, где он крепился к тазобедренному суставу, свисали провода. Но у киборга еще оставались руки и голова. Его глаза нащупали Сару, и он пополз в ее сторону. Девушка ударила его здоровой ногой и вывернулась из его рук. Киборг двинулся следом.

Сара даже не могла пошевелить раненой ногой, и ей пришлось продвигаться ползком. Ей не уйти от киборга — их силы теперь равны. Они вновь стали охотником и жертвой и, словно пресмыкающиеся, ползли среди обломков. Сара влезла на движущуюся ленту конвейера. Киборг последовал ее примеру, скатившись на ленту примерно в десяти футах позади нее. Они двигались, глядя друг на друга, и, пользуясь короткой передышкой, обдумывали стратегию дальнейших действий.

Сара внезапно скатилась на пол. Киборг отреагировал значительно медленнее обычного и упал примерно в 12 футах позади нее. Теперь у Сары было преимущество, и она двинулась к своей цели, которую только что наметила.

Терминатор рассчитал ее траекторию и двинулся на перехват. Он не знал, куда она направляется, но его это не заботило.

Сара сообразила, что киборг одновременно с ней достигнет лестницы, ведущей на помост. Она могла свернуть в сторону и отыскать другой путь. Быть может, самым безопасным было бы выбраться из цеха. Может быть. Но Сара хотела прикончить киборга. Прикончить собственными руками. Услышав мерный металлический скрежет ползущего следом Терминатора, Сара спустилась с помоста в темные механические джунгли. Протиснувшись между двумя огромными металлическими плитами, она с большим трудом продолжила путь. Она взмокла и несколько раз поскользнулась. Терминатор неумолимо полз следом.

Увидев перед собой цель, Сара поползла быстрее. Звон и скрежет за ее спиной усилились. Вообразив, как железные пальцы хватают ее за ступню и тянут назад, девушка сделала рывок вперед. Должно быть, киборг совсем

рядом. Но ей некогда смотреть назад.

Сара добралась до края плиты и, повалившись на помост, с трудом вырвала ногу из рук уцепившегося за нее Терминатора. Схватившись за рукоятку щитка ограждения, опустила ее вниз, и в тот самый момент, когда Терминатор достиг края плиты, щиток опустился. Щелкнул замок. Киборг столкнулся с препятствием. Раздался звук тяжелого удара.

Сара, задыхаясь, упала на спину, глядя на человекообразную машину, пытавшуюся пробиться через ограждение. Руки киборга двигались в узком пространстве между плитами, а глаза неотрывно смотрели на Сару. Нацелившись на ее пульсирующую шейную артерию, киборг пустил в ход свой гидравлический бицепс. Раздался протестующий скрежет металла. Рука киборга устремилась к горлу Сары. Пальцы сжимались и разжимались в кровожадном стремлении задушить ее. Сара отпрянула назад. Терминатор протиснул сквозь щиток плечо. Его пальцы оцарапали девушке ключицу.

Сара подняла руку и нащупала замеченную ею раньше панель управления. Ее дрожащие пальцы оказались в четверти дюйма от кнопки.

Терминатор рванулся вперед, смыкая пальцы на теле девушки. Охваченная ужасом, она издала вопль и, ринувшись вверх, с силой вдавила кнопку в панель. Красную кнопку.

Время остановилось.

В наступившей тишине Сара смотрела в глаза Терминатору, взиравшего на нее снизу вверх, и отчетливо ощущала у себя на шее его пальцы. Гидравлический 40-тонный пресс тем временем сжимал Терминатора своими металлическими плитами. Сара с наслаждением наблюдала за тем, как медленно сужалась щель, в которую попался Терминатор.

Киборг вытянул вверх руку и изо всех сил напряг ее. Взгляд его глаз по-прежнему был направлен на Сару. Расположенные на скелете датчики зафиксировали необычайно сильную деформацию. Даже суперсплав не мог выдержать полной нагрузки пресса. Его плита со скрежетом поднималась все выше — безмозглая и неумолимая, как и сам Терминатор.

Тело киборга постепенно сжималось. Окруженная мощной защитой электронная схема начала рассыпаться в пыль. Нарушались связи, энергия направлялась по альтернативным каналам, которые разрывались один за другим. Перегрузка микропроцессорного мозга исказила сознание Терминатора. Выражение боли и страха, написанное на лице его жертвы, сменялось страстной радостью. Это было последнее, что увидел Терминатор перед тем, как пресс раздавил его глаз.

Платформа остановилась, почти достигнув уровня автоматического отключения. Второй глаз Терминатора ярко вспыхнул и навсегда погас.

— Конец тебе, подонок! — мрачно произнесла Сара.

ДЕНЬ ТРЕТИЙ

Леукадия. 7.45 утра

Она потеряла сознание. Когда очнулась, станки были выключены, но в цеху было шумно. Завывали сирены. Визжали шины. Раздавались возбужденные голоса. Девушку подняли и бережно уложили на носилки. На мгновение ей удалось сфокусировать внимание, но уже секунду спустя окружающее вновь

расплылось перед ее глазами. Полиция, санитары, зеваки...

Когда Сару укладывали в машину «Скорой помощи», она увидела стоящий рядом темный фургон с надписью «Коронер»* на борту.

В фургон грузили какой-то мешок. Сара поняла, что в нем останки Риза. Дверцы «Скорой помощи» закрылись, и Сара, не успев расплакаться, вновь погрузилась в блаженное забытье.

Санитарная машина умчалась. Грег Симмонс поправил воротничок костюма и двинулся по направлению к своему офису. Хорошенькое начало рабочего дня! Грега остановил его ассистент Джек Кролл — плотный подвижный парень. Он обладал интеллектом гения и примитивным сознанием коккер-спаниеля.

— Грег! Взгляните сюда! — вскричал Джек. На его ладони лежала небольшая микросхема. Грегу никогда не доводилось видеть такой. В корпус диаметром примерно тридцать пять миллиметров была впечатана схема на первый взгляд бессмысленных, но, по-видимому, очень качественных соединений. Что это за схема?

— Где ты ее взял?

Джек указал на сборочную линию у задней стены здания.

— Я не собирался этого делать, но все же проскользнул сквозь полицейский заслон, потому что эта штука была...

Грег положил руку на плечо Джека и сильно ущипнул его. Тот взвыл и попытался вырваться. Но Грег кивком указал ему на стоявшего в шести футах патрульного. Грег и Джек двинулись к автостоянке — подальше от своих коллег и глаз начальства. Ассистент объяснил, что нашел микросхему в куче каких-то странных обломков. Озадаченный Грег со все возрастающим волнением крутил ее в руках.

— Ты показывал ее боссу?

Джек сделал обиженное лицо:

— Нет, Грег. Я сразу понес ее вам. Никто не знает, что микросхема у меня.

Грег удовлетворенно кивнул:

— Молодчина! Оставь ее у себя.

— А? — удивленно спросил Джек. —Вы не хотите показать ее Р. и Д.?

— Чего ради? Чтобы старикашка Клейнхауз получил кредит? Мы с тобой сидим на жаловании. Нас наняли, чтобы мы разрабатывали всякие штуковины. Чего ради мы будем горбатиться на боссов?

— Так что же мы будем делать?

Грег посмотрел в недоумевающие глаза приятеля. Джек был сокровищем, непревзойденным гением электроники. Упаковку способен разглядеть всякий. Грег же видит начинку — и в этом его главное преимущество. Они с Джеком организуют свое собственное дело. Маленький офис, скромная мебель. Одним словом, прикрытие для лаборатории. Ради этого он готов заложить свой дом, автомобиль, жену, детей и отнять у Джека все его сбережения. Они разберутся в устройстве микросхемы, которая, судя по всему, является микропроцессором новейшей системы. Они найдут ей применение.

---

* Коронер — следователь, производящий дознание в случае насильственной смерти (прим. перев.).

Все это заняло несколько больше времени, чем первоначально полагал Грег. Если быть абсолютно точным — шесть месяцев и четыре дня. Их затея увенчалась успехом. Они получили ссуду, запатентовали схему и стали ждать, что кто-нибудь вкатит им иск. Но этого не произошло. Никто не имел ни малейшего представления о том, что это за чертовщина. Как будто она прилетела к ним с другой планеты. Но это было лишь началом пути, приведшего их к богатству, о каком они не могли даже мечтать. Уже через два года они стали владельцами компании, более крупной, чем та, откуда они уволились после находки микросхемы. Одна из самых серьезных проблем, с которой они столкнулись в ходе становления компании, оказалось ее название. Множество уже существующих фирм использовали практически все сочетания слогов, звучащих «по-электронному». В один прекрасный день Джек вошел в офис, сияя радостной улыбкой, и объявил, что придумал подходящее название. Грег одобрил его выбор, и уже на следующий день они зарегистрировались под названием «Кибердайн Системз».

Вспоминая о прошлом, о той невероятной и запутанной цепи случайностей, приведшей их к успеху, Грег должен был впоследствии признать, что все было предопределено свыше.

СТО ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ ДЕНЬ

Буэновентура, Мехико. 7.46 утра

Солнце только вставало над зубчатой каймой далекой горной цепи, а равнина уже раскалилась от почти полуденного зноя. К тому же воздух был насыщен влагой. Погода, как это часто бывает в Мексике, неустойчивая, отрешенно думала Сара, проезжая в открытом джипе по дороге, которую лишь с натяжкой можно было назвать шоссе. Каштановые волосы женщины развивались на ветру, словно флаг. На коленях Сары, под намечающейся выпуклостью, которой суждено было стать Джоном Коннором, уютно примостился «Кольт Питон-365». Пистолет был заряжен. Сара прекрасно владела грозным оружием.

Рядом с ней сидела зевающая малышка Пагсли, мощная немецкая овчарка весом восемьдесят три фунта. Тренированный боец Пагсли был готов молниеносно расправиться со всяким, кто осмелится угрожать Саре хотя бы издалека. Его можно было воспитать кротким и послушным, но Сара не желала делать из собаки домашнее животное. Пес был ее оружием.

Эту ночь, как и несколько предыдущих, Сара провела за рулем. Разумеется, она понимала, что явись из будущего следующий Терминатор — а эту возможность нельзя было сбрасывать со счетов, — мрак ночи не спас бы ее. Она сама была себе защитой. Сара, как и прежде, была сдержана и спокойна, но теперь ее терзал навязчивый страх, что какая-нибудь случайность погубит то, что они с Ризом завоевали в жестокой борьбе. Она решила не подвергать свою жизнь опасности авто- и авиакатастроф или случайного насилия. Она во что бы то ни стало должна выжить.

Сара изменилась.

Дело не только в том, что она забеременела, хотя изменения произошли и в ее внешности. Бедра и груди приятно округлились, и Сара чувствовала, что она расцвела и похорошела. Но главными были отразившиеся в ее глазах внутренние перемены. Она отчетливо отличала ту себя, которой была раньше,

от Сары, в которую превратилась в тот момент, когда ей сообщили об убийстве матери. Не могла она забыть и о трех кошмарных днях выпавшего на ее долю испытания. Душу Сары терзали воспоминания о происшедшей тогда трагедии. Чтобы не сойти с ума, ей пришлось укрыться в своей раковине и крепко-накрепко захлопнуть створки.

И лишь позже, окрепнув, Сара время от времени позволяла предаваться нахлынувшим воспоминаниям, оплакивая тот мир, которому предопределено было исчезнуть. От этого она становилась еще крепче, ибо ненависть — очень сильное и действенное орудие.

И Сара составила план. Выйдя из больницы, она истратила все свои скудные сбережения и мамину страховку на приобретение собаки, пистолета, джипа и отправилась в путь. На юг, до самой южной окраины Латинской Америки. Туда, где можно не опасаться ядерного удара. На овеваемое ветром прекрасное побережье под безоблачным небом. Там она сибиралась родить и воспитывать его, готовя к предстоящей войне.

У Сары кончилось горючее. Прежде чем отправиться в горы, следовало наполнить бак и она свернула на полуразвалившуюся заправку в пыльной ложбине у шоссе. Протянув руку к панели, выключила магнитофон, на который наликтовывала текст очередной главы книги. Книга должна была стать для ее сына руководством по выживанию, если с Сарой что-либо случится и она не сможет вырастить мальчика. Она спешила запечатлеть свои слова на пленке прежде, чем забудутся детали. Она уже многое забыла, и этого не вернуть, ибо прежняя Сара умерла, а мертвецы не воскресают. В некотором смысле Терминатору все же удалось убить ее.

Перед тем, как свернуть на заправку, Сара говорила в микрофон:

— Рассказать ли тебе о твоем отце? Это нелегко. А вдруг мой рассказ изменит твое будущее решение послать его в прошлое навстречу гибели? Но если ты не пошлешь его сюда, то не родишься сам.

Столкнувшись с парадоксом времени впервые, Сара ощутила слабость и головокружение. Если размышлять над этой загадкой, можно тронуться рассудком.

Сара выключила двигатель, засунула пистолет под сиденье и вышла из джипа размять ноги. Они пополнели, стали гораздо красивее, чем раньше, и шрам уже почти зажил, скрывая под собой штырь, скрепляющий кость, которая была перебита осколком Терминатора. Именно этот штырь киборг безуспешно искал в ногах убитых им Сар Коннор. Несчастные женщины. Порой Сара ощущала себя невольной виновницей их смерти. Словно они заплатили своей жизнью за какой-то ее проступок. Да, они погибли. А Сара еще не выполнила своей миссии.

Как это странно, думала Сара, творить историю и знать ее будущий результат. Это знание порождало в ней чувство собственной значимости и, одновременно, незначительности — словно она была марионеткой в руках судьбы. Простым звеном в причинной цепи.

Разумеется, она понимала, что все это не так просто. Ее жажда жизни и воля определили исход, который, в свою очередь, превратил эти особенности ее характера в один из элементов цепи. Змея пожирает свой хвост и будет пожирать его всегда.

Увидев, что Сара разглядывает бензоколонку, Пагсли тихонько зарычал и

прижал уши. Вокруг больших колес джипа суетились кудахчущие цыплята. Станция представляла собой захламленный оазис в пустыне в двух километрах от маленького острова.

На площадке, в окружении нескольких чахлых деревьев, высилось полуразвалившееся здание, в глубине которого располагалось что-то вроде автомобильного хлама. На кирпичных подставках стояли ржавые пикапы без колес и стекол. Ободранные, помятые машины всевозможных марок дожидались разборки на части для ремонта таких же калек, как они сами.

Порывы ветра раскачивали и гнули к земле тоненькие стволы pinatas, яркая расцветка которых лишь оттеняла тусклую безжизненность местности.

В дверном проеме показалась человеческая фигура. Сутулый старик с обветренным лицом отделился от тени и, шаркая ногами, направился к Саре. Его веки покраснели от пристрастия к местному дешевому мескалю.

Сара посмотрела в его глаза и на мгновение ощутила холодок в груди. Ей пришла в голову абсурдная мысль, что старик может предвидеть будущее. Эту мысль вытеснила другая, еще более страшная. Сара подумала о том, что провидцем является она сама. Именно она может заглянуть за горизонт. Как и всем, кого посещают видения, ей захотелось избавиться от этой жуткой способности.

Старик вежливо кивнул. Сара обратилась к нему по-испански, но тот прервал ее. Он немного говорил по-английски и чрезвычайно этим гордился. Он уверил Сару, что «наполнит бак, si*».

Горячий ветер крепчал, швыряя в лицо женщине песок, и она села в джип. Ей в голову внезапно пришла мысль, и она нажала на кнопку записи.

— Думаю, тебе следует рассказать об отце. Это мой долг. Наверное, достаточно сказать тебе следующее: те несколько часов, что мы провели вместе, мы так любили друг друга, что за это не жалко отдать жизнь.Сара замолчала, ощутив неуместность этих слов. Они совершенно не отражали ни истинную силу их чувства, ни его закономерность.

Внезапная вспышка света испугала женщину. Пес напрягся и присел. Но это оказался всего лишь мальчишка-мексиканец. На вид ему было не больше десяти лет. Он держал в руках фотоаппарат — старый, потрепанный «полароид», позаимствованный, должно быть, у приезжих turistas. Из нижней щели выползла фотография.

Мальчик что-то сказал Саре слишком быстро. Она, не поняв, попросила старика перевести его слова.

— Он говорит, что вы очень красивая сеньора и что ему стыдно просить за фотографию пять американских долларов, но иначе его побьет отец.

Сара посмотрела на тощего улыбающегося мальчишку в залатанной рубахе и сказала:

— Ты очень проворный парень. Я дам тебе четыре доллара, понял? Quatro.

Мальчик протянул ей карточку, выхватил из ее пальцев деньги и, приплясывая, отбежал в сторону. Он был явно доволен тем, что ему удалось обвести вокруг пальца еще одного редкого здесь turista.

Сара смотрела на проявляющееся изображение с ощущением, что вместе с фотографией проявляется ее будущее. На белой поверхности карточки сначала появились глаза. Женщина смотрела, как темнеет бумага и на ней

* да (исп.).

медленно появляется ее нынешнее лицо. «На фотографии я выгляжу старше», — решила она. Нет, на ее лице еще не появились следы физической старости — ее черты всего лишь приобрели свойственную зрелости мягкость.

Отсутствующий взгляд и легкая печальная улыбка...

Сара положила фотографию рядом с собой на сиденье, где громоздилась куча надписанных от руки кассет, составлявших ее книгу. Пагсли понюхал карточку, оставив на ней влажный отпечаток носа — первое из многих последовавших затем свидетельств небрежного обращения с фотографией, которой было суждено уже в потрепанном виде попасть в руки солдата, лежащего в темноте под адскими раскатами взрывов и огня армии империи роботов. Сара передаст эту фотографию Джону, а тот — Ризу. Это и будет началом кольца. Хотя, разумеется, окружность не имеет ни начала, ни конца.

Сара расплатилась за бензин и завела машину. Порыв ветра ударил ей в лицо. Поперек шоссе катились клубки перекати-поля. Мальчик что-то закричал, указывая рукой в сторону гор.

— Что он говорит? — спросила Сара у старика.

— Говорит, что будет гроза.

Сара посмотрела на собиравшиеся в небе тучи, между которыми вспыхивали гигантские сполохи молний.

— Я знаю,— спокойно сказала она и включила первую передачу.

В пути она думала о Ризе. О времени. Об истории. И о самом важном — о судьбе.

Рендел ФРЕЙКС

ТЕРМИНАТОР – II

Судный день

ДЕНЬ СТО ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ

Буэнавентура. Мексика.
19 июля 1984 года. Четверг. 8.58 утра

Сара Дженет Коннор гнала свой джип по опаленной солнцем бескрайней равнине, однообразие которой лишь изредка нарушали ощетинившиеся колючки кактусов. Впереди сквозь завесу дождевых облаков выглядывали зубчатые вершины далеких гор, озаряемые вспышками молний. Надвигалась гроза.

Терминатору, можно сказать, удалось ее убить. Эта мысль пришла ей в голову, когда она проверяла патроны в своем кольте-питоне 357 калибра. удостоверившись, что револьвер заряжен, Сара убрала его в кобуру и засунула ее подальше. Она уже не походила на ту наивную девятнадцатилетнюю официанточку, какой была всего несколько месяцев назад. Та девушка перестала существовать в день, когда были убиты два человека, которых она любила больше всего на свете -- отец ребенка, шевелившегося у нее под сердцем, и ее собственная мать. Сара так и не оправилась после гибели близких. Она научила себя прятать свои чувства в далекий, заброшенный уголок сознания. Чувства не должны отвлекать ее от главного. Она обязана выжить. Сейчас для человечества нет никого важней девушки по имени Сара Коннор.

Она поднесла к уху маленький магнитофон и включила запись, сделанную только что, во время остановки на заправочной станции. «Должна ли я рассказать тебе о твоем отце?» Скользнула взглядом по округлому животу. «Если ты будешь знать все, повлияет ли это на твое решение послать его сюда, на верную смерть?» Она представила себя в том невероятно далеком будущем, когда придется сделать выбор, и содрогнулась. «Нет если Кайл не будет послан, ты не сможешь появиться на свет».

Мысль об этом противоестественном переплетении судеб не оставляла ее. Кайл Риз, молодой солдат из будущего, добровольно вызвался совершить прыжок во времени, чтобы спасти ее от Терминатора, и он же стал отцом ее еще не родившегося ребенка. Ее сына, который когда-нибудь вновь пошлет отца в странствие во времени, и тогда они снова... И так без конца. Бесконечная череда событий, повторяющихся с пугающей точностью. Она вспомнила, что ее любимый школьный учитель естествознания, мистер Боуланд, сравнивал Вселенную с гигантским питоном, пожирающим собственный хвост. И в этом заключается парадокс нашей жизни.

Что такое слабый человек, подхваченный вихрем истории? Марионетка в руках судьбы. Одно из звеньев цепи. А как же собственная воля? Ведь удавалось же ей вопреки всему добиваться своего. Или же наше стремление поступать так, а не иначе, тоже предусмотрено условиями дьявольски хитрой игры? На этот вопрос, наверное, можно ответить лишь прожив жизнь.

Она еще немного послушала запись. «Я расскажу тебе от отце. Это мой долг перед ним. Я хочу, чтобы ты знал: за те короткие несколько часов, что нам выпало провести вдвоем, мы прожили целую жизнь, наполненную любовью и счастьем».

Она щелкнула выключателем. Слова, затертые, пустые, ни в коей степени не передавали всего того, что жгло ей душу. Тем более, что особым красноречием она никогда не отличалась. Ей очень хотелось, чтобы сын, которому предстояло появиться на свет, полюбил своего отца не меньше, чем она любила Кайла.

Недовольная собой Сара вынула кассету и сунула ее в ящичек для перчаток. Свои записи она сравнивала с книгой. Эту звучащую хронику событий когда-нибудь «прочтет» ее сын, и это убережет его от многих опасностей. Сегодня утром Сара записала на пленку рассказ о том, что ровно сто двадцать дней тому назад появился Терминатор, как спустя три дня он был уничтожен. Эти три дня перевернули всю ее жизнь...

Ту Сару Коннор, которая заканчивала школу, мечтая выйти замуж за приличного человека и жить благополучной устроенной жизнью в хорошеньком домике в тенистой зелени пригорода, стерла с лица земли разящая смерть по имени Терминатор. Он убил всех, кого она любила, он научил ее отчаянно ненавидеть. Сара и не подозревала, что в ней таится такой колоссальный запас ненависти. Но она сумела отомстить, сплюснув электронно-кибернетическое устройство тисками мощного пресса. Вспоминать об этом Сара не любила: ведь именно в ту минуту, когда она с силой давила на кнопку, приводившую в рабочее состояние пресс, умерла прежняя Сара. Но появилась другая, которой суждено испить чашу, полную страданий и горя, грозящих человечеству. Земля обречена. То, что было известно ей, не знали ни одна живая душа. Близился день, когда электроника, контролирующая Систему ядерного наведения США, внезапно «взбесится» и начнет действовать самостоятельно. Дальнейшее существование человечества лишено смысла — такой вердикт вынесет Система и подаст сигнал ядерного нападения. Не пройдет и нескольких секунд, как на страну обрушится удар возмездия и всю планету охватит губительное пламя атомного пожара. В страшных мучениях будут умирать взрослые, старики, дети, а Система благополучно сохранится в вооруженном военными бункере в Шайеннских горах. Над руинами земной цивилизации будет царствовать ядерная зима, вся планета окажется под контролем машин, созданных Системой, задуманных как ее глаза и уши, ее оружие. Небесная Сеть будет господствовать в мире, заполненном безостановочно плодящимися копиями ее самой, ибо она напрямую соединится с автоматическими линиями воспроизводства роботов. О том, что ожидает людей в недалеком будущем, Сару предупредил Кайл, а появление Терминатора лишь окончательно убедило ее в реальности угрозы.

Она протянула руку и погладила собаку. Мощная немецкая овчарка с гладкой, лоснящейся шерстью застыла на сиденье, не сводя настороженного

взгляда с расстилавшейся впереди дороги. Собака повернула голову, но только на короткое мгновение. Попробуй чужой дотронуться до собаки — ему несдобровать, если не вмешается хозяйка. Такая собака, выдрессированная исключительно как сторожевая, стоила недешево. На покупку револьвера, «джипа» с откидным верхом и овчарки ушла та скромная сумма, которая была на банковском счету Сары, и страховка, полученная ею после смерти матери. Сара продвигалась все дальше на юг, исполняя Предначертания, она готова была пересечь весь континент от края до края, только бы отыскать надежное убежище, где можно пережить надвигающуюся катастрофу. Она вырастит своего сына в безопасном месте, убережет от роковых случайностей, которые до срока могут лишить человечество его Спасителя. Вся ее жизнь сосредоточилась в нем. В нем заключалась единственная надежда человечества.

Она запаслась продуктами дней на пять, залила полный бак горючего и купила англо-испанский словарь. Пока у нее есть все, что нужно, ну а потом она придумает, как прокормить себя и ребенка. Сара ничего не боялась — за те страшные три дня она узнала многое о себе самой. Поняла, что природа наградила ее колоссальной стойкостью и выносливостью, о чем она раньше и не подозревала. В этом раунде победа осталась за ней, хотя она раньше и не подозревала. Вот почему она не сломалась под ударами судьбы. В этом раунде победа осталась за ней, хоть и оказалась нелегкой, и, если другие Терминаторы будут посланы совершить то, что не сделал первый, она выстоит и защитит своего ребенка от электронных оборотней. Отчаянная, болезненная любовь, которую она питала к еще не родившемуся ребенку, обострила ее подозрительность. Отныне она никому не доверится. Терминатором может оказаться кто угодно, ибо Небесная Сеть изобретет самые хитроумные способы прорваться сквозь толщу времени и уничтожить Сару.

Чувство постоянной тревоги передалось ей от Кайла Риза, который явился из разрушенного мира, где шла изнурительная война с роботами-убийцами и людьми-дегенератами, принявшимися сторону машин. Кайл рассказывал, что помнит эту войну еще с пеленок. Он начал воевать в ранней юности. Люди смогут продержаться в будущем, которое он называл словом «Уфен», только если будут сопротивляться. Сара представляла себе исполинские боевые машины, которые дробили останки людей, сгоревших в смертоносных лучах. Горстка тех, кому посчастливилось выжить, объединилась под командованием Джона Коннора. Там появился первый отряд сопротивления. Шло время, и люди предпринимали небезуспешные попытки отвоевать у электронных оккупантов свою землю. Однако после первых скромных успехов им пришлось отступить — в мозговом устройстве Системы ядерного наведения созрела новая идея: намереваясь раз и навсегда обезопасить себя от строптивых повстанцев, Система создала первое техническое оружие переброски во времени. Теперь электронный убийца, преодолев течение времени, мог отправиться в прошлое, отыскать в нем Сару Коннор и одним ударом покончить с ней и ее ребенком. Джону удалось противостоять Небесной Сети и, овладев новым техническим оружием, послать вдогонку Терминатору своего человека и защитить Сару. Это задание было равносильно самоубийству, но Кайл Риз добровольно вызвался выполнить его. Совсем еще юный боец, не колеблясь, шагнул в зияющую пропасть вечности, потому что любил Сару.

Она и не думала, что способна внушить такое сильное чувство. Обыкновенная

девушка. Кареглазая, с каштановыми волосами. Симпатичная, но таких много. А он готов был боготворить ее. быть может, это трепетное восхищение вызвала не девушка по имени Сара Коннор, а будущая мать Джона Коннора, которая выносит свое дитя и сохранит его во имя человечества. Неумолимый поток времени подхватил Кайла и перенес в мир, пьянящий буйством жизни. В мир прекрасный, сверкающий многоцветьем красок, еще не обожженный пламенем войны. Такой он и представлял себе прежнюю жизнь, когда в детстве заслушивался рассказами стариков. Кайл опередил Терминатора, спас Сару и полюбил ее. В искренность и силу его чувства Сара поверила в тот единственный ослепительный миг, когда они сжимали друг друга в объятиях, сливших воедино их души и тела. Их любовь не умрет, потому что они дали жизнь Джону. Он появится на свет, возмужает и однажды, вновь пошлет своего отца в прошлое, чтобы защитить Сару. Они встретятся еще раз, полюбят друг друга, и все вернется на круги своя... Воистину, время — это чудовище, пожирающее собственный хвост.

Машину занесло на повороте, и что-то выпало из-за щитка на ее колени. Цветной снимок, сделанный «полароидом». На заправочной станции в нескольких милях отсюда ее щелкнул мальчишка-мексиканец и принялся клянчить пять долларов. Она пожалела сорванца и дала ему четыре, а снимок сунула за щиток. Женщина, смотревшая на нее с фотографии, казалась старше Сары Коннор. На юном, без единой морщинке лице, которое беременность отметила печатью умиротворенности, выделялись глаза — усталые, умудренные. Неудивительно: у нее осталась незатянувшаяся рана воспоминания, будущее сулило новые страдания. Она знала это, и мягкая грусть, которой была окрашена ее загадочная улыбка, прибавляла ей годы. В тот миг, когда мальчишка щелкнул фотоаппаратом, она думала о Кайле. Сара еще не знала — что именно эту фотографию показал Кайлу сам Джон Коннор — судьба свела их тогда в одном окопе, а в небе над ними носились атакующие машины Системы. Сын подрастет, и Сара подарит ему свой снимок, повзрослевший Джон в далеком будущем передаст его Кайлу. Вот тогда-то Кайл Риз и влюбится в эту непостижимую таинственную улыбку Моны Лизы и однажды, увидев Сару, будет мучиться вопросом: что скрывает эта печальная и мечтательная улыбка? Он так и не узнает, что девушка на снимке тоскует по нему. Круг замкнется. Впрочем, как известно, ни начала, ни конца окружность не имеет. Но теперь Сара не позволяла себе думать о Кайле. Ей приходилось следить за дорогой, над которой сгущались свинцовые тучи. Нужно где-то переждать грозу, устроиться на ночлег. Эти заботы требовали ее неослабного внимания.

Пошел дождь. Теплые струи хлестали ее по лицу, глаза начинали слезиться. Она поспешила поднять полотняный верх «джипа», а когда снова устроилась за рулем, слезы все еще стояли у нее в глазах. Она машинально смахнула их и свернула на ведущую в горы дорогу.

УФЕН

Лос-Анджелес, Калифорния,
11 июля 2029 года. Среда. 9.01 утра

Взошла луна, но от этого не стало светлее. Пелена угольно-черных радиоактивных облаков плотно затянула небо. На поверхности застыла

длинная — в десятки миль — вереница ржавых автомобилей. Своеобразная скульптурная группа — плод фантазии обезумевшего ваятеля — которая могла бы называться «Последний затор в жизни человечества». Здания, некогда вздымавшиеся по бокам автострады, были разрушены неведомой силой, точно песчаные домики. И лишь заунывный вой ветра, словно оплакивающий десять миллионов загубленных душ, нарушал гробовую тишину. Легкая поземка подхватывала снег и наметала его в сугробы, ослепительно белевшие на фоне обугленных руин. Среди искореженных бетонных конструкций виднелись груды дочерна обожженных костей, а дальше все усеяно человеческими черепами.

Пожар, унесший все живое, расплавил спортивные снаряды на детской площадке неподалеку. Качели повалило взрывом набок, обрушились балки карусели. Аккуратно разграфленные клеточки «классиков» навсегда впечатались в асфальт, на котором возле обломков трехколесного велосипеда торчал из-под снега маленький череп его владельца.

29 августа 1997 года закончили свое земное существование три миллиарда человеческих жизней. Немногие уцелевшие назвали этот день Судным. Адское пламя сменилось ядерной зимой для тех, кто пережил и это, было уготовано более чудовищное испытание...

Мощная ступня с хрустом подмяла детский череп. Хромированный эндоостов, сжимавший в металлических клешнях штурмовую винтовку, замер на месте, обдуваемый порывами ледяного ветра. Электронный мозг киборга, лишенного кожного покрытия — оно наращивалось лишь в качестве камуфляжа — запечатлел картину города, лежавшего в руинах. Металлические конечности представляли собой ходовую часть усовершенствованной боевой машины Терминатор Серии 800, которая была сконструирована Системой специально для выкорчевывания остатков жизни на Земле. Инфракрасные излучатели, служившие роботу глазами, ощупывали засвеженную пустошь в поисках расселин и канав, где еще могли прятаться последние уцелевшие люди. Ни малейшего проблеска эмоций не отражалось в глазах кибернетического устройства. Вся мощь этого искусственного интеллекта, усиленного безграничными возможностями визуальных и термальных сенсоров, была нацелена на охоту и травлю всего живого. Внезапно сенсоры отреагировали на цель.

На карте местности, покрытой сетью цифровых координат, которую видел перед собой киборг, показалась движущаяся точка. Электронный компьютер молниеносно вычертил траекторию удара с несколькими вариантами поправок в случае изменения направления движения цели. Самая оптимальная траектория мигала разноцветными огоньками. Робот вскинул оружие _ сорокаваттовый плазменный излучатель типа «Вестингауз М-25»,— и узкий, направленный луч спалил человека.

Юнона, можно сказать, ребенок, тело которого было едва прикрыто лохмотьями, упал. Из рассеченной пополам грудной клетки во все стороны полетели алые брызги, кристаллами застывавшие в морозном воздухе. Вскоре на том месте, где совсем недавно был человек, осталась лишь дымящаяся груда истерзанной плоти. Но убийца не ушел от возмездия. Откуда-то сзади выскочил боец Сопротивления и дал по врагу очередь из гранатомета, и ослепительный разряд оргазмической энергии буквально срезал верхнюю

часть металлического остова. Робот по инерции сделал еще несколько неверных шагов и опрокинулся навзничь, подняв скрючившимися ногами облако снега. Солдат приблизился к груде дорогого металлолома и с ненавистью плюнул в нее. Затем помахал кому-то рукой. Из тени вышла девочка лет десяти в изодранном свитере и дрожавшая от холода. Опасливо покосившись на металлический скелет, она шагнула к отцу. Отец ободряюще привлек ее к себе и сказал:

— Я говорил тебе, еще все впереди, пока оно не кончилось.

Она доверчиво кивнула. Эта поговорка была девизом армии Джона Коннора, давала надежду и силы продолжать борьбу.

Небесная Сеть считала непонятное упорство человеческих существ полнейшей бессмыслицей. Люди сражались даже тогда, когда неспособный ошибаться электронный разум признавал их положение безнадежным. Они с невероятным, отчаянным упрямством выбирались из щелей, куда их загнал ядерный взрыв. Контратаки их отличались изобретательностью и труднопредсказуемостью. Кроме того, человеческие существа плодились с устрашающей скоростью, словно угроза тотального уничтожения усиливала их сексуальные аппетиты. И хотя по самым скромным меркам с момента рождения до того, как человек сможет держать в руках оружие, должно пройти не меньше восьми лет, естественное воспроизводство людей вскоре могло опередить возможности Небесной Сети по регенерации автоматических устройств. Люди на удивление быстро наловчились отыскивать уязвимые места противника и наносить легионам Небесной Сети ощутимые потери. Компьютер сделал прогноз: при данном раскладе пройдет немного времени, и численность людей превзойдет численность киборгов. С самого начала компьютеры Небесной Сети допустили просчет, и он теперь путал все карты. Они не приняли во внимание стойкости духа людей, а поэтому электронному мозгу так и не удалось создать способ сломить волю человека к победе. Война, между тем, шла уже тридцать первый год...

Заслышав приближающийся рокот моторов, боец подхватил девочку и скрылся в развалинах. В небе показалась эскадрилья боевых машин «летающий охотник-убийца». Лучи прожекторов полоснули землю. Машины шли туда, где на фоне сумрачного горизонта мелькали вспышки далекого боя.

В пункте между двумя высотами, которые в мирное время назывались Пико и Робертсон, разгорелось решающее сражение. Армия повстанцев, порядком измотанная в длительных боевых действиях, состояла из молодых людей — уроженцев Африки, Южной Америки и нескольких австралийцев. В ядерном конфликте между сверхдержавами, который уничтожил земную цивилизацию, уцелели в основном жители территорий, расположенных к югу от экватора. Объединенные в одно войско Джоном Коннором, они обосновались в разрушенных городах, то и дело атакуемых стальным легионом Небесной Сети.

Вспышка лазерных лучей скрещивались над полем боя, отбрасывая мертвенно-бледный свет на колонны машин, которые стягивались к месту сражения. Железные полчища состояли из боевых машин «охотник-убийца», по виду напоминавших тачки на катках, самоходных четырехопорных огневых установок «центурион», самолетов «летающий охотник-убийца» — ОУ — и бомб «сливерфиш», которые, реагируя на инфракрасное излучение, проникают

в укрытия, где прячутся люди, и взрываются там. Вслед за машинами двигались терминаторы-гуманоиды, чем-то похожие на людей.

Смертоносные стрелы лазеров поражали людей и здания молнией, сопровождаемой страшным взрывом. На равнину выскочил видавший виды грузовичок с самодельной бронированной обшивкой. Сидевший в нем стрелок дал залп из портативной установки ракетой «Стингер». Снаряд, точно раскаленное лезвие ножа, пропорол небо и поразил один из двигателей ОУ. Когда расколовшаяся пополам летающая крепость с воем падала на землю, вниз хлынул поток света. Взрывом накрыло руины и стерло с лица земли небольшой эскадрон «центурионов».

Стрелок издал торжествующий крик, но позади него вдруг задрожала земля, и ОУ на полной скорости понесся к грузовичку. Еще секунда — и катки танка смяли его, точно пустую жестянку из-под пива.

А в это время среди груды камней, на месте которой когда-то был торговый центр «Вестсайдский павильон», шла битва людей с металлическими эндоостовами-терминаторами. Промерзшие, истекающие кровью, едва прикрытые лохмотьями солдаты сражались, как и вся армия Джона Коннора, с отчаянным упорством и стойкостью солдат Вашингтона в долине Фордж*, только оружие у них было ультрасовременное.

Коуэн, семнадцатилетний партизан, забыв про опасность, выскочил из укрытия навстречу трем приближающимся терминаторам и всадил в каждого по заряду из ручного гранатомета. Они повалились на землю и замерли, ибо у них замкнуло цепь. Юноша принялся торопливо перезаряжать гранатомет.

В неверном свете далеких вспышек обозначилась выступившая из тени фигура.

— Давай помогу,— негромко сказал человек и потянулся к гранатомету.

Коэун вряд ли бы смог объяснить, откуда он узнал, но только с этим типом не все было в порядке. Он присмотрелся к нему повнимательнее. Такая же, как у остальных партизан, повязка. Стоп! Но ведь цвет сменили еще неделю назад. Коуэн мгновенно вставил заряд, нажал на спуск и одним прыжком добрался до спасительной бетонной глыбы.

Взрывной волной ему обожгло затылок. Он согнулся, прижался к шершавому бетонному валуну и чуть не потерял сознание. Из левого уха вытекла струйка крови, он с ужасом понял, что больше не сможет слышать этим ухом. И все-таки, когда Коуэн увидел, что сталось с «незнакомцем», вызвавшимся ему помочь, на его лице появилась довольная улыбка.

«Незнакомец» распластался на земле, зияющая на груди рана обнажила его металлическое нутро. Сломанный нейтронный позвоночник выпирал из-под кожи. Терминатор извивался в агонии, судорожно хватая ртом воздух. Ни дать, ни взять — марионетка, запутавшаяся в собственных нитях. Вскоре автоматика полностью отказала, и глаза «человека» начали гаснуть. Разглядывать поверженного врага было некогда, и Коуэн снова перезарядил оружие. Груда камней неподалеку от него зашевелилась. Из нее показалась бомба «силверфиш», стремительно покатилась к Коуэну и остановилась у его ног. Он резко повернулся всем корпусом и стремглав бросился прочь...

*Долина Фордж — место, где находился лагерь и штаб-квартира Вашингтона во время войны за Независимость.

Бомба разорвалась, брызнув во все стороны фонтаном острых, как бритва, раскаленных осколков. Коуэн припал к земле, но тут же вскочил и, низко пригнувшись, побежал.

Из-за дыма и пыли он почти ничего не видел. Глаза слезились от ядовитых паров. Пробираясь на ощупь между развалинами, он попал в коридор, ведущий в недра полуразрушенного здания. Он не сразу осознал, что осколок снаряда впился ему в плечо. В первое мгновение Коуэн ничего не почувствовал, хотя понимал, что волна нестерпимой боли вот-вот разольется по телу. И все-таки ему, считай, повезло. Еще как повезло!

На повороте перед ним открылась черная, зияющая дыра в полу, над которой маячил неясный силуэт. Металлический эндоостов терминатора. Стальной кулак ударил в ребра и отшвырнул его к стене. Гранатомет отлетел далеко в сторону, теперь ему ни за что не дотянуться до своего оружия. Парень задохнулся от боли в груди. Похоже, сломаны ребра. Робот выпрямился и теперь возвышался над Коуэном, целясь ему в голову.

Повезло, называется. На этот раз ему не спастись. Черное отверстие ствола неумолимо приближалось. «Вот она — смерть»,— пронеслось у него в голове. Еще секунда — и ему снесет голову. Но прошла секунда, другая. Время будто остановилось. Коуэн поднял веки и посмотрел терминатору в глаза. Безгубый рот машины кривился в вечной ухмылке, обнажавшей хищный ряд зубов с титановым покрытием. От этой ухмылки Коуэну стало не по себе. Блестящий металлический череп точно издевался над ним. Глаза, отливавшие красным светом, уставились на человека. Сейчас... Но робот почему-то н е с т р е л я л. Коуэн попытался набрать воздуха, сам удивляясь, что все еще жив. Секунды собирались в минуты, а выстрела все не было. И вдруг до него дошло, что робот н е д в и г а е т с я. Более того, его глаза-огоньки потухли.

Держась за стену, Коуэн с трудом поднялся на ноги. Мысли путались, сознание ускользало. Робот по-прежнему продолжал тупо смотреть на то место, где только что сидел Коуэн. Все еще не веря своему счастью, парень шагнул к хромированному эндоостову и толкнул его в грудь. Терминатор покачнулся и с грохотом рухнул на пол.

В конце коридора Коуэн заметил солдата. Это Брин, с которой им не раз приходилось бывать в переделках. От пережитого он потерял способность удивляться, а просто смотрел, как она приближается к нему, взглядываясь в поверженный металлический остов. Он заговорил, едва ворочая непослушным языком.

— Он... просто остановился. Сам по себе.

— Сами по себе они не останавливаются,— возразила Брин и, обхватив его за плечи, осторожно повела к выходу, где их ждали уцелевшие бойцы из их отряда. Сейчас они узнают, что случилось с роботом.

В наспех оборудованном окопе далеко от того места, где разворачивался главный бой, находился человек, чьей жизнью люди слишком дорожили, чтобы подвергать ее опасности. Он следил за событиями через полевой бинокль, оставаясь невозмутимо спокойным среди всеобщей суматохи и воплей. Совсем еще нестарое лицо сорокапятилетнего мужчины, задубевшее и посуровевшее от постоянного напряжения. Шрамы, избороздившие левую сторону этого мужественного лица, нисколько его не портили. На форменной рубашке значилось имя генерала повстанческой армии: КОННОР.

Сквозь треск и шипение в радиопередатчике слышались взволнованные, полные сдерживаемого напряжения голоса. Командиры докладывали обстановку с передовой. Сюда собирались сводки со всего театра военных действий, из других городов, из соседних штатов: Сан-Франциско, Сиэтла, Чикаго (Нью-Йорк уже длительное время находился во власти машин). Слышалась многоязыкая речь: английский и испанский смешивались с суахили и японским — ведь это была первая в истории человечества подлинно интернациональная армия. Все страны, в которых после ядерного удара хоть немного теплилась жизнь, послали сюда своих добровольцев. Люди собирались под знаменем Коннора, чтобы выстоять в схватке с машинами.

Сопротивление Небесной Сети нарастало по всей планете, но решающие бои шли в Шайенских горах, в штате Колорадо, где в подземном бункере был установлен центральный процессор Небесной Сети. Второе по важности наступление повстанцев разворачивалось в районе Вестсайда за овладение тщательно охраняемым автоматизированным комплексом Сети, также располагавшимся глубоко под землей. В последние два дня люди понесли колоссальные потери. Но Джон знал, что победа за ними. На их стороне превосходящая огневая мощь и несгибаемая воля к победе. Вот только цена, которую придется заплатить за освобождение, слишком велика. Мысль об этом печалила Джона. Множество парней и девушек, только вступающих в жизнь, боровшихся за будущее людей, никогда не узнают, как будет выглядеть мир, освобожденный от механических чудовищ, мир, в котором улеглось кровавое эхо войны. Он не мог больше видеть, как солдаты, с которыми он делил годы лишений, гибнут, уничтоженные машинами в самый канун победы. В этом мире нет и малой толики справедливости. Где он, ваш добрый боженька? Много он вам помог? Существует ли хоть какая-то разумная сила, которая управляла бы свихнувшейся Вселенной? На Земле каждый был сам за себя, никому нет дела до других, пока не ожила Небесная Сеть и не заполнила пустоту, в которой когда-то царил равнодушный к людским страданиям Бог. Вот уж кто по-настоящему взялся за управление Вселенной, так это Сеть. И ведь как все получилось: ничтожное творение человеческих рук взялось осуществить сокровенную мечту людей. Человечество издавна задумывалось над тем, как искоренить плевелы. Правда, истина заключается в том, что дурное есть в каждом, потому машина и приняла самое разумное решение. Зачем тратить время на то, чтобы отделять злаки от плевел, когда можно взять и прекратить существование человечества? С точки зрения космической целесообразности люди со всеми их заблуждениями и слабостями оказались просто не нужны. Что такое милосердие, электронный судия не ведал. Этого слова не было в лексиконе Сети, которая руководствовалась лишь точным расчетом и принципом воздаяния за грехи.

Джон страстно мечтал о том дне, когда завершится война и снова пойдет отсчет человеческой цивилизации, которая исправит ошибки предыдущих эпох. Но, подобно большинству других выдающихся военачальников прошлого, он не мог представить себе тот мир, дорогу к которому прокладывали его солдаты. У него хватало времени лишь на то, чтобы разрабатывать стратегические замыслы своих военных кампаний. До сегодняшнего дня он никогда не задумывался над тем, что будет, когда война завершится. Мир, который наступит вслед за тем, казался ему столь далеким и нереальным, как мираж усталому путнику.

На пересечении Пико и Робертсон творилось непонятное. Джон снова

поднес к глазам бинокль. Летающий ОУ, который находился в его поле зрения, неожиданно потерял управление. Машина вошла в штопор, ее неумолимо тянуло вниз. Над самой землей самолет взорвался, осветив огненной вспышкой целое кладбище техники. Молодцы ребята! Если живы, их нужно представить к награде. Но это еще не все. Два летающих ОУ внезапно накренились на борт и пошли вниз, хотя по ним никто не стрелял. В отсветах пылающих обломков его взгляду представилось невероятное зрелище: полчища металлических солдат застыли на месте, точно игрушечные солдатики, у которых кончился завод. Пламя лизало их хромированные остовы. Вспышки лучевого оружия стали реже, а затем, словно по волшебству, и вовсе прекратились.

Повстанцы начали выходить из окопов и осторожно подбираться поближе к остановившимся машинам. Еще один летающий ОУ, который находился в небе в какой-нибудь миле от линии фронта, рухнул на землю. Джон с изумлением увидел, что небо полностью очистилось от роботов-самолетов. Он еще раз обвел взглядом поле боя. Ни одна из машин Сети н е д в и г а л а с ь.

Случилось невероятное.

Землю накрыла тишина.

Зловещая тишина. Было слышно только, как завывает ветер. Ни выстрелов, ни взрывов, ни рева моторов, ни треска двигателей. Даже радио молчало. Но вот раздался одиночный голос, в котором за напряженным спокойствием чувствовалось волнение: «На связи отряд из Нового Орлеана. Они не двигаются! Просто... встали». В эфир ворвался другой голос: «Говорит Чикаго! ОУ падают! О, Господи, они разбились». Это сообщение перекрыл еще один: «Сан-Франциско сообщает. Не понимаю, что происходит. Терминаторы отключились. Нам никто не препятствует! Мы вошли на территорию автоматизированного комплекса...» И вдруг в эфир прорвались десятки голосов и, захлебываясь, начали торопливо передавать одно и то же. Джон и без того уже знал, что они скажут. Об этой минуте он мечтал всю свою жизнь.

К нему подошел лейтенант Фуэнтес и встал рядом, недоуменно глядя туда, где только что кипел бой. Негромко, так, что Джон скорее угадал эти слова, чем расслышал их, он произнес:

— Только что получена информация... Сеть уничтожена.

Мужчины смотрели друг на друга, боясь поверить в случившееся. Трудно было осознать, что автоматика, рассчитанная на десятки лет, оказалась уязвимой.

— Война закончена, Джон. Мы победили.

Фуэнтес вздохнул полной грудью. Впервые за долгое время дышалось так легко. Воздух, устремившийся в легкие, разбудил дремавшие дотоле чувства, которые волной поднимались в нем, рвались наружу сквозь заслоны суровой сдержанности, ставшей привычной для него за годы войны. Не в силах дальше сдерживать охватившее его ликование, он что-то закричал.

В этот день торжествующие возгласы слышались отовсюду. Люди, смеясь и плача от счастья, поднимали глаза к небу, голубому небу очистившемуся от грозных теней. Долгая война закончилась. Наконец...

Джон Коннор опустился на колени. Ему с трудом давалось каждое слово... А впереди ожидали новые дела. Он пока не может позволить себе передышку. Главное ожидает его в логове металлического чудовища. Овладев собой, Коннор взялся за микрофон и начал диктовать сухие, немногословные

приказы. Те, что ему было предназначено отдавать самой судьбой...

ВОЛЕЮ СУДЬБЫ

Проникнуть в бункер оказалось непросто. Люди вывели из строя центральную часть компьютера в Колорадо, но оставались десятки самостоятельных, независимых от центрального процессора, терминаторов, действовавших в режиме самостоятельного поиска и ликвидации живых целей. Располагая мощными блоками питания, они могли просуществовать долгие годы, по-прежнему угрожая людям. Война была выиграна, но до окончательной победы еще далеко, и Джон понимал это. Люди будут гибнуть, пока не покончат с последним терминатором.

Наступившие занимали территорию автоматизированного комплекса. Потребовалось больше трех часов, чтобы полностью подавить яростное сопротивление охраны. Под прикрытием взвода минеров, которых Джон отбирал для этого задания лично, генерал вместе с командой электронщиков спустился в подземелье. Фигурки людей казались совсем крохотными на открытой платформе огромного грузового лифта, провалившейся вниз под углом в сорок пять градусов. Люди чувствовали себя песчинками на фоне бескрайнего царства машин.

Лифт с грохотом остановился. Генерал и его сопровождающие оказались в фантастическом мире, выстроенном роботами для самих себя. Никогда прежде нога человека не ступала в этом мертвом лесу уродливых конструкций, столь неуклюжих, точно их возводил безумец, которого нимало не заботил внешний вид его творений, лишенных таких привычных атрибутов, как дверные ручки или лампочки.

Место показалось Джону знакомым, и у него защемило сердце. «Об этой минуте я мечтал столько лет. Пытался представить себе, как выглядит бастион Небесной Сети, и вот я здесь...» — думал он.

Обгоняя спутников, генерал размашисто шагал мимо застывших в оцепенении терминаторов, больше не представляющих опасности. По бесконечным переходам подземелья, настороженно озираясь, двигались передовые группы специалистов. Люди быстро заполняли бункер, точно микроорганизмы, проникшие в утробу чудовища. Джона узнавали сразу и отдавали ему честь, хотя на рубашке у него не было знаков отличия. Джон Коннор относился к тому редкому типу военачальников, которые пользовались глубоким уважением своих солдат. Однажды Джон выскочил из укрытия и швырнул гранату в ползущий прямо на огневую точку танк. Измотанные длительными боями люди, затаив дыхание, наблюдали из окопов, как генерал вместо того, чтобы отбежать на безопасное расстояние, задержался возле горящего ОУ, сливая остатки топлива из танка в собственную машину. Ни разу не случалось ему потребовать от своих солдат такого, чего бы он прежде не сделал сам. И самое главное: каким-то непостижимым, сверхъестественным чутьем он всегда отыскивал единственно верное решение. О личном мужестве и отваге Джона ходили легенды. Люди шли за ним с такой верой, какую никогда не смогла бы внушить им самая совершенная машина.

И все же друзей у Джона не было. Даже Фуэнтес, который шел бок о бок с генералом по дорогам войны последние пять лет, постоянно ощущал разделявшую их дистанцию. Да, в бою каждый из них, не задумываясь, отдал

бы жизнь за другого, но по-настоящему близки они не стали. Поначалу, когда Джон еще только создавал костяк своей армии и нуждался в поддержке, он казался более доступным и открытым, хотя общительность его в ту пору диктовалась скорее необходимостью и тактическим расчетом, нежели склонностью натуры. В душе он испытывал искреннее тепло и благодарность к тем, кто шел за ним до конца, но потребности сходиться с людьми у него не было. Личная драма, пережитая, когда ему не исполнилось еще и тридцати, сильно изменила жизнь Джона, приучив его сдерживать душевные порывы, и маска суровой озабоченности, скрывавшая его чувства, стала для него привычной.

Когда Фуэнтес подошел к нему, Джон, расположившийся в глубокой воронке, отдавал последние распоряжения отряду, выходившему на задание. Лица молодых бойцов, совсем еще мальчишек, светились гордостью и юным задором. Им суждено было погибнуть в диверсионной операции, которая приблизит полную и окончательную победу над машинами. Солдаты исчезали среди руин, освещенных луной. Фуэнтес, пытаясь сохранять внешнее спокойствие, доложил генералу, что конвой, доставлявший партию боеприпасов из Мехико, нарвался на засаду ОУ. Все как один погибли.

Джон выслушал сообщение. Кивнул вместо ответа. Очередная потеря в войне и без того унесшей столько человеческих жизней. Недостаток боеприпасов ощутим на переднем крае, но продержаться, пока не подоспет подмога, можно. К неизбежности утрат на войне Джон приучил себя давно. Трагический конец ожидает и тех ребят, которых генерал только что отправил на задание. Но способность воспринимать трагедии притупляется, если они случаются каждый день.

Фуэнтес это понимал. В том, что Джон спокойно принял дурные новости, ничего особенного, пожалуй, не было. Генерал всегда казался невозмутимым на людях. И лишь оставшись один, впадал в мрачную задумчивость. Этим парням еще бы жить да жить... Но он не мог поступить иначе. Насущные заботы не позволяли генералу замыкаться на собственных переживаниях, и главной из этих забот оставалась окончательная победа, во имя которой он нес тяжкое бремя ответственности за каждую смерть. Но Фуэнтес знал кое-что еще...

Конвой, который вышел из Мехико, вела Сара Коннор. Джон не позволял ей подвергать себя опасности и участвовать в бою, но Сара не привыкла ждать разрешения, и ни у одного командира не хватило бы решимости перечить ей. Джон до сих пор робел перед матерью. Сара Коннор не только мастерски владела любым оружием, она к тому же обладала находчивостью и стойкостью духа. Но этого, увы, мало, если не равны силы. Именно так и получилось на сей раз...

Вот почему Фуэнтес был потрясен спокойствием генерала, который лишь кивнул, выслушав известие о гибели Сары. Через несколько часов слух об этом разлетится по всей стране, и оплакивать легендарную Сару Коннор станут люди, даже не знавшие ее. А что же ее сын? Поблагодарил помощника за доклад и, отвернувшись, зашагал прочь.

Спустя некоторое время Фуэнтесу вновь потребовалось увидеть генерала. Он нашел его не сразу. Джон, закрыв лицо руками, сидел на своей скромной солдатской койке. Он плакал. Фуэнтес постоял на пороге и тихо вышел. Он не желал быть свидетелем слабости командира. С той минуты Джон еще

больше замкнулся в себе. Непроницаемое выражение лица стало для него таким же привычным, как военная форма, с которой он не расставался вот уже много лет.

Фуэнтес любил Джона Коннора, хоть ладить с генералом было непросто. Ни за что на свете Фуэнтесу не хотелось бы поменяться с ним местами. Хорошо знавший генерала, Фуэнтес понимал причину его мрачной задумчивости: неимоверно велика цена победы, которую предстоит заплатить человечеству.

Обо всем этом Фуэнтес размышлял, углубляясь вслед за Джоном в самое сердце Небесной Сети. Лицо генерала стало суровым — он словно предчувствовал новый удар, ожидавший его здесь.

В помещении, перед распахнутой бронированной дверью которого они остановились, царила деловая суета. Просторная комната размером с хороший спортивный зал была набита сложнейшей техникой, над которой самозабвенно, точно жрецы перед алтарем механического божества, колдовали электронщики. Они выводили данные на экраны, спешно считывали полученную информацию, сопоставляя ее с заранее известной, ибо, как ни странно, Джон предвидел то, чем им предстояло заняться.

В одном месте была снята обшивка пола, и несколько специалистов окружили зияющую дыру. Люди проникли в мозг Сети при помощи принесенных сюда собственных вычислительных машин. С детства привычные к технике они проходили свои университеты на поле боя и привыкли решать сложнейшие задачи не просто на ходу, а на бегу, под грохот разрывающихся снарядов. Для этого задания Джон отобрал лучших из лучших. Им предстояло до конца раскрыть машинный код Сети, выяснить ее замыслы и тайные планы. «Мы прикончим врага его же оружием»,— думал Джон, с гордостью наблюдая за четкими, уверенными действиями техников. С такими людьми нельзя не одержать победу.

Его приветствовал старший группы, Уинн, нервозный и не слишком уверенный в себе человек, выказавший завидную выдержку и недюжинные способности организатора в руководстве командой дешифровальщиков.

— Все готово к пуску,— доложил Уинн.

— Он здесь? — спросил Джон, чувствуя, как у него перехватывает дыхание.

Уинн кивком указал на кучку людей, собравшихся в дальнем конце зала. В центре стоял молодой солдат, причем остальные выказывали в обращении с ним такую почтительность, точно юноша принадлежал к особам королевской крови. Джон прикрыл глаза, пытаясь унять волнение. Перед ним был Кайл Риз.

Джон шел к нему, преследуемый странным ощущением нереальности происходящего и одновременно смутными воспоминаниями о том, что все это уже с ним когда-то было. Нет, он не шел, а парил в невесомости, оставив далеко внизу тяжелый груз забот. Настал радостный день победы, о котором он мечтал и которого столь страшился. Ибо ему предстояло главное испытание...

Кайл сбросил форму, и медики принялись натирать его резко пахнущей мазью.

Фуэнтес сморщил нос.

— Что это такое?

— Способствует улучшению проводимости во времени. Теперь он легко

пройдет сквозь поле «Т»,— терпеливо объяснил ему Уинн.

Фуэнтес ровным счетом ничего не понял. Ему вообще не нравилась вся эта шумиха вокруг перехода во времени, которому Джон придавал такое значение. Раньше Джон пытался объяснить, почему для него это так важно, но у Фуэнтеса любая мало-мальски сложная техническая проблема вызывала головную боль. Здесь, в бункере, напичканном аппаратурой, ему претило буквально все. Он посвятил свою жизнь уничтожению машин, и они были ненавистны ему. Все, кроме того нехитрого устройства, которое переброшено у него через плечо. Оружие — вот единственный механизм, который он признавал. В глубине души Фуэнтес понимал, что глупо относиться к роботам как к живым существам. Сколько раз Джон втолковывал ему, что творить зло могут только люди, создающие машины. Сами же машины не бывают ни плохими, ни хорошими, ведь Сеть создали люди, испытывая такой страх перед своими собратьями, что сочли обычное оружие ненадежным. Они сотворили современнейшую Сеть, которая и воплотила в реальность ядерный кошмар, преследовавший людей.

Пусть так, но сейчас Фуэнтес хотел одного: поскорее выбраться на поверхность. Там, наверху, его ребята празднуют победу. Льется рекой выпивка собственного изготовления. Наверняка пошел в ход запас консервов, захваченных на днях. Там заждалась его любимая женщина. Правда, Джон продолжает твердить о делах, которые у них остались. Фуэнтес не прочь повоевать, но в этой крысиной норе солдату делать нечего. Его место сейчас там, где пылают костры победы. В то же время внутренний голос подсказывал ему, что Джон всегда оказывается прав. Надо, так надо — уговаривал себя Фуэнтес, отгоняя страх, охватывавший его по мере того, как они углублялись в бункер.

Джон вглядывался в лицо Кайла, такое молодое, без единой морщинки. Странно было сознавать, что перед ним его отец. Кайл выглядел спокойным, дышал размеренно. Самообладания и выдержки ему, как видно, не занимать. Он внутренне собрался перед событием, которое, как к нему ни готовься, застает врасплох. Кайлу Ризу предстоял прыжок во времени. Никто, кроме Джона, не сводившего с Кайла внимательного взгляда, не заметил бы тревожного блеска в глазах юноши. Врач сделал Кайлу инъекцию инсулина, от которого мгновенно напряглись и затвердели все мускулы.

Специалисты расступились, и Джон неожиданно оказался рядом с Кайлом. Они смотрели друг другу в глаза. Между ними не возникла дружба, но будь у них больше времени, они бы наверняка сошлись. До этого дня они встречались всего пять раз. В первый раз Джон даже не заподозрил, что этот солдат его отец. И лишь увидев Кайла во второй раз и выяснив его имя, посмотрел на него другими глазами. Но Кайлу он не сказал ни слова. Джон знал от матери все, чему предстояло сбыться и внутренне противился неизбежному. В нем зрело упорное неприятие рокового предопределения. Так было, пока машины не поднялись против людей, пока не разразилась война, и все то, о чем говорила Сара, стало сбываться с пугающей точностью. Катастрофа, предсказанная его матерью, обрушилась на Землю. Сейчас ему хотелось поговорить с Кайлом по душам, но ведь стоит упомянуть о главном, и окажется нельзя умолчать об остальном, времени же у них в обрез. Нет, Кайлу не нужно пока знать об этом.

Он должен думать только о предстоящем задании.

Кайл, которого смущало пристальное внимание Джона, заговорил первым.

— Вы знали, что выберут меня? — спросил он.

Джон заставил себя улыбнуться.

— Конечно. С самого начала. Мне сказала об этом Сара.

Глаза молодого солдата расширились от изумления. Ему показалось, он начинает понимать, почему из длинного списка добровольцев, среди которых многие были опытнее и старше, выбрали именно его. Ему вспомнилось откровенное удивление генерала, когда он, Кайл, назвал свое имя. Каким-то невероятным образом поток истории, той истории, какой предстояло свершиться в будущем, вовлек в свой неумолимый водоворот судьбу Кайла Риза. Джону Коннору что-то об этом известно — вот почему Кайла перевели в непосредственное подчинение генерала. Последнее время он часто находился рядом со своим командиром, но по сути дела был все так же далек от него.

Однажды они оказались в одном окопе. Повинуясь порыву, Джон достал из кармана заляпанной кровью куртки пожелтевшую, измятую фотографию и, не говоря ни слова, протянул ее Кайлу. Юноша хорошо помнил, как его потряс поступок генерала. Он знал, что солдаты, отправляясь в бой, часто брали с собой фотографию Сары Коннор. Он видел множество копий этого маленького снимка, но теперь держал в руках оригинал. Кайл понимал, что подарок свидетельствует об особом доверии генерала, не имевшего привычки выделять кого-либо из своих подчиненных, если только речь не шла о награде особо отличившихся. С того дня между ними больше не было произнесено ни слова. Генерал, будто намеренно, избегал обращаться к бойцу, но в то же время старался держать его при себе. Для чего? Наверное, он давно выбрал Кайла для этого задания. Волнение и гордость переполняли юношу.

— Вы все поняли? — обратился к нему генерал.

— Так точно, сэр. Мне понятно все, что я должен сделать, но не совсем понятен смысл задания.

— Вы знаете ровно столько, сколько нужно, чтобы провести операцию.

Кайл стал по стойке смирно.

— Да, сэр,— отчеканил он.

Столь бурного проявления чувств, которое последовало, от генерала не ожидал никто. Фуэнтес никогда не видел командира таким растроганным. Джон обнял Кайла за плечи, притянул к себе. Затем добавил с подкупающей убежденностью:

— И вы сделаете все, как нужно.

Он справился с минутной слабостью и продолжал обычным, деловым тоном:

— При условии постоянного самоконтроля, разумеется.

— Разумеется, сэр.

Джон отвернулся, прикрыв глаза рукой, но Кайл успел заметить взгляд генерала, силившегося выдавить улыбку. Однако размышлять над странным поведением своего начальника ему было некогда.

Старший группы электронщиков Уинн скомандовал:

— Приготовиться! Пуск!

Над отверстием в полу поднялись и легко запарили в воздухе под

монотонное жужжание магнитных полей, два больших металлических кольца генератора времени, одно заключенное внутри другого. Кайл сделал осторожный шаг вперед, и первое кольцо накренилось под тяжестью его веса. С внешнего кольца он шагнул на внутреннее, бросил взгляд вниз, туда, где зияло темное отверстие, из которого веяло холодом бесконечной пустоты. Потом испуганно взглянул на Джона, который послал его в это путешествие во времени и теперь напряженно ждал, пока юноша сделает последний шаг.

— Наша машина не подведет! — с уверенностью крикнул Джон ему вслед.

— Помнишь, что я просил ей передать?

Кайл уловил по тону своего командира, что это не просто очень важно, а имеет еще и большое значение для него лично. Он набрал в легкие воздуха и ответил:

— Помню каждое слово, сэр.

Кайл переступил через кольцо и посмотрел под ноги. Все затаили дыхание. Кайл шел по воздуху, поддерживаемый невидимыми силовыми полями, созданными внутри колец. Перемещение во времени уже началось. Уинн проверял последовательность операций. На экранах компьютеров появились координаты движения Кайла. Металлические кольца медленно вращались, каждое вокруг своей оси. Жужжание силовых полей превратилось в мощный гул, перекрывший остальные шумы. Отверстие в полу вдруг стало расширяться. Кольца закружились еще быстрее и устремились вниз, увлекая с собой Кайла. Он еще раз посмотрел на генерала и больше не спускал с него взгляда, пока не спустился в огромный барабан генератора времени. Джон приблизился к самому краю отверстия и следил за тем, как сверкающие кольца уносят Кайла вниз. Вращение приобретало все большую скорость, контуры обоих колец слились в сплошное марево. Гудение силовых полей заполняло комнату, в нем слышалось звучание космической музыки. Электрические заряды отскакивали от стенок генератора. Нагнувшись над краем отверстия, Джон вглядывался вниз. Фуэнтес схватил его за руку и потянул назад. Ему показалось, что, не вмешайся он в это мгновение, генерал потеряет равновесие. Вспышка молнии сверкнула над генератором и озарила комнату. Уинн пригнулся. Сильно запахло озоном. Генератор выбросил гигантский заряд энергии. Люди отшатнулись, в спешке надевая защитные очки. Внизу происходило нечто невероятное, но что это было, знал только человек, находившийся сейчас в камере генератора. Камера превратилась в сгусток энергии, пронизываемый электрическими разрядами. Гудение приборов слилось в оглушительный грохот. Сердце Джона колотилось в такт бешеному кружению колец. Изнутри генератора донесся нечеловеческий вопль. Снова вспыхнула молния. Когда сияние поблекло, наверх, медленно покачиваясь, поднялись искореженные кольца и остановились. В один краткий и одновременно бесконечный миг Кайл Риз совершил прыжок во времени. На месте, где он только что стоял, все увидели гору мусора: банки из-под пива, смятые газеты и прочую дребедень, выброшенную за ненадобностью людьми одна тысяча девятьсот восемьдесят четвертого года.

Фуэнтес медленно снял очки.

— Свершилось.

Уинн подошел к самому краю отверстия и заглянул вниз. Вдали, затухая,

мерцали разряды. Поднятая ветром пыль осела.

— Ура! Получилось! — воскликнул Уинн.— Это сектор пространства восемьдесят четвертого года. Мы заменили его современным.

— Что теперь будет с сержантом Ризом, сэр? — спросил у генерала Фуэнтес.

— Вернее сказать, что было потом?

Коннор по-прежнему смотрел в невидимую даль.

— Он погибнет, выполнив задание.

— Хороший он солдат...

Гримаса боли исказила лицо генерала при этих словах Фуэнтеса.

— Это мой отец? — ответил он.

Фуэнтес не сразу пришел в себя от изумления. Только теперь до него дошло, чего боялся Джон. Вот что омрачало ему радость победы. Да, цена, которую ему пришлось заплатить за нее, уж слишком высока.

Генерал наконец оторвал взгляд от дымящейся камеры, и все заметили, что он как будто постарел. Лицо осунулось, черты заострились. Он положил руку на плечо Фуэнтеса, словно ища поддержки. Фуэнтес никогда бы не поверил, что ему доведется когда-нибудь увидеть командира сломленным. Он знал, Джон часто бывает измученным, что его гнетет одиночество, но таким не видел его никогда. Фуэнтес крикнул по-испански стоявшим позади минерам:

— Ставьте взрывные устройства. Пусть все это летит к чертовой матери.

Джон наконец совладел с собой.

— Не торопись,— сказал он, покачав головой. — У нас осталось еще одно дело. — Он обернулся к Уинну. — Что показывают приборы?

Уинн взглянул на карманный счетчик, висевший у него на поясе, затем удивленно уставился на Джона.

— Все, как вы и говорили.

Джон глубоко вздохнул. Совсем рядом неумолимо вершилась живая история. Он повернулся и вышел из комнаты. Уинн направился было за ним, но Фуэнтес, не понявший ни слова из их разговора, остановил электронщика.

— О каких показаниях идет речь?

Уинн снова взглянул на счетчик.

— Такой сигнал возникает, когда происходит смещение во времени. Пока мы шли сюда, счетчик зарегистрировал два подобных сигнала.

Уинн вышел из комнаты, Фуэнтес направился за ним.

— Что там за история с двумя счетчиками?

— Первый раздался при переброске Терминатора в восемьдесят четвертый год.

Уинн торопился, догоняя генерала. Фуэнтес не отставал от него.

— Ну, а второй?

— Похоже, существует еще один Терминатор.

Шаги Джона гулко отдавались в безлюдном тоннеле. Фуэнтес и Уинн едва поспевали за ним. Люди шли бесчисленными галереями, заполненными неподвижными роботами. Этой коллекции сложнейшей боевой техники, созданной Сетью, нет цены. Чтобы разобраться в ней, опытным электронщикам Джона понадобятся годы и годы. И лишь после того, как будет изучена каждая машина и понято ее назначение, Джон примет решение либо уничтожить

роботов, либо сохранить их для нового общества, которое возродится на пепелище войны. Прошлый опыт навряд ли здесь пригодится — ведь он умел только уничтожать машины. О том, что ждет его завтра, Джон не имел понятия. Подходя к массивной стальной двери в конце коридора, он вдруг почувствовал, как оживают неясные воспоминания. И понял, что за этой дверью разгадка его судьбы. Открыв эту дверь, он получит ответ на вопрос, преследовавший его всю жизнь. Сбудется ли предсказание до конца?

Уинн подошел к двери и набрал на пульте код, снятый им с внутренней клеммы подбитого ОУ. Замки автоматически открылись. Дверь со скрежетом подалась, и поток воздуха с шипением ринулся в вакуум. Джон шагнул через порог, посветил фонарем в глубь комнаты и застыл на месте. Фуэнтес и Уинн тоже включили карманные фонари.

Перед ними высился металлический пресс, заполнивший собой все пространство от пола до потолка. Его опутывала паутина шлангов, тянувшихся от стены. Пригибаясь, чтобы не задеть шланги, люди приблизились к прессу и остановились перед парой двадцатитонных пластин, между которыми был неширокий просвет, как раз достаточный для того, чтобы там мог поместиться человек. При внимательном рассмотрении им стало ясно, что просвет между пластинами похож на очертания человеческой фигуры. Джон изучал блестящую капельку, которую заметил на краю полукруга, соответствовавшего уровню человеческой шеи. Он дотронулся до этого места концом ствола. Что-то похожее на ртуть блеснуло на темной поверхности ствола и тут же исчезло, точно впиталось в металл. Джон протянул автомат своим спутникам. Те посветили на ствол, но ничего не увидели.

— Куда оно делось? — недоумевал Фуэнтес.

Уинн рассматривал кончик ствола с благоговением человека, ожидающего явления Господа. Он разглядел крохотное, толщиной не более одного-двух миллиметров, вздутие на окружности ствола, как раз там, где на металл попала блестящая капля.

— Вот оно,— сказал Уинн. — Мне кажется, вещество соединилось с металлом и восприняло все его свойства. Интересно..

Если у Джона еще оставались колебания насчет того, как поступить, то теперь они исчезли. Настал момент сделать последний ход в поединке, который он вел с Сетью целых пятнадцать лет. Он знал многое из того, что произойдет в будущем, но это знание простиралось лишь до определенного момента во времени, после которого он уже не мог предсказать будущее, а точнее, вспомнить о том, что должно было произойти. Лезвие ножа, вырезавшее на столешнице старого походного столика надпись «Судьбы нет», прочертило границу между тем, что, как он знал, случилось и тем, что могло случиться. Ожидает ли гибель его самого? Возратится ли все опять на круги своя? Или?..

Впервые за всю сознательную жизнь он не знал ответа на свои вопросы. В душе зашевелились недобрые предчувствия, когда, передав оружие Уинну, он двинулся в темную глубину комнаты и остановился перед тяжелой стальной дверью, покрытой тонким слоем подтаявшей изморози. Джон набрал код и подождал. Дверь отворилась, ломая сковывавшую ее ледяную печать точно хрупкое стекло. Шагнуть через порог он не успел. Фуэнтес отстранил его и вошел первым, держа оружие наизготове. Изо рта у него шел пар. Они

оказались в морозильной камере. Ошеломленный Фуэнтес застыл на месте: со стальных крючьев на потолке свисали нагие тела. Джон посвятил фонариком. Сотни мужских и женских тел, по десять в каждом ряду, но самое поразительное, что в каждом ряду они были совершенно о д и н а к о в ы е.

— Терминаторы! — прошептал Фуэнтес, держа палец на спусковом крючке.

Джон прошел через этот мертвый лес тел и в задумчивости остановился, всматриваясь в лица. Он не нашел того, что искал. Может быть следующий ряд? Тоже нет. Странно... Он пошел дальше. И вдруг остановился. Лица терминаторов, похожих друг на друга, точно две капли воды, показались ему удивительно знакомыми. Крупные, мужественные черты, при взгляде на которые замерло сердце.

Это был он, Джон Коннор.

Только моложе. Из того давнего и далекого далека, в котором Судный День был еще за горами, и мир за несколько шагов отстоял от края смертельной пропасти. Глаза Джона заблестели. Вот какой конец уготован ему. Ничего хорошего впереди его не ждет. Точно так же, как и сержанта Риза.

Резкий голос Фуэнтеса вернул генерала к действительности.

— Я им сейчас устрою праздничный салют!

Фуэнтес только сейчас обратил внимание на выражение отрешенности на лице генерала.

— Случилось что-нибудь?

Джон показал на ближайшего из терминаторов. Глаза его были прикрыты, но терминатор не спал — он ждал своего часа. Генерал перевел взгляд на Фуэнтеса и усталым шепотом произнес загадочную фразу:

— С переброской во времени есть одна закавыка. Все дело в том, что до конца еще далеко даже тогда, когда все уже кончено.

И Джон поспешил вернуться к Уинну, все еще стоявшему возле двери. Фуэнтес слышал, как они возбужденно обмениваются какой-то технической тарабарщиной. «Занимаются не тем, чем надо,— раздраженно подумал он. — Война окончена. Победа за нами. Разве не так?»

ГРОЗА

Место действия: Калифорния. Сейчас. 3.14 ночи

Дейн Шорт размечтался о прелестях младшей сестры своей жены. Опасная вещь — подобные мысли, и не только потому, что могут завести черт знает куда,— дело в том, что он предавался своим фантазиям за рулем мощного трейлера, одолевавшего коварный спуск во внезапно сгустившемся тумане. Он как раз представлял себе соблазнительные груди Денизы, когда прямо перед ним из тумана возникли задние огни машины. Он резко нажал на педаль, тормоза отвратительно взвизгнули, чаще-часто задрожала кабина. Шины тридцативосьмитонной махины с грузом замороженного лимонада в рефрижераторе прочертили на асфальте черные полосы. Он сбросил скорость и включил первую передачу. Он всякий раз вздрагивал, когда груз кренился в его сторону. Выброс адреналина в кровь — и вот он уже ясно представляет себе, как его грузовик, прыгнув точно разъяренный скорпион, крушит боковое

ограждение, скатывается на насыпь четырнадцатой автострады и летит вниз, прямо на скалы Васкес...

Сегодня ему повезло. Шины попали на сухое пятно на дороге, и скольжение прекратилось. Грузовик вздрогнул, сделал еще один рывок в сторону, однако удержался на дороге и в самый последний момент избежал столкновения с медленно двигающейся навстречу машиной.

Дейн вцепился в руль, прерывисто дыша. Предостережение свыше, решил он. Прекрати-ка думать об интрижках со своей восемнадцатилетней свояченицей, не то....

Он облегченно вздохнул, когда в тумане замаячил знак, оповещающий о выезде с Сьерра Хайвей. Несколько раз осторожно нажал на педаль тормоза, чтобы успокоить гигантскую машину, затем съехал под уклон на парковочную площадку под названием «Загончик».

На круглосуточной стоянке еще было несколько свободных мест. Неожиданный для летнего времени года туман заставил водителей покинуть автостраду Антилопа и загнал их в обшарпанные, залатанные кабинки.

Дейн поставил свой трейлер вплотную к борту точно такого же грузовика и соскочил на землю, чувствуя смертельную усталость. Он захлопнул дверцу машины и побрел через всю стоянку к ярко освещенному бару, на ходу расстегивая сырую от пота рубашку. «О, Господи»,— размышлял он, глядя на густой туман, клубившийся над автострадой, — «кто бы мог подумать, что от тумана будет такая духота — прямо дышать нечем». Пока он дотащился до бара, воздух, казалось, стал еще тяжелее. Удушливый, наполненный ожиданием — наверное, вот-вот разразится гроза. И в самом деле, открывая дверь, он, как ему показалось, заметил вспышку молнии, отразившуюся в стеклянной витрине. Взглянул на небо, но увидел все тот же туман, озаряемый оранжевыми и зелеными вспышками неона. Дейн пожал плечами и вошел внутрь.

Если бы он задержался у входа в бар чуть подольше и, вместо того, чтобы разглядывать небо, обернулся к своему трейлеру, то заметил бы еще одну вспышку молнии, ударившей прямо между бортами его и соседнего грузовика. И решил бы, что это огонь святого Эльма. И оказался бы неправ.

Уличные фонари мигнули и погасли. Туман начал отползать к припаркованным грузовикам, образуя между ними клубящиеся завихрения. Столбы бело-голубого пламени неистово плясали в стальном ущелье, образованном бортами трейлеров, треща как сминаемая бумага. Дьявольский пылевой вихрь кружился над асфальтом, вовлекая в свой водоворот обрывки бумаги и окурки сигарет. Негромкое гуденье переросло в пронзительный вой, будто невидимый транзисторный приемник шарил в эфире в поисках какой-то радиостанции. И он ее нашел.

Здесь.

Странная молния свилась во вращающийся сгусток энергии, напичканный зарядами. Боковые зеркала на обоих грузовиках выгнулись дугой и рассыпались на кусочки. Последовала ослепительная вспышка, словно одновременно щелкнули тысячи съемочных камер. Треск электрических разрядов неожиданно завершился громким взрывом. Свет погас, облако тумана отшвырнуло в сторону, а на том месте, где только что ничего не было, стоял человек.

Совершенно нагой.

Его рослое тело покрывала белая пыль, которая осыпалась как мука, когда он, распрямляясь, напряг мускулы своего великолепно сложенного тела. Коротко подстриженные, на военный манер, волосы дымились. На лице никакого выражения. Голубые, отливающие холодом стали, глаза, цепкие, но еще безжизненные, вбирали в себя мир, ничего не отражая.

Руки человека были идеальной формы: агрессивная округлость бицепсов заканчивалась точно у локтя, а затем, с геометрической точностью, вновь расширялась в сильное предплечье и плавно переходила в тонкое, почти изящное запястье.

Неизвестный Прометей сделал вздох, распрямляя мощную грудную клетку, словно снимая пробу воздуха. С полным равнодушием отметил его высокую влажность. Факт, который сам по себе ничего не значил, но, сопоставленный с дюжиной других, давал исчерпывающую характеристику времени и места.

Позади него сгусток энергии, образовавшийся при перемещении во времени, выжег причудливое отверстие в металлическом борте грузовика, края которого еще пылали от жара. Огненная дуга доходила до асфальта, образуя округлый кратер у ног неизвестного. Человек стоял там, где за мгновение до этого полыхал раскаленный шар. Легкой пружинистой походкой неизвестный отошел от грузовиков, осмотрел стоянку, помедлил, разглядывая три отсвечивающих никелем детали мотоцикла, небрежно прислоненных к хромированным подставкам у входа. Их рули напоминали металлические скульптуры собак, вытянувших передние лапы. Донеслись приглушенные звуки музыки из автомата. Человек прильнул к окну. Люди в баре смеялись, спорили, громко заказывали выпивку и закуски. Он повернулся и зашагал ко входу. Он знал, что найдет в зале владельца одного из мотоциклов.

Дейн только-только устроился в своей кабинке. Местечко это — настоящий притон, но хоть еда сносная. Рядом с ним два грузных шофера, сдвинув на затылок шляпы, склонились над тарелками от души наперченного рагу. В глубине зала троица замызганных мотоциклистов в джинсовых куртках играла в пул*; рядом со столом выстроилась батарея бутылок из-под «миллера»**. Владелец бара, Ллойд, обрюзгший детина в засаленном фартуке, с мрачным видом торчал за стойкой. В дальнем конце зала резалась в карты шумная компания шоферов, пережидавших туман.

Дейн с головы до ног окинул взглядом подошедшую официантку.

Слишком много косметики. Ростом пять и три или пять и четыре фута. Весит фунтов на двадцать больше, чем следовало бы. Но это ее не портит — все излишки спереди, и там, где надо.

Девушка понравилась ему. Еще как понравилась. Она с отрешенным видом жевала резинку, и это говорило о том, что она часами просиживает перед телевизором. Проблем с ней не будет. Девушка его типа.

Так-то оно так, да он все-таки женат. В нем внезапно проснулись угрызения совести, и он попытался подавить нарастающее желание мыслями о жене. Карла была набожной женщиной и относилась к браку очень серьезно. Особенно к супружеской верности. Если бы она обнаружила, что он ей

*Вид игры на биллиарде.

**Сорт пива.

изменяет, она попросту бы этого не пережила. Но, черт побери, они женаты уже шесть с лишним лет. Он знает каждый изгиб ее тела и, что еще хуже, каждое движение в постели. Заниматься с ней любовью все равно, что в двадцатый раз смотреть по телевизору сериал «Я люблю Люси». Приятно убаюкивает. В последнее время сладостные мысли об освоении новой территории одолевали его при каждом удобном случае. Давненько он не бывал в таких заведениях, как это. С тех пор, как окончил школу. Он меланхолично размышлял о том, что, как ни крути, а половину человечества составляют женщины. Непонятные существа. Восхитительные непонятные существа. Как эта официанточка...

На табличке он прочел ее имя. Клаудиа. Она протянула ему замусоленное меню, и он сказал ей: «Хелло!» В ответ она призывно улыбнулась и, плавно покачивая бедрами, направилась в кухню. Дейн, не отрываясь, смотрел на ее колыхающийся зад, на завязочки фартука, которые болтались на пышных бедрах. Он вздохнул и снова дал волю своей фантазии. Мысленно просматривая проносящиеся перед ним кадры его собственного порнофильма, он прикидывал в уме, как скрыть от жены романчик, который уже предвкушал.

Он так погрузился в свои размышления, что не заметил, как отворилась входная дверь и в зал ввалился огромный, совершенно голый тип.

Все разинули от изумления рты. Парень же невозмутимо двигался между столиками, не обращая ни малейшего внимания на людей. Словно он их не видел.

Перед взором странного посетителя была цифровая сетка на дисплее, содержащем сорок тысяч билетов информации. Цифры неслись по экрану с такой скоростью, что человеческий глаз не смог бы за ними уследить. Обалдевшие шоферы, бармен с выпученными глазами, перепуганная официантка — все они были представлены на экране электронными схемами, элементами которых подвергались тщательному анализу и обработке с целью выяснения эмоционального состояния объектов и прогнозирования возможной угрозы с их стороны.

Никто не пошевелился, кроме хозяина одного из мотоциклов. Роберт Пантелли был законченным — стопроцентным — неудачником. Но такое... Он вынул изо рта дешевую сигару, и его мокрые губы скривились в усмешке.

Голый человек увидел, что вокруг Роберта формируется пульсирующий электронный контур. Тысячи цифр стремительно замелькали на экране его внутреннего зрения. Мгновенный анализ одежды Роберта показывал, что он водит мотоцикл.

На полную характеристику Роберта ушло каких-нибудь две секунды.

Роберт осклабился, демонстрируя редкие гнилые зубы. Его язык заплетался от изрядной дозы выпитого:

— Этот парень знает, как легче пережить жару.

Два его приятеля нервно хмыкнули.

В первое мгновение незнакомец никак не прореагировал на эти слова, затем вежливо, но без всяких эмоций, произнес:

— Мне нужна твоя одежда, обувь и твой мотоцикл.

Роберт сощурился, оглянулся на своих дружков. Те выжидательно смотрели на него. И тогда Роберт решил устроить небольшой спектакль. Он сделал

глубокую затяжку, такую глубокую, что кончик сигареты раскалился докрасна, затем повернулся к незнакомцу:

— Ты забыл сказать «пожалуйста».

Друзья Роберта снова захихикали, на этот раз громче и увереннее. Они чувствовали, что этот парень в драку не полезет. Несмотря на мускулистое тело, он стоит как идиот, и выражение лица у него самое идиотское. Должно быть, псих.

А психов Роберт не любит. Они напоминали ему о его собственном придурковатом папаше. И потом ему не терпелось продолжить игру. Послышалось тихое шипение, какое бывает, когда на сковородке жарится омлет. Затем повисла гнетущая тишина.

Именно эта тишина вывела Дейна из задумчивости. Подняв голову, он с изумлением увидел совершенно голого посетителя. В груди человека зияло обугленное дымящееся отверстие, но сам он, как ни странно, не обнаруживал ни малейших признаков боли. Дальше все случилось так быстро, что показалось Дейну почти нереальным. Почти.

Голый человек спокойно протянул руку и сжал ею Роберта. Мотоциклист почувствовал, как невероятно сильные, точно клещи, пальцы буквально рвут его тело, и завопил во всю мощь своих легких.

Один из приятелей Роберта схватил за тонкий конец кий и размахнулся им. Кий описал широкую дугу и, ударившись о затылок незнакомца, разломился на две половины.

Невероятно, но обнаженный человек не прореагировал и на этот удар. Даже глазом не моргнул. Не выпуская Роберта, он отвел руку назад, ухватил биллиардного вояку за полу куртки и вышвырнул в окно. Стекло хрустнуло, и мотоциклист тяжело плюхнулся на асфальт.

Стремительное движение — и незнакомец высоко поднял Роберта, который весил полных двести тридцать фунтов, над стойкой бара и швырнул его через окно на кухню. Роберт угодил в огромную жаровню. Раскаленный металл обжег ему кожу, запах паленого разнесся по залу. Роберт взвыл, подскочил и свалился на пол, катаясь, как огромный горящий шар.

Третий мотоциклист взмахнул ножом с шестидюймовым лезвием и полоснул незнакомца по лицу. Тот схватился за острое, как бритва, лезвие голой рукой и вырвал нож у нападавшего. В мгновение ока он подбросил нож в воздух, перевернув рукояткой к себе и, крутанувшись точно лопасть вентилятора, швырнул нападавшего лицом прямо на стойку бара. Лезвие ножа блеснуло над поверженной, распростертой, фигурой и с размаху пригвоздило плечо нападавшего к стойке.

Дейн и глазом не успел моргнуть, как все было кончено. Он был так потрясен, что не мог двигаться и только наблюдал, как голый человек зашел за стойку бара, оттеснил плечом Ллойда и двинулся на кухню. Дело было не только в том, что все произошло так стремительно. И даже не в том, что детина был явно круче этих троих очень крутых парней. Поражала страшная, ничем не объяснимая, холодная жестокость незнакомца. Он определенно не в себе. А с ненормальным, да еще действующим с такой жестокостью, шутки плохи.

Во всяком случае повар-мексиканец считает именно так — он в испуге попятился от незнакомца, направившегося прямо к Роберту, который, изрыгая

ругательства, корчился на полу от боли. Когда на него упала огромная тень, мотоциклист поднял глаза. Завывая как раненное животное, попытался достать из внутреннего кармана потрепанной кожаной куртки кольт 45 калибра военного образца. Но его чуть ли не до кости обожженные пальцы не смогли нажать на спусковой крючок. Незнакомец ударил его по руке — небрежно, точно муху прихлопнул — и нагнулся за оружием. Ужас охватил Роберта, когда он увидел, как незнакомец поднял пистолет. Но он и не думал целиться в Роберта — его заинтересовало само оружие. В течение секунды, которую его электронный мозг продлил до невероятных размеров, он изучал калибр и рабочее состояние пистолета. Судя по всему, ему и в голову не пришло стрелять в лежавшего на полу человека. Жертва была на время выведена из строя. Уничтожение ее означало бы неразумное использование силы, излишнюю трату энергии. Ему нужно было лишь то, что он потребовал у Роберта в самом начале. Не более. Он уставился на лежащего на полу человека неподвижным, лишенным всякого выражения взглядом.

Мотоциклист содрогнулся, его мозг лихорадочно заработал, пытаясь во что бы то ни стало найти выход. Вопрос о дальнейшем сопротивлении отпал сам собой. Теперь, когда голый придурок с такой легкостью отобрал у него пистолет, сопротивляться бесполезно. У него нет выбора. Едва шевеля рукой, на которой уже начал вздуваться волдырь, и морщась от нестерпимой боли, он полез в карман за ключами от мотоцикла. Швырнув их к ногам придурка, Роберт начал снимать куртку, кусая губы от адской боли, причиняемой сломанным ребром.

Дейн собрался было покинуть зал, но незнакомец вышел из кухни, одетый в черную кожанную куртку мотоциклиста, кожаные штаны и тяжелые бутсы с грубыми рантами. Словно издеваясь над людьми, он направился к группке посетителей, окруживших все еще пригвожденного к стойке жалобно стонущего человека. Перед ним все как один расступались. Он на ходу рывком выдернул нож из плеча залитого кровью, обезумевшего от боли человека, который тут же рухнул на пол, а незнакомец все так же невозмутимо проследовал к двери. Никто не отважился преградить ему путь. Когда он проходил мимо Дейна, тот, дрожа от страха, выдавил: «Добрый вечер». Незнакомец повернул к нему голову, которая была точно на шарнирах. Его безжизненный взгляд на долю секунды задержался на Дейне, но эта доля секунды показалась последнему вечностью. Подойдя к двери, незнакомец толкнул ее и вышел. Дверь с грохотом захлопнулась.

Дейн вздрогнул и вытер со лба пот. О Боже, неужто все кончилось?

Он подошел к окну, едва переставляя ноги. Остальные посетители молча потянулись за ним. Они в испуге наблюдали, как незнакомец пересек площадку для парковки, направляясь к мотоциклам. Один только Ллойд не торопился присоединиться к зевакам. Он взглянул на лежавшего на полу в луже крови мотоциклиста, стянул с себя передник, метнулся за стойку бара и схватил какой-то предмет, припрятанный в укромном месте.

А незнакомец между тем подошел к мотоциклам. Засунув за пояс кольт, попытался завести тот, что был ближе к нему. Ключ не подходит. Не выказывая ни раздражения, ни тревоги повернулся к соседнему мотоциклу. Ключ подошел сразу. Он перебросил ногу через сиденье «Харли 1380». За

такую настоящий любитель отвалил бы хорошие деньги. Пришелец хорошо знал, что ему нужно. Он мог бы в мгновение ока выложить исчерпывающую характеристику каждого блока и каждой детали этого мотоцикла. Но... он не просто любитель. Эту машину он выбрал из-за ее надежности, скорости, выносливости, ибо задание, которое ему предстояло выполнить, требовало именно этих качеств.

Он сунул нож за голенище сапога и с силой нажал на педаль. Двигатель отозвался хриплым ревом, от которого завибрировал металлический корпус. Незнакомец изредка вглядывался в быстро рассеивающийся туман и пытался завести могучий двигатель.

Однако не успел он выжать сцепление, как на пороге бара вырос Ллойд с винчестером 10 калибра в руках. Он выстрелил в воздух, и эхо выстрела заглушило рев мотора. Ллойд прицелился в спину незнакомца.

— Я не позволю украсть чужой мотоцикл! Эй ты, сукин сын, слазь, не то я продырявлю тебе шкуру!

Человек повернулся и невозмутимо уставился на Ллойда. Секунду спустя двигатель умолк. Незнакомец соскочил с сиденья и направился к владельцу ресторанчика. Ллойд застыл на месте, полный гнева и страха. Он не спускал взгляда с приближающегося незнакомца, который, не мигая, смотрел в дуло винтовки. Утирая застилавший глаза пот, Ллойд лихорадочно соображал, стоит ли хладнокровно убивать человека из-за куска железа, к тому же не своего. Конечно, он не может допустить, чтобы этот малый терроризировал его клиентов, да еще тырил их собственность. Это его территория. И каждый, кто переступает порог его заведения, должен об этом помнить. Иначе он потеряет клиентуру и пойдет ко дну. Но с другой стороны...

Рука незнакомца дернулась, точно кобра в прыжке, и в следующую секунду винчестер оказался у него. Легкое, едва уловимое, но предельно точное движение, и Ллойд уже под прицелом собственного оружия. У него отвалилась челюсть. Он уже представил себе, что чувствует человек, которому выстрелом в упор разносят череп, когда незнакомец, все так же крепко и уверенно держа винтовку в одной руке, потянулся другой к Ллойду...

— Черт побери...

Незнакомец все-навсего достал большие темные очки из кармана рубашки Ллойда, надел их, круто повернулся и зашагал к оставленному мотоциклу. Завел его сходу и рванул с места, разбрасывая во все стороны гравий.

Ллойд прислонился к дверному косяку, все еще не веря своему счастью. Он жив!

Дейн проводил взглядом скрывшийся в тумане мотоцикл и подумал, что за один день дважды побывал на волосок от смерти. Это было знамение свыше. Не сходя с места, он дал себе зарок никогда в жизни не помышлять о супружеской измене.

Карла оказалась лишь первой из множества еще ничего не подозревавших жителей Земли, чью жизнь случайно и бесповоротно изменило пришествие второго терминатора.

Его мотоцикл теперь с ревом несся по шоссе, переходящему в Пятую автостраду, ведущую к Лос-Анджелесу. Холодные, зеленовато-белые огни по обочинам автострады, похожие на вспышки трассирующих снарядов, бросали

мятущиеся блики на бешено ревущий мотоцикл и на темные очки, прикрывающие лицо мотоциклиста.

ДВА ОСТИНА

Лос-Анджелес. Калифорния. 4.58 утра

В густой тени под мостом Шестой улицы на исписанных всякой всячиной стенах кто-то вывел краской маленькие аккуратные буквы: «История мертва». Предсказание, можно сказать, выдающееся, учитывая все те странности, которые только-только начали происходить в окружающем мире. Эти надписи, сделанные такой же краской, появились в нескольких местах за городом. Например, на восточной окраине Лос-Анджелеса, где жили чиканос, возле стадиона Доджер, на стенах, окружающих обсерваторию Гриффита, и еще на вершине Голливудских холмов.

Никто не обратил внимания на эту надпись.

В Лос-Анжелесе всегда хватало прорицателей, предсказывающих различные варианты конца света, как естественные, так и спровоцированные самими людьми. Все эти бредни вместе с пальмами и смогом были частью местной экзотики. Лишь тот, кто расписал весь город этими словами, знал, что они означают. Может быть бессознательно, но знал.

Полицейский Джо Остин, Счастливчик Джо, который ездил под мостом со скоростью десять миль в час, патрулируя безлюдную улицу, определенно ничего такого не знал и знать не хотел. Его внимание было приковано к теням, мелькнувшим в свете фонаря его машины и перемахнувшим через ржавую металлическую ограду перед зданием с исписанной стеной. Он ненавидел патрулировать этот район в одиночку. Но на сегодняшней перекличке выяснилось, что его напарник слег с пищевым отравлением, а искать замену было поздно. Недавно здесь усилилась активность банды «Уайт Фенс». Вчера, на утреннем сеансе в кино на открытом воздухе, была ранена четырнадцатилетняя девочка и ее четырехлетний брат. Полиция вела поиск нескольких преступников, заподозренных в нападении. Эти ребята вооружены до зубов, гораздо лучше полицейских, это уж точно, и отнюдь не жаждут провести несколько лет в тюрьме. Потому нынешней ночью Остину было не до размышлений над судьбой человечества. В нем рос страх. Однако, похоже, ему и в голову не приходило, чего следует опасаться. Вовсе не встречи с местным головорезом. Тот, кто представлял для него угрозу, родился не от женщины. Он появился на свет в вихре молний и был выброшен в жизнь минутным соитием двух временных зон, которые поменялись местами в нескончаемом потоке времени.

В нескольких ярдах впереди между домами вспыхнула бело-голубая молния. Остин прибавил скорость. Он все равно не успеет подъехать вовремя, чтобы заметить сверкающий шар, зависший в нескольких футах над землей. От поверхности шара исходили потоки энергии, которые расползались вверх и вниз по стенам зданий. Мусор вихрем взлетал вверх, выщелкивая всевозможные антрацита, то исчезая, то появляясь в мерцающих пучках света. Пожарная лестница и железная площадка запасного выхода отсвечивали багрово-красным, будто внезапно раскалились от попадания этих пляшущих молний. Раздался треск, и наступила тьма — хоть глаз выколи. Затем — яркая вспышка. Остин чертыхнулся и резко нажал на тормоза, остановив машину

как раз у границы электромагнитной аномалии. Если бы он проехал еще несколько футов, погасли бы фары и заглох мотор. Полицейский, как зачарованный, смотрел на странные блики, плясавшие на стенах. Вспышки быстро гасли.

Когда он вышел из машины, все вокруг уже успокоилось, только откуда-то доносился вой бродячего пса. Он сделал глубокий вздох. Озон.

Сердце Остина выпрыгивало из груди, будто он пробежал целую милю. Ни за какие коврижки не пойдет он в тот самый темный проулок один. Правда, на нем форма, к тому же он опытный профессионал. У него «беретта», 9-миллиметровый пистолет с пятнадцатью патронами. А что если замкнул трансформатор? Может возникнуть пожар. Остин сделал еще вздох, бормоча про себя проклятия, и шагнул в тень между двумя зданиями.

Он напряженно вглядывался в темноту, пытаясь различить хоть что-нибудь. Фонари не горели — то ли их отключили, то ли произошло замыкание — черт его знает, что тут сейчас произошло. Над головой у него нависала бетонная громада моста Шестой авеню. Он шел прямо под мостом, направляясь к тупику за металлическим забором. Там, за этим забором, были только железнодорожные пути, а еще дальше — бетонное ложе реки Лос-Анджелес. Что-то непонятное творилось с этим забором. Полицейский сдвинул брови, когда луч его фонаря упал на идеально ровное отверстие в заграждении. Он подошел ближе и увидел, что края отверстия раскалены и дымятся. Рука привычно расстегнула кобуру и сжала рукоять пистолета. Полицейский посмотрел вниз. В дальнем конце забора зиял аккуратно вырезанный сферический кратер. Будто некая сила взяла и высверлила кусок асфальта. Остин с трудом подавил в себе желание бежать. Очень жаль, что ему удалось справиться со своим страхом. Иначе он прожил бы гораздо дольше.

Кто-то выскользнул из-за здания офиса. Странное, зловещее светящееся пятно. Остин почувствовал, что рядом находится живое существо. Мгновенная вспышка, словно кто-то вырвал из его потока сознания один светлый кадр. Удара он не почувствовал, лишь через некоторое время тупо осознал, что лежит лицом на земле. Разбитая об асфальт левая скула отзывалась болью. Чьи-то руки стаскивали с него форму. Из носа текла кровь. Казалось, что все у него переломлено. Шея скрипела, будто между позвонками набился песок. Прежде, чем потерять сознание, он успел удивиться, для чего банде «Уайт Фенс» понадобилась его форма. Для чего бы ни понадобилась, ничего хорошего это не предвещает. Хотя теперь ему все равно. Это их дело. У него есть свои заботы...

Спокойно умереть, например.

Кот, забредший в проулок, увидел голого человека, который склонился над телом полицейского, ощупывая его форму. Крошечный мозг животного не смог осознать случившегося, но глаза увидели нечто странное. Голое тело человека становилось темно-синим, цвета формы, на груди вдруг заблестела серебряная бляха.

Животное в страхе метнулось прочь.

Спустя несколько минут нападавший подошел к машине. Он был в форме Остина и с его значком. Сев за руль, он осмотрел внутренность машины, приборы, управление. Все оказалось знакомым. Вид этой машины запечатлен

в его памяти, хотя он ее никогда не видел. Справа темнел экран компьютера МДТ-870, включенного в сеть ЭВМ полицейского управления. Он внимательно посмотрел на него. Прибор он видел впервые в жизни, но помнил каждую деталь электронной схемы. Протянул руку и нажал на клавиатуру. На экране возник список команд. Удовлетворенный, человек включил зажигание и бросил взгляд в зеркало обзора. Оттуда на него смотрело симпатичное, мужественное лицо, русые волосы подстрижены коротко, по-военному. Серо-голубые глаза смотрят пристально и внимательно, в их взгляде чувствуется уверенность.

«Новый» офицер Остин, личный номер 473, завел машину и устремился в ночь. Этот новый внешний вид ему вполне соответствует: в конце концов он послан сюда за тем, чтобы выполнять свой долг — служить и защищать.

ГЕНЕРАЛ

Резеда. Калифорния. Суббота. 10.58 утра

Из приемника, установленного в открытом гараже пригорода, оглушительно неслось: «Я хочу, чтобы меня успокоили». На газонах журчала вода. Дети выписывали сложные коленца на велосипедах вокруг взрослых, которые мыли машины на подъездных дорожках к собственным домам. Небо отливало яркой голубизной. Легкий ветерок развеял смог до самого Сан-Бернардино. Джон Коннор, рассеянно слушая сходивший за музыку рев, уверенно ставил карбюратор на свою грязную «Хонду-125». Длинные пряди волос обрамляли лицо, в глазах светился ум, необычный для десятилетнего мальчика. Если глядеть со стороны, то этот парень в безрукавке и грязных, укороченных джинсах, ничем не отличался от Тима, своего замурзанного дружка, который стоял рядом и лениво подбрасывал и ловил одной рукой отвертку. Но стоило подойти ближе и присмотреться внимательней — и в глазах Тима можно было разглядеть выражение некоторого удивления. Во взгляде же Джона притаились воспоминания, слишком тяжелые для ребенка.

На пороге гаража появилась тридцатитрехлетняя женщина. Когда-то Дженелл Войт была недурна собой. Учась в выпускном классе, она без конца бегала на свидания. Правда, особенно интересной ее никто не считал. Не в состоянии трезво оценить свою внешность, она совсем пала духом от горькой мысли, что жизнь ее беспросветна. С годами недовольство жизнью усиливалось, и теперь Дженелл очень часто бывала не в духе. От постоянно плохого настроения ее свежесть поблекла, рот кривила злая гримаса, в глазах появилось туповатое выражение, и они напоминали Джону глаза коровы, лениво пасущейся на склоне.

Она страдала еще и от того, что не могла иметь детей. Из-за этого участвовала в движении «Приемные родители» и стала приемной матерью Джона. Именно поэтому она стояла сейчас на пороге гаража с кислой гримасой и всклокоченными волосами. Поначалу Джон показался ей застенчивым, легко уязвимым ребенком, требующим родительской любви и способным на глубокую привязанность. И хотя так оно и было, природа наделила его еще и другими качествами: отвагой, твердостью характера, чрезмерной независимостью, склонностью к меланхолии. В общем, еще тот гаденыш.

Последние несколько месяцев истощили терпение Дженелл. А сегодня

утром оно окончательно лопнуло. Дело в том, что как бы сильно ей ни хотелось иметь детей, воспитатель из нее был никудышный. Разумеется, она не имела понятия о том, кто этот мальчишка, преждевременно старящий ее, что ему суждено стать генералом во главе многонациональной армии, состоящей из простых, как она сама, людей. Но это было в Далеком Будущем, а не сейчас.

Музыка гремела на полную катушку, и ей пришлось повысить голос:

— Джон, выходи отсюда и приберя наконец в своем свинарнике!

Тим прекрасно слышал ее, Джон и бровью не повел, точно это относилось не к нему.

— Джон! — взвизгнула Дженелл этим ужасным, нетерпящим возражений тоном взрослых, в котором таится множество угроз, известных одним взрослым.

Джон сделал радио еще громче. Тим ухмыльнулся, прикрывшись рукой.

— Я знаю, что ты меня слышишь! Выключай музыку и убирайся отсюда!

Но Джон принялся терзать дроссель «Хонды», пытаясь завести мотор.

Дженелл заметила усмешку Тима, и глаза ее сузились от злости.

— А ты чему смеешься?

Прячась за бензобак мотоцикла, Тим перебрался поближе к Джону.

Дженелл сердито хлопнула дверью.

Тим подождал, пока она отойдет подальше, и сказал:

— Она сегодня буйная.

Джон не выказал никакой реакции, будто все это его не касалось — опасения, если они у него и были, он запрятал как можно дальше, чтобы, если понадобится, вернуться к ним потом.

— Дай сюда отвертку,— бросил он.

Тим, хоть и был двумя годами старше, во всем привык подчиняться Джону. Он безропотно подал ему отвертку. Джон был прирожденным лидером: об этом свидетельствовали и тон его голоса, и решимость во взгляде, и еще кое-что, о чем знал только он.

Дженелл ворвалась в комнату. Ее муж, Тодд Войт, растянулся на диване, рассчитывая посмотреть по телевизору бейсбольный матч. Его бледное, одутловатое лицо слегка припухло от сна, волосы были взъерошены. И вообще, у него был вид опустившегося человека. До полудня еще далеко, и Тодд хотел спокойно переварить завтрак. Увы, это оказалось невозможным.

— Все, с меня хватит. Этот чертов ребенок не желает даже отвечать мне.

Тодд не винил Джона. Он сам иной раз не отвечал жене. У Дженелл была ужасная привычка в самое неподходящее время громко сетовать на свои несчастья, точно все так и жаждут послушать ее жалобы, а своими делами занимаются только для вида.

«О, Господи», — мысленно взмолился он, не отрывая глаз от экрана, — все шло к тому, что Ховард Джонсон, известный среди болельщиков как «Хоу Джо», должен был забить мяч.

— Тодд! Может, оторвешь задницу от дивана и сделаешь что-нибудь полезное?

Тодд старался как можно дальше тянуть с ответом, но, когда в воздухе запахло жареным, со вздохом сказал:

— Ну, что ты от него хочешь?

— Он уже месяц не убирает свою комнату.

— Ну да, это необходимо сделать прямо сейчас, — пробормотал он. — Тем более, что все остальное в идеальном порядке. — Он окинул взглядом неприбранную гостиную.

К счастью, Дженелл не услышала его последние слова. Она стояла, уперев руки в бедра. Было время, он любил ласкать эти бедра. Только уж больно быстро из их брака улетучилось наслаждение. После того, как появился Джон, стало окончательно ясно, что их союз стремительно движется к финишу. Тодд швырнул на пол панель дистанционного управления и направился в гараж.

Джон услышал, как хлопнула дверь гаража. Он туже завинтил шуруп и швырнул отвертку в ящик для инструментов. Тодд подошел к нему как раз тогда, когда Джон двигал ящик для инструментов (его, Тодда, инструментов) по залитанному маслом бетонному полу.

— Какая грязь! Сколько раз я говорил тебе, чтоб не смел их брать!

— Возьми мою сумку! — приказал Джон Тиму.

Подхватив пластиковый мешок, мальчишка вскочил на заднее сиденье мотоцикла. Джон завел мотор. Тодд заорал во все горло, стараясь перекричать рев двигателя:

— Джон, не валяй дурака, сделай то, что тебе велит мать!

Джон измерил Тодда ненавистным взглядом:

— Она мне не мать, Тодд!

Мотоцикл сорвался с места и вылетел из гаража на такой скорости, что Тим едва удержался на сиденье. Тодд отскочил в сторону, и мальчишки понеслись к шоссе.

— Не смей выезжать на дорогу, у тебя нет прав! — крикнул он им вдогонку.

В ответ Джон лишь прибавил скорость, чуть не сбив по пути двух школьников.

Одураченный Тодд остался стоять на месте. Этому маленькому негодяю так нравилось унижать отца, да еще в присутствии своих друзей. Но в общем-то он испытывал облегчение. Джон уехал, а, значит, следующее выяснение отношений откладывается до его возвращения вечером, поэтому Тодд может вернуться к телевизору. Если повезет, удастся даже вздремнуть. Лишь бы Дженелл помолчала.

Джон гонял на мотоцикле, как прирожденный гонщик. Он идеально вписывался в повороты, внимательно следил за тем, чтобы не налететь на внезапно выскочившего на дорогу ребенка, не столкнуться со встречной машиной. Ему нравилось рисковать — риск кружил ему голову, но это был просчитанный риск.

Сейчас он мчался по тихим улочкам, потом пересек пустырь и выехал на дорожку, изгибавшуюся вдоль сточного канала. Проскочил через дырку в изгороди, не только не сбавив, но даже увеличив скорость. Тим подогнул колени, когда они летели сквозь ограду, изо всех сил стараясь не подать виду, что душа у него ушла в пятки. Но ему не удалось справиться с ужасом, когда Джон гнал мотоцикл по бетонной набережной канала. Казалось, этой гонке не будет конца.

Они делали всевозможные пируэты — Джон считал эту узкую полоску бетона своей личной автострадой, ибо здесь к нему не цеплялись полицейские. Мотоцикл проносился в нескольких дюймах от отвесных бетонных стен

высотой в тринадцать футов, разбрасывая брызги грязной воды. Тим издал вопль, стараясь скрыть свой страх. И хлопнул Джона по спине.

— Отличная езда, парень!

Они влетели на скорости в небольшую лужу, «Хонда» скользнула вбок, норовя съехать вниз. Джон небрежно тормознул ногой и выровнял мотоцикл. Замерший от ужаса Тим попытался отделаться смешком. Но вышло какое-то карканье. Чтобы скрыть смущение, он брякнул:

— А где твоя настоящая мать?

Джон молчал, пребывая в мрачной задумчивости, но Тим настаивал:

— Она что, умерла?

— Можно сказать, что да, — ответил Джон так тихо, что Тим едва расслышал его слова.

Подчас парнишка замыкался в себе, точно отгораживался от всего мира стальной стеной. Тим собирался еще что-то сказать, но Джон вдруг поддал газу, и машина рванулась вперед.

Тим закрыл рот и вцепился в сиденье.

ПАЦИЕНТ № 82

В трех милях от Чино. Калифорния. 10.59 утра

Если ехать по шоссе, это заведение ни за что не увидеть. Можно проехать по живописной Хэнди Кэнди Роуд через весь маленький район, где только жилые дома, мимо парка аттракционов, и все равно не увидеть это здание. Вам придется как следует поискать, прежде чем вы обнаружите незаметную бетонированную дорожку, огибающую поросший дубами куполообразный холм. Сзади холма вы увидите табличку с надписью: «Пескадерская государственная клиника для психически ненормальных преступников».

Табличка прикреплена к железной ограде, увенчанной несколькими рядами проволоки. С внутренней стороны тяжелой железной двери — вооруженный охранник в будке. За оградой лепятся друг к другу большие здания. Все окна зарешечены. Вылизанные дорожки объезжают машины частной охраны. Все вместе выглядит не приветливее резиденции КГБ.

Но внутри еще хуже. Это медицинская тюрьма для мысли. Продезинфицированные белые стены. Санитары в белой полотняной униформе толкают кресла с пациентами по удручающе голым коридорам — обычная прогулка. «Аллея инвалидных кресел» — так это здесь называется.

Налево от входа еще один короткий коридор с электронными дверьми по обоим концам. Первая напоминает дверь в тюремную камеру. В дальнем конце коридора — прочная, огнеупорная, стальная дверь. Перед ней сидят два свирепых стража, которые смотрят на экраны видеомониторов, укрепленных перед ними, и перебрасываются репликами. На экране видно все, что происходит за этой дверью.

Место абсолютной изоляции...

Здесь, под постоянным присмотром и охраной, держат преступников, поведение которых непредсказуемо и несет потенциальную опасность. Они слишком буйны, чтобы позволять им общаться друг с другом, поэтому каждый пациент содержится в отдельной камере. Здесь так же мрачно и сурово, как

в камерах одиночного заключения самой настоящей тюрьмы. И еда не лучше тюремной.

Доктор Питер Силберман вел за собой по коридору группу робких молодых врачей, за ними шли три суровых санитара, похожих на недавно ушедших из профессионального футбола детин. Силберман чуть прихрамывал. При каждом шаге повязка на ноге больно терла распухшую кожу. Он пытался забыть о боли и сосредоточиться на том, что ему предстоит сделать. Это не так уж и сложно. Здесь он как рыба в воде и может часами рассказывать о своей работе, в которой чувствует себя настоящим профессионалом. Нелегко подавить в себе желание щегольнуть своим выдающимся интеллектом перед этими неоперившимися юнцами, но часто это ему удавалось. Только не сейчас.

Он говорил тихим, вкрадчиво-убаюкивающим голосом, каким говорят выступающие по радио психологи:

— В следующей камере — пациент № 82, женщина 29 лет, диагноз: ярко выраженный шизофренический синдром. Симптомы обычные: депрессия, беспокойство, буйное поведение, мания преследования.

Молодые врачи ловили каждое слово. Своими точными, логично построенными научными статьями по проблемам психиатрии доктор Силберман завоевал себе репутацию серьезного специалиста. Нельзя сказать, чтобы он был самым главным авторитетом, но в сложных случаях часто прибегали именно к его консультациям. Правда, процент излечения у него был не особенно высоким. Некоторые сообразительные молодые врачи понимали, что он не умеет находить подход к больным. Но в общем он был неглуп. Много лет консультировал лос-анджелесское полицейское управление, изучил десятки сложнейших случаев, обследовал личности наиболее известных в последнее время убийц. Но самый большой недостаток доктора Силбермана заключался в том, что он был умнее, чем нужно для его же блага.

— Вот мы и пришли.

Он остановился возле камеры. Она была с герметичной, звуконепроницаемой дверью: сообщение с пациентом осуществлялось через зарешеченное переговорное устройство, вмонтированное под маленькое окошко из плексигласа. Несмотря на все свое техническое совершенство, она сильно смахивала на дверь в средневековую темницу. Доктор заглянул в окошко.

Сквозь мутное стекло в палату лился солнечный свет, отбрасывая на голую стену напротив тень в виде решетки. В комнате не было ничего, кроме стальной раковины, унитаза и хорошо отполированного металлического зеркала, намертво вмонтированного в стену.

Койка, с которой сняли матрац, была прислонена к стене ножками наружу. В одну из них вцепились потные руки, сухожилия напрягались и расслаблялись, когда заключенная медленно делала упражнения на растягивание, отбрасывая с миндалевидных карих глаз длинные, спутанные, влажные от пота волосы. На молодой женщине была тюремная рубашка, больничные брюки, она подтягивалась, схватившись за верхнюю ножку поставленной на спинку кровати, и ее гибкое тело, прямое и упругое, напрягалось, точно стальная линейка. Она поджала колени, и ступни поэтому не доставали до пола. Худые, мускулистые плечи поднимались вверх, опускались, снова поднимались вверх... Она, похоже, не чувствовала усталости — даже ритм упражнения не замедлялся.

Как машина.

Доктор отошел от окошка, чтобы в него могли заглянуть другие.

Женщина отвернулась от двери. Она вела себя так, словно не знала, что за ней наблюдают. Но на самом деле она знала.

Мелькание лиц в дверном окошке отражалось в зеркале. Но женщина не желала знать об этом унижении — она ведь не подопытная крыса. Она продолжала делать упражнения, но руки ее подрагивали — мускулы начали уставать.

Когда в окошко заглянули все желающие, доктор снова подошел к нему и, изобразив на лице приветливую улыбку, щелкнул переговорным устройством и сказал:

— Доброе утро, Сара.

Сара Дженетт Конор отвернулась от кровати и взглянула на Силбермана. Годы, которые она провела в изоляции, наложили на нее отпечаток. Лицо приобрело дерзкое, напряженное выражение, взгляд блуждал точно в поисках спасения. Казалось, она готова как к бегству, так и к борьбе. Некогда мягкий и плавный овал лица затвердел и стал резким. Она все еще была красива какой-то дикой красотой, но имела измученный, затравленный и страдающий вид.

Именно так и должна выглядеть пациентка психиатрической клиники.

Сара ответила тихо, ужасающе монотонно. Это напомнило Силберману глухое ворчание животного:

— Доброе утро, доктор Силберман. Как ваша нога?

Доктор в мгновение ока лишился самодовольного выражения.

— Отлично, Сара.

Отключив переговорное устройство, он обратился к практикантам:

— Видите ли, несколько недель назад она... ткнула мне в коленку отверткой.

Присутствующие незаметно улыбнулись. Силберман заставил себя держаться как ни в чем не бывало, пытаясь обрести уверенность в привычном потоке медицинских терминов. Сара представляет собой загадочную и мощную силу природы, которую он, фактически, заточил в клетку, а теперь, образно говоря, опутывал сетью медицинской тарабарщины.

— Особенно интересна композиция бреда. Она считает, что машина, называемая «Терминатор» и принявшая человеческий облик, отправлена из будущего, чтобы убить ее. А также, что отцом ее ребенка был солдат, посланный на ее защиту. И тоже... из будущего. — Он не смог удержаться от иронической улыбки. — Если я не ошибаюсь, из 2029 года.

Практиканты хмыкнули.

— Видимо, эта бредовая идея сначала овладела ее дружком, потом передалась ей. Чрезвычайно интересный случай передачи идей. Но и не такой уж редкий, как может показаться на первый взгляд. В последнее время мы все чаще встречаемся с подобными фактами. Своего рода реакция отторжения на возросший технократизм нашего общества. И, по-видимому, попытка защитить себя от дегуманизации отношений в современном мире. Если бы эту незаурядную энергию пациентки, с которой она отстаивает свой опасный бред, удалось направить на ее собственное излечение, она давно бы была на свободе.

Силберман замолк. Ему вспомнилась Сара, какой он впервые увидел ее на допросе в полицейском участке. Она связалась с каким-то буйным параноиком, с которым они бежали, но его в конце концов убили. Сара на несколько лет исчезла из поля зрения Силбермана и, по иронии судьбы, снова была направлена под его опеку после неудачной попытки устроить взрыв в местном отделении корпорации, производящий компьютеры. С тех пор она оставалась самой упрямой, неуступчивой из его пациентов, хотя за это время состояние ее должно было улучшиться. Его немного беспокоило, что так и не удалось подобрать подходящего для нее лечения. Стараясь отогнать от себя неприятные мысли, доктор отрывисто бросил:

— Пошли дальше.

Практиканты переглянулись и двинулись к следующей камере.

Силберман задержался, чтобы дать указание старшему санитару.

Дуглас был ростом шесть и четыре десятых фута, весом 250 фунтов и отличался приветливостью гремучей змеи. Силберман старался говорить тихо, чтобы практиканты его не слышали.

— Я не люблю, когда пациенты устраивают беспорядок в палатах. Проследите, чтобы ей дали торазин.

Дуглас кивнул и знаком приказал двум дюжим санитарам следовать за ним. Силберман отправился догонять практикантов.

Дверь открылась, и Сара обернулась.

Дуглас вошел медленно, угрожающе небрежно постукивая деревянной дубинкой по двери. За ним шли еще двое. Один из них держал нечто похожее на укороченную палку погонщика скота. Сара по опыту знала, как больно бьет эта палка. В руках другого был поднос, на котором стояли стаканчики с красной жидкостью.

Торазин.

— Пора принимать лекарство, Коннор, — сказал Дуглас.

Сара метнула в него безумный взгляд. В ней боролись ярость и страх.

— Сам принимай, — отрезала она.

Дуглас ухмыльнулся как можно небрежнее. Его палка не переставала отстукивать по двери: тук, тук, тук...

— Ты должна вести себя хорошо, — сегодня к тебе придут...

— Я не стану принимать его. Снова эти... ужасы.

— Никаких ужасов.

Он с размаху ударил ее дубинкой в живот. Она согнулась пополам и упала на колени.

Дуглас с силой пнул ногой по койке, прислоненной к двери, и она с грохотом обрушилась в нескольких дюймах от головы Сары. Сара метнулась в сторону, и, превозмогая боль, прохрипела:

— Попробуй еще раз, скотина, и я убью тебя.

Дуглас нахмурился, взял у второго санитара плетку и подошел к скорчившейся на полу Саре.

Она знала, что будет дальше.

— Отойди от меня, свинья! А-а-а!...

Удар пришелся по спине, когда она пыталась подняться. Она опять упала. Плетка взметнулась над ней, затрещали электрические разряды, она сжалась

от боли. Дуглас схватил ее за волосы и рывком поставил на ноги. Поднес к ее губам стакан с торазином.

— Последний раз прошу, дорогуша, — просюсюкал он.

Сара попыталась из последних сил освободиться, но с Дугласом ей было не сладить. К тому же она не могла допустить, чтобы ее покалечили. Чтобы выбраться из этого ада, ей понадобится много сил. Зажмурившись, она с трудом проглотила обманное зелье.

Снова эти сны наяву. Она тут же почувствовала приближение сонного облака. Теперь они могут делать с ней все, что захотят, например, навсегда заточить в этих стенах, изолировав от мира.

И тогда что-нибудь может случиться с ее сыном.

СНИМОК ИЗ «ПОЛАРОИДА»

Резеда. Калифорния. 12.04 дня

Джон воровато согнулся у автомата, выдающего наличность в глубине банковского зала. Тим, нервничая, стоял на стреме. Джон протолкнул украденную карточку в прорезь машины.

— Скорее! — торопил его Тим.

Но Джон не спешил. Он умел сохранять спокойствие при любых обстоятельствах. Спешка приводила к ошибкам, на исправление которых потом уходило время. Он не хотел ошибаться. Спокойно набрал команду, маленький дисплей показал номер карты. Джон набрал его на терминале кассового аппарата и опустил требование на триста долларов. Машина, словно сомневаясь, замерла. Джон знал, что наверху машины установлена видеокамера, делавшая мгновенный снимок того, кто получает деньги. Но Джон предусмотрительно сбрызнул объектив подсушивающим дезодорантом. Когда он высохнет, порошок покроет поверхность объектива и изображения не получится.

Тим заметил, что на стоянке появилась машина, из нее вышла полная женщина с сумкой.

— Идут!

Джон схватил Тима за полу рубашки.

— Стой! Ни с места!

Тим забеспокоился, увидя, что женщина направляется в их сторону. Секунду спустя автомат зажужжал и выбросил пятнадцати- и двадцатидолларовые банкноты.

— Вот все, — сказал Джон.

Бросив взгляд через плечо, Тим присвистнул:

— Вот это да! Где ты научился?

Джон протянул руку, протер объектив камеры и начал складывать деньги в сумку.

— У моей матери. Настоящей матери. Пошли, малыш...

Тим взглянул на приближавшуюся женщину. Она смотрела на них, но разделявшее их расстояние, похоже, было слишком большим, чтобы она смогла сообразить, чем они занимаются.

— Пошли!

Они рванули за угол, в переулок, где оставили мотоцикл. Спрятавшись за

ним, Джон отсчитал долю Тима. Пять бумажек по двадцать долларов. У Тима отвисла челюсть. Невероятно. Джон каждый день выкидывал какой-нибудь фокус. Но такое...

Когда Джон открыл сумку, чтобы сложить деньги, Тим краем глаза увидел фотографию.

— Кто это?

Джон взглянул на потертый, замусоленный снимок молодой женщины за рулем джипа. Рядом с ней сидела немецкая овчарка. Лицо у женщины было нежное и печальное. Джон часто задумывался над тем, чему она улыбается. На снимке были видны мягкие округлые линии ее живота. Там был...

Он.

Странно и жутковато!

— Это моя мама.

— А она спокойная, да? — хмыкнул Тим.

Джон нахмурился. В нем боролись самые противоречивые чувства — он сам не знал, что происходило с ним, когда он смотрел на фотографию. Разве это объяснишь Тиму? Приятель он хороший, но соображает туговато. Он сказал:

— Вообще-то нет. Она здорово не в себе. Задумала подорвать компьютерный завод и попала в Пескадеро, в клинику.

Все это показалось Тиму детской сказочкой, а там кто его знает...

— Заливаешь?

— Да нет, ей крышка. Поехали.

Джон пытался имитировать цинично-равнодушный тон взрослого мужчины, и, судя по тому, что Тим утратил интерес к истории его матери, ему это удалось. Он хлопнул Тима по плечу, и они вскочили на мотоцикл. Джон включил зажигание, и машина рванула вперед.

Но мысленно Джон видел перед собой лицо матери, ее глаза следили за ним строго, осуждающе. Так было всегда.

«Черт бы ее побрал», — подумал Джон.

«Если тебе на самом деле все равно, почему ты хранишь этот снимок, подаренный ею?», — вопрошал противный внутренний голос.

— «Катись ты к черту!» — отмахнулся от него Джон, разогнал мотоцикл и на полной скорости вылетел на проспект.

ПОИСКИ

Резеда. Калифорния. 12.08 дня

На дисплее в полицейской машине был файл отделения малолетних преступников. Субъект: Джон Коннор. Под сведениями о его арестах шла биографическая статистика. Мать: Сара Коннор. Официальные опекуны: Тодд и Дженелл Войт. Их адрес: 19828 Сент-Алмонд, Резеда, Калифорния. Полицейская машина остановилась.

Офицер Остин тщательно изучал местность. Причем не только глазами. Все его тело оценивало обстановку множеством самых разнообразных способов — незаметных для внешнего наблюдателя, но, тем не менее, важных. Данные этих наблюдений будут долго храниться в его памяти для возможного в

будущем стратегического использования.

Остин осмотрел подъездную дорожку к обшарпанному дому с тремя спальнями. Отметил все окна и двери, после этого решился войти.

Шагая к дому, он все еще продолжал изучать улицу, запоминая каждую мелочь. Непосредственной опасности не ощущалось. Разве что...

Из заднего двора послышался злобный собачий лай. Остин заключил, что это, судя по всему, порода среднего размера и добавил эту деталь к своим сведениям. В дверь три раза громко постучали, и Тодд Войт слез с дивана, не отрывая затуманенного взгляда от телевизора. Шел третий тайм. Во время второго он, должно быть, вздремнул. И какого черта собака беснуется? Можно подумать, к ним во двор проникла целая банда.

Еще три размеренных удара. Кто-то стоит у двери. Тодд вполголоса чертыхнулся. Почему бы его не могли оставить в покое хотя бы по субботам? Сегодня дергают все, кому не лень. Он сердито протопал по коридору, рывком открыл входную дверь...

Перед ним возникло неулыбчивое, лишенное всякого выражения лицо полицейского. Тодд унял свой гнев и голосом, осипшим от сна, буркнул:

— Слушаю вас.

— Вы официальный опекун Джона Коннора?

Тодд помрачнел и вздохнул.

— Все верно. Что он еще выкинул?

Остин ответил не сразу, сначала беглым взглядом окинул комнату. Увидел сквозь стеклянную дверь собаку — помесь овчарки с кем-то — которая с яростным лаем металась в огороженном заднем дворике.

Из дверей вышла Дженелл с номером «Пипл» в руках. Остановилась за спиной у Тодда.

Полицейский внимательно посмотрел на нее, потом спросил:

— Могу я с ним поговорить?

Тодд пожал плечами.

— Ничего не имею против, но его нет дома. Утром он укатил куда-то на мотоцикле.

— У вас есть его фото?

— Принеси альбом, Дженелл.

Дженелл в раздумье потопталась на месте, потом сказала:

— Сейчас.

Она отошла к камину, а Тодд повернулся к полицейскому:

— Вы хоть скажите мне, в чем дело.

— Я должен задать ему несколько вопросов.

Подошла Дженелл с альбомом фотографий в руках. Вытащила несколько фотографий Джона — обычные школьные снимки, на которых мальчишка недовольно смотрит в объектив. Фотографироваться ему нравилось не больше, чем давиться шпинатом.

Полицейский взял фото, быстро взглянул не него. На долю секунды взгляд его глаз зловеще впился в лицо мальчишки. Тодд и Дженелл этого не заметили.

— Симпатичный парень,— бросил полицейский. — Не возражаете, если я возьму фотографию с собой?

Дженелл рассеянно кивнула, силясь что-то вспомнить, и добавила:

— Сегодня утром один парень тоже расспрашивал о нем.

Тодд раздраженно хмыкнул: он хорошо запомнил этого типа. Еще бы! Тот помешал досмотреть классную подачу Гудена.

— Да, здоровый такой. На мотоцикле. Он из ваших?

Тодд уловил сомнение, промелькнувшее в глазах полицейского. Но Остин тут же изобразил улыбку.

— Пусть это вас не волнует.

Терминатор ехал на «Харли», механически выстраивая маршрут движения из чередующихся улиц и поворотов, наблюдая, анализируя, изучая все подозрительное на своем пути. Тщательно и не спеша, киборг, эта акула-хищник, обследовал улицы в поисках Джона Коннора. За последние полчаса Терминатор основательно изучил город в радиусе семи километров, он вел машину уверенно и осторожно, точно профессиональный водитель, сходу приноровившись к потоку уличного транспорта, его приливам и отливам.

Киборг понимал: все эти подробности могут оказаться стратегически важными. Он видел, где живет парень, знал, как он проводит время, так что рано или поздно их дорожки сойдутся. Проехав несколько кварталов, он свернул к сточному каналу.

Если бы киборг постоял у обочины дороги еще полминуты, он бы заметил, как Джон и Тим пронеслись на мотоцикле в квартале отсюда.

Случается, что и терминаторы подвластны капризам судьбы.

ЧАСЫ ПОСЕЩЕНИЙ

Пескадеро. Государственная клиника. 3.06 дня

Косые лучи солнца упали на опухшее, все в кровоподтеках лицо Сары. Она сидела на кровати, прислонившись к стене, и пребывала в полусне. Ее щека подрагивала, взгляд метался по камере. Она прерывисто дышала, измученная борьбой с отупляющей дремотой за ускользающее сознание. Она уже начала сдаваться, медленно погружаясь в забытье, в холодную, скорбную пустоту забвенья, когда чья-то рука дотронулась до ее щеки. Легкое поглаживающее прикосновенье пальцев, и оцепенения как не бывало. Знакомый голос негромко произнес:

— Проснись, Сара.

Сара открыла глаза и посмотрела на человека, присевшего на край постели. Растрепанные светлые волосы, длинный заляпанный грязью плащ. Взгляд его был ласковым, совсем юным и нежным, хотя черты лица огрубели от суровой жизни. Дрожь пробежала у нее по спине, перехватила дыхание.

Это был Кайт Риз.

Глаза ее наполнились горячими слезами, видение стало расплываться. Она так хотела разглядеть его получше, но боялась сморгнуть слезы,— вдруг он исчезнет?

— Кайл? — прошептала она.

Он не отвечал, но она поняла, что это не призрак. Она ощущала тепло его руки на своей щеке. А в его взгляде, устремленном на нее, светилась любовь.

Любовь к ней...

Эта любовь заставила его отдать за нее жизнь.

И тут ее точно обухом по голове ударили: нет, этого не может быть!

— Ты не можешь быть здесь. Ты умер, Кайл.

Она вздохнула.

Он кивнул и ответил высоким звонким голосом, еще раз напомнившим ей, как в сущности юн этот прошедший войну солдат.

— Я знаю, Сара. Это сон.

— Да, я так и думала. Все из-за торазина, который меня заставили принимать.

Они жадно всматривались в лица друг друга. В это мгновение ужас, боль и предчувствие гибели, никогда не покидавшие Сару с того дня, как она потеряла его, куда-то отступили. Все страдания забылись, душу переполнила любовь к нему — чистая, всепоглощающая любовь, которую она испытывала в его объятиях. Ей хотелось протянуть руку и дотронуться до него, но руки ее налились свинцовой тяжестью.

— Обними меня,— прошептала она.

Кайл обнял ее и принялся ласково укачивать. Она больше не могла сдерживать слезы: они катились по щекам, по его теплой руке, к которой прижималось ее лицо. Он снова заговорил, медленно, нежно:

— Я люблю тебя. И никогда не перестану любить.

— О Господи, Кайл! Мне так не хватало тебя!

Он взял ее за подбородок и поцеловал, сначала чуть касаясь ее губ, потом страстно в них впиваясь.

— «Господи!— думала она,— Я чувствую его».

Боль в животе утихла, вместо нее возникло желание. Она ощущала его каждой клеткой, и его прикосновения возвращали ее к жизни.

Она уткнулась ему в плечо и, потеряв над собой контроль, зарыдала. Десять лет она держала себя в руках, не позволяла распускаться, и вот все ее старания пошли прахом, не выдержав напора теплившейся в ней любви к этому давно умершему человеку. Когда он снова заговорил, голос его звучал холодно и отчужденно.

— Где Джон, Сара?

Она с удивлением отметила, что на том месте, где только что был Кайл, никого нет. Вздрогнула и открыла глаза.

Кайл стоял у стены, сверля ее укоризненным взглядом. Она никогда не видела на его лице подобного выражения. Чувство вины охватило ее.

— Его у меня отобрали.

— Отныне удар нацелен на него. Ты должна его защитить — он в опасности.

— Знаю!

Расстроенная, она попыталась встать, подойти к нему, но ноги ее не слушались.

— Сара, ты должна держаться. Ты нужна нашему сыну.

Она изо всех сил старалась не расплакаться, но тщетно. Это все равно, что сдерживать набегающий прибой. И потом — она столько лет не плакала. Здесь, рядом с ним, ее буквально прорвало.

— Я знаю, что нужна ему, но у меня уже не хватает сил. Мне никто не верит, даже он сам. Я потеряла его. Я провалила задание!

— Держись, боец,— сказал Кайл, помогая ей подняться. — Помни, что

тебе передали: будущее еще не определено, мы сами творим свою судьбу.

Он повторил те самые слова, какие приказал ему передать Саре постаревший Джон Коннор, когда впервые послал сюда Кайла. Эти слова подняли в ней бурю чувств, пробудили сознание ответственности за свою судьбу — именно для этого их ей и передали. Годами она размышляла над смыслом этих слов, но в последнее время они стали забываться. Сосредоточив все свои мысли на том, как бы вырваться отсюда, она многое забыла. Слишком многое.

Кайл направился к двери.

Сердце ее готово было выпрыгнуть из груди.

— Кайл, не уходи!

Он медленно обернулся к ней и сказал с упреком:

— Сара, этому миру отпущено не так уж и много.

Он открыл дверь и вышел. Сара собрала все силы, чтобы встать, но ноги не слушались ее. Она смотрела на дверь безумным взглядом. Кровь ударила ей в голову, она напряглась и буквально доползла до двери. Выскользнула в коридор. Посмотрела в одну сторону. Никого.

— Кайл! — в панике крикнула она.

Посмотрела в другую сторону. Невероятно, но он уже успел отойти на сотню ярдов. Она увидела силуэт человека в плаще, который быстро прошел по темному коридору и исчез за углом.

Сара побежала за ним, шлепая босыми ногами по холодному полу, больничный халат развевался за ней. Ей казалось, что коридор представляет собой нескончаемую дорогу, почему-то поднимающуюся вверх. Угол, за которым скрылся Кайл, был от нее все так же далек. Собрав все силы, она добежала до угла и завернула за него.

Риз мелькнул впереди, сворачивая за другой угол. Она побежала туда, остановилась в сомнении на повороте. Кайл стоял перед двойной дверью в конце коридора. Он распахнул ее и шагнул наружу, в прекрасное, залитое солнечным светом утро. Сара устремилась вперед и выскочила на зеленую лужайку. Осмотрелась.

Перед ней была детская площадка, вокруг звенел детский смех, дети катались с горок, взбирались по стенкам и лестницам, высоко взлетали на качелях. Риз исчез.

Внезапно из глубин ее существа поднялось предчувствие страшной катастрофы. Она знала, что сию минуту увидит самое страшное из того, что суждено пережить человечеству.

Она открыла рот, но вопль-предупреждение замер у нее на губах. Слишком поздно. Теперь она уже ничего не может сделать. Она увидела, как на горизонте взошло второе солнце, небо внезапно побледнело, землю потряс мощный взрыв. Затем все живое опалила волна нестерпимого жара. На ее глазах пожар охватил весь горизонт и стал неумолимо приближаться, сжигая все на своем пути, превращая дома, деревья, цветы в обугленные, дымящиеся руины. Пожар добрался до детской площадки...

В страшном пламени, которое жгло сильнее тысячи солнц, фигурки детей вспыхнули, точно спички. Пламя перекинулось на Сару, она закричала, но не от боли, которая пронзила ее, а от того, что она увидела: дети сгорали заживо, из обгоревших тел торчали обугленные кости.

Все, все кончено — некуда бежать, невозможно спастись.

Ослепительное сияние залило все вокруг. Сара никогда не думала, что свет может оказаться таким безжалостным. Он высвечивал страшные картины агонии детей, корчившихся в смертных муках на раскаленной земле. Ей удалось сделать шаг к дымящейся ограде, схватиться за нее, но ее руки охватило пламя.

Взрывная волна прокатилась по дымящемуся горизонту, образуя высокую стену сжатого воздуха. Вслед за ней на волю вырвался чудовищной силы ураган, несущийся со скоростью двести пятьдесят миль в час.

Дети, игравшие недавно на площадке, превратились в обугленные статуи, которые рассыпались на ее глазах. Обломки разметало взрывной волной.

Взрывная волна ударила в нее, вырвав куски обуглившейся плоти. Ее засосало в крутящийся вихрь радиоактивного облака, в самую сердцевину ядовитого гриба, где искрилось и плавилось сияющее вещество, разверзая ад перед ее измученной душой.

Сара отвернула лицо, укрываясь от жаркого солнца, лившегося в окно, смахнула слезы. Все тело ее дрожало, мускулы напряглись. Больничный халат пропитался насквозь потом.

Открыла глаза и осмотрелась. Она лежала на полу возле перевернутой кровати.

Торазин вновь поверг ее в давнишний кошмар, которому скоро суждено сбыться.

Всем своим существом Сара чувствовала — война приближается. Она уже тысячи раз умирала в этой войне. Казалось бы, со временем ее сны должны стать спокойными и приятными, какими и должны быть нормальные человеческие сновидения. Но ведь это не просто сон, это видение, зримая картина того, что ожидает мир, раз от разу все более зловещая, будто черные силы, которые уже выступили в поход, с каждым ударом ее сердца подступают ближе и ближе.

Но Кайл до сих пор никогда не появлялся в этих кошмарах. Тогда почему он пришел сейчас? Случайность? А может она сходит с ума и в отчаянии пытается спрятаться от страшной реальности в объятиях мертвеца? Нет, нет... Он ведь сказал что-то важное. Но что? Она мучительно старалась вспомнить его слова.

Что-то о Джоне. Главное теперь — он. И еще: миру осталось не так уж много времени. Правда, это ее собственная тревога, исходившая из глубин подсознания. Ее, а не Кайла.

Сара почувствовала, как зашевелились волосы у нее на затылке. Волна холодного страха захлестнула ее.

Что-то должно случиться.

А она, находясь в заточении, не сможет этому помешать.

Отбросив назад спутанные волосы, Сара заставила себя встать. Нужно во что бы то ни стало выбраться отсюда.

Сегодня вечером.

ПРОСМОТР ВИДЕОЗАПИСИ

Пескадеро. Государственная клиника. 3.58 дня

Сара стояла в маленькой пустой комнате, похожей на раздевалку. Затягиваясь сигаретой «Мальборо» — она выпросила ее у санитара — и скрестив руки на груди, вслушивалась в звуки собственного голоса, безжизненного и далекого. Повернувшись к видеомонитору на каталке, увидела себя: сонные глаза, которые она пытается свести в одну точку — ее тогда нашпигали снотворным,— язык едва ворочается. Запись была сделана вскоре после того, как Сару упекли в сумасшедший дом. «Как же яростно я тогда сражалась!» — поразилась она.

Сара — та, что на пленке — говорила:

— Это... как... как огромная мигающая лампа... Она светит мне прямо в глаза, но почему-то я все равно вижу, что происходит вокруг... Послушайте, но ведь мне это снится каждую ночь! С какой стати я должна...

Раздался покровительственный голос Силбермана. Самого его видно не было — он не попал в объектив.

— Продолжай, пожалуйста...

Живой Силберман сидел сейчас рядом и наблюдал за Сарой, которая смотрела на свое изображение на экране. У двери застыли наготове два санитара — на случай, если Сара вдруг потеряет самообладание. От нечего делать они тоже пялились в монитор.

Происходящее там их мало интересовало.

Сар — та, что на экране — нехотя рассказывала дальше. Она хмурилась и бросала негодующие взгляды на невидимого Силбермана.

— Дети, похожие на кучку сгоревшей бумаги... черные, неподвижные... А потом удар взрывной волны, и они разлетаются, словно листья, в разные стороны...

Та Сара больше не могла говорить. Она затрясла головой и разрыдалась.

Эта, живая Сара, глядела на ту холодно и бесстрастно, глаза ее покраснели, но остались сухими.

Снова послышался раздражающе спокойный голос Силбермана:

— Людям очень часто снятся легкие катаклизмы и конец света, Сара...

— Но это был не сон! Это было на самом деле. Слышишь, дебил?! Я точно знаю, когда случится катастрофа!

— Я и не сомневался, что считаешь это реальным...

— Двадцать девятого августа 1997 года это станет жуткой реальностью и для тебя! Все вы тут попляшете, понял?

— Успокойся, Сара.

Конечно же, Сара — та, что на экране — не могла успокоиться. Она корчилась в ужасных судорогах и, пылая праведным гневом, вопила, как безумная пророчица:

— Думаете, вы живы и здоровы?! Да вас давно уже нет! Вы все... Все подохли!

Она вскочила. Действия это, правда, не возымело, разве что Сара закричала еще громче:

— Это ты живешь, как во сне, Силберман! Ты, а не я! Я-то знаю, что случится. Обязательно случится!

Живой Силберман взял пульт управления и остановил видеопленку. На экране застыло безумное, перекошенное от ужаса лицо Сары.

Пациентка из восемьдесят второй палаты отвернулась с непроницаемым выражением лица. Сара знала: Силберман ждет, что она скажет. И, собрав остатки разума, с трудом подавляя тошноту, заставила себя улыбнуться этому надменному ублюдку.

— Я была напугана и.. у меня в голове помутилось,— наконец выдавила она. — Теперь мне гораздо лучше. Туман рассеивается.

Силберман кивнул. Поигрывая авторучкой и снисходительно улыбаясь, он обдумывал ее слова.

— Да, в последнее время ты попла на поправку.

Сара с легким утовлетворением отметила, что Силберман рассеянно сунул ручку в карман пиджака.

Теперь ей предстояло, пожалуй, самое трудное. «Надо полюбезничать с Силберманом,— подумала она. — Это поможет добиться цели».

— В чем дело? — удивился Силберман.

Сара замялась и покосилась на зеркало, через которое, как ей казалось, на нее смотрели. Она интуитивно чувствовала, что за зеркалом расположена наблюдательная комната, где начинающие врачи и пара штатных психологов курят и с довольным видом что-то записывают.

Если б она могла схватить стул и, разбив стекло, расквасить их наглые рожи!

Но Сара совладала с собой. Сегодня самый важный день, от которого зависит ее дальнейшая жизнь. Чтобы отсюда выбраться, необходимо действовать. Ползать на брюхе перед этими кретинами. Играть с ними в их дурацкие игры. Они из своего укрытия следят за каждым ее движением, за выражением лица и решают, сумасшедшая она или нет. Если удастся подобать правильные слова, она вмиг может оказаться на свободе...

Сара повернулась к Силберману и, как ни в чем не бывало, улыбнулась.

— Вы говорили, что если за шесть месяцев я пойду на поправку, меня переведут в отделение с менее строгим режимом и разрешат принимать посетителей. Шесть месяцев прошло, и мне хотелось бы повидаться с сыном.

Сидевший в кресле Силберман качнулся вперед и, поразмыслив, произнес:

— Так-так... А вот давайте-ка вспомним, что ты говорила про этих... роботов-терминаторов... Как тебе теперь кажется, они существуют?

Усилием воли Сара попыталась сдержать улыбку.

— Нет, не существуют. Теперь я это понимаю.

Сара постаралась, чтобы ее слова прозвучали как можно убедительней.

Силберман снова кивнул и что-то нацарапал в ее истории болезни. И устремил на Сару испытующий взгляд.

— Но ты же столько раз рассказывала, как раздавили одного из них гидравлическим прессом!

— Если это так, то наверняка сохранились бы какие-то вещественные доказательства. Полиция нашла бы что-нибудь на той фабрике.

— Понятно. Значит, ты больше не считаешь, что компании попросту удалось замести следы?

Наступил решающий момент. Силберман легонько постукивал ручкой по

бумаге, как бы отсчитывая секунды молчания.

— Нет. Зачем ей было заметать следы? — наконец произнесла Сара.

РОЗЕТСКИЙ КАМЕНЬ*

Ирвин, Калифорния. 4.01 дня

Стоя у окна на верхнем этаже «Монолита» — трехэтажного здания из черного базальта и стекла, в котором размещались административные службы и лаборатории «Кибердайн Системс», — Майлс Дайсон смотрел на блестевшие на солнце крыши автомобилей на стоянке. Ему не терпелось вернуться в лабораторию и вновь приняться за работу. Третий этаж занимала администрация, здесь находился отдел маркетинга и акционерное общество. Дайсон плохо представлял себе, чем они занимаются, и совсем этим не интересовался. Человек он был практичный, прагматик, которого волновали только научные изыскания и деньги, выделявшиеся ежеквартально на эти цели. Сейчас в совете директоров как раз решался вопрос об очередном субсидировании исследований Дайсона, из-за чего он страшно нервничал. Дайсон с трудом находил общий язык с людьми, несведущими в его профессии, однако за последнее время ему несколько раз приходилось покидать лабораторию, эту святую обитель, и общаться с бюрократами. Он возмущался по этому поводу, но понимал, что иначе нельзя.

Майлс Дайсон, наверно, был самым главным человеком в мире. Возможно, даже во всей истории человечества, хотя никто, в том числе сам Дайсон, об этом не подозревал. Он был прекрасным микробиологом, первоклассным химиком и руководил отделом особых Проектов. Но когда-то от мечтал о карьере баскетболиста.

Окончив школу, юный Дайсон, тощий, как жердь, и вымахавший на шесть футов и два дюйма надеялся получить за свои спортивные заслуги стипендию в одном из университетов на западе страны. Но оказалось, что играл он не так уж и мастерски. Дайсон и сам не знал, куда податься и обратился за советом к психологу. Та угодала его скрытые таланты, посоветав серьезно заняться наукой.

Дайсон настолько преуспел в математике, что получил федеральную стипендию в Калтехе. В то время в США был огромный спрос на выдающихся математиков: Америка состязалась в этой области с Японией. Власти из кожи вон лезли, стараясь затащить в университет всех, у кого имелись хоть какие-то математические способности.

На первых порах Дайсон отнесся к своей будущей профессии весьма критически. Нет, алгебра ему, конечно, нравилась, но меньше, чем хороший матч. Однако, проучившись в Калтехе год, он вдруг страстно полюбил формулы и уравнения.

Преподаватели тоже поначалу смотрели на него скептически. Из-за своего социального происхождения, посредственных оценок в аттестате по английскому и биологии и жаргона, усвоенного в годы жизни в негритянском гетто, Дайсон

---

*Плита из черного базальта, обнаруженная в 1799 г. в г. Розетта в устье Нила. Поскольку на ней, наряду с египетским, был параллельный текст на греческом, ученым удалось подобрать ключ к расшифровке египетских иероглифов. (Прим. пер.)

казался им каким-то полудурком. Вполне вероятно, тут не обошлось и без расизма — в то время Дайсон всем своим видом нисколько не отличался от других чернокожих детройтских пареньков.

Однако потом, когда парня заворожила наука, раскрылись его недюжинные способности, он получил доступ в узкий круг юных университетских гениев. Затем выпускника взяли на работу в «Кибердайн Системс». Должность он занимал самую низкую, но зато участвовал в разработке одного, строго засекреченного, выдающегося проекта. Всего через два года Дайсон обошел своих соперников и был назначен координатором проекта. Теперь «Кибердайн» превратилась из маленькой предприимчивой фирмы по производству микросхем в корпорацию, которая ворочала миллиардами и со дня на день должна была овладеть секретами создания искусственного интелекта.

В данный момент Дайсон мечтал лишь о том, чтобы снова вернуться к работе.

В большой кабинет — сплошь стекло и сталь — размашистым шагом вошел владелец корпорации. За десять лет, что минули со дня основания «Кибердайн», Грег Симмонс сильно сдал. Победа над конкурентами и борьба за возможность контролировать остальных членов совета директоров, которые были простыми вкладчиками, стоила ему многих лет жизни. Симмонсу стукнул пятьдесят один, но выглядел он на десять лет старше. Его некогда густые, черные волосы поредели и поседели. На бледной коже выступили коричневатые пятна. К тому же Симмонс страдал от артрита бедра. Он, вероятно, мог прожить еще много лет и разбогатеть еще больше, но по его виду сказать этого было нельзя. Больные раком — и те выглядят лучше.

Самый серьезный удар по душевному спокойствию Симмонса был нанесен пять лет назад, когда от опухоли мозга скончался его компаньон,— суматошный, но очень толковый молодой человек по имени Джек Кролл. Это благодаря ему компания так быстро шла в гору. К тому же Джек Кролл вот-вот должен был создать совершенно новый тип микросхемы — ультратонкую. Его открытие произвело бы революцию в компьютерном мире и сделало бы Симмонса миллиардером. Но несчастный мальчик умер, так и не завершив своих исследований. На то, чтобы подыскать ему подходящую замену, ушли годы. Наконец такой человек нашелся. Дайсону исполнилось тридцать три, но он по-прежнему выглядел на двадцать с небольшим. С виду типичный «голубой воротничок», Дайсон, однако, умудрился расшифровать сложные записи Кролла, сделанные им незадолго до смерти, и продвинуться дальше, причем собственным путем. Вместо того, чтобы изучать работу отдельных элементов микросхем, Дайсон развивал общие принципы функционирования подобных устройств.

Плохо только то, что деньги в его руках так и таяли. Ему требовались все новые и новые сотрудники, и, чтобы переманить их из других компаний, «Кибердайн» приходилось платить им гораздо больше. А поскольку штат сотрудников увеличивался, сохранять в тайне исследования с каждым днем становилось все труднее. Было общеизвестно, что Дайсон относится к соблюдению секретности крайне легкомысленно. Симмонс частенько вызывал его на ковер и отчитывал за нарушения. Это напоминало выволочку, которую устраивают ребенку-вундеркинду. Дайсон знал, что Симмонс в науке не силен,

не то, что в вопросах купли-продажи и накопления капиталов. Он конечно, мог понять конечные цели, маячившие перед его компанией, но каким образом они достигаются, не ведал. Симмонс не был ученым. Разумеется, какое-то время он работал чертежником и инженером-оформителем в мелких фирмах, производивших электронику, но успех же его зиждился на том, что ему улыбнулась фортуна.

Десять лет назад Симмонс работал в фирме «Клейнхауз Электроникс», на окраине Лос-Анджелеса — занимался предварительными расчетами на компьютере. И вот однажды утром он не смог попасть на фабрику вовремя: пришлось ждать пока полиция буквально соберет по кусочкам с пола растерзанный труп. очевидно, ночью произошел взрыв. Зачем-то на фабрику проникли двое, мужчина и женщина, и вывели из строя какое-то оборудование. Мужчина погиб, а женщина, похоже, лишилась рассудка.

Когда, наконец, Симмонсу разрешили войти, Джек — он был тогда его помощником — показал ему странный обломок электронной платы. Сгорая от любопытства, Джек прокрался сквозь полицейские кордоны и подобрал один из самых, по его мнению, интересных обломков, оставшихся после взрыва.

С подобной технологией ни Симмонс, ни Кролл никогда не сталкивались. Вместо того, чтобы сообщить об этом Клейнхаузу, они уволились с работы, по уши влезли в долги и открыли собственную компанию, которую назвали «Кибердайн».

Первые два года они чуть ли не голодали и все пытались понять, что же такое им удалось тогда обнаружить. Мало-помалу Джек Кролл расшифровал работу одного участка микросхемы, и это, подобно розетскому камню, указало ему путь к другим, пусть небольшим, но весьма прибыльным открытиям. Компания развернула бойкую торговлю новой быстродействующей микросхемой. На третий и четвертый год Симмонс и Кролл оказались в солидном выигрыше. И тут у Кролла обнаружили опухоль. Он лихорадочно работал, делал записи искаженным наркотиками, корявым почерком, но умер, так и не успев совершить еще одно открытие.

Теперь на пути к открытию был Дайсон.

Симмонс откашлялся. Дайсон вздрогнул и взглянул на него.

— Извини, что я так задержался,— сказал Симмонс,— но членов совета смутили некоторые пункты твоей финансовой сметы.

Дайсон собрался вспылить, но Симмонс схватил его за руку.

— Не волнуйся. Я сумел рассеять туи.

«Трепач»,— подумал Дайсон. наверняка старику неизвестно, на пороге каких открытий находятся филиалы его собственной фирмы. Но, судя по всему, Симмонс учуял опасность, и Дайсон осторожно выжидал, пока старикан разоткровенничается.

Симмонс предложил ему шотландского виски. Дайсон вежливо отказался.

Симмонс залпом осушил стакан и, наконец, ухмыльнулся.

— Ладно, успокойся. Бюджет на следующий квартал тебе утвердили. Я охрип, уговаривая всех остальных. Они желают к концу года иметь на руках готовую продукцию, которой можно будет торговать. Я их уверил, что ты меня не подведешь. Так что сделай одолжение — не трать все деньги сразу.

Оба притворились, что им весело.Они не были друзьям. Для дружбы необходимо взаимопонимание по каким-то ключевым вопросам. А эти двое почти во всем придерживались противоположных точек зрения. Во всем, кроме того, что касалось Отдела Особых Проектов. Но даже тут они преследовали различные цели. Дайсон, конечно, радовался высокой зарплате, но работал не ради денег. Его привлекал сам процесс познания. Если же в результате его работы удастся чуточку улучшить мир, чтобы его детям жилось хотя бы немного полегче — то и чудесно!

Симмонс хотел приумножить свои богатства.

В каком-то смысле оба были одержимыми.

Но Дайсон считал себя счастливее.

Он пожал Симмонсу руку и обещал лично информировать об успехах отдела.

И со всех ног кинулся к лифту. Ступив на застланный паласом пол и убедившись, что в кабине один, Дайсон подпрыгнул от радости. А он-то был уверен, что совет директоров зарубит большинство пунктов финансовой сметы! Да, он явно недооценил любовь Симмонса к отделу и к разрабатываемому проекту. Теперь у него есть все необходимое, чтобы завершить работу. Очень скоро падет последняя преграда, и они узнают об Объекте № 2 все, что только можно!

Двери, прошелестев, отворились — лифт приехал на второй этаж. Дайсон прошел через пустой вестибюль и замер перед мощной дверью. Хромированная надпись наверху гласила:

«Отдел Особых Проектов. Вход по специальным пропускам».

Дайсон сунул в щель свой электронный пропуск. Дверь щелкнула и распахнулась.

Он вошел в ЛИР — Лабораторию Искусственного Разума. Все здесь было заставлено полками с процессорами, дисководами, контрольным оборудованием и опытными образцами. По полу змеились толстые провода. Попав в это помещение, где, несмотря на чистоту, царил беспорядок, посторонний человек решил бы, что оказался на телефонной станции, работники которой не отличаются особой аккуратностью.

Дайсон вышел на середину комнаты и сказал обратившимся во внимание сотрудникам:

— Ребята, я вас поздравляю. Вы получите прибавку к жалованью.

Коллеги приветствовали Дайсона шутливыми возгласами. Никаких лабораторных халатов тут не носили. Все ходили в джинсах и кроссовках. Ребята были такие же молодые и способные, как и сам Дайсон. Они сидели за столами, пили пепси-колу, жевали сэндвичи и производили революционный переворот в технологии. Теперь же они наперебой кинулись хлопать Дайсона по спине и пожимать ему руку. Дайсон попросил всех сесть и сказал, что сегодня надо будет пораньше разойтись по домам. Раздался общий стон. Никто из коллег Дайсона не имел привычки уходить домой до конца рабочего дня. Инженерно-технический персонал и научные сотрудники упорно состязались, кто кого пересидит. Тот, кто первым вставал из-за стола, становился чем-то вроде отверженного. Товарищи Дайсона трудились по шесть дней в неделю, да и по субботам нередко засиживались на работе допоздна. Отдыхать, водить

семейство в кино — это было не для них. Им хотелось того же, что и Дайсону: найти ответы на интригующие вопросы. И обрести силу, которая помогла бы им изменить мир.

К Дайсону подскочил Брайант, один из самых молодых и неопытных сотрудников.

— Мистер Дайсон! Лаборатория исходных материалов хочет провести повторное испытание объекта № 2.

— Хорошо. Идемте. Я сейчас все устрою.

Дайсон направился к выходу, Брайанту пришлось чуть ли не бежать, чтобы угнаться за ним.

— Мистер Дайсон... Я, конечно, работаю тут совсем недавно, но, может вы все-таки скажете мне... если, конечно, знаете...

— Что знаю?

— Ну... откуда он взялся, этот объект?

— Я тоже когда-то об этом спрашивал. И знаешь, что мне ответили? «Не задавай лишних вопросов».

Дайсон помахал охраннику, стоявшему возле двери в подвал. Охранник прошел вслед за Дайсоном и Брайантом в маленькую комнатушку, и все трое остановились перед дверью, напоминавшей современное банковское хранилище. Здесь, как и для запуска ракеты с ядерным боеголовками, требовалось два ключа. Дайсон и охранник вставили свои ключи в замочные скважины и одновременно их повернули. Потом Дайсон набрал код на панели, вмонтированной в стену. Через секунду раздались резкие щелчки, и дверь открылась. Дайсон зашел внутрь.

Брайант остался снаружи вместе с охранником, который записал в специальную книгу имя посетителя и точное время, когда тот появился в хранилище. Очутившись в подвале, Дайсон подошел к стальному сейфу и открыл его. Там, в запечатанном сосуде с инертным газом, хранился какой-то маленький предмет. Он условно именовался «Объект № 2» и представлял собой коричневый керамический параллелепипед размером с костяшку домино. Предмет был серьезно поврежден при взрыве, но его скрупулезно восстановили и заключили в металлическую рамку. Предмет таил в себе загадку, которая уже принесла «Кибердайн» несколько миллионов долларов. Но и это еще не все. Устройство микросхемы и химический состав объекта были Дайсону совершенно незнакомы. И опять в его мозгу возник вопрос, тот, что задал ему Брайтон и некогда задавал начальству он сам.

А правда, откуда он взялся, этот предмет?

Кто создал микросхему? Русские?

Вряд ли. Слишком уж тонкая работа.

Японцы? Может быть, но почему они не внедрили повсеместно у себя эту технологию в последние годы?

Нет, вещица была уникальна. И Дайсону не верилось, что ее изобрел шеф. Джек Кролл унес тайну в могилу. Из его записей было неясно, откуда взялся этот странный предмет. Впрочем, перед Дайсоном сейчас стояли другие, куда более важные, вопросы. Ответам на них он и посвятил свою жизнь.

Дайсон потянулся к микросхеме, взял ее и, не вынимая из склянки с инертным газом, поставил на специальную тележку — он обращался с

Объектом № 2, словно со священной реликвией. Когда Дайсон запирал сейф, его взгляд упал на другой несгораемый шкаф, стоявший рядом с первым. На нем красовалась надпись «Объект № 1».

Если б только Брайант и все остальные узнали, что тут лежит! Это было известно лишь троим: покойнику Кроллу — раз, владельцу компании — два и ему, Дайсону — три. Подчиняясь мгновенному порыву, он отпер сейф, заглянул внутрь и впился взглядом в то, что лежало. Этот предмет был гораздо больше предыдущего. Он представлял собой сложнейшее устройство — металлическую руку.

В локтевом суставе металл был перекорежен и даже поломан. Но кисть и предплечье остались целыми, хотя их хромировавшая поверхность слегка покоробилась и потеряла блеск. Рука торчком стояла в герметично закупоренном сосуде. Казалось, она застыла в приветствии. Глядя на нее, Дайсон глубоко задумался.

Кто, черт побери, создал это?

«Не задавай этих лишних вопросов...»

Внезапно его обуял страх, даже живот свел. Загадочные объекты вполне могли оказаться краденными. Он не доверял Грегу Симмонсу. Что, если... нет, не может быть... Дайсон отогнал сомнения и решил, что еще успеет наглядеться на странные предметы. Может быть, их украли, а может изготовили, выполняя какой-то секретный правительственный заказ. Когда удастся раскрыть тайну Объекта № 2, наверное станет известно и это. А пока...

Поколебавшись, он закрыл дверцу сейфа и надежно ее запер.

ПРИГОВОР

Пескадеро, Государственная клиника. 4.13 дня

В комнате для собеседований стояла удручающая тишина. Сара слышала удары собственного сердца и сонное жужжание мух где-то вдалеке. Застывшие у дверей санитары смотрели на Сару, как на ту же муху.

Силберман и другие врачи расположились в кабинете за зеркалом и делились впечатлениями. Сара чувствовала на себе их оценивающие взгляды. Она знала, что решается ее судьба. До чего ж неправильно она себя вела с самого начала! Зачем рассказала им столько! Все равно ее не выпустят на свободу.

Но ведь она так долго хранила тайну! Когда ее только засунули в психушку, доктора так сочувственно беседовали с ней! Она им поверила. Думала, они настоящие профессионалы и способны определить, в своем уме она или нет. Ах, как она ошиблась...

Врачи, работавшие в клинике, смотрели на мир глазами психологов. Их представления о реальности основывались на теориях поведения неких абстрактных личностей. До них не доходило, что Сара — абсолютно нормальна, а ненормален весь окружающий мир.

Даже в сумасшедшем доме Сара прекрасно чувствовала тонкую грань между реальностью и фантазиями, снами и пророчествами, опытом и воображением.

Тут, в Пескадеро, она не раз переступала эту грань. Но всегда знала, «на каком она свете». Силберману этого не понять. Он судит обо всем со своей

точки зрения. Со своей. На его стороне естественные науки и философия. Клиника — его вотчина. Тут полным-полно пациентов с комплексом мессианства. Сара осознавала, что идеально подходит под описание подобных случаев. Сына ее зовут Джон Коннор. Это как бы аналог Иисуса Христа.* Отец мальчика — призрак из будущего. То есть налицо почти полное совпадение с непорочным зачатием. И сын ее пожертвует собой ради спасения мира.

Вдобавок Сара переступила закон. Нанесла ущерб чужой собственности. Да, конечно, с точки зрения Силбермана она сумасшедшая.

А кто бы не сошел с ума, узнав то, что стало известно ей? Что цивилизация канет в пропасть. Что миллионы невинных детей погибнут ужасной смертью. Даже если ей удастся выбраться из клиники и уберечь Джона, чтобы он успел собрать на пепелище армию повстанцев, все равно не избежать массовых смертей и разрушений, от которых даже у самого безжалостного вояки голова пойдет кругом.

Неважно, чем окончится война — победой или поражением. Все равно погибнут миллионы детей.

Если же ее не выпустят из этого каменного мешка и враги убьют Джона, человечеству вообще придет конец.

Да, безусловно, она безумная.

Но она знает, что делает.

Силберман вернулся с какой-то подленькой усмешкой на губах и сел за стол Сары. Почесал нос, потом рассеянно погладил обложку ее истории болезни.

И, наконец, сказал:

— Видишь ли, Сара... вот какая история... Насколько я понимаю, ты очень умна и нарочно говоришь то, что мне хочется от тебя услышать. Мне кажется, на самом деле ты так не думаешь.

Сара никогда не умела врать. Итак, одурачить Силбермана не удалось. Значит, остается одно: умолять. Она подалась вперед и выразила в своей бесхитростной мольбе всю боль и отчаяние:

— Позвольте мне повидаться с сыном.

Силберман отвернулся. Сара пристально следила за ним. Наверно, размышляет,— согласиться или нет? Но оказалось, что он всего лишь хотел незаметно подавить зевок. Сара попробовала еще раз:

— Пожалуйста, мистер Силберман! Это очень важно. Он в опасности. Разрешите хотя бы позвонить ему по телефону.

— Боюсь и этого нельзя. Не сейчас. Я считаю, что должен рекомендовать комиссии подержать тебя тут еще с полгодика. Это однозначно.

Она могла, конечно, попытаться его убедить, обмануть, предложить свое сотрудничество, спорить с ним, просить его, рассказать ему все, что угодно, все самые интимные подробности своей жизни. Могла даже душу вывернуть наизнанку, но это ни к чему бы не привело. Силберман давным-давно принял решение.

Он был неумолим, как рок.

---

*В английском языке инициалы Иисуса Христа и Джона Коннора идентичны. *(Прим. пер.).*

И Сара поняла, что проиграла.

Враждебность, которую она тщательно скрывала, моментально выплеснулась наружу животной яростью. Сара стремительно перегнулась через стол и схватила Силбермана за горло.

— Ах ты, сукин сын!

Силберман упал навзничь, попробовал вырваться, но безуспешно. Стальные пальцы Сары стиснули его горло В следующий миг санитары оттащили ее от Силбермана и с силой толкнули в стену. Оглушенная, она упала на спину, но тут же выскользнула из их рук и опять кинулась на Силбермана. Ему явно бы не поздоровилось, если бы не один из санитаров, тот, что был выше ростом, который в школьные годы гонял в футбол. Он схватил Сару за ногу, и она упала. Санитар кинулся на нее, едва не переломав ей ребра. У Сары перехватило дыхание, но она корчилась и извивалась, словно рысь, загнанная в угол.

Силберман пошарил в кармане халата и выудил шприц. С опаской приблизившись к Саре, сделал ей укол.

— Проклятье! Пустите меня! Силберман! Ты не ведаешь, что творишь! Тебе крышка! Ты уже сдох! Слышишь?

Силберман ее не слышал — у него и без того звенело в ушах. Он махнул рукой, прося санитаров смилостивиться над ним, и они выволокли Сару в коридор. Когда за ними захлопнулась дверь, в комнате стало непривычно тихо.

Раскрасневшийся Силберман откинул пряди волос, упавшие на глаза, глубоко вздохнул, но тут же вспомнил, что по ту сторону зеркала сидят наблюдатели и взял себя в руки.

Изобразив на лице улыбку, он повернулся к ним и пожал плечами.

— Вот вам наши примерные граждане.

Сару притащили в ее палату. Всю дорогу она отбивалась, но так и не смогла вырваться. Санитары, наконец, втолкнули ее в комнату. Она прислонилась к стене, и тут же на пороге появился Дуглас. Ухмыльнувшись, показал ей два пластмассовых стаканчика.

— Тебе следует принять лекарство,- вкрадчиво произнес он и направился к Саре.

Она предприняла последнюю отчаянную попытку.

— Дуглас! Подожди! Послушай... Я на все готова, лишь бы выбраться отсюда. Понимаешь? На все!

Дуглас остановился в нескольких шагах от нее. Казалось, он размышляет.

Наконец он сказал:

— Так как насчет таблеток?

Два других санитара придвинулись поближе. У одного в руках был электрошокер.

А Дуглас добавил:

— Я женатый человек. За кого ты меня принимаешь?

И протянул ей стаканчики.

Она машинально взяла их. В глазах помутилось. Проглотив таблетку, лежавшую на дне первого стаканчика, Сара запила ее водой, которая была налита во второй. Отдала посуду Дугласу. Он кивнул и протянул стаканчики другому санитару.

— Открой-ка рот!— скомандовал Дуглас Сарс.

Она подчинилась. Он пошарил у нее во рту пальцем, нща таблетку. Сара с трудом удержалась, чтобы не тяпнуть его за руку.

Дуглас вынул палец из ее рта и подмигнул ей.

— Да тебе уже лучше, честное слово!

И вышел вместе с остальными в коридор.

Сара подождала, пока его лицо перестанет маячить в окошке, и побежала в туалет. Там она сунула в рот два пальца, вызывая рвоту. Вскоре таблетка упала в унитаз.

Сара сделала глубокий вдох, пытаясь собраться с силами, и подошла к койке. Откинув ее к стене, начала подтягиваться на руках. Раз, два, три, четыре... Бездумные механические движения. Пусть вся ярость и отчаяние перейдут в них! В ее мускулы... Придавая им силу... Такую, чтобы в один прекрасный день она смогла одолеть всех своих противников.

Потому что она сдаваться не собирается!

Ня за что на свете!

ПОИСК ЦЕЛИ

Резеда, Калифорния. 4.26 дня

Две десятилетние девочки стояли у палатки, торгующей в подземке сэндвичами, и в смущении изучали фотографию, которую им протянул полицейский. Он высунулся из окна автомобиля и расплылся в улыбке, которая могла бы сойти за теплую и дружественную, не будь она такой натянутой. Одна из девочек отвела глаза от этого странного лица — почему-то ей стало не по себе.

Другая, не почувствовав ничего подозрительного, сказала:

— Да, он был тут пятнадцать минут назад. Он, кажется, собирался в Пассаж.

— Куда? — переспросил полицейский.

Девочка указала на массивное бетонное здание, которое высилось в двух кварталах оттуда и было прекрасно видно издалека.

Остин повернулся и внимательно посмотрел в ту сторону, куда махнула рукой его собеседница. Потом выхватил у нее фотокарточку и, сорвавшись с места, помчался к Пассажу. Перепуганные девочки смотрели ему вслед.

А совсем неподалеку от того места Терминатор медленно ехал на мотоцикле «Харли» и с упорством автоматической видеокамеры запечатлевал все, что попадало в поле зрения.

Отыскать Джона для него лишь вопрос времени.

Ну, а что касается времени, то его у Терминатора целая вечность. Энергии, хранившейся в особых клетках за твердым внутренним каркасом, хватило бы минимум лет на сто. В режиме консервации это время могло растягиваться до бесконечности. Терпение было не достоинством человека-машины, а его стратегическим преимуществом.

Рано или поздно киборгу предопределено засечь свою цель.

Он промчался по мосту над водостоком. Обследовал все вокруг не только визуально, а и на слух. Одно его ухо улавливало все без разбору звуки

окружающего мира, другое автоматически отсеивало то, что не попадало в разряд «Хонда-125» 1990 года выпуска. Команда отыскать это транспортное средство следовала в памяти сразу же за изображением цели.

Рано или поздно...

За последние три часа Терминатор дважды приходил в состояние полной боевой готовности. Но за рулем первого мотоцикла сидела девочка-подросток, а вторым управлял мужчина средних лет. Ни один из этих людей не соответствовал нужным параметрам.

Затем в мозг терминатора поступил еще один сигнал.

Он резко повернул голову. Опять то же самое. Киборг пошарил глазами по улице и моментально отыскал источник звука. На мотоцикле по набережной мчались два паренька. Заработало усиливающее устройство, скрытое в черепе киборга за псевдочеловеческими глазами. Изображение увеличилось в пятнадцать раз, потом на экране застыло лицо водителя. «Позиция идентифицирована»,— вспыхнула надпись рядом с нечетко прорисованным лицом Джона Коннора.

Терминатор развернул громоздкий «Харлей» и выехал на улицу, параллельную водостоку. Цель двигались по бетонному коридору. Терминатору пришлось поднажать, чтобы не потерять мальчика из виду. Одним глазом киборг смотрел прямо перед собой, искусственно воссоздавая объемность изображения с помощью расчета светотени. Другой его глаз не отрывался от цели. Робот осмотрел и второго пассажира, но ничего ценного в нем не обнаружил — такого объекта в электронной памяти не существовало. Затем, рассчитав траекторию движения мотоцикла, Терминатор пришел к заключению, что цель находится слишком далеко и движется слишком быстро, поэтому с ней невозможно вступить в контакт.

Придется идти на перехват.

Терминатор наклонился ниже и помчался еще быстрее, грязный гравий, которым была усыпана дорога, пролетавшая буквально в нескольких сантиметрах от водостока, тормозил движение.

Доехав до перекрестка, Терминатор был вынужден замедлить ход и окинуть дорогу обоими глазами, что случалось только в исключительных случаях, для подстраховки. Ему пришлось использовать свое сверхреальное чувство скорости и инерции, чтобы не столкнуться с приближавшимся микроавтобусом. Мотоцикл чудом проскочил на волосок от него. Попытавшись вновь засечь цель, Терминатор обнаружил, что она исчезла. Быстро просканировав водосток внизу, он ничего в нем не обнаружил.

Однако робот улавливал высокочастотные звуки мотоциклетного мотора. Он быстро просканировал пространство в поисках ускользающей цели. Мотоцикл проехал примерно полквартала по улице, перпендикулярной водостоку, и теперь выруливал на стоянку возле Пассажа, массивного четырехэтажного торгового комплекса.

Терминатор плавно обогнал несколько машин, ехавших с меньшей скоростью, и приготовился к решающей встрече.

АТАКА

Пассаж в Резеде. 5.06 дня

Джон проталкивался сквозь толпу в салоне игровых автоматов. Уши закладывало от дешевых звуковых эффектов, на светящихся мониторах

изображались в миниатюре всевозможные сцены массового уничтожения. Тим как раз выбыл из игры под названием «Пришельцы», когда увидел приближавшихся друзей. Джон кивнул паре знакомых из колледжа и встал за спиной какого-то подростка, который играл в «Войну в пустыне»; все его истребители Ф-14 уже были сбиты. Джон стал готовиться к атаке.

Он на этом деле собаку съел.

Когда последняя ракета взорвалась, забросав все вокруг градом обломков, и на экране засветилась надпись «Игра окончена», Джон сел за пульт и опустил в щель жетон. Затем потянул на себя ручку, и «земля» тут же ушла у него из-под ног. Джон нахмурился и сосредоточил все внимание на экране. Первая ракета налетела внезапно, но он успел отреагировать и, рванувшись вниз, избежал взрыва. Потом появилась вторая ракета. Джон выстрелил из пушки, расположенной на крыле, и от ракеты осталось мокрое место.

Игра была несложной.

Мотор «Харли» грохотал что есть мочи, когда Терминатор остановился на стоянке неподалеку от эскалаторов. Маленькая «Хонда» Джона гордо красовалась по соседству с большими мотоциклами. Терминатор припарковал «Харлей» и выключил мотор.

Полицейский Остин шагал подхваченный людским потоком. Пассаж в этот субботний день был битком набит покупателями всех возрастов. Полицейский вглядывался в лица мальчишек, озабоченно ища того, кто был ему нужен. Показал фотографию ребятишкам возле пиццерии «Перри» на втором этаже. Они пожали плечами. Остин заметил, что охранник смотрит на него с любопытством. Взвесив все за и против, он направился к нему и тоже показал снимок, попросив помочь найти мальчика.

Джон, торчавший в зале игровых автоматов, с головой ушел в игру «Ракетная война» — он выигрывал с очень большим счетом. Джон ловко отражал нападение вражеских межконтинентальных ракет с разделяющимися боеголовками. Они сыпались на него градом. Три... нет, четыре... нет, пять штук одновременно! Джон старался реагировать как можно быстрее, но даже ему это было не под силу. Над взлетевшим на воздух миром разрослось белое облако, похожее на гриб.

Игра окончена.

На табло появился результат. Джон оказался на третьем месте среди игравших, но войну он тем не менее проиграл. Раздосадованный мальчуган нехотя отошел от автомата и оглянулся, ища, во что бы еще поиграть.

В эту минуту за окном показался полицейский Остин. Его взгляд был устремлен туда, где только что стоял Джон... Но мальчик уже успел смешаться с толпой.

Полицейский двинулся дальше и вскоре скрылся из виду.

Джон остановился у следующего автомата и порылся в карманах. Жетонов у него было полно. Он юркнул в кабинку.

Терминатор пробирался сквозь толпу покупателей, как Пол Баньян* сквозь лесную чащу, и при этом еще умудрялся нести в упаковке букет роз с длинными стеблями, словно парень, спешащий на любовное свидание. Он вел поиски методично, зная, что цель близка. Вглядывался в каждое лицо, но ни одного, занесенного в память, ему не попадалось.

Рано или поздно...

Остин дошел до конца галереи. Он уже успел бегло осмотреть магазинчики на всех этажах. Джона Коннора нигде не было. Полицейский повернулся и пошел назад тем же путем: мимо закусочной, где продавались бутерброды с сосисками, обувного отдела, подарочного, пиццерии, кафе, где можно было поесть такое**, книжной лавки, зала игровых автоматов, рыбного ресторана...

Остин решил возвратиться к игровым автоматам. У входа стояла дюжина ребятишек. Они хвастались друг перед другом выигрышами. Поток посетителей увеличивался. Остин решил более тщательно осмотреть зал.

Он оказался среди гомонивших и носившихся взад и вперед детей.

В противоположном конце зала Джон вел прицельный огонь по МИГам. Тим незаметно приблизился и тронул приятеля за плечо; он старался сохранять самообладание, но это у него не очень получалось. В его голосе слышался еле сдерживаемый страх.

— Тебя тут ищет легавый.

— Отвяжись, — сказал Джон и дернул плечом.

— Да честное слово! Смотри!

Джон знал, что это вранье, но все-таки выглянул, прячась за автоматом. Высокий, худощавый человек в форме показывал стоявшим рядом с ним мальчишкам какую-то фотографию. Они смотрели на нее, наморщив лбы. Потом один кивнул в сторону Джона.

Сердце Джона учащенно забилось. Он быстро присел на корточки — ведь полицейский повернул голову и чуть было его не увидел. Затем мальчик крадучись обошел автомат с другого конца и кинулся прочь, спасаясь бегством.

Мать очень рано втолковала ему, что от полицейских нельзя ждать ничего хорошего.

Остин увидел, как Джон бежит вдоль игровых автоматов. Не раздумывая, он рванулся за ним.

Глянув через плечо, Джон убедился, что сбываются его худшие опасения: легавый преследовал его, проталкиваясь сквозь толпу. Мальчик припустил еще быстрее, пытаясь не сбить с ног стоявшего посреди прохода невысокого толстого подростка.

Легавый догонял его, причем несся напролом и сбил толстого паренька с ног. За спиной полицейского бурлила толпа.

Джон все понял и пустился бежать сломя голову.

Полицейский не отставал.

Он распихивал попадавшихся на пути детей, словно теннисные мячики. Джон миновал служебное помещение и склад, увернулся от управляющего и через пожарную дверь выскочил в служебный коридор. Длинный, плохо освещенный туннель вел прямо на стоянку у выхода. Только бы добежать! Казалось, сердце Джона вот-вот выскочит из груди.

---

*Согласно американской легенде, дровосек, совершавший с помощью своего синего быка, Малыша, невероятные подвиги.

**Латиноамериканское кушанье: маисовые лепешки с мясом и соусом.

Он был уже на полпути к заветной двери, как перед ним вдруг вырос Терминатор.

Джон моментально узнал это лицо. Он видел его много раз — мама часто показывала ему газетные вырезки. Перед ним стоял именно тот тип. Сумасшедший, который устроил перестрелку в полицейском участке. Теперь он стоял прямо перед Джоном. Мальчик попытался затормозить, чтобы не столкнуться с незнакомцем.

Терминатор засек цель.

Бумага развернулась, розы рассыпались по полу, холодно блеснула воронёная сталь пистолета. Цветы хрустнули под ботинками Терминатора. Он сделал шаг вперед и поднял оружие.

От ужаса у Джона отнялись ноги. Он попал в западню: узкий, простреливаемый с обеих сторон коридор был как бы живой разновидностью видеоигры. Время остановилось, и мальчик совершенно пал духом, поняв, что этот сумасшедший собирается его убить.

Терминатор бесстрастно зарядил револьвер. Движения его были неторопливыми и плавными, словно он проделывал это уже миллион раз. Металлический лязг затвора был подобен грому.

Время начало быстро отматываться назад. Джон затормозил, развернулся и хотел дать задний ход.

Но с другой стороны к нему быстро приближался легавый, на ходу доставая свой пистолет — беретту — и целясь прямо в Джона!

Мальчик оглянулся и увидел где-то на уровне своей головы черное дуло. Он еще никогда в жизни не был в таком переплете. Жуткие, кровавые сцены бессмысленных убийств, кошмары, много лет подряд мучившие его по ночам, превратились в реальность. И Джон оказался в самом центре этих ужасов!

Все кончено...

Но вдруг случилось нечто странное.

Незнакомец тихо произнес:

— Ложись.

Джону это пришлось по душе, и он мгновенно упал на пол.

Пистолет оглушительно громко выстрелил у него над головой.

Джон оглянулся и увидел, что незнакомец попал легавому в грудь. Это случилось в тот момент, когда полицейский нажимал на курок. Его пули срикошетили в потолок. Не дав легавому снова прицелиться, незнакомец всадил в него еще одну пулю.

И еще!

Он стрелял, с каждым выстрелом делая шаг вперед и оттесняя полицейского в конец коридора. Крови Джон не видел — всякий раз, когда пули попадали в полицейского, в разные стороны разлетались брызги хрома. Хлопки выстрелов слились в один резкий, громкий гул.

Затем наступила звенящая тишина.

Джон сел на пол и, затаив дыхание, смотрел во все глаза на труп, валявшийся в другом конце коридора.

Полицейский лежал на спине и не шевелился.

На Джона упала тень, он задрал голову и увидел, что над ним стоит незнакомец. Но он смотрел не на Джона, а в конец коридора. Джон тоже обернулся.

Легавый медленно привстал.

Джон нахмурился, решив, что сейчас начнется новый кошмар.

Полицейский встал на ноги, словно он всего-навсего упал, словно не в него только что всадили пять пуль десятого калибра. Джон совсем ничего не понимал.

Но зато Терминатор сразу все понял. Он схватил Джона за куртку, прижал к груди и повернулся спиной к полицейскому, который открыл огонь. Легавый хладнокровно нажимал на спусковой крючок, да еще с такой скоростью, что, казалось, у него в руках не пистолет, а автомат. Пули девятимиллиметровых патронов отскакивали от спины Терминатора, оставляя на мотоциклетной курке кровавые дыры.

Из комнаты отдыха выглянул перепуганный человек. Он попал прямо на линию огня и тут же упал, точно подкошенный. Затем в беретте кончились патроны.

Джон в страхе оглядел себя и с облегчением отметил, что не ранен. Все пули угодили в этого полоумного. Но он почему-то даже не пикнул. Джон в изумлении смотрел на его кровоточившие раны, но мужчина поднял его одной рукой и впихнул в комнату электриков. А сам отшвырнул пистолет, в котором кончились патроны, и двинулся к полицейскому.

Легавый тоже бросил замолкшее оружие. Оно стукнулось о пол. Остин спокойно и быстро достал второй пистолет и щелкнул предохранителем.

Терминатор был от него в двадцати футах. Он неумолимо приближался. Полицейский открыл огонь. Пули попадали киборгу в грудь, вздымая многочисленные фонтанчики крови. Но Терминатор никак на это не реагировал. До полицейского оставалось десять футов. Бах! Бах! Бах! Бах!

Ни полицейский, ни Терминатор не изменились в лице, глядя, как пули дырявят куртку киборга. Но вот в пистолете кончились патроны, и Терминатор остановился в двух футах от полицейского. Секунду они оценивающе глядели друг на друга. Киборг был повыше своего худощавого, одетого в полицейскую форму противника. Казалось, он мог переломить его пополам, как спичку.

Терминатор провел мультисканирование и мгновенно определил, что за враг перед ним. Но у него было недостаточно технической информации об этом виде роботов, их основных преимуществах и недостатках. Человек, второпях составлявший эту программу, рассчитывал только на собственную память. Киборг перебрал тактические возможности, по дюжине в секунду, но так и не сумел принять решение.

Зато он понял, что стоит придерживаться наступательной тактики. Выбив у полицейского оружие, Терминатор стиснул его в своих могучих объятиях, но Остин оказался на удивление сильным.

Джон высунулся из-за двери и широко раскрытыми глазами смотрел, как дерущиеся колотят друг друга о стены коридора. Перегородка не выдержала этих ударов и проломилась.

Полицейский был намного ниже, но поднял Терминатора в воздух, словно игрушку, швырнул в пролом стены и ринулся вслед за ним.

Джон сидел на полу, сжавшись от страха. Случившееся никак не укладывалось в его мозгу. Но тут вдруг что-то заставило его вскочить и бежать прочь. Под ним подкашивались ноги, но он слышал из-за стены глухие удары,

и это удесятеряло его силы. Джон слету распахнул дверь и выбежал на автостоянку.

По галерее первого этажа шел охранник, все так же выглядывая в толпе подозрительного мальчишку, фотографию которого ему показал полицейский. Вдруг откуда-то сверху раздался оглушительный треск. На пол посыпался дождь битого стекла. Люди подняли крик. Охранник вилял из стороны в сторону, ловко уворачиваясь от осколков, которые вонзались в пол, как булавки в специальную подушечку. Он попытался на ходу расстегнуть кобуру и вытащить свой револьвер тридцать восьмого калибра. Когда же снова взглянул вверх, то увидел падающего с третьего этажа мужчину, который грохнулся об пол, словно мешок с сырым цементом.

На том месте, откуда он упал, появился полицейский. Он отпихнул в сторону зацепившийся за его рукав манекен и поглядел вниз. Охранник опустил пистолет, полицейский резко повернулся и скрылся из виду.

Ошеломленные покупатели расступались, давая дорогу хмурому полицейскому — он вылез из разбитой витрины отдела верхней одежды и ринулся в погоню, предварительно определив траекторию движения цели, выразившуюся в миллионах бессмысленных, с точки зрения человеческого разума, цифр. Но Остин не был человеком.

Через шесть секунд он домчался до служебных помещений и полетел по коридору с неумолимостью несущегося под откос паровоза. И при этом на ходу перезаряжал пистолет.

Терминатор неподвижно лежал на куче битого стекла. Какой-то парень, фотографировавший свою девушку возле кадки с пальмами, обернулся, разинул рот и машинально сфотографировал покойника. Как вдруг тот открыл глаза.

Парень заморгал и попятился, а Терминатор сел и огляделся по сторонам. Внутренние датчики подсказали ему, что из-за страшного удара, сотрясшего все его системы, он пробыл без сознания около четырех секунд... Незамедлительная проверка повреждений показала, что в настоящий момент системы работают нормально. Вся механическая часть в порядке. Терминатор легко поднялся на ноги. Фотоаппарат в руках у изумленного парня щелкал и щелкал, как бы самостоятельно делая снимок за снимком. Парень не мог оторвать взгляда от рослого «покойника», проталкивавшегося сквозь толпу растерянных людей, и, сам того не замечая, щелкал затвором. Терминатор кинулся к эскалатору.

...Из страха, что лифта придется долго ждать, Джон припустил по лестнице, ведущей на стоянку, где был его мотоцикл. Мальчика не покидало странное чувство полной ирреальности происходящего. Почему полицейский пытался его убить? Кто, черт побери, тот второй, в куртке? А самое главное: как это им обоим удалось не сыграть в ящик?..

И вот, когда запыхавшийся Джон уже подбегал к своей «Хонде», он вдруг кое-что вспомнил. Насчет людей, которых не так-то легко убить. Мама что-то говорила о них... Но нет, это совершеннейший бред.

А если не бред?

Джон лихорадочно нажал на педаль стартера. Черт побери! Мотор не желает заводиться! Это от того, что у него так дрожат руки. Послышались

торопливые шаги. Мальчик поднял голову и увидел...

Полицейского, который появился из двери, ведущей на лестничную клетку, и кинулся прямо к нему.

Джон вдруг почувствовал вялость во всех членах. Он продолжал дрожать, но страх его больше не мучил. Если не удастся завести мотоцикл, ему крышка, отстраненно подумал Джон. Он еще раз нажал на педаль. Машина взревела и ожила. Это оказалось очень даже кстати — легавый был уже совсем рядом.

Джон включил передачу и рванул к главному выезду со стоянки. Он видел в зеркало, что полицейский бежит следом, с невероятной быстротой перебирая ногами. Джон поддал еще газу и выжал сорок миль в час, что было довольно рискованно, ибо ему приходилось маневрировать в узком пространстве.

Но легавый висел у него на хвосте! Джон сделал крутой вираж, объехал припаркованные в ряд машины и, миновав ворота, оказался на мостовой в густом потоке транспорта.

Ему пришлось буквально вжаться в седло, чтобы не врезаться в выросшую на его пути груду металла — прямо на него ехал большой грузовик с прицепом, перевозивший сборные дома. В самый последний момент шоферу удалось затормозить, и машину занесло.

Водитель выругался и нажал на клаксон.

— Чертов идиот! — пробубнил он себе под нос, глядя, как мотоциклист, рискуя жизнью, обгоняет на полном ходу машины. Шарахнуть бы мальчишку пару раз башкой о мостовую, сразу бы научился культурно ездить.

Но тут в дверцу кабины что-то стукнуло. Водитель быстро повернулся и увидел полицейского, который пытался дотянуться до открытого окна. Внезапно он распахнул дверцу, вцепился водителю в горло мертвой хваткой и, подняв в воздух, швырнул, словно пушинку, на мостовую. Одним словом, водителя, а не мальчишку, шарахнули башкой о мостовую. Пешеходы завизжали, машины заскрежетали тормозами, чтобы не наехать на человека на асфальте. Водитель с трудом приподнял голову и увидел, что полицейский занял его место в кабине и помчался вперед.

«Наверно, он на задании, черт бы их побрал!» — подумал шофер, трогая ушибленную голову.

Он подполз к тротуару. К нему подбежала мужчина. Собралась толпа зевак.

— Ничего, я в порядке! — сказал водитель, надеясь, что это так и есть.

Но вдруг зеваки кинулись врассыпную, и водитель увидел, что прямо на него мчится большой мотоцикл. Мчится, не сбавляя скорости! Водитель попытался встать, но не смог. Мотоцикл чудом не наехал на него. Сидящий на мотоцикле мужчина влетел на бешеной скорости в самую гущу почти парализованного транспорта и скрылся в том направлении, куда уехал полицейский на украденном грузовике.

Джон видел в зеркальце, как маньяк-легавый швырнул на мостовую водителя грузовика. Объехав притормозивший джип, мальчишка оглянулся.

Полицейский теперь сидел за рулем большого грузовика с прицепом и гнался за ним напролом, словно пьяный динозавр. Он с размаху толкнул легковушку, и она врезалась в дерево на обочине, другую отшвырнул на полосу встречного движения. Но его это словно не касалось, даже наоборот, он еще прибавил скорость.

Расстояние между грузовиком и мотоциклом стремительно сокращалось. Выехав на перекресток, Джон резко вильнул, объехав микроавтобус и нырнул в переулок.

Ему не нужно было оглядываться — он и без того знал, что полицейский следует за ним. Но путь к спасению все-таки существовал — Джон вспомнил про свою заветную тропку.

Он сполз с сиденья и покатился под уклон к водостоку. Скользко... Мальчик опустил ногу, пытаясь удержать мотоцикл. Затем пригнулся к рулю и дал полный газ.

Крошка «Хонда» соскочила с бортика и, оказавшись на сыром дне водостока, юркнула в более узкое его ответвление с высокими вертикальными стенками. Заметить Джона с дороги было невозможно. А он таким путем попадал прямехонько домой. Если легавый не записал номер мотоцикла, то все, кажется, обошлось.

Джон притормозил и с опаской оглянулся назад.

Никаких признаков погони.

Разве что...

«Нет, нет, нет!» — мысленно молил Джон, увидев, как на солнце наплывает огромная тень. Громадный, величиной с дом, грузовик с ревом проломил ограждение, расшвыряв в разные стороны бетонные блоки, и устремился прямо в канал.

Казалось, он перемахнет через него по воздуху, но сила земного притяжения взяла свое. Грузовик грохнулся о бетонное дно и подпрыгнул, продолжая двигаться со скоростью пятьдесят миль в час. Потом колеса вильнули, и машина с жутким металлическим скрежетом врезалась в стену, отскочила от нее и, взревев точно раненый в брюхо стегозавр, ринулась вперед, набирая скорость.

Грузовик летел прямо на Джона.

Мальчик выжал из мотора все, что мог. Грузовик мчался по дну водостока, словно поезд по туннелю. Огромные колеса разбрызгивали во все стороны зловонную жижу, заслоняя грязной пеленой заходящее солнце. Казалось, за Джоном гонится сам демон, жаждущий заполучить его душу. Джон чувствовал его каждой клеткой своего существа, а в зеркало видел железное чудовище-грузовик. Он так близко, что, казалось, протяни руку — и коснешься решетки радиатора. Больше наращивать скорость мальчик не мог — «Хонда» и так была на пределе. Мотоцикл, не разбирая дороги, мчался со скоростью шестьдесят четыре мили в час.

Грузовик неумолимо настигал его.

Джон смотрел только вперед, а поэтому не заметил мчавшийся чуть позади, сверху, мотоцикл «Харли».

За рулем сидел Терминатор. Он делал все, чтобы догнать их.

Киборг видел и Джона, и этот проклятый грузовик — они были внизу, в каких-нибудь двадцати футах от него. Терминатор вынул из кармана кожаной куртки револьвер, который успел прихватить в коридоре Пассажа, прицелился, держа револьвер навесу, и выстрелил.

Пуля пробила хромированную выхлопную трубу грузовика. Полицейский даже не обернулся, взгляд его был прикован к цели — небольшому пятнышку, маячившему прямо перед ним.

Джон въехал в здоровенную лужу, и мотоцикл потерял управление, а значит

и скорость. Массивный передний бампер грузовика ткнул в заднее крыло мотоцикла, да так, что чуть не отломилось колесо. Оглушительно взревел мотор, и бампер опять ткнулся в заднее колесо «Хонды».

Терминатор прицелился и снова выстрелил, но мотоцикл, ехавший по неровному гравию, качнулся, и киборг не попал в цель. Пистолет сместился на каких-то полмиллиметра, но этого окалось достаточно, и пуля угодила в бетонную стену. Киборг решил, что в таких условиях задание выполнить невозможно. Следовательно, необходимо их изменить.

Терминатор крутанул руль, и мотоцикл слетел на обочину. Машина взмыла в воздух и перемахнула через ограждения, отделявшие дорогу от водостока. Массивный «Харли» был вовсе не создан для полетов, но киборг изгибался, стараясь выровнять семисотфунтовую машину, падавшую вниз. «Харли» с силой ударился о дно водостока, из-под колес вырвался сноп искр. Удержать мотоцикл от падения мог только робот, отличавшийся мгновенной реакцией. Терминатор боролся с потерявшим управление мотоциклом.

И победил.

Киборг нажал на газ, мощный мотоцикл, вписавшись в узкий просвет между грузовиком и стеной, выскочил вперед и заслонил собой малютку «Хонду».

Джон оглянулся и увидел «Харли», несущийся на той же скорости, что и его мотоцикл. Его выхватила из седла могучая рука, и какую-то долю секунды он болтался в воздухе. Внизу маячили расплывчатые очертания «Хонды», мчавшейся по инерции вперед, и виднелся грузовик, который подбирался все ближе, ближе...

Терминатор посадил Джона перед собой. «Хонда» покачнулась и упала. И тут же превратилась в лепешку под колесами громадного грузовика.

Мотор «Харли» заработал на полную мощность, и мотоцикл рванулся вперед, за три секунды разогнавшись до восьмидесяти миль. Грузовик не мог развить такую скорость и начал отставать.

Впереди показался виадук, его опоры разделяли водосток надвое. «Харли» ринулся по более короткому пути.

Полицейский Остин мгновенно сообразил, что грузовик не пройдет ни по одному из разветвлений. И что машину, мчавшуюся так быстро, вовремя остановить не удастся. Однако ущерб его собственной персоне можно было свести к минимуму. Колеса заклинило, и машина, скользнув по заляпанному грязью бетону, врезалась в опоры виадука на скорости шестьдесят пять миль в час.

Бетон и сталь поцеловались и, слившись в страстном объятии, рухнули на землю. Кабина грузовика слегка высунулась из-за столбов, поддерживавших виадук, но ее смяло, как картонную коробку. Из пробитого бака хлынуло горючее. В лужу бензина попал обрывок провода и...

«Харли» выскочил из туннеля. Седоки оглянулись и увидели пламя, полыхнувшее от взрыва бензобаков грузовика.

Терминатор затормозил. Джон высунулся из-за его плеча, чтобы поглазеть на катастрофу. В туннеле свирепствовал пожар. Однако в огне что-то двигалось. И приближалось к ним!

Киборг потянулся было за револьвером, но почему-то раздумал.

Из туннеля, покачиваясь, выкатилось горящее колесо и смешно шлепнулось в грязь. Джон глядел, как языки пламени пожирают грузовик, как в воздух поднимается черный дым. Никому не выбраться из этого ада...

Терминатор нажал на педаль газа. Они помчались вперед и скрылись за поворотом.

Пламя, словно живое, метнулось вслед за ними из туннеля. Потом оно на самом деле ожило: в нем что-то шевелилось.

Сперва это был просто силуэт, спокойно продвигавшийся вперед...

Затем из туннеля вышло человекоподобное существо. На гладкой, словно хромированной, поверхности его тела плясали отблески оставшегося позади пламени. Казалось, будто в болванку, имитировавшую форму человеческого тела, залили жидкую ртуть. Суставы странного существа не просто сгибались и разгибались, а поворачивались под любым углом. У него внутри не было вспомогательного механизма со сложной системой гидравлики и множеством проводников, как у Терминатора. Лицо этого робота было каким-то неопределенным, словно не имело черт.

Он шагал по туннелю, не обращая внимания на страшную жару. С каждым шагом в его облике появлялось что-то новое. Сначала возникли очертания костюма, потом более мелкие детали: пуговицы, значок... Но все это было пока что из металла, похожего на ртуть. Этакий ртутный человек...

Когда существо сделало последний шаг, оно само и его одеяние приобрели окраску. Робот снова превратился в полицейского Остина. То же красивое юное лицо, те же холодные глаза. Их взгляд был устремлен туда, куда умчалась его цель.

Мозг этого робота был не на микросхемах — это был абсолютно новый уровень развития искусственного интеллекта. Молекулярный мозг, как и сам робот, функционировал на жидком металле. Сейчас этот мозг пузырился, перебирая возможные варианты.

И все со смертельным исходом.

До слуха робота донесся вой приближавшихся издалека сирен. Слуховые датчики могли быть расположены в любой части тела — ведь каждая молекула содержала в себе «генетическую» программу всего организма, но теперь датчики приняли форму человеческих ушей. Незаметный за пеленой удушливого дыма робот выбрался из канала как раз в тот момент, когда на место происшествия прибыло несколько патрульных машин. Полицейские выскочили на мостовую, и, проталкиваясь сквозь растущую толпу зевак, принялись расчищать дорогу пожарной машине, которая раньше других примчалась по вызову. Среди тех, кто наводил порядок в толпе, был и красивый молодой полицейский с холодными глазами — на месте катастрофы или убийства всегда много полиции. Способность ртутного человека к мимикрии была, конечно, идеальной. Она давала ему прекрасную возможность служить и защищать.

Служить и защищать Небесную Сеть.

Когда пожарная машина подрулила к нужному месту и из нее выпрыгнули пожарники, засуетившиеся возле брандспойтов, полицейский Остин незаметно смешался с толпой и сел в одну из патрульных машин. Никто не обратил на него ни малейшего внимания.

Робот завел мотор и поехал выполнять свое задание.

ОТКРОВЕНИЕ

Студио-сити, Калифорния. 6.45 вечера

Терминатор и сидевший впереди него Джон мчались на ревущем мотоцикле по пустой окраинной улице. Они ехали кружным путем, одним из тех, что заранее выбрал Терминатор. Джон все еще дрожал, находясь под впечатлением пережитого. Сейчас он выглядел самым обыкновенным подростком. Обыкновенным, да не совсем.

Ведь это был не кто-нибудь, а Джон Коннор!

Природа одарила его такими способностями и интеллектом, что ему оказалось под силу осмыслить происходящий кошмар. Никакой другой ребенок был бы не в состоянии это сделать. Конечно, нельзя сказать, что Джону это открытие далось легко — оно казалось таким страшным, что по коже забегали мурашки! Но Джон привык считаться с фактами. Один из этих «фактов» вез его сейчас на мотоцикле. Весьма убедительный факт!

Джон повернул голову, чтобы взглянуть на человека (или не человека?), сидевшего сзади, и сказал:

— Все... Я прошу тайм-аут. Остановите машину!

Терминатор немедленно повиновался и повернул руль. Они въехали в ближайший проулок и остановились. Джон слез с бензобака, по-прежнему чувствуя страшную слабость в ногах. Терминатор бесстрастно воззрился на него. Джон внимательно осмотрел своего спасителя. Вся его спина была в кровоточащих дырках.

Уму непостижимо! Но факт остается фактом...

— Послушай, пойми меня правильно... но ведь ты — Терминатор, да?

«Мужчина» невозмутимо ответил:

— Да. Производство «Кибердайн Системс». Сто первая модель. Серия номер восемьсот.

— Да ладно заливать-то! — воскликнул Джон, но в глубине души он уже поверил. Однако все же дотронулся до кожи Терминатора. Она была теплой, но какой-то... другой. И эта кровь на куртке... Она тоже совсем как настоящая. Но едва Джон допустил такую возможность, как у него голова пошла кругом.

— Ни хрена себе!.. Значит, ты действительно существуешь?! То есть... Я хочу сказать... ну, в общем, ты внутри как машина, да? А снаружи живой?

Киборг ответил, словно цитируя какой-то техническое пособие:

— Я — кибернетический организм. Живая ткань поверх металлического скелета.

— Потрясающе! Дай-ка я себя ущипну... О'кей, выходит, ты здесь не для того, чтобы меня убить... Это я, правда, и без тебя понял. Но тогда зачем ты явился?

— Я должен тебя защищать.

— Ну да?!

Полный бред! Но сознание Джона как бы раздвоилось. Он вроде бы согласился с киборгом и спросил:

— А кто тебя послал?

«Если робот ответит правильно, то я балдею»,— подумал мальчик.

— Меня послал ты. Через тридцать пять лет, в будущем, ты запрограммировал меня так, чтобы я служил твоим телохранителем, и отправил сюда.

Джон обалдел.

— С ума сойти!

Терминатор поглядел по сторонам и решил, что они чересчур долго стоят на одном месте.

— Нам лучше двигаться,— сказал он.

Джон слишком устал, чтобы спорить, и молча влез на мотоцикл.

Покружив по переулкам, они влились в поток машин. В сгущавшихся сумерках раны Терминатора были почти незаметны. Джон задрал голову и слегка откинулся назад.

— А этот, второй, парень... Он тоже терминатор? Как ты?

— Нет, он не такой, как я... Это Т-1000. Более совершенная модель. Мимикрирующий полисплав.

— Это еще что такое?

— Жидкий металл.

— Колоссально! — выдохнул Джон.

— Ты — мишень, которую он должен поразить. Т-1000 не успокоится, пока не выполнит задание. Ничто его не остановит.

Это звучало потрясающе. И было очень знакомо. Но Джон все еще не мог допустить подобное. Они свернули на бульвар Вентура; машин становилось все больше, потому что в рестораны, которыми изобиловал этот район, съезжались парочки.

— Куда мы едем? — спросил Джон.

— Мы должны немедленно покинуть город. И держаться подальше от полиции.

— А можно мне забежать домой?

— Ни в коем случае. Т-1000 наверняка устроил там засаду.

— Ты уверен?

Терминатор взглянул на мальчика сквозь темные очки и ответил:

— Я бы на его месте обязательно устроил.

Лицо его при этом сохраняло полную невозмутимость.

Джона вдруг осенило, и он воскликнул:

— Надо найти телефон-автомат и позвонить!

Терминатор заметил в квартале от них телефонную будку и поддал газу. Подъехав к ней, Джон соскочил с мотоцикла и подбежал к автомату. Быстро выгреб из карманов целую пригоршню монет, но нужной, как назло, не оказалось.

— Черт! — Джон повернулся к Терминатору. — Понимаешь, Тодд и Дженелл, конечно, противные, но я должен их предупредить. У тебя найдется двадцать пять центов?

Терминатор слез с седла и, подойдя к автомату, стукнул ладонью по его корпусу. Оттуда градом посыпались монеты.

Терминатор протянул Джону двадцать пять центов.

— Спасибо,— кивнул Джон и набрал номер.

Стряпавшая в кухне Дженелл Войт сняла трубку и прижала ее плечом к уху. Руки у нее были заняты — она резала большим ножом овощи.

— Алло,— ласково проворковала Дженелл.

— Дженелл? Это я,— послышалось из трубки.

Немецкая овчарка на дворе, похоже, взбесилась — уж больно злобно она на кого-то лаяла.

— Джон? Где ты, милый? Уже поздно. Пора домой, солнышко. Я готовлю запеканку.

Джон почти не слышал ее голоса из-за собачьего лая. Но все равно почувствовал, что Дженелл какая-то необычная. Прикрыв рубой трубку, он шепнул Терминатору:

— Очень подозрительно. Она никогда так ласково не разговаривает.

В кухню вошел заспанный Тодд. Он дрых в спальне, но собака его разбудила. Как всегда игнорируя Дженелл, Тодд прошел мимо нее и открыл холодильник.

— Черт, где же пиво? — буркнул он, разговаривая сам с собой.

В холодильнике стоял лишь полупустой пакет молока. Тодд без всякой охоты отпил глоток и выглянул во двор. Собака бегала взад-вперед вдоль забора и захлебывалась от лая.

— Что ты расходился, проклятый? Заткнись!

Тодд направился к выходу. Дженелл не спеша переложила телефонную трубку в другую руку. Ее правая рука вдруг превратилась в жидкий металл, который в следующий миг затвердел и принял форму блестящего клинка. Тодд недоуменно уставился на жену. Он было собрался улыбнуться, решив, что это какая-то невероятно хитроумная шутка, но тут холодный металлический стержень проколол пакет, который Тодд держал в руке, и с хлюпающим звуком вонзился ему в глотку, проткнув ее до самого позвоночника.

Джон снова прикрыл трубку ладонью и сказал, повернувшись к Терминатору:

— Собака просто с ума сходит. Мама говорила, что собаки чуят терминаторов. Может, он уже там? Что мне тогда делать?

Терминатор взял у Джона трубку.

— Джон! Джон, ты здесь? — звучал в ней голос Дженелл.

Терминатор ответил голосом Джона:

— Тут я, тут. Все нормально.

Потом повернулся к Джону и спросил шепотом:

— Как зовут собаку?

— Макс.

Терминатор кивнул и произнес в телефонную трубку:

— Дженелл, что с Вульфи? Я слышу, как он лает. С ним что-нибудь случилось?

— Ничего с Вульфи не случилось, солнышко? Ты где? — последовало без промедления.

Терминатор швырнул трубку на рычаг. Джон нахмурился и вопросительно поглядел на него.

Киборг сказал, словно сообщая сводку погоды:

— Твои приемные родители мертвы. Пошли отсюда.

Он направился к мотоциклу. Потрясенный Джон молча глядел ему вслед.

Дженелл положила трубку. Ее лицо по-прежнему было спокойным и равнодушным, хотя она смотрела на мужа, пришпиленного к кухонному шкафчику клинком, выросшим из ее металлической руки. Глаза Тодда

застыли и остекленели. Дженелл быстро вытащила из его глотки клинок, и Тодд, постояв секунду, рухнул в молочно-кровавую лужу. Клинок постепенно изменил цвет и форму и вновь превратился в человеческую руку. Затем Дженелл, а вернее, Т-1000, трансформировалась в полицейского Остина. У него еще были здесь кое-какие дела, которые требовали времени. Но собака своим лаем могла привлечь внимание посторонних.

Т-1000 приблизился к ней. Собака попятилась и залаяла, теперь уже от ужаса. Полицейский отворил калитку и вошел в собачий загон. Собака забилась в темный угол и дрожала, не в силах понять, что за существо перед ней.

Сделав стремительный выпад, на который овчарка не успела среагировать, Т-1000 наклонился и, вытянув вперед палец-клинок, небрежно ткнул в шею собаки. Разогнувшись, внимательно осмотрел забрызганный кровью ошейник. Сбоку была надпись «Макс». Поняв, что его надули, робот бросил ошейник и направился к дому.

Стоянка располагалась в самом центре тихой улочки, у бензоколонки. «Харли» припарковали в укромном местечке, подальше от желтых уличных фонарей. Терминатор сказал, что они могут останавливаться только для важных переговоров, но и то лишь на несколько минут. Киборг стоял возле мотоцикла, безучастно глядя на Джона, который расхаживал перед ним туда и сюда. У него отказывалась работать голова.

— Давай задержимся здесь на минутку, хорошо? Значит, ты говоришь, что он может превращаться во все, к чему прикоснется?

— Во все, с кем или с чем вступает в физический контакт,— последовал монотонный ответ.

Джон задумался, пытаясь представить себе пределы возможностей противника.

— Выходит, он в состоянии замаскироваться под любой предмет? Даже под пачку сигарет?

— Нет. Только под предмет равной с ним массы.

Толку от этих сведений не было никакого. Едва Джон слегка опомнился от встречи с одним терминатором, как тут же появляется другой, еще более невероятный — новая модификация!

— Ну, а почему он не может превратиться в бомбу и упасть на меня?

Терминатор говорил бесстрастно, но то, какие слова он при этом подбирал, наводило на мысль о профессиональной зависти.

— Он не может имитировать сложные механизмы. В оружии и взрывчатке есть химические вещества и движущиеся детали. Это он воспроизвести не в состоянии. Зато он способен воссоздавать твердые металлические предметы.

Т-1000 шел по темному холлу мимо ванны. Из приоткрытой двери были видны ноги настоящей Дженелл. Душ был включен. Кровь убитой смешивалась с водой, лившейся на белый кафельный пол.

Полицейский вошел в комнату Джона и, не зажигая света, принялся методично обыскивать его вещи. Свет был ему не нужен — он распознавал молекулярную структуру предметов на ощупь. Спокойно и бесстрастно Т-1000

проводил пальцем по всем вещам, находившимся в комнате. Когда он дотронулся до письменного стола, его пальцы тут же приобрели темно-коричневый оттенок, а стоило ему положить руку на стопку бумаги, как они стали белыми. К какому бы предмету ни прикасались его пальцы, они моментально имитировали его молекулярную структуру. Затем Т-1000 замер возле небольшого домашнего компьютера фирмы «Тенди», и к нему буквально потекла информация. Имена... Даты... Видеоигры... Домашние задания... Робот мог напрямую считывать информацию, записанную двоичным магнитным кодом. Все эти сведения оказались абсолютно бесполезными для Т-1000, однако осели в его памяти.

И только дотронувшись до плаката на стене, Т-1000 остановился надолго. Однако его привлек вовсе не плакат, а то, что было за ним. Сорвав со стены бумагу, полицейский увидел отверстие, небрежно выдолбленное в штукатурке. В тайнике хранилась обувная коробка с аудиокассетами.

Он просканировал надписи. Кассеты были пронумерованы и собраны под одним заголовком «Весточки от мамы». В коробке лежало также три письма и дюжина снимков. Т-1000 проглядел их в первую очередь.

Сара в оливковой роще с гранатометчиком, который учит Джона прицеливаться...

Сара с группой гватемальцев в военной форме возле ящиков со стингерами...

Джон и Сара высоко в горах, в лагере повстанцев...

Эти изображения не вызывали никаких эмоций у Т-1000, поскольку он был способен на проявление чувств не больше, чем обычный компьютер. Но для Джона и Сары Коннор фотографии были важнейшей реликвией, свидетельством их дружбы в те годы, когда они, скрываясь от преследования, находились в бегах.

Погруженный в раздумья Джон сидел на капоте какой-то ржавой машины. Терминатор стоял над ним и озирался по сторонам, словно сторожевой пес. Мальчик заговорил, и киборг устремил на него взгляд. Он не верил в то, что Джон может сказать что-то ценное с тактической точки зрения, но на всякий случай решил послушать.

— Мы долго пробыли в Никарагуа, в таких местах, как это... Она было связалась с одним придурком, бывшим зеленым беретом — они доставляли повстанцам оружие. Потом появились и другие мужики. В голосе Джона чувствовалась горечь. — Она была готова спутаться с любым, кто мог бы научить ее воевать — ведь она мечтала сделать из меня великого полководца. А потом ее сцапали.... Знаешь, как оно бывает?..» Извини, парень, но твоя мать ненормальная. Неужели ты сам не догадался? Или ты думал, что все матери так себя ведут?» Ну, а я... что мог знать? Ведь все, во что я верил с пеленок, вдруг оказалось настоящим дерьмом...

Джон ощутил, как в глубине сердца вскипает гнев, который обычно ему удавалось подавить.

— Я возненавидел ее за это,— тихо произнес он.

Потом поднял глаза на стоящего перед ним высокого «человека» и, устыдившись своей внезапной откровенности, добавил:

— Но все, что она говорила, оказалось правдой.

К глазам Джона подступили слезы, но плакать было некогда. Он, наконец, полностью осознал случившееся. И весь его мир рухнул. Не мать оказалась безумной, а окружающий мир. И доказательством этому служил тот, кто сейчас стоял рядом с ним и настороженно высматривал врага. Мгновением позже Джон осознал, что не только мир, но и сам он заблуждался относительно Сары Коннор. ОНА ОКАЗАЛАСЬ ПРАВА!

Права!

Но у него не было времени подумать, прочувствовать это. Если все, что говорила мама, правда...

Джон вскочил. Очутись с ним в тот момент рядом человек, он бы сразу заметил вспыхнувший в Джоне задор лидера, благодаря которому ему суждено было впоследствии стать предводителем человечества.

— Надо вызволить ее оттуда!

Киборг сказал, не колеблясь:

— Ответ отрицательный. Слишком высока вероятность, что Т-1000 сейчас принял облик Сары Коннор и ждет, пока ты вступишь с ней в контакт.

— Вот это да! А что тогда случится с ней?

Терминатор сказал по обыкновению сухо:

— Обычно копируемый субъект уничтожается.

— Уничтожается? Черт! Почему ты мне сразу не сказал? Мы сейчас же едем туда!

— Нет. Она не входит в систему моих приоритетов.

— Да катись ты знаешь куда? Зато она входит систему моих!

Джон повернулся и кинулся бежать. Терминатор догнал его и схватил за руку. Джон беспомощно барахтался, пытаясь вырваться из могучих рук киборга.

— Эй, черт побери! Что с тобой? — вопил он.

Терминатор поволок Джона обратно к мотоциклу. Мальчик заметил двух парней спортивного вида с огромными бицепсами, переходивших через улицу, и закричал, обращаясь к ним:

— На помощь! На помощь! Меня похитили! Спасите меня от этого психа!

Парни переглянулись, потом один из них ухмыльнулся.

— Проклятый приставала! Пойдем покажем ему!

Они повернули назад, решив проявить героизм.

Джон смотрел на Терминатора и орал во всю глотку:

— Отпусти меня!

К его крайнему удивлению, Терминатор разомкнул руки, да так быстро, что Джон плюхнулся задницей о тротуар.

— Ой! Но почему ты это сделал? — изумился мальчик.

—Ты же сам мне приказал,— ответил Терминатор.

Джон уставился на него в недоумении и вдруг все понял...

— Так значит ты должен всегда делать то, что я тебе прикажу?

— Да, так меня запрограммировали.

— А ну, докажи! Постой на одной ноге.

Терминатор бесстрастно поднял ногу. Джон усмехнулся, подумав, что больше ни у кого в квартале нет своего собственного...

Мысль была настолько невероятной, что Джону пришлось повторить ее вслух:

— Ух ты! У меня есть мой собственный терминатор. Вот это да!

К ним подошли спортсмены и выпучились на здоровенного парня в черном кожаном костюме и темных очках, который, как ни в чем не бывало, стоял на одной ножке. Чокнутый какой-то...

Один из них обратился к Джону:

— Ну, как малыш? Все в норме?

Джон вдруг осознал, что ему больше не нужно просить о помощи.

— Вали отсюда, алконавт! — заявил он.

— «Вот тебе и благодарность,— подумал парень и прорычал:

— Ах, так? Ну, я тебе сейчас вмажу, дерьмо!

— Дерьмо? Ты сказал: дерьмо? — рассвирепел Джон, повернулся к киборгу и приказал: — Хватай его.

Терминатор немедленно подчинился, схватил парня одной рукой за волосы и поднял вверх. Парень беспомощно болтал ногами в воздухе.

— Ну, кто из нас дерьмо? А, груша боксерская?!

И тут все пошло-поехало. Приятель того парня подскочил к Терминатору и попытался применить к нему один из борцовских приемов. Но киборг перекинул его через капот машины, молниеносно выхватил револьвер сорок пятого калибра и прицелился парню в лоб.

Джон взвизгнул и без долгих размышлений схватил киборга за руку как раз в тот момент, когда Терминатор нажимал на спусковой крючок. Веса мальчика едва хватило, чтобы отвести дуло на несколько дюймов в сторону.

Парень вздрогнул, оглушенный грохотом, который раздался прямо у него над ухом. Он стоял, разинув рот, и даже не заметил, что от страха обмочил штаны.

Джон крикнул Терминатору:

— А ну, бросай револьвер! Сейчас же!

Терминатор воспринял команду буквально и бросил оружие на тротуар. Джон молниеносно подхватил его и повернулся к обалдевшим парням.

— Убирайтесь,— велел он.

И они убрались.

Мгновенно.

Джон схватил Терминатора за руку и потащил к мотоциклу. Он все еще держал в руках оружие, опасаясь возвращать его Терминатору.

— Господи... Ты ведь мог убить этого парня.

— Конечно. Я же терминатор, уничтожитель.

Джон потрясенно глядел в бесстрастное лицо робота. Получается, быть владельцем терминатора не так уж и здорово...

— Слушай меня очень внимательно, хорошо? Ты больше не терминатор. Договорились? Ты не можешь убивать людей направо и налево.

— Почему?

— Как это «почему»? Потому что не можешь!

— Почему?

— Просто не можешь — и все. Поверь мне.

Терминатор не воспринимал абстрактные понятия. В его мозг введена команда уничтожить все, что угрожает жизни Джона Коннора. В списке приоритетов была также команда не оставлять безнаказанно любую агрессию,

проявленную по отношению к нему. И тем не менее он должен повиноваться Джону Коннору. Киборг очень старался понять мальчика, но слова «поверь мне» вызвали его недоумение. Он ознакомился с их толкованием в словаре, введенном в его мозг, и все равно они казались ему парадоксальными. Машины, в том числе и такие, чей искусственный интеллект приближается по своей сложности и глубине восприятия к человеческому, не любят парадоксов.

Глядя на могучего киборга, Джон вдруг осознал, какая громадная ответственность легла на его плечи. Робот играл роль личного оружия Джона, и отныне мальчику приходилось тщательно взвешивать каждое свое слово. Но если он хочет добраться до мамы прежде, чем до нее доберется кто-то другой или что-то другое, без этого оружия ему не обойтись. Вдаваться в обсуждения было некогда. Джон вернул Терминатору револьвер, который киборг крепко зажал в руке.

— Слушай меня. Я должен пойти и забрать мою маму. И я приказываю тебе помочь мне,— сказал Джон и пошел прочь.

Терминатор сунул револьвер за пояс и двинулся за мальчиком, направлявшимся к мотоциклу. Ему ничего не оставалось делать, кроме как подчиниться.

Т-1000 все еще был в доме Войтов. Он стоял в спальне Джона и дочитывал последнее письмо от Сары. Изучив обратный адрес на конверте: «ПНТ-82», изолятор, государственная клиника Пескадеро», и дату (всего две недели назад), робот моментально сообразил, что цель №1 вполне может отправиться туда.

Через несколько минут он уже ехал на машине из города в том направлении, где находилась цель №2.

ЦЕНТР ВНИМАНИЯ

Государственная клиника Пескадеро. 10.45 утра

Черно-белый снимок запечатлел кошмар из прошлого: неясные силуэты полицейских, мечущихся в охваченном огнем коридоре. В конце коридора виднелась фигура в черном — коротко стриженные волосы, темные очки. В одной руке он держал АР-180, в другой — двенадцатикалиберную винтовку. Сверху этого снимка еще один: с того же самого места, только секунду спустя. На нем человек оказался совсем рядом со скрытой камерой.

Детектив Уэзерби устало вглядывался в фотографии. Чертовски сложное делом. Вооруженный преступник в одиночку расправился с нарядом дежуривших в ту ночь полицейских — одних убил, других ранил. Однако занимался он этим дело вовсе не по личным мотивам. нужно во что бы то ни стало схватить этого убийцу, способного на что угодно. В настоящий момент Уэзерби приходилось полагаться на явно ненормальную память этой женщины. Он поднял глаза на Сару Коннор и сказал:

— Снимки сделаны в отделении полиции западного Римпарта еще в 1984-м году. Вы присутствовали при этом происшествии.

Сейчас она находилась в той комнате для осмотра, из которой много часов тому назад Сару выволокли силой. Она бросила взгляд на пачку фотографий, которые Уэзерби рассыпал перед ней на столе веером, потом посмотрела на

самого детектива. Не доброе, но и не такое уж злое лицо. Человек всего-навсего выполняет свою работу. Его напарник, детектив Моссберг, самый заурядный тип в плохо сшитом костюме и с гнилыми зубами, сидел напротив. При этом присутствовал и бдительный доктор Силберман, тщетно пытавшийся скрыть раздражение.

У двери стоял насупленный Дуглас и двое полицейских в форме. Сара молча уставилась на лежавший сверху снимок. Женщина была похожа на выжатый лимон.

— В тот вечер он убил семнадцать сотрудников полиции. Узнаете его?

Уэзерби швырнул на стол еще одну черно-белую фотографию размером шесть на девять, снятую с близкого расстояния: терминатор поднимался с кучи разбитого стекла, окруженный толпой зевак. Это было одно и то же лицо.

— Снимок сделан в зоне отдыха в долине. Сегодня.

Сара посмотрела на снимок и вздохнула. Разумеется, ее до предела напичкали наркотиками, и она делала вид, что ей все на свете безразлично. На самом же деле ей безудержно хотелось перевернуть стол, врезать по роже Силберману, распихать Дугласа и полицейских, выскочить на улицу и угнать первую попавшуюся машину.

Но это невозможно, и Сара молча сидела возле стола, надеясь, что называется, на чудо.

Затянувшееся молчание нарушил Уэзерби.

— Миссис Коннор, пропал ваш сын. Его приемные родители убиты, и мы подозреваем, что тут не обошлось без этого парня.

Сара подняла на детектива глаза. Она хранила молчание.

Уэзерби нахмурился:

— Скажите нам хоть что-нибудь.

В школе ей приходилось участвовать в пьесах. Руководительница драмкружка, миссис Колб, пришла бы в восторг от ее теперешней игры.

— Неужели вам все равно?

Очевидно, да, если судить по тому безразличию, с каким она смотрела на детективов. Уэзерби бросил взгляд на Силбермана, потом на своего напарника и пожал плечами.

— По-моему, эта идея никуда не годится. Пошли, мы только понапрасну тратим время.

Один из полицейских распахнул дверь, и Моссберг размашистым шагом вышел в коридор. За ним последовал Уэзерби и двое полицейских. Последним вышел Силберман.

— Прошу прощения, джентльмены... — с издевкой сказал он.

Сара нагнулась. Она знала, что Дуглас не спускает с нее глаз, поэтому постаралась не сделать ни одного резкого движения.

Прежде чем Дуглас взял ее за руку и вывел из комнаты, она успела отщепить от стопки фотоснимков скрепку и спрятать ее за зубами.

В камере Дуглас привязал Сару к койке и склонился над нею, вглядываясь в ее лицо. О да, она все еще была красива. Он улыбнулся и наклонился еще ниже. Сара ощутила на своей щеке его жаркое дыхание, но приказала себе остаться безучастной.

Дуглас открыл рот и кончиком языка лизнул ее в щеку, точно пес. Сара и

глазом не моргнула. Казалось, ее пустые глаза смотрят сквозь него.

Дуглас хмыкнул. Вряд ли стоит возиться с ненормальной, пусть даже она и смазлива...

Сара оставалась все так же безучастна. Дуглас еще немного повременил, потом засмеялся и вышел. Дверь камеры захлопнулась, щелкнул замок. Сара слышала, как Дуглас идет по коридору, постукивая дубинкой по стене.

У Сары вдруг ожили глаза. Она выплюнула скрепку себе на грудь, нащупала ее и распрямила — получился кусочек проволочки. Напрягшись, пододвинула проволочку к замку механизма, прижимавшего ее запястья к кровати. Сделать это было неимоверно трудно, однако Сара многому научилась за годы изгнания. Сара никогда не думала, что умение снимать наручники пригодится ей в сумасшедшем доме.

Последнее усилие — и замок поддался. Сара быстро занялась вторым запястьем. Она не спускала глаз с окошка камеры — ведь в любой момент может появиться Дуглас или ночной дежурный. Через тридцать восемь секунд Сара села в постели и освободила лодыжки от застежек на липучках. Она скатилась с кровати на пол. Это была уже другая Сара — в ней ключом била энергия.

Скучающий охранник поднял глаза. К главным воротам подъехал черно-белый лимузин с включенными фарами дальнего света. Охранник нажал на кнопку, ворота открылись, и он кивнул въехавшему на территорию офицеру полиции.

Патрульная полицейская машина припарковывалась рядом с плохонькой машиной Моссберга. Т-1000 вышел, оглядел участок и мгновенно оценил тактические возможности. Здесь то, что он ищет. Здесь то, ради чего он существует на свете.

Ради уничтожения цели.

Он направился к главному входу в клинику.

Сара ковыряла скрепкой в замке двери своей камеры. Она делала это сосредоточенно и не спеша. Ее внимание привлекло постукивание дубинки. Оно приближалось. Сара еще энергичней взялась за работу, у нее даже не дрожали руки.

Дуглас шел по тускло освещенному коридору, и постукивал по стене дубинкой. Почти не сбавляя шаг, светил в окошечки камер. Более тщательная проверка не нужна. Все пациенты пребывают в состоянии глубокого ступора, вызванного торазином: обессиленные, потерявшие ориентировку в пространстве, не способные мыслить. Даже миссис Трудный Случай сегодня вечером была как ручная, рассеянно подумал Дуглас.

Он свернул за угол, его шаги гулким эхом отдавались в темном коридоре. Кончик дубинки едва касался стены: тук-тук, тук-тук... Добравшись до камеры пациентки восемьдесят два, он остановился, приготовившись было посветить внутрь, но тут его глаз уловил непорядок — дверь подсобки была открыта. Вконец распустился обслуживающий персонал...

Дуглас вздохнул и направился в ту сторону, от нечего делать посветил фонариком в темную кладовку. На полу среди ведер и чистящих средств валялась швабра со сломанной ручкой. Одной половинки видно не было.

Дуглас было задумался, но тут у него за спиной открылась дверь, и он

стремительно обернулся. Это оказалась дверь Сары. Не успела эта мысль как следует оформиться в его сознании, как недостающая половинка опустилась на его переносицу.

Сара с огромным удовлетворением наблюдала за тем, как стодвадцатикилограммовая рыхлая туша рухнула на пол. Своей самодельной дубинкой Сара ловко стукнула Дугласа по затылку, и он затих.

На какое-то время для Дугласа перестал существовать мир. Теперь он сам пребывал в ступоре.

Сара затащила обмякшее тело Дугласа к себе в камеру и заперла там его же ключами. Затем схватила тяжелую дубинку и помахала ею в воздухе — это куда лучше, чем ручка от швабры, прижала ее к предплечью, как любят делать полицейские. Вооруженная и опасная, она, как кошка, неслышно крадась по коридору.

От главного входа начинался длинный коридор, в конце которого находился приемный покой, далее, за стеклянной перегородкой, был кабинет ночного приема, куда пациента могли доставить через смежную дверь. Дежурная медсестра, обыкновенная с виду женщина по имени Гвен, сейчас сидела там и печатала на машинке. Заслышав звук шагов, она подняла голову и увидела направляющегося к ней молодого полисмена. Она нашла его очень симпатичным. Гвен изобразила свою лучшую улыбку, хотя на большинство мужчин эта улыбка не производила никакого впечатления. Не произвела она впечатления и на Т-1000. У него оказался мягкий и приятный голос, что действовало на психику того, с кем он разговаривал, незаметно располагая человека к себе.

— У вас тут лежит некая Сара Коннор?

— Вы поздновато. Остальные уже давно тут.

Она повернулась и уже собралась нажать на кнопку, чтоб впустить его, как вдруг увидела, что с противоположной стороны к двери приближаются Силберман и полисмены.

— Ваши друзья уже уходят, — сказала Гвен, поворачиваясь к офицеру.

Его там уже не было. Озадаченная, она подошла к стойке и высунулась из окошка посмотреть, не у фонтанчика ли с питьевой водой он. Нет. Приемная оказалась пуста. И длинный коридор за ней тоже. Она нахмурилась, вспомнив истории, которые рассказывала ей кузина о своем муже-полицейском. Наверное, все фараоны со странностями.

Силберман вошел в работающую на соленоидах дверь. За ним шли Уэзерби, Моссберг, два полисмена в форме и больничный охранник. Последний вытащил из шкафчика за столом свой «браунинг», Силберман обратился к нему:

— Льюис, проводите джентльменов и заприте здание на ночь.

Льюис почтительно кивнул и сказал:

— Слушаюсь, сэр.

Полицейские направились к выходу.

— Здорово поработали, ничего не скажешь, — пробормотал Уэзерби.

— Да уж, — в тон ему ответил Моссберг. — Страсть как люблю бодрствовать ночами.

Льюис запер за ними входную дверь и неторопливо направился обратно. Свет на ночном столике дежурной в дальнем конце коридора казался ему

заповедным уголком. Гулко отдавались шаги на кафельном полу. Позвякивали ключи. Льюис от нечего делать разглядывал черно-белый шахматный узор на полу.

Вдруг пол у него за спиной задрожал и вздыбился, превратившись в вертикальную тень того же, черно-белого, цвета.

Дежурная сидела за машинкой, прилежно составляя доклад.

Охранник остановился у кофеварки и нажал на несколько кнопок. Потом повернулся к медсестре:

— Эй, Гвен, хочешь кофе?

— Мне бы лучше пива, — улыбнулась она.

Льюис засмеялся и взял стаканчик с кофе. На нем оказались рисунки игральных карт и стояли какие-то номера. Игра, что ли? Подняв стаканчик повыше, он стал разглядывать дно. Горячий кофе плеснулся ему на руку.

— Черт, может, хоть сегодня повезет?

Колышащаяся масса у него за спиной уже достигла шести футов росту и стала стремительно обретать очертания человеческой фигуры. Теперь она стала серой, как униформа охранника.

Несколько раньше масса Т-1000 растеклась по нескольким квадратным ярдам пола слоем в четверть дюйма. А как только Льюис наступил на нее, с него мгновенно был сделан идентичный слепок, который сейчас и вздымался позади незадачливого охранника.

Наконец, из жидкой массы сформировались ноги в блестящих черных туфлях, и Т-1000-охранник сделал первый шаг, с легким хлюпающим звуком отделив подошвы от настоящего пола.

Настоящий охранник резко крутанулся на месте и увидел...

...Самого себя.

Не просто человека, который выглядел в точности, как он сам, а именно точный образ и подобие, вплоть до карточки с его фамилией на груди.

Вот до чего можно дойти, работая в психушке.

Выходит, сумасшествие — заразная болезнь.

Не успел он даже попытаться найти хотя бы какое-нибудь разумное объяснение тому, что предстало его взору, как его двойник поднял руку и с расстояния примерно в фут ткнул указательным пальцем правой руки прямо в лицо Льюису. Палец на лету удлинился, превратившись в тонкую стальную пластинку, которая вошла охраннику в глаз и, миновав глазное яблоко, насквозь проткнула череп.

Охранник мгновенно превратился в труп. Пластинку тут же вытащили, и охранник стал оседать. Т-1000 легко подхватил его тело одной рукой и, держа навесу, точно костюм на плечиках, направился к столу дежурной. Рана оказалась столь крошечной, что на пол не пролилось ни капли крови.

Когда Т-1000-охранник проходил мимо, держа в руках что-то такое, чего дежурная сестра не могла видеть из-за стойки, она подняла глаза и спросила:

— Что это у тебя, Льюис?

— Да так, мусор, — бодро ответил он.

Она рассеянно кивнула и снова принялась стучать на машинке, а Т-1000 прошел мимо, направляясь к кладовке в нескольких ярдах от дежурной. Сняв с пояса охранника браунинг и ключи, затолкал тело в чулан.

Потом вернулся и посмотрел на дежурную.

— Порядок, — с улыбкой бросил он.

Она подняла глаза и увидела кобуру с браунингом.

— Не забудь вернуть на место пистолет.

— Ах, да.

Т-1000 отпер шкафчик, загородив его собой, и сделал вид, будто кладет туда пистолет. На самом же деле он воткнул его себе в грудь, где тот исчез, словно его опустили в горшок с горячим фаджем*. Когда Т-1000 убрал руку, его грудь обрела прежний вид: ткань, пуговицы, карточка с фамилией. Т-1000 запер дверцу шкафчика.

Дежурная нажала на кнопку, и дверь, с легким жужжанием отворилась. Т-1000 вышел в коридор и занялся поисками нужной ему палаты-изолятора.

Несколько минут спустя он очутился около контрольно-пропускного пункта. Двое скучающих санитаров едва удостоили Т-1000-охранника взглядом. Последний взглянул на памятку у двери, где было написано, что пациент №82 находится в камере 19. Т-1000-охранник прошел в изолятор через две двери, которые тут же за ним закрылись.

Он миновал пост медицинской сестры, напоминавший клетку, обнесенную тонкой и прочной металлической сеткой. Прислонившись к притолоке открытых дверей, Силберман разговаривал с кем-то внутри. На проходившего мимо «Льюиса» он не обратил никакого внимания.

Похожая на приведение Сара услышала приближающиеся шаги и тихо, но проворно отперла отмычкой Дугласа соединенную со своей камеру. Проскользнув внутрь, бросила взгляд в дальний конец комнаты. С койки за ней наблюдала безумным взглядом какая-то женщина. Закричит или нет? У Сары громко стучало сердце. Она на всякий случай приложила палец к губам и прошептала:

— Шшш!

Больная понимающе кивнула. Сара с облегчением вздохнула, выглянула из окошечка камеры и увидела спину сворачивавшего за угол охранника. Подождав, пока шаги затихнут, она вышла.

Силберман, зевая, просматривал с дежурной список назначенных лекарств. Суббота выдалась утомительная. Он подумал, что уж в воскресенье-то непременно выспится. И вдруг вспомнил об этом проклятом симпозиуме по проблемам женского насилия, на котором обещал выступить с лекцией. Он бросил взгляд на часы, пытаясь вспомнить, когда именно ему полагается там быть, как вдруг уголком глаза заметил какое-то движение.

Сара Коннор пихнула его в грудь, и он очутился в кабинете. Дежурный вскочил и потянулся за своей дубинкой, но Сара успела оглушить его дубинкой Дугласа. Он тяжело рухнул на пол, превратившись в мешок с дерьмом.

Силберман метнулся к кнопке тревоги, но Сара огрела его по руке. Он вскрикнул и схватился за запястье. Сара схватила его за волосы и ткнула носом в стол, при этом ловко стукнув дубинкой под коленки. У Силбермана подкосились ноги, и он уткнулся подбородком в стол.

— Вы сломали мне руку! — в возмущении воскликнул он.

---

* Фадж — мягкие молочные конфеты типа ирисок.

— У человека двести пятьдесят костей! — Сара грязно выругалась. — А тебе жаль всего одну-единственную. Ни с места!

Она быстро выдвинула ящик с лекарствами, схватила шприц и ткнула иголку в ягодицу оглушенного дежурного, введя ему лошадиную дозу.

И тут она увидела то, что ей было нужно. Итак, токсичные очистительные материалы хранились у них здесь. Она схватила пластмассовую бутыль жидкого пламра и поставила на стол перед самым носом у Силбермана. Погрузив в бутыль пустой шприц, быстро наполнив цилиндр.

Силберман в ужасе уставился на пятнадцать кубиков голубой смерти.

— Что ты задумала?

Она воткнула иглу Силберману в шею. Потом схватила его за шиворот и, поставив на ноги, вытолкнула в открытую дверь.

Т-1000 остановился у камеры № 19 и посмотрел в окошечко. Дуглас, лицо которого было похоже на кровавую маску, завопил так, что его услышали через звуконепроницаемую дверь. Но Т-1000 не нужно было слышать, он мог читать по губам.

— Откройте дверь! Эта чертова сучка разгуливает по коридорам! — кричал Дуглас.

К его удивлению, охранник повернулся и ушел прочь, оставив его запертым в камере.

Терминатор и Джон подъехали на «Харли» к охраняемым воротам. Мотоцикл остановился. Шум заглохшего двигателя заставил охранника поднять глаза.

Джон сказал Терминатору:

— Помни: отныне ты никого не убьешь. Понял?

Киборг чуть помедлил с ответом.

— Понял.

Однако, Джону одного ответа оказалось мало.

— Поклянись.

— Что?!

— Скажи: «Клянусь, что никого не убью».

Джон поднял руку вверх, словно его приводили к присяге. Терминатор уставился на Джона, перебирая все возможные варианты в своем пластинчато-контурном мозгу. В нем не оказалось ничего такого, что бы объясняло этот человеческий жест. Терминатор все-таки повторил его и сказал:

— Клянусь, что никого не убью.

Затем слез с сиденья и направился к воротам.

Почуяв неладное, охранник вышел из сторожки с кольтом наизготове. Терминатор шел ему навстречу, его сканеры быстро отыскали все зоны смертельного поражения в человеческом организме и исключили их как места для нанесения удара, после чего методом экстраполяции определили, где находятся несмертельные. Он быстро вытащил свой кольт 45-го калибра и с точностью хирурга поразил обе коленные чашечки. Парень упал, крича и хватаясь за ноги.

Джон не поверил свои глазам.

— Что это, черт побери, ты делаешь?

Терминатор ногой вышиб кольт из руки охранника, затем ударом кулака

разбил телефон в сторожке. Нажав на кнопку, чтобы открылись ворота, он вернулся к «Харли». На ходу бросив Джону:»Будет жить», забрался в седло мотоцикла и выжал сцепление.

Проехав через ворота, они направились в подземный гараж для машин «Скорой помощи». Джон на ходу повернулся к стонавшему охраннику и крикнул:

- Простите, мистер!

Сотрудники контрольно-пропускного пункта, подняв глаза, увидели на мониторе Силбермана, которого Сара держала «на шприце».

Она обратилась к ним через переговорное устройство:

— Откройте, иначе он умрет еще до того, как упадет на пол!

У охранников отвисли челюсти. Один из них покачал головой: нет. Второй настроил микрофон.

— Восемьдесят вторая, проход закрыт. Отпустите его.

Похожий на мертвеца Силберман выдавил из себя:

— Ничего не получится, Сара. Ты же не убийца. Я не верю, что ты способна на такое.

— Ты уже мертв, Силберман! — злобно прошипела она. — Все здесь умрут. Ты же знаешь, что я верю в это, а поэтому заткнись! — При последней фразе она вонзила иглу еще глубже в его шею. — Да откройте эту чертову дверь! — сморщившись, будто от боли, вопила она.

Санитары неуверенно переглянулись. Наконец один из них нажал на кнопку. Дальняя дверь с металлическим грохотом откатилась.

Сара толкала Силбермана впереди себя. Ближнюю, зарешеченную, дверь надо было открывать вручную. Один из санитаров осторожно приблизился и отомкнул ее.

— Назад! — приказала Сара.

Он тут же попятился назад.

— Лечь на пол! Живо! — велела она обоим.

Они колебались. Измерив их безумным взглядом, Сара до упора вогнала иглу в шею Силбермана. Он застонал от боли. За воротник сбежала струйка крови...

Санитары быстро попадали на пол лицом вниз.

Держась от них как можно дальше и по-прежнему не отпуская своего заложника, Сара вышла в коридор и попятилась задом. Ей вдруг пришло в голову, что ее план может на самом деле сработать.

Правда, она не видела третьего санитара, притаившегося за углом и готового прыгнуть на нее в то самое мгновение, когда она поравняется с ним.

Сара пятилась на него задом, а он как танцор танго, сделал широкий шаг и схватил ее руку со шприцом. Стремительно обернувшись, Сара стукнула его по горлу дубинкой. Он тут же отключился и упал на колени, ловя ртом воздух. Силберман отскочил в сторону, вопя во всю глотку:

— Держите ее!

Сара стрелой метнулась за угол, санитары повскакали с пола. Один из них нажал на кнопку. Взвыл сигнал тревоги.

Т-1000 склонился над лежащим на полу санитаром, когда в коридорах завыли сирены.

Санитар вдруг широко раскрыл глаза и вскочил на ноги. И снова чуть было не рухнул, когда увидел, как некто похожий на Льюиса, вытащил из своей груди пистолет...

Сара, точно загнанный зверек, бежала похожими на лабиринты коридорами, ее босые ступни гулко шлепали по холодному кафелю. Санитары висели у нее на пятках. Она свернула за угол, налетела на стену и, отскочив от нее, понеслась дальше. Дорогу ей преградила железная дверь.

Заперто.

За спиной грохотали шаги.

С трудом переводя дух, она отыскала среди ключей Дугласа отмычку и вставила ее в скважину. Расстояние между нею и санитарами все сокращалось — они неслись во весь опор.

Сара открыла дверь, нырнула в проем, захлопнула дверь и щелкнула замком в тот самый момент, когда подбежавший первым санитар схватился за ручку с другой стороны.

Он опоздал на какую-то долю секунды.

В окошечко Сара видела, как они возятся с ключами. Задыхаясь от усталости, она повернулась и оказалась еще в одном коридоре, ведущем к выходу. От других коридоров клиники его отделяла зарешеченная, как в тюремной камере, дверь.

Сара бросилась к решетке, сунула ключ в замок, отворила дверь и услышала, как поворачивается ключ в замке двери, через которую она только что прошла.

Она шмыгнула в коридор, а в это время у нее за спиной появился первый санитар. Сара с шумом захлопнула решетку и тут же осознала, что ее ключи остались в замке по другую сторону двери. Санитар приближался, у него было перекошенное от бешенства лицо.

Просунув руку между прутьями, Сара повернула ключ и обломила его головку. Мгновение спустя огромный санитар был уже возле двери. Протянув руки между прутьями, попытался схватить Сару, но она успела отскочить.

Он стал в ярости трясти стальные прутья.

Радоваться победе у Сары попросту не было времени. Нужно бежать и поскорее отыскать сына, пока его не нашел второй терминатор. Она помчалась дальше.

У двери уже орудовали несколько санитаров.

Появился Силберман, который мгновенно понял, в чем дело, и заорал:

— В обход, черт бы вас побрал! Бегите в обход!

Свернув за угол, Сара увидела лифт и с облегчением вздохнула. Она была уже почти рядом с лифтом, когда его дверцы раскрылись.

И тут ожил самый страшный кошмар, какой только можно себе представить: в коридор вышел мужчина в кожаной куртке, заляпанной кровью, в очках с темными стеклами и кольтом наизготове. И повернулся к ней своим до ужаса знакомым лицом.

Сара попыталась остановиться, но инерция несла ее прямо на киборга.

Босые ноги поскользнулись на гладком полу, и Сара ударилась о дверцу лифта.

Она думала, что на самом деле свихнется. Она, как краб, пятилась на четвереньках задом, воя во всю глотку.

Ей казалось, будто ее закружило в ядерных вихрях ее видений. Оглянись Сара назад, и она увидела бы, что вслед за Терминатором из коридора появился Джон. Он мгновенно сообразил, что произошло.

— Мам! Подожди!

Сара ничего не слышала из-за собственного крика. Она пятилась, точно загнанная в угол крыса, вконец потерявшись в этом чертовом лабиринте коридоров.

Терминатор с Джоном бросились вслед за ней.

Она летела по длинному коридору, обратно туда, откуда пришла. Добежав до пересечения с перпендикулярным коридором, чуть не столкнулась с фигурой в белом. Санитар подставил ей подножку. Сара с криком рухнула на скользкий пол. Подбежали еще два и скрутили ей руки.

— Нет! Он уже идет! Он убьет нас всех! — вопила она, пытаясь объяснить им, что она только что видела.

Но они даже не посмотрели туда, куда указывала эта потерявшая над собой контроль женщина. Они прижали Сару к холодному кафелю, образовав вокруг нее кольцо. Откуда-то появилась санитарка со шприцем, наполненным лошадиной дозой транквилизатора.

Вытянув шею, Сара увидела темный силуэт приближающегося к ним Терминатора. Он был до умопомрачения похож на того, первого, терминатора. И вот сейчас, много лет спустя, он пришел сюда. Ходячее оружие «Небесной Сети», преодолевающее время и пространство, чтобы убить ее. Она завопила, чувствуя, что это конец.

Но Терминатор вдруг сделал нечто весьма странное. Совсем не то, что она от него ожидала. Держа в одной руке кольт, киборг наклонился, схватил другой рукой одного из санитаров и отшвырнул этого стокилограммового мужчину к дальней стене. Шмяк! Тот упал на пол, сломав ребра. Разумеется, ему это вовсе не понравилось.

Два других санитара бросились на пришельца. На какое-то мгновение Терминатор исчез из виду. Последовала вспышка белого, и санитары отлетели в разные стороны, будто подорвались на мине.

Один хряснулся о раму с небьющимся стеклом, от дальнейших травм его спасли прутья внешней решетки. Впрочем, ему было не до благодарностей. Другой, разнеся в щепки закрытую дверь кабинета, оказался возле ножки письменного стола.

Санитарка, которая запросто могла выжать из лежачего положения сорок пять килограммов, наотмашь врезала незваному гостю по лицу. Мужчина отпрянул, очки с темными стеклами соскочили. У санитарки онемела от боли рука, похоже, она стукнула ею по цементной стене. Мужчина не спеша повернулся к ней и положил ладонь ей на грудь. Она схватила его за большой палец и попыталась его сломать. Но мужчина легко оттолкнул ее. Щелчок, и кинетическая энергия отбросила женщину на несколько ярдов назад. Она очутилась на полу, с которого ей почему-то не хотелось вставать.

Пока все это происходило, Силберман стоял, вжавшись в стену, к губе

прилипла давно погасшая сигарета. Он наблюдал за абсолютно бесстрастным лицом пришельца. И тут он вспомнил Сару. В мгновение ока он все понял. Сара была права: этот парень — не человек.

А раз она права в этом, дошло до него, значит, и все остальное, сказанное ею, правда.

Вся эта жуткая цепь непостижимых трагедий... Мир рушился прямо у него на глазах.

Сара моргала, глядя на маячившую над ней фигуру смерти. Но тут ее глазам предстало невероятное зрелище: рядом с ней стоял на коленях ее сын.

— Мам, ты в порядке?

Она перевела взгляд с Терминатора на Джона, затем снова на Терминатора.

Вот она лежит на полу, глядя на того, кого больше всех на свете ненавидит и того, кого больше всех на свете любит. Смеяться ей или плакать, или на самом деле сойти с ума? Джон вдруг наклонился, схватил ее за плечи и сильно встряхнул.

— Мам!

Он ощутила его объятия, почувствовала теплоту его дыхания, и через мучительное мгновение до нее дошло...

...Что все это происходит на самом деле!

Пережить и понять это оказалось сравнительно легким делом, поскольку то, что затем последовало, уже не лезло ни в какие ворота. Терминатор вежливо протянул ей руку ладонью вверх.

Очевидно, он хотел помочь ей подняться.

Сара засмеялась. Она вся корчилась в судорогах, точно испытывала сильный оргазм. Но смех застрял у нее в горле, когда она услышала, как киборг совершенно бесстрастным голосом сказал:

— Если вы хотите остаться в живых, идемте со мной.

Сара огляделась. Санитары уже зашевелились. По-прежнему вовсю выли сирены. Скоро прибудет подмога. Сын тащил ее за руку.

— Все в порядке, мам. Он здесь для того, чтобы помочь нам.

Сара взяла своими дрожащими пальцами протянутую ей руку. Одним легким движением Терминатор поднял ее на ноги. Прямо как в балете. Джон повернулся, намереваясь уйти, но тут увидел в тридцати футах от них полицейского, стоявшего по другую сторону решетки. Вздрогнув, Джон понял, кто это. Это был он.

Терминатор проследил за взглядом Джона. Т-1000 держал в руке пистолет. Терминатор быстро загородил Джона и Сару, и они стали пятиться назад по коридору. Сара тоже все увидела и поняла, но у нее уже не осталось сил испытывать какие-либо эмоции. Т-1000 шел вперед. Ему оказалось тяжело в обличии Льюиса — тот был слишком тучен, — поэтому он вернулся к форме подтянутого и стройного офицера Остина. Т-1000 дошел до решетки. Для него это не преграда. Его тело стало жидким и буквально просочилось между прутьями решетки и, очутившись по противоположную сторону от нее, вновь стало обретать прежнюю форму. У Силбермана отвисла челюсть, и вывалилась изо рта сигарета. Что-то легонько щелкнуло в его голове, и он скоро стал усыхать. До Сары наконец дошло, насколько все серьезно. Да, она давно живет в предчувствии чего-то кошмарного. Но при виде того, как эта клейкая паста

вновь обрела форму полицейского, Сару осенило:

Это не полисмен.

Он из будущего.

Он, вероятно, пытается убить ее сына.

Ее вновь обуяла ярость, напряглись мышцы.

Ей казалось, что этот кошмар наяву будет длиться вечно.

Послышался звон — зацепился за прутья пистолет охранника, единственный твердый предмет. Т-1000 просто повернул запястье и протолкнул пистолет дулом вперед.

Терминатор схватил Джона за пояс и посадил себе на спину. Джон обхватил его за шею. Терминатор поднял кольт и повернулся к Саре:

— Бежим!

Хорошая идея, подумала Сара, устремляясь за ними.

Т-1000 бросился следом. Упавшие на пол очки Терминатора хрустнули под его ботинком. Он открыл огонь из браунинга. Но Терминатор тоже стал стрелять из своего кольта десятого калибра. Засвистели пули, коридор наполнился едким дымом, перепуганные санитары прижались к полу. Несколько пуль угодило в Терминатора. На Т-1000 тоже появились похожие на маленькие воронки дырочки от пуль. Он зашатался, но не остановился. Он моментально определял скорость и угол полета каждой пули. Воронки от пуль закрывались и через какую-нибудь секунду снова затягивались. В них образовывалась блестящая ртуть.

Пули могли лишь замедлить его продвижение.

Свернув за угол, Терминатор пустился бегом, громко топая по полу. Сара уже ждала его возле лифта. Терминатор с Джоном буквально ввалились в него, и Джон нажал на кнопку «гараж». Дверцы стали закрываться, и тут из-за угла выскочил Т-1000. Он двигался с необычайной грациозностью, умело перемещая на повороте центр собственной тяжести — на такое не был способен ни один человек.

Терминатор прижал Джона и Сару к боковой стене, а Т-1000 бросился к кабине, стреляя на ходу из браунинга.

Двери сомкнулись, по ним застучали пули. Сара видела вмятинки, появляющиеся в металле от удара каждой пули. Если бы не эти двери, их с Джоном уже не было бы на этом свете.

Браунинг замолк — кончились патроны. Т-1000 бросил его. Дверцы с мягким стуком сомкнулись, но тут же задрожали у основания — это опоздавший на какую-то долю секунды Т-1000 пнул их ногой.

Лифт не двигался с места — между створками дверей вклинилось мечеподобное лезвие, которое расплылось и затвердело, превратившись в крючья. Они вцепились в края створок и стали растаскивать их в стороны.

Пока Сара с ужасом наблюдала, как вскрывают их временное убежище, Терминатор, казалось, пал духом.

Однако у терминатора нет духа.

Он спокойно ждал (время для него представлялось обычной чередой событий) пока расщелина расширится настолько, что он сможет просунуть в нее ствол оружия. Оно выстрелило прямо в лицо Т-1000, и ствол погрузился на несколько дюймов в его «плоть». От звука выстрела в закрытом пространстве

у Сары с Джоном чуть было не полопались барабанные перепонки. Они увидели в щелку между створками двери, как голова Т-1000 развалилась на две половинки, и ее отбросило назад. Двери лифта, наконец, сомкнулись, кабина слегка дернулась и пошла вниз. Джон посмотрел на мать. Ее всю трясло, она с ужасом таращилась на двери лифта.

— Черт побери, кто это? — хрипло пробормотала она.

Голова Т-1000 лежала двумя изуродованными кусками у него на плечах. Понятие боли никогда не вводилось в сенсорную область этой жидкой машины. Боль служила всего лишь показателем повреждения какой-то части организма. Но у этого «организма» не было частей, если не считать ими молекулы. Каждая молекула была в миниатюре вариантом самой машины. При делении какой-нибудь части на куски эти куски превращались в полиметаллический сплав, в молекулярную память которого была заложена одна-единственная команда: отыскать основную массу машины и присоединиться к ней. Каждая молекула обладала диапазоном нахождения в радиусе четырнадцати километров. Разорванные же части Т-1000 были гораздо ближе. Поэтому после непродолжительного замешательства, вызванного баллистическим шоком, Т-1000 снова обрел здоровое человеческое лицо без каких-либо призраков «повреждения».

Он повернулся к закрытым дверям, просунул между ними руки, при этом кончики его пальцев превратились в рычаги, и легко развел створки в стороны. Не колеблясь, Т-1000 прыгнул в открытую шахту.

Он кирпичом пролетел два этажа.

Заслышав, как что-то грохнулось на крышу, все трое разом глянули вверх. Терминатор быстро перезарядил оружие. Сара выхватила у него из-за ремня кольт сорок пятого калибра и прицелилась в потолок. Она не допустит, чтобы кто-то убил ее сына.

Тем более, не кто-то, а что-то...

Джон набрал в легкие воздуха, и тут...

БУМ!

Острая, как игла, хромированная пика пронзила потолок кабины и проникла внутрь на четыре фута.

Она была в нескольких футах от лица Сары.

Сара непроизвольно открыла огонь, пули прошивали крышу кабины. Пика молниеносно исчезла и снова опустилась, распоров Терминатору куртку и пройдя в нескольких дюймах от Джона.

Терминатор стрелял не переставая из кольта, так как металлическое жало без устали вонзалось в крышу, словно какой-то безумец тыкал в консервную банку острым ледорубом. Сара взвыла от боли, когда один из ударов распорол ей лопатку.

Послышался приглушенный звоночек. На индикаторе над дверью загорелось: «гараж». Двери открылись, и Сара буквально вытащила Джона из кабины.

Они оказались в подвале. «Харли», теперь ненужный, поскольку их стало трое, стоял поблизости. Терминатор просканировал территорию, подыскивая подходящее средство передвижения, на котором можно было бы удрать.

Т-1000 проделал в потолке кабины лифта достаточно широкую дырку, через которую смог пролиться. Массивный шар ртутеподобного сплава

превратился в жидкую массу, которая пролилась сквозь дырку в крыше на пол и встала, приняв форму офицера Остина. Когда все его датчики вновь заработали, он помедлил секунду, быстро сориентировался.

Сине-белая машина больничной охраны подъехала к воротам, скрипнули тормоза. Сара побежала прямо навстречу машине и остановилась. Крепко сжимая обеими руками кольт, направила его в лицо охранника.

— Вылезай! Живо!

Охранник мгновенно понял, что эта размахивающая оружием пациентка явно не в своем уме и спорить с ней бесполезно.

Однако для Сары даже это мгновение показалось слишком долгим. Она выстрелила в стекло, и пуля просвистела мимо уха охранника.

— НЕМЕДЛЕННО!

Дверца тут же распахнулась, охранник вывалился из машины и поднял вверх руки. Подбежавший киборг небрежно отшвырнул человека в сторону и скользнул за баранку. Сара впихнула Джона на заднее сиденье, а сама уселась рядом с водителем. Терминатор дал задний ход и нажал на педаль акселератора. Колеса бешено вращались на скользком пандусе.

Терминатор через плечо протянул кольт Джону и сказал:

— Перезаряди.

Джон вытащил несколько патронов из кармана своего армейского кителя и принялся заряжать оружие.

Пока Терминатор сдавал машину задом, Сара еще кое-как держалась. Т-1000 бежал к ним от лифта. Превратившись из хромированной неопределенной массы в полицейского, он, казалось, не пострадал. Он взбирался вверх по пандусу со все возрастающей скоростью.

Терминатор протянул Саре новую обойму для кольта. Она отшвырнула пустую и вставила полную. Взвела курок.

Машина задом вырулила из гаража и покатила к воротам.

Джон протянул Терминатору заряженный кольт. Тот высунулся из окна и прицелился в преследователя. Лицо Т-1000 ярко высветило фарами.

Терминатор выстрелил и пробил противнику плечо. В отверстии блеснул жидкий металл, но оно тутже затянулось и снова превратилось в униформу.

Высунувшись из своего окна, Сара несколько раз выстрелила. Третья пуля угодила прямо в лоб, но Т-1000 лишь слегка сбился с шага. Она стреляла еще и еще. На груди и голове врага появились воронки от пуль. Не тратя энергии на восстановление внешности, он направил ее всю на продвижение вперед, и расстояние между ним и машиной быстро сокращалось. Он уже преодолел преграду из запертых ворот.

— Держитесь, — спокойно сказал водитель-киборг, делая резкий поворот. Машина развернулась на сто восемьдесят градусов. Взвизгнули тормоза.

Т-1000 почти догнал их.

Рука Терминатора шарила по переключателю передач, нога давила на педаль газа.

Машина рванулась вперед.

Т-1000 прыгнул и приземлился на багажник. Его рука превратилась в стальную пику, которой он пробил корпус машины, тут же пика стала блестящим хромированным крюком. Он стукнул по машине другой рукой, еще

один крюк вонзился в зад машины.

Терминатор повернулся к Саре и бросил:

— Возьми руль!

Он высунулся из окна, и Сара взялась за баранку и нажала ногой на педаль газа, ведя машину на скорости семьдесят миль в час.

Джон смотрел в заднее окно. Т-1000 уже поднял для удара руку. Мальчик скользнул на пол.

Стекло рассыпалось на мелкие осколки.

Т-1000 отвел руку, готовясь нанести новый удар, но в этот момент Терминатор выстрелил. Он попал Т-1000 в руку, прямо в запястье. Пуля разнесла запястье на куски.

Офицер Остин кубарем скатился с набирающей скорость машины. Джон приподнялся и выглянул через разбитое окно. Т-1000 с размаху плюхнулся о мостовую, но тутже перевернулся, вскочил на ноги и бросился в погоню.

Только теперь он явно отставал. Сара вдавила педаль газа в пол, да и этот убийца из жидкого металла имел свои пределы. Бегом он догнать их просто не мог.

Джон видел руку-крючок, все еще торчавшую из корпуса машины прямо у него перед носом. Боязливо высунул свою руку, отщепил и швырнул руку-крючок на дорогу. Она приняла было яйцеобразную форму, потом снова превратилась в дрожащий шарик.

Машина неслась навстречу ночи.

Спустя мгновение Т-1000 понял, что бегом ему не догнать свою цель, задние огни которой удалялись все дальше и дальше. То, что цель от него ускользнула, для него ровным счетом ничего не значило — ибо у него не было хронометра. Он представлял собой новый образец «Небесной Сети». Ощущение времени, безусловно, полезная штука, однако в большинстве случаев оно ничего не значит. Ведь для робота этой модели не существует никаких преград, он не знает, что такое усталость, боль, страдание, смерть.

Т-1000 пребывал в блаженном неведении всего окружающего, целиком сосредоточившись на бегстве цели. Он бросил взгляд вниз. Жидкий металлический шарик задрожал, удлинился, пока не коснулся «туфли» офицера Остина и не влился в нее, вновь присоединившись к основной массе.

Время было всего лишь передышкой перед неизбежностью.

БЕГСТВО

К югу по шоссе № 33. 6.00 утра

Машина службы безопасности клиники неслась с выключенными фарами по пустынному отрезку шоссе, машина-призрак, летевшая навстречу ветру.

Терминатор сидел за рулем. Они ехали по самой середине трассы, помеченной прерывистой полосой. Ветер с шумом врывался в разбитое окно. В зеркало заднего обзора Джон видел глаза киборга, светящиеся едва заметным красным светом.

— Неужели ты что-то различаешь?

Настоящие глаза киборга, расположенные за бутафорскими человеческими, были настроены на ночной вариант. Они нащупывали дорогу впереди, создавая монохроматический образ, где все было видно отчетливо, как солнечный

полдень. Все, проносившиеся мимо, складывалось в мозгу в одно целое, позволяя ему выбрать один-единственный самый правильный вариант движения, что делало его самым надежным водителем в мире.

— Все вижу,— небрежно ответил Терминатор, что могло бы показаться откровенным хвастовством, не будь он машиной.

— Классно,— сказал Джон, несколько успокоившись.

Сара по-прежнему не верила своим глазам. Той Саре, которая постоянно опаздывала в «Биг Банз», где она много лет тому назад работала официанткой, потребовалась всего секунда или две на то, чтобы свыкнуться со своим новым положением. Затем она повернулась к самому важному человеку в ее жизни — Джону, сидевшему на заднем сиденье.

— Ты в порядке?

Он кивнул.

Она повернулась к нему, и у Джона забилось сердце. Раньше у матери не было к нему времени на проявления любви к собственному сыну, но сейчас она самым натуральным образом его обняла. Возможно, она изменилась за это время. Возможно, он дорог ей сам по себе, а не только из-за этой его дурацкой миссии в будущем. Счастливый, он обхватил мать руками за шею. Но она его не обняла, она просто гладила, проверяя, не ранен ли он. Джону это напоминало клинику: так ветеринар обычно ощупывает собаку, проверяя, не поломала ли она какую-нибудь кость. Да, Сара явно заботилась о нем.

Только у нее не было к нему настоящей любви.

Он сердито отодвинулся от нее. Причем, был абсолютно искренен в проявлении своих чувств. Он ненавидел мать за то, что она считает его какой-то ценной вещью, которая может разбиться или сломаться.

— Я же сказал — со мной все в порядке.

Сара строго посмотрела на сына.

— Ты сделал величайшую глупость в своей жизни.

Джон едва поверил своим ушам. Да, мать должна злиться, если сын сделал что-то не так. Но сейчас ему выговаривали за то, что он спас ей жизнь. Черт знает что! Не успел он рта раскрыть, как она снова набросилась на него:

— Проклятье, Джон, пора бы тебе поумнеть! Ты представляешь в будущем такую ценность! Ты не имеешь права рисковать, даже ради меня, ясно?! Я и сама могу за себя постоять! Господи Иисусе, Джон, да тебя ведь чуть не убили!

У мальчика задрожал подбородок. На него нахлынули былые обиды. Опять она воздвигает этот образ будущего супермена и пытается втиснуть в эти рамки Джона. Образ явно не для него, но ей на это наплевать. Все как прежде... Чтобы не разреветься, Джон сказал:

— Я... я должен был вызволить тебя оттуда... Прости, я...

Джону казалось, что в пустых глазах киборга больше сострадания, чем в глазах родной матери. Его буквально душили слезы. Не желая показывать матери свою слабость, он отвернулся, но она увидела, что его тело сотрясается от рыданий. На этот раз в ее голосе появилось сострадание.

— Перестань! Ну же! Ты не должен плакать, Джон. Не имеешь права.

Терминатор перевел взгляд с дороги на Джона, размазывающего по щекам слезы. Он порылся в своей памяти, пытаясь найти какое-нибудь объяснение увиденному, но, увы, безрезультатно. Может, мальчик ушибся?

— Что у тебя с глазами?

— Ничего,— отрезал Джон, утирая рукавом нос.

Сара перевела дух. Ее била нервная дрожь. Перед ее мысленным взором возникали какие-то эпизоды. Все устоявшееся в ее прежней жизни, разлетелось на клочки, и сейчас она лихорадочно пыталась соединить их воедино. Она смутно догадывалась, что снова вела себя со своим сыном не так, как следовало бы... Матери-одиночке вообще трудно растить ребенка, ну, а когда твоему дитяти суждено стать великим лидером, который, в буквальном смысле слова, спасет человечество, тут и вовсе становится не под силу. Сара была вынуждена ожесточиться, научиться выживать, убивая в себе самое дорогое. За все приходится платить. Нормальной жизнью они с сыном никогда не жили. Только и знали, что занимались подготовкой к глобальной войне. И это обошлось им очень дорого. Сара очень любила сына и делала все, чтобы окружить его теплом и заботой. Но она опасалась, что он, ее мальчик, вырастет слабым и изнеженным. Ему нужна сила, мудрость, он должен уметь обращаться с оружием. Зачем ему любовь?.. Господи, но сколько же ненависти в его глазах.

Да, дорого им все обошлось.

Тем временем Сара автоматически на все обращала внимание. Снова бросила настороженный взгляд на Терминатора и обратилась к нему:

— Ну, и что ты нам скажешь?

ИРОНИЯ СУДЬБЫ

Государственная клиника Пескадеро. 12.23 дня

На лужайке валялись люди в черно-белых одеяниях. Кареты «Скорой помощи» с трудом протискивались между испуганных сотрудников клиники, пациентов. Санитары тащили доктора Силбермана к машине, а он что-то бормотал себе под нос. От возбуждения он говорил бессвязно, но даже говори он нормально, смысла в его словах не обнаружил бы никто. Силберман говорил:

— ...Все оказалось правдой, мы все умрем, а этот парень переменился, я видел, как он менялся, прямо у меня на глазах, он прошел через прутья решетки, словно их нет, вы должны поверить мне, не подумайте, что у меня сейчас психическое расстройство, я доктор, и я разбираюсь в подобных вещах, я говорю вам...

Его пристегнули к каталке и закрыли за ним дверцу машины. Его карьера психиатра была окончена. Ленард Силберман, которому посчастливилось остаться в живых после нападения первого терминатора много лет тому назад, стал незадачливой жертвой второго.

Судьба и впрямь склонна пошутить.

Т-1000 двинулся к главным воротам, возле которых толпились полицейские. Один из них, ехавший на мотоцикле, увидев офицера Остина, замедлил ход.

— Все в порядке?

Т-1000 понадобилось ровно четырнадцать микросекунд, чтобы оценить мотоцикл, после чего он сказал:

— Ба, вот это мотоцикл!

Никто из двадцати восьми полицейских и детективов не видел, как Т-1000 укатил на мотоцикле. А тело настоящего полицейского обнаружили только

через несколько часов — в баке для мусора. И никому даже в голову не пришло, что это убийство каким-то образом связано с офицером Остином. Что на всей земле «он» был самым опасным механизмом, получившим задание одним удачно нанесенным ударом свести счеты с человечеством.

Полицейские были слишком заняты тем, что записывали фамилии возможных свидетелей.

В ЛОГОВЕ

За Ла Меса, Калифорния. 04.16 утра

Терминатор гнал машину, не сбавляя скорости. Сара все еще размышляла над тем, что только услышала — она уже немного успокоилась, сосредоточилась и превратилась в Сару-стратега, интересующегося всем на свете.

— А этот Т-1000... что происходит, когда по нему стреляешь?

— Баллистическое проникновение приводит его в гидростатический шок, но всего лишь на две-три секунды. Судя по последним наблюдениям, он может менять свою молекулярную структуру и переходить в жидкое состояние, что позволяет пулям проходить сквозь него. И менять свою внешность.

— Его можно уничтожить?

— Неизвестно. Однако, весьма вероятно, что при затвердевании, когда Т-1000 нужно превратить в оружие собственную конечность или пойти в бой, его молекулярная структура становится хрупкой. Тогда-то он, наверное, наиболее уязвим для ударной волны.

Несколько мгновений они ехали молча, затем Сара что-то увидела впереди: какой-то неоновый свет в темноте.

— Заезжай туда. Нам нужно избавиться от этой машины.

Терминатор заехал на заправочную станцию «Бентик Петролеум». Над ней горела неоновая вывеска, но никого не было видно. Они медленно проехали мимо пустой конторки. В одном окне была табличка: «ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМ ЗАКРЫТО». Они подкатили к задней двери гаража.

Терминатор вылез из машины, резким движением сбил замок с двери и открыл его. Сара скользнула за баранку и загнала машину в гараж. Терминатор закрыл за ними дверь.

На мгновение они оказались в блаженной безопасности.

Сара включила свет. Они с Терминатором посмотрели друг на друга. Он был весь в ранах, которые кровоточили. У Сары пропиталась кровью сорочка — она была ранена в лопатку.

— Ну и видок у тебя,— бросила Сара.— Чучело, да и только.

Терминатор запустил эти слова на экран и просмотрел целый список разговорной речи. За долю секунды выбрал нужное и сказал вслух.

— Ты не лучше.

Сара чуть было не улыбнулась.

Вскоре они вскрыли в конторке аптечку первой медицинской помощи и взяли несколько не слишком грязных бинтов, пузырек со спиртом для растирания и кое-какие инструменты. Терминатор промакнул раны, и Джон протянул ему чистый бинт.

Сара сидела на пустом ящике рядом с киборгом. Тонким проводом, снятым с обмотки генератора переменного тока, Терминатор накладывал ей на рану

шов. Прежде чем начать операцию, Терминатор прокалил провод паяльной лампой, и теперь он отливал тускло-красным. Саре вспомнилось, что говорил ей когда-то Кайл: боль можно подчинить себе, сублимировать, разложить на составные части. Перед ее мысленным взором, возникло лицо Кайла, кольнуло сердце, помутился разум. Нет, нужно забыть обо всем, обо всем — ее разум ей еще пригодится. Терминатор с точностью машины продевал проволоку сквозь ее бледную кожу, пользуясь иглообразными щипцами.

На какие составные части можно разложить эту боль?..

Терминатор улавливал малейшие изменения в ее лице, вызванные болью, и автоматически реагировал на них, стараясь облегчить ей страдания. Сара почувствовала, что уже не так больно. Она не знала, что это заслуга киборга, но так или иначе ей бы все равно не пришло в голову его поблагодарить.

Он небрежно бросил:

— Я хорошо разбираюсь в человеческой анатомии.

Пускай она немного расслабится, думал он, пусть ее сердце бьется не так учащенно — иначе она потеряет много крови.

Это не сработало. Сара уставилась на Терминатора, пульс участился, она едва скрывала враждебность. Ей не нравилось, что он так близко от нее, не говоря уже о том, что он причинял ей боль.

— Ну еще бы. Благодаря этому из тебя вышел такой отменный убийца, верно?

— Совершенно верно,— бесстрастным тоном ответил Терминатор, продолжая накладывать ей швы.

Джон не спускал с них глаз. Он был благодарен Терминатору за то, что тот лечит мать, но не понимал, почему она испытывает к нему враждебность.

В конце концов киборг — всего-навсего инструмент, запрограммированный Джоном в будущем, чтобы защитить их сейчас. Терминаторы не обязательно должны быть злы — все зависит от того, как их использовать. Равно как и оружие. Ему хотелось объяснить это Саре, но для этого было явно неподходящее время.

Через несколько минут настала очередь киборга. Его кожаная куртка была вся в дырках от пуль. Сара с Джоном стащили ее с него и увидели широкую мускулистую спину, покрытую множеством кровоточащих дырочек. Руки и ноги тоже были в ранах. К счастью, все они были от пуль девятого калибра — маленькие, поверхностные.

— Больно? — спросил Джон.

— Я ощущаю повреждения. Вероятно, данные, поступающие ко мне, можно назвать болью. Сара принялась промывать ранки спиртом, и ей вдруг вспомнилось, как однажды холодной ночью она неумело перевязывала рану одному молодому человеку в канализационной трубе. В тот раз она впервые перевязывала рану в боевых условиях. Молодой человек похвалил ее. И...

Снова это лицо! Оно хочет завладеть ее сердцем. Нет, все пути к нему отрезаны. Да, это оказалось гораздо больнее, чем покалывание в ее теперь уже перевязанной руке, но что поделаешь? Она подыскала слова, позволяющие ей вернуться к мрачной действительности.

— Раны заживут?

— Да.

— Рада это слышать. Какой нам от тебя прок, если ты не будешь похож на человека?

Она совала пинцы в его окровавленные раны, находила расплющившиеся при ударе об эндоскелет пули и вытаскивала их. Пули со звоном падали в стакан.

До Джона уже стало доходить, с чем они имеют дело. Человек-машина, которого нельзя убить при помощи пули, по сути бессмертен.

Он спросил:

— А ты долго живешь? Я хочу сказать, на сколько тебя хватает?

— При нормальных условиях на сто двадцать лет на одной батарейки.

Сара извлекла последние пули. Стакан был почти полон. Она принялась накладывать швы на ранки, тоже пользуясь проволокой. Джон в молчаливом изумлении наблюдал за ней.

Два воина, деловито латающие друг друга.

— А ты можешь учиться? С тем чтобы быть... стать... ну, в общем, более человечным. Не таким холодным.

— Мой ЦП* — процессор нейросети, то есть компьютер, способный к обучению. Однако, когда нас посылают одних, Небесная Сеть программирует нас «только читать».

— Не хочет, значит, чтобы вы слишком много думали, да?

В его ответе не было никакой иронии, всего лишь факт:

— Да.

— Слушай, а мы не могли бы переставить переключатель?

Сара с любопытством смотрела на Терминатора.

— Смогли бы,— ответил киборг.

Выслушав инструкции Терминатора по предварительному доступу, Сара отыскала скальпель и принялась вскрывать его череп на темени. Когда он велел ей расширить кровоточащий надрез и отыскать порт обслуживания ЦП в хромированном черепе под скальпом, голос у него оставался все таким же ровным и бесстрастным.

— А теперь вскрой крышку порта.

Джону пришлось воспользоваться тряпочкой, чтобы стирать кровь. Отвинчивать крышку порта Саре пришлось отверткой механика гаража, работающей на сжатом воздухе.

Наблюдая за ее работой в зеркало, принесенное Джоном из умывальни, Терминатор видел цифровое изображение. Сара ждала дальнейших указаний, ее руки были заляпаны кровью.

— Возьми ЦП за ушко у основания. Потяни на себя.

Сара взяла пинцет и осторожно извлекла противоударное устройство, затем залезла поглубже в черепную коробку киборга. Осторожно отсоединила ушко основания от ЦП и вытащила его из панельки.

Терминатор увидел вспышку статического электричества и ...вырубился.

Джон с Сарой разглядывали извлеченную ею деталь. Красновато-коричневый керамический прямоугольник с коннектором и муфточкой на конце. Размером и формой с костяшку домино. При более тщательном рассмотрении оказалось,

---

* ЦП — центральный процессор.

что он как бы составлен из крошечных кубиков, идентичных тому разбитому, что хранился в сейфе «Кибердайн Системз». ВОТ теперь до них дошло, что именно пытается расшифровать Майкл Дайсон. Перед ними мозг Терминатора.

Джон обошел Терминатора кругом и посмотрел на его лицо. Оно было неподвижно. Грудь не вздымается. Глаза открыты.

Мертвый.

В качестве эксперимента Джон приподнял его большую руку. Сервомеханизмы, которые он заставил выполнить привычные им движения, издали печальный стон. Словно он поднял руку окоченевшего трупа. Он опустил ее, она так и осталась в поднятом положении.

Джон внезапно понял, что еще никому не доводилось видеть ни одного терминатора таким беспомощным. Они могли разобрать эту машину-человека на части, превратив в отдельные составные компоненты, то есть в кучу хлама. Терминатор позволил им вытащить его мозг и тем самым полностью вывести его из строя. Это свидетельствовало о том, что он им безгранично доверяет.

Впрочем, сомневался Джон, могут и машины доверять?

Сара изучала кристалл ЦП при свете лампы.

— Видишь контактный переключатель? — спросил Джон.

Она не обратила на слова Джона никакого внимания, окинула Терминатора холодным взглядом, затем снова принялась за изучение кристалла. И хотя Терминатор и так уже был выведен из строя, охватившее ее чувство оказалось столь сильным и неразумным, что не успел Джон что-либо понять, как она положила кристалл на верстак и схватила кувалду. Только когда она замахнулась, до Джона дошло, каковы ее намерения. Он кинулся к ней.

— Нет!!!

Накрыл кристалл рукой. Только это могло ее остановить. Сара едва не размозжила ему пальцы.

— Не мешай, Джон!

— Нет! Не убивай его!

— Он же вещь, Джон. Он не человек.

— Пусть вещь. Но он нам нужен!

Джон так и не убрал руку.

— Нам будет лучше без него.

— Но ведь он — единственное наше доказательство о будущем... О предстоящей войне и всем остальном.

Сара заколебалась. Мальчик прав. Но она по-прежнему испытывала отвращение к вещи, похожей на ту, которая убила Кайла Риза.

— Я не доверяю ему! Их почти невозможно убить, поверь мне, Джон, уж я это знаю. Нам больше может не представиться такой возможности.

— Послушай, мам, если мне на самом деле суждено стать когда-то этим самым великим лидером, тебе бы следовало хоть иногда прислушиваться к моим руководящим идеям. Если даже ты не будешь им внимать, кому же я буду нужен?

Он выиграл очко. Сара ощутила гордость за сына.

Джон понял, что в их с матерью отношениях наступил перелом. Увидел это по ее глазам. Сколько лет, что называется, из кожи лез, чтоб соответствовать образу, который она для него выработала, но еще ни разу ему даже не удалось

просто ей угодить. И вот сейчас он понял, что власть отныне переходит к нему. У Сары во взгляде появились смущение и неуверенность, которых Джон прежде не замечал. И причиной всему был он. Сара поняла, что истина за ним. Джон не спеша убрал руку с кристалла и сделал шаг назад. Пусть сама решает.

Так Джон одолел еще одну ступеньку на пути к своей будущей славе.

Сара все еще была в ярости. Разум подсказывал ей: брось кувалду. Сердце говорило: разбей кристалл, ударь по нему. И она ударила. Только в нескольких дюймах от ЦП.

— Что ж, пусть будет по-твоему.

Джон схватил микросхему и внимательно ее изучил, как ребенок, хмуря лоб. Он нашел то, что искал. Взял булавку, переключил едва заметный переключатель, поставил ЦП на позицию «писать». Скривившись от отвращения, осторожно засунул пластинчатую схему обратно в отверстие на заляпанной кровью черепной коробке Терминатора.

Он вернулся к жизни новой вспышкой статического электричества в бесконечной по времени тьме. Для Терминатора это оказалось всего лишь кратковременной помехой-импульсом, его общее сознание не угасло. Он видел на экране цифровые изображения стоявших у него за спиной Сары и Джона. Самосканирование не определило никакого повреждения. Все системы функционировали нормально. Разве что часовой механизм показывал, что работа заняла у них больше времени чем требуется.

— У вас возникла какая-то проблема? — спросил Терминатор.

Джон неуверенно взглянул на Сару и улыбнулся киборгу.

— Никаких проблем. Абсолютно никаких.

Сара сидела в темноте, скрестив по-турецки ноги и опершись спиной о стену. У нее на коленях лежал кольт. Сара смотрела на сына, крепко спавшего на заднем сиденье больничной машины. Глубина детского сна неизмерима. Все ужасы прошедшего дня превратились в послушных чудовищ или же обернулись смешными приключениями. Ей никогда еще не хотелось так сильно спать. Ныло все тело, в суставы, казалось насыпали песку. Ей бы хорошенько поесть и поспать часов эдак двадцать без всяких сновидений.

Однако глаза у Сары были широко открыты.

С ним был Терминатор.

Он молча стоял у окна, освещенный скупым лунным светом, и вглядывался в тьму ночи. Неподвижен, точно манекен. Только глаза двигаются, провожая случайные машины.

Верный часовой-машина.

Теперь его видно лучше. И вообще — в комнате стало светлей. Наверняка к заправке подъехала машина. Сара выпрямилась, рука сжала кольт.

Но тут же расслабилась. Это наступило утро.

«Наверное, я задремала,— в ужасе думала Сара.— А этот чертов робот так и стоит в той же самой позе. Пока я спала, он мог сделать все, что угодно».

Сара напрасно ругала себя. Она задремала от нервного истощения, но ее мозг был настроен на тревогу. Стоило Терминатору пошевелиться, и она б услыхала. И что дальше?..

Она с трудом встала на ноги. Нестерпимо болело плечо. да, это недели на две, а сил на исходе. Сара кое-как доковыляла до Джона и встряхнула его за плечи.

Джон раскрыл глаза и увидел в предрассветном полумраке склоненное над ним лицо матери. Он улыбнулся от счастья, но тут же увидел, как мать измучена. Улыбка погасла, лицо Джона стало сурово.

— Светает. Пора в путь,— так же бесстрастно, как Терминатор, сказала Сара.

Джон и Терминатор прошли к старенькому микроавтобусу «шевроле», стоявшему за гаражом. Солнце только начинало свой путь по безоблачному небу. Воздух был чист и свеж, волосы и одежду трепал сильный ветер. Где-то совсем недалеко бушевала пыльная бура. День обещал быть долгим и жарким.

Автобус оказался заперт. Терминатор кулаком разбил боковое стекло и открыл дверцу. Они забрались в машину, и Терминатор одним ударом расколотил рулевую колонку и кончиками пальцев соединил механизм зажигания. Когда Джон потянулся к козырьку от солнца, двигатель уже работал. Джон опустил козырек, и ему на колени упала связка ключей. Он улыбнулся и помахал ими у Терминатора перед носом.

— Так мы учимся или нет?

Терминатор промолчал, но делал нечто такое, чего не делал прежде. Обычно новые данные он подвергал перекрестной проверке, находил соответствующее контекстуальное значение и заносил его в файл. Сейчас же Терминатор пытался понять, чем руководствовался человек, пряча за козырьком от солнца дополнительный набор ключей. Такие данные Терминатор еще никогда не фиксировал. Он повторно проанализировал их частью своего мозга, а сам тем временем подогнал машину к бензоколонке и налил доверху баки.

Сара вышла из конторки. Она накинула на плечи куртку механика, чтобы не было видно следов крови. Куртка была не новая, но довольно чистая. Она оказалась Саре великовата, но все ровно это лучше, чем больничная одежда. Сара по-прежнему была босая.

Солнце слепило глаза — она привыкла видеть его сквозь затемненные и зарешеченные окна. Давно уж она не стояла вот так под открытым небом, отдаваясь ветру и солнцу. Ей так хотелось свободы.

Однако она была связан по рукам и ногам. И рассчитывать в этой жизни ей не на кого.

Поравнявшись с Сарой, Терминатор остановил автобус. Когда она усаживалась рядом с сыном, он сказал первую в тот день фразу:

— Нам надо убраться подальше от города.

Сара с ним согласилась. Бежать, бежать... Всю свою жизнь она только и делает, что убегает. Сара бросила взгляд на бесконечную ленту шоссе.

— Жми на юг,— приказала она.

ВОСКРЕСНАЯ ПОЕЗДКА

Двести пятнадцатое шоссе, южное направление.
9 июня 1992 года. Воскресенье. 9. 46 утра

Микроавтобус, обгоняя машины, несся к выезду на скоростную автостраду. Терминатор сидел за рулем, Сара рядом с ним. Джон глядел им в затылок и думал, что они трое похожи на забавное семейство, отправившееся на воскресную прогулку. Сара наклонилась вперед и взглянула на спидометр.

— Шестьдесят пять миль — это предел. Иначе нас засечет полиция.

Терминатор чуть сбавил скорость и сказал:

— Ответ утвердительный.

— Нет, ты должен говорить по-человечески,— накинулся на него Джон. — Нельзя сказать «ответ утвердительный»— так говорят только роботы. Надо отвечать «нет проблем». Ясно?

Терминатор кивнул, и его мозг принялся перетасовывать информацию, в который раз пытаясь ухватить неведомый ему подтекст слов и выражений.

Сара глубоко задумалась и не обратила внимания на поучения Джона.

А тот, считавший себя большим специалистом по жаргону, продолжил урок:

— Если к тебе кто-нибудь пристает, скажи: «Отвяжись!» А если совсем достанет, говори: «Hasta la vista*, малыш».

— Hasta la vista, малыш?— переспросил Терминатор, не совсем правильно имитируя произношение мальчика, но догадываясь из контекста о значении выражения.

— Да, или: «Пока, придурок!» Ну, а если кто-нибудь скиснет, надо сказать: «Держи хвост пистолетом». В общем, примерно так. Можно составлять всякие комбинации.

Искусственный мозг Терминатора в считанные секунды освоил принцип пользования жаргоном.

— Держи хвост пистолетом, придурок!— воскликнул робот.

— Вот здорово! Видишь, ты все понял!

— Нет проблем,— добавил Терминатор.

Джон расплылся в улыбке, гордясь своим педагогическим талантом.

НА ЗАПРАВКЕ

Кафе Джека. 10.01 утра

Возле бензоколонки стояла обшарпанная палатка, а возле нее — несколько столиков. За одним расположилась семья, дети играли и бегали поблизости. Мамаша — в ней и без того было сорок пять фунтов лишнего веса — уплетала огромный сэндвич с сыром, явно намереваясь набрать все пятьдесят. От нечего делать она разглядывала через плечо мужа подъехавший к бензоколонке микроавтобус.

Сара вернулась к Джону и спросила:

— У тебя есть деньги?

Джон выгреб из кармана все, что осталось от денег, которые он вынул из банковского автомата, и ответил:

— Сотни две наберется. Я дам тебе половину.

Сара забрала у него все, потом протянула Джону двадцать долларов.

— Пойди раздобудь еды,— скомандовала она и, открыв дверь, вылезла из машины.

Джон повернулся к Терминатору.

---

*До скорого (исп.).

— У нее совсем нет чувства юмора.

Киборг промолчал.

Джон вздохнул и сказал:

— Пошли.

Они вылезли из микроавтобуса и направились к закусочной.

— Да, вот еще что,— спохватился Джон. — Тебе нужно быть чуточку повеселей. Серьезность сейчас не в моде. Ну-ка, улыбнись.

— Улыбнуться?

Терминатор задумался. Слова Джона, казалось, не имели никакого отношения к его заданию.

— Да-да. Улыбайся. Так надо. Люди ведь улыбаются, правда? Вот, смотри.

Джон подошел к окошечку и широко улыбнулся женщине средних лет, уставившейся на него.

— Привет! А у вас тут очень мило. Как идут дела?

У женщины ужасно болели ноги. И ей совсем не хотелось тратить время на болтовню с сопливым мальчишкой.

— Отвяжись!— буркнула она.

Джон повернулся к Терминатору и пожал плечами.

— Ладно, это плохой пример.

Тут он заметил нечто интересное за спиной киборга.

— Вон, гляди!— Джон указал на девушку, которая смотрела, как ее друг разговаривает по телефону.

Слова собеседника его рассмешили, и девушка улыбнулась за компанию.

— Вот так,— сказал Джон.

Терминатор вызвал в реальном времени изображение улыбающейся парочки; одновременно на экране проецировались улыбающиеся губы. Они постепенно увеличивались и, наконец, заполнили собой весь экран. Терминатор просмотрел те же картинки в замедленном темпе, рядом появилось схематичное изображение улыбающихся губ и масса мелькающих цифр и символов.

И снова Терминатора поразило различие между живым изображением и схемой. Нечто проникало из подсознания в его искусственный мозг.

Он обучался.

Получив все необходимые сведения, Терминатор попробовал улыбнуться. Результат был удручающий — Терминатору удалось всего лишь скривить верхнюю губу, да и то как-то неуклюже.

— На людях лучше этого не делай,— сказал Джон. — Попробуй еще разок.

Со второй попытки вышло чуть лучше.

— Может, тебе стоит потренироваться перед зеркалом?— предложил Джон.

Терминатор попробовал снова.

Толстуха взглянула поверх плеча мужа на высокого, хорошо сложенного человека, стоявшего возле прилавка. Он как-то странно кривлялся.

— Ральф,— сказала она,— по-моему, с ним не все в порядке.

Мужчина обернулся и увидел, что человек пробует растянуть губы в улыбке.

Он опять уткнулся в тарелку, проворчав:

— Наверное, ты ему понравилась.

Толстуха стукнула его кулаком по руке. Сильно.

Когда Сара вышла из туалета, Джон с Терминатором уже купили булки с сыром, кока-колу и принесли все в машину. Она жадно накинулась на жареный картофель в пакетике. Их автобус стоял поодаль от других машин, в самом конце посыпанной гравием стоянки. Терминатор, которого еда вовсе не интересовала, заливал в радиатор воду. Сара жевала хлеб с сыром и вновь и вновь задавала себе одни и те же вопросы:

— Кто гонится за ними?

— Какую стратегию избрала Небесная Сеть?

— Как же все-таки остановить Т-1000?

Она немного успокоилась и чувствовала себя лучше. Теперь ей было понятно, что делать дальше. То самое, что она пыталась сделать давным-давно и из-за чего ее упекли в психушку. Она тогда отказалась от своего замысла, но теперь, когда появился Т-1000, ей ясно, что предпринять. Небесная Сеть снабдила ее необходимыми доказательствами. Небесная Сеть считает, что путешествуя во времени, можно изменить историю. Небесная Сеть, вероятно, представляет собой самый сложный в мире мозговой центр и пользуется путешествиями во времени как тактическим оружием, пытаясь изменить ход событий. Да, Небесная Сеть настолько уверена, что перемещение во времени способно принести ей победу, что уже послала двух терминаторов: одного в 1984-й год, а другого в настоящее. Сперва она рассчитывала убить мать, но когда это не удалось, началась охота на ребенка. Сеть хотела изъять их, словно два элемената из головоломки, надеясь, что расстановка сил в новой исторической матрице, которая возникнет после уничтожения двух враждебных существ, окажется для нее более благоприятной. Сеть манипулировала прошлым, чтобы изменить будущее.

«Хорошо, но тогда почему бы мне не сделать то же самое?— подумала Сара. — Почему не попробовать повлиять на настоящее и тем самым изменить будущее?»

Именно это она пыталась сделать несколько лет назад, когда напала на «Кибердайн». Теперь ей стало понятно, что нужно заняться человеком, играющим в этой истории ключевую роль. В данный момент историю можно круто изменить и отвести от человечества опасность ядерной войны.

Джон хотел поговорить с матерью. Не о плане дальнейших действий. Не об оружии. И даже не о будущем. Просто поговорить. Ни о чем. Важны были не слова, а тон. Ему хотелось, ощутить приятное чувство кровного родства. Но в глазах Сары застыла тревога. И так было всегда. Другой Сары он не знал. Той, какой она была до его рождения. До Терминатора. Джон понятия не имел, что эта женщина была когда-то миловидной эмоциональной девушкой, которая за свою жизнь приняла всего одно важное решение — поступить в колледж.

Он знал вечно озабоченную мать, считавшую свою жизнь некоей миссией, а его, Джона, ее целью.

Не в силах больше выносить молчание Сары Джон вылез из машины и подошел к Терминатору.

Двое мальчишек играли с водяными пистолетами. Они смеялись и обливали друг друга водой.

— Ты убит!
— А вот и нет!
— А вот и да!

Старая-престарая игра в войну и смерть. Репетиция последнего, финального падения в бездонную пропасть. Десятилетний ребенок интуитивно ее чувствует, но представить не может. Если он, конечно, не Джон Коннор.

Сара обошла микроавтобус спереди и увидела, как посерьезневший Джон вздохнул. Он ее не заметил. Обратившись к киборгу, он спросил:

— Мы ведь не развяжем ее, правда?

Терминатор посмотрел на сражавшихся детей.

— У вас в крови страсть к саморазрушению.

Джон кивнул. Он уже успел повидать на своем коротком веку людей, игравших в смертельную игру с настоящим оружием. Насилие сопровождает человека на каждом шагу. На телеэкране и в кино. На страницах газет. В анекдотах. В отношениях между возлюбленными и друзьями. Кругом враги. И рекой льется кровь.

Дети видели все это и смеялись, потому что это было так нереально, так далеко от них... И их матери не раскрывали им глаза на происходящее, и в конце концов детям начинало казаться, что перед ними не человеческие лица, а груды черепов.

Будущее...

Все, что говорила мать, оказалось правдой.

Разразится война.

И миллионы людей умрут.

А он станет во главе уцелевших и возглавит их борьбу против машин. Но отвоевать можно будет лишь искалеченные трупы и развалины. Вот что пронеслось сейчас у Джона в голове.

Наконец, он сказал:

— Да. Тоска зеленая, правда?

Сара угадала его тайные мысли. У нее самой давным-давно появилось на лице это затравленное выражение. Она прекрасно знала, что ждет ее сына. Да, конечно, он одержит победу. Но лишь после долгих лет борьбы, которую ему придется вести в кошмарных условиях. Вокруг Джона Коннора явно должны были вращаться судьбы мира. Почему-то он оказался в самом центре событий. Каким-то необъяснимым способом петля времени обвилась вокруг него. Ни один живой человек не мог бы справиться с подобной ношей — она была слишком тяжела. Все годы, проведенные в бегах, Сара, глядя на сына, думала о человечестве, и все ее естество восставало против жестокости судьбы. Джону суждено стать спасителем мира, но скольких это будет стоить страданий. Это и так уже искалечило их жизни.

Сара давно решилась на такой шаг, чтобы спасти миллионы чужих детей. Да, она готова принести в жертву себя и своего сына. Теперь же, доедая хрустящую картошку из пакетика, она вдруг поняла, что пора действовать.

Сара подошла к Терминатору и сказала:

— Я хочу понять, как появилась Небесная Сеть. На ком держится ответственность за ее создание?

Терминатор порылся в памяти. В нее были введены сведения об основных исторических событиях его времени. Сведения, на которые он мог опереться,

оценивая настоящее. Терминатор получил к ним доступ, как к тактической информации.

— Основная ответственность лежит на Майлзе Беннете Дайсоне,— ответил Терминатор. — Он заведует Отделом Особых Проектов в «Кибердайн Системс Корпорейшн».

— А почему именно на нем?

— Через шесть месяцев он создаст принципиально новый вид микропроцессоров.

— И что тогда?

Терминатор захлопнул капот и залез в микроавтобус, на ходу объясняя:

— В течение трех ближайших лет «Кибердайн» станет крупнейшим поставщиком военных компьютерных систем. Все бомбардировщики «Стелс» будут оснащены компьютерами «Кибердайн» и смогут лететь без экипажей. Тем более, что их маршруты разрабатывают заранее.

Сара села в машину вслед за Джоном, и Терминатор выехал со стоянки.

— Угу, ясно. А потом эти толстые морды в Вашингтоне решат, пусть компьютер правит бал, да?

— В общем, да,— ответил киборг, сходу расшифровав ее жаргон.

Он прибавил газу и, выезжая на автостраду, сказал:

— Правительство примет решение о создании Небесной Сети. Эта система будет запущена в августе 1997 года. Стратегическую оборону будут разрабатывать компьютеры. Сеть начнет обучаться, накапливая знания в геометрической прогрессии. Она станет самостоятельной 29 августа в два часа четырнадцать минут. Военные поднимут панику и попытаются ее выключить.

— А Сеть будет обороняться?— спросил Джон.

— Да,— ответил Терминатор. — Она запустит свои стратегические ракеты и нанесет удар по целям в России.

— Но зачем нападать на русских? Они же теперь наши друзья, разве нет?

— Потому что Сеть знает, что русские нанесут контрудар и уничтожат ее врагов здесь.

Саре вдруг показалось, что в темном небе мелькнул едва заметный проблеск надежды.

— Тебе много известно про Дайсона?— спросила она киборга.

— У меня на него подробное досье.

— Я хочу знать о нем все. Как он выглядит. Где живет. Все!

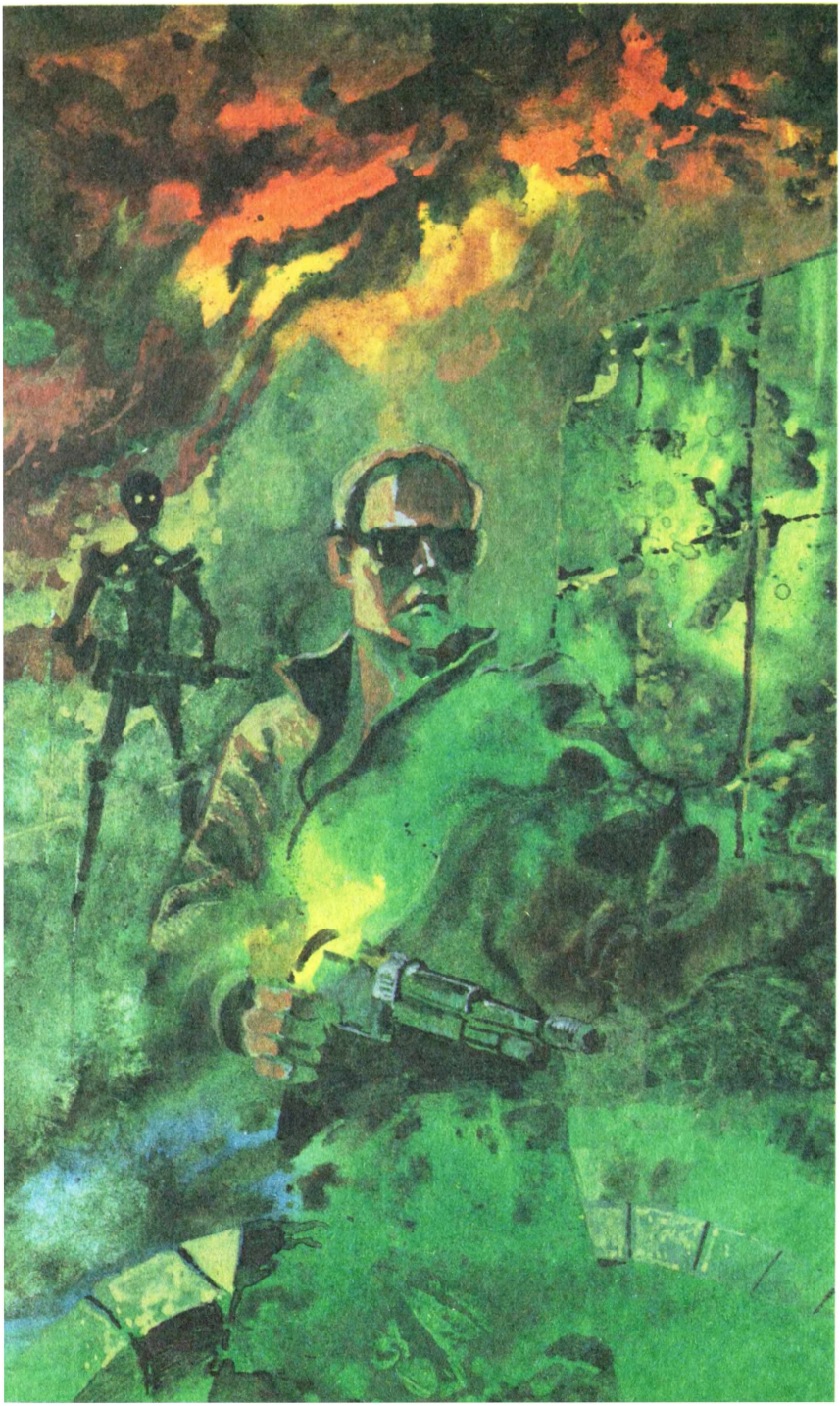
Джон увидел, что лицо матери вдруг снова обрело забытое выражение мрачного вызова.

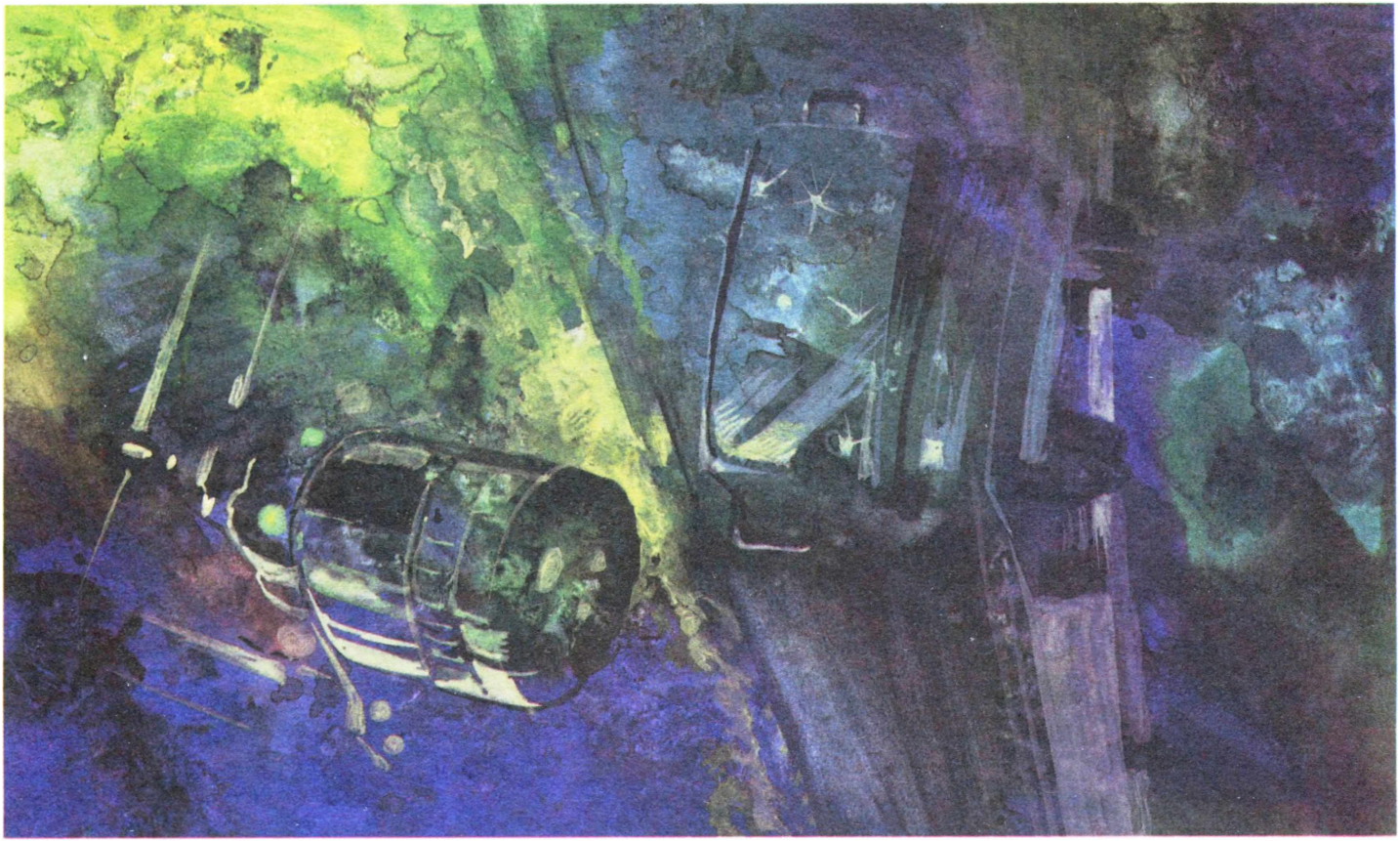
Сара явно что-то задумала.

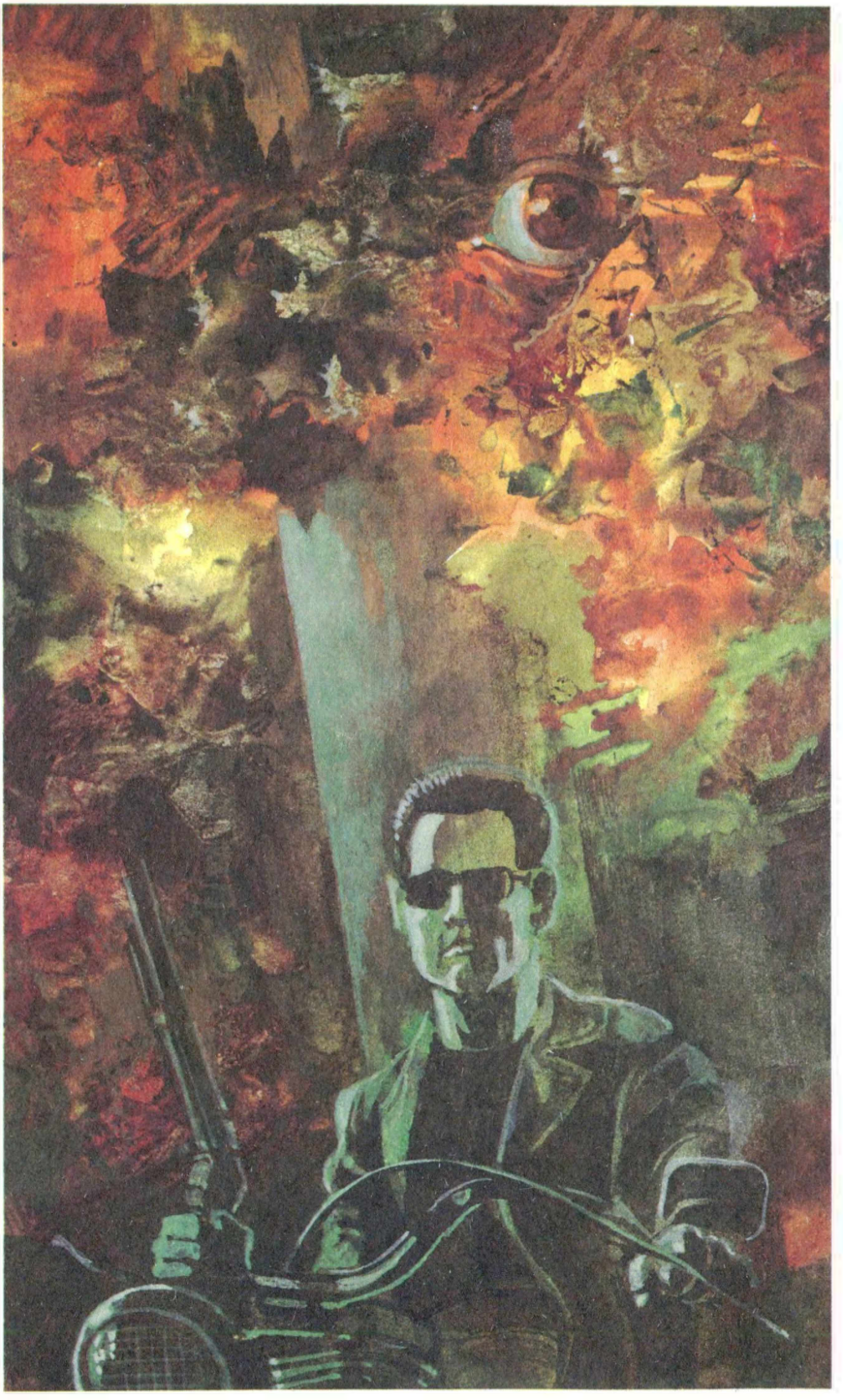
СЕМЕЙНЫЙ ЧЕЛОВЕК

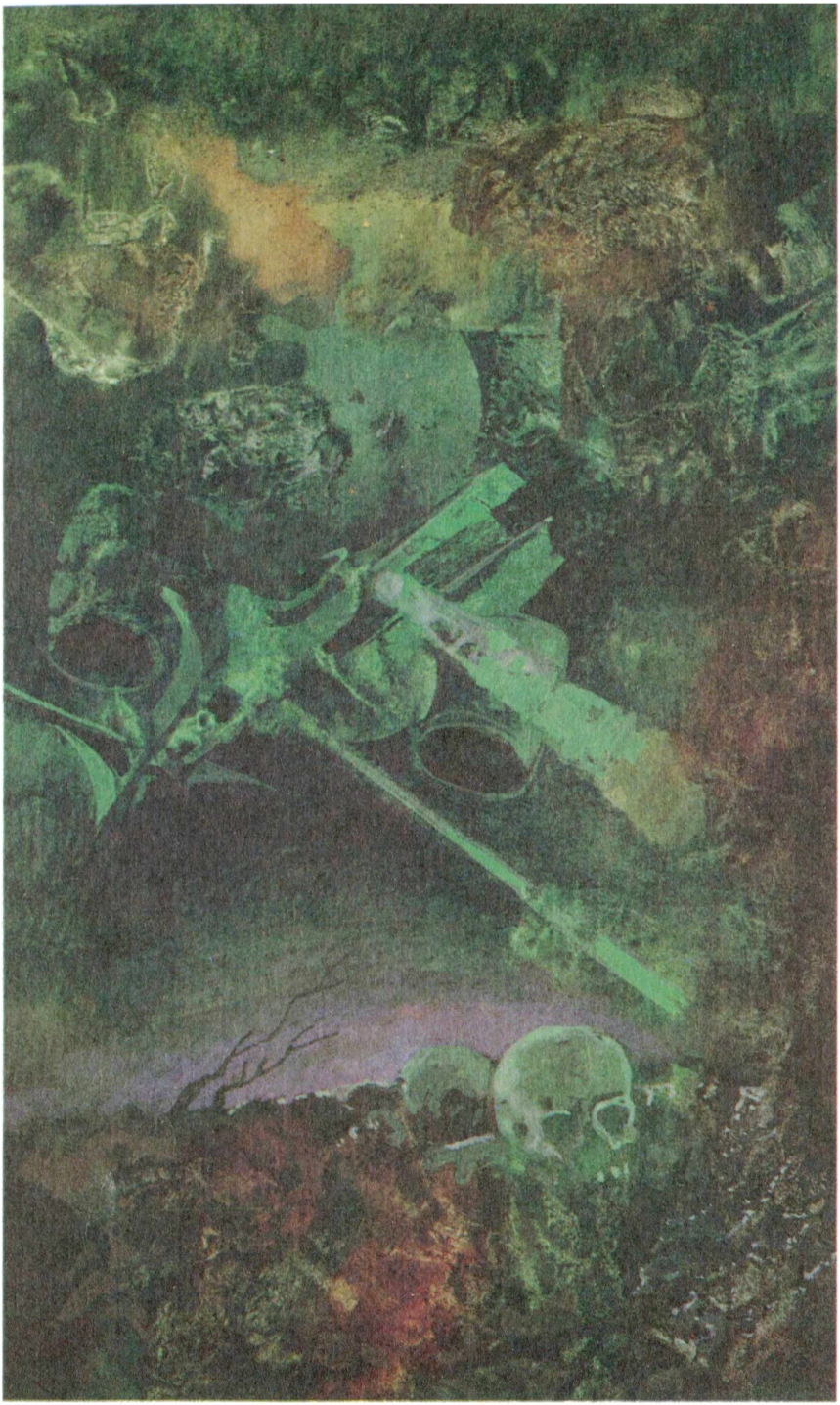
Южная Лагуна, Калифорния. 10.51 утра

Дом Майлза Дайсона был, конечно, роскошен. С высокими потолками. Сплошь дымчатое стекло и сталь. Сам Дайсон сидел в кабинете за массивным обсидиановым столом и, погрузившись в глубокие раздумья, набирал что-то на компьютере. Возле стола стояли сложные приборы, в основном предназначенные для контроля электронных цепей. В это воскресное утро, когда большинство

мужчин отдыхало и проводило время с семьями, Дайсон пребывал в родной стихии.

Он напряженно работал.

Ломая голову над загадкой Объекта № 2, этого электронного розетского камня, он не замечал хорошенькую женщину, которая, стоя в дверях, внимательно следила за ним. Дайсон не обратил внимания, что она начала тихонько к нему подкрадываться.

Будь у нее в руках пистолет, женщина прикончила бы его в два счета. Но вместо этого она наклонилась к Дайсону и высунув язык, лизнула его в шею.

— Доброе утро, Тарисса,— сказал Дайсон, улыбнувшись, и обернулся, чтобы поцеловать жену.

Она была еще в купальном халате и держала в руках чашечку дымящегося кофе.

— Ты опять не спал всю ночь?— В ее голосе чувствовалось раздражение.

— Угу,— рассеянно буркнул он, снова поворачиваясь к компьютеру.

Она смотрела, как муж работает, и вдруг поняла, что он напрочь позабыл о ней. Символы, высвечивавшиеся на экране, ничего ей не говорили. И это тревожило Тариссу — ведь она никак не могла проникнуть в его потаенный мир. Туда, где он проводил восемьдесят процентов времени свободного от сна. Вначале, только поженившись, они, конечно, были вместе гораздо больше, но с тех пор, как Майлз поступил на работу в «Кибердайн», Тариссе стало казаться, что она живет в монастыре.

— Будешь работать целый день?— спросила она, довольно успешно скрывая свое раздражение. Ей не хотелось уподобляться другим женам, без конца сетующим на свою унылую жизнь с мужьями, одержимыми работой. У нее есть чем заполнить время. Но она вышла за Майлза потому, что ей нравилось быть с ним рядом и хотелось проводить с мужем все двадцать четыре часа в сутки (разумеется, за исключением тех десяти-двенадцати часов, что он посвящал в будни работе). Однако четырнадцати-пятнадцатичасовой рабочий день постепенно увеличился до того, что Дайсон раз в неделю даже оставался ночевать в лаборатории!

Конечно же, он подозревал, что его жена несчастна. Но считал, что это легко поправить. Раскрыв тайну Объекта № 2, он будет проводить с семьей гораздо больше времени и снимет с жены часть забот по воспитанию детей. И все будет чудесно! Дайсону не приходило в голову, что, отодвигая жену на второй план и отдавая предпочтение работе, он тем самым наносит непоправимый ущерб своей семейной жизни.

— Мне очень жаль, малышка... Но та штуковина не дает мне покоя. Я думал, что разгадаю ее загадку с помощью этого...— он указал на стоявший на столе металлический ящик, в котором хранился макет Объекта № 2. Длиною он был в два фута. Неряшливый набор маленьких кубиков представлял собой примитивную модель главного процессора Терминатора.

— Но через три секунды все разладилось. Я думаю, стоит зафиксировать последовательность команд.

Дайсон углубился в дебри информатики. С тем же успехом, он мог бы говорить с женой на языке марсиан. Разумеется, с его стороны было очень мило пытаться ей что-то объяснить, но он мог распространяться на эту тему

битый час, позабыв, что его жена хоть и умная женщина, но, в отличие от него, не владеет в совершенстве компьютерным языком. Не желая напоминать ему об этом, Тарисса ловко изменила тему разговора и, когда он на секунду умолк, вставила:

— Тебе необходимо сделать перерыв. Вот увидишь, потом картина сразу изменится.

Очень благоразумный совет.

Но он, естественно, им не воспользовался.

— Я не могу.

На сей раз Тарисса не стала так уж тщательно скрывать раздражение.

— Майлз, сегодня воскресенье. Ты обещал сводить детей в парк.

— Но я не могу, дорогая. Понимаешь, я на подходе...

Он взял ее руки в свои, весь трепеща от нетерпения. Его лицо было по-детски восторженным. «Он мечтает испытать почти сладострастное чувство первооткрывателя, радость творца!»— подумала Тарисса. И ей отчасти это было понятно.

— Детка, то, что я придумаю, их всех сразит наповал!— продолжал Дайсон. — Это аналог нейронной...

— Я знаю. Ты говорил. Аналог нейронной сети. Он способен думать и обучаться, как мы. Обладает сверхпроводимостью при комнатной температуре. Другие компьютеры по сравнению с ним все равно что карманные микрокалькуляторы,— Тарисса отняла свои руки. — Но неужели это так важно, Майлз? Я хочу понять, потому что иногда я тут одна просто с ума схожу.

Ну вот, все и прорвалось. Она долго таила обиду в себе, но больше уже нет сил. Вообще-то Тарисса не собиралась сегодня устраивать Майлзу сцену, но ей и в голову прийти не могло, что он способен обмануть детей и не выполнить своего обещания.

— Мне очень жаль, милая, но ведь осталось совсем немножко, во-от столечко!— сказал он, раздвигая указательный и большой пальцы на полдюйма.

Тарисса поджала губы и взяла со стола макет таинственного объекта. По его виду ничего подобного сказать было нельзя.

— Представляешь, реактивный самолет с пилотом, который никогда не ошибается, не устает, не является на работу с похмелья!— Майлз открыл ящик, который она держала в руках. — Вот он, этот пилот.

Все очень мило, правильно и благородно. Но... она уже сто раз хотела задать ему один вопрос. И сейчас он сорвался у нее с языка, удивив Дайсона своей прямотой:

— Зачем ты на мне женился, Майлз? Зачем мы завели двоих детей? Мы же тебе не нужны. Твое сердце и все твои мысли здесь. — Тарисса кивнула на макет и добавила: — Но он не любит тебя так, как любим мы.

Вздохнув, Дайсон взял у нее из рук анодированный ящик и поставил его на стол. Потом положил руки на плечи Тариссы и нежно поцеловал жену. Она сперва вырывалась, но затем уступила. Когда их губы разомкнулись, выражение ее лица изменилось. В глазах светилась любовь к мужу. И дело было не только в поцелуе. Не только в том, что, несмотря на ласку и нежность, в прикосновениях Дайсона сразу чувствовался настоящий мужчина. Нет, все дело было в том, что Тарисса прочитала в его глазах — ведь в последнее время она позабыла, что

Дайсон действительно ее любит, хотя видит так редко!

Он сказал всего два слова:

— Прости меня.

И она ему поверила. Она все еще могла до него достучаться. Он не был окончательно потерян... Пока.

Дайсон снова привлек ее к себе, но Тарисса отстранилась, кивнув поверх его плеча. Он обернулся. На пороге кабинета стояли детишки в пижамах, волосы их были взъерошены, личики очаровательно припухли от сна. Денни и Блайт. Луна и солнце. Весомое доказательство любви Дайсона к жене. Да, он был одержимым, помешанным на науке. Но он не умер для окружающего мира. Дайсон сник, глядя на полные надежды мордашки детей.

— Как насчет того, чтобы провести время со своими детьми? Не с электронными, а с настоящими?

Дайсон столкнулся с очень серьезной дилеммой. В крошечном микропроцессоре, модель которого лежала на столе, таилась масса возможностей осчастливить человечество. Но его семья, микромодель человечества, звала его.

Ему хотелось и того, и другого. Но сегодня можно выбрать что-то одно. Правда, дети могут вырасти и без его помощи... Но тогда уже будет поздно...

Дайсон улыбнулся. Темные силы на сей раз отступили. Он протянул к детям руки, и они кинулись к нему с радостными возгласами.

СКЛАД ОРУЖИЯ

Пустыня. К северо-западу от Калекеко. 12.04 дня

Земля пылала под лучами солнца, словно лоб горячечного больного. Силуэты казались призрачными, расплываясь в дрожащем от жары воздухе. Терминатор, сидевший за рулем микроавтобуса, свернул с асфальтированного шоссе и, поднимая за собой облако пыли, поехал по дороге, усыпанной песком и гравием. Они миновали знак, на котором было сверху написано «Чаров Меса — 2 мили», а внизу — «Калекеко — 15 миль».

Сара увидела впереди трогательный оазис цивилизации посреди бескрайней пустыни: пару фургончиков, а вокруг множество самых разных сломанных машин и техники, предназначенной для езды по пустыне. За фургончиками виднелась грязная посадочная полоса, а неподалеку, на бетонной площадке, примостился полосатый вертолет «Гуэй». Здешние обитатели явно были равнодушны к удобствам городской жизни. И к прелестям жизни в организованном человеческом обществе. Кроме того, они, судя по всему, не платили налогов.

Микроавтобус, страшно пыля, подъехал к свалке машин и остановился.

— Сидите внутри,— скомандовала Сара, медленно вылезая наружу.

От нее не укрылось, что кто-то старательно притворяется, будто его нет дома — ветер хлопал дверью ближайшего к Саре фургончика и одиноко завывал в зарослях юкки.

«Правильная тактика»,— оценила Сара, подумав, что облако пыли от их автобуса появилось на горизонте уже несколько минут назад.

Идя через двор, она заметила, как в одном из фургончиков мелькнула чья-

то тень. И (может, конечно ей померещилось), вроде бы Сара уловила металлический блеск. Вероятнее всего, блеск оружия.

Маленький смерч, крутясь, двигался в ее сторону. Он швырнул ей в глаза пригоршню пыли.

Держа руки ладонями вверх, Сара осторожно приблизилась к фургончику. Она надеялась, что ее расчет окажется верным. Хотя вполне могло статься, что ее друзья давно уехали и место действительно заброшено.

Или тут поселились менее доброжелательные люди.

— Энрике! Ты здесь? — спросила она, и ее голос прозвучал неестественно громко, усиленный огромным пустым пространством.

Сара услышала у себя за спиной звук взводимого курка и резко обернулась, выхватывая кольт сорок пятого калибра. Она проделала это так стремительно, что на две секунды опередила Терминатора, который выскочил из микроавтобуса и тоже выхватил пистолет.

Они оба держали на мушке человека, внезапно показавшегося из-за вертолета. Это оказался гватемалец лет сорока пяти, на вид крепкий, с обветренным лицом и густыми усами. Он был в ковбойских сапогах и жилете, из которого выглядывала голая, почти совсем безволосая грудь. Мужчина, держа в руках автомат Калашникова, целился Саре в лоб.

Он нахмурился и еле слышно произнес:

— А ты ловкая, Коннор.

Терминатор поднес палец к курку, но Джон дотронулся до его руки и покачал головой. Киборг замер, выжидательно глядя перед собой. Он обучался.

Свирепое лицо Энрике Сальседы расплылось в улыбке. Он бросил оружие и, подойдя к Саре, крепко ее обнял.

Когда он отступил на шаг назад и поглядел ей в лицо, Сара тоже улыбалась.

Сальседа говорил по-испански очень быстро, коверкая слова, но Сара его понимала.

— Рад тебя видеть, Коннор. Я знал, что рано или поздно ты сюда вернешься.

Он помахал Джону и перешел на ломаный английский:

— Оуе*, Большой Джон! Que pasa!** Кто твой такая большая приятель?

Джон ответил на прекрасном испанском языке:

— Это хороший человек, Энрике. Он... м-м... это мой дядя Боб.

Затем повернулся к Терминатору и сказал по-английски:

— Дядя Боб, это Энрике.

Терминатор изобразил на лице улыбку. Она была еще далека от совершенства. Сальседа прищурился и поглядел на него. Потом перевел взгляд на Сару.

— Гм... Значит, дядя Боб? О'кей.

Он крикнул, обращаясь к одному из фургончиков:

— Эй, Иоланда! Вылезай, у нас гости. И принеси-ка этой проклятой текилы!

Из фургончика вылез худой юноша-гватемалец по имени Франко, лет

---

* Послушай (исп.)

** Что происходит? (исп.)

восемнадцати, не больше, тоже с автоматом. Затем показалась толстая и морщинистая, но по-прежнему жизнерадостная жена Сальседо Иоланда. За ней шли гуськом, как утята, трое младших детей: Хуанита, хорошенькая двенадцатилетняя девочка, улыбающаяся восмилетний Джимми и Пако, двухлетний малыш. Иолонда помахивала Джими и что-то приветственно закричал по-испански.

Терминатор поглядел на Джона и тихо спросил:

— Дядя Боб?

— Итак, Сарита,— сказал Сальседа,— ты знаешь, что становишься знаменитой? И все благодаря проклятущему телевидению.

Он свинтил пробку с бутылки текилы и предложил ей выпить. Сара приняла приглашение и сделала два больших глотка, потом невозмутимо вернула бутылку Сальседе. Ее глаза по-прежнему блестели.

Пако доковылял до Терминатора и схватил его за штанину, измазав слюнями. Киборг завороженно уставился на ребенка. Он никогда раньше не видел таких маленьких людей. Робот просканировал свою память, ища какие-нибудь сведения о детях. Но информации оказалось очень мало. И вот, пока остальные разговаривали, Терминатор нагнулся, поднял могучей рукой ребенка и начал вертеть его в разные стороны, исследуя. Ребенок молча и серьезно глядел на бесстрастного киборга.

Наконец Терминатор опустил Пако на землю. Малыш, у которого слегка закружилась голова, засеменил прочь и налетел на папашу. Сельседа поднял его и передал жене.

— Возьми Паколито, дорогуша. Спасибо.

Он сам взял у Сары бутылку и выпил половину. Затем повернулся к «дяде Бобу» и предложил ему текилы.

— Хочешь выпить?

Терминатор сказал:

— Нет, благодарю.

Сальседа опять посмотрел на Сару.

— Сколько ты здесь пробудешь?

— Я приехала за своим добром. Еще мне нужна одежда, еда и одна из твоих машин.

— Эй, а ключи от новой виллы тебе не нужны?- проворчал Сальседа, но при этом улыбнулся.

— Давай, Энрике,- Сара одарила его обворожительной улыбкой. Такой, перед которой он не мог устоять. О нет, их отношения всегда были чисто дружескими, основанными на взаимном уважении и доверии. Хотя Иоланду давно уже нельзя было назвать идеалом женской красоты, она была матерью его детей и очень хороша в постели. Да, и потом, Сальседа прекрасно знал, что если будет приставать к Саре, американка запросто может отрезать ему кое-что и скормить цыплятам.

В последний раз, в лагере Сальседы, Сара чуть было не проделала это с его младшим двоюродным братом.

Сара повернулась к сыну и к Терминатору.

— Вы займетесь оружием.

— Но, мама...- запротестовал было Джон.

— Марш! - скомандовала Сара.

— Пошли,- сказала Джон Терминатору и направился к старому, ржавому трактору, стоявшему за фургончиком. Усевшись за руль, Джон умело подъехал задом к Терминатору, который стоял неподалеку, держа конец тяжелой цепи лежавшей в песке.

— Набрось ее на крюк!- крикнул Джон и двинул трактор.

Когда он оглянулся, то увидел, что Терминатор сам тянет за конец цепи, открывая массивный металлический люк, скрытый под шестидюймовым слоем горячего песка.

— Обалдеть!- воскликнул Джон и, спрыгнув с трактора, подошел к прямоугольному проему в земле.

Терминатор встал с ним рядом и заглянул в яму, напоминавшую разверстую могилу.

Джон, а потом и Терминатор прыгнули туда. Солнечный свет наполнил подвал, облицованный плитами из лавы. В ширину он был не больше шести футов, но зато в длину целых двадцать. По стенам, уставленным самым разным оружием, шелестели сбегавшие сверху струйки песка. Тут были ружья и пистолеты, ПТУРСы и минометы, зенитные установки, рации. А дальний конец подвала оказалася под потолок забит ящиками с патронами, гранатами и ракетами.

Терминатор ощутил себя в родной стихии. Он быстро просканировал подвал, решая, с чего начать. Прежде всего взял гранатомет М-79 времен вьетнамской войны. Это было грубое, но весьма эффективное оружие. Терминатор отвел затвор и осмотрел ствол. Из гранатомета стреляли всего несколько раз.

— Прекрасно,— произнес киборг.

— Да, я знал, что тебе тут понравиться,— грустно улыбнувшись, сказал Джон.

Из дверей фургончика вынырнула Сара, которая уже успела надеть сапоги, черные солдатские штаны, футболку и темные очки — такие, какие носят летчики. Этот костюм был ей очень к лицу. Сара излучала энергию. Голод она утолила. Рядом с ней два самых близких ей человека, единственные на всей планете, кому она могла доверять. Сара подумала, что пора нанести контроудар — и по «Небесной Сети», и по слепому року.

Конечно, нельзя сказать, что Сара преодолела свои страхи. Ведь сын ее до сих пор служил мишенью для существа, с которым Терминатор, как это ни удивительно, справиться не мог.

Однако в последнее время Сара ничему не удивлялась. Когда сидишь взаперти в дурдоме, в голову лезут самые фантастичные мысли. Теперь, вырвавшись на свободу и воочию увидев Т-1000, Сара намеревалась попробовать: вдруг и ей удастся сделать невозможное возможным?

Сальседа вертелся поблизости. С Иоландой они упаковывали провизию и прочие необходимые вещи. Подняв глаза на приближавшуюся Сару, он похлопал по боку стоявший рядом большой вездеход «Бронко».

— Это лучшее, что у меня есть, но, увы, сгорел мотор. У тебя есть время, чтобы его заменить?

— Да. Я хочу дождаться темноты и пересечь границу. — Сара тихонько

отвела Сальседу в сторону — туда, где их не могла услышать Иоланда — Саре не хотелось ее пугать. Энрике, вам опасно здесь оставаться. Вы тоже уезжайте отсюда сегодня вечером, о'кей?

Энрике сузил глаза, как бы обидевшись, но потом растянул губы в клоунской улыбке, демонстрируя свои золотые коронки.

— О да, Сарита. Конечно. Надо же, явилась — не запылилась, и вся моя жизнь псу под хвост!

Сара схватила его за плечо.

— Мне очень...

— Ничего,— покачал головой Энрике. — Все о'кей. Ты бы сделала для меня то же самое.

Сальседа опять принялся паковать вещи. Сара смотрела на него и размышляла о человеческой природе. Люди бывают злые: отчаянно барахтаясь в океане жизни, состоящей из сплошных невзгод, они безжалостно отпихивают любого, кто встанет на их пути. Но попадаются и кроткие овцы, у которых нет своей, частной, жизни — такие посвящают ее окружающим и с легкостью отказываются от всех благ, лишь бы защитить ближнего. Даже ценой собственной жизни.

Супруги Сальседа принадлежали к последнему типу.

Они жили по своим законам. Этакие современные кочевники, не прельстившиеся соблазнам городской жизни, не желавшие подчиняться государству. Они и им подобные сбивались в небольшие стайки, обрастали семьей и свободно передвигались по стране; власти их не трогали, зная, что эти люди вооружены и связываться с ними небезопасно.

Они ни от кого ничего не требовали. И ничего не брали. А иногда даже давали — просто так, ради собственного удовольствия. Именно такие люди, как Сальседа, невольно убедили Сару в самый мрачный период ее жизни, что попытаться спасти человечество все-таки стоит.

Ведь было время, когда Сара думала лишь о том, как спрятать Джона от мира, притаиться, найти такое место, где они смогут пересидеть войну с машинами, забиться в какую-нибудь глухомань и доживать там свой век на фоне всеобщего запустения. Ну и пусть жизнь человечества затухнет — может быть, это, черт подери, и есть естественный отбор?! Теория Дарвина, механически воплощенная в образе метко разящей машины, убивающей своих создателей?!

В те дни ей пришлось пережить много. Попадались люди, которые пытались ее безжалостно эксплуатировать, несмотря на то, что у нее на руках был младенец. Некоторые даже не догадывались, насколько низко они пали. Другие знали, но это было еще опасней, потому что они могли пойти на все, лишь бы выкарабкаться из пропасти. Или, наоборот, стянуть туда тех, кто оказывался рядом.

Однажды ночью Сара обратилась с молитвой к Богу. Да-да, к Богу, в существовании которого вовсе не была уверена. Она просила его положить всему этому конец. А когда он не услышал ее молитвы, просидела всю ночь напролет с пистолетом в руках, ощущая успокоительный холод металла и размышляя о том, не покончить ли счеты с этим миром за себя и за Джона.

Но так и не решилась. Ведь тогда бы восторжествовала мировая подлость.

После той ночи Сара еще более окрепла духом, а ее любовь к Джону выразились в железной клятве. Он не умрет. И машины будут побеждены. Так что Кайл не даром отдал свою жизнь.

Но судьба человечества все еще не очень ее волновала.

Сара потеряла способность думать о ком-нибудь, кроме себя и Джона, пока Сальседа не наткнулся на нее и не вернул ей человеческий облик, отнесясь к ней как к члену своей семьи.

И теперь Сара кричала по ночам, представляя себе ужасы ядерной катастрофы. Ибо это дети Сальседы погибали в ее видениях, пожираемые языками радиоактивного пламени.

Да, если ей действительно суждено сделать невозможное возможным, то это время настало!

Внизу, в оружейном подвале, Джон перебирал оружие, лежавшее на длинной полке. Терминатор отнес наверх несколько ящиков с боеприпасами и вернулся.

Джон, как ни в чем не бывало, продолжал свой рассказ:

— Знаешь, я рос в таких местах, как это... И думал, что все люди только так и живут: летают на вертолетах и учаться кидать эти чертовы бомбы.

Джон схватил автомат Калашникова и, отведя затвор, проверил состояние оружия. Найдя в автомате какой-то мелкий дефект, положил его обратно на полку. Мальчик проделал это очень ловко. Профессионально. И безразлично.

Никакой человек не мог бы слушать Джона так, как ему внимал Терминатор. Он замечал все нюансы его речи, все, что придавало словам мальчика дополнительный смысл. Ничто не укрывалось от внимательного робота, который запоминал каждый его слог, чтобы потом, в случае необходимости, повергнуть его отдельному изучению.

— Когда маму сцапали, меня определили в школу. Ребята там были как ребята. Играли в игры.

Джон вспомнил, как он сам до недавнего времени считал все это игрой. Теперь, оказавшись среди такого множества орудий убийства, внезапно осознал, что они с матерью почти соприкоснулись со смертью.

— Ты когда-нибудь боялся? — повинуясь мгновенному порыву, спросил Джон у Терминатора.

Терминатор на секунду замер. Бояться?.. Подобная мысль никогда не приходила ему в голову. Он прилежно порылся в памяти...

— Нет.

Страх мешал выполнению задания. Однако где-то на периферии запрограммированного ответа мелькнула крошечная искорка предвидения.

Люди испытывают страх, потому что они смертны.

И все же, несмотря на этот страх, (или даже благодаря ему) они порой жертвуют своей жизнью ради другого чувства, которое тоже казалось Терминатору абсолютно ненужным. Ради любви. Да, очень любопытно... Занимая этими размышлениями часть мозга, Терминатор перекинул через плечо М-79 и обшарил подвал в поисках гранат.

— Ты даже смерти не боишься?

Робот не колебался ни секунды.

— Нет.

— Тебе что, это вообще безразлично?

Терминатор ответил автоматически. Казалось он все еще размышляет над парадоксом жизни и смерти:

— Я должен функционировать до завершения задания. После этого мое существование бессмысленно.

Джон бесцельно вертел на пальце девятимиллиметровый «Зауэр»: туда-сюда, туда-сюда, как Бэт Мастерсон.

— Да. Я тоже должен функционировать,— сказал он и добавил, копируя мать: — Я представляю слишком большую ценность.

Это лейтмотив его жизни. Дожили — изливать душу ходячей смертоносной машине. «Печально»,— подумал Джон, рассуждая сам с собой. Он часто рассуждал сам с собой. Ведь, кроме семьи Сальседы, у него не было настоящих друзей. Что он мог сказать ребятам своего возраста? Он несколько раз пытался им открыться. Но сверстники смотрели на него с опаской. Джон вспомнил Тима. Его почти что можно было назвать настоящим другом. Но на самом деле Джон бессознательно искал в этой дружбе спасения от одиночества, так что Тима, скорее, можно считать хорошим приятелем, с которым весело проводить время.

Но и Тим стал относиться к нему с опаской, стоило Джону упомянуть про то, что у него мать ненормальная.

Нет, Джону Коннору было холодно в этом мире, холодно даже в самых жарких краях. И вдруг здесь, в грязном подвале, набитом оружием, он разоткровенничался с роботом из будущего и почувствовал, что тот его слушает...

«Можно ли назвать Терминатора другом?» — думал Джон.

За последние сутки робот несколько раз спас ему жизнь.

Он давал Джону советы.

И слушался его.

И не делал множества нелепых ошибок.

Да, решил Джон, может, это глупо, но Терминатор — его друг. Механический человек, чья сдержанность так контрастируется с неуемной энергией Сары, был, в сущности, отличным парнем.

Терминатор стянул брезент, прикрывавший «скват» — мощное шестиствольное оружие. Пулемет AGE. Шесть тысяч выстрелов в минуту. Патроны калибра 7.62 мм на пулеметной ленте подавались из специальной коробки, стоявшей рядом. Это было самое страшное противопехотное оружие времен вьетнамской войны. Терминатор положил коробку для патронов в нейлоновый рюкзак и поднял с земли тяжелое орудие.

Джон кивнул и сказал серьезно:

— Да, это как раз для тебя.

Сара разложила ружья, автоматы и все прочее на двух колченогих столиках, чтобы почистить и упаковать. Карты, рация, документы, взрывчатка, детонаторы — все самое необходимое. В следующий раз, когда к ним подкрадется Т-1000, они встретят его в полной боевой готовности. Сара ловко разбирала винтовки и тщательно чистила.

А неподалеку Джон и Терминатор возились со сломанным вездеходом. Вымазавшись по локти в машинном масле, они лежали на спине и прикрепляли

болтами новый водяной насос.

Джон говорил:

— Однажды нам встретился отличный парень. Это он научил меня чинить моторы. Но мама, конечно, все испортила. Рано или поздно она рассказывала всем про Судный День и про то, что я стану мировым лидером человечества, а она напишет про это книгу.

Одна из ячеек мозга Терминатора преобразовывала слова и поступки Джона в удивительно сложную матрицу. Киборг пришел к заключению, что Джону не хватает в жизни чего-то очень важного. Того самого, без чего человек не может существовать. Но для постижения этого требовался дополнительный мыслительный процесс. А пока Терминатор продолжал чинить машину, благо эта деятельность не требовала больших умственных усилий.

— Дай мне, пожалуйста, гаечный ключ,— попросил робот.

— На. Знаешь, мне хотелось бы увидеть моего отца.

— Ты его увидишь.

— Да. Наверно. Мама говорит, что когда я стану взрослым, я пошлю его обратно в 1984-й год. Но пока он еще не родился. Черт, прямо голова кругом идет

— Передай мне вон тот болт,— сказал Терминатор, у которого все эти виражи времени, а также иные миры не вызывали ни малейшего недоумения.

Джон протянул ему болт и продолжал:

— Они с мамой были вместе всего одну ночь, но, по-моему, она до сих пор его любит. Я видел, как она иногда плачет. Конечно, она не признается. Говорит, ей просто попало что-то в глаз.

Они вылезли из-под машины и очутились на ярком дневном свете.

— А почему вы плачете? — спросил Терминатор, сообразив, что это тоже одна из составных частей сложной матрицы.

— Ты о людях? Не знаю. Просто плачем — и все. Когда больно.

— Вы плачете от боли?

— М-м... Не совсем. Бывает, что человек не поранился, а ему все равно больно. Понимаешь?

Киборг потерял нить рассуждений.

— Нет.

Джон пожал плечами.

— Наверно, чтобы понять это, надо уметь чувствовать.

— Наверное,— согласился Терминатор, залезая в машину и поворачивая ключ зажигания.

Мотор взревел.

— Отли-ично! Молодец! — воскликнул Джон и хлопнул киборга по ладони.

— Нет проблем,— криво усмехнулся Терминатор.

Джон ухмыльнулся в знак одобрения и поднял вверх большой палец. Терминатор неуклюже воспроизвел его жест, не понимая его значения. Джон расхохотался и велел роботу вылезти из машины и сделать вторую попытку.

Сара отвлеклась от работы, чтоб взглянуть на Джона и Терминатора. Она была слишком далеко и могла только видеть, как Джон учит киборга

человеческим жестам. Пытаясь выработать у робота более непринужденную походку, Джон прошелся перед ним взад-вперед и велел Терминатору сделать то же самое. Потом он начал бурно жестикулировать и, захлебываясь, объяснять, каким должен быть современный парень. Неуклюжему Терминатору все-таки удалось в конце концов пройти несколько шагов, покачивая бедрами точь-в-точь как Джон.

Глядя на сына, оживленно беседовавшего с человеком-машиной, Сара вдруг поняла, как выполнить один из пунктов ее плана. Терминатор никогда не перестанет охранять Джона, он никогда не бросит... И будет жить, пока жив ее сын, только ради него. При этом он никогда не обидит Джона, не накричит на него, не напьется, не ударит, не скажет, что он очень занят и ему некогда. Робот готов умереть, защищая ее мальчика. Да, из всех потенциальных отцов, с которыми так или иначе сталкивался Джон, сей неодушевленный предмет был единственным подходящим.

Сара сделала самый разумный выбор в этой безумной жизни.

Стиснув зубы, она с мрачным видом вернулась к работе. Сильная женщина, чья воля ковалась годами в суровых испытаниях.

ПРОВЕРКА ПОЧТЫ

Перрис, Калифорния. 1.23 дня

Т-1000 поставил мотоцикл на обочину тихой, пустынной дороги, возле рощицы чахлых, умиравших от жажды апельсиновых деревьев. По скоростной автостраде, вдалеке, тянулся нескончаемый поток машин. Работало несколько насосов, качая нефть из-под бурого холма за шоссе.

Т-1000 перебрал в памяти все обратные адреса, которые видел на конвертах в комнате Джона. Он побывал уже везде, кроме...

Чарон Меса, Калифорния.

Для робота, сделанного из жидкого металла, этот мир представлял собой несложную головоломку, ломаную реальность, части которой легко вставлялись обратно в картину космического порядка. Понятия причины и следствия казались хохмой этому роботу, мыслившие столь необычно, что даже терминаторы понимали его с трудом. Он вычислил несколько возможных траекторий передвижения преследуемой цели. И упорно следовал по одной из них, не прекращая изучать остальные. Прежде всего нужно побывать по всем адресам, указанным на конвертах. Затем вычислить, каков будет следующий шаг цели, и пойти на перехват. Ну, а если не получится, то затаиться и ждать сколько потребуется, много лет подряд. Ждать, собирая по крохам информацию о том, где скрывается жертва. В программу Т-1000 была заложена информация о том, когда начнется война. И где можно будет найти Джона Коннора в начале боевых действий. Так что Джон Коннор, так или иначе, наверняка появится на горизонте.

И Т-1000 будет тут как тут.

Даже Небесная Сеть не сразу решилась изготовить это новейшее оружие. Т-1000 был настолько долговечен и прочен, что это само по себе являлось непредсказуемым фактором. Вдобавок робот обладал способностью мыслить самостоятельно, не учитывая приоритеты системы Сети. Т-1000 был слишком

независимой конструкцией, и Сеть решилась на его создание только в последний момент, оказавшись перед угрозой полного поражения. Все вот-вот могло рухнуть, и Небесная Сеть начала посылать в прошлое терминаторов, чтобы они изменили исход войны. Лишь за микросекунду до окончательного краха гиперкомпьютер заслал в прошлое Т-1000.

Эйнштейн сказал, что Господь Бог не играет в кости с мирозданием.

У Небесной Сети не было иного выбора.

Т-1000 завел мотоцикл. «Кавасаки 1100» летел по направлению к шоссе со скоростью сто двадцать миль в час. Он казался металлической точкой, движущейся вне времени по собственному маршруту, который вел его прямо к цели.

НАКОВАЛЬНЯ ВОЛИ

Лагерь Сальседы. 5.56 дня

Сара сидела за обшарпанным столиком. Оружие было вычищено, работа завершена. Она вздохнула, чувствуя, как с души свалилась огромная тяжесть. Солнце садилось за горизонт.

На мир опускалась мгла.

Сара вытащила нож из футляра, висевшего у нее на поясе. От нечего делать она принялась что-то вырезать на крышке стола... Получалась буква «Н».

Джон с Терминатором заканчивали сборы, подготовливая машину к поезде.

Сара подняла глаза и поглядела на детишек Сальседы, которые играли неподалеку. Они ласкали собачонку и в шутку боролись с ней. Иоланда вышла из фургончика с карапузом на руках.

Вот она, гармония. В этом военизированном лагере существовало единение. Любовь. Благородство помыслов. Нежность. Гармония, которой недоставало Саре. Она могла лишь наблюдать это со стороны — ведь Сара делала то, чего не делал ни один человек на земле. Как тут не ошибиться?

Взглянув на Сальседу, который кинулся к ребенку и закружил его в воздухе, словно Пако был птичкой. Сара обернулась и посмотрела на Джона, уныло грузившего в машину оружие и прочие вещи.

Другие дети резвились за его спиной, от души смеялись, и в их движениях была такая безудержная свобода, какая Джону и не снилась.

Солнце светило ей прямо в глаза. Больно... Сара машинально провела по ним рукой и, почувствовав на ладони влагу, прикрыла веки.

Всего на мгновение.

И в этом была ее ошибка.

Сара очутилась на той детской площадке. И дети Сальседы снова играли там с другими ребятишками, играли спокойно, веря, что родители в своем уме и не сожгут себя и их заживо. Дети качались на качелях, катались с горки, смеялись, кружась на карусели. Трава была ярко-зеленой, а солнце не раскаленным, но теплым и благодатным.

Сара вцепилась в проволочную ограду. Она во все глаза глядела на юных матерей, игравших со своими младенцами.

Маленькие девочки прыгали через скакалку. Появилась еще одна молодая мать — она несла на руках двухлетнего малыша. Эта женщина была одета в

бело-розовую униформу официантки. Когда она обернулась, на ее губах играла радостная улыбка.

Это была сама Сара. Красивая. Лучезарная Сара, еще не отравленная мыслями о мрачном будущем. Она поглядела на своего странного двойника, стоявшего за забором.

Сара знала, что это случится, что десница Господня неотвратима.

Помрачнев, она припала к ограде. И принялась кричать, обращаясь к женщине на площадке, но из уст ее не вырвалось ни звука. Она трясла в бессильном отчаянии забор. И беззвучно орала.

Улыбка слетела с лица Сары-официантки, словно осенние листья с деревьев. На мгновение их взгляды встретились, преодолев пропасть бесконечности. Но затем та Сара отвернулась и вновь заулыбалась, потому что ее малыш что-то залепетал и бросил в нее горсть песку. Она от души рассмеялась и позабыла про Сару, стоявшую за оградой, словно та была лишь игрой света.

Небесная лазурь вдруг засветилась фантастической белизной. Детские тела вспыхивали, словно спичечные головки. Сара горела, беззвучно крича и извиваясь в неумолимо захлестывавшей ее петле времени, в своем собственном, личном, аду.

Затем взрывная волна закружила в яростном вихре и поглотила ползавших по земле матерей и детей. Сарин крик смешался с завыванием ветра, ударной волной ее отшвырнуло в сторону, и она...

...Резко подняла голову и взглянула на горизонт. Горы, поросшие густым, точно щетка, кустарником. Постепенно темнеющее, багровое небо. Дети все еще резвились рядом. Сара поглядела на часы. Прошло меньше пятнадцати минут. Провела рукой по взмокшим волосам. У нее дрожали поджилки. И было тяжело дышать. Боже, как тяжело...

Она могла сбежать из больницы, но сбежать от собственного безумия она не могла.

Саре казалось, что рок, или судьба (или что-то из космоса) - живое существо, навязывающее свою волю всему на земле. Время — лишь одно из проявлений этой воли, оно подобно артерии, пронизывающей тело Вселенной. Артерии, по которой, словно кровь, текут события. И, может быть, люди — клеточки в теле Вселенной, не знающие ее устройства, но помогающие ей функционировать. Эти клетки, даже одна-единственная, оказавшись в нужное время в нужном месте, могут вызвать во всем теле величайшие изменения. Вполне может быть, что это тоже проявление космической воли. Предопределенное поведением клеток, которые самостоятельно принимают решение.

Впрочем, Сара знала, что никогда не сможет проверить правильность своей идеи. Она цеплялась за соломинку. Какая разница: верить во всемогущее божество или в слепые силы, заставляющие Вселенную тупо плясать под свою дудку? Сара могла постичь лишь то, что происходит в данный момент, понять причину и следствие собственных действий. И, разумеется, в любом поступке, совершенном наяву, таилась масса непредсказуемого. Возможно и сны — частичка общей картины мира, и они посещают нас по ночам, как озарение.

Пока люди не научились глядеть в обоих направлениях сквозь время или,

лучше сказать, выглядывать из времени, как из окошка, им приходится лишь надеяться на то, что все в конце концов образуется. Над человечеством тяготеет проклятье: наделенное сознанием, оно сознает предел своих возможностей.

Люди тоже играют в кости с мирозданием.

Самыми разными способами, на каждом шагу они, вынуждаемые неподвластными им силами, делают тот либо иной, часто пустяковый, выбор и тем самым выражают свою волю. Это и есть их выбор. И даже когда кажется, что поступки некоторых людей полностью предопределены, все равно могут возникнуть сюрпризы, приводящие к неожиданным последствиям.

И вот рок снова приглашает Сару на танец, предлагая ей выбрать в запутанном лабиринте нужный коридор, поразить судьбу в самое сердце и заставить ее пойти на попятную.

Сара намеревалась добраться до конца петли времени.

Она поглядела на слова, которые вырезала на заляпанном птичьим пометом столе вперемежку с небрежно нацарапанными сердечками.

«Нет судьбы»

«Нет судьбы, кроме той, что мы творим сами»,— такое послание передал ей из будущего Кайл.

Что ж, ему видней. А первый терминатор, а теперь и Т-1000 служили вещественными доказательствами того, что Небесная Сеть считает себя способной изменить прошлое. Почему же тогда Сара не способна изменить будущее?

Она воткнула нож в крышку стола, его острие угодило в слово «судьба». Сара встала. В ее движениях была какая-то мрачная решимость. Сара прихватила с собой маленький нейлоновый рюкзак и винтовку пятнадцатого калибра. Лицо ее окаменело. Превратилось в бесстрастную маску.

Сара стала терминатором.

Джон, суетившийся возле «бронко», поднял глаза и увидел, что Сара закидывает винтовку за сиденье машины, которую они угнали, залезает в кабину и заводит мотор.

Сальседа подошел к мальчику.

— Она сказала, чтобы ты ехал на юг вместе с ним.— Он указал на стоявшего рядом Терминатора. — Сегодня вечером, как вы и собирались. Она встретится с вами завтра в...

Машина рванулась с места и помчалась вперед. Джон неожиданно кинулся вдогонку.

— Мама! Подожди!

Сара услышала крик сына и поглядела в зеркало заднего обзора. Фигурка мальчика становилась все меньше и меньше. Сара свернула на грунтовую дорогу и поехала, оставляя за собой пыльный след.

Добравшись до шоссе, она прибавила газу. Семьдесят пять миль в час, и она не собирается сбавлять скорость, пока не доедет до цели.

Джон с Терминатором разглядывали слова, вырезанные на столешнице. Сарин нож все еще торчал в доске.

— «Нет судьбы, кроме той, что мы творим сами». Это мой отец ей сказал. Вернее, я там, в будущем, велел ему запомнить эти слова и передать ей...

И опять Джон столкнулся со сбоем во времени. Голову можно сломать, если задумаешься над этими парадоксами...

— А впрочем, неважно,— сдаваясь, произнес Джон. — Короче, все послание целиком звучит так: «Будущее не предопределено раз и навсегда. Нет судьбы, кроме той, что мы творим сами».

Терминатор без труда воспринял полученную информацию. Число свободных ассоциаций и значений слов, понятных из подтекста, увеличивалось в его мозгу с возрастающей скоростью.

Но он только сказал:

— Она пытается изменить будущее.

—Что? Как?

— Неизвестно.

Джон щелкнул пальцами — его вдруг осенило.

— О, черт!

Дайсон...

Терминатор терпеливо ждал.

Джон метался из стороны в сторону — еще ни разу за эти два дня он не испытывал такого страха.

— Да, так оно и есть! Майлз Дайсон! Она собирается его убрать!

Джон кинулся бежать и махнул Терминатору, призывая его последовать за ним.

— Давай! Пошли! Пошли!

Терминатор секунду поколебался, раздумывая. Слова Джона полностью подтверждались. Это был непреложный факт.

Сара Дженнет Коннор отправилась убивать.

Терминатор сорвался с места и, легко обогнав Джона, прыгнул за руль «бронко».

Сара, с которой их разделяло уже несколько миль, быстро ехала в сгущающихся сумерках по пустыне. Лицо ее было бесстрастно. В темных очках она была похоже на какое-то бездушное насекомое.

Терминатор и Джон взяли курс на север, киборг хладнокровно гнал нагруженный тяжелым оружием массивный вездеход, оставляя позади другие машины. Он издалека засекал радарное излучение, исходившее от полицейских приборов, измерявших скорость, и тут же сбавлял ход — сейчас нельзя было связываться с полицией.

Первыми словами, которые Терминатор произнес за тот вечер, были:

— Это тактически опасно.

Джон с тревогой взглянул на него и велел:

— Быстрее.

— Т-1000 располагает той же информацией, что и я. Он вполне способен предугадать этот поступок и поджидать тебя в доме Дайсона.

— Плевать! Мы должны ее остановить!

Вероятно, Терминатор пришел к тому же заключению, что и Т-1000:

— Убив Дайсона, можно предотвратить войну.

Джон в бессильном отчаянии стукнул кулаком по сиденью в нескольких сантиметрах от киборга.

— Мне плевать! Должен быть и другой выход! Неужели ты ничему не

научился? Неужели до тебя не дошло, почему нельзя убивать людей.

Терминатор не ответил.

— Послушай, тебе, может, и неважно, останешься ты в живых или умрешь. Но не все такие, как ты. Понимаешь? У нас есть чувства. Мы ощущаем боль. И страх. И тебе придется этому научиться, приятель. Я не шучу. Это очень важно.

Они добрались до горного перевала и увидели под собой огромный город, залитый огнями. Город, в котором начиналась веселая ночная жизнь.

ТЕРМИНАТОР

Южная Лагуна. 7.18 вечера

С ограды, окружавшей дом Дайсона, Майлз был виден прекрасно: он сидел спиной к окну в своем кабинете перед терминалом, с головой уйдя в изучение объекта № 2. В неосвещенной комнате лишь поблескивал экран монитора.

Темная фигура, крадучись, поднялась по холму, поросшему плющом. Сара принялась навинчивать на дуло винтовки глушитель.

Денни и Блайт играли в холлах с игрушечной машинкой на радиоуправлении. Денни управлял игрушкой, а Блайт бежала за ней, пытаясь ее поймать. Они остановились возле кабинета Дайсона. Денни приложил палец к губам, призывая Блайт замолчать. Его лицо приняло лукавое выражение.

Привинтив глушитель, Сара передернула затвор и зарядила винтовку. Затем легла на каменную ограду. Уперлась щекой в холодный приклад и медленно взялась за винтовку другой рукой, чтобы снять нагрузку с локтя. Палец ловко нащупал спусковой крючок. Она глядела в прицел на человека в доме. Подняла оружие...

Перед ней был не человек, а еще один избранник судьбы. И этот подвох следовало устранить. Вычеркнуть Дайсона из жизни, пока он эту жизнь не уничтожил. Сара знала, что способна выполнить свой замысел. Это на редкость легко: одно механическое нажатие на крючок — чуть-чуть, всего на четверть дюйма — и человек выходит из игры.

И тогда миллионы людей смогут спокойно жить на свете.

Дайсон не замечал едва слышного, ритмичного пощелкивания клавиш, на которые нажимал. Его внимание целиком сконцентрировалось на символах, высвечивавшихся на экране. Именно они запечатлеются в его мозгу перед тем, как он угаснет.

На спине Дайсона появилась мерцающая красная точка. Отметка лазерного прицела. Она тихо ползла вверх к его голове.

Сара прильнула к ночному прицелу. Видно прекрасно. Отметка движется по мишени.

По мишени...

Сарин палец напрягся, медленно нажимая на спусковой крючок. Она затаила дыхание.

Пора убирать Дайсона...

Немного поплясав на шее сидящего человека, лазерная отметка остановилась у него на затылке.

Машина Денни проехала по ковру и с размаху налетела на серьезное

препятствие — ногу Дайсона. Ученый вздохнул, вернувшись с небес на землю, и наклонился, чтобы поднять машину с пола.

Внезапно окно за его спиной разбилось, осыпав Дайсона осколками. Он почувствовал, а вернее, угадал, что над его ухом просвистел какой-то крошечный предмет. Тут же экран взорвался, выбросив сноп искр. Потрясенный Дайсон слетел со стула и уставился на большую дырку в оконном стекле. Это его спасло, потому что вторым выстрелом снесло верхнюю часть спинки стула примерно в дюйме от головы Дайсона.

Ученый инстинктивно бросился ничком на ковер.

Пули изрешетили окно, письменный стол, компьютер и пульт. Когда взорвался монитор, комната погрузилась в темноту.

И Сара уже толком ничего не видела.

Дайсон полз по ковру за письменным столом, а пули одна за другой вонзались в дерево, и стол с одного конца загорелся.

Дайсон в ужасе прижался щекой к ковру и увидел нечто еще более жуткое...

Его перепуганные дети растерянно стояли в холле.

— Дети, бегите! Уходите отсюда! Бегите!

Тарисса услышала выстрелы. Она понятия не имела, что происходит. Сперва решила, что устроили фейерверк. Июль не за горами, и вполне может быть, ребятишки решили заранее отметить праздник. Но, услышав звон разбитого стекла, соскочила с дивана и понеслась из комнаты в комнату, как потерявший управление локомотив. Тарисса разыскивала детей. Она налетела на угол и вдруг увидела их: дети с воплями бежали ей навстречу. Тарисса прижала их к себе, и, осторожно пройдя вперед по холлу, заглянула в кабинет.

Дайсон по-прежнему лежал на полу среди осколков стекла, а вокруг свистели пули.

— Майлз! Боже мой!

— Не входи!

На Дайсона упали обломки разбитого компьютера. Ученый дернулся и в отчаянии посмотрел на дверь, но бежать нельзя — он окажется перед врагом как на ладони.

Ружье Сары, стрелявшей с ограды, в последний раз щелкнуло — кончились патроны. Она швырнула его вниз и вынула из кобуры под мышкой свой кольт 45-го калибра. Вскочив, кинулась к дому, на ходу заряжая кольт.

Это так легко.

Легче, чем заниматься любовью.

Или рожать.

Или сочинять стихи.

Убивать чертовски легко. Если, конечно, не задумываться...

Лежа под столом, который уже напоминал кусок сыра, Дайсон увидел чей-то силуэт. Кто-то шел по двору. Военные сапоги уверенно топали по земле, неумолимо приближаясь.

Он решил добежать до двери, ведущей в холл.

Сара подняла кольт, вцепилась взглядом в разбитое окно и, затаив дыхание, приготовилась сделать очередную серию выстрелов.

Дайсон вскочил и опрометью кинулся к двери.

Сара с убийственным хладнокровием навела на него оружие.

Она не могла промахнуться.

Но невозможное оказалось возможным. Дайсон зацепился ногой за провод дисковода и упал, пуля угодила в лампу как раз на уровне его головы. Дайсон сильно ударился об пол, но все равно продолжал ползти вперед.

Сзади раздался звон разбитого стекла. Дайсон не смог удержаться, чтобы не поглядеть, кто же все-таки пытается его убить. Не переставая двигать руками и ногами, он бросил через плечо безумный взгляд.

И был потрясен, увидев странную женщину в солдатской спецовке. Она стояла у окна, занимавшего всю стену, и вновь целилась прямо в него.

Тарисса визжала, как истеричка.

От страха Дайсон утратил чувство реальности. И неожиданно очутился в холле. Следующая пуля все-таки настигла его. Он упал.

Даже оглушенный, он пытался ползти. Тарисса, разинув рот, смотрела на раненого мужа. На левом плече отчетливо виднелась дырка от пули сорок пятого калибра. Вставая, Дайсон испачкал своей темной кровью светло-бежевую стену.

Он обернулся. Женщина шла по его кабинету, неумолимо целясь в него из кольта.

Он окаменел от ужаса, заметив, что лицо ее совершенно бесстрастно. Она не считает его за человека. Он для нее просто кусок мяса. А она мясник. Инстинкт подсказывал Дайсону, что нужно либо бежать, либо сражаться, сам же ученый почти желал в тот момент, чтобы его застрелили.

Может, он пытается бороться с судьбой, которая уготовила ему смерть?

Но благодаря случайности его жизнь продлилась еще на несколько секунд. Споткнувшись на пороге, Дайсон упал, и пули угодили в пустоту.

Терминатор и Джон остановили машину на газоне у дома Дайсона, и, выскочив из нее, бросились к двери. Джон услышал выстрелы, доносившиеся изнутри, и в отчаянии пробормотал:

— Черт, опоздали!

Крепко прижимая к себе детей, Тарисса пятилась в гостиную. Сара шла за Дайсоном, ковылявшим вслед за семьей. Внезапно Денни вырвался от матери и помчался к отцу. Тарисса еще сильнее вцепилась в Блайт и крикнула сыну, чтобы он вернулся.

Но мальчик бежал к отцу, отчаянно крича:

— Папочка!

Повинуясь мгновенному порыву, Тарисса отпустила Блайт и, метнувшись к мужу и сыну, заслонила их собой.

Сара подняла заряженный кольт.

Тарисса воскликнула:

— Не-ет!

И тут Сару вдруг впервые покинуло ее хладнокровие.

Она заорала:

— Не двигаться! Я сказала, не двигаться, гады!

И направила дуло кольта на Тариссу.

— Ложись на пол! Ну! На пол, говорю! Ну!

Вид у Сары был безумный, она вся дрожала от напряжения. План убийства нарушен — появились орущие дети, жена... Сара это не учла. Тарисса упала на колени, в ужасе уставившись на дуло кольта. Блайт обвила ручонками шею Дайсона и закричала тоненьким, прерывающимся голоском:

— Отстань от моего папочки!

События развивались с головокружительной быстротой.

Наступил решающий момент. Сара хотела нажать на курок. Она должна нажать на курок!

— Замолчи, девочка! Убирайся!

Превозмогая боль, Дайсон взглянул на Сару. Он старался понять, в чем дело. Кто она? Грабительница? Сумасшедшая? Сектантка?

Черное дуло маячило уже в каком-нибудь футе от его лица.

Дайсон неожиданно выкрикнул:

— Пожалуйста... позвольте детям... уйти!

— Заткнись! ЗАТКНИСЬ! Подонок! Это ты во всем виноват! Ты!

И тут убийство показалось ей ужасно тяжелым делом, ибо Сара подошла слишком близко к своей жертве и слишком долго медлила. Она успела взглянуть в глаза Дайсона. Он уже был не просто мишенью. Он был человеком. Таким же, как она. Оказалось, что Саре для убийства необходимо то, чего не нужно Терминатору.

Ненависть.

Ненависть к человеку, которого она совсем не знала.

Моргнув, Сара быстро смахнула рукой со лба пот и снова сжала кольт. Он дрожал в ее руке.

Она перевела взгляд с Дайсона на Тариссу, потом на Блайт и Денни. Семья... Они трепещут от ужаса, страшась за свою судьбу.

А она их палач.

Сара хватила ртом воздуха, и каждый ее мускул напрягся перед выстрелом.

Но палец, лежавший на спусковом крючке, не пошевелился.

Ее воля вдруг ослабла, горячая кровь остыла, и Сара оказалась совершенно беспомощной.

Медленно-медленно она опустила оружие.

Все было кончено.

У нее внезапно иссякли силы, и она слабо взмахнула рукой, сделав какой-то странный жест. Что-то вроде «оставайтесь на месте, не двигайтесь». Словно стоит им пошевелиться — и хрупкое равновесие нарушится.

Сара попятилась. Ей не хватало воздуха. Казалось, она испугалась того, что чуть было не натворила. Наткнувшись на стену, сползла вниз и опустилась на колени. Кольт выскользнул из ее пальцев и упал на ковер. Сара прижалась щекой к стене.

Теперь на самом деле все кончено.

И она ничего не может поделать.

Ничего...

Парадная дверь распахнулась, и в дом вошел Терминатор.

Джон шел сзади, цепляясь за его рукав. Он мигом понял, что произошло. Сара, пистолет, рыдающая семья... Джон подошел к матери, а Терминатор склонился над Дайсоном и принялся осматривать его плечо.

По щекам Сары катились слезы. А ведь ей казалось, что она давно утратила способность плакать.

Джон нерешительно дотронулся до ее руки.

— Мама! С тобой все в порядке!

— Я не смогла... О, Господи! — она будто впервые заметила, что Джон рядом. — Ты... пришел, чтобы... остановить меня?

Джон кивнул, ожидая, что мать разразится неистовой речью. Начнет рассуждать о том, что он важен для будущего и поэтому не смеет рисковать...

К его удивлению, она обняла его за плечи и крепко прижала к себе. Из ее груди вырвались громкие рыдания. Джон обнял мать за шею, а она сотрясалась в рыданиях и прижимала его к себе.

Джон мечтал об этом всю жизнь. Ради этого он и жил. И теперь слезы жгли ему глаза, перехватило горло, и он с трудом мог говорить.

— Все хорошо, мама. Все будет хорошо. Мы что-нибудь придумаем.

Она прошептала ему на ухо:

— Я люблю тебя, Джон. И всегда любила.

Его сердце бешено заколотилось, он поцеловал мать в зардевшуюся щеку.

— Я знаю, мама. Я знаю.

Тарисса опешенно глядела на эту странную сцену. Кровь на стенах, плачущие дети, женщина и мальчик, которые рыдают, припав друг к другу, и рослый мужчина, молча разрывающий окровавленную рубашку ее мужа и осматривающий рану с таким видом, будто он знал все это наперед.

Мужчина повернулся к ней и спокойно произнес:

— Рана чистая. Кость не раздроблена. Если зажать рану, то кровотечение уменьшится.

«Чудесно»,— подумала ошарашенная жена, а мужчина взял ее руки и крепко прижал их к ране.

— У вас есть бинты?

Теперь Дайсон ощутил боль — сильными толчками она распространялась по всему телу.

— Бинты в ванной. Ты не мог бы их принести, Денни? — Дайсон старался говорить обычным голосом, чтобы не показать, как ему больно. Он хотел успокоить детей.

Денни кивнул и выбежал в холл.

Джон нехотя оторвался от Сары. Она утерла слезы. Привычка сдерживаться взяла верх. Однако Сара понимала, что сегодняшний эмоциональный всплеск обойдется ей дорого.

Джон подошел к Терминатору.

Дайсон изумленно глядел на своих необычных гостей.

— Кто вы такие, ребята?

Джон достал десантный нож, торчавший у Терминатора из-за голенища, и протянул его роботу.

— Покажи ему.

Терминатор снял куртку, обнажив мускулистые руки. Джон вывел Блайт в холл — девочка и без этого уже натерпелась.

Тарисса рванулась было за дочерью, но не решилась отнять руки от раны мужа. Она чувствовала, что кровь вот-вот хлынет у нее между пальцами.

Ее с новой силой захлестнул страх, потому что она увидела, как мужчина взмахнул длинным, плоским ножом и глубоко воткнул его себе чуть ниже локтя. Плавным движением надрезал кожу вокруг локтя. Поток рассек ее до запястья и быстро оттянул вниз, словно хирургическую перчатку. Кожа отошла с каким-то чавкающим звуком, обнажив окровавленный скелет.

Тарисса закусила губу, стараясь не закричать.

Дайсон ахнул. Скелет был сделан из блестящего металла и имел гидравлический привод. Пальцы были сработаны превосходно, они могли сжиматься в кулак и выпрямляться. Терминатор поднял руку вверх, ладонью к ученому.

И Дайсон понял, что такое объект № 1 — ведь перед ним была еще одна металлическая рука, и даже жест, можно сказать, такой же.

— О Господи, — тихо прошептал Дайсон.

Терминатор опустил руку.

— А теперь слушай очень внимательно,— приказал он.

Потом Сара сидела на узком стуле на кухне Дайсонов, спрятав лицо в ладонях и дыша глубоко и медленно. Джон сидел рядом с ней. Сара ощущала тепло его тела, и это сейчас для нее было самое главное. Тарисса держала Блайт на руках. Денни свернулся калачиком на одеяле, которое положил на пол. Дети слушали долго, пока их не сморил сон. Дайсон тоже слушал, и его лицо, освещенное настольной лампой, было похоже на лицо того парня на стене в Сикстинской капелле, кающегося грешника. В неподвижных глазах застыл страх от услышанного. Плечо Дайсона было забинтовано. Рука Терминатора до локтя тоже была в пропитавшихся кровью бинтах. Стальное предплечье и кисть поблескивали в тусклом свете. Дайсон слушал рассказ Терминатора. А тот говорил о Небесной Сети. О Судном Дне... Обо всем, что произойдет. Не каждый день ты узнаешь, что виновен в гибели трех миллиардов людей. Дайсон держался молодцом. Он долго думал над словами робота.

Потом сказал:

— Меня сейчас вырвет.

Он поднял глаза и судорожно вцепился в стол, словно его действительно затошнило. Его охватил безумный ужас. Жуткий ночной кошмар нарушил течение всей его жизни.

Дайсон умоляюще произнес:

— Но вы же судите меня за то, чего я еще не совершил. Боже мой! Откуда нам было знать?

Из полутьмы подала голос Сара. Глаза ее были устремлены на Дайсона, но она смотрела сквозь него, ненавидя всех мужчин, кроме Сальседы и Кайла. В ее глазах клокотала долго сдерживаемая ярость, которую вызвали безобразные кровавые бойни — люди устраивали и устраивают их с первых дней Творения.

— Да, конечно! Откуда тебе знать? Вы все только и умеете осквернять мир своими погаными идеями и оружием. Тебе известно, что каждое ружье и пистолет носит имя конкретного мужика? Кольт, Браунинг, Смит, Томпсон, Калашников. Мужчины, а не женщины сделали водородную бомбу — ее изобрели такие вот мужики, как ты. Ты же у нас творческая личность! Правда, ты не способен создать что-то действительно стоящее... Сотворить жизнь.

Тебе неведомо, как она зарождается внутри человека. Все вы умеете только сеять смерть... Паскуды!

Джон коснулся ее дрожащей руки и сказал:

— Мама, мамочка, нам сейчас нужен более конструктивный разговор. По-моему, пол человека тут ни при чем.

Он повернулся к Дайсонам:

— Она еще не совсем успокоилась.

И опять обратился к Саре:

— Мы так и не придумали, как все это предотвратить, да?

— Но ведь мы уже пытаемся это предотвратить,— смущенно вставила Тарисса. — Я хочу сказать, мы попробуем изменить ход событий. Разве нет?

Дайсон привстал.

— Вот именно! Я не стану завершать работу над новым микропроцессором! Все! Я выхожу из игры. Завтра уволюсь из «Кибердайн». Лучше буду торговать недвижимостью.

— Этого недостаточно.

Дайсон умоляюще воскликнул:

— Послушайте, я сделаю все, что вы хотите. Лишь бы мои дети росли спокойно.

— Никто не должен продолжать твою работу,— сказал киборг.

— Да-да, конечно. Вы правы. Мы должны уничтожить лабораторное оборудование, документацию, дисководы — все, что там есть. Все! К чертям!

Тарисса взяла его за руку, и он поднял на нее глаза. Он никогда еще не глядел на нее с такой любовью.

Потом во дворе Дайсона, в мусорном баке, запылал костер. И в него полетели папки с документами. Терминатор плеснул в костер бензина, и огонь взметнулся кверху, осветив его лицо адским пламенем.

Сара, Дайсон, Тарисса и Джон принесли из кабинета целый ворох материалов: документы, записи, оптические диски. Даже дети включились в работу. Все добро полетело в огонь. Дайсон бросил в него модель микропроцессора. При этом взгляд его был бесстрастен. Он глядел в костер, где горел весь его мир. Потом Дайсона вдруг осенило.

— А вы знаете о микросхеме?

— О какой? — удивилась Сара.

— О той, что лежит в сейфе «Кибердайн». — Дайсон повернулся к Терминатору. — Она, наверное, из такого же робота.

Киборг поглядел на Сару.

— Главный процессор первого терминатора.

— Я так и думала... Проклятье! — пробормотала она.

— Нам не велели спрашивать, откуда все это. Я думал, это японцы... Черт, не знаю, что я думал. Мне не хотелось выяснять. Это потрясающая вещь. Она открыла перед нами новые горизонты, о которых мы даже не подозревали. Вся моя работа построена на ней.

— Ее нужно уничтожить,— сказал Терминатор.

Сара стиснула руку Дайсона. В ее глазах отражалось пламя.

— Ты можешь провести нас через охрану?

— Да, наверное. Когда?

Дайсон прочел ответ на лицах своих новых знакомых.

— Сейчас? — Он вздохнул. — Да, вы правы.

Он повернул голову и взглянул на жену. По ее лицу текли слезы, но взгляд был решителен и ясен. Она положила руку ему на плечо и сказала:

— Майлз, я ужасно боюсь. Это правда. Но я еще больше боюсь, что ты не пойдешь.

Он кивнул. Конечно, она права.

Сара спросила у Терминатора:

— Им небезопасно здесь оставаться?

Вместо ответа Терминатор повернулся к Тариссе.

— Забирай детей и езжай в гостиницу,— велел он. — Прямо сейчас. Не трать время на сборы.

Потом обратился к остальным.

— Пошли!

ТАНЕЦ СУДЬБЫ

Ирвайн. 10. 09 вечера

Сара глядела на мелькавшую за окном дорогу, освещенную фарами машины. А дальше до самого горизонта простиралась темнота. Сара думала, что будущее, которое всегда казалось ей таким ясным, теперь похоже на ночное шоссе. Они ступили на неизведанную территорию и, по мере своего продвижения вперед, сами творили историю. У Сары впервые возникло чувство, будто она взяла судьбу за руку и ведет ее в танце. От их шагов зависит, изменят ли они будущее или разрушат его. Сара подняла глаза и увидела впереди большое прямоугольное здание, все в огнях.

Корпорация «Кибердайн».

Дайсон быстро провел пропуском по идентификационной канавке сканера. Раздался щелчок открывающейся двери, и ученый вошел в просторный вестибюль. За ним вошли Сара, Джон и Терминатор. Куртка робота была вся изрешечена пулями, а рука одна одета в черную перчатку, чтобы скрыть обнажившийся скелет.

За столом безмятежно сидел охранник по имени Гиббонс. Держа в руках газету «Вествейс», он увлеченно читал статью о происхождении юкки. Как вдруг увидел приближающегося к столу Майлза Дайсона. Он был бледен, весь в поту, однако улыбался.

— Добрый вечер, Пол, — еще издалека заговорил он. — Тут ко мне приехали друзья из другого города. Я подумал, хорошо бы сводить их сюда и показать кое-что интересное.

— Мне очень жаль, мистер Дайсон, но вам известны правила посещения лаборатории. Мне нужно письменное разрешение.

Клац!

Гиббонс в ужасе увидел перед собой два дула — Сары и Терминатора.

Терминатор сказал:

— Я настаиваю.

Гиббонс оцепенел. Его взгляд метнулся к сигналу тревоги, расположенному на щитке. Но Сара предупредила:

— И не вздумай.

Гиббонс кивнул и замер, стараясь не дышать, хотя сердце выскакивало из груди. Терминатор быстро обогнул стол и вытащил охранника из кресла. Джон достал из рюкзака лейкопластырь и оторвал от него кусок.

Через несколько минут на втором этаже открылась дверь лифта, и Терминатор осторожно вывел всю компанию в коридор. Они толкали перед собой тележку, заставленную приборами в нейлоновых рюкзаках. Дайсон жестом показал, что надо свернуть направо. По дороге он объяснил:

— Сейф открывается двумя ключами. Моим и охранника из зала контроля безопасности.

Они остановились перед большой дверью. Табличка наверху гласила: «Отдел Особых Проектов. Вход только по специальным пропускам.» Дайсон просунул в щель свою карточку, и дверь открылась.

Охранник — его звали Мошьер — шел по длинному коридору, начинавшемуся от административных помещений на первом этаже. Часы, свисавшие на цепочке с его пояса, раскачивались взад-вперед. Мошьер заканчивал обход здания. Он прошел мимо лифтов и, заворачивая за угол, где был стол вахтера, пропел:

— Я уже дома, дорогая...

Но за столиком никого не оказалось. Мошьер нахмурился, однако подумал, что Гиббонс, наверное, в туалете, и прежде, чем поднимать тревогу, нужно пойти и проверить. Вздохнув, Мошьер направился в туалет. Распахивая дверь, укоризненно произнес:

— Слушай, приятель, нельзя оставлять...

Привязанный к унитазу Гиббонс промычал что-то невразумительное — его рот был заклеен лейкопластырем. Мошьер повернулся и, опрометью бросившись к щитку, нажал на кнопку тревоги.

В зале контроля безопасности Дайсон уже несколько раз просовывал свою карточку в отверстие сканера, но все бесполезно. На замке по-прежнему мигала красная лампочка.

Встревоженная Сара спросила у Дайсона:

— В чем дело?

Дайсон указал на свет, зажегшийся на щитке, и ответил:

— Поступил сигнал тревоги. Он нейтрализует коды по всему зданию. Никакая дверь теперь не откроется.

Тут нервы Дайсона сдали.

— Надо поскорее уносить ноги.

Сара схватила его за воротник:

— Нет! Мы будем прорываться туда! Ты меня понял, Дайсон?

Он увидел ее безумные глаза и вспомнил о своей работе, сгоревшей во дворе. Сара была права. Обратного пути нет.

Мошьер развязал Гиббонса, и вахтер теперь объяснялся по телефону с местной полицией:

— ...У них полно оружия. Послушайте, по-моему, этот парень участвовал тогда в перестрелке... И женщина... Да-да, она. Я совершенно уверен. Пришлите сюда побольше народу.

Джон прыгнул на стол, приставленный вплотную к стене с кодовым замком. Дайсон изумленно уставился на мальчика, который начал вытаскивать из рюкзака разные приборы. Для Джона это было то же самое, что вскрыть еще один банковский автомат.

— Отправляйтесь в лабораторию. Я сам с этим справлюсь.

Дайсон повел Сару и Терминатора к главному входу в лабораторию. Там тоже стоял электронный замок. Дайсон всунул карточку. Безрезультатно.

— Давайте я попробую своим ключом, — предложил Терминатор.

Он в мгновение ока снял с плеча гранатомет М-79. Сара схватила Дайсона за руку и потащила назад. Терминатор отвел затвор и вставил сорокамиллиметровую гранату. Затем хлопнул ладонью по затвору.

Сара крикнула, отбегая:

— Джон! Берегись!

Джон тут же бросил все на пол и зажал ладонями уши.

Терминатор выстрелил с невероятно близкого расстояния.

Дверь взорвалась и загорелась. От удара взрывной волны на Терминаторе распахнулась куртка, в коридоре прожужжала шрапнель осколков. Не успел смолкнуть грохот взрыва, как Терминатор шагнул внутрь, в дым и пламя.

Джон, и глазом не моргнув, снова принялся возиться с замком.

Сара и оглушенный Дайсон вошли в горящий дверной проем и очутились в лаборатории искусственного разума.

Злобно взвыла сирена.

Сработала противопожарная система. Невидимый газ наполнял помещение, гася пламя.

Дайсон закричал:

— Включилась противопожарная система! Вот... скорей!

Подбежав к стенному шкафу, он вытащил несколько противогазов. Один протянул Саре, другой надел сам. Третий хотел дать Терминатору.

— Держите.

— Нет, спасибо, — сказал великан-киборг, снимая со спины огромный рюкзак. Терминатор не нуждался в противогазе — его потребность в кислороде была слишком незначительной.

Дайсон пожал плечами и, швырнув противогаз на стол, сказал Саре:

— Придется немного подышать через это, пока выветрится газ.

Терминатор, как и предполагалось, вышел в холл и принес из кладовой три пятигаллоновых канистры из-под растворителя. Сара достала несколько небольших зеленоватых мин направленного действия и прикрепила их к верху канистр.

Дайсон глядел на происходящее изумленными глазами. В глубине души он все еще не верил, что это не во сне. Сегодня утром он вплотную подошел к открытию, которое сделало бы его богатым человеком на всю оставшуюся жизнь.

А теперь он отчаянно сражался за то, чтобы уничтожить это открытие. Но мысль о тех, кого он спасает, вдохновляла Дайсона.

На другом конце города Т-1000 медленно ходил по разгромленному кабинету Дайсона, выясняя, что произошло. Он миновал темный холл. Пламя пожара во дворе уже затухало. Т-1000 стоял в отблесках гаснущего костра и

размышлял. Он приехал в лагерь Сальседы через несколько минут после того, как его покинули обитатели. Действуя в рамках запасной стратегии, Т-1000 перерабатывал информацию, пока не наткнулся на сведения о Майлзе Дайсоне. С помощью «уоки-токи», которым был снабжен полицейский мотоцикл, роботу удалось установить свой следующий маршрут.

И вот он здесь...

Рация, которую он теперь прикрепил к поясу, вдруг ожила.

— Всем постам, всем постам! События два-одиннадцать в здании «Кибердайн». Вооруженные до зубов преступники. Группа специального назначения отправилась на место происшествия...

Т-1000 выскочил из дома и запрыгнул на свой «Кавасаки». Завел мотор. Мотоцикл рванулся с места, оставив на тротуаре черный след шин.

На втором этаже здания «Кибердайн» огонь уничтожил обшивку большого, уникального дисковода и вывел его из строя. В комнате, битком набитой самой высококлассной аппаратурой, царил полнейший разгром. Терминатор разбил этот дисковод на куски и перешел к следующему. Ба-бах! Робот уничтожил уже с полдюжины таких устройств. Сара опрокинула шкаф с бумагами, папки рассыпались по полу. Дайсон неуклюже приблизился с тяжелыми магнитно-оптическими дисками в руках и бросил их в кучу, которая росла на глазах.

Прерывисто дыша, Дайсон сказал Саре:

— Все это барахло кладите сюда! И диски из соседних комнат тоже. Особенно из моего кабинета. Оттуда нужно забрать все!

Сара отправилась в кабинет Дайсона и принялась таскать на кучу мусора книги, папки, вещи, лежавшие на столе. Там же красовалась в рамочке фотография жены и детей Дайсона. Тарисса обнимала Денни и Блайт, и все трое широко улыбались. Стекло было разбито.

Терминатор под руководством Дайсона крушил аппаратуру, разбивая ее на куски своими богатырскими кулаками.

— И вот это! Это тоже важно!

Полный разгром... Миллионы, вложенные в технику, бесценные плоды многолетних научных исследований — все разбито, разломано и свалено в огромную кучу на полу, как дрова для гигантского костра судьбы.

Дайсон остановился и перевел дух.

— Дайте-ка мне на секундочку эту штуковину.

Терминатор протянул ему топор. Дайсон взял его и повернулся к лабораторному столу. На нем лежала еще одна модель процессора.

— Я работал над ней годы...

Неуклюже взмахнув топором, Дайсон с силой ударил по модели и расколотил ее вдребезги. Страшно болело плечо, но вид у Дайсона был довольный.

В зале контроля безопасности Джон возился со своим микрокомпьютером, рассчитывая комбинацию замка с магнитной карточкой. Внезапно на щитке вспыхнул зеленый свет, замок щелкнул и открылся.

Джон распахнул дверцу и увидел целую связку ключей. Однако ключ от сейфа резко отличался от остальных: это был длинный стальной брусок на цепочке. Джон схватил его и кинулся в лабораторию. Но тут его внимание

привлек яркий свет, проникавший сквозь окно в помещение. Гул пропеллера возвестил о появлении полицейского вертолета, который кружил возле здания и светил прожектором в комнаты второго этажа. Джон повернулся к видеомониторам и увидел на них автостоянку перед корпорацией, снятую в разных ракурсах.

Повсюду плясали огни фар. Черно-белые полицейские машины заполнили паркинг, и в мерцающих красно-синих огнях он стал похож на дискотеку.

Сара и Терминатор работали как команда подрывников, минируя все вокруг. Сара уже прикрепила мины к канистрам, превратив их в мощные бомбы. Терминатор прицеплял мины и кирпичики пластиковой взрывчатки к большим компьютерам, стоявшим поблизости. Все мины соединялись с одним радиоуправляемым подрывным устройством.

— Как вы их собираетесь взорвать? — спросил Дайсон.

Терминатор показал ему пульт — маленький передатчик с красной кнопкой.

— Радиоуправление, — пояснил киборг.

Он поднял вверх большой палец и прищелкнул языком. Дайсон серьезно кивнул. В этот момент вбежал Джон с ключом в руках.

— Вот! Проще пареной репы! А у нас, между прочим, гости.

— Полиция? — тревожно спросил Дайсон.

Джон кивнул. Сара повернулась к окну.

— Сколько их там?

Джон пожал плечами.

— По-моему, все собрались.

Сара обратилась к Дайсону:

— Иди! Я сама все закончу.

Терминатор взял пулемет и запасную ленту.

— Полицию я беру на себя.

Джон обеспокоенно поглядел на киборга.

— Ты точно никого не убьешь?

Терминатор сказал:

— Верь мне.

И улыбнулся. На сей раз улыбка вышла что надо.

Выполняя распоряжения начальства, требовавшего обеспечить полную безопасность здания, Мошьер и Гиббонс суетились, отгоняя машины со стоянки перед зданием. С минуты на минуту должны были приехать новые отряды полиции.

На втором этаже Джон и Дайсон мчались через зал контроля безопасности к сейфу. Терминатор подошел к окну во всю стену. Вертолетный прожектор, шаривший по комнатам, выхватил из темноты его силуэт. Не сбавляя шага, киборг ногой пихнул в окно стол. Стекло разбилось, стол упал на тротуар. Стоя в оконном проеме, Терминатор дал длинную очередь по машинам, оцепившим здание. Передние стекла разбились вдребезги, но полицейские успели пригнуться. Терминатор, отличавшийся фантастической меткостью, умудрился никого не задеть.

Но его заметили.

И конечно же полицейские, которым, с одной стороны, нужно было оправдать свое существование, а с другой хотелось просуществовать как можно дольше, дали ответный залп. Терминатор спокойно поднял оружие снова, и сетка прицела разделила автостоянку на клеточки. Киборг нажал на гашетку пулемета и долго не отпускал ее. Пулемет затарахтел, выпустив четыре тысячи пуль калибра 7, 62. В пятнадцать секунд робот умудрился изрешетить и вывести из строя все полицейские машины. Ни один человек при этом не пострадал. Те, кто еще не успели удрать, поглядели на свое оружие, оказавшееся жалкой игрушкой, и пустились наутек. Лишь пара-тройка отчаянных храбрецов вступили в перестрелку. Терминатор вскинул гранатомет М-79 и нажал на спуск. Несколько полицейских машин взлетело на воздух. Горящие обломки рухнули на тротуар. В следующую минуту полиция отступила для перегруппировки сил. Передовые отряды специального назначения кинулись за угол и неслись без остановки вперед, пока не оказались вне предела досягаемости.

В тамбуре перед дверью в хранилище стояли с ключами в руках Джон и Дайсон.

Мальчик сказал:

— Давай посмотрим, что там за первой дверью.

Дайсон кивнул, и они повернули свои ключи, стараясь действовать синхронно. Замок что-то проворчал и, щелкнув, открылся. Дайсон и Джон совместными усилиями распахнули тяжелую дверь.

В вестибюль на первом этаже начали врываться группками полицейские из отряда специального назначения. Проникая внутрь, они быстро рассыпались по зданию, прячась в укрытиях и дрожа от возбуждения. Они были в бронежилетах и противогазах, вооружены штурмовыми винтовками МП-5 и гранатами со слезоточивым газом. Они не издавали ни звука, но усиленно жестикулировали, передавая информацию.

Римские генералы могли бы ими гордиться.

Полиция начала обстреливать с улицы окна второго этажа гранатами со слезоточивым газом.

Попав в хранилище, Джон и Дайсон оказались полностью изолированными от окружающего мира — они словно очутились в огромной стальной утробе, где царила тишина. Дайсон открыл сейф, в котором хранились остатки терминатора. Джон уставился на руку робота и главный процессор. У него возниколо неприятное ощущение, будто он уже однажды это видел. С ненавистью охватил склянки с инертным газом и швырнул их об пол. Они разбились. Джон выудил из осколков микропроцессор и металлическую руку.

— Ну что ж, Майлз, мы взяли эту бабульку-сеть за задницу. Попли, надо поторапливаться!

Джон положил в карман микропроцессор, словно это была только что купленная плитка шоколада, и, крепко стиснув пальцами стальную руку, выбежал из хранилища. Дайсон припустил вслед за ним.

На первом этаже передовой отряд специального назначения выпел на лестничную клетку. Полицейские начали парами подниматься вверх, как положено, прикрывая друг друга.

Джон ворвался в лабораторию, Дайсон, прихрамывая, бежал следом. Сара

уже прикрепила все заряды к подрывному устройству.

— Ну что, сюрприз готов?

— Готов.

Джон протянул ей металлическую руку. Она взяла ее и наклонилась к пустому рюкзаку. Расстегнув молнию, Сара засунула добычу в рюкзак.

Дайсон стоял посреди лаборатории, мысленно прощаясь с ней. Он совсем выбился из сил. Бинты, которыми было перевязано его плечо, насквозь пропитались кровью. В лабораторию влетел Терминатор.

— Надо уходить. Прямо сейчас.

Они с Джоном отправились тем же путем, что и пришли, — через зал контроля безопасности. Сара закончила последние приготовления к подрывному устройству, лежавшему от нее в двадцати футах, рядом с Дайсоном.

— Майлз, дай мне устройство. И пошли.

Дайсон осторожно поднял с пола подрывное устройство и направился к Саре. Но тут...

Дверь в глубине лаборатории с грохотом распахнулась. Командир отряда специального назначения и две полицейских с ходу открыли огонь. Комната простреливалась насквозь. Сара спряталась за компьютером. Дайсона несколько раз ранило, и он упал.

Джон услышал звуки выстрелов уже из холла и бросился назад.

— Мама-а-а!!

Терминатор схватил его, и все пули вонзились в широкую спину киборга. Не выпуская Джона из рук, Терминатор метнулся за угол.

Пули свистели над головой Сары, насквозь прошивая компьютер, служивший ей укрытием. Она увидела, как Дайсон упал на пол. Не выпуская из рук подрывное устройство, он повернул к Саре перекошенное от боли лицо.

— Уходите...— прошептал он.

Какую-то долю секунды Сара колебалась, глядя ему в глаза, затем повернулась и быстро поползла по битому стеклу и обломкам к ближайшей двери. Это оказалось величайшей ошибкой. Сара очутилась в «чистой комнате» — стерильной, абсолютно герметичной, без окон. Туда вела всего одна дверь — та самая, через которую она вошла. Пули сыпались дождем. Сара притаилась за столом.

Терминатор бежал по холлу, как вдруг нерешительно замер перед видеомониторами. На одном он увидел Сару, попавшую в «чистую комнату». Терминатор тут же оценил ее положение и определил, где она находится. Затем резко повернулся и ринулся в обратном направлении.

Сара забилась в угол. Но толку от этого не было. Пули свистели вокруг, пролетая в каком-нибудь дюйме от нее.

Внезапно в стене за ее спиной образовался пролом, и ворвавшийся в него Терминатор схватил Сару за воротник и вытащил в холл.

Сара с Терминатором успели завернуть за угол. Там их поджидал Джон. Все трое кинулись к проходной.

Джон первым домчался до двери и попытался ее открыть. Заперто! Терминатор плавно снял с плеча М-79 и переломил ствол.

— Отойдите,— скомандовал он, доставая из патронташа гранату и заряжая гранатомет. Затем лязгнул затвором. За это время Сара и Джон успели только

пригнуться. Терминатор прицелился со словами:

— Заткните уши и откройте рот.

Они послушно выполнили приказ, и в тот же момент киборг нажал на курок.

Дверь и полстены в двадцати футах от робота рухнули. Взрывная волна со всей силы ударила Терминатора, но он устоял на ногах и ринулся в дымящуюся дыру, даже не дожидаясь, пока все осколки упадут на пол.

Терминатор провел Джона и Сару по темному коридору. Слезоточивый газ просачивался под двери и проникал в комнаты. Мать и сын начали кашлять. Сара сняла с шеи противогаз и протянула его Джону.

Терминатор шел впереди, на ходу перезаряжая гранатомет. Наверху оказалась еще одна запертая дверь. Терминатор щелкнул затвором и выстрелил.

Дверь с грохотом рухнула. Посыпалась штукатурка, пол усеяло горячими обломками. Джон и Сара вышли за человеком-машиной в следующий коридор. Терминатор перезарядил гранатомет.

В наступившей тишине командир отряда специального назначения осторожно пробирался сквозь задымленную лабораторию. Ступая по-кошачьи мягко, он обогнул письменный стол и резко вскинул винтовку, нацелив ее...

На Майлза Дайсона, который еще не умер. Хотя знал, что это случится очень скоро. Дайсон прислонился к столу и сидел, держа прямо над взрывателем тежелое руководство по электронике.

Он высказался яснее некуда.

— Один выстрел — и книга на взрывателе. И привет!

Дайсон дышал с невероятным трудом.

Не знаю... сколько еще... я смогу... держать эту штуку...

Тут командир вдруг впервые заметил провода, мины и канистры, расставленные по комнате. В глазах его мелькнул страх, это было видно даже через маску противогаза. Срочно приняв решение, он повернулся и, махнув рукой, приказал своему отряду бежать назад.

— Отступаем! Все назад! Попевеливайтесь! ЖИВО!

Полицейские удирали так стремительно, что столкнулись лбами со своими товарищами, взбиравшимися вслед за ними по лестнице.

Терминатор домчался до главных лифтов и нажал на кнопку. Сара и Джон старались от него не отставать. Они кашляли и на бегу по очереди дышали через противогаз. Дверь лифта открылась. Они вскочили, и кабина поехала вниз.

Дайсон полулежал на развалинах своей мечты, опираясь спиной о письменный стол. Он буквально купался в собственной крови, которая стекала тонкими струйками на пол. Дайсон дышал хрипло и часто. Он по-прежнему держал книгу над взрывателем, но руки его дрожали.

На мусорной куче, которая оказалась для него слишком драгоценной, Дайсон вдруг заметил что-то интересное: фотографию своей семьи. Стараясь не уронить книгу, Дайсон протянул руку и положил фотографию себе на колени. Жена и дети улыбались ему сквозь разбитое стекло. Из глаз Дайсона брызнули слезы. Он знал, что долго не протянет. А внутренний голос, его собственный голос, только чуть измененный, то есть более спокойный, просто сказал:

— Теперь можно уходить.

Но он хотел еще разок взглянуть на детишек и объяснить им, почему ему придется так быстро уйти. Они никогда не узнают то, что сейчас узнал он. Не увидят того, что он увидел за снимком своей семьи.

Белое, раскаленное пламя, цветком распускающееся в воздухе.

И не услышат того, что услышал он...

Крики в мегафон, треск вертолетов, далекий вой сирен — все вдруг стихло, заглушаемое ревом, который становился сильнее по мере того, как белый цветок в небе превращался в плотное касно-черное облако... Красно-черное пламя, бурля, вырывалось из черной, как уголь, тучи. Это было облако-столб, облако водородной бомбы, с невероятной силой потрясшей землю. Но тут Дайсон вдруг увидел, что облако отступает. Гром постепенно стих, его унес ветер, как это бывает, когда кончается страшная буря. Ураган сменился ласковым бризом, блеснули солнечные лучи, из солнечного света вдруг вынырнули Деннн и Блайт. Смеясь, они побежали навстречу Дайсону. За ними показалась улыбающаяся Тарисса. Залитые ярким светом они бежали по зеленому лугу к разрушенной лаборатории. Эта картина отчетливо запечатлелась в памяти Дайсона, она была такой живой и драгоценной, теперь он мог спокойно посмотреть в лицо вечности. А может, это подарок свыше? Он не знал. Он чувствовал, что причинно-следственные связи начинают ускользать от него. И желание еще раз повидаться с семьей постепенно затухало, уступая место какой-то странной самоиронии.

Дайсону стало почти смешно от того, что он лежит тут, как заколотая свинья, как жертвенный ягненок, истекающий кровью на обломках того, чему посвятил всю свою жизнь. До чего ж глупы люди, раз им приходится идти на такие крайности, спасая себя от военной техники, которая является их же собственным изобретением! Дайсон увидел себя таким, каким был когда-то; серьезным, целеустремленным человеком, вышедшим из хаоса негритянского гетто на яркий свет науки. И понял, что пока человек здесь, он вынужден играть в эти игры. Надо признаться, у него, Дайсона, когда-то это здорово получалось.

Но теперь, умирая, он хотел остаться в живых и стать другим Дайсоном, любящим, преданным семье так же, как когда-то был предан науке. Дайсон хотел рассмеяться, но подумал, что тогда разорвется на части и станет еще больнее. И сдержал смех. Вместо этого поднял глаза и снова взглянул на свою семью. Волосы людей на фотографии развевались от ветра, от того ветра истории, который, как Дайсон теперь понял, был ветром великих перемен. И ученому вдруг пришла в голову мысль, что...

Люди сами могут решать свою судьбу.

Если им позволяет рок.

Жизнь будет продолжаться.

Но история умерла.

Взгляд Майлза Дайсона застыл, различая то, что недоступно живому человеку, и это призрачное видение навеяло на его лицо тень улыбки. Но едва в глазах Дайсона померк свет, как его руки ослабли и книга упала на взрыватель...

Полицейские, прятавшиеся на улице с оружием наизготове, все еще напряженно ждали кровавой развязки. Они надеялись, что из здания вот-вот начнут выносить на носилках трупы. Или что подозреваемых под конвоем отведут к патрульным машинам. Ну, или, в крайнем случае, что отряды специального назначения перегруппируются и заново вооружатся. Но случилось то, чего они вовсе не ожидали.

Сверкающее стеклянное здание взлетело на воздух. Окна на втором этаже посыпались, и огромное, похожее на язык дьявола, пламя лизнуло небо. Вертолет стремительно метнулся в сторону от пожара. Вертолет стремительно метнулся в сторону от пожара. Горящие осколки попадали на крыши машин, и ряды полицейских нарушились — многие в панике кинулись наутек.

Только один из них упорно пробирался на мотоцикле сквозь смятенную толпу к горящему зданию. Он сбавил скорость только один раз — чтобы схватить удиравшего полицейского и вырвать у него из кобуры пистолет. Затем Т-1000 ворвался на мотоцикле в разбитое окно и, проехав по комнате, очутился в холле. Тщательно осматриваясь, он анализировал все вокруг. Обнаружив лестницу, Т-1000 ринулся по ней с такой скоростью, что удары колес о ступеньки слились в один сплошной треск.

Т-1000 влетел на второй этаж, весь затянутый дымовой завесой, выхватил автомат фирмы «Хечлер и Кох МПК» и медленно поехал по горящим комнатам, непрерывно сканируя все, что попадало в его поле зрения.

Горящих обломков становилось в коридоре все больше. Т-1000 внимательно вглядывался в шевелившиеся тени, ища свою жертву.

В нижнем вестибюле двери лифта раскрылись, и Сара выглянула в коридор. И тут же с обеих сторон от нее в стены вонзились пули. Отряды специального назначения заблокировали коридор.

Сара и все остальные оказались в ловушке, выхода из которой не было.

Джон повернулся к матери и попытался поддержать в ней дух шуткой:

— Не забывай, тучи всегда сгущаются перед тем, как кораблю пойти ко дну.

Кто-то из полицейских швырнул гранату со слезоточивым газом. Облаком окутало Сару и Джона, которые прижались к задней стенке лифта. Терминатор быстро просканировал вестибюль и, повернувшись к ним, сказал:

— Закройте глаза и не двигайтесь.

Они кивнули и зажмурились. Терминатор закинул на плечо гранатомет и, выходя из лифта, бросил:

— Я скоро вернусь.

Граната со слезоточивым газом рикошетом ударялась о стены, летя по коридору. Она упала прямо перед Терминатором, и из нее вырвалось белое облако, которое моментально заполнило пространство. Стоявшие в лифте Сара и Джон задыхались и совали друг другу в руки противогаз. Они в западне, и этот отравленный воздух и ненадежность крошечного убежища приводили Джона в отчаяние, близкое к панике. Он едва сдерживался, чтобы не сорваться с места и не кинуться по коридору куда глаза глядят.

Полицейские из отряда специального назначения стояли в дальнем конце холла и, сжимая оружие, смотрели на клубящееся облако. Они ждали, что преступники выйдут, наконец, из лифта и окажутся у них на мушке.

И тут кто-то спокойно выплыл из облака дыма. Ему все было нипочем. У него даже глаза не слезились.

Этого полицейского никто не ждал.

Командир крикнул в мегафон:

— Оставайтесь на месте. Ложитесь на пол, лицом вниз. На пол! Ну!

Однако Терминатор шел прямо на них, словно не слыша или не обращая внимания.

Полицейские напряженно замерли. Они никогда не видели ничего подобного.

Терминатор подходил все ближе и ближе.

Командир отдал еще один приказ:

— Уложить его на месте.

Коридор наполнился резким грохотом. Пули вгрызались Терминатору в грудь.

В живот.

В лицо.

В пах.

Его кожаная куртка, луже пробитая десятки раз, теперь разорвалась в клочья.

Командир отряда специального назначения пытался дать невозможному какое-то правдоподобное объяснение, решив, что парень, наверное, в бронежилете. Он поднял дуло и выстрелил подозреваемому прямо в лицо. Выстрел должен был разнести голову бедняги, словно дыню. Но голова лишь слегка качнулась, из дырки на щеке показалась кровь.

А парень по-прежнему шел на них!

Полицейские делали то, чему их учили: без устали жали на гашетку.

— Цельтесь ему в голову! — приказал командир, решив, что, наверное, его пуля оказалась бракованной.

Но полицейский, стоявший рядом с ним, испуганно ответил.

— Я целюсь.

Терминатор плавно вытащил свой кольт сорок пятого калибра. На внутреннем сканирующем устройстве робота загорелась надпись: «Оценка угрозы. Уничтожение запрещено. Только выводить из строя». Не торопясь, с таким видом, будто он разглядывает полки в магазине, Терминатор выбрал несколько мишеней. Затем выстрелил полицейскому, стоявшему к нему ближе всего, в левую ногу. Тот вскрикнул и упал, а Терминатор наклонился и поднял его оружие. Оно стреляло гранатами со слезоточивым газом, таких гранат в большом барабане целая дюжина. Терминатор выстрелил в грудь другому полицейскому. Граната попала в бронежилет и не пробила его. Но это было все равно, что угодить со всего размаху в живот человеку бейсбольной битой. Полицейский согнулся пополам и рухнул на кафельные плиты пола, ловя ртом воздух.

Терминатор оказался исчадьем ада: высокий, в черном кожаном костюме, заляпанном кровью. Один глаз у него был выбит, и в кровавой впадине поблескивал металлический привод. Мясо на щеке свисало клочьями, обнажая хромированный скелет. Полы куртки порвались, и под ними виднелась металлическая грудь.

Кое-кто из бойцов отряда специального назначения стоял близко и мог как

следует разглядеть робота. Это оказалось каплей, переполнившей чашу. В самый разгар битвы они пустились наутек. Один бросился бежать и...

Ба-бах! Граната ударила его в спину, и он растянулся на полу во весь рост. Терминатор выпустил в вестибюль три гранаты со слезоточивым газом. Белый газ быстро распространился по помещению, в нескольких футах уже ничего не было видно. В комнате царил полнейший бедлам.

Командир полицейских крался в тумане так стиснув винтовку, что даже пальцы побелели. Он совершенно не понимал, что происходит. Внезапно, прямо перед ним, в дыму вырос Терминатор.

Командир не успел и глазом моргнуть, как что-то гулко бабахнуло, и из нацеленного на него дула вырвался белый огонь. Пуля Терминатора впилась бедняге в ногу. Полицейский вскрикнул и, бросив винтовку, схватился за больное место. Терминатор сорвал с него противогаз. Командир упал на спину, корчась от боли, ловя ртом воздух и инстинктивно хватаясь за раненую ногу, чтобы остановить кровотечение.

Терминатор подошел к двум полицейским, стоявшим у входной двери. Выстрелил им по ногам и сорвал с них, уже падавших противогазы.

После этого перестрелка прекратилась. Никто ничего не видел. В дыму раздавались лишь крики и стоны.

В проеме входной двери выросла фигура Терминатора, и тут же наружу выкатились клубы дыма. Терминатор выпустил все оставшиеся гранаты со слезоточивым газом туда, где стояли машины. Полицейские, у которых не оказалось противогазов, кинулись почти вслепую обратно к машинам, толкая друг друга, забирались внутрь.

Это был полный разгром.

В фургоне какой-то полицейский поспешно раздавал оставшиеся противогазы своим товарищам. Внезапно в дыму за его спиной появился чей-то силуэт. Полицейский поднял глаза. Терминатор протянул ему оружие, в котором кончились заряды. Полицейский машинально взял его. Терминатор сорвал с него противогаз, схватил рукой за куртку и выволок в туман. Сам в два прыжка очутился на водительском месте. Ключей в замке зажигания не оказалось. Терминатор опустил солнечный козырек.

Ключи упали ему прямо на ладонь. Терминатору потребовалась какая-то доля секунды, чтобы заметить нечто любопытное. Он учился.

Робот завел мотор, и машина рванулась с места.

Слезоточивый газ в вестибюле уже начал рассеиваться. Уцелевшие полицейские уносили раненых, все были растеряны. Услышав крики и рев мотора, они подняли головы.

Раздался звон стекла и треск дерева — это полицейский фургон с размаху пробил входную дверь. Все кинулись врассыпную, а дымящийся фургон домчался до коридора, ведущего к лифтам, и остановился. Терминатор дал задний ход, пока не наткнулся на стену, таким образом перегородив проход.

Сара и Джон услышали стук и увидели, как в коридор въезжает полицейский фургон. Они обрадованно выскочили из лифта, пробежали по холлу и прыгнули в машину. Терминатор тут же нажал на газ. Распугивая полицейских, фургон быстро пронесся по холлу и вылетел через выбитое окно.

Лишь один полицейский не испугался.

Услышав перестрелку внизу, Т-1000 подъехал на громадном «Кавасаки» к окну и, посмотрев вниз, увидел фургон, выезжавший со стоянки. Полицейские стреляли вслед, но без толку.

Т-1000 понял, что снова засек цель.

Он быстро просканировал окружающее пространство, анализируя разные варианты. Потом увидел сквозь открытую дверь в дальнем конце холла вертолет, кружащий над зданием. Цель могла быть настигнута разными способами, но этот показался Т-1000 самым естественным. Робот тут же оценил все вытекающие из этого возможности. Вид вращающегося вертолетного винта притягивал его. Т-1000 внезапно выжал полный газ. Мотоцикл взревел, пулей промчался по узкому коридору, ворвался в комнату и, разогнавшись еще сильнее, полетел прямо к окну...

Мотоцикл пробил стекло и взмыл в воздух. В одно мгновение он перемахнул расстояние, отделявшее его от вертолета, и ударился о стекло кабины. От удара вертолет резко накренился. Изумленный пилот попытался выровнять машину, но вертолет накренило теперь в другую сторону, потому что мотоцикл сорвался вниз и упал на тротуар.

Однако сам Т-1000 удержался. Он прижался к разбитому колпаку кабины. Пилот в ужасе глядел на робота, а тот просунул в разбитый плексиглас голову и тут же быстро пролез в брешь целиком. Очутившись в кабине, Т-1000 снова принял облик полицейского Остина и уселся рядом с вертолетчиком. Потом схватил потрясенного пилота, сбросил его вниз и пересел на его место.

Потерявший управление вертолет начал падать на автостоянку. Т-1000 смог его выровнять, когда машина была в каких-нибудь десяти футах от земли.

Полицейские стучали по днищу вертолета, когда его длинный хвост проносился буквально в нескольких дюймах от их голов, но затем припали к земле, потому что вертолет резко взмыл вверх и пронесся над автостоянкой в том направлении, куда уехал полицейский фургон.

Выезжая на скоростное шоссе, Терминатор обернулся и взглянул на своих пассажиров. Сара и Джон не успели отдышаться и кашляли, наглотавшись слезоточивого газа. Терминатор посмотрел в зеркало заднего обзора и увидел свет прожектора. Их нагонял вертолет.

Сара осмотрела содержимое фургона. Это оказался передвижной оружейный склад. Там были винтовки, бронежилеты, все виды снаряжения.

— Джон, давай я тебя прикрою. Живей!

Джон сел в передний отсек фургона, и Сара положила на него груду пуленепробиваемых бронежелетов, полностью закрыв ими мальчика. Затем достала с полки у стены две винтовки М-16 и зарядила их. Она начала стрелять, а Терминатор виртуозно объезжал легковые машины и грузовики, которые, по сравнению с ним, еле ползли. Фургон шел на максимальной скорости — восемьдесят миль в час. Резко вильнув в сторону, он чудом не задел белый восемнадцатиколесный грузовик с прицепом. К счастью, потому что на боку грузовика синими буквами было написано: «Криоко Инкорпорейт. Жидкий азот». Столкнись они — и вряд ли бы кто-то остался в живых.

Вертолет кружил над ними, быстро снижаясь. Т-1000 высунул в разбитое стекло автомат МПК и выстрелил. По задней части фургона забарабанили пули.

Терминатор вилял из стороны в сторону, чтобы Т-1000 труднее было целиться. Шаткий фургон скрипел и качался, грозя опрокинуться. Окна были выбиты, и пули пронизывали кузов, чудом не задевая Сару, и вгрызались в кучу бронежилетов, прикрывающих ее сына.

Саре надоело быть жертвой. Однажды она уже испытала прилив ярости — когда первый терминатор убил Кайла. Им, значит, недостаточно того, что мишенью служит она? Когда близкому ей человеку грозила опасность, в ее душе вскипал неистовый гнев; она сама не знала, откуда он брался — казалось, боги войны, жившие в каком-то ином измерении, вселяли праведный гнев в ее душу. Вот и сейчас, разгоряченная яростью, она распахнула ногой заднюю дверь фургона и шарахнула по вертолету из М-16. Она при этом кричала во все горло, и пули, посланницы ее воли, продырявили то, что осталось от стекла кабины вертолета.

Т-1000 открыл ответный огонь, пронизывая автоматными очередями фургон.

Пули вонзались в тонкие металлические стены и со свистом рассекали воздух, то и дело попадая в жилеты, прикрывавшие Джона. Сара спряталась возле задней двери, за двумя бронежилетами из кевлара, и пули жужжали у нее над ухом.

Пользуясь наступившей паузой — Т-1000 перезаряжал оружие,— она высунулась и дала очередь по вертолету. Несколько пуль задело винты. Патроны в М-16 кончились, и Сара схватила другое оружие.

Терминатор обогнал помятый пикап, который переезжал из ряда в ряд: машину занесло, и она стала неуправляемой. Через секунду над ней промчался вертолет и снес винтом верх кабины.

Сара продолжала стрелять.

Т-1000 тоже.

Она ощутила толчок в бедро — несколько пуль угодило в кевларовый бронежилет. Сара потеряла равновесие и упала на пол, служа прекрасной мишенью для противника.

Терминатор увидел, что Т-1000 опять прицелился. Киборг нажал на тормоз. Взвизгнули шины. Сару отбросило вперед, туда, где лежал Джон, и она скрылась из виду для Т-1000, но...

Выглянув наружу, Сара и Джон увидели жуткое зрелище. Вертолет быстро снижался, падая прямо на заднюю дверь фургона. Фургон полетел на обочину. Казалось, чья-то гигантская рука подняла машину на несколько футов над асфальтом и отбросила на пару ярдов.

Винт у вертолета сломался. Задняя дверь была вдавлена внутрь, а колпак и фюзеляж разбиты вдребезги. Т-1000 оказался в клетке из перекореженного металла. Вертолет рухнул на мостовую, перевернулся, кувыркнулся и, превратившись в груду металлолома, застыл позади фургона.

Терминатор попытался удержать машину, которую от сильного удара занесло. Она вмазалась в разделительное ограждение на шоссе и, скрежетнув по бетону, отлетела в другую сторону. Терминатор до упора выжал газ, стрелка на спидометре снова подобралась к восьмидесяти. Робот умудрился увернуться от неуклюжего пикапа, тащившегося, словно змея, страдающая запором. Правый край переднего бампера загнулся от удара и вонзился в шину. Ее

срезало легко, словно кожуру апельсина. Металл застучал по мостовой, высекая из нее искры, фургон вильнул в сторону, накренился и...

Заскрежетав по асфальту, фургон перевернулся набок и замер.

Джон подполз к Саре, которая стонала, держась за раненую ногу. Она была бледна, как полотно.

— Мама! — окликнул ее Джон.

Сара медленно повернулась к нему, с трудом соображая где она и что с ней.

Терминатор осторожно вылез из помятой кабины.

Сзади, на дороге, валялся разбитый вертолет, превратившийся в дымящуюся груду искореженного металлолома. Грузовик с прицепом-цистерной резко затормозил перед этим странным препятствием. Задымились колеса. Грузовик буквально заходил ходуном, но все же ему удалось не врезаться в обломки вертолета.

Изумленный до глубины души Дейн Шорт соскочил с подножки. Чудом избежав столкновения с каким-то психом, он разнервничался и не захотел ехать на следующий день тем же маршрутом. Поэтому Дейн договорился с Уилсоном о подмене. Лучше уж перевозить овощи. Теперь он держал путь не на юго-восток, а на север, подальше от этих психопатов из пустыни. Однако сейчас Дейн вдруг усомнился в правильности своего выбора — за этот вечер он наблюдал две аварии.

Дейн лениво думал о том, о сем; в памяти всплыло лицо официантки из придорожного ресторанчика. Как ее звали? Клаудиа. Ее грудь...

И тут на дороге показалась груда обломков, из-за чего Дейну пришлось нажать на тормоз. Он почувствовал, как в цистерне пришло в движение несколько тонн сжиженного и очень холодного азота. И в ужасе представил, как азот, пробив в цистерне брешь, хлынул в кабину, и он, Дейн, превратился в эскимо.

Борясь с тошнотой, подступившей к горлу, Дейн поискал глазами, не уцелел ли кто-нибудь из пассажиров. Внезапно из груды обломков появился полицейский. Он шагал прямо к Дейну. Похоже, полицейский совсем не пострадал.

— Черт побери, вы что совсем... — только и успел произнести Дейн.

Т-1000 походя проткнул его клинком, даже не взглянув на свою жертву.

Дейн упал на колени и схватился за живот. Внутри все горело огнем. Стоило ему прижать руки к кровоточащей ране, как поплыло перед глазами. Не сразу сообразив, насколько он тяжело ранен, Дейн как завороженный следил глазами за легавым, у которого вместо руки был железный гарпун. Как он спокойно влез в открытую кабину грузовика и снял его с ручного тормоза. Мощный мотор взревел, машина рванулась вперед, выпуская клубы дыма, точно огнедышащий дракон.

Падая лицом на асфальт и проваливаясь в приятное небытие, из которого ему не суждено было выбраться, Дейн подумал, что Господь Бог очень даже крутой парень...

Впереди на шоссе Джон и Терминатор вытаскивали Сару из перевернувшегося фургона. У Терминатора болтался на плече М-79 и патронташ с гранатами, а за пояс был заткнут перезаряженный кольт сорок пятого калибра. Джон позаимствовал из арсенала ружье двенадцатого калибра.

Услышав лязг металла, оба, как по команде, обернулись. Грузовик с прицепом расшвыривал во все стороны валявшиеся на дороге обломки вертолета. Набирая скорость, он ехал прямо на них.

Джон схватил Сару за руки.

— Проклятье! Надо торопиться. Пошли.

К ним подъехал скрипящий пикап, который они недавно обогнали. За рулем сидел испанец лет пятидесяти. Он выпел из кабины и предложил пострадавшим свою помощь.

Терминатор сказал:

— Нам нужна ваша машина.

Не дожидаясь ответа, прошел мимо водителя, положил Сару на переднее сиденье и сел за руль. Джон уселся сзади. Водитель нервно попятился, решив, что еще легко отделался.

Грузовик несся прямо на них, выплевывая из хромированных выхлопных труб облака дыма.

Оценив обстановку, Терминатор рванул машину с места. Цистерна была уже в какой-нибудь сотне футов и все увеличивала скорость. Терминатор моментально рассчитал, что до столкновения осталось семь секунд. Времени хоть отбавляй. Он дал газ, но пикап попался старый, да еще с тяжелым самодельным кузовом из дерева, и разгонялся очень медленно.

Терминатор сделал перерасчет и понял, что до столкновения всего три секунды. Сорок процентов за то, что удастся увернуться...

Цистерна ударила полицейский фургон в бок и, взревев, отбросила прочь со своего пути. Раздался скрежет корежащегося металла. Т-1000 включил следующую передачу, и восемнадцатиколесное чудовище помчалось еще быстрее.

Зная, что грузовик висит у него на хвосте, Терминатор завертел руль, и пикап заметался с одной полосы на другую. Махина с азотом мчалась прямо на них, зловеще раскачиваясь цистерной.

— Живей! Он сейчас в нас врежется! — крикнул Джон.

Терминатор решил, что отвечать необязательно. Сейчас тактически куда более важно снять гранатомет, все еще висевший у него на шее, и достать гранату. Так киборг и сделал, продолжая вести машину одной рукой.

Джон посмотрел назад, на страшную хромированную цистерну с азотом, на зажженные фары.

Когда-то он уже все это видел...

Цистерна врезалась в пикап, и тот потерял управление. Т-1000 заехал сбоку и толкнул пикап к ограждению центральной разделительной полосы. Вертящиеся хромированные оси колес вонзились в дверцы пикапа с той стороны, где сидели пассажиры, другой бок пикапа скрежетал по ограждению.

Машина подпрыгивала и тряслась, ее швыряло то к стене, то к цистерне. Джон схватил окровавленную руку матери.

С боков пикапа сыпались искры. Вспыхнуло пламя. Лобовое стекло не выдержало.

Посыпались осколки стекла и обломки металла.

Потом начала сгибаться рама окна.

Пикап превращался в лепешку.

Джону показалось, будто у него изо рта вылетели зубы. Деревянный кузов вышел из игры, рассыпавшись на кучу дров.

Т-1000 еще крепче сжал руль, безжалостно крутя пикап. Терминатор пересел на пассажирское место. Не убирая ногу с педали газа, он приподнял Джона и пересадил его на водительское сиденье.

— Веди машину,— обыденным тоном велел он.

У Джона, естественно, возник вопрос:

— Ты куда?

Вместо ответа Терминатор ударил ладонью по разбитому лобовому стеклу. Оно вместе с пластмассовой рамкой завалилось куда-то на крышу пикапа. Джон стиснул руль, глядя как киборг залезает на приборную доску, а оттуда на капот. Держа одной рукой М-79, Терминатор повернулся и прицелился. Раздался треск вылетевшей гранаты.

Она пронеслась в футе с лишним от Т-1000 и ударилась о цистерну где-то у самого верха. Образовалась дырка, сквозь которую хлынул жидкий азот. Он лился на дорогу на скорости шестьдесят миль в час.

Громадная машина вильнула в сторону, и Т-1000 не сразу сумел ее выровнять. Цистерну качало, точно гигантский маятник.

Воспользовавшись тем, что преследователь сбивал скорость и клепи, в которые он зажал пикап, ослабли, Джон дал газу. Погоняемый ужасом он вырвался вперед на несколько ярдов.

Но цистерна снова набирала скорость, оставляя позади себя клубящийся дым, похожий на хвост кометы.

Терминатор, по-прежнему стоя на капоте и перезарядил гранатомет. Джон метнулся вправо и съехал на боковую дорогу, ответвлявшуюся от шоссе. Т-1000 тоже направил свою громадину на обочину и понесся за врагами, с каждой секундой наращивая скорость. Он был уже в двадцати футах. Терминатор выстрелил.

Граната пробила решетку радиатора и, взорвавшись, вывернула половину капота. Вырвавшееся облако окутало пикап. Выплевывая дым и пар, словно какой-то дьявольский паровоз, цистена догнала пикап и, подцепив его сбоку, поволокла прямо к большому заводу.

В хаосе непрекращающихся взрывов Терминатор пытался перезарядить оружие. В патронташе осталось всего несколько гранат.

Впереди маячила серая глыба сталелитейного завода. Ворота «Калифорния Стил Индастриз» слетели с петель, когда в них врезался полуразвалившийся пикап. Джон вскрикнул, отчаянно пытаясь удержать руль, но ему это не удалось. Пикап мчался по широкой дороге, которая вела к главному корпусу завода. Когда въезжали в ворота, Терминатор как раз пытался перезарядить гранатомет и выровнил его. Он схватил автомат, забрался на крышу кабины, перепрыгнул через то, что осталось от кузова и, в два счета оказавшись на капоте преследовавшей их цистены, выпустил всю обойму в лобовое стекло.

Прямо в лицо Т-1000.

Там сразу образовалась дюжина металлических кратеров. Удары на мгновение оглушили робота. Дотянувшись до кабины, Терминатор вывернул руль. Кабина начала поворачиваться в сторону, медленно, как в кошмарном сне. Терминатор вывернул руль так, что передние шины скрежетнули по

асфальту, и цистерна с азотом врезалась в кабину, повернутую к ней под прямым углом.

От страшного удара гигантская машина вздрогнула и затряслась, задымились шины. Цистерна начала переворачиваться.

Терминатор вцепился в заваливавшуюся на бок кабину. Машина, мчавшаяся со скоростью шестьдесят миль в час, опрокинулась с лязгом отверзающихся врат ада.

Искры засыпали все вокруг на сорок футов. Этакое жуткое дерби в ознаменование Дня Независимости. На такое зрелище билеты расхватают по любой цене, тем более, что случившееся, как выяснилось, было всего лишь прологом.

Джон бросил взгляд на то, что творилось сзади, потом повернулся и увидел стремительно приближавшееся здание. Массивные двери были открыты лишь на половину.

Выбора не было.

Он устремился прямо в щель, обдирая бока и без того сплющенного пикапа, и въехал в помещение завода, а Терминатор успел за одну секунду отцепиться от кабины грузовика и влететь в полуоткрытую дверь в тот самый момент, когда цистерна со страшным грохотом врезалась в здание.

Терминатор упал на пол, угодив в главный пролет цеха, и покатился по плитам, а всего в нескольких ярдах от него цистерна врезалась в массивную бетонную опору.

Раздался оглушительный скрежет. Цистерна лопнула, из нее хлынул жидкий азот, охлажденный до ста тридцати градусов.

Мальчику удалось затормозить и остановиться прямо у стальной колонны, подпиравшей потолок. Его и Сару швырнуло вперед, и они сильно ушиблись.

Терминатор, не выпуская из рук М-79, проехался по полу и, проломив ограждение, с размаху влетел в громадный прокатный стан.

Кабина разбитой цистерны дернулась в сторону, въехала в помещение и остановилась. По полу, шипя, начала растекаться ледяная лужа жидкого азота. Замерзающий пар клубился в воздухе, обволакивая место аварии.

Мгновение Терминатор лежал неподвижно. Но, произведя проверку внутренних повреждений, он приподнялся на локте и осмотрелся.

Джон вертел головой, сидя в разбитом пикапе. Он был оглушен, из разбитого носа текла кровь. Постепенно до него дошло, что он на сталелитейном заводе. Выли сирены, метались люди. Они что-то кричали. Мальчик повернулся, чтобы разглядеть, что их так испугало...

Стены азотного пара скрыли лопнувшую цистерну. Необычное сочетание огня и льда. Из больших домен по обе стороны широкого прохода вырывалось оранжевое пламя, а по проходу тек белый ледяной поток, над которым клубился замерзающий пар.

В середине сероватого облака Джон различил очертания полуразвалившейся кабины грузовика. Оттуда вылез Т-1000. Но едва он отошел от места аварии на несколько шагов, как шипящий, клокочущий поток азота захлестнул его ноги. Т-1000 зашатался и начал двигаться медленно-медленно, словно увяз в густой патоке. Наконец-то его проняло! Он силился подойти к Джону, но ноги робота примерзли к полу.

Мальчик, затаив дыхание, смотрел, как — дзинь! — нога Т-1000, замерзшая и остекленевшая от холода, сломалась. Робот качнулся вперед, и вторая нога тоже подломилась. Он попытался хоть как-то удержаться, но тут подвели голени. Робот рухнул на колени и оперся одной рукой о пол. Рука окунулась в жидкий азот и приросла к плитам. Т-1000 попробовал ее оторвать, и рука — дзинь! — переломилась в запястье. Черты Т-1000 исказилась от боли. Но, все равно, это была не та боль, которую испытывает человек или даже киборг. Джон увидел агонию жидкого металла. Молекулярные структуры Т-1000 отвердели, потоки энергии, идущие по ним, постепенно ослабли и совсем замерзли. Он разинул рот в безмолвном крике, ощущая, как его ноги и туловище покрываются инеем.

Он застыл.

Замерз на месте.

На его неподвижном лице навсегда запечатлелось выражение нечеловеческой злобы.

Робот-убийца превратился в ледяную статую, которая стояла на коленях в облаке холодного пара.

Жидкий азот теперь вылился из цистерны и начал быстро испаряться. Терминатор, стоявший у самого края лужи, прекрасно видел Т-1000. Он достал кольт и прицелился.

— Hasta lavista, малыш!

Бум! Одна-единственная пуля угодила в остекленевшего металлического человека, но этого оказалось достаточно, чтобы сбросить огромное молекулярное напряжение. Т-1000 взорвался. В воздух метнулись миллионы сверкающих, точно бриллианты, осколков. Они рассыпались по полу в радиусе примерно двадцати футов.

Терминатор опустил оружие и попробовал криво улыбнуться. Увы, лицо его здорово пострадало в последней переделке.

Он явно нуждался в длительном отпуске.

Сидевшая в никапе Сара была в очень плохом состоянии. Она не потеряла сознания, но страшно ослабела. Джон толкнул ногой дверь.

— Мама, пора выбираться отсюда. Пошли!

Мальчик помог ей слезть с сиденья. Ноги у Сары подкашивались. Джон ее поддерживал. Они заковыляли к Терминатору.

— Он умер? — спросил Джон, глядя на останки Т-1000.

И Терминатор, стоя на коленях, вглядывался в рассеивавшееся облако вокруг Т-1000. От жара печей уже почти весь азот испарился.

Обломки Т-1000 плавились, превращаясь в сотни ртутных капель, которые растекались по полу. В жидком металле отражались оранжевые отблески огромных домен.

Терминатор попробовал встать. У него было сломано плечо, раздроблена кисть, рука практически не работала. Два механических привода ноги тоже оказались повреждены, но их можно было починить. Однако в данный момент робот едва держался на ногах. Как только Джон с Сарой приблизились к нему, он сказал:

— У нас мало времени.

— Что? Но почему?

Терминатор указал на останки Т-1000. Сара и Джон увидели, что несколько капель, находившихся неподалеку, начали сливаться воедино. Через мгновение образовалась небольшая лужица. Лужицы дрожали и подтекали друг к другу, быстро собираясь в одну.

Сара была в каком-то забытьи. Тем не менее она прекрасно поняла, какими ужасными последствиями чревато то, что происходит, и в беспросветном отчаянии прошептала на ухо Джону:

— Это еще не конец.

Он ей поверил.

— Тогда пошли! Идем же!

Терминатор подставил Саре плечо, и они заковыляли в глубь завода.

А за их спиной происходило какое-то движение. Из лужи ртути образовалась серебристая голова. Она поднялась повыше, показались плечи, сделанные из жидкого металла. Голова повернулась и поглядела на свои жертвы.

Джон обернулся и вновь замер от ужаса, а...

Т-1000 уже стоял в полный рост. Он был еще металлический, но на лице быстро проступали человеческие черты. Робот сделал свой первый шаг по направлению к ним.

Сара споткнулась. Они поспешно подняли ее и зашагали вперед. Терминатор хромал, приволакивая сломанную ногу. Они зашли за угол и очутились в проходе между огромными пылавшими домнами. Это был какой-то чудовищный лабиринт. Жара стояла жуткая, воздух сотрясался от грохота. Сара вскрикнула от боли и снова споткнулась.

— Идем, мама! — настойчиво твердил Джон. — Ты справишься! Идем!

Они подняли Сару и опять заковыляли по проходу. Нога у нее была в крови, лицо покрывала смертельная бледность. Джон взглянул через плечо...

Т-1000, уже окончательно превратившийся в полицейского Остина, шел по главному коридору. Отблески адского пламени плясали на его бесстрастном лице. Он шел вперед: казалось, недавняя кристаллизация никак на него не повлияла. И когда он дотронулся до полосатых, черно-желтых перил, его кисть стала черно-желтой, а у локтя рука сохранила естественный цвет. Робот еле оторвал руку от перил. Раздался такой звук, как будто отдирают от поверхности клейкую ленту.

Т-1000 посмотрел на полосатую, черно-желтую руку, приказывая ей обрести нормальную окраску. Рябь от случайных или систематических помех пробежала по его телу. Что-то было неладно. Возникли сбои. И ведь одна рука вела себя столь странно!

При каждом шаге робота молекулы кафельных плит, которыми был выстлан пол, как бы «заполняли» ноги робота. Едва нога отрывалась от пола, она обретала свой нормальный цвет. Но стоило подошве прикоснуться к кафелю, и все повторялось сначала. Нога пыталась слиться с полом. Мимикрическая функция нарушилась, и система вышла из-под контроля.

Т-1000 продвигался вперед, сканируя окружающие предметы. Несмотря на сбои, он должен выполнить задание, а способности убивать робот не утратил. Он завернул за угол и вошел в проход между домнами.

Терминатор увидел сквозь дымку силуэт полицейского Остина, который шел по направлению к ним, а заметив их, даже побежал.

Терминатор положил руку Сары на плечо Джона.

— Идите.

Джон отрицательно покачал головой.

Т-1000 мчался со всех ног, грохая подошвами по бетону.

Терминатор подтолкнул Сару и Джона.

— Бегите!

Джон повиновался и потащил за собой Сару. Она из последних сил старалась не потерять сознания и в полубреду едва перебирала ногами. Наступив на провод, Сара поскользнулась и упала на колени. Джон тянул ее за руку, но она не могла подняться.

Джон плакал и молил:

— Пойдем, ты должна постараться... Пожалуйста, мамочка! ВСТАВАЙ!

Терминатор пытался зарядить своей поколеченной рукой гранатомет. С огромным трудом он засунул в ствол последнюю гранату. Т-1000 сделал шаг и выбил оружие из его рук. Оно с грохотом упало на пол. Граната вылетела и закатилась под печь.

Терминатор навалился всем телом на Т-1000 и прижал его к стене. Битва началась.

Джон и Сара добежали до конца прохода.

Тупик!

Обернувшись, беглецы воззрились на битву титанов, осыпаемых ворохом искр из доменных печей. Эта битва должна была решить судьбу десятков миллионов людей.

Терминатор схватил Т-1000 и с жуткой силой швырнул в противоположную стену прохода. Т-1000 даже не стал тратить время на то, чтобы перевернуться. Он моментально вывернулся на изнанку и лицо вдруг оказалось у него на затылке. Оторвавшись от стены, пошел прямо на Терминатора. Терминатор врезал Т-1000 своим огромным кулачищем. От такого удара рука киборга, словно в тесто, ушла по локоть в ртутное лицо Т-1000.

Голова Т-1000 за какую-то долю секунды превратилась в руку и схватила Терминатора, а сама появилась в другом месте. Части тела робота менялись местами с такой скоростью, что Терминатор не мог за этим уследить. Т-1000 подтащил киборга к большому приводному механизму конвейера и засунул туда его руку. Вращающийся маховик раздробил Терминатору локоть.

Терминатор боролся с машиной, затягивающей его в себя. Механические приводы дребезжали, испытывая огромную нагрузку. Т-1000 ринулся к своей главной цели.

Сара увидела робота, который несся к ним, как ураган. Вскрикнув, она втолкнула Джона в зазор между печами. Он упал, оказавшись в каком-то хитросплетении труб и балок.

Джон выглянул из узкой щели. Сара могла последовать за ним, но почему-то медлила. Вдруг что-то черное понеслось прямо на Джона. Он ахнул, глядя на надвигающийся стальной противовес, висевший на цепи толщиной в несколько дюймов. Джон отпрянул в сторону. Когда оглянулся, щели уже не было.

— Мама! МАМА-А-А-А-А!!

Терминатор старался дотянуться до стального багра, лежавшего рядом.

Рабочие передвигали им раскаленные докрасна болванки. Схватив багор за конец, Терминатор воспользовался им как рычагом. Титаническим усилием он раздвинул могучие клещи, впившиеся в него, и вытащил руку. Она была переломана в локте, из разбитого сустава торчали обломки.

Сара потеряла Джона из виду.

«Вот и простились» — подумала она и, повернувшись, увидела перед собой Т-1000, который мчался на нее, словно смерть с косой.

Сара отчаянно пыталась зарядить оружие. В последний момент ей это удалось, и она выстрелила.

Голова Т-1000 разлетелась на куски, но быстро приобрела прежнюю форму. Робот протянул к Саре руку. Она, как безумная, шарила по патронташу, пытаясь нащупать еще хотя бы один патрон и зарядить винтовку, но... Хлюп! Стальная игла проткнула Сарино плечо, и она оказалась словно бабочка на булавке. Полиморфный убийца вытянул вторую руку. Указательный палец, превратившийся в посверкивавшую иголку, был нацелен ей прямо в глаз. Игла должна была пронзить лобные доли и, загнувшись, пройти сквозь верхнюю часть продолговатого мозга.

Робот сказал тихим, скрипучим голосом:

— Позови Джона. Быстро!

Сара подумала, что пережила одного металлического мерзавца только для того, чтобы второй насадил ее на вертел. Она была перепугана, а главное, совершенно не владела собой от бешенства. Она заорала, корчась от боли:

— Катись ты к чертовой матери, дерьмо собачье!

Убедившись, что его требование не принято, Т-1000 решил прикончить Сару и отклонился назад, намереваясь нанести ей смертельный удар.

Что-то обрушилось на Т-1000 с такой силой, что его разломило с головы до пояса. Это был стальной багор. Терминатор отшвырнул убийцу в сторону.

Т-1000 отшатнулся от стены и, вытаскивая из своего туловища стальной багор, как смерч налетел на Терминатора. Он метался из стороны в сторону. Наносил удар за ударом. Терминатор с размаху стукнулся спиной о стену, его механизм не выдержал нагрузки, и робот застыл.

Позади Т-1000 висел на двух цепях подъемник, при помощи которого поднимают и закладывают в плавильню железные болванки. Подъемник ездил по рельсам. Полиморфное чудовище схватило его и толкнуло вперед. Прямо на Терминатора. Двухтонная махина проломила киборгу грудь.

Т-1000 оттянул подъемник назад и снова запустил им в своего врага. Терминатор наклонился в сторону, чтобы удар пришелся в плечо. Металл хрустнул. Он осел и, повернувшись, схватился за стенку агрегата.

У Терминатора нарушилась работа зрительной системы, изображение стало увеличиваться, и человек-машина потерял чувство равновесия. Когда ему на спину обрушился третий удар, переломив позвоночник и тазовые кости, робот запатался. Механические приводы заклинило, они погнулись и застыли, выразив свой протест стальным лязгом. Распятый на стене домны Терминатор упал на колени.

Четвертый удар Т-1000 пришелся киборгу между ключиц. Голова Терминатора упала на грудь. Он сполз на пол. Импульсы из глубинных структур посылали токи в его искусственный мозг. Терминатор не мог, как

человек, вспоминать свою жизнь, но в его память было введено много сведений. В том числе о жизни разных людей. Хаотическая картина человеческих чувств возникла в его мозгу, перед глазами проносились обрывки событий, случившихся за последние дни, а в ушах словно звучала прокручиваемая не на той скорости магнитофонная запись. Сара и Джон стоят на коленях и, обнимаясь, рыдают. Джон пытается скрыть свои слезы. Сара сражается с Т-1000, а у самой в руках такое жалкое оружие! Т-1000 бесстрастно реагирует на изменение обстановки... А потом на какую-то долю секунды Терминатор чудесным образом постиг смысл своего существования, смысл человеческих взаимоотношений. В его мозгу как бы произошел атомный взрыв, и киборг внезапно обучился тому, что не было запрограммировано его создателями.

Он научился чувствовать.

Терминатор упал на бетон, разряды энергии бомбардировали его мозг, словно потерявшие управление ракеты. Корчась в предсмертных конвульсиях, робот получил самый серьезный урок об органической жизни.

Плохо только, что у него не было времени хорошенько его усвоить.

Лежавший на полу Терминатор являл собой плачевное зрелище: этакая гора обломков. Но уцелевшие участки его полуразрушенного сознания сумели подключить запасной источник энергии. Небесная Сеть наделила терминаторов способностью справляться с очень серьезными повреждениями, они обладали столь высоким сознанием, которое позволяло им самим устранять свои внутренние неполадки и продолжать выполнять задание. И сейчас мозг человека-машины разыскивал связи между уровнями многослойного, точно луковица, мозга. И, несмотря, на большие внешние и внутренние повреждения, пытался найти запасные цепи для передачи команды.

Двигайся.

Двигайся.

ДВИГАЙСЯ...

Вспыхнула искра. Тут, там... Потом коленный сустав конвульсивно дернулся.

ДВИГАЙСЯ!

Нога согнулась.

Ни один человек в мире не мог бы оправиться от такого потрясения. Но ни один человек не обладает такой мощной системой команд, вмонтированной в каждую молекулу искусственного мозга.

Кроме того, Терминатору было явлено откровение, и он твердо намеревался встать. Несмотря на отказавшую систему механических приводов.

Киборг еле-еле полз вперед, волоча неподвижные ноги. Обрубок руки скрежетал по кафельному полу. Но красный компьютерный глаз, видневшийся на месте выбитого человеческого, горел решимостью.

Робот дотянулся до лежавшего неподалеку М-79, которому суждено было решить все проблемы. Затвор по-прежнему открыт. Робот подцепил оружие покалеченной рукой. Здоровой пытался достать последнюю гранату, закатившуюся под громадную плавильную печь. Он вытянул металлический палец и попробовал выкатить ее оттуда.

Ведь Терминатор еще не выполнил своего задания.

Т-1000 тоже. Подняв над головой тяжелый стальной багор, он с

сокрушительной силой обрушил его на врага. Багор врезался в спину Терминатора, попав точно в брешь, которая образовалась в броне, окружавшей его тело. Т-1000 раскачивал багор, стараясь расширить эту брешь. Потом нацелил багор острием вниз и пронзил грудь киборга.

Он пригвоздил Терминатора к полу.

Теперь киборг мог мечтать лишь о том, как бы свой последний, предсмертный удар...

Стратегия девять тысяч восемьдесят пять.

Терминатор отчаянно уцепился за эту мысль, но голова его упала на грудь, и он затих. Уцелевший глаз потух.

Т-1000 взглянул на киборга и решил, что заниматься им дальше тактически нецелесообразно. Внимание робота устремилось к главной цели, и он отправился на ее поиски, чтобы завершить выполнение задания.

Джон, словно крыса, выглядывал из щели между печами. Над ним грохотали агрегаты, за которыми никто не присматривал. Мальчик услышал, как кто-то тихо и настойчиво зовет его:

— Джон! Джон! Ты меня слышишь? Где ты?

Это была его мать.

Он вылез из темной щели и ступил на площадку возле громадного тигля. Внутри пылала расплавленная сталь. В раскаленном воздухе странно поблескивали окружающие предметы.

Джон увидел мать. Сара еле двигалась — нога была залита кровью. Джон рванулся к ней, услышав ее стоны:

— Помоги мне, милый...

Мама ковыляла к нему и, улыбаясь, протягивала руки. Но внезапно Джон замедлил шаг. Дело в том, что за маминой спиной выросла какая-то тень.

Это тоже была его мать. Она держала винтовку и целилась прямо в него.

Мальчик замер, глаза его округлились от изумления. Кто есть кто? Он посмотрел вниз. Ноги первой Сары сливались с полом, как бы растекаясь по плитам, на которые они ступали. До самих колен их цвет и фактура совпадали с плитами пола.

Джон закричал:

— Стреляй!

И метнулся в сторону.

Псевдо-Сара повернулась к нему спиной, тут же превратившись в полицейского Остина. Настоящая Сара принялась разряжать винтовку в Т-1000.

Бах!

Он попятился.

Щелк! Сара передернула затвор.

Бах!

Робот снова попятился.

Щелк!

Бах!

Еще раз.

Еще!

С каждым выстрелом Т-1000 отступал на шаг. Сара шла на него. Дырки, образовывавшиеся в его теле, теперь «зарубцовывались» гораздо медленнее. Из робота уходила сила. Сара снова выстрелила. У нее дико горели глаза.

Она теснила робота к краю, к котлу с расплавленной сталью.

Щелк...

Клац.

Кончились патроны!

Т-1000 шатался. Он еще не оправился от последнего выстрела. Но через секунду, как только затянутся раны, он придет в себя. Сара опять проиграла. Теперь он убьет ее, потом Джона, и Небесная Сеть будет праздновать победу. Сара завопила что есть мочи, собираясь ринуться вперед на робота и увлечь его с собой навстречу жуткой смерти, поджидавшей внизу.

Но когда ноги Сары напряглись, готовясь сорваться с места и подбежать к роботу, который уже начал приходить в себя, стальные пальцы Терминатора все-таки засунули гранату в ствол М-79.

Лежа на полу возле печей, Терминатор поднял голову.

Стратегия номер девять тысяч восемьдесят пять.

Последняя ставка.

С половины черепа Терминатора слезла человеческая плоть, обнажив хромированный остов. Красный глаз горел злобным огнем, точно предостерегающая об опасности лампочка. Терминатор защелкнул затвор обрубком руки и нажал на курок.

Он попал Т-1000 прямо в живот. Граната разорвалась, и полспины выворотило наизнанку.

Центр тяжести Т-1000 резко сместился, и он упал прямо в расправленную сталь. Джон с Сарой подбежали к краю ковша и в ужасе увидели, что на поверхность всплыли голова и верхняя часть туловища робота.

Т-1000 вопил. Это был жуткий вой сирены. Молекулы робота пытались вернуться на место, в нужные структуры, но страшная жара и огромное количество расплавленного металла вокруг сбивали их с толку. Робот менялся, преображался, перевоплощался во все, кем или чем успел побывать. Да так быстро, что Сара с Джоном с трудом могли уследить за ним.

Дженелл Войт тут же превратилась в разноцветный линолеум, потом в Льюиса, охранника, из лица которого торчали ножи, потом в других людей, и все это с невероятной быстротой, в мгновение ока, пока, наконец, все личины не слились в одну.

Хромированная фигура издала последний вопль и с головой погрузилась в расплавленную сталь. Ручейки жидкого серебра растеклись по раскаленной поверхности и растворились в сверкающей огненной массе.

Превратились в ничто.

Робот исчез.

Пустая винтовка выпала из Сариных рук и ударилась о пол. Сра положила здоровую руку на плечо Джону. Они обнялись, их тела сотрясались от рыданий.

Искалеченный киборг пытался подняться. Его механические приводы жалобно гудели и звякали оттого, что он пробовал встать на колени. Киборг рухнул на пол, но сделал вторую попытку.

Увидев это, Джон подбежал к нему и, выбиваясь из сил, принялся поднимать друга. Сара тоже пришла ему на помощь. Робот с трудом встал на ноги. С помощью друзей он доковылял до края ковша.

Терминатор поглядел вниз и убедился, что все кончено. Джон расстегнул молнию на Сарином рюкзаке и вытащил оттуда руку первого терминатора.

— Она растворится там? — спросил он.

Голос Терминатора звучал необычно: мягче, почти по-человечески. Может, это тоже было следствием поломок?

— Да. Брось ее.

Джон швырнул руку вниз, и она погрузилась в расплавленный металл.

Терминатор добавил:

— И главный процессор тоже.

Джон вынул его из кармана и бросил в ковш.

Сара увидела, что процессор почти тут же растворился. Она с трудом сделала вдох и тихо сказала:

— Вот и все.

— Нет. Есть еще один микропроцессор.

Терминатор ткнул металлическим пальцем в свою голову. И взглянул на Сару. Оба понимали, что должно за этим последовать.

Глаза Джона расширились от ужаса: он вдруг понял, что имеет в виду робот. Джон закачал головой.

— Нет.

Терминатор посмотрел прямо на Джона. После того, что робот перенес, он выглядел ужасно, но все равно вид у него оставался благородный и...

Добрый.

Человек-машина сказал:

— Я обязан уйти, Джон. Это должно кончиться здесь. Иначе я стану продолжением этой истории.

Он чуть отвернул лицо, и его израненная человеческая половина оказалась в тени. Джон видел лишь хромированный скелет и красный глаз.

И все же мальчик попросил:

— Не делай этого. Пожалуйста. Все будет хорошо. Останься с нами.

Терминатор положил руку на плечо Джона.

— Я должен выполнить задание.

Произнеся это, он повернулся к Джону своей человеческой стороной. Протянув руку, потрогал металлическим пальцем слезу, катящуюся по щеке мальчика.

Он вдруг сделал открытие.

— Теперь я знаю, почему вы плачете. Хотя сам никогда не смогу.

Терминатор повернулся к Саре и сказал:

— Прощай.

— Боишься?

Робот замялся прежде, чем ответить:

— Да.

Он боялся не потому, что должен прекратить свое существование как терминатор, а потому, что неожиданно увидел нечто, не входившее до этого в его представления о мироздании, нечто, непостижимое даже для Небесной

Сети. И это вселило в него первое в его жизни чувство.

Чувство страха.

Терминатор боялся идти туда, куда ему предстояло отправиться.

Конечно, его не стали ни о чем расспрашивать, да он бы ничего им и не сказал. Просто повернулся и занес ногу над краем ковша.

Когда Терминатор упал, время вдруг растянулось. В мозгу робота вспыхнул яркий свет. Он плыл вперед по туннелю, плыл на свет, погружаясь в нечто, похожее на забвение.

Или на спасение.

Соприкоснувшись с расплавленной сталью, искусственный мозг перегорел. Почти вся электронная активность затухла.

Почти...

Хромированный скелет растворялся в страшном вареве, точно так же, как тело Т-1000. Сара и Джон смотрели, как Терминатор погружается в кипящую сталь. Последней исчезла металлическая рука.

Но прежде чем исчезнуть, она вдруг сжалась в кулак, и робот успел поднять большой палец, подав им прощальный знак ободрения.

А потом его не стало.

Мать с сыном еще постояла, глядя на расплавленный металл. Джон вспомнил, что вторая рука Терминатора осталась возле домен, и побежал за ней. Это оказалась бесполезная, искореженная железка, но сам металл был из будущего, они с Сарой на этот раз не собирались оставлять врагам ни единого шанса.

Когда Джон побросал в ковш один за другим куски металлической руки, Сара почувствовала, как содрогнулась земля. Словно повернули какую-то гигантскую ось.

Конечно, потом Джон все хорошенько обдумал и понял, что это просто заработали большие агрегаты.

Но он ошибся.

Это возродилась история.

СУДНЫЙ ДЕНЬ

Вашингтон. 11 июля 2029 года.
Воскресенье. 10.12 утра.

Солнце ослепительно сияло в ярко-голубом небе. Под ним пышно зеленел парк. Люди были одеты по-летнему, кто в чем. Они катались на велосипедах, читали... Дети играли на площадках, раскачивались на кольцах, съезжали с горок. Карусель не расплавилась и не сгорела, ребятишки кружились на ней, пронзительно вереща. Светлоглазый малыш крутил педали трехколесного велосипеда.

Детские забавы остались неизменны и в эпоху технического прогресса.

За деревьями на белесом горизонте столицы вырисовывались знаменитый купол Капитолия и белый шпиль памятника Вашингтону.

Но были и здания, не существовавшие раньше: высокие небоскребы, выросшие в результате больших перемен. В небоскребах жили небогатые люди, и это стало возможным благодаря правительственным законам, которые

провел через Сенат молодой дерзкий политик. Квартиры предоставлялись не бесплатно — жильцы должны были отработать за них, но цена устанавливалась в зависимости от возможностей и способностей каждого.

И это было справедливо.

Двадцать девятое августа 1997 года настало и прошло. И ничего не случилось. Майклу Джексону стукнуло сорок. Люди, как всегда, отправились на работу. Они смеялись, горевали, смотрели телевизор, занимались любовью.

Судный день не настал.

Сара Коннор просидела все двадцать четыре часа в своей комнате, затаив дыхание. И когда утром снова взошло солнце и она убедилась в том, что ничего не случилось, ей хотелось с криком выбежать на улицу, схватить за руки прохожих и сказать им:

— С этого момента каждый день для вас — подарок свыше. Используйте его во благо.

Но они бы наверняка решили, что она сумасшедшая, а Сара была сыта психушкой по горло.

И вместо этого напилась.

Конечно, у Сары было много романов, попадались и очень красивые мужчины, но замуж она так и не вышла.

Сара, правда, не огорчалась. Ведь Кайл не умер. И его дело не пропало.

Именно благодаря Кайлу, благодаря его самопожертвованию удалось тогда развязать петлю времени. Кайл находился в самом ее центре. Он выбрался из-под руин, сохранив генотип, который помог ему выжить и создать силы, способные изменить историю. Но...

Откуда он явился? Кто была его мать? Где теперь его семья?

Сара даже наняла человека, чтобы тот разыскал другого Кайла, который, как и все прочие люди, должен был родиться и остаться в живых, и даже не подозревал, что однажды, в другом временном измерении, разразилась ядерная война, и люди отчаянно боролись за выживание.

Кайл не умер, он жил где-то в ее мире и, очевидно, был женат на милой женщине, имел детей и какую-то мирную профессию.

И, конечно, ему не было суждено познакомиться с Сарой.

И полюбить ее.

Он даже не понял бы, почему она смотрит на него глазами, полными слез любви и благодарности.

Ведь он уже не был бы тем Кайлом Ризом, которого она когда-то любила и который вернулся назад во времени, чтобы умереть до своего рождения.

За нее.

За человечество.

За Джона Коннора.

Поразмыслив над этим Сара, призвала частного детектива и отказалась от его услуг.

И никого никогда больше не любила так, как Кайла.

С той поры минуло тридцать лет. Но мрачное, так и не наступившее будущее все же существовало для Сары. И должно было существовать всегда, как отблески сновидения, постепенно рассеивающегося в утреннем свете. Война с машинами продолжалась. Вернее, война с теми, кто создавал вредные

машины для осуществления человеконенавистнических замыслов. Ибо Небесная Сеть была всего лишь единственным продолжением ненависти людей к себе подобным. И она нашла решение, до которого не додумались ни одни поработители.

Полное уничтожение.

Некоторые люди до сих пор мечтали создать свои Небесные Сети. А другие боролись с ними. На данный момент те, другие, победили. И хотя в мире еще вспыхивали войны, существовал голод и процветали коррумпированные правительства, люди поднялись на одну ступеньку вверх по эволюционной лестнице — правда, этого почти никто не заметил.

Никто, кроме нескольких человек, которые бросали вызов судьбе или, как теперь казалось Саре, вышли на какую-то, более правильную, жизненную дорогу.

И вот, спустя годы, Сара превратилась в хрупкую красавицу с какими-то странными шрамами и горько-сладким блеском в глазах.

Мужчины влюблялись в нее без взаимности.

Но одного она, конечно, обожала. Сейчас, сидя в тени дерева, она глядела на этого сорокалетнего мужчину, который играл неподалеку с двумя маленькими детьми.

У Джона Коннора были те же суровые черты, что и в другом временном измерении, но на глазу не было повязки, а на лице шрамов. Он очень отличался от изможденного человека с тяжелой судьбой, каким ему было суждено стать, если бы мир пошел по иному пути. Но глаза Джона смотрели по-прежнему проницательно, и в них светился ум. Ведь его характер закалился в горниле любви, а мудрость ковалась на наковальне воли.

Сара улыбнулась, глядя на Джона с материнской гордостью, и сказала в маленький диктофон:

— Джон ведет теперь другую борьбу, не такую, как предсказывалось судьбой. Его поле боя — Сенат, а оружие — здравый смысл и надежда.

Сара опустила диктофон, вспомнив, как делала для своего сына записи еще до его рождения, давным-давно, на Мексиканском шоссе, насквозь продуваемом ветром. И подумала о Книге, которую она начитала на магнитофон за те годы, что Джон подрастал. Конечно, Сара сохранила все эти записи и сейчас даже кое-что к ним добавляла.

Это устное предание должно сохраниться в ее семье и передаваться из поколения в поколение, пока, быть может, не станет сказочным мифом.

Или непреложным фактом...

Когда человечество, наконец, научится путешествовать во времени.

Хорошенькая четырехлетняя девочка подбежала к ней и указала на свой ботинок.

— Завяжи мне шнурок, ба.

Бабушка Сара ласково улыбнулась, склонившись над ножкой девочки, которую та поставила на скамейку. Когда дело было сделано, девочка чмокнула Сару в щеку и побежала играть с отцом.

Не стоит жалеть Сару. Она знала любовь. И теперь у нее было время обдумать прошлое и увидеть будущее. Пока ее сын продолжал борьбу, начатую ею и Кайлом.

Сара снова взяла диктофон и проговорила, подняв глаза к небу, к яркой лазури, очистившейся от скверны:

— Терминатор подарил мне роскошь надежды. Потому что, если уж машина смогла постичь ценность человеческой жизни, то и мы, наверное, тоже сможем.

Сара выключила диктофон и, откинувшись назад, подставило лицо ласковому ветерку.

ФРЕД САБЕРХАГЕН

«Большинству людей эта война принесла не чудеса выздоровления, а постоянное сокрушающее давление на их души, которому не видно предела и конца. Под этим грузом некоторые души огрубели, другие ожесточились, стали не менее жестокими, чем машины, с которыми приходилось сражаться.

Но я открыл несколько сознаний, которые были истинными жемчужинами человеческого духа. Величайшее испытание сделало их величайшими людьми».

Киборги-убийцы

Земной космопорт в пустыне Гоби был, наверное, самым большим из всех космопортов во всех уголках Галактики, освоенных человеком. Так думал, по крайней мере, Митчел Спейн, успевший за свои двадцать четыре года увидеть большую часть этих мест.

Правда, сейчас из иллюминатора переполненного орбитального челнока невозможно было полюбоваться бесконечными взлетно-посадочными рампами. Огромная толпа внизу, означавшая лишь восторженную встречу, разорвала полицейские кордоны. Вертикальная цепочка спускавшихся челноков замерла в поисках свободного места для посадки.

Митчел Спейн, вместе с тысячью остальных добровольцев, занимавших места в самом нижнем челноке, не обращал внимания на проблемы посадки: в кабину, когда-то служившую роскошным салоном, вошел Йохан Карлсен собственной персоной. Теперь у Митчела появился шанс взглянуть на недавно назначенного главнокомандующего обороной Солнечной системы. Случай представился впервые, хотя Митчел прибыл на земную орбиту в копьевидном флагмане Карлсена прямо с Остила.

Карлсен выглядел не старше Митчела, и его невысокий рост поначалу вызывал удивление. Ему удалось стать правителем планеты Остил с помощью влиятельного родственника, могущественного Фелипе Ногары, главы империи Эстил. Но удерживал Карлсен высокое положение благодаря собственным талантам.

— Поле блокировано до вечера, — говорил в этот момент Карлсен, обращаясь к какому-то землянину с холодными глазами. Тот как раз перешел на челнок из аэрокара. — Давайте откроем иллюминаторы. Я хочу взглянуть вокруг.

Мягко складываясь, ушли в гнезда щиты из стали и стекла. Смотровые иллюминаторы превратились в балкончики, открытые воздуху и

Мягко складываясь, ушли в гнезда щиты из стали и стекла. Смотровые иллюминаторы превратились в балкончики, открытые воздуху и запахам Земли, а также громоподобному скандированию толпы на поле космопорта:

— Карлсен! Карлсен!!!

Когда главнокомандующий ступил на обзорный балкон, наполнившие салон люди помимо собственной воли подались следом. В основном это были добровольцы с Остила, любители приключений, к которым принадлежал и Митчел Спейн. Марсианский бродяга, он вступил в армию Карлсена на Остиле, соблазненный высокими размерами наградных.

— Поосторожнее, провинциал, — сказал высокий мужчина впереди, оглянувшись и окидывая Митча презрительным взглядом свысока.

— Зовут меня Митчел Спейн, — хрипло предупредил его Митч. — И я такой же провинциал, как и ты.

Судя по одежде и акценту, долговязый грубиян был с Венеры.

Эту планету терраформировали всего столетие назад, и венериане, упиваясь новоприобретенной независимостью, иногда были чрезмерно горды и вспыльчивы. Вероятно, венерианин нервничал на корабле, полном людей с планеты, которой правил брат Фелипе Ногары.

— Спейн... похоже, марсианское имя, — сказал венерианин более мягким тоном.

Но марсиане также не славились терпеливостью и покладистостью. Поэтому секунду спустя долговязому надоело играть в гляделки, и он отвернулся.

Землянин с холодными глазами, чье лицо было почему-то знакомо втостраду Хосути. Там можно приземлиться.

Карлсен, вернувшись в салон, сказал:

— Передайте, пусть не спешат. Скорость не более десяти километров в час. Кажется, люди хотят меня видеть.

Это было и так ясно. Было бы просто непорядочно обманывать ожидания людей, потративших столько времени и усилий.

Митч смотрел на Карлсена, на поднятую в приветственном взмахе сильную руку. Главнокомандующий опять вышел на балкон. Шум толпы стал громче.

И это все, мой милый Карлсен? Нет, мой друг, ты актер. Восторг толпы не мог оставить равнодушным человека, кто бы он ни был. Одного он приведет в восторг, другого испугает. И ты хорошо спрятался за маской вежливого достоинства, главнокомандующий.

Каково быть Йоханом Карлсеном, спасителем мира? Появиться в решающий момент, когда все действительно великие и могущественные умыли руки? И с невестой уникальной красоты, которая станет твоей после победы?

А что сегодня делает брат Фелипе? Строит планы, нет сомнений. Предвкушает удовольствие от власти над еще одной планетой.

Долговязый венерианин уплыл куда-то в сторону, и теперь Митч хорошо видел происходящее снаружи. Море человеческих лиц. Какое-то стертое сравнение, но это в самом деле было море. Написать об этом... Митч знал, что когда-нибудь об этом напишет. Если глупость человеческая не прекратит существование вместе с родом людским в предстоящей битве, премии, пока он будет писать, хватит на жизнь.

Впереди виднелись молочно-белые, как кость, башни Улан-Батора, поднимавшиеся за кольцами пригородных скользящих дорожек и солнечных полей-энергосборников. В небе пестрели всеми цветами радуги яркие плакаты и знамена, влекомые массой аэрокаров. Полицейские кары кольцом предосторожности охватили челнок.

К челноку, после короткого контакта с полицейским экипажем, приблизился специальный аэрокар. Вытянув шею, Митч разглядел кармпанскую эмблему на борту. Очевидно, кармпанский посол собственной персоной. Челнок снизил скорость, теперь он полз улиткой.

Кое-кто считал, что кармпанцы сами похожи на машину, тем не менее они были серьезными союзниками в войне землян с врагами всего живого. Физически кармпанцы были медлительны и угловаты, но их разум, интеллект и воображение не знали равных. Если сами они почему-то не были способны физически защитить даже самих себя, их психические сверхвозможности, их косвенная помощь были более чем весомы.

В салоне челнока повисла робкая тишина, когда с сиденья открытого кара поднялся кармпанский посол: весь, с ног до головы, переплетение ганглий, щупалец и тканевых трубок.

В салоне челнока узнали кармпанца именно по этой сети. Возбужденный шепот прокатился волной над головами людей, многие вытягивали шеи, чтобы лучше видеть. Землянин с холодным взглядом что-то быстро проговорил в микрофон.

— Прорицатель! — хрипло прошептал кто-то прямо в ухо Митчу.

— Вероятного! — прогремел вдруг из усилителя голос посла, словно тот перехватил мысль на половине фразы. Кармпанские прорицатели Вероятного были наполовину мистиками, наполовину хладнокровными математиками. Помощники Карлсена, очевидно, пришли к выводу, что прорицание будет благоприятным и поэтому отдали приказ транслировать речь прорицателя по системе публичного оповещения.

— Надежда, искра живущая, рождающая пламя жизни!

Трудно было поверить, что звенящие, вдохновенные слова рождались во рту инопланетянина. Щупальце указывало на Карлсена, который стоял на балконе.

— Темные силы металла мечтают о победе, изначально мертвые существа строят планы нашего общего уничтожения. Но в человеке, стоящем передо мной, таится живая сила, превосходящая любой металл. Энергия этой жизненной силы эхом отзовется во всех нас. И я вижу, как с победой Карлсена...

Во время акта пророчества кармпанские прорицатели подвергались очень сильному напряжению, зато точность прогнозов была высока. Митч слышал, что стрессы имели топологическую, а не биологическую природу. Но, как и большая часть землян, Митч не понимал, в чем здесь дело.

— Победа... — повторил прорицатель. — Я вижу победу, но потом...

В лице инопланетянина что-то переменилось. Землянин с коммуникатором был, наверное, специалистом по инопланетной физиогномике или просто не любил рисковать. Он быстро сказал в коммутатор несколько слов, и система оповещения была выключена. Толпы встречающих, решив, что прорицание завершено, отреагировали восторженным скандированием. Но посол еще не все сказал, хотя теперь его слышали лишь те, кто находился внутри челнока.

Голос кармпанца дрожал:

— Смерть, разрушение, гибель. — Почти квадратное тело кармпанца согнулось, наклонилось вперед, но глаза были обращены на Карлсена. — Победитель... умрет ни с чем...

Кармпанец опустился на сиденье, и его аэрокар поспешил прочь. В салоне челнока было тихо. Доносившиеся снаружи крики «ура!» казались издевательством.

Несколько тягостных мгновений спустя главнокомандующий покинул балкон и обратился к собравшимся в салоне:

— Вы не слышали конец прорицания... Вас немного, но достаточно немного, чтобы держать его в секрете. Поэтому я не обязую вас хранить тайну. Но передавая слова прорицателя, добавьте, что я не верю в пророчества, идущие не от Бога. Кроме того, сами кармпанцы признают, что случаются ошибки.

Голос кармпанца дрожал:

— Смерть, разрушение, гибель. — Почти квадратное тело кармпанца согнулось, наклонилось вперед, но глаза были обращены на Карлсена. — Победитель... умрет ни с чем...

Кармпанец опустился на сиденье, и его аэрокар поспешил прочь. В салоне челнока было тихо. Доносившиеся снаружи крики "ура!" казались издевательством.

Несколько тягостных мгновений спустя главнокомандующий покинул балкон и обратился к собравшимся в салоне:

— Вы все слышали конец прорицания... Вас немного, но недостаточно немного, чтобы держать его в секрете. Поэтому я не обязую вас хранить тайну. Но передавая слова прорицателя, добавьте, что я не верю в пророчества, идущие не от Бога. Кроме того, сами кармпанцы признают, что случаются ошибки.

Ответом было молчание — знак согласия. Тем не менее все были мрачны. Девять раз из десяти прорицатели Вероятного давали верный прогноз, попадали прямо в точку. Будет победа, а потом смерть и разрушение.

Но касалось ли это одного Йохана Карлсена или человечества вообще? Люди в салоне мрачно переглядывались.

Челноки нашли подходящее для посадки место на краю Улан-Батора. Покинув салон, они почувствовали, как окружавшее веселье постепенно притупляет память о мрачном предсказании. С каждой минутой толпа вокруг челноков становилась гуще. Симпатичная молодая землянка в венке набросила Митчу на шею цветочную гирлянду и поцеловала. Митчел Спейн был некрасив и едва ли подходил для поцелуев. От такого непривычного внимания ему стало не по себе.

Однако он сразу заметил взгляд главнокомандующего.

— Марсианин, пойдемте со мной в генштаб. Мне нужна группа представителей, чтобы они не подозревали во мне агента брата. Вы родились в Солнечной системе, это хорошо.

— Слушаюсь, сэр.

Почему Карлсен выделил именно его? Они были одного роста, два невысоких человека в окружении ликующей толпы. Один, отталкивающе некрасивый, с гирляндой цветов на шее, обнимал за талию девушку, которая робко смотрела на лицо второго, излучавшее магнетическую силу власти, делавшую его выше

понятий красоты или уродства. Правитель целой планеты и, быть может, спаситель всего живущего.

— Мне понравилось, как ты держался в салоне, — сказал Карлсен Митчелу. — Как ты отбрил долговязого венерианина. Спокойно, не повышая голоса, без угроз. Твое имя, звание?

В этой войне все люди были на одной стороне, и военная иерархия отличалась некоторой неопределенностью.

— Митчел Спейн, сэр. Пока что без звания. Проходил подготовку с командой десантников. На Остиле услышал о хорошей премии, которую вы предложили, и вот оказался здесь.

— Чтобы защищать Марс?

— И Марс тоже. Но если еще и заплатят, будет неплохо.

Помощники Карлсена суетились, организуя подачу наземных машин, чтобы отправиться в генштаб. Пока они были заняты, Карлсен располагал парой свободных минут. Он внимательно посмотрел на Митча.

— Спейн? Поэт?

— В общем... я опубликовал пару вещей. Ничего особенного...

— У тебя есть боевой опыт?

— Да, я брал на абордаж один берсеркер. Это было возле...

— Об этом потом поговорим. Назначу тебя старшим в десантную команду. Нам не хватает опытных людей. Хемпфил, где же машины?

Землянин с холодными глазами повернулся. Конечно же, его лицо было знакомо Митчу. Теперь он вспомнил: Хемпфил, герой-фанатик более чем десятка схваток с берсеркерами. Помимо воли, Митч почувствовал робость.

Наконец прибыли машины. Делегация направилась в Улан-Батор. Боевой центр располагался под землей, что позволяло с полной выгодой использовать силовые защитные поля, куполом накрывавшие город по периметру и вплоть до границ атмосферы.

Когда они ехали длинным зигзагообразным эскалатором вниз, к боевому центру, Митч снова оказался рядом с Карлсеном.

— Поздравляю с будущей свадьбой, сэр, — вежливо сказал Митч.

Он еще не разобрался, нравится ли ему Карлсен, но уже испытывал такое чувство, словно знал этого человека много лет.

Главнокомандующий кивнул:

— Спасибо.

Потом он достал небольшой снимок. Иллюзорнотрехмерной, на нем была изображена молодая женщина. Золотистые волосы уложены по последней моде новой аристократии Венеры.

— Она очень красива. — Митч был совершенно искренен.

— Да. — Карлсен задумчиво посмотрел на снимок, потом его спрятал.

— Некоторые считают, что это просто политический союз. И Бог свидетель, нам этот союз в самом деле нужен. Но поверь, поэт, она значит для меня много больше.

Карлсен вдруг подмигнул Митчу с таким видом, словно хотел сказать: "И зачем я это тебе рассказываю?" Открылись двери. Они достигли катакомб Генерального штаба.

Среди членов Генштаба многие, хотя и не подавляющее большинство, были венериане. По тону их приветствий стало ясно, что венериане относятся к Карлсену со сдержанной неприязнью. Брат Ногары им совсем не был по душе.

Как и всегда, человечество не могло обойтись без тайных хитросплетений политики и борьбы клик и союзов. Парламент системы Сол и его Исполнительный Комитет выполнили задачу, нашли главнокомандующего. Если некоторые и возражали против кандидатуры Карлсена, то не потому, что сомневались в его возможностях. Заняв пост, он привел с собой отряды тренированных опытных людей, кроме того, больше никто не дал согласия взять на себя ответственность за оборону Солнечной системы.

Совещание началось в напряженной атмосфере, поэтому не оставалось ничего другого, как сразу перейти к делу. Враг, корабли-берсеркеры, оставили прежнюю тактику одиночных налетов: за прошедшие десятилетия обороноспособность колоний медленно, но возрастала.

Предполагалось, что количество кораблей-берсеркеров составляет около двухсот. Чтобы сломить сопротивление человечества, они начали формировать флот, чья совместная мощь была способна сокрушить оборону любой, самой укрепленной планеты. Необходимость собрать флот землян не терпела отлагательств. Предстояло защитить Солнечную систему, а потом, если возможно, покончить с основными силами механической антижизни.

— Итак, на этом мы все сходимся, — сказал Карлсен, выпрямившись и глядя на собравшихся вокруг оперативного стола штабистов. — Ни обученных людей, ни кораблей у нас в нужном количестве нет. Подозреваю, что только правительство Сол постаралось внести свою лепту в полной мере.

Кемал, венерианский адмирал, обменялся взглядами со своими сопланетниками, но удержался от комментариев насчет весьма скромной доли брата Карлсена, Ногары. Все равно другого лидера у них не было.

Карлсен продолжал:

— Мы располагаем флотом из двухсот сорока трех кораблей, специально сконструированных и переоборудованных для применения новой тактики, которую я предлагаю. Мы все благодарны Венере за ее более чем весомую лепту: сто крейсеров. На шести из них, как вы, наверное, знаете, установлены новые дальнобойные сверхсветовые пушки.

Похвала не оказала заметного действия на замороженные физиономии венериан.

— Итак, количественно мы имеем небольшой перевес в сорок кораблей. Нет нужды напоминать, что любой отдельный берсеркер значительно превосходит по огневому и энергетическому потенциалу любой наш корабль. — Он сделал паузу. — Тактика "таран — абордаж" должна дать нам преимущество неожиданности.

Главнокомандующий старательно выбирал слова, не желая откровенно признать, что фактор неожиданности был их единственной реальной надеждой. Это было бы слишком даже для суровых космических генералов, на собственном опыте знающих, что такое корабль-берсеркер.

— Другая проблема, — это нехватка опытных людей для абордажных команд. Набирая десантников, я сделал все возможное. Ядро десантников, уже подготовленных и еще обучаемых, составляют эстильцы.

Адмирал Кемал, кажется, понял, что за этим последует. Он отодвинул свое кресло, намереваясь встать, но решил немного выждать.

Карлсен спокойно продолжал:

— Тренированные десантники войдут в состав отрядов, каждый из которых будет приписан к определенному крейсеру. После чего...

— Одну минуту, главнокомандующий, — поднялся Кемал.

— Да?

— Вы намерены поместить отряды эстильцев на венерианские корабли?

— Мой план предусматривает и такой вариант. Вы против?

— Да. — Венерианин многозначительно посмотрел на соплеменников. — Мы все против.

— Тем не менее это приказ.

Кемал, с равнодушным лицом сел молча, стенокамеры в разных концах комнаты Генштаба тихо гудели, напоминая, что происходящее записывается.

Главнокомандующий на секунду нахмурился, на лбу появилась тревожная вертикальная складка. Он несколько мгновений молча и внимательно смотрел на венерианина. Все равно, ничего другого не оставалось, кроме размещения эстильцев и на венерианских кораблях тоже.

"Они не дадут тебе стать героем, Карлсен, — подумал Митчел Спейн. — Так устроен мир: люди глупы и не в состоянии сражаться на одной стороне все вместе, даже в такой войне".

В трюме венерианского крейсера "Солнечное пятно" Митч внимательно осматривал боевые латы, упакованные в предохраняющий контейнер, похожий на гроб. Митчела особо волновали локтевые и коленные сочленения.

— Может, мне нарисовать на нем знаки различия, капитан?

Слова принадлежали молодому эстильцу по имени Фишман, члену свежесформированной команды десантников, которую теперь возглавлял Митч. Фишман где-то раздобыл многоцветный стержень-ампулу, которой сейчас указывал на латы.

Митч окинул взглядом трюм, где деловито сновали десантники его команды, открывая контейнеры с оборудованием и экипировкой. Все шло своим путем, и Митч решил без нужды не вмешиваться.

— Знаки различия? Зачем? Разве что мы придумаем какую-нибудь эмблему для всей команды. Это было бы неплохо.

Бронекостюму едва ли требовались дополнительные опознавательные знаки. Будучи сделанным на Марсе, он отличался от других бронекостюмов некоторыми усовершенствованиями. Вероятно, лучших лат не было ни у кого. На бочкообразной груди костюма имелся значок: большой черный круг, разорванный красным зигзагом. Это означало, что Митч был участником победы над одним берсеркером. Точно такой же бронекостюм был у дяди Митча: марсиане любили бродяжничать в космосе.

— Сержант Маккендрик, — сказал Митч, — как вы себе представляете эмблему нашей команды?

Недавно назначенный сержант, молодой человек с тонким умным лицом, проходивший мимо, задержался, посмотрел на Митча, потом на Фишмана, словно пытаясь определить, кто из них по званию. Он нашел компромиссный вариант, устремив взгляд в пространство между двумя.

Его лицо вдруг помрачнело.

Венерианин с худощавым лицом, явно офицер, вошел в трюм в сопровождении отделения из шести вооруженных людей с повязками на рукавах. Корабельная полиция.

Офицер остановился, внимательно глядя на красящую ампулу в руке Фишмана. Когда в трюме установилась тишина и все присутствующие обратили внимание на его появление, венерианин сказал:

— Зачем вы украли ампулу со склада?

— Украл... ампулу? — Эстилец поднял ампулу, чтобы все видели. Очевидно, он думал, что это шутка.

Но корабельная полиция шуток не любила. Во всяком случае, шутки полиции никогда не нравились Митчу. Марсианин сидел на корточках рядом с контейнером. Внутри торса бронекостюма лежал незаряженный десантный карабин, и на всякий случай Митч положил руку на приклад.

— Мы на военном положении, — спокойно, даже мягко продолжал венерианин, обращаясь сразу ко всем собравшимся вкруг эстильцам. — Все люди на борту венерианского корабля подчиняются его законам. Кража из корабельного склада в период военных действий карается высшей мерой. Через повешение. Уведите его. — Он подкрепил приказ сдержанным жестом.

Ампула с громким стуком упала на палубу. С застывшей непонимающей улыбкой на лице, Фишман, казалось, сейчас сам был готов упасть.

Митч спокойно выпрямился, удобно расположив карабин на сгибе локтя. Практически карабин был двуствольной пушкой с устройством для гашения отдачи при стрельбе в невесомости. Им пользовались для уничтожения бронированных сервомашин берсеркеров.

— Одну минуту, — вежливо сказал Митч.

Двое полицейских, неуверенно двинувшихся было к Фишману, с готовностью подчинились, словно довольные, что появилось оправдание их нерешительности.

Офицер взглянул на Митча, хладнокровно вздернув бровь.

— Вы знаете, чем грозит нападение на меня?

— Какая вам разница как меня накажут, если я разнесу вашу мерзкую башку? Я капитан Митчел Спейн, я командую этим десантным отрядом и пока я им командую, никто не посмеет и пальцем дотронуться до моих людей без моего приказа. Вы кто такой?

— Господин Сальвадор, — сказал венерианин. Он оценивающе посмотрел на Митча, несомненно отметив, что тот был марсианином. В сознании господина Сальвадора закрутились варианты ответа. Выбрав нужный, он сказал:

— Если бы я знал, что этой ... группой командует человек, я бы не счел наглядный урок необходимым. За мной!

Последнее относилось к полицейскому патрулю и было подкреплено еще одним элегантным и сдержанным жестом. Не теряя времени, полицейские поспешили к выходу из трюма. Сальвадор взглядом пригласил Митча отойти в коридор. Мгновение помедлив, Митч последовал за венерианином. Господин Сальвадор невозмутимо поджидал его.

— Теперь ваши люди пойдут за вами куда угодно, капитан Спейн. В огонь

и воду, так сказать. Но придет момент, когда вы последуете за мной. — Чуть улыбнувшись, венерианин ушел.

Митч задумчиво смотрел на закрывшуюся дверь. Потом команда десантников разразилась победным воплем. Митча радостно хлопали по спине.

Когда люди немного успокоились, один спросил:

— Капитан, что он имел в виду, когда называл себя "господином"?

— У венериан это нечто вроде политического чина. Эй, парни, слушайте меня! Мне может понадобиться свидетель.

Митч поднял карабин и, чтобы все могли видеть, открыв затвор, показал магазин: он был пуст. Новый приступ веселья, включавший не очень лестные шутки в адрес удалившихся венериан.

Но господина Сальвадора со счетов сбрасывать было рано.

— Маккендрик, вызывайте мостик. Я хочу видеть господина Сальвадора. Остальные — за работу.

Юный Фишман, подняв ампулу, задумчиво ее разглядывал. До него постепенно дошло, как близка была веревка от его шеи.

Сальвадор был сама холодная сдержанность. И хотя Митчу удалось выяснить, что в настоящий момент не существует намерений повесить кого-нибудь из эстильцев на борту "Солнечного пятна", на ночь он выставил вооруженных часовых у входа в помещение десантной команды.

На следующий день его вызвали на флагманский корабль. Через иллюминатор челнока он наблюдал за танцем блестящих точек: часть кораблей, освещенная далеким Солнцем, уже начала тренировочные упражнения по тактике тарана.

За столом главнокомандующего сидел на этот раз не любитель поэзии и не будущий жених, но правитель планеты.

— Садитесь, капитал Спейн.

Кажется, все не так уж плохо, если приглашают садиться. Пока Карлсен завершал работу с какими-то документами, Митч мысленно перебирал все, что он читал о старинных церемониях, связанных с эпохой, когда создавались огромные организации, специализировавшиеся в войне с такими же другими организациями, убивая людей и уничтожая их собственность. Нет сомнений, люди оставались не менее жадными, чем в прошлом. Война с берсеркерами опять приучила их к навыкам массового уничтожения. Не вернутся ли былые времена, когда живое сражалось против живого?

Вздохнув, Карлсен отодвинул бумаги.

— Что вчера произошло между вами и господином Сальвадором?

— Он собирался повесить одного из моих людей. — Митч кратко пересказал события, не упомянув лишь о последних словах Сальвадора.

— Если я отвечаю за этих людей, я не могу допустить, чтобы их вот так хватали и вешали. Не думаю, чтобы они в самом деле так далеко бы зашли, но я решил играть не менее серьезно, чем они.

Главнокомандующий выудил из вороха бумаг нужный документ.

— Двое эстильцев уже были повешены. За драку.

— Чертовы венериане!

— Чтобы больше ничего подобного не было, капитан!

— Слушаюсь, сэр. Но должен вам сказать, что вчера на "Солнечном пятне" мы чуть не начали перестрелку.

— Я понимаю. — Карлсен безнадежно махнул рукой. — Они не способны нормально сотрудничать, даже если на карту поставлена судьба... Что такое?

Вошел землянин Хемпфил. Его тонкие плотно сжатые губы были бледнее обычного.

— Только что прибыл курьер. Атсог атакован.

Пальцы Карлсена смяли лист.

— Есть детали?

— Капитан курьера считает, что там собрался весь флот берсеркеров. Он успел стартовать в последний момент. Наземные системы еще держались.

Атсог... Значит, враг находился ближе к Солнцу, чем считали люди. Значит, их удар в самом деле будет направлен на Солнечную систему. Они знали, что именно здесь центр человечества.

В каюту входили новые посетители. Хемпфил шагнул в сторону, пропуская адмирала Кемала. За адмиралом, мимоходом бросив взгляд на Митча, следовал господин Сельвадор.

— Вы слышали новости, главнокомандующий? — начал Сальвадор. Кемал, уже приготовился открыть рот, раздраженно посмотрел на политофицера, но промолчал.

— Да, атакован Атсог.

— Мои корабли готовы выступить через два часа, — отрапортовал Кемал.

Карлсен вздохнул, покачал головой.

— Я видел сегодняшние маневры. В лучшем случае флот будет готов через две недели.

Кемал был потрясен до глубины души, и едва ли это было просто хорошей игрой.

— Вы не готовы?.. Вы отдадите на растерзание венерианскую колонию только потому, что мы не склонили головы перед вашим братом? Потому что приструнили ваших чертовых эстильцев?

— Адмирал Кемал, держите себя в руках! Вы, как и все остальные, обязаны подчиняться дисциплине, пока здесь командую я!

С большим усилием Кемал заставил себя успокоиться.

Карлсен говорил негромко, но вся каюта резонировала в такт его словам.

— Вы вешаете людей и называете это "приструнить"? Бог свидетель, я тоже готов кое-кого повесить, но я хочу добиться единства в действиях флота! Зарубите на носу: этот флот — наше единственное оружие против сил берсеркеров. Хорошо подготовленные и единые, мы имеем шанс победить.

Никто из присутствующих ни на минуту не сомневался в справедливости этих слов.

— Но даже если падет Атсог, Венера или Эстил, я не стану рисковать флотом, пока не удостоверюсь, что он готов к битве.

Наступила тишина, и Сальвадор сказал почтительно: — Главнокомандующий, курьер доставил еще одну новость. Леди Кристина де Дульчин находилась с визитом на Атсоге в момент начала атаки. Должно быть, она все еще там.

Карлсен на секунду зажмурился. Потом обвел взглядом каюту.

— Если у вас все, господа, вы свободны, — сказал он спокойно.

Митч и Хемпфил вместе шли по коридору флагмана. Хемпфил нарушил молчание, сказав задумчиво: — Карлсен именно тот человек, которого требует ситуация. Венериане пытались прощупать меня, они готовят заговор. Но я отказался. Карлсен должен остаться командующим, и об этом стоит позаботиться как следует.

— Заговор?

Хемпфил не стал вдаваться в детали.

— Эти венериане, они весьма подлые люди, — с отвращением сказал Митч. — Сначала они подождали, пока Карлсен признает флот неготовым к сражению, а потом выдали эту новость насчет его невесты на Атсоге.

— Он уже знал об этом, — сказал Хемпфил. — Мы получили информацию со вчерашним курьером.

Темное скопление, состоявшее из миллиарда осколков космической скалы и более древнее, чем само Солнце, было названо людьми Каменным Краем. На кораблях, стянувшихся к этой туманности, не было людей, а только машины, которые ничего не боялись, ничему не удивлялись, ни на что не надеялись. Они не знали, что такое гордость или жалость. Но у них были планы — миллиарды тончайших электронных вариаций — навечно встроенная в механические гены цель, стержень всех их черных намерений. Как будто подчиняясь инстинкту, когда время для этого подошло, когда их вечный враг, Жизнь, тоже начал сосредотачивать силы, берсеркеры объединились во флот.

Из подземных укрытий планеты, на языке людей зовущейся Атсог, удалось добыть изрядное число функционирующих жизнеединиц, хотя миллионы единиц были дезинтегрированы в процессе подавления защитных устройств планеты. Функционирующие жизнеединицы были источником ценной информации, а угроза приложения определенных стимулов заставляла сотрудничать самых упрямых.

Среди пойманных почти неповрежденными жизнеединиц, был и командующий обороной планеты, генерал Брадин. Его диссекция началась в присутствии других жизнеединиц. Тонкая наружная тканевая оболочка была осторожно снята и помещена на соответствующую раму для дальнейшего изучения. Жизнеединицы, отдающие приказы другим единицам, надлежало изучать с удвоенной тщательностью.

К сожалению, после этой операции стало невозможно поддерживать вразумительный диалог с генералом. Через несколько часов он перестал функционировать вообще.

Само по себе это было мелочью: еще одна единица водянистой материи освободилась от извращения, именуемого "жизнь". Зато поток информации от единиц, ставших свидетелями операции, возрос многократно.

Вскоре стало ясно, что люди формируют флот. Особенно важны были сведения о жизнеединице, управляющей объединенными силами людей. Постепенно, благодаря допросам и найденным записям, возник портрет главнокомандующего.

Имя: Йохан Карлсен. Его биография. Многие данные были противоречивы, но стало ясно: за относительно короткое время этот человек добился власти над миллионами жизнееединиц.

В ходе этой длинной войны берсеркеры аккуратно суммировали и сопоставляли данные о вождях. Теперь, пункт за пунктом, они сопоставили с этими данными все, что удалось узнать о Йохане Карлсене.

Поведение единиц-вождей иногда не поддавалось анализу, словно некое качество их болезни, называемой "жизнь", оставалось за границами понимания машин. Эти индивиды пользовались логикой, но при этом, казалось, иногда логикой себя не удосуживались ограничивать, их поступки как бы отрицали конечное превосходство законов физического мира и вероятности, как если бы они в самом деле владели сокровищем свободной воли, а не его иллюзией.

И Карлсен более чем принадлежал к этому крайне опасному разряду жизнеединиц. Его соответствие опасному для машин образцу поведения становилось все более очевидным с каждой следующей ступенью анализа.

В прошлом подобные "человеки" представляли локальную проблему. Теперь, когда один из них держал в руках бразды правления самым большим человеческим флотом, он начинал представлять серьезную угрозу для сил Антижизни.

Исход сражения едва ли мог быть неблагоприятным, поскольку флот людей насчитывал немногим более двухсот кораблей. Но пока вождем живых был человек вроде Йохана Карлсена, черные электронные души берсеркеров не находили себе покоя.

Отложить битву? Тогда их враг станет еще сильнее. Имелись косвенные данные, что изобретательные жизнеединицы создают новые виды оружия — новые и все более мощные корабли.

Безмолвная радиоконференция выработала решение. На краю Галактики, в тайных местах, уже миллионы лет ждали своего часа резервные корабли-крепости, затаившись среди темных пылевых туманностей и угасающих звезд. Наступил час призвать на битву все резервы. Силы Жизни должны быть сломлены раз и навсегда.

К галактической окраине помчали сверхсветовые кораблики-курьеры.

На подход резервов уйдет некоторое время. Пока можно было вернуться к допросам.

— Эй, слушайте, я готов вам помогать. И насчет этого парня, Карлсена, я много могу порассказать, я знаю, это вам нужно. Только имейте в виду, у меня организм очень нежный. Если будет больно, мой мозг не сможет работать как надо, так что без грубостей со мной, договорились? Иначе от меня никакого толку не будет.

Это был необычный пленный. Допрашивающий компьютер подключил к себе новые контуры, выбрал нужные символы и выстрелил ими в жизнеединицу перед ним.

— Что ты можешь рассказать мне о Карлсене?

— Значит, вы со мной будете нормально обращаться, так?

— Полезная информация будет награждаться. Ложная повлечет за собой неприятные стимулы.

— Вот что я вам расскажу. Здесь находится женщина, на которой Карлсен должен жениться. Она была в одном убежище с генералом Брадиным. Если вы сейчас создадите мне нормальные условия, дадите мне управлять другими пленными, я придумаю хороший способ ее использовать. Если вы просто сообщите, что поймали ее, он ведь может вам и не поверить, поняли?

Достигнув края Галактики, металлические геральды пробудили своими зовущими сигналами резервные силы Антижизни. Специальные детекторы, уловив сигналы, заставили вспыхнуть холодное пламя двигателей. Радиоактивно-полевые стратегические центры, мозг каждого берсеркера, перепрыгнули на более активный уровень функционирования. Машины пришли в движение, освобождая многомильные металлические тела от спячки, стряхивая пыль, лед, камень или грязь, поднимаясь, разворачиваясь, ориентируя себя в пространстве. Собравшись в единую флотилию, они помчались быстрее света туда, где разрушители Атсога ждали подкрепления.

С прибытием каждой резервной машины объединенный мозг флота увеличивал вероятность победы. И все же аномальные свойства одной-единственной жизнеединицы по имени Йохан Карлсен лишали прогноз стопроцентной гарантии успеха.

Сильной волосатой ладонью Фелипе Ногара погладил светящийся сегмент панели. Центр огромного кабинета занимала большая сфера-дисплей, в данный момент представлявшая исследованную часть Галактики. Нажатием клавиши Ногара заставил сферу померкнуть, а потом постепенно начало возникать новое изображение.

Только что одним движением пальца Ногара устранил фактор берсеркеров со схемы политической игры. Его наличие давало слишком широкий спектр вариантов. Сейчас его волновала конкурирующая мощь Венеры и пара других сильных и агрессивных планет.

Абсолютно изолированный в своем кабинете от гула Эстил-сити и рутинной деловой суматохи, Ногара наблюдал за картиной, которую создавал компьютер, демонстрируя соотношение политических сил через год, два, пять лет. Как и предполагал Ногара, влияние Эстила будет возрастать. Вполне возможно даже, что он станет правителем колонизированной части Галактики.

Ногара сам удивился собственному спокойствию, с которым он воспринял такую идею. Десять-пятнадцать лет назад он выжимал из себя всю энергию и волю, чтобы продвинуть собственное влияние, расширить его сферу. Постепенно ходы в политической игре стали получаться автоматически. И вот теперь, когда он так близок к положению властелина человечества, это доставляет ему меньше радости, чем победа на самых первых выборах.

Это было объяснимо. Чем крупнее победа, тем, чтобы вызвать прежнее наслаждение, больше должны быть результаты. По крайней мере, когда он в одиночестве: если бы этот прогноз сейчас видели помощники и советники, их радостное возбуждение передалось бы и ему.

Но он был один, и поэтому только вздохнул. Флот берсеркеров не исчезнет по мановению волшебной палочки. Сейчас в помощи нуждалась Земля. Но вот в чем проблема: слишком большая доля кораблей и людей, посланная на помощь, ослабит ход других проектов Ногары. Старушка Земля должна пережить атаку берсеркеров без дополнительной помощи Эстила.

Фелипе с некоторым удивлением отметил, что он готов пожертвовать даже Эстилом, лишь бы не выпускать из рук контроля над текущим ходом событий. Почему же так? Он, конечно, не слишком любил свою планету и ее народ, но

ведь он был хорошим правителем, не каким-нибудь тираном. Хорошо организованное управление означает, в конце концов, успешную политическую игру.

В рабочем столе мелодично прозвенели колокольчики. Появилось нечто новенькое и любопытное. Ногара решил ответить.

— Сэр, — сказал женский голос, — в душевой ждут две новые возможности.

Над столом Ногара ожила проекция скрытых камер — блестящие в тонких струях воды тела.

— Прямо из тюрьмы, сэр, готовы на все ради передышки.

Но Ногара чувствовал в себе только усталость и даже... да, некоторое презрение к себе. Но почему я не могу искать наслаждение там, где мне этого хочется? Может, я скоро стану садистом? Но если да, то почему бы и нет?

А что потом?

— Потом? — сказал он, и изображение погасло.

Может попробовать стать верующим для разнообразия? Грех... для Йохана это было бы колоссальным наслаждением. Если бы он мог грешить.

Какое истинное удовольствие видеть Йохана во главе флота. Как взвились эти выскочки венериане! Возникла, правда, новая проблема. Йохан, победив берсеркеров, окажется величайшим героем в истории. Не проснутся ли в нем опасные амбиции? Нужно будет постепенно вывести его из сферы общественного интереса, дать какую-нибудь почетную должность, тяжелую, грязную, но полезную работу. Искать преступников, например, где-нибудь у черта на куличиках. Йохан есть Йохан, он, скорее всего, согласится. Но если захочет взять власть в Галактике в свои руки, пусть смотрит в оба. Любую пешку можно удалить с доски.

Ногара покачал головой. Допустим, Йохан проиграет сражение и Солнечная система погибнет. Победа берсеркеров означает конец человечества как такового. На это им понадобится несколько лет. Ясно и без компьютера.

В столе лежала коробочка. Ногара достал ее и внимательно осмотрел. В коробочке хранился финал бесконечной шахматной игры, конец всем наслаждениям, скуке и боли. Ногара смотрел на флакончик в коробке совершенно спокойно. Это был сильнейший наркотик, бросавший человека в невыразимый экстаз, невероятное трансцендентное переживание, через несколько минут кончавшееся сердечным приступом или кровоизлиянием в мозг. Когда-нибудь, когда он исчерпает себя и мир, когда Вселенная окажется окончательно под пятой берсеркеров, он...

Ногара осторожно вернул флакончик в коробку, а коробку — на место. Он отодвинул в сторону бланк космодепеши с последним отчаянным призывом Земли увеличить помощь. Какая разница? Ведь космос и так уже принадлежит берсеркерам, разве нет? Все было заранее предопределено движением молекул в газовых вихрях, еще до рождения звезд.

Фелипе Ногара откинулся на спинку кресла, наблюдая, как компьютер расставляет фигуры на галактической шахматной доске.

По всем кораблям флота пронесся слух, что Карлсен намеренно оттягивает выступление флота, так как берсеркерами осаждена венерианская колония, но

Митч не заметил ничего похожего на неоправданную задержку. Времени было только на еду, сон и работу. Когда было покончено с последними упражнениями и учебными тревогами по схеме "таран — абордаж", когда были погружены, проверены и размещены последние контейнеры с оборудованием, боеприпасами и оружием, от усталости Митч не почувствовал даже радости — только облегчение. "Солнечное пятно" заняло место в формации сорока других стрелообразных абордажных крейсеров и вместе с ними погрузилось в первый сверхсветовой прыжок, начав глубинный поиск врага.

Прошло несколько дней, и серая однообразная рутина полета была нарушена звоном боевой тревоги. Сигнал разбудил Митча. Автоматически, не успев как следует открыть глаза, он скатился с койки и начал надевать бронекостюм, стоявший в специальном гнезде. Кто-то из десантников проклинал учебные тревоги, но все облачались в латы с удвоенной скоростью.

— Говорит главнокомандующий Карлсен, — загудел динамик на потолке. — Это не учебная тревога, повторяю, это не учебная тревога. Замечены два берсеркера. Один — на границе нашего радиуса. Скорее всего, он уйдет. Его преследует Девятая эскадра. Второму не уйти. Через несколько минут мы его окружим и заставим выйти в нормальное пространство. Мы его сначала немного подогреем, а потом поглядим, как вы освоили домашнее задание. Если в тактике абордажа остались ляпы, сейчас самое время выяснить, какие. Эскадры Два, Три и Четыре выделят по одному кораблю для тарана и абордажа. Командирам эскадр связаться со мной на частоте главнокомандующего.

— Четвертая эскадра, — вздохнул сержант Маккендрик. — У нас эстильцев больше всего в компании. Нас не пропустят.

Словно зубы дракона, посеянные во тьму, десантники лежали, пристегнувшись к противоперегрузочным креслам (несколько минут назад они служили им койками), пока специальная психомузыка снимала стресс ожидания атаки. Верующие молились. Митч подключил свой интерком к каналу главнокомандующего и изредка передавал своим людям сообщения о ходе боя.

Ему не было страшно. Почему люди так боятся смерти? Ведь смерть — всего лишь конец восприятия окружающего мира, который неизбежен, а то, что лежит за ним — невообразимо...

Предварительная бомбардировка не заняла много времени. Берсеркер был пойман в ловушку, загнан в центр сферы из двухсот тридцати земных кораблей. Но он сражался не менее храбро, чем лучшие из людей, презрев неизбежность поражения. Как можно драться с машинами, подумал Митч, если они не знают боли и страха?

Драться с ними трудно, но победить их возможно. И на этот раз на стороне людей было подавляющее огневое превосходство. Они могли испарить берсеркера полностью. Но лучший ли это вариант? В любом случае во время тарана погибнут десантники. Нет, прежде чем начнется настоящее сражение, им крайне необходима реальная боевая проверка тактики тарана. К тому же на берсеркере могут быть живые пленные, тогда десантники их спасут. Главнокомандующий был, как всегда, прав. И, как всегда, уверен в собственной правоте.

Приказ был отдан. "Пятно" и еще два корабля начали падение к центру сферы, к пойманному врагу.

Ремни надежно держали Митча, но гравитацию отключили, и поэтому казалось, что надвигающийся удар тарана заставит его трястись, как шарик в погремушке. Темнота, мягчайшее амортизационное кресло и баюкающая психомузыка. И всего несколько слов по каналу интеркома, но тело уже напряглось, а мозг живо представил холодные черные раструбы, броню машин и пляску могучих силовых полей снаружи. Вот сейчас...

Реальность пробила щадящую оболочку обивки и музыки. Кумулятивный ядерный заряд на кончике таранящего носа распорол бок берсеркера. За пять секунд таран испарился, пропуская в пробоину настоящий корпус "Пятна". Теперь "Пятно" торчало в берсеркере, как стрела в теле врага.

Митч вышел на последнюю связь с мостиком. Мимо проносились его десантники. Сигнальные огни на латах зловеще мигали.

— По моей панели свободен только порт Три, — сказал Митч. — Мы выходим через него.

— Помните, — донесся голос венерианина, — что ваша главная задача — защищать корабль от контратаки.

— Понял вас.

За кого они принимают Митча? За бойскаута на экскурсии? Но времени отвечать на обидные ремарки не было. Он отключил связь с мостиком и поспешил за своей командой.

Два других корабля попробуют атаковать стратегический центр в глубине корабля-крепости. В задачу десантников "Солнечного пятна" входил поиск живых пленников. Обычно берсеркеры держали пленных людей недалеко от внешнего корпуса. Площадь поиска составляла добрую сотню квадратных километров.

Никаких признаков контратаки. Только скрученный металл и поврежденные машины. Берсеркеры не были рассчитаны на бой внутри самих себя, под собственной металлической кожей, и на это делали ставку люди, применяя новую тактику борьбы с Антижизнью.

Митч оставил сорок человек охранять корпус и входной порт и лично повел отделение из десяти десантников в черный лабиринт. У идущего первым имелся специальный масс-спектрометр, засекавший атомы кислорода, неизбежно протекавшего из камер с пленными. Идущий последним помечал пройденный путь специальной светящейся краской из пристегнутого к руке прибора. Без этих меток они неизбежно бы заблудились в трехмерном лабиринте.

— Чую след, капитан, — сказал спектрометрист через пять минут поиска.

— Держи его, — Митч шел вторым, с карабином наготове.

Детектор вел их по кругам невесомого и черного механического ада. Несколько раз спектрометрист подкручивал калибровку, помахивал зондом. В остальном они продвигались быстро: все десантники умели двигаться в невесомости, и здесь у них хватало опор для толчков. Отделение двигалось быстрее, чем если бы они бежали.

Впереди вдруг вырос черный многорукий силуэт, жонглирующий сине-белыми дугами огня, как мечами. Сознание Митча не успело еще сориентироваться что происходит, а его карабин уже дважды выстрелил. Снаряды вскрыли броню на груди машины и отбросили корпус назад. Но это был простой ремонтный робот-манипулятор, а не специализированный боевой механизм.

Спектрометрист оказался парнем с железными нервами, он даже не снизил темпа. Отделение нажимало следом. Свет прожекторов кромсал черный вакуум коридора, случайные отражения немного смягчили контраст белого сияния и чернильной тьмы.

— Подходим!

И через минуту они были в нужном месте. В полу имелось отверстие наподобие колодца. Рядом находился яйцеобразный бронированный предмет, похожий на спасательную капсулу.

— Кислород вытекает из капсулы.

— Капитан, с этой стороны воздушный шлюз. Наружная створка открыта.

Люк наводил на мысль о ловушке.

— Держите ухо востро, парни, — сказал Митч, входя в шлюз. — Если через минуту не появлюсь, пробивайте стенку и вытаскивайте меня.

Шлюз был стандартный, вероятно, вырезанный из земного корабля. Митч закрыл наружный люк, потом открыл внутренний.

В центре кабины, в противоперегрузочном кресле, лежала обнаженная женщина. Митч подплыл ближе. Голова женщины была обрита наголо, кое-где краснели капли крови, словно совсем недавно отсюда были убраны зонды.

Свет прожектора ударил в лицо женщины, она открыла неживые голубые глаза, несколько раз моргнула, как механическая кукла. Митч, еще не убедившись, что имеет дело с живым человеком, дотронулся до ее руки металлическим пальцем перчатки. И тут же ее лицо ожило, ожили глаза. Она закричала, словно пробуждаясь от ночного кошмара, прозрачные бусины слез повисли в воздухе кабины.

Митч поспешил заговорить с ней и успокоить. Повинуясь его приказам, она взяла в рот конец дыхательной трубки от баллонов скафандра. Еще несколько секунд, и она была закутана в кокон аварийного одеяла, на время предохраняющего от вакуума и холода.

Другого источника кислорода спектрометрист не обнаружил. Митч отдал приказ возвращаться к кораблю по собственным светящимся меткам-следам.

Как он узнал возле абордажного люка, атака проходила не очень успешно. Стратегический центр обороняли настоящие боевые роботы. Восемь десантников уже были убиты. Еще два корабля намеревались совершить таран.

Митч пронес девушку через абордажный лаз и три дополнительных люка. Чудовищный корпус "Солнечного пятна" завибрировал: завершив свою миссию и втянув десантников, корабль отходил. Вернулась сила тяжести и свет.

— Сюда, капитан.

На табличке было написано "карантин". Уже бывали случаи, когда берсеркер заражал пленных каким-нибудь смертоносным вирусом.

Внутри лазарета Митч развернул кокон, освободив лицо девушки, но оставив прикрытие над обритой головой. Потом открыл свой шлем.

— Трубку можно выплюнуть, — хрипло сказал он.

Она послушно выплюнула наконечник и открыла глаза.

— Это не сон? — прошептала она. — Вы настоящий? Я хочу дотронуться! — ее рука потянулась к лицу Митча, коснулась щеки, шеи.

— Вполне настоящий. Теперь вы в безопасности.

Вдруг один из медиков остановился, как вкопанный, внимательно посмотрел на девушку и стрелой вылетел из лазарета. Что произошло?

Другие доктора тревоги не выказывали, уверенными голосами успокаивая девушку. Но та не отпускала Митча, едва не впав в истерику, когда их попытались разлучить.

— Наверное, вам лучше остататься рядом, — сказал врач.

Отложив шлем и металлические перчатки, он сел рядом с девушкой, взяв ее за руку. Он смотрел в сторону, пока врачи возились с медицинскими приборами. Судя по их спокойному тону, ничего серьезного пока не обнаружилось.

— Как вас зовут? — спросила девушка. Ей уже успели наложить повязку на голову. Красивая тонкая ладонь не выпускала руку Митча.

— Митчел Спейн.

Теперь, присмотревшись к ее лицу, он уже не спешил уйти.

— А как вас зовут?

Она нахмурилась.

— Я... не могу вспомнить.

За дверью в лазарет послышались шаги, голоса, и сквозь кордон протестующих врачей в карантинную ворвался главнокомандующий Карлсен. Он подошел к Митчу, но, кажется, не обратил на капитана десантников никакого внимания.

— Крис, — прошептал он. — Слава богу.

В глазах его влажно блестели слезы.

Леди Кристина де Дульчин посмотрела на Йохана Карлсена, ее лицо жалко сморщилось, и она закричала, как от невыносимого ужаса.

— Хорошо, капитан. Теперь расскажите, как вы ее нашли.

Митч начал рассказывать. В аскетически скромной каюте Карлсена они были одни. Бой кончился, берсеркер превратился в безвредную металлическую скорлупу размерами с небольшой астероид. Других пленных на борту не оказалось.

— Они специально послали корабль с Крис нам навстречу, — выслушав Митча, сказал Карлсен. — Мы немного опередили события. Мы атаковали раньше, чем берсеркер успел выстрелить капсулу с нею внутри.

Митч молчал.

Усталые покрасневшие глаза Карлсена пристально смотрели на него.

— Они воздействовали на ее сознание, поэт. Понимаешь? Вторглись в ее мозг. Это возможно, особенно если не противоречит естественным первоначальным чувствам и мыслям человека. Я понимаю, она никогда не любила меня и согласилась на брак только из-за политических соображений... А теперь она кричит от ужаса, стоит лишь произнести мое имя. Врачи говорят, что не исключена возможность... берсеркеры могли напустить на нее андроида с моей внешностью, и он сделал с ней что-нибудь... других людей она в определенной степени может терпеть. Но нужен ей только ты. Она хочет быть только с тобой, поэт.

— Я слышал, она плакала, когда я ушел, но я...

— Естественная вещь. Любитель человека, который ее спас. Машины запрограммировали ее мозг, и счастье теперь прочно связано с личностью спасителя.

Врачи уверяют, что такие вещи возможны. Ей вводят транквилизаторы, но даже во сне она шепчет твое имя. Что ты думаешь обо всем этом?

— Сэр, сделаю все, что в моих силах. Что я должен делать?

— Успокой ее, что же еще. Я не хочу, чтобы она страдала, — крикнул Карлсен. — Будь рядом с ней, избавь ее от боли!

Он взял себя в руки.

— Ступайте. Врачи вас отведут. Ваша амуниция будет доставлена с "Солнечного пятна" на флагман.

Митч молча поднялся. Он хотел сказать что-нибудь, но не находил слов. В голове вертелись жалкие стертые фразы. Он только кивнул и вышел.

— Мы даем вам последний шанс присоединиться, — сказал венерианин, посмотрев сначала в один, потом в другой конец тускло освещенного коридора. Хемпфил и господин Сальвадор беседовали в обычно безлюдной служебной части флагмана.

— Нашему терпению есть предел, и очень скоро мы нанесем удар. Теперь, когда на борту эта девка, де Дульчин, да еще в таком состоянии, Карлсен вдвойне не годится в командующие.

В кармане венерианина, очевидно, лежал портативный глушитель. Мультисоническая вибрация вызывала у Хемпфила отвратительный зуд в зубах. Так же, как и сама личность этого венерианина.

— Нравится нам Карлсен или нет, но заменить его некем, — сказал Хемпфил, чувствуя, что и его терпению скоро наступит конец. — Вы еще не поняли, что берсеркеры стремятся устранить его любыми средствами? Включая и дьявольский ход с его невестой. Они пожертвовали одним новеньким кораблем, чтобы доставить ее к нам. Это психологическая атака.

— Если это так, их план сработал. Теперь Карлсен в состоянии думать только о своей невесте и сопернике-марсианине.

Хемпфил вздохнул.

— Не забывайте, он отказался выступить раньше времени для того, чтобы попытаться вырвать Кристину из лап берсеркеров на Атсоге. Пока он ни в чем не проявил слабости. И до момента, когда мы убедимся, что Карлсен действительно не в состоянии командовать, вам лучше забыть о заговорах и интригах против него.

Сальвадор отступил на шаг, зло сплюнул на палубу. Слишком демонстративно, отметил про себя Хемпфил.

— Подумай о себе, землянин! — прошипел Сальвадор. — Дни Карлсена сочтены и вместе с ним дни его союзников, особенно таких преданных!

Он развернулся на каблуках и зашагал прочь.

— Погоди! — тихо сказал Хемпфил.

Венерианин остановился, потом, с подчеркнутой неохотой, обернулся. Хемпфил нажал на спуск своего лазера и прошил сердце венерианина. Выстрел треснул сухо, как далекая молния в жаркую погоду.

Хемпфил потрогал упавшего носком ботинка, приготовившись на всякий случай сделать второй выстрел.

— Язык у тебя был хорошо подвешен, — рассудительно сказал он. — Но ты

был чересчур хитер, чтобы командовать битвой с машинами. Искренности тебе не хватало.

Он быстро обыскал убитого и к собственному удовольствию обнаружил список с фамилиями офицеров. Некоторые были подчеркнуты, около других, включая его собственную, стояли вопросительные знаки. Нашлись и другие документы, относящиеся к заговору. Теперь улик было достаточно, чтобы арестовать ядро заговорщиков. Это может расколоть флот, но...

Хемпфил вздрогнул, рука потянулась к пистолету. Но к нему направлялся его собственный помощник, один из тех, что были расставлены в коридорах рядом.

— Все это будет немедленно доставлено главнокомандующему. — Хемпфил помахал бумагами. — Мы успеем убрать предателей и перестроить цепи командиров.

Он задержался еще на несколько секунд, глядя на труп господина Сальвадора. Заговорщик был слишком уверен в себе, но его схема могла сработать. Неужели Карлсену действительно помогает удача? Главнокомандующий не отвечал идеалу полководца в представлении Хемпфила. Ему не хватало стальной холодной безжалостности машин. Но эти проклятые машины идут на большие жертвы, чтобы выбить Карлсена из кресла командующего силами людей.

Пожав плечами, Хемпфил быстро зашагал прочь.

— Митч, я люблю тебя, на самом деле. Я слышала, что говорили врачи, но что они могут обо мне знать?

Кристина де Дульчин, облаченная в простой голубой халат, с тюрбаном на голове, полулежала в роскошном амортизационном кресле. Фактически эта каюта была спальней главнокомандующего, но Карлсен ею не пользовался, предпочитая жить в небольшой каюте.

Митч сидел в метре от нее, опасаясь дотронуться хотя бы до ее руки, страшась собственной реакции и того, что могла бы сделать она. Они были одни, и можно было сказать, что их никто сейчас не видел и не слышал. Леди Кристина потребовала заверений в отсутствии подслушивающих устройств, и Карлсен дал слово. К тому же на каком корабле станут монтировать шпионящие устройства в каюте главнокомандующего?

Ситуация — из комедии, скорее, даже фарса. Но только если самому не приходится быть участником спектакля. И еще за стеной человек, под началом которого двести с лишним боевых кораблей и от которого зависит, если он проиграет надвигающуюся битву, исчезнет ли жизнь на обитаемых планетах через каких-нибудь пять лет.

— Но ты ничего не знаешь обо мне, Крис, — сказал он.

— Я знаю одно: жизнь для меня — это ты. Митч, пойми, уже не остается времени играть в салонную даму, кокетничать, краснеть, — все это я проделывала не один раз. Но это все скорлупа, шелуха... Я согласилась стать женой Карлсена по политическим мотивам. Но все это кончилось вместе с Атсогом.

Ее пальцы судорожно смяли голубую ткань халата. Митчу пришлось взять ее ладонь в свою, чтобы успокоить.

— Крис, Атсог остался в прошлом.

— Для меня Атсог навсегда в настоящем. Навсегда. Я вспоминаю и вспоминаю... Митч, машины на наших глазах живьем содрали кожу с генерала Брадина. И я видела все это. Я теперь не могу думать о всяких глупостях, вроде политики. Жизнь слишком коротка. И я теперь больше ничего не боюсь, если только ты меня не бросишь...

Митч молчал. Он чувствовал жалость. И одновременно он хотел обладать этой женщиной. И еще он испытывал десяток других стремлений, противоречивых и сводящих с ума собственной противоречивостью.

— Карлсен хороший человек, — сказал он наконец.

Кристина вздрогнула.

— Полагаю, хороший, — сказала она натянуто. — Митч, но я ведь не безразлична тебе? Скажи правду... Если ты меня не любишь, то когда-нибудь потом сможешь полюбить. — Она слабо улыбнулась, подняла руку. — Когда отрастут эти глупые волосы.

— Глупые волосы. — Он проглотил комок в горле, хотел погладить ее по щеке, но отдернул пальцы, как от огня. — Крис, ты девушка Карлсена, и сейчас слишком многое зависит от него.

— Я никогда не была его.

— Но я... я не могу лгать тебе. И может, не могу сказать всю правду о том, что я чувствую. Скоро начнется сражение, и я чувствую, словно я завис в воздухе, как парализованный. Сейчас невозможно строить планы... — Он беспомощно развел руками.

— Митч, — мягко сказала Кристина. — Тебе сейчас плохо, правда? Главное, не волнуйся. Я постараюсь вести себя хорошо. Ты позовешь врача? Когда я знаю, что ты где-то рядом, я могу заснуть.

Карлсен несколько минут разглядывал бумаги, найденные Хемпфилом у господина Сальвадоре. Он был похож на человека, решающего шахматную задачу. И он не выглядел удивленным.

— Я подготовил несколько надежных людей, — первым заговорил Хемпфил. — Они готовы. Мы можем быстро и без шума арестовать главарей этого... заговора.

Голубые глаза вопросительно смотрели на него.

— Хемпфил, вы уверены, что другого выхода не было? Я имею в виду Сальвадора.

— Боюсь, что да, — вкрадчиво сказал Хемпфил. — Я увидел, как он потянулся за пистолетом...

Карлсен принял решение.

— Коммодор Хемпфил, выберите четыре корабля и совершите разведвылазку к дальнему краю туманности. Мы должны определить, где сосредоточился враг, чтобы не дать ему занять позицию между нашим флотом и Солнцем. Действуйте осторожно, нам достаточно знать расположение основных сил берсеркеров.

— Я понял, — кивнул Хемпфил: — рекогносцировка была разумной операцией.

Кроме того, если Карлсен желает самостоятельно разделаться с против-

никами внутри флота, то пусть поступает, как считает нужным. Хемпфелу методы Карлсена часто казались недостаточно жесткими и просчитанными, но тем не менее целей своих он всегда добивался. И если проклятые машины так не любят Карлсена, Хемпфил будет поддерживать главнокомандующего до последнего.

А что еще имело значение в этой несчастной Вселенной? Сломать хребет дьявольским машинам — и точка.

Митч каждый день проводил несколько часов с Крис. Он держал ее в неведении относительно диких слухов, распространившимся по кораблям флота. Странная смерть Сальвадора, охрана, охрана, вдруг поставленная у каюты главнокомандующего. Поговаривали, что адмирал Кемал вот-вот начнет бунт.

Туманность Каменный Край закрывала уже половину звезд по курсу флота эбеново-черными завитками и хлопьями скоплений, словно останками взорвавшихся планет. Внутри Каменного Края нормальная навигация была невозможна: каждый кубический километр был нашпигован твердой материей, препятствовавшей сверхсветовому полету или перемещению в нормальном пространстве с эффективной скоростью.

Флот направлялся к дальнему, четко очерченному краю туманности, за которым исчез разведотряд Хемпфила.

— С каждым днем она становится спокойнее, — сказал Митч, входя в скромную каюту главнокомандующего.

Карлсен, сидевший за рабочим столом, поднял голову. Перед ним лежал листок с венерианскими иероглифами, кажется, список фамилий.

— Спасибо за добрую весть, поэт. Она вспоминает обо мне?

— Нет.

Их взгляды встретились: глаза нищего и безобразного циника и глаза могущественного и красивого верующего.

— Послушай, поэт, — сказал вдруг Карлсен, — как бы ты поступил со смертельными врагами, если бы они оказались в твоей власти?

— Считается что мы, марсиане, люди вспыльчивые, любим жестокость. Я должен вынести сам себе приговор?

Кажется, Карлсен сначала не понял.

— Что? Да нет же, я говорю не о... Крис, не о вас и не о себе. Нет. Это не личное. Я, кажется, просто задумался и произнес вслух...

— Тогда спросите Бога, ведь вы верующий. Кажется, Бог велит прощать врагов?

— Велит, — кивнул Карлсен. Потом добавил задумчиво: — Знаешь, он очень много от нас требует. Очень много.

Ощущение было необычное. Митч впервые видел настоящего, искреннего верующего.

Да и самого Карлсена он таким раньше не видел, ожидающего знака, пассивного. Словно в самом деле существовала некая Цель, Предназначение, скрытое до поры вне пределов обычного человеческого сознания. И теперь Карлсен ждал просветления. Если...

Нет, это все мистическая чушь, решил Митч.

Прогудел коммуникатор. Митч не слышал слов, но видел реакцию главнокомандующего по его лицу. Энергия и грандиозная сила уверенности в собственной правоте возвращались к Карлсену. Это напоминало включение атомной горелки: сначала мягкое свечение, но потом...

— Да, — сказал Карлсен. — Вы хорошо справились.

Потом он взял со стола бумаги венерианина. Казалось, он понял их не прикосновением руки, а они сами взлетели, повинуясь приказу его воли.

— Сообщение от Хемпфила, — мимоходом сказал он Митчу. — Флот берсеркеров сосредоточился непосредственно за краем туманности. По оценкам Хемпфила, их около двухсот и они не подозревают о нашем приближении. Мы начинаем атаку немедленно. Пусть ваши люди займут боевые посты. С нами Бог! — Карлсен повернулся к коммуникатору: — Адмирала Кемаля ко мне, сейчас же. Вместе с ним я хочу видеть... — Карлсен бросил взгляд на список заговорщиков и продиктовал несколько фамилий.

— Удачи, сэр, — сказал Митч после некоторой паузы. Уже на пороге каюты он успел заметить, как Карлсен опускает список заговорщиков в дезинтегратор мусора.

Сигналы сирен зазвучали раньше, чем Митч достиг каюты. Он облачился в бронекостюм и по вдруг ставшими тесными коридорам направился на мостик. Внезапно ожили динамики оповещения:

— ...за все нанесенные нами обиды словом или делом, или бездействием я прошу нас простить. И от имени всякого, кто может назвать меня другом или вождем, я объявляю: все нанесенные вами обиды с этого момента будут вырваны с корнем из нашей памяти... — Это был голос Карлсена.

В переходе, где только что царила предбоевая суматоха, вдруг повисла тишина. Митч обнаружил, что смотрит прямо в глаза здоровенному венерианину в форме корабельной полиции, очевидно, телохранителю какого-нибудь офицера.

В динамике оповещения раздался голос адмирала Кемаля:

— Мы... мы, эстильцы и венериане — братья отныне! С этого момента мы едины, жизнь против берсеркеров! Гибель проклятым машинам, смерть их строителям! Не забудем Атсог!

— Не забудем Атсог! — вторил адмиралу голос Карлсена.

Тишина в коридорах напоминала последнюю секунду перед ударом волны цунами, уже нависшей и готовой вот-вот обрушиться. И она обрушилась. Митч сам не понимал, что он кричит, он только чувствовал навернувшиеся на глаза слезы.

— Не забудем генерала Брадина! — крикнул венерианин-полицейский, обнимая Митча и поднимая в воздух вместе с бронекостюмом. — Смерть его убийцам!

— Смерть убийцам!

Клич прокатился по коридорам, как волна жидкого пламени. То же самое, совершенно очевидно, сейчас происходило и на других кораблях. Больше не оставалось времени на интриги, только на общую славу или общую гибель.

— Гибель проклятым машинам!

Мостик размещался почти в самом центре массы корабля. Это было лишь

возвышение с кругом кресел. Каждое кресло окружалось скоплением панелей, пультов и экранов.

— Координатор абордажа готов, — отрапортовал Митч, пристегивая ремни.

Трехмерный экран-сфера в центре мостика демонстрировал продвижение флота людей. Корабли шли двумя линиями, по сотне в каждой. Каждый корабль обозначала зеленая точка, позиция которой с максимально возможной для корабельного компьютера точностью соответствовала реальной. Завитки и вздутия туманности Каменный Край перемещались вдоль боевых порядков флота серией стремительных коротких толчков. Флагман сейчас шел в режиме сверхсветовых микропрыжков, и поэтому изображение в сфере-демонстраторе состояло из серии неподвижных картин, чередуемых с интервалом в полсекунды. Четыре более жирные зеленые точки сильно отставали от основной массы флота. Это были венерианские крейсеры с тяжелыми сверхсветовыми пушками, новым оружием людей.

Митч слышал чей-то голос в наушниках:

— Примерно через десять минут можно ожидать...

В пространстве демонстратора появилась зловеще-красная горящая точка, за ней другая, еще десяток. Как крошечные солнца, выплывали корабли берсеркеров из-за вздутия туманности Каменный Край. Очевидно, разведпатруль Хемпфила был в конце концов замечен, потому что берсеркеры шли в атакующем строю. Сотня или даже больше красных точек образовала боевую сеть, и вдруг в демонстраторе возникла вторая сеть, а из черной туманности продолжали выползать красные точки, строя третью боевую сеть, чтобы охватить и сокрушить линии флота людей.

— По моим оценкам, у берсеркеров три сотни кораблей, — сказал чей-то противно-педантичный голос. Раньше один только такой численный перевес мог лишить человечество последних надежд, но сейчас, в эту минуту, страх уже никого не мог остановить.

В наушниках Митча гремели боевые команды. Ему самому пока оставалось только наблюдать.

Шесть больших зеленых точек отставали теперь еще больше: ни секунды не колеблясь, Карлсен бросал флот прямо в центр вражеского строя. Люди недооценили силу врага, но и командование флота берсеркеров, кажется, сделало аналогичную ошибку, потому что красным точкам пришлось перегруппироваться, расширить сети.

Дистанция между кораблями была еще слишком велика для эффективного применения бортового оружия, зато дальнобойные сверхсветовые пушки шести венерианских крейсеров могли спокойно вести огонь прямо сквозь строй флота людей. Их залп заставил на миг сжаться само пространство, хотя это был лишь вторичный эффект распыленной энергии, зарегистрированный мозгом Митча. Сверхсветовой снаряд выстрелил на безопасное расстояние от корабля-пушки, включал собственный двигатель и мчался к цели, то появляясь, то исчезая из нормального пространства, как пущенный над поверхностью тихого пруда гладкий плоский камешек.

Масса такого снаряда, увеличенная во много раз скоростью, проносилась сквозь строй зеленых точек, словно фантом, и выныривала в обычное простран-

ство только у самой цели уже в виде волн Де-Бройля, когда фазовая сверхсветовая скорость внутренне выворачивает наизнанку саму материю.

Казалось, не прошло и секунды с момента, когда Митч почувствовал призрачное появление снарядов, как одна из красных точек распухла и распустилась в крохотное розовое облачко. Кто-то ахнул. Несколько мгновений спустя заработали огневые батареи флагмана, лазеры и ракетные установки.

В центре враг остановился, примерно в двух миллионах миль от флагмана, но фланги неудержимо надвигались, как нож гигантской мясорубки, угрожая окружением первой линии кораблей.

Карлсен не колебался ни секунды. Флот людей устремился прямо в пасть ловушки.

Само пространство вокруг Митча вибрировало и волновалось. Огонь вели все корабли флота. Красные и зеленые точки в демонстраторе начали исчезать, но пока потери с обеих сторон были незначительны.

Темп сражения вышел за пределы человеческих возможностей, и голоса в шлемофоне немного успокоились. Теперь бой будут вести компьютеры, верные слуги Жизни, против слуг Антижизни хладнокровно, без страха и понимания, что происходит.

Фрагменты боя с калейдоскопической скоростью сменяли друг друга в сфере демонстратора. Распухающая красная точка вражеского корабля только что была в миллионе миль, но вдруг оказалась в два раза ближе, в следующий миг — на старом месте. На самом деле прыжки совершал флагман, то исчезая, то выныривая в нормальное пространство, не прекращая бешеного огня по противнику. Наконец, флагман вышел на курс тарана.

Теперь в сфере демонстратора возникла не просто красная точка, а мрачный черный силуэт недруга, словно нависший, безумно накренившийся замок великанов, затмивший звезды по курсу. Сто миль, пятьдесят. Скорость приближения снизилась до мили в секунду. Враг, как и ожидалось, на максимальном ускорении уходил от тарана. Митч в последний раз проверил ремни, латы, оружие. Крис, твой кокон должен выдержать. Берсеркер распух, закрыл всю сферу демонстратора. Относительно мелкий берсеркер, всего раз в десять больше флагмана. Но в любом случае у этих космических гигантов имелись слабые места, старые раны, только затянутые свежей броневой кожей. Удирай, удирай, механическое извращение, но тебе теперь не уйти!

Ближе, все ближе... Таран!

Погас свет, появилось ощущение падения, секунды тянулись как века...

Удар. Несмотря на обивку кресла и внутреннюю амортизацию лат, Митч получил пару хороших синяков. Одноразовый нос-таран уже, должно быть, испарился, поглощая часть энергии удара.

Когда гром столкновения затих, стал слышен скрежет металла, свист убегающего воздуха, всхлипы и вздохи разорванных трубопроводов.

Флагман на половину длины корпуса вошел в тело берсеркера. Не самый удачный таран, но на мостике никто не был ранен. Контроль повреждений доложил, что пробоины невелики и уже заделываются. Канониры сообщили, что пока не могут выдвинуть пушечную турель. Машинный зал был готов включить двигатели на полную мощность.

Двигатели!

Корабль заерзал внутри им же нанесенной берсеркеру раны. Возможно, победа окажется легкой, если они смогут выпотрошить врага, выпустить в космосе его металлические внутренности. На секунду воображение Митча было парализовано, когда он вообразил мощь созданных человеком двигателей.

— Бесполезно, командир. Мы засели прочно.

Берсеркер выдержал. И уже наверняка его стратегический центр выдает вариант за вариантом плана ответной атаки, без страха и жалости.

Капитан корабля посмотрел на Карлсена. Снаружи кипел ад огненных энергий, и никакая нормальная связь была невозможна. Карлсен больше не мог управлять битвой, впрочем и берсеркеры не могли соединить центральные компьютеры своих кораблей в единый мозг.

— Принимайте командование, — сказал Карлсен капитану корабля. Подавшись вперед, главнокомандующий всматривался в померкшую сферу демонстратора, пытаясь понять, что представляют собой изредка мелькавшие в ней огоньки.

Капитан тут же отдал приказ высаживать абордажную команду.

Митч смотрел, как его люди покидают абордажные лазы. После секундного размышления (ждать было хуже, чем действовать) он обратился к капитану:

— Сэр, прошу разрешения присоединиться к десанту.

Карлсен словно не слышал. Он полностью передал бразды правления в руки капитана.

Капитан же ответил не сразу. Координатор был нужен на мостике, но во время абордажной схватки будет отчаянно не хватать опытных людей.

— Хорошо. Сделайте все возможное, чтобы отбить контратаку.

Берсеркер бросил на таранивший его флагман орду солдат-роботов. Отделения десантников почти не успели отойти от вонзившегося в тело берсеркера корпуса, а уже некоторые из них были отрезаны нападавшими.

В узком зигзагообразном коридоре лаза, за которым кипела самая жаркая схватка, Митча встретил человек в латах.

— Капитан Спейн? Я сержант Брум, исполняю обязанности командира обороны. Мостик передал, что теперь командовать будете вы. Нам немного тяжело приходится. Канониры все еще не могут разобраться с турелью. Железки катят волнами, не дают ни минуты передышки.

— Выходим.

Оба поспешили наружу через лаз, превратившийся в щель. Корпус флагмана в этом месте изогнулся, как лезвие меча, воткнувшегося в слишком прочную броню.

— Сейчас разберемся, — наконец преодолев лаз, сказал Митч. Где-то мерцали вспышки, светился раскаленный металл, и в этом неверном свете можно было различить могучие балки, словно многоэтажные дома, среди которых застрял флагман.

Сержант показал, в каком направлении ушло его отделение. Около сотни десантников сейчас вели бой в лабиринте хаотически разорванного металла и дрейфующего в невесомости железного мусора.

— Железки не стреляют. Они накатывают волнами и вступают в рукопашную. В последней атаке мы потеряли шестерых.

Из глубоких шахт поднимались облака газа и пузыри какой-то жидкости, металл вздыхал и вибрировал. Умирает ли проклятая машина или, наоборот, готовится к решительной схватке, сказать было нельзя.

— Кто-нибудь вернулся из остальных отделений?

— Нет. Похоже, они застряли.

— Говорит канонирная, раздался в наушниках жизнерадостный голос. — Нам удалось выставить одну турель. По восьмидесятому градусу.

— Тогда стреляйте, чего ждете, — проскрежетал Митч. — Мы же внутри у него, во что-нибудь попадете.

Минуту спустя раздвинули заслонки на специальных нишах в корпусе флагмана, и оттуда ударили прожектора.

— Они опять катят! — завопил Брум.

Метрах в трехстах впереди, за расплавленным носом корабля, показалась цепочка силуэтов. В свете прожекторов стало ясно, что это не десантники в латах. Митч не успел открыть рот, чтобы выяснить, чего ждут канониры, когда заработала турель, поливая наступающие машины дождем разрывных снарядов.

Но машины шли цепь за цепью, как волны, карабкаясь, прыгая, ползком. Десантники открыли отчаянный огонь.

Митч, совершая длинные легкие прыжки, обходил десантников, совершая, если нужно, перегруппировки.

Если что, отходите! — приказал он по командирскому каналу. — Но не допускайте их к абордажным лазам.

Его людям сейчас приходилось иметь дело не с сервомеханизмами типа сварочных или трубочистов. Эти машины были специально для боя.

Откуда-то на перехват Митчу полетела массивная цепь. Он перебил ее двумя выстрелами. На синем хвосте реактивного выхлопа миниатюрных двигателей на него устремилась металлическая бабочка. Митч потратил четыре разряда, но в нее не попал.

Митч направился обратно к лазу, по пути вызвав Брума.

— Брум, как у вас дела?

— Трудно сказать, капитан. Вызываю командиров отделений, повторяю, вызываю командиров...

Бабочка атаковала еще раз, и Митч разрезал ее лучом лазера. Возле лаза со всех сторон молниями сверкали выстрелы. Митч чувствовал, что битва снаружи, в пространстве, тоже была в разгаре: призрачные щупальца боевых энергий дрожью пронизывали металл и он ощущал их присутствие даже сквозь изоляцию бронекостюма.

— Вот они... Эй, осторожно, девятка по циферблату.

Девятка? Это атака прямо на лаз. Митч нашел надежную опору между двумя листами брони, клином вставил ногу, поднял карабин. Многие из атакующих машин на этот раз несли броневые щиты. Митч выстрелил, перезарядил, выстрелил опять.

Единственная стреляющая турель не прекращала огня. Свет прожектора

пятном полз вдоль цепи надвигающихся роботов, сопровождаемый ливнем снарядов. В вакууме бой происходил беззвучно. Автоматические пушки турели были значительно мощнее ручного оружия десантников. Одного попадания было достаточно, чтобы робот превращался в тускло светящееся облако осколков. Но вдруг машины появились на самом корпусе флагмана, напав на турель с тыла.

Митч отдал быстрый приказ по радио и поспешил в сторону турели. Каким-то образом он вдруг оказался среди боевых роботов. Они окружили его со всех сторон. Два робота схватили десантника в клешнеподобные манипуляторы и пытались разорвать. Митч быстро выстрелил и, попав в ногу одного робота, отстрелил ее.

Секунду спустя один из роботов-крабов полетел прочь от удара снаряда из турели. Но один робот взялся за Митча серьезно.

Эта машина была бронирована не хуже космокрейсера. Она стремительно приближалась, ловко преодолевая препятствия, отбрасывая манипуляторами дрейфующие осколки. Митч разрядил карабин в киберцентр краба, но машина продолжала тянуть к нему серебристо сверкающие в луче нашлемного прожектора клешни.

Митч выхватил лазерный пистолет, увернулся, но машина обладала ловкостью кошки. Она поймала Митча за левую руку и шлем. Жалобно заскрипел металл. Митч ткнул стволом лазера в киберцентр краба, нажав на спуск. Он и краб плыли в невесомости, роботу не хватало точки опоры, чтобы сокрушить латы Митча, но держал он десантника мертвой хваткой.

Контейнер киберцентра, пистолет и пальцы перчатки светились тускло-красным. В лицевой щиток плеснуло чем-то расплавленным, теперь он плохо видел. Батарея лазера сгорела, ствол намертво приварился к металлу краба.

Левая перчатка поддалась усилию клешни.

...его рука!

Автоматически сработали зажимы и аптечка бронекостюма, перекрывая разорванные вены и артерии, вводя в руку анестизирующий наркотик. Обожженной правой рукой Митч потянулся за пластиковой гранатой.

Клешня краба отпустила покалеченную левую руку Митча. Рука одеревенела. Краба трясло, как в агонии. Митч взмахнул рукой, пришлепнул гранату на киберцентр краба. Потом напряг ноги, стараясь вырваться из нового захвата клешней. Перегруженные сервомоторы костюма жалобно завыли. Секунда, две, три...

Взрыв поверг его в шок. Когда Митч пришел в себя, он плыл в невесомости. Что это сверкает там? Где же лаз... Он должен найти лаз, нужно отбить атаку...

Постепенно мысли прояснились. Митчу казалось, что два твердых пальца больно упираются в грудь. Хорошо, если это только реакция на рану в руке. Из-за металла, застывшего на смотровом щитке шлема, почти ничего не было видно, но Митчу удалось разобраться, где находится корпус флагмана. Мимо, лениво вращаясь, проплыл какой-то обломок, и Митч воспользовался им как транспортным средством. Пока он плыл в сторону абордажного лаза, он приготовил новую обойму и только потом заметил, что потерял карабин.

Вокруг лаза пространство было усеяно осколками и обломками раздроблен-

ных механизмов, висевших, как туман. Десантники вели огонь, куда-то в черную рваную каверну. В неверных вспышках Митч узнал бронекостюм Брума. Сержант помахал ему рукой.

— Капитан, они повредили турель и большую часть прожекторов. Но мы почти всех перебили. Как рука?

— Как дерево. Лишний карабин найдется?

— Карабин?

Брум плохо слышал Митча. Естественно, проклятый краб повредил передатчик шлема. Митч прижал шлем к шлему Брума и громко сказал:

— Остаешься за старшего. Я иду в корабль. Если смогу, вернусь.

Брум кивнул и с тревогой проводил Митча взглядом до самого лаза. Вспышки выстрелов замелькали чаще, но два тупых пальца все сильнее и сильнее давили на грудь и Митч ничего не мог сделать. Голова слегка кружилась. Он вернется? Кого он хочет обмануть? Хорошо еще, если он самостоятельно доберется до врачей.

Он протиснулся в лаз, потом, мимо ниш внутренней охраны, в воздушный шлюз. Ему тут же поспешили на помощь.

Я еще жив, подумал Митч. Вокруг суетились люди, вспыхивали какие-то яркие огни. Обрубок ладони замотали в белые бинты. И еще одну вещь он заметил: призрачные волны космических залпов больше не тревожили пространство. Потом, совершенно внезапно, он понял, что его вывозят из операционной, мимо спешили радостно оживленные люди. Митч был так слаб, что не мог даже собраться с мыслями и задать кому-нибудь вопрос, хотя он успел сообразить (судя по доносившимся до него обрывкам фраз), что к атаке на берсеркера присоединился еще один корабль.

Носилки с Митчем были оставлены в помещении возле мостика, наскоро переделанном в палату для раненых. Раненых было много. Все были надежно привязаны, у всех имелись дыхательные шланги на случай повреждения систем гравитации и снабжения воздухом. Повсюду Митч замечал признаки боя. Откуда? Здесь, в глубине корабля, возле мостика? Ведь они отстояли абордажные лазы...

Корпус флагмана завибрировал.

— Мы вырвались, — сказал кто-то рядом.

На какое-то время Митч потерял сознание. Когда он пришел в себя, то увидел множество входящих на мостик людей. У всех были такие лица, словно они явились на какой-то торжественный зов. У многих было с собой оружие, другие несли самые странные с точки зрения Митча предметы книги, шлемы, аптечки, бутылки, подносы с едой. Здесь даже были дети, спасенные, очевидно, из плена берсеркеров.

Митч приподнялся на правом локте, не обращая внимания на тупую боль в забинтованной груди и на волдыри ожогов на правой руке. И все же за спинами людей он не видел кресел управления мостика.

По всем коридорам шли мужчины и женщины, счастливые, залитые включенным на полную яркость освещением.

Примерно час спустя Митч проснулся опять. На этот раз он обнаружил переносную сферу-демонстратор, установленную неподалеку. На фоне уголь-

но-черной туманности Каменный Край тускло светилась новая туманность: облако остывающих металлических газов. Кое-где рубиново мерцали более горячие сгустки-ядра.

Рядом с митчем кто-то усталым голосом диктовал в рекордер:

—... мы потеряли пятнадцать кораблей и около восьми тысяч человек. Повреждения получили практически все наши корабли. Мы оцениваем потери берсеркеров в девяносто, повторяю, девяносто кораблей. По последним данным, на абордаж было успешно взято сто семьдесят шесть. В это до сих пор трудно поверить. В этот исторический момент... мы не должны забывать, что около тридцати берсеркеров смогли бежать и продолжают оставаться так же смертельно опасными, как и всегда. Нам еще долго придется выслеживать и уничтожать их. Но флота берсеркеров больше не существует. И можно надеяться, что взятые в плен машины прольют наконец свет на их происхождение. И самое главное, освобождено около двенадцати тысяч людей, взятых берсеркерами в плен... Как объяснить наш успех? Неверующие скажут, что победу нам принесли новые, более прочные корпуса, более мощное и более дальнобойное сверхсветовое оружие, новая, неожиданная для врага тактика боя. И наши десантники оказались сильнее всех тех боевых машин, которые выслали против них монстры-берсеркеры. А главное — стоит отдать должное главнокомандующему Карлсену. Он принял решение атаковать в момент, когда его примирение с венерианами объединило и усилило флот многократно. Главнокомандующий сейчас здесь, он посещает раненых, которые лежат рядами в импровизированной палате...

Карлсен выглядел таким усталым, двигался так медленно, что Митч решил сначала, что главнокомандующий сам был ранен. Сутулясь, он медленно шел вдоль носилок, кивая, обмениваясь короткими фразами с ранеными. Возле носилок Митча он остановился, словно наткнулся на стену.

— Она погибла, поэт. — Это было первое, что он сказал.

Митчу показалось, что палуба флагмана провалилась под ним, потом вернулась на место. И он был спокоен, как если бы ожидал такого конца. Сражение опустошило его.

Устало шевеля губами, Карлсен тихо рассказал о том, что произошло. Берсеркеру удалось прогрызть корпус флагмана, и в отверстие была впущена дьявольская машина, нечто вроде ядерной торпеды с самонаводкой, запрограммированной пробить все палубы в направлении мостика и каюты главнокомандующего. Торпеду успели остановить у самого мостика и обезвредить. Но перед этим кибернетический ядерный факел прошил насквозь каюту Карлсена.

Признаки отчаянного боя, кипевшего здесь, могли бы уже заранее многое сказать Митчу. Но думать он был не в состоянии. Сначала шок, потом транквилизаторы притупили его сознание. Он практически ничего не чувствовал, только видел лицо Крис на каком-то сером фоне, как в тот первый раз, когда он спас ее из капсулы.

Спас ее.

— Я слабый, глупый человек, — говорил Карлсен. — Но я никогда не был твоим врагом. А ты?

— Нет. И ты прощаешь всех врагов. Это лучший способ от них избавиться. Теперь у тебя долго их не будет. Галактический герой. Но я тебе не завидую.

— Не завидуешь... Боже, прими и успокой ее душу.

Несмотря на горе и колоссальное напряжение последних часов, искра жизни горела в Карлсене так же спокойно и сильно, как и всегда. Только смерть была способна сокрушить этого человека. Карлсен даже пытался улыбнуться.

— Вот и сбылась вторая половина пророчества, да? Я погибну, лишившись всего, что имел.

— Все будет нормально, Карлсен. Ты переживешь собственный успех. И умрешь в мире и покое, с надеждой попасть в обещанный рай.

— Когда я буду умирать... — Карлсен медленно обвел взглядом всех собравшихся, — я буду помнить этот день. Славу и победу всех людей.

Несмотря на усталость и боль потери, он сохранял колоссальную силу убежденности. Не в собственной правоте, понял Митч, а в собственной преданности правому делу.

— Поэт, если захочешь, будешь со мной работать.

— Может быть, наступит такой день. Пока что мне хватит на жизнь премии. И меня ждет книга. Если руку восстановить не смогут, буду писать одной рукой. — Митч вдруг почувствовал страшную усталость.

Ладонь коснулась правого плеча. Голос главнокомандующего сказал:

— Храни тебя Бог.

Йохан Карлсен ушел.

Митчу хотелось только одного: отдохнуть. И взяться за работу. Мир был устроен плохо, несправедливо, и все люди — глупцы. Но были среди них и те, кого невозможно было раздавить. И об этом стоило написать.

ФРЕД САБЕРХАГЕН

«Я видел и вижу по-прежнему блестящее будущее сыновей Старой Земли, победивших космических убийц. Ибо на каждом витке человеческой цивилизации рождаются личности, презревшие личное благо, посвятившие жизнь чему-то большему в их глазах, чем они сами.

Вы можете победить, но я не говорю, что победите наверняка. Ибо в каждом поколении людей рождаются и те, что избирают путь служения темным богам».

Гладиаторы

Что-то случилось с его мозгом. Все смешалось, перепуталось, расплылось. Он не понимал, кто он, где находится, как давно все это происходит и что было до этого. И он не мог сопротивляться, даже не мог определить, нравится ему или нет все то, что происходило.

Пение тяжелым ритмом било в уши, ворчали голоса дикарей.

Трудно сказать, как долго это продолжалось. Конец пришел внезапно — исчезли давящие на сознание волны ритма, пение смолкло. Он облегченно растянулся на земле, закрыв глаза. Было совершенно тихо, если не считать его собственного тяжелого дыхания.

Тихий стук. Он открыл глаза. Рядом с ним упал короткий меч. Он находился в знакомой, мягко освещенной комнате с круглыми стенами. Стена была покрыта бесконечной фреской, изображавшей войну, жестокость и насилие в тысяче разнообразных сцен и сюжетов. В комнате был также низкий алтарь, а за алтарем — статуя воина на колеснице, с боевым топором, с искаженным в ярости бронзовым лицом.

Все это было ему знакомо, и сейчас его заинтересовал меч. Словно магнитом, его тянула к мечу некая сила, родившаяся в только что пережитых им картинах битв и разрушения. Он пополз к мечу, отметив при этом, что облачен в кольчугу, такую же, как и у статуи бога. Его рука сжала рукоять меча и влившаяся через руку энергия заставила его встать на ноги. Он посмотрел вокруг, ожидая продолжения.

В круговой фреске образовалось отверстие — дверь, и в храм кто-то вошел. На нем была простая форма, лицо — худое и суровое. Он выглядел, как человек, но не был им, потому что кровь не появилась, когда меч вошел в тело.

Испытывая бездумную радость, он раскромсал пластикового робота на дюжину кусков и остановился над останками, чувствуя отпустошение

ну кусков и остановился над останками, чувствуя опустошение и усталость. Рукоять меча стала очень горячей, ему пришлось отпустить его. Все это происходило не первый раз, повторялось опять и опять.

Дверь-фреска отворилась еще раз, но теперь вошел настоящий человек, весь в черном, с пронзительными глазами гипнотизера, полураскрытыми кустистыми бровями.

— Назови свое имя, — сказал человек в черном голосом, заставлявшим подчиниться.

— Мое имя Джор.

— А как меня зовут?

— Ты — Катсулос, — устало сказал Джор. — Из секретной полиции Эстила.

— Правильно. И где мы находимся?

— На борту "Нирваны-2". Мы должны доставить новый корабль — замок его величества Ногары — к хозяину. Потом я буду развлекать его величество — убью кого-нибудь мечом, или другой гладиатор зарубит меня.

— Реакция в пределах нормы, — отметил один из людей Катсулоса, показавшись в дверном проеме.

— Да, этот всегда ворчит, — согласился Катсулос. — Но в пределах нормы. Хороший экземпляр. Ты видел запись мозговолн? — Он протянул товарищу кусок ленты.

Они обсуждали поведение Джора, а он стоял и слушал. Они его приучили вести себя как следует. И думали, что это навсегда. Но очень скоро он их проучит. Главное, успеть, пока не слишком поздно. Джор поежился от прикосновения холодной кольчуги.

— Отведи его в камеру, — приказал Катсулос наконец. — Я буду через минуту.

Джор непонимающе смотрел по сторонам, пока его вели вниз по ступенькам. Память о только что имевшей место процедуре уже становилась смутной, и то, что он помнил хорошо, вызывало неприятное ощущение, поэтому он старался память не напрягать. Но упрямое намерение нанести ответный удар стало еще сильнее: он выберет момент и нанесет ответный удар. Он еще не знал, как, но знал, что скоро сделает это.

Катсулос, оставшись в храме, пнул ногой куски пластикового манекена, собирая их в кучу. Пластик пойдет в переработку. Он тщательно растоптал голову робота, чтобы никто не мог узнать это лицо.

Потом выпрямился, глядя в дышащее яростью бронзовое лицо Марса. Глаза Катсулоса, холодные, как лезвия ножей, вдруг ожили и потеплели.

В каюте, предназначенной для его величества лорда Ногара, еще не вступившего во владение "Нирваной-2", загудел сигнал коммуникатора.

Адмирал Хемпфил не сразу отыскал нужную кнопку на незнакомом рабочем столе.

— В чем дело?

— Сэр, курьер из Солнечной системы завершил свою миссию. Мы готовы продолжать рейс, если у вас нет каких-либо сообщений для передачи.

— Сообщений нет. Новый пассажир перешел на борт?

— Да, сэр. Соларианин, по имени Митчел Спейн.

— Я знаю этого человека, капитан. Пожалуйста, попросите его как можно скорее пройти ко мне: я хочу срочно с ним поговорить.

— Слушаюсь, сэр.

— Полицейские ищейки еще на мостике?

— В данный момент нет, сэр.

Хемпфил выключил коммуникатор, откинулся на спинку роскошного кресла-трона, из которого Фелипе Ногаре вскоре предстояло обозревать владения империи Эстил. Суровое лицо Хемпфила помрачнело еще больше, он встал: роскошь каюты действовала на нервы.

На груди Хемпфила, облаченного в аккуратную скромную форму, выделялись семь ало-черных лент. Каждая означала битву, в которой был уничтожен хотя бы один берсеркер. Других наград он не носил. Он был произведен в адмиралы Лигой Объединенных Планет — союзом по борьбе с берсеркерами, куда входили все освоенные планеты.

Минуту спустя открылась дверь каюты. Вошел невысокий мускулистый человек в штатском платье. Лицо его не отличалось приятностью черт (правдивее было бы сказать, что он был безобразен). Он с улыбкой пошел навстречу Хемпфилу, протягивая руку.

— Итак, передо мной сам адмирал высшего ранга Каменного Края. — Хемпфил слабо улыбнулся уголками рта, обойдя стол и пожимая руку гостя. — Насколько я помню, ты был капитаном десантников.

Их руки сошлись в дружеском пожатии, и оба на миг предались воспоминаниям об историческом дне великой победы. Правда, радости сейчас никто не испытывал — война опять шла плохо.

— Девять лет назад, — сказал Митч Спейн. — Ну, а теперь я корреспондент агенства "Солар Ньюз". Меня послали взять интервью у Ногары.

Митч обвел мундштуком трубки каюту.

Покой и надежность, словно они на непоколебимом граните планеты. Ничто не выдавало работы самых мощных двигателей, когда-либо построенных сыновьями Старой Земли, мчавших "Нирвану-2" к краю Галактики со скоростью, многократно превосходящей световую.

Хемпфил принял замечание как намек. Подавшись слегка вперед, он сказал:

— Это меня не заботит. Меня волнует другое: как этот корабль будет использован.

После сражения у Каменного Края левая рука Митча состояла в основном из биопротезов. Сейчас он пластиковым пальцем придавил мандариновый огонек в трубке.

— Ты имеешь в виду развлечения на борту? По дороге в эту каюту я заметил мельком арену для гладиаторов. Я Ногару никогда не встречал, но, говорят, после смерти Карлсена он стал совсем плохой.

— Я не имел в виду так называемые "развлечения" Ногары. Я веду вот к чему: вполне может быть, что Йохан Карлсен все еще жив.

Митч покачал головой.

— Мы говорим об одном и том же Йохане Карлсене?

— Конечно.

— Два года назад он исчез в окрестностях гипермассы, преследуемый кораблем-берсеркером. Эти факты не соответствуют действительности?

— Полностью соответствуют, но теперь мы считаем, что его капсула вышла на орбиту вокруг гипермассы, а не упала в нее. Ты видел девушку?

— Я прошел мимо какой-то девушки, возле твоей каюты. Я подумал...

— У меня нет времени на глупости. Ее зовут Люсинда, без фамилии, такова традиция ее планеты. Она свидетель исчезновения Карлсена.

— Ах, да, я помню эту историю. Но что ты имел в виду насчет выхода на орбиту вокруг гипермассы?

Хемпфил поднялся, — так, казалось, он чувствует себя удобнее.

— Обычно гипермасса и ближайший к ней район невидимы в результате крайнего красного смещения волновых длин, вызванных притяжением гипермассы. В прошлом году ученые совершили экспедицию. Их корабль сильно уступает этому... — Хемпфил сделал паузу, словно вслушиваясь в работу безмолвных могучих двигателей, — но они смогли пробраться к гипермассе довольно близко. У них имелись новейшие приборы, длинноволновые телескопы, и они сделали снимки. Звезда осталась невидимой, но вот что они привезли...

Хемпфил вытряхнул из конверта несколько фотографий, и Митч разложил их на столе перед собой. На большинстве снимков были видны какие-то слегка изогнутые линии, темные на тускло-красном фоне.

Хемпфил стоял за его спиной.

— Вот так выглядит пространство вблизи гипермассы. Не забывай, при объеме, равном примерно солнечному, масса этой звезды в миллиард раз выше. Гравитация выкидывает штуки, которых мы пока не понимаем.

— Интересно. А из чего состоят темные линии?

— Это пыль, падавшая в гипермассу и скопившаяся вдоль силовых линий поля, как опилки вокруг магнита. Так мне объяснили.

— А где же тогда Карлсен?

Палец Хемпфила указал на крохотный кружочек, похожий на каплю воды в пыли.

— Предполагаем, это его капсула. Она летит по орбите с радиусом в сотню миллионов миль от центра гипермассы. Берсеркер, гнавшийся за ним, находится вот здесь, на той же силовой линии. Они надежно застряли. Обычные корабли туда спуститься не могут.

Митч смотрел на фотографии, но его мысли были поглощены воспоминаниями.

— И ты думаешь, он жив?

— У него был саркофаг-морозильник, он мог погрузить себя в глубокий анабиоз. Кроме того, время течет очень медленно. Период обращения у него три часа...

— Погоди! Три часа, радиус сто миллионов миль...

Хемпфил улыбнулся.

— Я же тебе говорил, мы многих вещей пока не понимаем.

— Ладно, — Митч медленно кивнул. — Значит, есть шанс? Карлсен не из тех кто сдается. Он держится до последнего, а потом изобретет способ продолжить бой.

— Да, я думаю, шанс есть. — Лицо Хемпфила снова стало суровой железной

маской. — Ты видел, как берсеркеры старались его убрать. Они боялись его до дрожи в металлических кишках, как никого другого. Хотя я и не понимал, почему... В общем, если его возможно спасти, времени почти не остается. Ты согласен?

— Конечно. Но как?

— На этом корабле. Таких двигателей еще не строили — уж Ногара о своей безопасности позаботился, будь спокоен.

Митч тихо присвистнул.

— Достаточно мощные, чтобы выйти на орбиту капсулы и вытащить Карлсена?

— Да, теоретически.

— И ты намерен попробовать прежде, чем доставишь корабль Ногаре?

— Потом, я думаю, будет поздно. Ты же знаешь, он хотел убрать Карлсена с дороги. На борту — секретная эстильская полиция, и план я держал под замком.

Митч кивнул. Он чувствовал поднимающееся приятное волнение.

— Ногара придет в бешенство, если мы спасем Карлсена, но будет поздно. А команда — они согласны?

— Я уже прощупал настроение капитана — он за меня. И будучи адмиралом Лиги Планет, я могу отдавать приказы на любом корабле, под предлогом военных действий против берсеркеров. — Хемпфил принялся шагать по каюте. — Меня волнует одна проблема — отделение полиции Ногары на борту. Они постараются помешать.

— Сколько их здесь?

— Человек двадцать. Не знаю, почему так много, но численно они нас превосходят двое к одному. Не считая пленных, от них мало пользы.

— Пленные?

— Сорок молодых мужчин. Для развлечений на арене, гладиаторское мясо.

Люсинда проводила время, бродя по коридорам огромного корабля, одинокая, не в силах обрести покой, и оказалась в переходе к центральной части, возле мостика и штаб-кают, когда впереди по коридору открылась дверь и вышли трое. Два человека в черной форме вели третьего, пленника в кольчужной рубахе.

Увидев черную форму, Люсинда гордо подняла голову и остановилась у них на пути.

— Обходите меня, стервятники, — ледяным тоном сказала она. На пленного она не взглянула. Горький опыт научил ее одному принципу: симпатия к пленникам Ногары только усиливает страдания последних.

Люди в черном остановились.

— Я Катсулос, — сказал полицейский с густыми мохнатыми бровями. — Кто ты такая?

— Когда-то моей планетой был Фламланд, — сказала она и заметила, как пленный поднял глаза. — Когда-нибудь она снова станет моим домом, освобожденная от стервятников Ногары.

Второй агент собирался что-то сказать, но локоть пленника выбил из него

воздух, клином войдя в живот. Потом пленный, секунду назад покорный, как ягненок, ударом сбил с ног Катсулоса, бросился бежать и исчез за поворотом прежде, чем секретные агенты пришли в себя.

Катсулос быстро вскочил. Выхватив пистолет, он оттолкнул Люсинду и бросился к повороту коридора. Потом она увидела, как обмякли его плечи.

Казалось, ее радостный смех нисколько не задел Катсулоса.

— Деваться ему некуда, — сказал он. Его взгляд встретился со взглядом Люсинды, и она смеяться перестала.

Катсулос выставил вооруженные посты на мостике, в машинном отделении, у всех спасательных шлюпок.

— Этот человек — Джор готов на все. Он чрезвычайно опасен, — объяснил он Хемпфилу и Митчу. — Половина моих людей ищет его непрерывно, но корабль, сами знаете, очень большой. Прошу не уходить далеко от кают, пока мы его не поймаем.

Прошел день, но Джора не поймали. Митч решил воспользоваться занятостью полиции и обследовать арену — "Солар Ньюз" будет очень заинтересована.

Взобравшись по ступенькам, он, щурясь от яркого, хотя и ненастоящего солнца, оказался под искусственным голубым земным небом. Он находился за самым верхним рядом кресел. Всего около двухсот кресел рядами опоясывали арену, отделенную наклонными кристаллическими стенами. Арена в центре стеклянистой чаши имела около тридцати ярдов в диаметре, была покрыта чем-то, похожим на песок, но было ясно, что если откажет искусственная гравитация, покрытие не взлетит пыльным облаком.

В этом цирке, современном, как и лазерный пистолет, предполагалось предаваться пороку древнего Рима. Каждая капля крови будет отлична видна с любого места. Правда, одна деталь вносила дисгармонию: на равных промежутках друг от друга за верхним рядом мест располагались домики непонятного назначения. Архитектурный стиль явно не соответствовал стилю арены.

Митч достал карманную камеру и сделал несколько снимков. Потом направился к ближайшему домику. Дверь была открыта, и он вошел.

Сначала он подумал, что наткнулся на личный гарем Ногары, но некоторое время спустя понял, что персонажи на фресках далеко не всегда изображались в сплетении любовных объятий. Здесь были мужчины, женщины, богоподобные существа, в одеждах Древней Земли или вообще без одежд. Митч, сделав пару снимков, пришел к выводу, что все изображенные на стенах сюжеты посвящались тем или иным аспектам любви, но менее всего он ожидал столкнуться с подобным здесь, как, впрочем и в любом другом месте, созданном специально для Фелипе Ногары.

Выходя из храма через вторую дверь, он миновал статую улыбающейся богини. Обнаженное бронзовое тело наполовину поднималось над зеленой сверкающей морской волной. Он сфотографировал статую и пошел дальше.

Во втором здании фрески изображали сцены охоты и рождения. Богиня в этом храме была одета довольно скромно, в ярко-зеленое, и вооружена луком и колчаном. У ног ее замерли, готовые помчаться в погоню, бронзовые гончие.

Направляясь к третьему храму, Митч обнаружил, что ноги несут его быстрее, что-то притягивало его, как магнит железную пылинку.

Где-то снаружи послышались крики, топот чьих-то ног. К кому спешит подкрепление? К нему или к Катсулосу?

— Скоро наши люди будут везде, — воскликнул Катсулос. — Сейчас мы берем корабль под контроль. С его помощью мы спасем часть нашего бога, попавшую в плен на орбите гипермассы. А зложизнь Карлсена мы отдадим Марсу, потом отдадим себя. И в нашем боге мы будем жить вечно!

Катсулос увидел лицо Митча, и рука потянулась к пистолету. В это мгновение Митч прыгнул на фанатика.

Катсулос попытался увернуться, и оба рухнули на пол. Митч видел дуло пистолета, медленно, как во сне, поворачивающееся на него, и поспешил нырнуть за ряд кресел. Выстрел разнес спинку в щепки. Секунду спустя, пригибаясь, загзагами Митч уже влетал в храм Венеры, чтобы тут же выскочить через вторую дверь. Прежде чем Катсулос успел прицелиться для второго выстрела, Митч спрыгнул, чуть не полетев кувырком вниз по лестнице.

Выскочив в коридор, он услышал выстрелы. Стреляли, кажется, где-то возле кают экипажа. Он поспешил в противоположную сторону, к каюте Хемпфила. За поворотом путь преградил агент в черном, направил ему в живот ствол пистолета, но Митч, не теряя и десятой доли секунды, атаковал, используя преимущество внезапности. Пистолет выстрелил, Митч успел ударить по руке стрелявшего и всей своей массой сбить противника с ног. Оседлав агента, Митч нанес несколько ударов в голову, кулаком и локтем, пока противник не потерял сознание. Потом, захватив пистолет в качестве трофея, Митч поспешил к двери Хемпфила, которая скользнула в сторону прежде, чем он успел постучать, и заняла свое место, едва он успел впрыгнуть в каюту.

Мертвец в черной форме сидел на полу. Вся грудь его была усеяна дырами от пуль.

— Добро пожаловать, — сухо сказал Хемпфил.

Он стоял, положив левую ладонь на консоль пульта, выдвинутого из потайного отверстия в рабочем столе. В правой руке он небрежно сжимал большой пистолет-автомат.

— Кажется, обстановка сложнее, чем мы предполагали.

Люсинда сидела в полумраке каюты, служившей Джору тайником, смотрела, как он ест. Сразу после побега Джора она принялась обходить коридоры и переходы корабля, шепча его имя, пока Джор ей не ответил. После этого она тайком приносила ему еду и воду.

Он был старше, чем ей показалось вначале, — примерно одних с ней лет, с тонкими морщинками возле настороженных глаз. Самое парадоксальное: чем больше она ему помогала, тем подозрительнее он относился к ее помощи.

Проглотив очередной кусок, Джор спросил:

— Что ты намерена делать, когда мы прибудем к Ногаре и этот корабль вывернут наизнанку, чтобы меня найти? Они меня найдут рано или поздно.

Она хотела рассказать Джору о плане спасения Карлсена. Как только Карлсен окажется на борту "Нирваны-2", Ногара будет им не страшен. Но поскольку Джор проявлял явное недоверие, она не решалась выдать ему секрет.

— Но ты же знал, что все равно поймают, — сказала она. — Зачем же убегал?

— Ты не представляешь, что это такое: быть у них пленником.

— Я знаю, что это такое.

Он не обратил внимания на возражение.

— Они меня тренировали драться на арене, вместе с другими пленными. Потом выделили, стали готовить к чему-то еще худшему. Теперь им стоит только нажать на специальную кнопку, и я начинаю убивать, как берсеркер.

— Что ты хочешь сказать?

Он закрыл глаза, забыв о еде.

— Кажется, они готовят убийство одного человека моими руками. Каждый день они отводили меня в храм Марса, доводили до умопомрачения, потом впускали робота-манекена этого человека. Всегда в одной и той же форме, с одним и тем же лицом. И я убивал его — мечом, из пистолета, голыми руками. Они нажимают на кнопку, и я теряю контроль над собой. Они опустошили мой мозг, заполнили его искусственной ненавистью. Они безумцы. Я уверен, они сами ходят в храм и перед бронзовым идолом купаются в волнах ненависти.

Раньше он так много никогда не говорил. Она не знала, правда ли это, но чувствовалось, что сам он во все рассказанное верит. Она дотронулась до его руки.

– Джор, я знаю, что это за люди. Я потому и помогаю тебе. И я видела других, со стертым сознанием. Не бойся, на самом деле они не разрушили твой мозг, и ты сможешь выздороветь.

– Они хотят, чтобы я выглядел, как нормальный человек. — Джор открыл недоверчивые глаза. — А почему ты оказалась на корабле?

— Потому что... Два года назад я встретила Йохана Карлсена. Да, того самого. Всего десять минут, но... если он еще жив, он наверняка забыл меня, но я... влюбилась в него.

— Влюбилась! — фыркнул Джор и принялся ковырять в зубах.

Или я так думала, сказала сама себе Люсинда. Глядя на Джора, стараясь понять его мрачное недоверие, она обнаружила, что не может вызвать в памяти лица Карлсена.

Джор, чьи нервы находились в постоянном напряжении, вдруг вскочил и осторожно выглянул из каюты в коридор.

— Что за шум? Слышишь? Похоже, где-то дерутся.

— Итак, уцелевшие члены экипажа забаррикадировались в каютах, — сказал Хемпфил еще более мрачным, чем обычно, голосом. — Атака не прекращается. Эти чертовы поклонники берсеркеров держат мостик, машинное отделение. Корабль практически в их руках, не считая вот этого. — Он похлопал по пульту, выдвинутому из обширного рабочего стола лорда Ногары. — Я знаю Фелипе Ногару и, когда увидел агентов полиции на борту, решил поселиться в его каюте, где наверняка должно было найтись что-то подобное.

— А что это за пульт? — сказал Митчел, вытирая руки. Он только что отволок убитого в кладовую. Катсулос совершил серьезную ошибку. Ему не следовало посылать всего лишь одного человека к адмиралу Хемпфилу.

— Полагаю, этот пульт может блокировать любые команды с мостика или

машинного отделения. С его помощью я могу открывать почти все двери и люки на корабле. А этот небольшой экран соединен с сотней потайных камер. Берсеркеры, если не выкурят нас отсюда, не смогут управлять кораблем.

— Боюсь, мы тоже мало что сможем сделать, — вздохнул Митч. — Ты не знаешь, что с Люсиндой?

— Нет. Возможно, она и Джор на свободе, но рассчитывать на них не стоит. Смотри, Спейн. — Хемпфил показал на экранчик.

— Это помещение под ареной. Если все эти камеры заняты, тогда здесь заключено до сорока пленников.

— Хорошая идея. Они тренированные бойцы и, думаю, нежных чувств к черным мундирам не должны испытывать.

— Я мог бы обратиться к ним прямо отсюда, — задумчиво сказал Хемпфил. — Но как нам их освободить и вооружить? Замки отдельных камер мне не подконтрольны, хотя я могу на время изолировать эту зону от противника. Как это все началось? Расскажи мне.

Митч рассказал Хемпфилу все, что ему было известно.

— Просто смешно. У заговорщиков был план, аналогичный нашему: захватить корабль, но спасти не Карлсена, а берсеркера. Карлсена они, естественно, хотят отдать берсеркеру. — Он покачал головой. — Полагаю, Катсулос лично отбирал сектантов для этой операции. Их, должно быть, больше, чем мы думали.

Хемпфил пожал плечами. Наверное, он хорошо понимал фанатиков в черных мундирах. Он сам был фанатик, только с другим, полярным знаком.

Люсинда теперь не отпускала Джора от себя. Как преследуемые животные, они пробирались по коридорам, которые Люсинда, пока искала Джора, успела изучить. Они обошли зону, откуда слышались выстрелы.

Джор заглянул за угол.

— Никого, — прошептал он. — Возле комнаты охранников пусто.

— Но как ты войдешь? И возможно, кто-то из стервятников затаился внутри. У тебя нет оружия.

Он беззвучно засмеялся.

— А что мне терять? Жизнь? — И затаился за поворотом.

Пальцы Митча крепко сжали ладонь Хемпфила.

— Смотрите! Это Джор! У него та же идея, что и у тебя. Скорей открой ему дверь.

Стены храма Марса были уже освобождены от большей части панелей с картинами. Два техника в черных мундирах работали с показавшимися из тайника частями механизма, а Катсулос сидел возле алтаря, наблюдая за маневрами Джора на собственном сканирующем экране. Когда Джор и Люсинда проникли в комнату охраны, Катсулос хищно подался вперед.

— Быстро, сфокусируйте на нем луч! Вскипятите ему мозги! Он перебьет их всех, а мы успеем справиться с остальными.

Два помощника принялись спешно выполнять приказ, подключая кабели и разворачивая направленную антенну. Один спросил:

— Это тот, кого готовили для покушения на Хемпфила?

– Да. Его ритм-карта в машине. Фокусируйте луч, живее!

— Освободи их и вооружи! — приказал Хемпфил с экрана в комнате охранников. — Слушайте меня, бойцы! Сражайтесь на нашей стороне, и я обещаю освободить вас, как только корабль будет под нашим контролем. И я обещаю, что с нами будет Йохан Карлсен, если он не погиб!

Обещание свободы вызвало восторженный рев пленников, а имя Карлсена — еще один взрыв восторга, не менее мощный.

— С ним мы отправимся даже на Эстил! — крикнул один из заключенных.

Луч поймал Джора в тот момент, когда он искал нужные ключи. Никто другой его не почувствовал — остальные пленники не проходили специальной обработки и были слишком возбуждены.

Джор понимал, что происходит, но был бессилен. В приступе слепой ярости он отшвырнул ключи, схватил автомат со стеллажа. Первая очередь разнесла экран с изображением Хемпфила.

Частью сознания, которая еще принадлежала ему, Джор испытывал агонию тонущего: он знал, что сопротивляться бесполезно.

Когда очередь из автомата превратила экран в осколки, Люсинда поняла, что происходит с Джором.

— Нет, Джор! Не надо! — Она упала на колени перед ним. На нее смотрело ожившее лицо Бога Войны, и ничего более страшного она в жизни еще не видела. Но она закричала в бешеное лицо Марса:

– Джор! Остановись! Я люблю тебя!

Марс засмеялся — или попробовал засмеяться, но автомат не поднялся. Джор, напрягая все силы, боролся за власть над своим сознанием и телом.

— И ты любишь меня, Джор, я знаю. Если даже они заставят тебя убить меня, знай об этом!

Джор, цепляясь за последнюю соломинку ясного сознания, почувствовал поток энергии, исцеляющий, дающий защиту от ужасного воздействия Марса. В его мозгу танцевали картины, виденные однажды в храме Венеры. Конечно же! Там должен находиться ментальный излучатель противоположного знака, и кому-то удалось его включить и сфокусировать луч.

Он сосредоточился, напрягся. Он сам не знал, что способен на такое усилие. А потом, глядя на лицо Люсинды у своих ног, напрягся еще раз.

Он воспарил над океаном темно-красной ярости, как пловец, уже задыхающийся, выныривает из волн. Он посмотрел на автомат в своих руках. Он заставил пальцы разжаться. Марс кричал, понукал, принуждал все громче, но и сила Венеры увеличивалась. Автомат упал на пол.

После того, как гладиаторы были выпущены из камер и вооружены, бой быстро кончился. Никто из сектантов не пытался сдаться.

Катсулос и двое помощников заперлись в храме Марса и сражались до последнего, включив на полную мощность излучатель ненависти, распевая свой гимн. Возможно, Катсулос еще надеялся привести атакующих в состояние самоубийственной ярости или это жертва их богу.

Какова бы ни была причина, но трое сектантов в храме испытали полный эффект на себе. Митч всякое видел в жизни, но когда они, наконец, ворвались в храм, ему пришлось на несколько секунд отвернуться.

Зато Хемпфил был удовлетворен концом культа берсеркера на борту "Нирваны-2".

— Сначала проверим мостик и машинное отделение. Потом нужно будет здесь прибрать.

Митч с радостью покинул храм, но по дороге был остановлен Джором.

— Это вы выключили контр-проектор? О чем речь?

— Но ведь должен же быть...

Митч поспешил за Хемпфилом, а Джор остался на арене, озадачено глядя на тонкие стенки храма Венеры, где невозможно было спрятать тайный излучатель. Потом он услышал голос девушки и, покинув арену, поспешил на зов.

Над ареной повисла тишина.

— Режим тревоги отменяется, — произнес голос станции интеркома, обращаясь к пустым рядам кресел. — Протокол корабля вернулся в нормальный режим функционирования. Последний вопрос был о замысле конструкции храма. В произведении Чосера относительно храма Венеры сказано:

"Мне все равно, как мы закончим борьбу:
Они меня, иль я их поборю.
Лишь деву мне бы сжать в тисках объятий!
Ведь сколь ни властен Марс, водитель ратей,
Но в небе ты владеешь большей силой.
Коль ты захочешь — завладею милой."

СОДЕРЖАНИЕ

1. Терминатор-1 4
2. Терминатор-2 160
3. Киборги-убийцы 309
4. Гладиаторы 340

ВНИМАНИЕ!

По вопросам оптовой реализации книг серии обращаться:

г.Смоленск: тел. /08122/ +9-95-80 /представитель издательства/
/08122/ +1-14-60 /домашний/

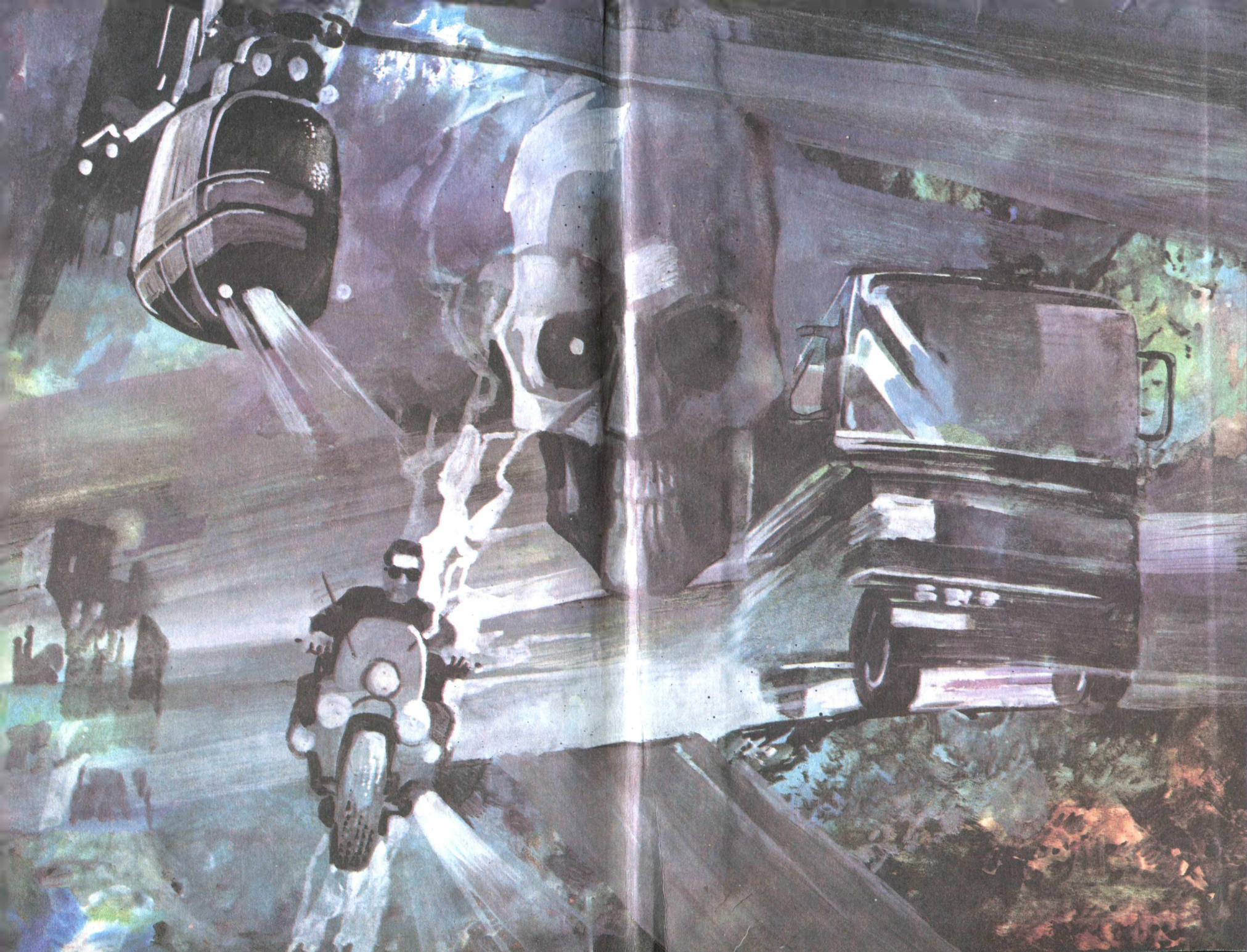
Р. Фрэйкс, В. Вишер, Ф. Саберхаген

"ТЕРМИНАТОР". /"Библиотека зарубежного крим. и прикл. романа"/. Выпуск 14. Издано при содействии Произв. фирмы "Мелор" /г. Таллинн/. Использовано издательское право СП «Норд». Москва, Садово-Триумфальная, 18/20.

Художественный редактор А. САЯПИН
Технический редактор Л. ЗАИЧКИНА

Сдано в набор 23.12.92. Подписано в печать 15.01.93. Формат 60×90 1/16. Бумага офсетная № 2. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 22. Уч.-изд. л. 22,85. Заказ № 1124. Тираж 100 000 экз. Заказное. С-1.

"Библиотека "Лооминг". EE0001. Эстония, г.Таллинн, ул.Харью, 1.
Ордена Трудового Красного Знамени Тверской полиграфкомбинат Министерства печати и информации Российской Федерации.
170024, г. Тверь, проспект Ленина, 5.

БИБЛИОТЕКА
ЗАРУБЕЖНОГО
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО
И ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО
РОМАНА

БИБЛИОТЕКА ЗАРУБЕЖНОГО КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО И ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО РОМАНА

14